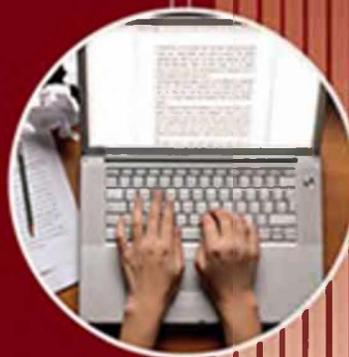

А.Д. Васильев

Игры в слова

Манипулятивные
операции
в текстах СМИ

А. Д. Васильев

Игры в слова.

**Манипулятивные
операции в текстах
СМИ**

Официальные рецензенты:

А. П. Сквородников, доктор филологических наук,
профессор

А. П. Чудинов, доктор филологических наук,
профессор

© Васильев А. Д. (текст), 2013

© ООО Центр «Златоуст» (издание, лицензионные
права), 2013

Введение

Среди функций языка нужно особо выделить ту, которую исследователи иногда считают первичной и самой главной, а именно – функцию воздействия, или манипулятивную. Многие явления социальной действительности обязаны своим возникновением вербальному моделированию, позволяющему при определенных условиях воздействовать на сознание носителей языка и регулировать их поведение так, как это выгодно владельцам и распорядителям информационных ресурсов и потоков. Так происходят, в частности, «игры в слова, замешанные на дурной политике» [Трубачёв 2004: 72], в которых нередко фигурирует «пустота, порой замаскированная туманной мыслью при помощи слов с неопределенным содержанием» [Дорошевский 1973: 46], либо за счет подмены слов (или лукавых изменений их исконной семантики) совершаются подмены понятий, функционально весьма значимые. Для правильного понимания подобных манипуляций, производимых с людьми посредством слов, необходим лингвистический анализ.

Описанию и изучению современных российских манипулятивных игр в слова и посвящена эта книга. В известной степени она стала продолжением ранее изданных: «Слово в телеэфире» (2000) и «Слово в российском телеэфире» (2003), а также ряда других публикаций автора.

Можно сказать, что за прошедшее с тех пор время сама речекommunikативная практика подтвердила принципиальную верность содержащихся в этих работах

положений об основных тенденциях словоупотребления, присущих российскому перестроечно-реформаторскому периоду. Это постоянное политехнологическое совершенствование и обновление инструментария официозно-пропагандистских штампов; всё расширяющееся использование заимствований, особенно из американского варианта английского языка; почти неограниченное употребление многочисленных субстандартных лексико-фразеологических элементов, включая ранее табуированные.

Такая ситуация вполне объяснима, но вовсе не мифическим «языковым вкусом» («языковой модой»): любой вкус и любая мода насаждаются теми, кому они по каким-то причинам выгодны. Игры в слова, которые призваны оправдать и обосновать социально-политические изменения, происходящие с начала т. н. перестройки, и обеспечить лояльность к ним со стороны общества (точнее, электората), имеют своей важнейшей составной частью радикальные (до взаимной перемены полюсов включительно) трансформации доминирующей аксиологической шкалы.

С позиций семиотики подобные эволюции можно рассматривать как замену одних, прежних компонентов знаковой системы другими, символизирующими иные социокультурные ценности. Совокупность всех этих явлений образует сложную мозаику, достаточно органично воплощающую и предлагающую представления о новой – послесоветской – картине мира.

Это касается, пожалуй, всех сфер жизни российского общества, в сознание которого внедрена идея относительности ценностных ориентиров. Среди последних приоритетным обычно (хотя еще и не всегда

откровенно) считается достижение некоего «успеха» (ср.: *успешные люди* как высшая мера публичного признания и одобрения), в первую очередь – материального (причем способы его достижения не имеют значения). А потому сегодня в России вряд ли кто-то может совершенно точно сформулировать, «что такое хорошо и что такое плохо».

Такая аксиологическая диффузность достигается прежде всего путем словесной обработки социума – операций, глубоко родственных древнейшей вербальной магии.

Конечно, используемые для воздействия на общественное сознание отдельные слова, устойчивые словосочетания и словесные микроблоки обретают необходимую их заказчикам, творцам и трансляторам эффективность лишь при возможно более широком и интенсивном распространении с помощью средств т. н. массовой информации. Причем, выступая как элементы дискурса, такие единицы в речевом потоке могут быть подчас трудноразличимы для аудитории («Где умный человек прячет камешек?»... – «На морском берегу»... – «А где умный человек прячет лист?»... – «В лесу»» [Честертон 1980: 77]); другие же фигурируют заметно акцентированно.

Понятно, что все без исключения лексико-фразеологические элементы текстов СМИ, имеющие сугубо манипулятивную заданность, не могли бы быть подробно рассмотрены в рамках небольшого исследования. Поэтому в нем преимущественно анализируются семантика и характер употребления тех словесных знаков, которые, с нашей точки зрения,

принадлежат к числу ключевых для управления общественным сознанием.

Примеры словоупотребления, извлеченные с учетом их информативности автором из текстов российских СМИ, представлены с целью наглядности в максимально допустимом объеме. При этом предпочтение было отдано дискурсу телевидения. Поскольку, во-первых, очевидно, что оно сегодня по сравнению, например, с печатной периодикой гораздо более распространено и эффективно. Во-вторых, в силу своей специфики, телевидение достаточно успешно не только имитирует, но – иногда – и транслирует реальную действительность, в том числе и речекоммуникативные акты. Причем, как можно заметить, возникает некий заколдованный круг словообращения: телевизионный дискурс будто бы воспроизводит повседневную русскую речь, а говорящие (осознанно или нет – уже другой вопрос) ориентируются на телевизионные высказывания и характер употребления содержащегося в них набора слов как на своеобразную норму. Это часто обнаруживается, когда представители телеаудитории сами оказываются в роли телеречедеятелей (конечно, в передачах разных жанров это может происходить по-разному).

Что касается цитат из текстов печатной периодики, то в книге их относительно мало. Такие цитаты обычно привлекаются в качестве дополнительных источников информации и заимствованы из газет различной социально-политической направленности: «Российская газета» (РГ), «Советская Россия» (СР), «Городские новости» (ГН; орган администрации Красноярска).

Автор неоднократно обращается к литературно-художественным произведениям. Цитаты из

них используются как в качестве иллюстративного материала, так и для кратких образных характеристик тех или иных речевых феноменов. Собственно, это вполне традиционно. Ведь литературное творчество не раз рассматривалось и оценивалось отечественными филологами как способ познания и осмысления действительности, зачастую приравниваемый к сугубо научному – и наоборот. Ср.: «Единственная цель теоретического (художественного и научного) произведения есть видоизменение внутреннего мира человека, и так как эта цель по отношению к самому создателю достигается одновременно с созданием, то можно сказать, что художественное (и научное) произведение в одно и то же время есть столько же цель, сколько и средство...» [Потебня 1976а: 288].

Сведения из других научных областей в некоторых случаях также оказываются необходимыми: ведь «наука не может сейчас рассчитывать на успех, если будет отгораживаться от других дисциплин слишком высокими заборами» [Комлев 2003: 4].

Давно замечено, что «ценности высказываний определяются не их отношением к языку (как чисто лингвистической системе), а разными формами отношения к действительности, к говорящему субъекту и к другим (чужим) высказываниям» [Бахтин 1986б: 319]. Иначе говоря, автор не претендует на обладание истиной в высшей инстанции; однако внимательное изучение им фактического материала позволяет считать выводы и заключения исследования вполне объективными. Поэтому содержание книги может стать полезным для дальнейших исследований в области лингвистики и некоторых других гуманитарных наук, а также в преподавании соответствующих учебных дисциплин.

Вместе с тем, памятуя совершенно справедливое суждение о том, что «в задачи языкознания должно входить рассеивание мыслительной мути, которая может просачиваться из слов» [Дорошевский 1973: 56], полагаем: книга представляет интерес и для гораздо более широкого круга читателей. Ведь игры в слова охватывают всех носителей языка, вне зависимости от их желания или нежелания...

Цели и средства словесных игр

*Всякая игра что-то значит...
«Ради чего» – в этих словах,
собственно, самым сжатым
образом заключается сущность
игры.*

Й. Хёйзинга

Феномен игры

Вероятно, игра сопутствует человечеству на протяжении всей его истории: «наиболее заметные первоначальные проявления общественной деятельности человека все уже пронизаны игрою» [Хёйзинга 1997: 24].

Среди лексикографических толкований этого многозначного слова выделим некоторые – как наиболее интересные для нашего исследования. Ср.: «*игра* – “...забава, установленная по правилам, и вещи, для того служащие”» [Даль 1955, 1: 7] – и «*игра* – ... 2) “занятие, обусловленное совокупностью определенных правил, приемов и служащее для заполнения досуга, для развлечения, являющееся видом спорта”... 7) “преднамеренный ряд действий, преследующий определенную цель; интриги, тайные замыслы”» [МАС₂ 1984, 1: 628].

Заслуживают внимания характеристики игры, предлагаемые психотерапевтом: «Игрой мы называем серию следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и

предсказуемым исходом... Игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений... двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша. Процедуры бывают успешными, ритуалы – эффективными, а времяпрепровождение – выгодным. Но все они по своей сути чистосердечны (не содержат “задней мысли”). Они могут содержать элемент соревнования, но не конфликта, а их исход может быть неожиданным, но никогда – драматичным. Игры, напротив, могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом» [Берн 2002: 42].

Заметим попутно, что в отечественной православной традиции и сама игра, и ее участники оценивались сугубо отрицательно – как воплощения темных сил, противостоящих истинному христианству: «*игра* – 1) ‘игра, забава’. “Дияволя мудрованья, еже есть пиянства, *игры*, скръня, юродословье, смѣхъ”. Панд. Ант., 297. XI в.*... 2) ‘ритуальные языческие песни, пляски, игры’. “А ты храмлящая о вѣрѣ научи и ноги текущих на *игры* въ церкви обрати” (Посл. черноризца Иакова). Макарий. ИРЦ II, 341. 1060 г. “Егда ли вид<и>ши многи събирающес<я> к кощунником и к чяродѣемъ и к сатанинскимъ пѣснем и *играм*...” (Поуч. Ио. Злат.). Сл. и поуч. против языч., 194. XVI в.»; ср.: «*игралище* – ... 3) ‘игра’. “Стрѣльцы учинили бѣсовское *игралище*, прозваниемъ кобылку”. ДАИ XII, 368. 1691 г.» [СлРЯ XI–XVII вв., 6: 79–80]; «*бѣсовский* – ... 2) ‘языческий’... “И умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумление и скоморошество со всякими бѣсовскими *играми*”. АИ IV, 124. 1649 г.» [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 155].

Полагают, что длительному сохранению отрицательной окраски у слов *игра, играть* в истории русского языка способствовал именно лексико-семантический вариант 'игра, связанная с языческой обрядностью; пение с пляской при исполнении ритуального обряда' (А. А. Потебня, И. В. Ягич, О. Н. Трубачёв и др.): «Негативное отношение к игре – занятию несерьезному, ненастоящему, даже богопротивному... прослеживается и тогда, когда... *игрой* называют обусловленные особыми правилами действия с объектами...» [Астахина 2006: 177]; лишь со временем (возможно, в первой половине XVI в.) слова́ группы корня *игр*– постепенно нейтрализуются в оценочном отношении и утрачивают пейоративную окраску [Астахина 2006: 178, 185].

По-видимому, присутствие в играх элементов драматизма и нечестности (нарушения заранее установленных правил – ср.: «В игре не без хитрости (обмана)» [Даль 1955, 1: 7]), более или менее выраженных, объясняется желанием одержать над противником верх и получить выигрыш – в той или иной форме: «Теснейшим образом связано с игрою понятие выигрыша... Понятие *выиграть* появляется лишь тогда, когда в игре есть противник» [Хёйзинга 1997: 63].

Надежда на выигрыш (обретение материальных ценностей либо возможности морально торжествовать над побежденным противником – а зачастую и того, и другого одновременно), несомненно, усиливает драматизм игры: «игра сделалась корыстной, стало быть, и злой» [Астафьев 1978: 212]. Тот же автор подробно вспоминает об игре в кол, «которая колуном врубилась в память, угрюмая, мрачная, беспощадная игра, придуманная, должно быть, еще пещерными людьми...

Кто в эти “пряталки” не играл, тот и горя не видал!..» [Астафьев 1978: 213, 216]; потому-то «очень уж схожа давняя потеха с современной жизнью, в которой голишь, голишь^[1], да так до самой смерти, видать, и не отголишься» [Астафьев 1978: 216].

Важность раннего освоения игр и правильного их выбора для дальнейшего бытия человека подчеркивает Э. Берн, говоря о их генезисе: «Любимые игры, будучи элементами его [ребенка] жизненного сценария, в конечном итоге определяют его судьбу, например, “вознаграждения”, полученные в результате брака или деловой карьеры и даже обстоятельства его смерти» [Берн 2002: 53]. Это, в свою очередь, подтверждает справедливость парадоксального суждения: «Недооценка игры граничит с переоценкой серьезности. Игра оборачивается серьезностью и серьезность – игрой» [Хёйзинга 1997: 28]. Не говоря уж в связи с этим о спортивных играх с участием профессионалов, их значительных (иногда весьма) гонорарах, вообще об индустрии большого спорта, выступающего и как часть культуры, точнее шоу-бизнеса. напомним лишь хрестоматийную историю о том, как предприимчивый американский мальчик, тонко воспользовавшись простодушием и тщеславием сверстников, заставляет (точнее, может быть, склоняет) их выполнить работу, порученную ему, да еще получает от них за это солидное вознаграждение: «сам того не ведая, он открыл великий закон, управляющий поступками людей, а именно: для того чтобы человек или мальчик страстно захотел обладать какой-нибудь вещью, пусть эта вещь достанется ему возможно труднее... Он понял бы, что Работа есть то,

¹ Голить – здесь: водить в игре. – *Прим. ред.*

что мы **обязаны**^[2] делать, а Игра есть то, что мы *не обязаны* делать» [Твен 1978б: 31–32].

А. П. Чудинов в фундаментальном исследовании современной метафоры отмечает, в частности, что среди доминантных моделей российского политического дискурса выделяется представление политической жизни как своего рода игры или спортивного состязания: «...Наименование *игра* используется в значении “преднамеренный ряд действий, преследующих определенную цель; интриги, тайные замыслы”... В политической речи метафоры обычно несут негативный прагматический потенциал: считается, что уважающий себя, свое дело и окружающих политический деятель должен быть искренним... Постоянно используются коммуникативные тактики “призыв к откровенности”, “призыв к конструктивному сотрудничеству”, которые совершенно не соответствуют практике использования “политических игр”... Авторы политических текстов стремятся перенести негативное отношение к нарушителям спортивных правил на нарушителей правил “политической игры”», которая «рассматривается как своего рода спорт, где необходимы строгие правила честного соперничества, где успех в значительной степени предсказуем, победа приходит к сильнейшему, хотя и бывают разного рода **неожиданности**» [Чудинов 2003: 121, 123, 127, 129].

Итак, *игру* в интересующем нас аспекте характеризуют следующие основные признаки: определенная социальная значимость; стремление к достижению некоей цели; наличие обязательных для

² Разрядка здесь и в других цитатах наша.

соблюдения установок (правил) – но и вероятность их нарушений; возможность обрести выигрыш; неочевидность (неявная мотивированность) реализуемых замыслов; драматизм самого хода игры и ее результатов для заинтересованных лиц – вольных или невольных участников, зрительской аудитории и др.; напряженность, выражающаяся зачастую во взаимном ожесточении соперников; существование игрового поля (пространства); способность восприниматься в социуме столь же серьезно и уважительно, как и любая другая деятельность людей, а отсюда – и долгосрочные (иногда – не сиюминутно обрушивающиеся) последствия игр для всех, вошедших или вовлеченных в сферу их действия; далеко не всегда позитивная оценочность.

Вместе с тем, можно полагать, что в ряде случаев употребление слова *игра* – в том числе в произведениях политологов и проч. – заметно утрачивает метафорический характер. Вероятно, это происходит и за счет терминологизации, происходящей от доведения метафоричности до своей противоположности – буквализации.

Так, в значительной степени можно согласиться с мнением, согласно которому ситуация в перманентно и явно целенаправленно реформируемой России может быть квалифицирована как возникшая вследствие совокупного воздействия ряда факторов «неокочевая "цивилизация *игры*"» (с точки зрения М. Калашникова, «Пятую мировую войну ведут не США, не сионисты и масоны, а нечто гораздо более страшное – новое сообщество человеческих мутантов, носителей духа "добывания трофеев", античеловеков. Мы, используя термин еврейского банкира Жака Аттали, считаем их новыми кочевниками, космополитической сетью **игроков**

с историей. Это – крупнейшие финансовые спекулянты и владельцы массмедиа, которые делают своей силовой базой Соединенные Штаты. Сам Аттали, создавая термин “новые кочевники”, всецело их поддерживает и вообще глядит с восхищением на эту новую расу»^[3] [Калашников 2003: 60]).

Очевидно, те или иные из вышеназванных признаков игры (не исключено, что зачастую – во всей их совокупности) присущи и тому явлению, которое именуют «языковой игрой». Следует заметить, что разнообразные варианты терминов этого феномена (о чем также будет сказано далее) дают возможность вновь убедиться в справедливости известных положений: «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61] и «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992: 43]. Небезынтересно, что, подобно другим таким лексемам, существительное *игра*, выступая в качестве термина, продолжает оставаться и активной общеупотребительной единицей словарного состава. А это, на наш взгляд, свидетельствует о целесообразности его использования в функции компонента ряда составных терминов и устойчивости в этом статусе.

³ Ср. эпизод американского фильма «День независимости» («The Independence Day»), в котором президент США «транслирует» мысли захваченного пришельца из космоса: «Они [инопланетяне] как саранча. Летают с планеты на планету всей стаей, а когда сожрут всё, что там есть, улетают». Впрочем, при глобализации «новые кочевники» вовсе не обязательно должны находиться на территории, которую грабят (т. е. «осваивают», невзирая на аборигенов и их интересы): это можно делать дистанционно – через мультимедийные сети и/или с помощью доверенных лиц из числа туземцев.

Игры в слова

Саму *игру* сделали возможной свойства, имманентно присущие языку как основному инструменту общения, познания человека и мира, передачи и хранения национальной ментальности. «Язык, посредством которого человек различает, определяет, устанавливает, короче говоря, именуется, т. е. возвышает вещи^[4] до сферы духа. Играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли. Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов» [Хёйзинга 1997: 24].

Столь широкое понимание рассматриваемого феномена разделяется не всеми авторами. Ср.: «Операциональные механизмы языковой игры... являются отраженными механизмами функционирования языковой системы, реализуя стратегию намеренного отступления от формальных и семантических правил, заданных потенциями употребления и порождения знака в речевой деятельности» [Гридина 1998: 36]. Однако обоснованно считают также, что «высказывание без строгого следования норме увеличивает энтропию [текста], так как не проецируется на словарно закрепленный узус... Энтропия – это и возрастание роли интуиции в восприятии текста, а также установка на “языковую игру”, ироничное повествование, каламбуры и мн. др. как способ иносказания (в этом случае энтропия – следствие

⁴ Кстати, установлено, что «неслучайно слав. *věkь (чеш. věs, рус. – цслав. вещь) этимологизируется как и.-е. *uektos/*uktos ‘сказанное, изреченное’ (вещь – это ‘то, что можно назвать’), подразумевая в оппозиции то, чего нельзя назвать, неизреченное, т. е., видимо, высшие понятия» [Трубачёв 1988: 10].

того, что смысл формируется через включение в сознание воспринимающего того, что содержится в подтексте)» [Синельникова 2003: 20].

Согласно концепции Л. Н. Мурзина, следует считать наивысшим уровнем языка не текст, а культуру. Отправным пунктом умозаключений здесь является положение о свободе как неременном атрибуте языка, так как «язык не может существовать в условиях несвободы своего употребления, функционирования, жизни, самосознания», а «свобода лишь там, где есть выбор... Но... выражения *свобода языка, степень свободы языка, свободный язык* и т. п., очевидно, содержат долю фигуральности, ибо фактический выбор делает носитель языка, а не сам язык. Язык как объективное явление лишь открывает перед нами возможность выбора. Язык определяет условия выбора... Язык свободен в той мере, в какой он вариативен... Система языка и норма существенно ограничивают его свободу» [Мурзин 1997: 127–130]. В свете этого языковая игра также может пониматься как некое нарушение или отклонение от системы и нормы языка, основанное на широкой (но не беспредельной) вариативности свободного использования языковых средств и воплощающее свободу языка (пусть и в ее конвенциональном понимании).

Почти всеобъемлющ типологический реестр коммуникативных актов, приводимый Л. Витгенштейном в качестве конкретизированных иллюстраций языковой игры: «Термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни. Представь себе многообразие языковых игр на таких вот и других примерах:

Отдавать приказы или выполнять их —
Описывать внешний вид объекта или его размеры —
Изготавливать объект по его описанию (чертежу) —
Информировать о событии —
Размышлять о событии —
Выдвигать и проверять гипотезу —
Представлять результаты некоторого эксперимента
в таблицах и диаграммах —
Сочинять рассказ и читать его —
Играть в театре —
Распевать хороводные песни —
Разгадывать загадки —
Остричь; рассказывать забавные истории —
Решать арифметические задачи —
Переводить с одного языка на другой —
Просить, благодарить, проклинать, приветствовать,
молить» [Витгенштейн 2003: 237].

Можно заметить, что такое представление о языковой игре весьма близко к характеристикам того явления, которое – как относительно устойчивые типы высказываний – было названо М. М. Бахтиным «речевыми жанрами»: «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы... К речевым жанрам мы должны отнести и

короткие реплики бытового диалога (причем разнообразие видов бытового диалога в зависимости от его темы, ситуации, состава участников чрезвычайно велико), и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализованный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений (в широком смысле слова: общественные, политические); но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [Бахтин 1986а: 250–251].

Подобные мнения по поводу сути, основ, а также характерных форм реализаций языковой игры высказываются и другими авторами. Например: считая, что «языковая игра (в максимально широком понимании термина) – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, это ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака», полагают, что «языковые правила носят нежесткий характер, и шаблоны, или модели, создают только основу, канву для деятельности говорящего» и что «те нарушения, отклонения от моделей, что допускает в своей речи человек, сами оказываются моделируемыми, они также сводимы к определенным образцам» [Норман 1987: 168, 170]; многочисленные примеры языковой игры, приведенные в цитируемом источнике, показывают, что она призвана вызывать преимущественно комический эффект либо выступает как разновидность «искусства для искусства»

– «иногда и “просто так”, для собственного удовольствия» [Норман 1987: 169].

Приведя ряд понятийно соотносительных терминологических сочетаний (*языковая игра, игра с языком, игра слов, языковая эксцентрика, реализация юридической функции языка*), А. П. Сковородников ввиду желательности системного использования терминов стилистики считает целесообразным закрепить за некоторыми из них – иерархически расположенными – такие значения:

«**Языковая игра** – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/стилистической/речеповеденческой/логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе комического характера... **Игра слов** – разновидность языковой игры, в которой эффект остроты достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов (трансформациями их семантики и/или состава). **Каламбур** – разновидность игры слов, в которой эффект остроты (в основном – комической) достигается неканоническим использованием полисемантов, омонимов, паронимов, псевдосинонимов и псевдоантонимов» [Сковородников 2003: 796, 802].

Любопытно, между прочим, что лишь одно из вышеприведенных словосочетаний оказалось зафиксированным не только в специально-терминологической лексикографии, но также и в толковых словарях русского языка. Например: «**игра слов** – ‘острота или шутка, основанная на однозвучности или двусмысленности речений’» [Даль 1955, II: 7]; «**игра слов** – ‘остроумная шутка, основанная на употреблении

одного слова вместо другого или на подмене одного значения другим значением того же слова; каламбур'» [МАС₂ II: 628]. Видимо, это предпочтение не случайно: и в обыденном (нелингвистическом) сознании именно слово выступает как важнейший элемент языка.

Слово как инструмент игры

Обратимся к тем особенностям слова как единицы языковой системы, которые, в совокупности с упомянутыми выше, делают его столь уникальным материалом, инструментом и востребованным атрибутом игры, концентрирующим в себе потенциально высокую энергию.

В лексических единицах фокусированы черты всех уровней языковой структуры; выполнение словами своей главной функции – номинативной – обусловлено наличием у них лексического значения. Поэтому и возможны следующие характеристики слова: «Слово всегда глубинно-перспективно, а не плоскостно» [Лосев 1991: 62]. – «**Слова суть символы...** Слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия» [Булгаков 1953: 26, 30]. – «Слова и формы как аббревиатуры или представители высказывания, мировоззрения, точки зрения и т. п., действительных или возможных. Возможности и перспективы, заложенные в слове; они, в сущности, бесконечны» [Бахтин 1986б: 316]. – «За словом и за его смыслом всегда стоит нечто большее – коллективный опыт народа, его дух, его подлинное величие... Все прочие уровни языка манифестируются только через лексику» [Трубачёв 2004: 154]. – «Слово – единственная единица языка» [Руделев 1995: 3].

Можно согласиться и с тем, что «слово – тот же текст, только обработанный, скомпрессированный и включенный в язык [что наглядно подтверждается, например, при сопоставлении левой и правой частей статьи толкового словаря. – А. В.] ...Слово – не только преобразованный текст, это еще истоки совершенно новых, неожиданных текстов» [Руделев 1995: 3].

Кроме того, «в каждом слове, кроме понятия, заключены еще образ и символ» [Колесов 1999: 222]. Особое место занимают слова-символы, издревле прочно связанные с сакральной сферой общественного сознания; как полагают, примером этого может служить любое общее (т. е. родовое) слово Писания или народной поэтики (*Бог, солнце* и др.): «подобные слова – свернутый мир, вынесенный из прошлого» [Колесов 1990: 28]. Ср.: «Что такое всё христианское жизнепонимание? – Развитие музыкальной темы, которая есть... догматика. А что есть догматика? – Да не что иное, как разросшаяся крещальная формула – “Во имя отца и Сына и Св. Духа”. Ну, а последняя-то уж, несомненно, есть раскрытие слова ομοούσιος. Рассматривать ветвистое и широкосенное древо горчичное жизнеописания христианского как разросшееся зерно идеи “**едино-сущия**”, – это не логическая только возможность. Нет, **исторически** именно так и было» [Флоренский 1989: 54].

Слово способно вызывать обильные – и при этом устойчивые ассоциации: «Мы убеждены, что события, о которых теперь напомним нам слово *школа*, тождественны с теми, которые были и прежде предметом нашей мысли...» [Потебня 1976б: 106].

В значительной степени подобные феномены свойственны, как считают, прежде всего (западно)европейскому сознанию номиналистического типа: наличие термина предполагает присутствие соответствующей идеи или явления [Колесов 2004в: 11–12]. В свою очередь, это позволяет не только конструировать нужные оценки словесно обозначаемого, но даже – при необходимости – наклеивать вербальный ярлык на заведомую пустоту. Ср.: «Гёте говорил: “Людам нечего делать с мыслями и воззрениями. Они довольствуются тем, что есть слова. Это знал еще мой Мефистофель: “Коль скоро надобность в понятиях случится, Их можно словом заменить””» (цит. по [Бунин 1988б: 79]). – «У нас глубокая психологическая привычка искать за формой обычного для нее содержания. ...Если вы встретите осанистого старика с великолепной бородой, мудрыми бровями и репутацией крупного общественного или государственного деятеля – как трудно, как до жестокости тяжело будет вам признать, что перед вами просто старый дурак...» [Тэффи 1991: 396].

Может быть, при вербальном общении это происходит и из-за неспособности (или нежелания?) коммуникантов четко разграничить план содержания и план выражения речевого акта (в том числе и отдельного слова): «Выражение есть всегда синтез чего-то внутреннего и чего-то внешнего. Это – тождество внутреннего с внешним... Самый термин *выражение* указывает... на некое активное самопревращение внутреннего во внешнее... Выражение может быть символом» [Лосев 1991: 45, 48]. Иначе говоря, определенные слова как звукобуквенные символы сигнализируют и внушают адресату – еще раз

подчеркнем, далеко не всегда склонному либо способному к анализу воспринимаемого высказывания («выражения») – то, что считает необходимым адресант (например, владелец СМИ и глашатаи его интересов).

Большую роль в общении играет и «экспрессивный момент» высказывания, определяющий его композицию и стиль, т. е. «субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания... Абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [Бахтин 1986а: 278]; упомянутое субъективное отношение адресант и передает (более того: даже должен передать, в соответствии с собственными установками, полномочиями и/или социальными и иными обязательствами) адресату. Это можно рассматривать как совершенно объективную и универсальную модель речевого поведения; ведь «прагматический фактор пронизывает всю речевую деятельность человека и предусматривается как в элементарных высказываниях, имеющих чисто утилитарные цели (приказание, просьба), так и в сфере широкой социальной жизни, где тесно переплетаются узкопрактические цели повседневной жизни и крупномасштабные социальные акции» [Колшанский 1990: 100]. Справедливо, что «воздействие через язык осуществляется не простым путем оценочных высказываний типа: “это – хорошо”, “это – плохо”, а различными языковыми обозначениями, которые содержат социально обусловленный оценочный компонент. Применение подобных обозначений позволяет выразить оценки имплицитно, незаметно для коммуникантов [прежде всего, наверное, – для адресата. – А. В.] и вызвать у них соответствующее отношение и поведение. При этом имеется в виду не то

воздействие, которое язык оказывает и распространяет сам по себе [всё-таки, скорее всего, это делают носители языка. – А. В.], а то, что оценки и взгляды определенных социальных групп закрепляются в разных точках зрения на языковое употребление и в дальнейшем переносятся языком на специальное воздействие соответствующих социальных групп» [Матвеева 1984: 5–6].

Поэтому слово успешно выполняет функцию суггесторного воздействия, сила которого, как полагают, может быть сравнима с физиологическими факторами; «внушаемость посредством слова – глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению» [Кара-Мурза 2002: 84].

Оценку В. Гумбольдтом, который «замыкает мир в скорлупе национального языка», считают «стандартной, но всё же не совсем справедливой» [Комлев 2003: 95], однако при этом очевидным признают и «факт, что передача знаний, накопленных общественным опытом, может осуществляться главным образом через высказывания, т. е. в форме слов» [Комлев 2003: 92]. И именно язык самым активным образом участвует в сложении «социокода – основной знаковой реалии культуры»; социокод удерживает в целостности и различении «фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и... институты общения» [Петров 1991: 39]. И «абстрактная форма отражения мира в сознании человека выступает материально в словесной форме и конкретно – в сложной динамике своих связей в бесконечном речевом процессе» [Колшанский 1990: 46].

Положение о бесконечности речевого процесса, непрерывности речевого потока подразумевает и то, что

«каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин 1986а: 261]; причем причинно-следственные отношения между ними, а также, очевидно, вытекающими из них решениями и поступками, могут быть довольно разнообразными, как и формы, сроки и интенсивность возможных ответных реакций адресата на слова-сигналы адресанта. Ими могут оказаться и непосредственная реализация действия – как выполнение понятого и принятого к исполнению приказа или команды; и молчаливое ответное понимание, которое остается таковым до какого-то момента: «рано или поздно услышанное и активно понятое откликнется в последующих речах или в поведении слышавшего. Жанры сложного культурного общения в большинстве случаев рассчитаны именно на такое активно ответное понимание замедленного действия» [Бахтин 1986а: 260]. Слово выступает как импульс поступка – пусть иногда и не сиюминутного.

На первый план, конечно, выходит вопрос о семантике лексем, используемых в манипулятивном акте коммуникации (информационно-психологическом выпаде, побуждающем к действию) в качестве ключевых: такие слова, которые способны перетряхнуть всю систему, заставить ее изменяться [Расторгуев 2003: 39]. Как ни парадоксально, но четко очерченные лексические значения подобных единиц могут быть и непонятны адресату. Тем не менее, они способны вызвать у аудитории желательную адресанту реакцию:

Есть речи – значенье

Темно иль ничтожно,

Но им без волненья

Внимать невозможно

[Лермонтов 1970, 1: 342] (ср.: «...Наташа с бледным и серьезным лицом вошла в комнату... “Николенька, я тебе растолкую, ты уйди... Вы послушайте, мама-голубушка”, – говорила она матери. Слова ее были **бессмысленны**; но **они достигли того результата**, к которому она стремилась. Графиня, тяжело захлипав, спрятала лицо на груди дочери, а Николай встал, схватился за голову и вышел из комнаты. Наташа взялась за дело примирения и довела его до того, что Николай получил обещание от матери в том, что Соню не будут притеснять, и сам дал обещание, что он ничего не предпримет тайно от родителей» [Толстой 1980, V: 303]).

Проблемы тождества слова и распознаваемости лексической семантики в процессе речевого общения продолжают оставаться весьма актуальными, несмотря на длительную историю их разработки. «Слово, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящего, апперципировать содержание его мысли... Что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях..., но легко может быть осознано при так называемом полном понимании. Мысли говорящего и понимающего сходятся между собою только в слове» [Потебня 1976б: 139–140]. Ср. литературно-художественные осмысления подобных диалогов: «...И Щеголев пошел рассуждать о политике... Названия стран и имена их главных представителей обращались у него вроде как в ярлыки на более или менее полных сосудах, содержание которых он переливал так или этак... Совсем страшно бывало, когда

он попадал на другого такого же любителя политических прогнозов. Был, например, полковник Касаткин, приходивший иногда к обеду, и тогда сшибалась щеголевская Англия не с другой щеголевской страной, а с Англией касаткинской, такой же несуществующей, так что в каком-то смысле войны международные превращались в межусобные, хотя воюющие стороны находились в разных планах, никак не могущих соприкоснуться» [Набоков 1990, 3: 142–143]. – Ср.: «Как, товарищ, у вас работа среди женщин? – скороговоркой грянул столичный [ответственный работник]... – Ничего, – добродушно ответил ему провинциальный, безответственный, беспартийный, дыхнув самогонкой, – у нас насчет этого хорошо. Я с третьей бабой живу» [Булгаков 1989, 2: 319].

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют положения о том, что даже использование коммуникантами одного общего для них естественного языка не обеспечивает тождественности кода, поскольку требуются еще и идентичность языкового опыта, и совпадение объемов памяти, и единство представлений о норме, языковой референции и прагматике. «Если добавить влияние культурной традиции (семиотической памяти культуры) и неизбежную индивидуальность, с которой эта традиция раскрывается тому или иному члену коллектива, то станет очевидно, что совпадение кодов передающего и принимающего в реальности возможно лишь в некоторой весьма относительной степени. Из этого неизбежно вытекает относительность идентичности исходного и полученного текстов» [Лотман 1996: 13–14].

Интерпретации семантики слов, например актуального для той или иной эпохи политического

лексикона, могут быть отягощены коннотациями, возникающими в зависимости от различных экстралингвистических (условно) факторов – социального статуса, культурно-образовательного уровня и иных индивидуальных характеристик реципиента. Это можно иллюстрировать, например, следующими эпизодами романа, где отражено восприятие таких лексем двумя персонажами – Катей Смоковниковой, вдовой блестящего столичного адвоката, (К.) и Анисьей Назаровой, бывшей крестьянкой, затем – бойцом Красной Армии (А.).

К.: «Она ничего не понимала в происходящем! Революция представлялась ей грозовой ночью, опустившейся на Россию. Она боялась некоторых слов, например, *совдеп* казался ей свирепым словом, *ревком* – страшным, как рев быка, просунувшего кудрявую морду сквозь плетень в сад, где стояла маленькая Катя (было такое происшествие в детстве). Когда она разворачивала коричневый газетный лист и читала: “Французский империализм с его мрачными захватными планами и хищническими союзами...”, ей представлялся тихий в голубоватой летней мгле Париж, запах ванили и грусти, журчащие ручейки вдоль тротуаров... “Ну, какие же они империалисты”, – думала Катя» [Толстой 1982, I: 294].

А.: «Она сидела, нахмуренная от внимания... Неприученный мозг с трудом впитывал отвлеченные идеи, – они, как слова чужого языка, лишь частицами, искорками проникали к ее живым ощущениям. Слово “социализм” вызывало в ней представление чего-то сухо шуршащего, как красная лента, цепляющаяся ворсом за шершавые руки. Эта лента ей снилась. “Империализм” был похож на царя Навуходоносора с лубочной картинки, засиженной мухами, – с короной, в мантии, окрашенной

мазком кармина, – царь ронял скипетр и державу при виде руки, пишущей на стене: мене, текел, фарес... Но Анисья была трудолюбивая и упорно преодолевала эти несовершенные представления...» [Толстой 1982, II: 95–96].

Роль ассоциаций, подобных вышеприведенным, хорошо известна; не приближая реципиента к осмыслению лексических значений слов, они лишь играют роль некоего нимба; в других случаях не возникает и этого: ср. рассказ М. Зощенко «Обезьяний язык» 1925 г., малограмотные персонажи которого вполне уверенно – «вежливо», «небрежно», «интеллигентно» – употребляют «слова с иностранным, туманным значением» (вроде «пленарное», «кворум», «конкретно», «фактически», «минимально», «индустрия», «президиум» и т. п.), причем в составе штампов складывавшейся тогда официальной советской риторики.

Конечно, подобное легко объяснить низким культурнообразовательным уровнем основной массы носителей русского языка того времени. Любопытно, однако, что гораздо позже аналогичные пропагандистские формулы (но уже в период т. н. перестройки) высоко оценивались и некоторыми лингвистами.

Так, в одной из публикаций перестроечного периода после критики «темного языка бюрократов и догматиков, замысловатого и трескучего, составленного из клише и слов-паразитов», констатировалось возвращение русского языка «в лоно нормального использования и развития... Идет творение новой фразеологии, преодолевающей формализм и открывающей

возможность прямого, демократического, откровенного обсуждения сложившегося положения, реальных дел и задач: *убрать завалы, искать развязки, прибавить в работе, нужны прорывы, усилить поиск, оздоровить общество, воспитывать словом и делом, стратегия ускорения, нестандартно мыслить, ускорение социального и экономического развития, нравственная закалка кадров, человеческий фактор*. Все эти **простые и честные, прямые** выражения пробуждают творческое мышление, превращают самостоятельную индивидуальность в жизненную потребность людей... Даже неказистые сложения... (*самоуправление, самофинансирование, самоокупаемость, ресурсосберегающий, трудосберегающий, высокотехнологичный, наукоемкий, природоохранный*) несут в себе **заряд правды, момент истины**, то есть то, что легло в основу перестройки» [Костомаров 1987: 3–5, 7]. Однако по истечении совсем непродолжительного времени стало ясно, что реальные плоды *нового мышления*, творчески примененного *прорабами перестройки с приоритетным учетом общечеловеческих ценностей*, оказались все-таки несколько иными, чем (может быть) предполагалось «не прогибавшимися под изменчивый мир». Впоследствии лексикографы оценили подобные «весьма посредственные штампы» как «негативный материал», который можно использовать при работе над Новым академическим словарем русского языка [Корованенко 1995: 42].

Следовательно, по-видимому, причина обаяния таких магически-манипулятивных словесных блоков заключается далеко не только в уровне образования или в характере профессиональной деятельности адресата.

«Слово – полководец человеческой силы»

«Слова языка ничьи», но «всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи “властителей дум” данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т. п.» [Бахтин 1986а: 282, 283], которые, как провозглашалось исторически недавно, овладев массами, становятся материальной силой. Эти лексемы сменяют друг друга по мере необходимости, определяемой их творцами и проводниками – современными жрецами и проповедниками (в первую очередь, наверное, – заказчиками и уполномоченными ими распорядителями). Особенно заметны подобные явления при радикальных политических, экономических, культурных и прочих трансформациях социума. Следует учитывать, что подобные слова и устойчивые словосочетания не просто манифестируют революционные катаклизмы, но и оказываются их импульсами и стимуляторами. Столь же важно иметь в виду специфику семантики таких слов и составных наименований: они, как правило, обозначают референты, либо заведомо отсутствующие в реальной действительности (ср. перифрастическое определение лжи в языке свифтовских гуигнгнмов: «утверждать то, чего нет»), либо воспринимаемые и оцениваемые разными носителями одного языка и их макрогруппами настолько различно, что это подчас заставляет усомниться в наличии обозначаемых явлений. Мощнейшие факторы, поддерживающие обращение этих слов в публичном дискурсе, – настойчивость штатных пропагандистов и иных распространителей семантически пустышек (чуть ли не парольно-фатического характера) с одной стороны;

с другой – активно поощряемая вера в них аудитории, т. е. совершенно некритичное, малоосмысленное отношение адресатов к навязываемым вербальным символам (ср.: «...Глупый наш народ Легковерен: рад дивиться чудесам и новизне...» [Пушкин 1978, V: 282]).

Понятно, что и восприятие, и оценки конкретных примеров описываемого лингвопропагандистского феномена могут варьироваться в зависимости от позиций наблюдателя-аналитика, которые, впрочем, не так уж редко тоже меняются под влиянием причин не обязательно сугубо лингвистического толка; разнообразной бывает и используемая при этом терминология. Рассмотрим здесь только несколько случаев.

Так, предлагают называть «лексическими фантомами» «слова, в значении которых отсутствует денотативный компонент. Проще говоря, это та ситуация, когда слово есть, а предмета, который оно обозначает, не существует» [Норман 1994: 53]. Хотя цитируемый автор и говорит о фантомах мифологических (*русалка, леший* и т. п.), литературных (*Бармалей, Дядя Степа* и т. д.), научных (*теплород* и проч.), но основное внимание (да и обличительный заряд) обращает на фантомы идеологические, которые, оказывается, «значительно более многочисленны (и опасны!). Это случаи, когда отрыв слова от денотата обусловлен идеологической деятельностью человека, разработкой той или иной социальной утопии, поддерживанием определенных социальных иллюзий» [Норман 1994: 55]. Ясно, что, в полном соответствии с интеллигентскими умонастроениями тех лет, речь, конечно же, идет о лексико-фразеологических элементах компартийной пропаганды: «Если говорить конкретно об СССР, то

социализм, который в течение 70 лет строился (и “был построен”), в значительной мере был социализмом на бумаге. Он обслуживался огромным количеством слов-призраков, за которыми в реальной жизни ничего не стояло (либо, что в данном случае то же самое, стояла их полная противоположность). В качестве примеров можно привести такие фантомы: *мир, равенство, братство; разоружение; диктатура пролетариата, социальная справедливость; слуги народа; развивающиеся страны* (а остальные страны – что, не развиваются?); *человеческий фактор; остров Свободы; Слава КПСС!; Народ и партия едины; Экономика должна быть экономной; союз нерушимый республик свободных; Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи; Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны* и т. д. и т. п. Специально подчеркнем: речь идет не просто об использовании в идеологических и политических контекстах отвлеченной лексики, но о принципиальной оторванности данных номинаций от реальной действительности, об их “замкнутости” на себе (обусловленной тоже, можно сказать, своеобразным мифотворчеством)... Идеологические фантомы в опоре на реалии не нуждаются... Они представляют собой своего рода плетение словес, обретающее от бесчисленного повторения... магическую силу» [Норман 1994: 55–56].

Собственно, это лишь одна из многих иллюстраций сугубо узкого – и как-то очень уж своевременного – понимания феномена. Его сущность следовало бы изучать на гораздо более разнообразном материале, а не ограничиваться тем, который в перестроечно-реформаторский период был обозначен как самая доступная мишень, причем попытки поразить ее не только свидетельствовали о новейшей

благонадежности авторов, но и предлагали некое научно-лингвистическое оправдание и обоснование развернутых экспериментов и трансформаций. Внезапное слаженное прозрение пандемического характера («послушать иных многих, так просто жалко делается людей: чуть ли не все изнывали под игом тоталитаризма, диктата, цензуры...» [Трубачёв 2004: 141–142]) выросло в продолжительную кампанию, крайности которой признавали даже некоторые ее активисты: «...Последние годы перестройки показывают, что именно радикалы зачастую лишают своих оппонентов права на “инакомыслие”, а жесткие возгласы с пеной у рта на иных ультраперестроечных митингах слишком похожи на уже известный человечеству призыв толпы: “Распни его!”. То же порой происходит и в науке, и все мы – не без греха (в том числе и сам автор книги...)» [Горбаневский 1991: 186]. Усилия по разоблачению и искоренению тех лексико-фразеологических черт русского языка, которые в совокупности были удостоены ярлыка «советский новояз», получили долговременную инерцию: ведь чуть ли не до сих пор «описания языка тоталитаризма в монографиях, научных и научно-популярных статьях вызывают у определенной части “лингвистов-пассионариев” желание бороться (опять!), обличать, громить остатки ненавистной социальной системы и ее языка» [Мокиенко, Никитина 1998: 6]. Может быть, колоссальные затраты энергии на производство безопасного пафоса и не дают многим специалистам заметить сегодняшние эволюции общественно-политического дискурса. А ведь известно, что «во всей истории литературных (или стандартных) языков мы видим примеры того, как класс, переживающий эпоху своего господства, уступая свою

позицию новому, идущему ему на смену классу, передает последнему... и языковую традицию. Стандартный язык, таким образом, как эстафета, переходит из рук в руки, – от одной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт» [Поливанов 2001а: 331].

Кажется, явно преднамеренно, но столь же (с лингвистической точки зрения) и неоправданно «упускается из виду другой аспект изучения: имеет смысл не только противопоставлять, но и пытаться увидеть то общее, что присуще русскому литературному языку советского и постсоветского времени. Это общее – принадлежность литературного языка, языкового стандарта массовой культуре. Советский и постсоветский периоды истории литературного языка – это периоды развития литературного языка массовой культуры» [Романенко 2005: 116]. Тем более, что, как показывает тщательный анализ образцов советской словесной культуры, образ ратора – ее адепта и проповедника – характеризовался категорией партийности, которая адекватно доминирующим ценностям воплощалась в вербальной магии того периода: «это проявление действенности знака, основанное на принципе его мотивированности. Знак воспринимается как мотивированная модель вещи, поэтому в речевой практике они отождествляются... Правила обращения со знаками и вещами тоже отождествляются. Знак становится более суггестивным, чем информативным» [Романенко 2003: 222; также 74–79 и др.] (это присуще и последующему времени), а в условиях приоритета документной коммуникации возникает и документная герменевтика, интерпретирующая имена как вещи [Романенко 2003: 226]. Собственно, это довольно

традиционный феномен: «Слово есть самая вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих слово и вещь, сколько распространенным на все слова верованием, что они обозначают сущность явлений. Слово, как сущность вещи, в молитве и занятии получает власть над природою» [Потебня 1976б: 176].

Нельзя оставлять без внимания ни несомненную преобладанность тенденций речевой коммуникации в пределах одного языка, ни – в то же время – почти (?) повсеместную их распространенность в типологически разных языках и в условиях различных социально-политических систем. Достаточно вспомнить хотя бы о *political correctness* – «политической корректности» (переводят также как «культурная корректность», «коммуникативная корректность»), сконструированной и культивируемой в США и в полном соответствии с практикой глобализации экспортируемой повсюду.

По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «правильный» (видимо, «политкорректный», судя по приводимым примерам) язык Запада создавался – и продолжает совершенствоваться – следующим образом: «Из науки в идеологию, а затем и в обиходный язык перешли в огромном количестве слова-“амебы”, прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни. Они настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка (возьмите, например, слово *прогресс*). Это слова, как бы не имеющие корней, не связанные с вещами (миром). Они делятся и размножаются, не привлекая к себе внимания, – и пожирают старые слова. Они кажутся никак не связанными между собой, но это обманчивое

впечатление. Они связаны, как поплавки рыболовной сети, – связи и сети не видно, но она ловит, запутывает наше представление о мире. Важный признак этих слов-амеб – их кажущаяся “научность”. Скажешь *коммуникация* вместо старого слова *общение* или *эмбарго* вместо *блокада* – и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые фундаментальные понятия» [Кара-Мурза 2002: 90]. Отметим, что выбор метафорического именованя в данном случае весьма точен: амеба – существо не только простейшее (слово-амеба – простейший лингвоментальный элемент), но и аморфное (как и слово, не имеющее строго окончательных, завершенных семантических очертаний), а часто – и паразитирующее (на индивидуальном и общественном сознании – и в качестве непродуктивной частицы языковой картины мира).

Почти аналогичные наблюдения делались и на материале других языков: «Самым, вероятно, страшным врагом разговорного английского является т. н. “литературный английский”. Сей занудный диалект, язык газетных передовиц, Белых книг, политических речей и выпусков новостей Би-би-си, несомненно, расширяет сферу своего влияния, распространяясь вглубь по социальной шкале и вширь в устную речь. Для него характерна опора на штампы – “в должное время”, “при первой же возможности”, “глубокая благодарность”, “глубочайшая скорбь”, “рассмотреть все возможности”, “выступить в защиту”, “логическое предположение”, “положительный ответ” и т. д., когда-то, может, и бывшие свежими и живыми выражениями, но ныне ставшие лишь приемом, позволяющим не напрягать

мысль, и имеющие к живому английскому языку отношение не большее, чем костыль к ноге» [Оруэлл 1989а: 332]. – «Меня вызвали в военное министерство, опросили и внесли в список на случай национальной опасности... Всё лихорадочно подготавливалось к национальной опасности. В этом темном министерстве слово "война" не произносилось, на нем лежало табу; нас должны были призвать, если возникнет "национальная опасность" – не военная смута, которая есть акт человеческой воли, не такие ясные и простые вещи, как гнев и расплата, нет, национальная опасность – нечто являющееся из глубины вод, чудовище с безглазым ликом и хлещущим хвостом, которое всплывает со дна морского» [Во 1974: 484].

Кроме того, употребление слов-амеб – одно из слагаемых престижности речедеятеля, залог его жизненного успеха (особенно в современном понимании) и высокого статуса (во всяком случае, владеющего набором слов-амеб трудно упрекнуть в нонконформистском вербальном поведении: он – такой же, «как все», соблюдает установленные правила игры в слова). «Слова-амебы – как маленькие ступеньки для восхождения по общественной лестнице, и их применение дает человеку социальные выгоды. Это и объясняет их "пожирающую" способность. В "приличном обществе" человек обязан их использовать» [Кара-Мурза 2002: 90]. Ср. пример воспроизведения одного из характерных лексических фрагментов культурно-речевой ситуации начала 20-х годов XX в. – в реплике персонажа, который «про совесть чего-то не помнит», зато «может угодить любому начальству» и, по-видимому, способен сделать удачную служебную карьеру: «"Вы скажите конкретно: чего я напорол? – взъярился Зайцев. –

Конкретно скажите...” Оно тогда только входило в моду, это слово “конкретно”, пришедшее в быт от политики, от яростных митинговых речей. Не всем еще ясен был его точный смысл, но почти все хотели его произносить. И Зайцеву нравилось это слово...» [Нилин 1990: 494–495]. В сегодняшнем россиянском словоупотреблении приблизительно таковы *экслюзивный, креативный, позитивный, элитный, гламурный* и *продвинутый* – индикаторы «продвинутости» адресанта, т. е. его соответствия самым современным критериям поведения, причем не только речевого (почти парольную функцию в официозе в то же время выполняют *инновационные технологии, амбициозный* – как мелиоративное [!], *оптимизация* – когда имеется в виду нечто прямо противоположное, и проч.).

Говоря о «модных словах, или словах-метеорах», отмечают, что они не появляются в одиночку, а влекут за собой другие подобные не только в тексте и абзаце, но даже в одной фразе; «такие речевые обороты приобретают характер эпидемии... Примитивизация стиля и обеднение выбора слов создают видимость языкового комфорта и ... ф а т а л ь н о с н и ж а ю т культурно-интеллектуальный уровень общения» [Комлев 2003: 107]. Скажем, основные причины повального распространения иноязычных заимствований в современной русской речи объясняют либо необходимостью выразить нечто новое, либо «обезьяньим пристрастием самозваных “элит” к самолюбованию» [Колесов 2004в: 206] (ср. там же: «А если... человек в состоянии повышенного комфорта и безделья превратился в обезьяну? Тепло, обилие пищи, все удобства под рукой – евростандарт... Сегодня на

переход в обезьянье царство претендуют многие лощеные джентльмены» [Колесов 2004в: 39]).

Вербальная магия

Весьма интересны случаи (вовсе не редкие) отсутствия лексического значения у слова либо составного наименования, причем отсутствия программируемого и преднамеренного. Иначе говоря, коммуникативная ценность таких языковых единиц должна быть равной нулю, но в культурологическом отношении и они становятся значимыми. «Полный отказ от разумного смысла – уже характерный признак языка жрецов и оракулов у первобытных народов, языка, порою впадающего в совершеннейшую бессмыслицу» [Хёйзинга 1997: 140]; ср.: «Глухо стала ворчать она [панночка-ведьма] и начала выговаривать мертвыми устами страшные слова; хрипло вспыхивали они, как клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не мог бы сказать он, но что-то страшное в них заключалось. Философ в страхе понял, что она творила заклинания» [Гоголь 1952, 2: 185].

Й. Хёйзинга, характеризуя язык магических построений, вещаний оракула, колдовских заклинаний, называет его «лирическим»: «Лирика [в очень широком смысле] в наибольшей степени пребывает в первоначальной сфере игры... Поэт наиболее приближается к наивысшей мудрости – но и к бессмыслице. ...Сама сущность лирики состоит в том, что она вырывается за пределы сковываемого логикой разума» [Хёйзинга 1997: 140].

Впрочем, «хоть это и безумие, но в нем есть последовательность» [Шекспир 1960, 6: 53]. Таким

образом по-своему логично организован «заумный язык»; ср.: «Повесть строится из слов как строительной единицы здания. Единицей служит малый камень равновеликих слов... Рассказ есть зодчество из слов ... [Зангези:] Пойте все вместе за мной! Гоум. Оум. Уум. Паум. Соум меня И тех, кого не знаю. Моум. Боум. Лаум. Чеум. – Боум! Бим! Бам!» [Хлебников 1986: 473, 482], с последующей авторской дешифровкой; «*Выум* – это изобретающий ум... *Гоум* – высокий, как эти безделушки неба, звезды, невидные днем. У падших государей он берет выпавший посох *Го*. *Лаум* – широкий, разлитый по наиболее широкой площади, не знающий берегов себе, как половодье реки. *Оум* – отвлеченный, озирающий все кругом себя, с высоты одной мысли... *Чеум* – поднимающий чашу к неведомому будущему. Его зори – чезори. Его луч – челуч. Его пламя – чепламя. Его воля – чеволя. Его горе – чегоре. Его неги – ченеги» и т. п. [Хлебников 1986: 483].

См. также следующее теоретическое обоснование этих изощрений: «**Говорят**, что стихи должны быть понятны. <...> С другой стороны, почему заговоры и заклинания так называемой волшебной речи, священный язык язычества, эти “шагадам, магадам, выгадам, пиц, пац, пацу” – суть вереницы набора слогов, в котором рассудок не может дать себе отчета, и являются заумным языком в народном слове. Между тем этим непонятым словам приписывается наибольшая власть над человеком, чары ворожбы, прямое влияние на судьбы человека. В них сосредоточена наибольшая чара. Им предписывается власть руководить добром и злом и управлять сердцем нежных... Волшебный язык заговоров и заклинаний не хочет иметь своим судьей будничным рассудок» [Хлебников 1986: 633–634].

Конечно, возможны и иные оценки таких экспериментов, например: «...Хотят сбросить бремя слова как воплощенного смысла, ринуться в непроглядную ночь звука... Но в этом и коренятся главные недоразумения и фиаско, ибо все-таки хотят говорить, не хотя слова, его низвергая в дословный хаос звуков... Футуристы правы: заумный, точнее доумный язык есть, как первостихия слова, его материя, но это – не язык... Это такое хвастовство хаосом...» [Булгаков 1953: 42].

При этом некоторые нововводимые элементы общественно-политической лексики и фразеологии неоднократно также рассматривались и оценивались как выполняющие исключительно магическую функцию. Это относится, в частности, к сложносокращенным словам советской эпохи. Конечно, следует предварительно заметить, что распространение явления аббревиации в русском языке специалисты приурочивают еще к дореволюционному периоду, когда в ходу были сложносокращенные названия синдикатов (Продуголь, Ростоп, Продаруд, Юротат, Продамет, Лензото и др.), а также военно-профессиональные именованья, актуализированные во время первой мировой войны (вроде *дегенрум* – дежурный генерал армии, *штабад* – адъютант штаба, ГАУ – Главное артиллерийское управление и т. п.) [Лексика 1981: 201–202]. Однако процесс аббревиации чрезвычайно активизировался особенно после октября 1917 г.; еще раз скажем, что некоторые (если не многие) современники этих событий усматривали в советских аббревиатурах черты вербальной магии. Ср.: «*Чека, цик, ревком* и огромная масса других, не менее диких сочетаний, совершенно невразумительных для непосвященных: ...“*всем губпотелькомам цекапот*”, *наркомпочтель*. В наше время

нельзя взять в руки газету или брошюру последнего времени, прочесть объявление или вывеску, чтобы не натолкнуться на десяток, а то и сотню подобных **магических** слов» [Баранников 1919: 77] – и: «...Иные могут похвалиться еще и тем, что теперь "куются" совсем новые слова, например, все эти **богомерзкие совдепы, викжели, земгоры** [между прочим: «"Земгор", объединенный комитет Земского и Гор. союзов. созд. 10. 7. 1915 для помощи пр-ву в орг-ции снабжения рус. армии. Ведал мобилизацией мелкой и кустарной пром-сти. Окт. рев-цию встретил враждебно, в янв. 1918 упразднен декретом СНК» [СЭС 1983: 458] – А. В.] и под. <...> Образуются новые манекены слов. Однако (и это **мистически** есть самая тяжелая сторона дела), такие слова-манекены становятся **вампирами**, получают свою жизнь, свое бытие, силу. Образуется целое облако таких мертвых слов-**ларв, вампиров**, которые сосут кровь языка и служат **черной** их **магии**. Таков **окультиный смысл** этого сквернословия» [Булгаков 1953: 32]. Заметим, что и в послесоветское время аббревиация по-прежнему продуктивна.

По-видимому, если «слова-амебы» (в понимании С. Г. Кара-Мурзы) характеризуются отсутствием связи с конкретной реальностью и минимальной, вплоть до нулевой, семантической валентностью, то симулякры (в терминологии Л. Н. Синельниковой) – «результат трансформированной реальности», хотя она уже и трансформирована посредством симулякров: «Реальность трансформируется разнообразными способами, в числе которых языковые средства занимают едва ли не ведущее место... Результатом симулякризации общества... является уменьшение числа субъектов влияния» [Синельникова 2003: 216]. Еще раз подчеркнем высокую

степень преемственности таких социолингвистических феноменов – вне зависимости от типа государственно-политического устройства, во многом ими порожденного и ими же обслуживаемого: «особо живучи и неистребимы политические симулякры... "Химерические конструкции" тоталитарного прошлого спокойно перекечевали в демократическое настоящее, что дает основание говорить о симулякрах как инвариантных признаках языка власти. *Радикальные социальные преобразования, сотрудничество со всеми здоровыми силами...* Новомодный политический лексикон продолжает культивировать мнимые денотаты, разрывать, отдалять друг от друга вербальный и предметный мир (достаточно посмотреть на многообразие контекстов употребления и коннотаций слов *лоббировать, цивилизованный, коррупция, популизм* и мн. др. или попытаться с некоторой степенью точности определить содержание понятий *экологически чистый продукт, либерализация цен, новый формат*)» [Синельникова 2003: 221–222].

В качестве не менее адекватного определения для таких «лингвистических фокусов политиков» [Осипов 2000: 211] – скорее всего, изобретаемых их подручной службой – можно предложить обозначение *мифоген*, поскольку с помощью интенсивного внедрения слов, словосочетаний, словесных блоков, лишенных денотативной основы и виртуализирующих действительность, порождаются новейшие мифы, которые, в конечном счете, лишают индивидуальное и общественное сознание способности к полноценной самостоятельной ориентации, всецело подчиняя его воле мифотворцев, транслируемой через все подвластные им каналы.

Российская перестроечно-реформаторская речевая практика в этом отношении предоставляет внимательному наблюдателю весьма обширный иллюстративный материал. Например: *человеческий фактор* (кстати, наиболее чуткие и предусмотрительные отечественные лингвисты незамедлительно изобрели *человеческий фактор в языке* – в языке, творимом, используемом и изучаемом человеком); *общечеловеческие ценности* (почему-то им никак не соответствуют коренные интересы России и ее народа); *стратегия ускорения* (не успевшая стать даже тактикой); *новое мышление* (результаты его то ли неосмысленного, то ли слишком по-новому обдуманного кем-то применения очень хорошо известны); *стабилизация экономики* (уже вряд ли возможная в принципе); *равноправное партнерство* (изначально неосуществимое); *мировое сообщество* (обычно имеются в виду одно-два государства, иногда – чуть больше); *оптимизация бюджета* (постоянное снижение финансирования образования, здравоохранения и других жизненно важных сфер); *социальная норма* (непонятно как установленный минимум расходов электроэнергии); *монетизация льгот* (резкое ухудшение материального положения множества и без того небогатых граждан); *правовое государство...*

Без слов

Вполне естественно, что речевой поток нельзя назвать абсолютно недискретным – по крайней мере, в частных его монологических и диалогических проявлениях: возникают паузы, как вынужденные и обусловленные, так и произвольные, спонтанные, но

во многих случаях способные быть весьма эффективными.

Иначе говоря, информативно и эмоционально значимым становится само отсутствие высказывания (в том числе – единичного словесного знака), что по-своему тоже может влиять на поведение участников коммуникации, отражать и выражать их умонастроение и предрасположенность либо недрасположенность к тем или иным действиям, образу поведения. Ср. классическое: «Народ *безмолвствует*» [Пушкин 1978, V: 280].

Своеобразная, но при этом несомненная коммуникативная ценность молчания и его роль в языковой игре кристаллизовались во фразеологизме *играть в молчанку* – «прост. 'молчать, уклоняясь от разговора'» [МАС₂ II, 1982, 2: 294]; «разг. ирон. 'уклоняться от прямого, откровенного разговора; отмалчиваться'» [Федоров 1995, II: 270].

Специалисты рассматривают подобные явления в разных аспектах; соответственно этому варьируется терминология.

Так, с точки зрения риторики, умолчание – «прием, состоящий в таком построении высказывания, когда часть его смысла передается не словами (не вербально), а подтекстом, с помощью намека. ...Предмет намека не ограничен тематически и может касаться любого обстоятельства, события, лица и т. д.» [Сковородников 2003: 725].

Однако в более широком аспекте, при сопоставлении молчания с теми речевыми действиями, отрицание которых и предполагает наличие самого

молчания, возможно его комплексное осмысление – а) как отказа от определенного речевого действия, б) как социально оцениваемого речевого жеста, в) как лакуны, требующей или не требующей заполнения, г) как духовного, социального и пр. состояния общества – что в совокупности может позволить «получить некий культурологический портрет эпохи» [Данилов 1998: 40] (точнее, наверное, один из его фрагментов).

Предполагают, что «молчание – своеобразная речевая реальность, имеющая свою цель, план выражения и план содержания», а поэтому, как ни парадоксально, «молчание является намеренным коммуникативным актом, имеющим нулевой план выражения, но тем не менее несущим значение. Незначимое молчание не фиксируется ни в языке, ни в текстах. “Словами молчания” характеризуется ненормативное положение дел. ...Молчание... является нулевым речевым высказыванием, имеющим семантику и прагматику» [Радионова 2000: 179, 182].

В связи с этим следует говорить об актуализации феномена «нулевого знака». Так называют «значимое, обретающее самостоятельную функцию и семантику отсутствие в рамках определенного текста какого-либо объекта или действия, необходимость наличия которых строго предписывается теми или иными социальными установлениями (правилами) или контекстом. Иными словами, отсутствие объекта в контексте, неотторжимой характеристикой которого он стал на протяжении определенного этапа его функционирования, в рамках которого воспринимался в качестве его обязательного компонента. При этом факт обязательности закреплен в сознании языкового коллектива, контактирующего с этим контекстом. Семантика нулевого знака может не уступать

по своей роли и информативной насыщенности семантике материально выраженного знака в традиционном понимании этого слова» [Шунейко 2005: 87].

Можно сказать, что не только возможность, но необходимость молчания как имплицитного, невыраженного – и всё же текста – предельно сконцентрированно формулируется в философическом «Silentium!» Ф. И. Тютчева. Почти век спустя, в 1920 г., тютчевское напутствие было доведено до совершенного абсурда поэтом Р. Роком, автором «Декрета о ничевоках поэзии»: «Ничего не пишите! Ничего не читайте! Ничего не говорите! Ничего не печатайте!» (цит. по [Душенко 2006: 412]).

Ср. такое позднейшее ироническое осмысление подобного применительно к музыкальному творчеству, как изобретение принципиально нового направления «тишизм» – намеренное неизвлечение звука из музыкального инструмента – в романе Вл. Орлова «Альтист Данилов».

Весьма возможно, что это – реминисценция эпизода из произведения А. Моруа: «В мире творятся немыслимые безумства. В английских газетах сообщалось о концерте тишины, который дал однажды некий безвестный пианист. Шумная реклама сделала свое дело – в день концерта зал был полон. Virtuоз тишины садится за рояль и играет, но поскольку все струны сняты, не раздаётся ни единого звука. Люди в зале косятся друг на друга. Каждый ждёт, что сделает сосед, и в результате вся аудитория сидит затаив дыхание. После двух часов гробовой тишины концерт оканчивается. Пианист встает и кланяется. Его провожают бурными

аплодисментами. На следующий день виртуоз тишины рассказывает эту историю по телевизору и в заключение признается: «Я хотел посмотреть, как далеко простирается человеческая глупость: она безгранична»» [Моруа 1989: 522–523].

Такой художественно-изобразительный прием, как преднамеренное отсутствие части текста, в мировой литературе использовался неоднократно.

Так, по мнению Ю. М. Лотмана, неоднократные пропуски строк в «Евгении Онегине» были «существенным элементом создаваемого [Пушкиным] нового типа повествования, построенного на смене интонаций и пересечении точек зрения, что позволяло автору возвыситься над субъективностью романтического монолога» [Лотман 1983: 166].

Этот же прием активно и постоянно используется в СМИ, правда, с некоторыми вариациями: может отсутствовать информация о каких-либо событиях, имевших место в действительности, и/или об их реальных участниках; из дискурса СМИ могут быть исключены те или иные ассоциативно продуктивные лексико-фразеологические единицы, что может существенно корректировать мировоззрение аудитории. Ср.: «Придворный географ вместе с историком должны были представить обстоятельные сообщения об этой стране [вызвавшей гнев их повелителя. – А. В.]. Они оба согласились на том, что Джиннистан – прежалкая страна, без культуры, просвещения, учености, акаций и прививки оспы, и даже, по правде говоря, вовсе не существует. А ведь ни для человека, ни для целой страны не может приключиться ничего худшего, как не существовать вовсе» [Гофман 1991: 232–233]. – «Этот вид искажения

информации [умолчание] открывает еще большие возможности для манипуляции, нежели прямая ложь» [Кара-Мурза 2002: 241].

Слово и миф

Исходя из того, что «всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов» [Хёйзинга 1997: 24], Й. Хёйзинга предлагал обратиться к мифу, «который тоже есть образное претворение бытия, только более подробно разработанное, чем отдельное слово. С помощью мифа люди пытаются объяснить земное, помещая основание человеческих деяний в область божественного. В каждом из тех причудливых образов, в которые миф облакает всё сущее, изобретательный дух играет на грани шуточного и серьезного»; то же относится к области религиозного культа: «Раннее общество совершает свои священнодействия, которые служат ему залогом благополучия мира... в ходе чистой игры в самом прямом смысле этого слова. В мифе и культе зачинаются, однако, великие движущие силы культурной жизни: право и порядок, общение и предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, ученость, наука. И все они, таким образом, уходят корнями в ту же почву игровых действий» [там же].

Справедливо, что «сейчас в науках о культуре и в исследованиях о культуре, советской в частности, принято трактовать миф как искажение, извращение реальной картины мира (подлинно научной); или как примитивную донаучную форму сознания; или как заблуждение, обман» [Романенко 2003: 220]. Подобные трактовки и интерпретации отечественными

мыслителями, и особенно руководителями, значительного и значимого периода истории, и не только собственно российской, но мировой, в общем-то, неудивительны: в их поведении есть своя логика – логика отступников. Кстати, любопытно, что до сих пор не получили широкой огласки случаи возврата в государственную казну дивидендов, ранее полученных прорабами перестройки и чернорабочими реформ за их прежнее активное участие в строительстве коммунизма и пропаганду соответствующих идей; равным образом деятели искусств (шоу-бизнеса), ныне известные как стойкие антикоммунисты, по каким-то причинам не возражают, когда их публично представляют, например, как «народных артистов СССР»... С другой стороны, в процессе этой перманентной кампании как будто не замечается сотворение новых мифов (в том числе и о современности), ничуть не более соответствующих действительности, чем какие-нибудь голливудские «байки из склепа».

Очевидная сложность, если не вообще невозможность, однозначной и адекватной квалификации понятия «миф» стала причиной вариативности мнений ученых об этом феномене. Ср.: «Обыкновенно полагают, что миф есть басня, вымысел, фантазия. Я понимаю этот термин как раз в противоположном смысле. Для меня и миф – выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя – того мира, который открывается людям в культуре, исповедующим ту или иную мифологию. <...> Словом, миф есть наиболее реальное и наиболее полное осознание действительности, а не наименее реальное, или фантастическое, и не наименее полное, или пустое» [Лосев 1993: 772–773]. – «Что такое творчески данное и

активно выраженное самосознание? Это есть *слово*. В слове сознание достигает степени самосознания... Слово есть не только понятая, но и понявшая себя сама природа... Миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть *слово*...» [Лосев 1991: 133–134]. «Слово всегда глубинно-перспективно, а не плоскостно. Таков же и миф. Миф или прямо словесен или словесность его скрытая...» [Лосев 1991: 62] – «...Богатый и можно сказать – единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое» [Афанасьев 1988: 50, 39]. – «Словесный знак скрывает за собою самые различные оттенки выражения мысли (в значении *mens, mentis*), и не только символы, но также образы, понятия, мифы и т. п.» [Колесов 1995: 15].

Образно описывая реалии современной России, в том числе – и культурно-речевую ситуацию, В. В. Колесов замечает: «Культура обычно определяется как информационно-мифологизированное поле сознания и подсознания. Сегодня это поле захвачено и перепахивается чуждой культурой другой цивилизации, засеивается сорняками, заболачивается и окисляется с особым усердием... Нынешний мир интеллигенции виртуален: в действительности, в явленности своих проявлений нет ни культуры, ни самой интеллигенции. Культура и идея представлены в идее, идеальны. Сущность без явления, – миф... Сущности нет – остается одна идея, или... миф» [Колесов 1999: 214–215, 223] (здесь же приводится ряд примеров, позволяющих верно оценить успехи сегодняшнего россияно-псевдоинтеллигентского мифотворчества, которое имеет своими корнями по преимуществу импортный номинализм: «...Если существуют термины

типа “фашист” – значит фашисты где-то рядом, их нужно искать, и обязательно отыщешь. В этом интеллигент [? – А. В.] и представляет себе формы политической “борьбы”: искать противника по терминам-кликухам, приписывая ему, быть может, собственные свои пороки» [Колесов 1999: 216]. Ищите – и обряцете... По той же самой номиналистской логике, иногда и от обратного: в Москве существует какое-то «антифашистское движение» «Антифа» (пока еще неизвестно кем инспирированное и финансируемое), а раз есть движение с таким названием, значит, в России есть и фашисты (точнее, тот самый фантомный «русский фашизм»), а вот если бы их не было, то не было бы антифашистского движения, и т. д...

Известны и другие определения, например: «Миф – обобщенное представление о действительности, сочетающее и нравственные, и эстетические установки, соединяющее реальность с мистикой. То есть это всегда представление в значительной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на массовое сознание. ...Мифы... становятся частью традиции и играют важную роль в легитимации общественного строя в идеократических государствах. Однако миф... и в современном обществе не утратил своего значения как важной формы общественного сознания и представления действительности» [Кара-Мурза 2002: 205].

Правила игры

Как известно, игра вполне может быть нечестной; это, несомненно, относится и к игре слов, хотя и понимаемой все-таки не так безбрежно-широко, как это

делал Л. Витгенштейн. Более того: она может быть одинаково нечестной для обоих (или всех) ее участников. Такое вполне возможно, если по их согласию (пусть молчаливому) будут установлены определенные правила. Ср. следующую градацию вербального конфликта: «...Мы ссорились по книжке; есть такие книжки для изучения хороших манер. Я назову все степени: первая – **учтливое возражение**, вторая – **скромная насмешка**, третья – **грубый ответ**, четвертая – **смелый упрек**, пятая – **дерзкая контратака**, шестая – **ложь применительно к обстоятельствам** и седьмая – **прямая ложь**» [Шекспир 1959, 5: 108] (любопытно, что, по мнению комментатора, здесь пародируется переведенный в 1595 г. на английский язык трактат «итальянца Савболи» «О чести и честных ссорах» [Смирнов 1959: 600]). Литературный персонаж, подробно описывая выгодные стороны своей принадлежности к «непорядочному типу», говорит: «Желание соврать, с целью осчастливить своего ближнего, ты встретишь даже и в самом порядочном нашем обществе, ибо все мы страдаем этой невоздержанностью сердец наших. Только у нас в другом роде рассказы; что́ у нас об одной Америке рассказывают, так это – страсть, и государственные даже люди! Я и сам... принадлежу к этому непорядочному типу... Друг мой, дай всегда немного соврать человеку – это невинно. Даже много дай соврать. Во-первых, это покажет твою деликатность, а во-вторых, за это тебе тоже дадут соврать – две огромных выгоды разом» [Достоевский 1957, 8: 229].

Полагают, что искушенность в симпатической магии, столь важной составляющей большинства ранних религиозных культов (по Й. Хёйзинге, в то время культ – воплощение чистой игры в самом прямом смысле этого

слова [Хёйзинга 1997: 24]), позволяла достичь власти тому, кто становился одновременно царем – и магом и жрецом [Фрэзер 1983: 18]. «Неудивительно, что этот последний род занятий привлекает внимание наиболее способных и честолюбивых членов племени, так как в перспективе эта карьера, как никакая другая, сулила почет, богатство и власть. Самые смышленные из них начинают понимать, как легко можно одурачивать своих более доверчивых собратьев и обращать себе на пользу их суеверия... Способнейшие представители этой профессии, должно быть, становятся более или менее сознательными обманщиками. Именно эти люди благодаря выдающимся способностям [к обману окружающих, как следует из дальнейшего. – А. В.] обычно добиваются наибольшего почета и наивысшей власти... На данной ступени общественного развития высшая власть, как правило, попадает в руки людей наиболее проницательных и наименее разборчивых в средствах» [Фрэзер 1983: 50–51]. Наличие последнего качества, вероятно, характерно не только по отношению к деятелям давнего прошлого; на этом фоне далеко не бесспорным представляется тезис о том, что «хитрый мошенник, как только он удовлетворил честолюбие, не преследует более никакой корыстной цели и может (что он часто и делает) обратить свои способности, опыт и возможность на службу обществу» [Фрэзер 1983: 51]. Напротив, с учетом статуса адресатов их вербальная обработка продолжается, а бескорыстное служение такого властителя обществу весьма гипотетично.

Уже издревле социально-имущественная дифференциация учитывается как приоритетная в формировании модели поведения государя: «Подавляй чернь, гаси пыл ее, – не склонны к восстанию богатые,

бедняки же замышляют вражду» [Поучение 1978: 207], а потому и в последующие эпохи: «Мы ли не правы, скажи? Без обмана возможно ли с чернью? Сам погляди, до чего дик и разнуздан народ!» [Гёте 1987: 31].

«Структурный коннотативный компонент безнравственности, который по отношению к лжи мы определили бы как лживость, слово приобретает в речи, когда продуцируется заведомая ложь. Масштабы разрушений, производимые такими словами, могут принимать для человека катастрофический характер. Это зависит от многих факторов: кем в иерархической структуре общества распространяется заведомая ложь, в каких масштабах, насколько глубоко она овладевает сознанием общества и другими причинами» [Гируцкий 1996: 122].

Вот одна из возможных модификаций такой игры, являвшаяся, согласно литературно-художественному тексту, доминантной этической константой третьего рейха: «...Народ [Германии] верил этим ответам, которые ему готовили люди, не верившие ни в один из этих ответов. Цинизм был возведен в норму политической лжи, ложь стала необходимым атрибутом повседневности. Появилось некое новое, невиданное ранее понятие "правдолжи", когда, глядя друг другу в глаза, люди, знающие правду, говорили друг другу ложь, опять-таки точно понимая, что собеседник принимает эту необходимую ложь, соотнося ее с известной ему правдой» [Семёнов 1985: 300]. Впрочем, любому, более или менее сведущему в истории (да и в современных событиях), должно быть известно, что суждения, подобные приведенным, можно экстраполировать на ситуации разных эпох и типологически различные государственно-политические устройства; причем, как

правило, «знающие правду» (т. е. владеющие исчерпывающей объективной информацией об истинном состоянии дел) сами вовсе не склонны придерживаться ни этой правды, ни служить образцом применения высоких этических принципов. Обычно так поступают облеченные широкими властными полномочиями, и это отнюдь не случайно.

Так, Н. Макиавелли в одной из глав своего известнейшего труда, названной «О том, как государи должны держать слово», пишет: «Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямотушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность... Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы [интересно, что вот здесь в качестве объяснения используется то, что сегодняшние пропагандисты именуют «человеческим фактором». – А. В.] люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется... Надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить» [Макьявелли 1993: 291]. (Ср.: «Первый или главный государственный министр... пользуется словами для самых различных целей, но только не для выражения своих мыслей... Наихудшим

предзнаменованием для вас бывает **обещание**, особенно когда оно подтверждается клятвой; после этого каждый благоразумный человек удаляется и оставляет всякую надежду» [Свифт 1989: 271].)

О применении на практике этих рекомендаций (деятелями, даже не обязательно знакомыми с теоретической стороной вопроса; ср. оригинальный виртуозный пассаж: «Принципы, которые были принципиальны, были непринципиальны» (В. Черномырдин) [gazeta.ru]), как и о взаимной готовности сторон к такой игре в слова (пусть даже одна из сторон – именуемая обычно «населением» – о своем участии в игре совершенно не подозревает либо догадывается очень смутно) можно судить и по самым современным примерам. Ср. воспроизведение решительных высказываний памятного российского политика – и их интерпретацию «уважаемыми россиянами»: «*Реформы начали работать! Это – главное!*» – «Видишь, говорит: мыло надо закупать, соль, спички». «*С первого числа! зарплату! всем вовремя!*» – «Денег, говорит, нету». «*Беру! Под личный, понимаешь, контроль!*». – «Вот как! Нету, говорит, денег и не будет»» (цит. по [Семенюк 2001: 275]). Конечно, в эпоху перемен многие персонажи и декорации на политической сцене чередуются исторически быстро (иногда – просто до неприличности поспешно), но парадигма поведения остается прежней; интрига действия постоянно обеспечивается вербальными актами сверху – и малокритичным восприятием их на веру в низу социальной пирамиды (лестницы и т. п. – короче говоря, иерархии). Ю. Поляков декодирует афористическое название своей статьи «От империи лжи – к республике вранья» (1992), в частности, следующим образом: «...Мы были империей лжи, но заметьте: это

была ложь во спасение... Сама ложь эта скорее напоминала заклинания... На ее [«империи лжи»] развалинах возникло не царство правды, а обыкновенная республика вранья. Если огрубить ситуацию и выделить тенденцию, то люди решительно прекратили лгать ради "государственных устоев", взапуски начав врать в корыстных интересах... Ложь стала первой и пока единственной по-настоящему успешно приватизированной государственной собственностью... Стоит ли удивляться, как почти все наши более или менее крупные политики меняют убеждения в зависимости от "погоды"... Вообще может показаться, что нас с вами держат за слабоумных» [Поляков 2005: 67–69]. – Ср. у классика: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...» (с эпитафией: «Что есть истина?») [Пушкин 1977, III: 189].

При этом, наверное, возможны некоторые варианты. Допустимо предположить, что далеко не все получатели (может быть, даже исключительные единицы) способны отличить истинную информацию от ложной, оценить степень ее достоверности; как выразился литературный персонаж, мошенник, «ведь все дураки в городе за нас стоят! А дураков во всяком городе куда больше, чем умных» [Твен 1978а: 372]; конечно, в таких случаях надо учитывать не только степень умственных способностей адресата (индивидуального или коллективного), но также его культурно-образовательный уровень, изначальную настроенность на обдумывание сообщения – или ее отсутствие; наличие навыков самостоятельного анализа получаемых сведений; убежденность в определенных фундаментальных ценностях – и, соответственно, способность противостоять информационно-психологическому воздействию при

твердой развитой внутренней установке воспользоваться одним, несколькими или всеми этими свойствами.

Однако с тем же успехом нельзя совершенно исключать и несколько иной характер коммуникативной ситуации, а именно: когда адресант (например, политик или сотрудник СМИ) искренне считает, что сотворенное или транслируемое им высказывание безусловно истинно: «корреспондент лгал в газетах, но ему казалось, что он писал правду» [Чехов 1956, 10: 486].

Может быть, в таких случаях в качестве некоего компенсаторно-защитного механизма у адресанта активизируется программа самовнушения (автосуггестии), ср.: «врал-врал, и до того увлекся, что и сам себе начал верить...» [Твен 1978а: 392]. Проводя параллель с некоторыми положениями российского гражданского права, можно назвать распространителя информации, в истинности которой он совершенно уверен, но которая на самом деле является абсолютно ложной, «добросовестным приобретателем» (ч. 1, ст. 302 Гражданского кодекса РФ в ред. от 02.07.05).

Впрочем, решающим фактором мифотворчества, по сравнению с вышеупомянутыми, является тот, который находится, так сказать, «по ту сторону добра и зла», а именно – эффективность вербальных операций: мораль и этика не в счет. Американский социолог Г. Ласуэлл, которого считают основоположником научного направления, посвященного роли слова в пропаганде, создал целую систему; ядром ее стали принципы создания «политического мифа» с помощью подбора соответствующих слов. При этом всё определяет исключительно критерий действенности: «политический миф – это комплекс идей, которые массы готовы

рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности» (цит. по [Кара-Мурза 2002: 89]).

Кстати, такой подход к конструированию мифов предоставляет потребителям информации возможность принять участие еще в одной игре: попытаться различить истину и ложь, хоть и без особой надежды на выигрыш. «Указывая на денотацию каких-то объектов, коммуникатор может подразумевать нечто совершенно другое. И это "совершенно другое" более или менее адекватно угадывается реципиентом. Более того, угадывание прогнозируется и планируется говорящим. Этот процесс... делает более впечатляющим эффект сообщения» [Комлев 2003: 133]. Другой вопрос, *все ли адресаты склонны и способны к игре в такую «угадайку»*, но это уже не является решающим фактором.

Можно вполне обоснованно экстраполировать понятие игры слов на такое явление, как ложь, лексикографически дефинируемое, например, следующим образом: «*ложь* – 'неправда, намеренное искажение истины; обман'» [МАС₂ 1982, II: 197]. Известно, что «каждое слово представляет собою особый микромир, в котором отражается какой-то кусочек реальной действительности или **отклонений** от нее (нередко весьма значительных)» [Филин 1984: 16].

Н. Г. Комлев полагает очевидным, что «для установления как истинности, так и правильности высказывания необходимо раскрытие денотативных связей... Корреляция лексических понятий с денотатами (соответственно знакового и понятийного уровней с денотативными) манифестирует так называемый смысл, а также служит основанием деления фраз на истинные и

ложные. В сопряжениях содержательных элементов слова иногда выступают сдвиги, отклонения и просто неверные когеренции» [Комлев 2003: 114]. Упоминая о возможности образования вследствие этого (со ссылкой на Г. Вайнриха) т. н. ложных понятий – «слова-понятия могут быть ложными, даже если взяты изолированно [это суждение до некоторой степени перекликается с вышеприведенным суждением Ф. П. Филина. – А. В.], поскольку за ними стоит невыраженный контекст-дефиниция» (ср. все-таки: «слова живут не вне контекстов их употребления» [Филин 1982: 226]), Н. Г. Комлев замечает: «Не надо забывать об условности таких оценок слов. Ведь сами знаки никаких суждений не выражают и выражать не могут. Это способны делать только люди, пользующиеся языком» [Комлев 2003: 114]. С этим сопряжено еще одно немаловажное обстоятельство: «... Ценности высказываний определяются не их отношением к языку (как чисто лингвистической системе), а разными формами отношения к действительности, **к говорящему субъекту** и к другим (чужим) высказываниям» [Бахтин 1986б: 319].

Играть в слова по своим правилам нравится многим представителям гуманитарных наук. Например, социологам из ВЦИОМа, 09–11.01.10 задавшим представителям российского населения вопрос: «Как вы считаете, что сейчас важнее для России – демократия или порядок?». Респонденты, которым дали таким образом понять, что «демократия» и «порядок» – вещи противопоставленные, разделились с явной неравномерностью: 72 % выбрали вариант ответа «порядок, даже если для его достижения придется пойти на некоторые нарушения демократических принципов и

ограничения личных свобод», и лишь для 16 % оказалась предпочтительнее «демократия, даже если последовательное соблюдение демократических принципов предоставляет определенную свободу разрушительным и криминальным элементам»; а 12 % так и «затруднились ответить» на виртуозно сформулированный вопрос, априорно ограничивающий и изолирующий «демократию» от «порядка» [ГН. № 53. 15.04.10. С. 1].

Весьма интересными представляются наблюдения и выводы, сделанные Л. Н. Синельниковой по поводу «симулякров»: «...Всё можно заменить на всё, переставить местами, оторвать от логики здравого смысла, убрать различительные признаки. И далее – по нарастающей: всё игра, кажимость, мнимость, и доверять чему бы то ни было опасно. Слово *симулякр* – от *симуляции*. Симуляция – это притворство, ложное утверждение или изображение чего-либо с целью ввести в обман... Если это явление становится социально значимым, влияет на общественное сознание и стремится изменить культурный код, – симуляция приобретает новое качество и становится симулякром. Реальным провозглашается то, что симулируется» [Синельникова 2003: 216–217]. Уже это само по себе следует считать чрезвычайно важным для формирования этических норм общества – или их деформации и деструкции. Однако, по справедливым суждениям цитируемого автора, такие процессы, логически продолжаясь и лавинообразно распространяясь (причем, как будет показано далее, целенаправленно через каналы СМИ), имеют и более глубокие и долговременные результаты: «Симулякры влияют на концептуальные категории мировидения, формируют свои культурные коды в сознании...

Современное состояние общественного сознания и связанной с ним языковой картины мира дает основание для расширительного применения понятия симулякра как отстраненности от смысла, убыстренного и безответственного общения, тотального распыления мысли, нечеткости и диффузности знаний... Понятия *истина, ложь, достоверность* "перемалываются" в дискурсах-симулякрах, и никто уже не пытается разобраться, что достоверно, а что нет» [Синельникова 2003: 216, 219].

Аспекты манипуляции

Согласно одной из многочисленных дефиниций, языковая игра – «сознательное манипулирование языком, построенное на необычности использования языковых средств» [Санников 1999: 37]. Впрочем, трактовать «необычность использования языковых средств» можно довольно широко; да и манипулирование оказывается – по крайней мере, в большинстве случаев – вполне сознательным, иначе его надо было бы называть как-то иначе (например, небрежностью, ошибкой и т. п.).

Известны различные определения манипуляции. Ср. следующие лексикографические дефиниции: «*манипуляция* – 1) 'движение рук, связанное с выполнением определенной задачи, напр. при управлении каким-л. устройством'; 2) 'демонстрирование фокусов, основанное преимущественно на ловкости рук, **умение отвлечь внимание зрителей от того, что должно быть от них скрыто**'; 3) * 'махинация, мошенническая проделка'» [СИС 1979: 300]. Вероятно, на основе двух последних значений (одно из которых является к тому же метафорическим, что, наверное,

облегчило его использование в различных сферах) развилось несколько иное – как специального термина социальных наук: «*манипуляция* – (социологич. и социально-психологич.) `система способов идеологич. и духовно-психологич. воздействия с помощью средств массовой коммуникации на массы с целью их подчинения бурж. ценностям и образу жизни, насаждения потребит. психологии, антикоммунистич. идеологии'» [СЭС 1983: 755]. Этот термин очевидно призван был служить отрицательно-оценочным обозначением явления, присущего враждебным социальным процессам и тем СМИ, которые их обеспечивают. Ср.: «...В условиях буржуазного общества главной функцией массовой коммуникации является социальная манипуляция общественным сознанием, адаптация населения к стандартам и канонам буржуазного образа жизни...» [Ножин 1974: 8].

Впоследствии появились и более нейтрализованные определения: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется **для скрытого внедрения** в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Доценко 1996: 60].

По-видимому, коннотация слов гнезда *манипул*– постепенно менялась: «Слово “манипулирование”, или “манипуляция”, ведет свое происхождение от латинского слова *manipulare*, в своем **первоначальном** содержании означает в совершенно **позитивном** смысле “управлять”, “управлять со знанием дела”, “оказывать помощь” и т. п.» [Зирка 2004: 134–135].

Ср. другие варианты дефиниции, подразумевающие иную оценку описываемого явления: «Манипуляция есть обман как феномен коммуникации, имеющий своего автора и исполнителя, у которых есть, в свою очередь, мотив» [Секретарева 2007: 268]; «... Скрытое возбуждение намерений, не совпадающих с актуально существующими у человека» [Кузоро 1999: 125].

Отметив, что слово *манипуляция* имеет отрицательную окраску («им мы обозначаем то воздействие, которым недовольны, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы остались в проигрыше, а то и в дураках»), С. Г. Кара-Мурза описывает его этимологию и семантические эволюции, приведшие к такому результату: современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка...»; изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характера поведения, которое он от них ожидает» [Кара-Мурза 2002: 15]. Одним из важных этапов в развитии метафорического употребления слова было, по мнению психологов, искусство артистов, фокусников-манипуляторов, которые добиваются эффекта, используя психологические стереотипы зрителя, отвлекая, перемещая и концентрируя таким образом его внимание. К главным, родовым признакам манипуляции относят следующие: 1) это вид духовного, психологического **воздействия**, мишенью которого

являются психологические структуры личности; 2) это **скрытое** воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; 3) это воздействие требует от манипулятора значительного **мастерства и знаний**; 4) это отношение к людям, сознанием которых манипулируют, не как к личностям, а **как к объектам**, особого рода вещам [Кара-Мурза 2002: 16–17].

Манипуляции – неизбежный модус поведения и атрибут и необходимый инструмент любой власти так же, как и средства массовой информации, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае малоэффективно).

Одним из главных компонентов манипуляции обычно считают внушение (суггестию): «...это воздействие на личность, приводящее либо к появлению у человека помимо его воли и сознания определенного состояния, чувства, отношения, либо к совершению человеком поступка, непосредственно не следующего из принимаемых им норм и принципов деятельности. Объектом внушения может быть как отдельный человек, так и группы, коллективы, социальные слои» [Кузоро 1999: 120]. Предпосылки внушения оцениваются зачастую столь же негативно, сколь и сама манипуляция: его определяют и как «специально организованный вид коммуникации, предполагающий некритическое восприятие сообщаемой информации» [Мельник 1999: 58].

Вряд ли можно считать всегда абсолютно верными даже в своей отправной точке попытки абсолютного разграничения, правда, в какой-то степени несхожих, но всё же весьма и весьма близких явлений; ср.: «Внушение отличается, к примеру, от пропаганды тем, что основано

на принципе взаимодействия и стремится удовлетворить как того, кто внушает, так и объекта внушения, тогда как пропаганда стремится добиться реакции, способствующей реализации желаемых самим пропагандистом целей» [Секретарева 2007: 267]. Конечно, довольно распространены ситуации, подобные описанной классиком:

Но притворитесь! Этот взгляд

Всё может выразить так чудно!

Ах, обмануть меня не трудно!..

Я сам обманываться рад! [Пушкин 1977, II: 303].

Однако едва ли можно считать такую модель поведения реципиента внушения универсальной; скорее, все-таки наоборот. Кроме того, существительные *внушение* ('воздействие на волю и сознание человека с целью внушить ему какие-л. мысли, убеждения, чувства')» [МАС₂ 1981, I: 190]) и *пропаганда* ('политическое или идеологическое воздействие на широкие массы, а также органы и средства, с помощью которых осуществляется это воздействие' – *Коммунистическая пропаганда. Буржуазная пропаганда*)» [МАС₂ 1983, III: 508]) тесно взаимосвязаны посредством общего семантического компонента *воздействие* – 'действие, направленное на кого-, что-л. с целью добиться, достичь определенного результата'» [МАС₂ 1981, I: 199]. Таким образом, противопоставлять внушение пропаганде возможно лишь с учетом преимущественной профессиональной сферы употребления каждого из них (например, медицинской – и политической).

Именно о манипулятивных потенциях языка сегодня упоминают всё чаще, что свидетельствует о растущей актуальности проблем интересующего нас круга.

«Язык как система понятий, слов (имен), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное **средство подчинения**... Первоначальной функцией слова на заре человечества было его **суггесторное** воздействие» [Кара-Мурза 2002: 84]. Подобные суждения находим у лингвистов, которые в ряде случаев подчеркивают невозможность четкого и безусловного разграничения манипулятивных и «неманипулятивных» речевых актов, например, «из-за крайней сложности квалификации и проведения черты между просто речевым воздействием, без которого нет и не может быть естественного общения людей (**любой речевой акт суггестивен**), и манипуляцией» [Голев 2007: 11]. Ср.: «Любой акт речевого общения не происходит ради самого общения: коммуниканты всегда преследуют определенные речевые цели, которые в итоге влияют на деятельность собеседника» [Секретарева 2005: 266] – и: «Любой акт коммуникации, вербальной или невербальной, призван воздействовать на ее участника. Даже фатическое общение имеет целью как минимум возбудить внимание к тому, кто такое общение инициирует. Даже нейтрально-информативный монолог типа научного сообщения имеет целью как минимум побудить слушателей вникнуть в его содержание...» [Осипов 2007: 217].

Несомненно, что и «текст закона в каком-то отношении является узаконенным манипулятивным текстом» [Бринёв 2005: 158].

Запоздало смелые обличения «советского новояза» всё заметнее сменяются интересом к современным феноменам манипулятивного использования языка, четко наблюдающимся прежде всего в сферах политической (в том числе – управленческой) и коммерческой (рекламный бизнес) деятельности. К справедливому в общем суждению по этому поводу Н. Д. Голева («манипулятивное использование языка всё больше трансформируется в сильнейшее средство борьбы за власть... и за деньги») следовало бы, наверное, добавить, что борьба за власть зачастую (или всегда?) оборачивается борьбой за деньги – и *vice versa*; при этом о «правах личности» [Голев 2007: 11] вспоминают крайне избирательно: если личность не претендует ни на власть, ни на деньги (и не обладает ими), то ее права вряд ли кого-либо серьезно интересуют. В свете философии информационной войны, слова естественного языка легко можно превратить в носителей скрытой угрозы для сложных самообучающихся систем (человека, социальной группы, государства); поскольку «словом можно активизировать т. н. типовые программы агрессии, смеха, плача, жалости и т. п., которые не являются скрытыми и в принципе могут контролироваться сознанием хозяина. Аналогичным образом можно сформулировать скрытую программу и определить для нее ключ. ...Можно, используя слово, заставить человека или компьютер самостоятельно сгенерировать нужную программу, которая послушно будет ждать своего часа активизации» [Расторгуев 2003: 243].

Упомянутую выше «необычность использования языковых средств» [Санников 1999: 37] можно трактовать в том числе и как некогерентность дискурса,

т. е. отрыв слова от сути явления, возможность искажать реальность, мифологизировать представление о ней [Синельникова 2002: 189].

Манипуляции словом

Проблемы манипулятивных технологий, методов речевого воздействия на индивидуальное и общественное сознание рассматриваются специалистами в разных аспектах, среди которых, на наш взгляд, главным является анализ особенностей употребления лексико-фразеологических элементов в соответствующих дискурсах средств массовой информации.

«...Политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например, опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о “снижении налогов”. Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за “сокращение пропасти между богатыми и бедными”, и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их придется не только миллионерам. Точно так же опытный политик будет говорить не о сокращении помощи малоимущим, а о важности снижения налогов, однако легко предположить, какие именно статьи бюджета пострадают после сокращения налоговых поступлений» [Будаев, Чудинов 2006: 19].

Весьма распространены и извержения политиками словесных потоков, лишенных сколько-нибудь внятного логического содержания.

Образцом смысловой пустоты высказывания при обилии употребляемых слов может служить монолог министра из сатиры А. К. Толстого «Сон Попова», где дан собирательный речевой портрет гримирующегося под либерала сановного бюрократа 60–70-х годов XIX века:

...Прошло у нас то время, господа —
Могу сказать: печальное то время, —
Когда наградой пота и труда
Был произвол. Его мы свергли бремя.
Народ воскрес – но не вполне – да, да!^[5]
Ему вступить должны помочь мы в стремя,
В известном смысле сгладить все следы
И, так сказать, вручить ему бразды.
...России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим

⁵ Ср.: «Когда убили женщину-журналиста, нация **вздрагнула, но не до конца**» [И. Хакамада. Новости. ТВ-6. 24.11.98].

Открыть родник взаимного труда.

Надеюсь, вам понятно, господа? [Толстой 1981, 1: 294–295].

Примерно столь же многословны и при этом малосодержательны были выступления первопоследнего президента СССР.

Поэтому остается актуальным известнейшее речение: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их» [Матф., 7; 15–16]. Относительно современной ситуации при демократической системе правления «определить, чьи интересы: наши – отечественные или чужие – заморские, будет отстаивать “избранник”, тоже несложно. Достаточно посмотреть на те персонажи, которые его поддерживают, не столько на слова, сколько на конкретные дела, неизбежно проявляющиеся через контакты, зарубежные поездки, подписанные финансовые и другие документы, связанные с изменениями материальной сферы... Достаточно снять с глаз розовую пленку ничего не значащих слов, эмоций и веры в правоту телевизионных ведущих и их гостей» [Расторгуев 2003: 415].

Б. И. Осипов считает необходимым четкое разграничение понятий «речевое воздействие», «речевое манипулирование», «речевое мошенничество» (кстати, кажется, им же введенный термин) [Осипов 2007: 216–217]: используя последнее в качестве отправной точки рассуждений, он полагает, что «о мошенничестве в юридическом смысле слова правомерно говорить лишь в тех случаях, когда именованное (или, чаще, переименование) товара или услуги приносит не просто

надежду на успех, хотя бы и коммерческий [т. е., например, реклама – это «манипулирование не всегда законное, но все-таки не мошенничество в юридическом смысле» [Осипов 2007: 218, а реальный, подчас даже исчислимый денежный доход» [Осипов 2007: 219]. Скажем, «когда заработная плата, не меняя своего размера, отстает от прожиточного минимума, она меняет свою суть и становится социальным пособием, а если за ней сохраняется наименование “заработная плата”, то перед нами опять-таки мошенничество речевого характера» [Осипов 2007: 220]. Кстати, верно отмеченные автором «лингвистические изыски» российского официоза (представить аудитории СМИ обстановку в Чечне и пограничных с нею регионах как преимущественно почти мирную) вряд ли совершенно «не преследуют непосредственно корыстной, собственно имущественной цели, имеющей конкретное финансовое выражение» [Осипов 2007: 217–218]. Дело в том, что выплата определенной надбавки к денежному содержанию военнослужащего (т. н. *боевых*) зависит именно от его личного участия в войне (*боевых действиях*); и если в упомянутом регионе царит мир, то и «боевые» находящимся там солдатам и офицерам, естественно, не положены – то же самое, что и в случае с «заработной платой», не дотягивающей до планки прожиточного минимума (а ведь и ее тоже устанавливают довольно загадочным образом, как и уровень «социальных расходов электроэнергии» и т. п.). Такой словесной эквилибристики в российском официозе более чем достаточно, и причины этого весьма прозрачны: «Политические лидеры, средства массовой информации, воздействуя на общество и конкретную личность, используют разнообразные приемы, в том

числе и речевое давление, языковое манипулирование» [Семенюк 2001: 279]; желание манипулировать неистребимо [Синельникова 2002: 189].

Понятие «языковое (речевое) манипулирование» представляется, конечно, более узким, нежели «манипулирование вообще». Приведем некоторые определения.

Языковое манипулирование – «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. В основе языкового манипулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков» [Быкова 1999: 99]. – «Под языковым манипулированием мы понимаем скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны, с целью достижения определенного эффекта. Путем манипуляции в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причем незаметно для человека, изменить его отношение к миру» [Любимова]. – Ср. также «компромиссное» определение «языко-речевая манипуляция» [Бринёв 2005: 156–157].

Хотя иногда и говорят, исходя из соссюрдовской дихотомии язык – речь, что было бы точнее «квалифицировать данное явление как речевую манипуляцию, так как в данном случае речь идет об

использовании языковых средств и подчеркивается прагматический характер явления» [Бугорская 2004: 5], однако именно на факте существования языка как знаковой системы базируется возможность его применения в функции инструмента манипуляции.

Очевидно, что, подобно тому, как это происходит в любой игре, участники манипулятивных игр в слова также распределяются по ролям в акте коммуникации: адресант и адресат / субъект и объект / источник и реципиент / манипулятор и манипулируемый, соблюдающие определенный образ поведения. Так, рассматривая загадку как пример высококонвенционального действия, называемого игрой, противопоставляют его «обычному» коммуникативному акту по следующим критериям: «а) игра – это высококонвенциализированное коммуникативное действие, следовательно, действия игроков расписаны очень жестко, роли четко распределены; б) игра не может начаться спонтанно: прежде чем начать играть, игроки договариваются об этом, этот договор – не следствие некоторых коммуникативных поведений, не молчаливое согласие, а результат формально выраженных направленных взаимодействий; в) для игры характерно наличие целей, в большой степени абстрагируемых от конкретных условий коммуникаций... Роль участника игры – это своего рода маска, под которой существует коммуникант прежний, доигровой» [Филиппов 1998: 103]. Ср. эпизод состязания сказочных персонажей – Бильбо и Голлума, во время которого они меняются ролями субъекта и объекта манипуляции, «загадчика» и «отгадчика», причем нарушают правила игры взаимно, поскольку не доверяют друг другу: «Он [Бильбо] знал, конечно, что игра в загадки очень

старинная и считается священной и даже злые существа не смеют плутовать, играя в нее. Но Бильбо не доверял этому скользкому созданию: с отчаяния оно могло выкинуть любую штуку. Под любым предлогом оно могло нарушить договор. Да и последняя загадка, если на то пошло, согласно древним правилам игры, не могла считаться настоящей» (т. е. это был «обычный» вопрос) [Толкиен 1991: 74–75].

Замечательный пример высококонвенциональной игры (причем выражающейся не только вербально), участники которой как бы надевают на себя некие маски, соответствующие их ролям, и соблюдают необходимые правила, – это взаимоотношения Бориса Друбецкого и Жюли Карагиной.

Предварительные условия игры: в силу обстоятельств Борису, приехавшему в Москву для женитьбы на богатой невесте, приходится остановить свой выбор на Жюли. Ей двадцать семь лет, она очень богата и совершенно некрасива (хотя и считает, что «она не только так же хороша, но еще более привлекательна теперь, нежели была прежде»); причем Жюли «усвоила себе тон девушки, как будто потерявшей любимого человека или жестоко обманутой им. Хотя ничего подобного с ней не случилось, на нее смотрели, как на таковую, и сама она даже верила, что она много пострадала в жизни» [Толстой 1980, V: 323]. «...Некоторые молодые люди, в числе которых был и Борис, более углублялись в меланхолическое настроение Жюли, и с этими молодыми людьми она имела более продолжительные и уединенные разговоры о тщете всего мирского... Жюли была особенно ласкова к Борису» [там же].

Далее отношения между мнимыми страдальцами развиваются по канонической партитуре сентиментализма; имитация чувств нарастает: «Жюли играла на арфе самые печальные ноктюрны. Борис читал ей вслух “Бедную Лизу” и не раз прерывал чтение от волнения, захватывающего его дыхание. Встречаясь в большом обществе, Жюли и Борис смотрели друг на друга как на единственных людей в море равнодушных, понимавших один другого» [Толстой, 1980, V: 324] – и через «месяц тяжелой меланхолической службы при Жюли» Борис делает предложение: «“Вы знаете мои чувства к вам!” – Говорить больше не нужно было: лицо Жюли сияло торжеством и самодовольством; **но она заставила Бориса сказать ей всё, что говорится в таких случаях**, сказать, что он любит ее и никогда ни одну женщину не любил более ее. Она знала, что за пензенские имения и нижегородские леса она могла требовать этого, и она получила то, что требовала» [Толстой 1980, V: 326].

Таким образом благополучно завершается игра, результатом которой удовлетворен каждый из ее участников, игравших по установленным (хотя и неписанным) правилам: им теперь можно сбросить поднадоевшие обоим маски, забыть о сентиментальности как непрременном условии игры и вести себя естественно: «Жених и невеста, не поминая более о деревьях, обсыпающих их мраком и меланхолией, делали планы о будущем и приготавливали всё для блестящей свадьбы» [Толстой 1980, V: 327].

Можно согласиться с тем, что в основе манипуляции лежат речевые действия, имеющие конкретную направленность (впрочем, как уже сказано выше, это относится по существу ко всем коммуникативным актам):

субъект манипуляции пытается навязать ее объекту свою волю [Бринёв 2005: 161]. Это, в общем-то, прозрачное положение нуждается, на наш взгляд, в определенной дополнительной дешифровке. А именно: путем использования каких типологически однородных (или разнородных?) языковых либо неязыковых средств может быть достигнуто (или полностью, или хотя бы частично) подавление воли объекта – причем с учетом такого важного обстоятельства, в какой степени эта воля имеется у адресата воздействия, который, может быть, уже предрасположен или подготовлен (либо толерантен) к нему.

Это можно рассмотреть на материале текстов коммерческой рекламы. Было бы затруднительным абсолютно четкое разграничение СМИ и рекламы, хотя такие попытки иногда предпринимаются (ср.: «Предлагаем выделить рекламолект как особый социолект, характеризующийся присутствием речевого образа продавца и ожиданием обратной связи от потенциального потребителя» [Ульянская 2005: 95]. – «Реклама является особым типом текста, текстом влияния. Растиражированность таких текстов позволяет сказать, что именно данная сфера культуры оказывает наибольшее воздействие на сознание современной личности» [Пикулева 1998: 112] (хотя любой текст СМИ очевидно выполняет те же задачи)). Реклама – неотъемлемая составляющая СМИ, концентрированно выражающая их цели: «дать нам такие знаки, чтобы мы, встроив эти знаки в контекст, изменили образ этого контекста в нашем восприятии. Он подсказывает нам такие связи своего текста или поступка с реальностью, навязывает такое их истолкование, чтобы наше представление о действительности было искажено в

желательном для манипулятора направлении» [Кара-Мурза 2002: 28]. Собственно, принципиально безразлично, какой товар предлагает покупателю (аудитории) продавец через рекламу (устаами СМИ): политического деятеля или товары широкого потребления, трансформируя представления аудитории о реальности – внушая, например, мысль, что без данного товара (или политика) более или менее комфортное существование реципиента невозможно.

Обычно исследователи заключают, что с помощью рекламных текстов формируется некая псевдодействительность, мир, параллельный реальному и имеющий с последним весьма мало общего. Кроме того, отмечают, что разнообразные манипулятивные игры в слова, реализующиеся в рекламных текстах, преследуют цель ввести в заблуждение, обмануть: «Реклама нарушает этическую норму... побуждая покупателя к совершению некритического поступка... наносит тем самым вред потребителю (материальный, моральный и др.). Добиваясь своих целей, она не думает о покупателе как о человеке [собственно, это свойство манипуляций вообще. – А. В.]... Ориентируясь на западные образцы, реклама стремится привить чуждую русской ментальности систему культурных норм и ценностей. Она формирует не только новые потребности, но новые "суррогатные" (мнимые) ценности... Реклама проповедует в основном материальные ценности, забывая о духовных [точнее, может быть, стоит говорить о подмене духовного материальным? – А. В.]» [Попова 1998: 115]. Такой должна стать псевдообъективная, «виртуальная» реальность – миф, в который планируется вовлечь потребителя [Зирка 2004: 134]; мир, предстающий в значительно упрощенном либо искаженном виде как

комбинация товаров [Кузьмина, Терских 2005: 168]. Монополии попутно (а возможно, это и является главной их целью) «перепрограммируют нас из самой читающей и противоречивой нации в некое подобие собственным одномерным существам, мыслящим исключительно в заданных свыше категориях и поступающим так, как надо производителям Зрелищ, а не иначе» [Расторгуев 2003: 425].

Кроме того, не обо всех рыночных механизмах и уж тем более об их психологии далеко не всегда принято говорить открыто (ведь и когда не в меру доверчивым советским людям вдалбливали представления о прелестях *рыночной экономики*, умалчивали, что речь идет о капитализме, справедливо отягощенном устойчивой негативной коннотацией [Кара-Мурза 2002: 415]; собственно, одна из обычных манипулятивных «игр в слова»). Например, о четком разделении общества на богатых и бедных, на тех, кто может купить рекламируемый продукт либо услугу, и на тех, кто может только слушать об этом либо созерцать на телеэкране или в рекламном издании. Чрезвычайно актуальным для «россиян» следует считать сегодня «возникающий во втором случае синдром ресентимента (от фр. *ressentiment* – 'злопамятность, озлобление') – тягостного сознания тщетности попыток повысить свой статус в жизни и в обществе. Связывая ресентимент с проблемой понимания смысла текста в его соотношении с реальностью, можно сказать, что чем больше непонимание и неудовлетворение, тем выше уровень недоверия и даже агрессии» [Синельникова 2003: 218].

Ср.: «... Ни денег у них, ни надежды [у преподавателей уважаемой частной школы для отпрысков имущих, где «уважительность оплачивается

скудно»]. Мир меняется, меняются моды; женщины Карна следят за модой издали, ушивают платья, закалывают волосы, и с каждым глянцевым модным журналом подбавляется в них ненависти к мужьям» [Ле Карре 1989: 275].

По мнению некоторых зарубежных исследователей, «телевизионная семья... гораздо (примерно вчетверо) богаче реальной средней американской семьи», что оставляет у последней «крайне преувеличенное, ошибочное представление о том, насколько богат средний американец. Сравнивая себя с этой мифической семьей, все испытывают в конечном счете чувство ущербности» [Калашников 2003: 82]; кстати, тот же инструмент регулирования самооценки аудитории очевидно используется и в российских телесериалах, как сделанных по зарубежным (прежде всего американским) лекалам, так и в собственно отечественных.

Таким образом совершается очень значимая манипулятивная операция: большинство постоянных потребителей телепродукции и т. н. гляцевых журналов обречены существовать с постоянным ощущением неудовлетворенности собой и своими близкими, сами готовы оценивать себя как людей, не сумевших реализовать якобы предоставленные им возможности, как неудачников, не пригодных ни к чему – и прежде всего к добыче денег (неслучайным следует считать широкое распространение, особенно в российской молодежной среде, американизма *loser* – в русской передаче *лузер*^[6]). Отсюда – падение жизненного тонуса,

⁶ Ср. детализированное писателем толкование: «Он ощущал себя именно "лузером", то есть не просто полным идиотом, а вдобавок к этому военным преступником и неудачным звеном в биологической эволюции человечества»

ожесточенность, обрыв семейных и иных межличностных связей, эмоциональная неуравновешенность и психические расстройства; зачастую – и стремление отомстить за это всему окружающему миру (ср. нередкие случаи т. н. «бессмысленных» массовых убийств в «цивилизованных странах» или погромы и грабежи, устроенные в одной из них – Англии – представителями социальных низов, в основном небелыми иммигрантами в августе 2011 г.).

Роль адресата манипуляции

Немаловажно, что восприятие и усвоение информации зависит от готовности людей принять ее воздействие. Ср. пример взаимодействия субъекта и объекта манипуляций:

«– Итак, если нет препятствий, то с богом можно бы приступить к совершению купчей крепости, – сказал Чичиков.

– Как, на мертвые души купчую?

– А, нет! – сказал Чичиков. – Мы напишем, что они живы, так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов; хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон – я немею пред законом.

Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он все-таки никак не вник и вместо ответа принялся насасывать свой чубук так сильно, что тот начал, наконец, хрипеть, как фাগот. Казалось, как будто

он хотел вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства; но чубук хрипел и больше ничего.

– Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

– О! Помилуйте, ничуть. Я не насчет того говорю, чтобы имел какое-нибудь, то есть, критическое предосуждение о вас. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негодия, – так не будет ли эта негодия несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела.

Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие или негодия никак не будет несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России, а чрез минуту потом прибавил, что казна получит даже выгоды, ибо получит законные пошлины.

– Так вы полагаете?..

– Я полагаю, что это будет хорошо.

– А, если хорошо, это другое дело: я против этого ничего, – сказал Манилов и совершенно успокоился» [Гоголь 1956: 32–33].

Это – пример манипуляции межиндивидуального уровня, успех которой манипулятор мог легко предугадать. Однако, как полагают, столь же (если не более) эффективно манипулятивно-суггесторные операции применимы по отношению к большим массам людей, как организованным, так и абсолютно неорганизованным: «Что во многих отношениях удивительно и малопонятно, это всемогущество слов в психологии толп. Могущество, которое происходит не из того, что говорится, а из их "магии", от человека, который их говорит, и атмосферы, в которой они рождаются» (С. Московичи; цит. по [Кара-Мурза 2002: 85]).

К числу описаний таких вербально-манипулятивных операций в классической художественной литературе принадлежит эпизод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь»: это обращенное к толпе римских граждан «надгробное слово» Марка Антония (сцена 2-я III акта – далее цит. по [Шекспир 1959, 5: 277–285]).

Антоний строит выступление психологически точно и риторически выверенно.

Предварительно оговорившись, что он «обязан Бруту... за разрешение здесь речь держать» и что он «не восхвалять... Цезаря пришел, А хоронить», Антоний в первой же части выступления начинает перечислять заслуги Цезаря, который «Гнал толпы пленников к нам... в Рим, Их выкупом казну обогащая... Стон бедняка услыша,... плакал... Я трижды подносил ему корону, И трижды он отверг – из властолюбья?» (причем неоднократно повторяется в качестве своеобразного рефрена: «Честный Брут сказал, что Цезарь был властолюбив... А Брут ведь благородный человек, И те,

другие, тоже благородны... Но Брут назвал его властолюбивым. А Брут весьма достойный человек» и т. д.). Первая часть речи заканчивается обращением к чувству и разуму «друзей, сограждан» – т. е. толпы плебса («Вы все его любили по заслугам») и драматической паузой («За Цезарем ушло в могилу сердце, Позвольте выждать, чтоб оно вернулось»).

Во второй части выступления Антоний напоминает, что «Вчера еще единым словом Цезарь Всем миром двигал» – и «вот он недвижим, Без почестей, пренебрегаем всеми»; тут же оратор говорит о своем миролюбии, вновь подчеркивая высокие гражданские качества антицезарианцев («...когда б хотел Поднять ваш дух к восстанью и отмщенью, Обидел бы я Кассия и Брута, А ведь они достойнейшие люди»), и делает здесь же многословный намек на завещание Цезаря, дарующее римлянам неисчислимыя блага; огласить же завещание оратор якобы не желает потому, что в результате этого возможно некое всенародное потрясение («Услышав Цезарево завещанье, Воспламенитесь вы, с ума сойдете»), а проговорился он об упомянутом документе случайно («О завещанье я вам проболтался»); вновь деликатно повторяется: «Боюсь обидеть тех людей достойных, что Цезаря кинжалами сразили».

Далее Антоний просит у толпы разрешения сойти с ростры (чтобы таким образом не возвышаться над слушателями, но оказаться с ними на одном уровне – а такое стирание пространственной границы имеет, конечно, и смысл отказа от социальных перегородок: аристократ буквально снисходит до аудитории) и предлагает всем стать в круг над прахом Цезаря (что также имеет сакральное значение: клятвы над телом павшего вождя и т. п.). Как будто забыв о завещании,

оратор, вскользь еще раз напомнив о полководческих заслугах своего патрона (а кстати уж, и о собственной причастности к ним), указывает аудитории на раны, нанесенные Цезарю вероломными приближенными (и тут же называет имена некоторых из них: Кассий, Каска, Брут), уже не объявляя их честными, благородными и достойными: «Кровавая измена торжествует».

В следующей части выступления Антоний вновь подчеркивает свою приверженность идее гражданского мира («...Я вовсе не хочу, Чтоб хлынул вдруг мятеж потоком бурным»), предлагает римлянам самим выяснить мотивы, двигавшие убийцами «благородными», к которым говорящий не испытывает неприязни («Увы, мне неизвестны побужденья Их личные, они мудры и честны И сами всё вам могут объяснить. Я не хочу вас отворотить от них»); кроме того, он якобы не владеет даром публичного красноречия: слишком простодушен («Я не оратор, Брут в речах искусней; Я человек открытый и прямой... Нет у меня заслуг и остроумья, Ораторских приемов, красноречья, Чтоб кровь людей зажечь»). А потому Антоний способен сообщить аудитории будто бы лишь неоспоримые факты («Я говорю Здесь прямо то, что вам самим известно: Вот раны Цезаря – уста немые, И я прошу их – пусть вместо меня Они заговорят»). Будь иначе, «И камни Рима, возмутясь, восстали».

Далее Антоний, как бы спохватившись, подогревает пыл уже возбужденной им толпы долгожданным чтением завещания Цезаря («Он римлянину каждому дает... по семьдесят пять драхм... Он завещал вам все свои сады, беседки и плодовые деревья вдоль Тибра... На веки вечные для развлечений»), заканчивая патетическим восклицанием: «Таков был Цезарь! Где найти другого?»

О несомненном вербально-манипулятивном (иначе – демагогическом) мастерстве Антония свидетельствуют изменения настроений толпы. Вначале аудитория, казалось бы, убежденная предшествующим выступлением Брута в правоте его и его сторонников («Ведь Цезарь был тиран») и лишь с «разрешения» (а в сущности, по тактически неосторожной рекомендации главы заговорщиков) внимающая Антонию, относится к последнему настороженно. Но сразу после вступительной части речи римляне начинают сомневаться в том, что услышали от Брута («В его словах как будто много правды... Выходит, если только разобраться, зря Цезарь пострадал...»), хотя им предложена лишь интерпретированная оратором информация («Вы слышали? Не взял короны Цезарь; так, значит, не был он властолюбив»), исходящая, однако, от самого авторитетного источника («**Всех благородней** в Риме Марк Антоний»). Раздается единичная пока угроза по адресу заговорщиков («Тогда они поплатятся жестоко»).

После упоминания о завещании уже «все» требуют огласить его, а отношение к участникам заговора резко меняется у многих («...Предатели они»... «Они злодеи, убийцы»). Сцена демонстрации Антонием ран Цезаря заканчивается всеобщими призывами: «Мсть! Восстанем! Найти их! Сжечь! Пусть ни один предатель не спасется». За якобы миротворческими увещеваниями Антония повторяется уже непредотвратимое намерение толпы («Восстанем мы!»). Наконец, в результате оглашения завещания Цезаря слушатели переходят к непосредственным действиям («Огня добудьте». «Скамьи ломайте». «Скамьи выламывайте, окна, все!»).

Таким образом, тематическая градация речи Марка Антония выстроена безошибочно: 1) напоминание о

высоких заслугах убитого; сомнение в главных аргументах его противников; обращение к рациональным началам и сугубо человеческим эмоциям аудитории; 2) заверения в собственном миролюбии и благонамеренности; намек на скорое материальное вознаграждение слушателям; 3) описание жестокости вероломного убийства; 4) предложение полноправным гражданам **самостоятельно** разобраться в его причинах; 5) описание щедрого посмертного дара, предназначенного не только присутствующим, но и их потомкам.

Причем эти микротематические линии искусно чередуются и переплетаются, оказываясь взаимодополняющими (для их связи используются повторы). Кроме того, Марк Антоний умело поддерживает у аудитории уверенность, что она действует в соответствии с собственными устремлениями (т. е. вовсе не является объектом его вербальных манипуляций). Конечно, в итоге Антоний, разжегший гражданскую войну, имеет право удовлетворенно заявить: «Я на ноги тебя поставил, смута! Иди любым путем».

Это – классический образец умелого манипулирования толпой обращающимся непосредственно к ней оратором. Однако и технические особенности современной массовой коммуникации вовсе не препятствуют эффективности демагогических речевых актов. Казалось бы, телепередачи предназначены прежде всего для индивидуального просмотра. Но толпа, в ее виртуальном воплощении, способна формироваться – и успешно формируется! – из телезрителей-одиночек или их микрогрупп: «Для образования толпы не является необходимым физический контакт между ее частицами.

Ле Бон пишет: “Тысячи [сегодня уже многие миллионы – А. В.] индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы... Целый народ под воздействием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова...”. Мы в России видим целенаправленные действия по превращению народа в толпу – через изменение типа школы, ослабление традиций и осмеяние авторитетов, воздействие рекламы, телевидения и массовой культуры, разжигание несбыточных притязаний и пропаганду безответственности. Все признаки тех методов и технологий “толпообразования”, на которые обращали внимание изучавшие это явление философы» [Кара-Мурза 2002: 233–235].

Вера – катализатор манипуляции

При анализе возможных причин эффективности манипулятивных коммуникативных актов надо, по-видимому, учитывать некоторые этнокультурные стереотипы мышления и поведения; например (в нашем случае) – ментальные особенности большей части российской аудитории СМИ.

Чрезмерную доверчивость русских к словам, особенно к т. н. «красивым», объясняют по-разному.

Так, полагают, что «тайной силой манипуляторов оказалось **русское художественное чувство**... Нас сгубила именно чрезмерная художественная впечатлительность, свойство русского дорисовывать в

своем воображении целый мир, получив даже очень скудный, мятый обрывок образа [например, слово как звукобуквенный комплекс, соотносящийся, пусть нечетко-ассоциативно, с каким-либо понятием. – А. В.]. В русских жива еще старая вера в то, что высокое художественное Слово, дар Ученого или любой другой талант обладают святостью, благодатью. Через них не может приходить зло. А значит, носителям таланта, если они что-то заявляют в поворотные моменты народной судьбы, следует верить. Так и верили – академикам, певцам, актерам. И особенно – писателям» [Кара-Мурза 2002: 404, 408].

Возможны и иные объяснения: «Предпочтение слова делу создает иллюзию как бы отсутствия всяких оригинальных идей, повторения давно известного. С этим связано традиционно относящееся к русской ментальности легкое верие, точнее – **вера в авторитет**, а не в отвлеченную “науку”... Верить можно только конкретному представителю данной науки^[7] (отсюда столь трогательная вера в академиков, которые всё придумают, исправят и даже – сделают)... **Русский реализм**, совершенно особый художественный стиль, который в точности выражает всё тот же принцип родства **идеи и вещи**, явленного в русском **слове**... Русский человек не ксенофоб и тем более – не расист (может быть, в этом его слабость, слабость сильного человека – доверчивость)» [Колесов 2004в: 36, 61, 64]

⁷ Интересно в этом смысле очевидно ироничное противопоставление национально-ментально окрашенных типов: «Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина» [Толстой 1980, VI: 53].

(ср.: «Лишенный реального мускулистого врага, ни с кем не воюя, сильный народ заскучал. А заскучав, он стал сомневаться в себе и прислушиваться к словесным атакам врага. Слушая и скучая, Великий народ стал сомневаться в том, что он великий... и перестал быть великим. Даже самый слабый и глупый народ или преступная даже группа могли теперь обидеть Великий народ. Иноземцы стали обижать его охотно и с удовольствием» [Лимонов 1992: 252]).

По мнению Л. А. Тихомирова, «народ ловится на словах» (цит. по [Расторгуев 2003: 379]) – и это суждение справедливо, очевидно, применительно прежде всего к русскому народу, учитывая его доминантные ментальные черты.

Ментальность – это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 1995: 14]; основной же единицей ментальности выступает концепт данной культуры, содержательные формы воплощения которого заключены в границах словесного знака и который может быть представлен в виде имени, выражающего обобщенный признак [Колесов 1995: 15–16].

Основываясь на данных ряда исторических и толковых словарей, можно сказать, что слово-концепт *вера* на протяжении длительного времени (с начала письменной эпохи, по крайней мере) является центром концептуального поля, смысловые связи между элементами которого функционируют посредством некоего «механизма», где *вера* фигурирует как нечто субстанциональное: как известно с древнерусской эпохи, ее можно *принимать, иметь, утратить*. Механизм

реализации концепта константен, вне зависимости от того, идет ли речь о собственно религиозном веровании или о доверии к человеку, социальному или политическому институту и т. д.: доверять что-либо – значит передать другому (другим) нечто, являющееся исключительной личной прерогативой, естественной способностью – и правом личности, – и при этом не сомневаться в правильности этого действия, в конечном счете безусловно благотворного для доверившего(ся), верящего, верующего; разные фрагменты поля концепта демонстрируются и эксплицируются также в типичных словосочетаниях *взять (принять) на веру, потерять веру, оказать доверие, пользоваться доверием, встретить недоверие* и т. п.

Лексикографические данные показывают также, например, расширение семантики *върѣти* – и сужение семантики *въровати* (с концентрацией последней в конфессиональной сфере) в XV–XVII вв.; всё большую религиозную ориентированность *върѣти* в XVIII в., а затем – недифференцированность значений этих глаголов в [Даль 1955]; указанным процессам во многом подобна динамика существительного *въра*.

Материалы толковых словарей русского языка советской эпохи демонстрируют заметные изменения в иерархии дефиниций слов этого поля и иллюстраций к ним (вроде «вера в победу всемирной советской власти», «верить в мировую революцию» [СУ], «вера в революцию», «верить в построение коммунистического общества» [БАС₁] и т. п.). Таким образом, в государстве, основанном на атеистических принципах, обнаруживается почти мистическое отношение к доминирующей идеологии, обретающей статус чуть ли не государственной религии: сменился объект *веры*. Иногда

считают, что «русская душа» сходна с детской: «Главным и действительно уникальным достоянием ребенка является его способность верить. Именно русская детскость, способность поверить в существование несбыточного, в возможность построить коммунистический рай на земле и оказалась условием, благодаря которому "русская идея" стала социалистической практикой» [Дмитриев 1994: 12]. Но эти явления могут быть объяснены и несколько иначе: существование универсальной оппозиции *сакральное/профанное* поддерживается сбалансированностью бинарных компонентов; в случае возникновения лакуны в правой или левой части она заполняется – и соответствующая ниша общественного сознания не пустует. Такие процессы, вплоть до перемены мест аксиологических полюсов, происходят при радикальных идеологических и социально-политических трансформациях, имеющих целью утверждение новых ценностных установок в качестве господствующих.

Впоследствии, по мере развития перестройки и постперестроечных преобразований, исторически быстро сменялись объекты веры (доверия и т. п.), как и их источники (подлинные или предполагаемые) (см. подробнее [Васильев 2003: 41–44]).

Ни во время перестройки, ни после нее – равно как и в советскую эпоху – агитационно-пропагандистские политические тексты, в которых на правах ключевых присутствуют лексикализованные элементы поля 'вера', не обращаются к разуму аудитории, но, напротив, предлагают (предписывают?), чтобы она *верила* и *доверяла* кому– или чему-либо, опираясь вовсе не на знание, а на некую смутно ощущаемую *веру*, почти

мистическую, не основанную ни на каком логическом фундаменте. Справедливо, что если «в канонических случаях знание предполагает существование некоего рационального источника истинной информации», то *вера* таковым не обладает: «это ментальное состояние человека, мотивированное не столько фактами, сколько имеющейся в его сознании цельной картиной мира, в которой предмет его веры просто не может не существовать» [Апресян 1995: 48]. Заметим, кстати, что противопоставление *веры* и *знания* некоторые исследователи считают «общечеловеческим» (а не узконациональным – например, исключительно русским): «Нет ничего более характерного и симптоматичного, нежели бездна между верой и знанием, разверзшаяся в новейшее время. Противоречие между ними настолько велико, что приходится говорить о несоотнесимости обеих категорий и соответствующих им образах мира» [Юнг 1997: 222]. И всё же традиционно *веру* считают отличительной чертой именно русской ментальности: «Простодушная, а иногда даже слепая вера нашего народа в слово (особенно печатное или авторитетно передаваемое средствами массовой информации) делает его особенно предрасположенным ко всевозможным идеологическим заражениям. Умелое оперирование определенной (лживой по замыслу) системой слов и жесткая изоляция людей от других “систем” позволяют идеологам превращать общество самостоятельно мыслящих людей в послушное стадо» [Григорьев 1998: 372].

Обратим также внимание на то, что, согласно данным [ТС-XX], в наши дни происходит активизация употребления существительного *вера* в религиозно ориентированном значении; это, возможно,

свидетельствует не столько о действительном росте религиозных настроений, сколько и об отторжении прежних официальных духовных ценностей, и о неприятии новопровозглашенных.

Следует согласиться с тем, что при делении окружающих на «своих» и «чужих» проявляется «иррациональность наших современников, может быть, бо́льшая, чем у древних людей» [Дьяконов 1990: 15]; об этом свидетельствуют многие события последних двух десятилетий. Это относится к самым разнообразным фактам – от политических кампаний до строительства финансовых «пирамид». Воистину: «Любой человек, научившись безусловно подчиняться коллективной вере... сможет... с такой же сильной верой и не критичностью замаршировать в прямо противоположном направлении, стоит только его мнимые идеалы подменить другими, как можно более ясными и “хорошими” убеждениями» [Юнг 1997: 200].

Запретные плоды пропаганды

Действенность публичного слова постоянно возрастает по мере совершенствования сменяющих и/или дополняющих друг друга форм и способов передачи и хранения информации: устная речь, письменность, книгопечатание, звукозапись, кинематограф, радио, телевидение...

А. С. Пушкин, рассуждая об общественной роли писателей, «класса, самого малочисленного из всего народонаселения», заметил: «Очевидно, что аристократия самая мощная, **самая опасная** – есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои

страсти, свои предрассудки... Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно» [Пушкин 1978, VII: 206]. Здесь очень взвешенно сочетаются высокая оценка значимости писательского труда – в том числе текстов как импульсов революционных катаклизмов – и предостережение обществу (по крайней мере, читательской аудитории): сохранять способность здравого самостоятельного мышления, не подчиняя его всецело «властителям дум».

Напомним и суждения Л. Н. Толстого, который, размышляя о возможных целях европейских войн начала XIX столетия, рассматривал, в частности, и такой вариант: «Если цель – распространение идей, то книгопечатание исполнило бы это гораздо лучше, чем солдаты» [Толстой 1981, VII: 249]; ср. далее, в характеристике якобы отвечающей на эти вопросы «новой истории» (между прочим, поставившей своими целями «блага французского, германского, английского и, в самом своем высшем отвлечении, цели блага цивилизации всего человечества, под которым разумеются обыкновенно народы, занимающие маленький северо-западный уголок большого материка [как выразились бы сегодня, носители «общечеловеческих ценностей» и их «цивилизованные государства» – *А. В.*])» [Толстой 1981, VII: 310]): «Притом некоторые люди писали в это время книжки. В конце 18-го столетия в Париже собралось десятка два людей, которые стали говорить о том, что все люди равны и свободны. От этого во всей Франции люди стали резать и топить друг друга. Люди эти убили короля и еще многих»

[Толстой 1981, VII: 311]. И далее: «Только в наше самоуверенное время популяризации знаний, благодаря сильнейшему орудию невежества – распространению книгопечатания, вопрос о свободе воли сведен на такую почву, на которой нет и не может быть самого вопроса» [Толстой 1981, VII: 339].

Особого упоминания – как орудие информационно-психологической войны – заслуживает нелегальная литература (именуемая также «тайной», «потаенной», «тайнопечатной», «самиздатом» и т. п.) и ее распространение в стане противника как целенаправленный прием его деморализации и саморазоружения. Ср.: «Теперь, заключенный на четыре года за небольшое участие в той общей тогдашней **смуте, которая собственно основывалась на слепой вере в печатное, и особенно тайнопечатное слово**, Писарев из крепости писал о “Что делать?” по мере того, как роман появлялся в “Современнике”, получаемом им» [Набоков 1990, 3: 249].

Следует сказать, что эффект «тайнопечатного слова» как «запретного плода», особого рода средства воздействия на массовую аудиторию в целях ее идеологической обработки, хорошо известен, по крайней мере, со времен Великой французской революции [Кара-Мурза 2002: 243].

Прежде всего, имеет большое значение сам факт печатного воплощения какого-либо текста. А. С. Пушкин заметил, что «самое неосновательное суждение получает вес от волшебного влияния типографии. Нам всё еще *печатный лист кажется святым*. Мы всё думаем: как может быть это глупо или несправедливо? ведь это же напечатано!» [Пушкин 1978, VII: 138]. Кроме того,

растиражированный текст способен воздействовать одновременно на значительную читательскую аудиторию: «Действие человека мгновенно и одно (*isolé*); действие книги множественно и повсеместно» [Пушкин 1978, VII: 207]. Кстати, сам великий поэт высказался в пользу цензуры как необходимого атрибута цивилизации: «Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом» [Пушкин 1978, VII:207].

Однако же в истории отечественной словесности и общественной мысли насчитывается множество примеров того, как в центре внимания читающей публики оказывались произведения либо запрещенные, либо неподцензурные – и ставшие популярными вовсе не по причине высокой талантливости их авторов.

Так, сочинение француза А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (весьма нелестное для объекта описания), по свидетельству А. И. Герцена, «перебывало во всех руках», несмотря на то, что было запрещено в России [Ашукин 1986: 643].

По поводу книги другого известного француза существует нечто вроде анекдота: «Не успел роман [Дюма «Записки учителя фехтования»] выйти в свет, Николай Павлович его запретил. Естественно, этот французский роман сразу же переслали декабристам в Сибирь... Немедленно этот роман захотела прочесть императрица Мария Федоровна ...возлежит, а лектрисса ей вслух читает. В этот момент шум, шаги. Книжку – под подушку. Входит император. “Что вы здесь делаете?” – “Читаем”. – Молчание. – “Можете не отвечать. Я знаю,

что вы читаете”. – “?!” – “Вы читаете “Учителя фехтования”. Это самый последний роман, который я запретил”. **Во все времена запрет – это лучшее побуждающее действие»** [Есин 2002: 558–559].

Показательна в этом отношении судьба стихотворения Н. П. Огарёва 1868 г. «Студент» (довольно средних поэтических достоинств) [Огарёв 1977: 197]. Впервые опубликованное в листовке, изданной в 1869 г. в женевской типографии, оно было посвящено памяти друга Огарёва и Герцена С. И. Астракова, но, по настоянию М. А. Бакунина, имя Астракова было снято и заменено именем революционера-анархиста С. Г. Нечаева. Уже с этим посвящением стало известным Ф. М. Достоевскому, который спародировал его в романе «Бесы» [Елизаветина 1977: 415]. Стихотворение «Студент» было оглашено на процессе участников «Народной расправы» и включено в судебные стенографические отчеты, опубликованные в официальном «Правительственном вестнике» от 10 июля 1871 г.; С. Г. Нечаев также издал «Студента» в своем журнале «Народная расправа». Написанная же Ф. М. Достоевским пародия «Светлая личность» (в соответствии с вероятным замыслом автора и по оценке одного из прозревающих персонажей романа, «самые дряннейшие стишонки, какие только могут быть» [Достоевский 1957, 7: 577]), «неожиданно», как считают позднейшие комментаторы, но на самом деле – вполне предсказуемо, «оказалась использованной революционерами для целей противоправительственной агитации: она была размножена и ходила по рукам в качестве революционной прокламации. В ответ на соответствующий запрос начальника III отделения Потапова министр внутренних дел Тимашев разъяснял,

что "на означенное стихотворение не было обращено цензурою особого внимания... потому, что оно было напечатано в "Русском вестнике" не отдельно, – в каковом виде оно действительно не могло бы быть терпимо в русской печати, – а помещено в романе "Бесы" как документ, характеризующий образ мыслей и приемы зловредных пропагандистов"» [Евнин 1957: 751–752].

СТУДЕНТ

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.

И гонимый мещью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззвание,
Кликнуть клич по всем
 крестьянам —
От Востока до Заката:
«Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири.
Но весь век нелицемерен —
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».
[Огарёв 1977: 197]

СВЕТЛАЯ ЛИЧНОСТЬ

Он незнатной был породы,
Он возрос среди народа,
Но, гонимый мещью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.

И, восстанье начиная,
Он бежал в чужие край
Из царева каземата,
От кнута, щипцов и ката.
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента.

Ждал его он поголовно,
Чтоб идти беспрекословно
Порешить вконец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мщенью
Церкви, браки и семейство —
Мира старого злодейство!
[Достоевский 1957, 7:
368–369]

(текст Достоевского разбит нами на строфы для более наглядного сопоставления с прототипом – А. В.)

По мнению одного из персонажей романа «Бесы», запоздало осознавшего пагубность революционного нигилизма, «вся тайна их [«беззаконных бумажек», т. е. прокламаций] эффекта – в их глупости!.. Это самая обнаженная, самая простодушная, самая коротенькая глупость... Но... никто не верит, чтобы это было так первоначально глупо. “Не может быть, чтоб тут ничего больше не было”, – говорит себе всякий и ищет секрета, видит тайну, хочет прочесть между строчками, – эффект достигнут!» [Достоевский 1957, 7: 505].

А ведь и сам Верховенский-старший когда-то написал некую поэму, «ходившую по рукам, в списках, между двумя любителями и у одного студента. ...Это какая-то аллегория, в лирико-драматической форме... Эту-то поэму и сочли тогда опасною... Вдруг... печатают нашу поэму *там*, то есть за границей, в одном из революционных сборников, и совершенно без ведома Степана Трофимовича... Он был сначала испуган... волновался целый месяц; но я убежден, что в таинственных изгибах своего сердца был польщен необыкновенно» [Достоевский 1957, 7: 10–11].

Гораздо позднее, во второй половине XX в., в некоторых кругах советского общества становятся популярными «самиздат» (нелегальное тиражирование и распространение литературы, запрещенной в СССР по идеологическим соображениям; сами произведения, тиражируемые и распространяемые нелегально [ТССРЯ 2001: 693]) и «тамиздат» (совокупность зарубежных издательств как место издания русскоязычных произведений, которые не могли быть опубликованы в России по идеологическим, цензурным и другим

сображениям [ТССРЯ 2001: 769]; так же обозначалась и соответствующая печатная продукция). «самиздат» и «тамиздат» объединяло и их антисоветское содержание, и нелегальность каналов распространения, и официальная запрещенность как особый стимул читательского интереса; собственно художественные достоинства текстов играли роль весьма незначительную. Ср.: «...Бывают стихотворные тексты, оставляющие нас совершенно равнодушными, пока их не положат на музыку. ...Для книг соцреализма такой музыкой были шумная пропаганда и реклама, хвалебные статьи, экранизации, инсценировки, включения в школьную программу. А для андеграунда такой же музыкой были разгромные статьи, бульдозерные атаки режима, слепые машинописные копии, глушение по радиоголосам... И в первом, и во втором случаях сам текст играл роль второстепенную» [Поляков 2005: 118].

Впрочем, повторим: последнее обстоятельство не помешало расцвету «самиздата» как особого средства информационно-психологической войны начиная с 1960-х гг.: «К 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов... Захват и присоединение аудитории достигался... искусственно созданной приманкой – запретностью текста, так что авторы, издатели и распространители обращались к нонконформистским, диссидентским стереотипам в сознании» [Кара-Мурза 2002: 243–244].

Конечно, «запретный плод» может быть преподнесен не в меру доверчивому и малоискушенному потенциальному потребителю и в иной форме: ср. эффект тиражировавшихся в неофициальной звукозаписи творений самодеятельных «бардов» (они же –

«авторы-исполнители»). Ведь зачастую чем-то, кроме полузапретности («потаенности»), трудно объяснить сегодня их широкую популярность в 60–80-е гг. XX века.

Похвальное слово телевидению

Великий русский мыслитель очень точно описал вербально-манипулятивные операции, проводимые по отношению к аудитории прессой (называя их эффект «эпидемическими внушениями, которым всегда подвергались и подвергаются люди» [Толстой 1983, XV: 302]). «С развитием прессы эпидемии эти сделались особенно поразительны... Как скоро какое-нибудь явление... получает хоть сколько-нибудь выдающееся против других значение, так органы прессы тотчас же заявляют об этом значении... Публика обращает на него еще больше внимания. Внимание публики побуждает прессу внимательнее и подробнее рассматривать явление... Интерес публики еще увеличивается, и органы прессы, конкурируя между собой, отвечают требованиям публики... Важность события, как снежный ком, вырастая всё больше и больше, получает совершенно несвойственную своему значению оценку... часто до безумия... Явилось подозрение, что какой-то капитан французского штаба виновен в измене... Органы прессы, соревнуясь между собой, стали описывать, разбирать, обсуживать событие, публика стала еще больше интересоваться, пресса отвечала требованиям публики, и снежный ком стал расти, расти и вырос на наших глазах такой, что не было семьи, где бы не спорили об l'affaire^[8]... И только после нескольких лет люди стали опоминаться и понимать, что они никак не могли знать,

⁸ Здесь: судебное дело (фр.). – *Прим. ред.*

виновен или невиновен, и что у каждого есть тысячи дел, гораздо более близких и интересных, чем дело Дрейфуса» [Толстой 1983, XV: 302–303].

Можно предположить, что тексты СМИ обладают достаточно предсказуемым (даже и для их авторов и распространителей) эффектом. Однако, с учетом очевидной неоднородности аудитории, степень производимого информацией эффекта может варьироваться весьма широко. Ср. рассказ А. П. Чехова «Психопаты», персонажи которого в результате подробнейшего обсуждения вычитанных ими из газет политических, криминальных и прочих сообщений оказываются полностью деморализованными, близкими к истерике. Одна из явных причин этого – в том, что «оба трусы, малодушны и мистичны; душу обоих наполняет какой-то неопределенный, беспредметный страх, беспорядочно витающий в пространстве и во времени: что-то будет!!» [Чехов 1955, 3: 447]. Но именно такое мироощущение и самооценка потребителей СМИ и формируются последними.

С появлением радио «эпидемии» в массовом сознании приобрели принципиально иной масштаб: ведь для потребления информации, распространяемой через радиоканалы, вовсе не обязательно быть грамотным. Таким образом, аудитория, подвергаемая вербально-манипулятивной обработке (причем синхронно), чрезвычайно расширилась. Насколько эффективными стали теперь информационно-психологические потенции нового СМИ, можно судить по хрестоматийному примеру – радиопостановке «Вторжение с Марса» (по роману Г. Уэллса «Война миров»), осуществленной в 1938 г. в США. Режиссер О. Уэллс сделал инсценировку максимально

достоверной: в виде прямых репортажей с места события, с соответствующим шумовым сопровождением, с имитациями выступлений высоких официальных лиц, включая обращение президента Рузвельта, и т. п. При этом и перед началом передачи, длившейся всего час, и по ее окончании диктор информировал слушателей о ее литературно-художественном характере. Однако множество американцев было охвачено паникой [Кукаркин 1974: 261–263, Кара-Мурза 2002: 158–159, Калашников 2007: 58–59 и др.]. Для американского радио эта постановка стала некоей «точкой перелома», после которой резко усилились его нивелирующая коммерциализация и одновременно – заостренная политизация [Кукаркин 1974: 262].

Ситуация в СМИ кардинальным образом изменилась с появлением и распространением телевидения, существенно дополнившим суггестивный эффект вербального текста за счет видеоряда. Возникло абсолютно новое игровое пространство, ср.: «Арена, игровой стол, магический круг, храм, сцена, киноэкран... – все они, по форме и функции, суть игровые пространства, то есть отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освященные территории, где имеют силу свои особые правила. Это временные миры внутри мира обычного, предназначенные для выполнения некоего замкнутого в себе действия» [Хёйзинга 1977: 29]. Однако можно ли применительно к телевидению говорить, например, о некоем **замкнутом** пространстве (материальном или идеальном), **внутри** которого вступает в дело игра и царят ее правила [Хёйзинга 1997: 38]? Телевидение, которое одинаково удачно транслирует действительность – и имитирует ее, почти совершенно стирает грань между реальностью и

вымыслом (а ведь пересечение всякой грани – например, рубежа между двумя исключаящими друг друга состояниями – сознается как акт сакральный [Поршнеv 1973: 12]). Более того, генерируются психические феномены, описываемые, например, так: «Смене изображения на экране в результате различных техномодификаций можно поставить в соответствие условный психический процесс, который заставил бы наблюдателя переключать внимание с одного события на другое и выделять наиболее интересное из происходящего, т. е. управлять своим вниманием так, как это делает за него съемочная группа. Возникает виртуальный субъект этого психического процесса, который на время телепередачи существует вместо человека, входя в его сознание как рука в резиновую перчатку. ...Для человека, смотрящего телевизор, ничего реальнее этого виртуального субъекта нет. Чувства и мысли, выделение адреналина и других гормонов в организме зрителя диктуются внешним оператором и обусловлены чужим расчетом... Быстрое переключение телевизора с одной программы на другую, к которому прибегают, чтобы не смотреть рекламу, называют Zapping... Подобно тому, как телезритель, не желая смотреть рекламный блок, переключает телевизор, мгновенные и непредсказуемые техномодификации изображения переключают самого телезрителя. Переходя в состояние Homo Zapiens, он сам становится телепередачей, которой управляют дистанционно. И в этом состоянии он проводит значительную часть своей жизни» [Пелевин 1999: 104–106].

Примитивный, «одномерный» продукт, который в результате этого получается из аудитории, хорошо описан Р. Брэдбери в романе «451° по Фаренгейту»,

большинство персонажей которого настолько увлечены перипетиями псевдожизней героев телепостановок (сегодня их назвали бы телесериалами или реалити-шоу), что совершенно не обращают внимания ни на своих близких, ни на реальную действительность – в которой, между прочим, неотвратимо назревает ядерная война.

Впрочем, не относится ли уже сегодня к российскому телевидению многое (если не всё) из того, что писали американские авторы об американском же телевидении (т. е. о СМИ наших победителей в информационно-психологическом противостоянии)? Ср. разделенные четвертью века оценки: «Если не хочешь, чтобы человек расстраивался из-за политики, не давай ему возможности видеть обе стороны вопроса. Пусть видит только одну, а еще лучше – ни одной... Если правительство плохое, ни черта не понимает, душит народ налогами – это всё-таки лучше, чем если народ волнуется... Устраивайте разные конкурсы, например, кто лучше помнит слова популярных песенок, кто может назвать все главные города штатов или кто знает, сколько собрали зерна в штате Айова в прошлом году. Набивайте людям головы цифрами, начинайте их безобидными фактами, пока их не затошнит, – ничего, зато им будет казаться, что они очень образованные. У них даже будет впечатление, что они мыслят, что они движутся вперед, хоть на самом деле они стоят на месте. И люди будут счастливы... Побольше такого, что вызывает простейшие автоматические рефлексы! Если драма бессодержательна, фильм пустой, а комедия бездарна... – ударьте мне по нервам оглушительной музыкой!» [Брэдбери 1992: 52–53] – и: «...Не стерпел только чертова этого ее телевизора. В нем корень зла... Я две недели сидел по вечерам и смотрел его – без

предубеждения, как присяжный на суде. Я даже готов признать, что видел две или три передачи более или менее безвредные. Но в целом утверждаю, что это грязь и порок: убийцы, насильники, наркоманы, волосатики, лошади, полицейские. Плеваться устаешь. Женщины с микрофоном, чуть не голые, руки эдак томно тянут, зубищи свои блестящие скалят и поют песни – уж такие дурацкие, глупее не придумаешь, всё больше про постель. Викторины, когда у них там люди из кожи лезут, чтобы только получить деньги. Последние известия – с одного на другое перескакивают, ну прямо цирк какой-то. И бестолковщина, как в брошюре про укрепление здоровья. ...Толкуют, что гомосексуалисты – такие же нормальные люди, как и мы с вами» [Гарднер 1981: 203].

Появление и распространение электронных СМИ, для потребления продукции которых, что немаловажно, слушателю либо зрителю совершенно необязательно уметь читать, открыли перед политиками и политтехнологами просторное поле деятельности. Любопытно, что в последнее время в России растет количество названий и тиражей печатной периодики, посвященной в основном или полностью телепередачам: их программам, персонажам, включая увлекательные рассказы о личной жизни «звезд», предварительные конспективные изложения грядущих выпусков нескончаемых сериалов и прочие ценные сведения, сугубо необходимые для культурного развития аудитории; здесь-то и находит себе применение ее грамотность. Столь же знаменательна растущая популярность аудиозаписей текстов, изначально известных в их типографском воплощении – аудиокниг.

«Человек, регулярно смотрящий телевизионные программы определенной направленности или читающий ежедневно одну и ту же прессу, не способен на объективность. Он против своей воли уже стал функцией, через которую материализуются просмотренные им передачи и прочитанные статьи» [Расторгуев 2003: 235].

В более широком смысле жертва информационного подавления – это «бывший человек, именуемый зомби; его система управления по определению полностью ориентирована на выполнение чужой воли» [Расторгуев 2003: 270].

Однако гораздо бóльшая угроза для собственного государства и народа – политические зомби, находящиеся в верхних эшелонах системы управления страной: «СССР в последние годы своего существования и последующая Россия являют собой в этом смысле очень наглядный пример» [Расторгуев 2003: 270] (впрочем, в этих случаях вряд ли можно говорить о том, что руководящие советско-российские «зомби» возникли действительно только как продукты «информационного подавления»).

Небезосновательны следующие оценки, сохраняющие свою актуальность: «Телевидение за последние годы превратилось в одно из самых эффективных средств управления страной (т. е. Россией)» [Новости. ОРТ. 07.02.98]. «По словам агентства "Интерфакс", президент Борис Ельцин считает, что средства массовой информации являются четвертой властью и относятся к силовикам» [Доброе утро. ОРТ. 25.12.98]. Напомним, кстати, что войска НАТО, выбирая цели для ракетно-бомбовых ударов по Югославии, в качестве мишеней первостепенной важности, кроме

военных объектов, рассматривали теле– и радиостанции, считая, что «средства массовой информации наиболее опасны» для агрессора [Доброе утро. ОРТ. 09.04.99]. То же самое натовский альянс проделал и летом 2011 г. – но уже по отношению к теле– и радиовещательным станциям ливийского (законного) правительства. Ср. следующую иерархию ролей тех, кто должен беззаветно ратовать за счастье народное (построенную явно по степени убывания их значимости): «От СМИ, органов государственной власти, науки и системы образования, общественных организаций и гражданских движений, от федеральных концепций и программ, наконец, от самих себя мы вправе ожидать расширения мобилизационных усилий по целенаправленной поддержке современных трансформационных процессов» [Губогло 2002: 36].

На Западе роль СМИ осмыслена давно: «Поскольку ни одно правительство не может удержаться у власти, не обеспечив или не сохранив поддержку населения, законодатели и закон, стоящие на страже статус-кво, должны приспособлять мировоззрение своих граждан к беспрестанно меняющейся политической и экономической обстановке. Политическое кондиционирование означает выработку взглядов, идей, привычек, традиций, которые станут служить интересам тех, кто направляет процесс кондиционирования. Технология и обработка этого процесса в наши дни по своей эффективности и разнообразию не знает равных в истории. При нынешних средствах связи государство способно добраться до своих граждан в любое время дня и ночи...» [Нириг 1966: 125].

Можно с уверенностью говорить о том, что сегодня между дискурсом СМИ и дискурсом политическим весьма много общего. Эта общность сказывается и в их

взаимобратимости: политические намерения реализуются (в приличествующем оформлении) через каналы СМИ («канализируются»), а СМИ как таковые поддерживаются различными политиками (в соответствии с имеющимися у них властными и финансовыми возможностями). Поэтому СМИ всё более настойчиво выступают в роли политизатора масс, далеко не всегда откровенно (но ведь и политики иногда тоже предпочитают не заявлять открыто о своих истинных целях), чему способствует разножанровость передач. Интенции творцов и медиа-, и политдискурса зачастую не эксплицируются в соответствующих текстах, поэтому значительная часть аудитории, кажется, прочно уверовала в мифическую деидеологизированность российских СМИ, что делает заведомо успешными любые пропагандистские операции, основанные на манипулятивном использовании ресурсов языка и служащие для контроля над мышлением и поведением масс. «Да разве может быть **собственное** мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется? На чем основано?» [Прутков 1976: 138].

Успех телевидения как наиболее действенного информационного оружия объясняется несколькими его взаимосвязанными особенностями: тенденцией к «визуализации» («Мир таков – смотрите сами!»), сиюминутностью и быстротечностью информации, напористой идеологизированностью и политическим пристрастием, возникновением специфического языка, простотой восприятия текстов [Артамонова, Кузнецов 2003: 36]. Важную роль играют и другие, во многом общие для разных видов СМИ факторы, например, единство системы идеологического воздействия (сообщения основываются на данных, предоставляемых

разным СМИ одними и теми же информационными агентствами; для адресата достоверным оказывается то, что многократно повторяется различными источниками); неспособность адресата критически оценивать получаемый им текст; принудительность содержания (стимулируемое стремление адресата «быть в курсе событий» и несомненно лестное для него самого ощущение собственного активного участия в формировании т. н. общественного мнения – «И вот общественное мнение!» [Грибоедов 1964: 111]); отсутствие возможности адресата вступить в полноценный диалог со СМИ (см. [Волков 2003: 62–63]).

При этом верификация сообщений СМИ в абсолютном большинстве случаев совершенно невозможна. Скажем, даже о том, что именно Б. Ельцин выиграл президентские выборы 1996 г. («...В безумии необъяснимом страна умудрилась избрать Ельцина ... Всё решила ложь» [Константинов 2001: 189]), электорат узнал из сообщений СМИ. Что произошло в действительности, каким образом был достигнут этот эпохальный и, увы, судьбоносный результат – для аудитории СМИ так и осталось неизвестным (ср. [Леонтьев 2003: 76]).

Дезориентация, частые (и при этом как будто малообъяснимые) колебания «общественного мнения» происходят под влиянием СМИ, постоянные персонажи которых также не отличаются устойчивостью позиций. «Возьмите подшивку любой газеты года за два, полистайте и почитайте подряд комментарии какого-нибудь улыбчивого политолога, возможно, даже президента шикарного фонда. По мере чтения у вас может возникнуть подозрение, что никакой он не аналитик, а проходимец, зарабатывающий на

озвучивании мнений, порой противоположных, но выгодных в данный момент тому или иному политическому клану... Стыдить человека за то, что ему в голову приходят исключительно хорошо оплачиваемые мысли... бесполезно. Но как же тогда быть с нашим правом на объективную информацию?» [Поляков 2005: 423–424]. Точно так же меняется и степень приверженности харизматических личностей (точнее, сделанных таковыми с помощью информационно-психологических операций через те же СМИ) ранее декларировавшимся ими идеалам; ср., например, сообщение российского президента американскому: «Я давно сбросил красный пиджак» (т. е. отказался от коммунистических «убеждений») (Б. Ельцин) [Останкино. 11.07.94]. Высокая принципиальность речедеятелей-политиков подкрепляется профессиональными усилиями работников телевидения, удостоенных такой характеристики: «Степень духовной извращенности этих людей давала возможность допустить, что кто-то из них даже любит свою работу» [Пелевин 1999: 72–73].

Вполне обоснованна, таким образом, точка зрения философа, полагающего, что «господствующим стилем мышления в СМИ является иррационализм. Фактически понятие истины используется в значении “то, с чем согласно большинство” или в значении “то, что полезно”. Это проявляется в характере аргументации. Для доказательства какого-то утверждения апеллируют к мнению аудитории, к традиции и к утилитарному смыслу. А часто аргументация почти полностью заменяется ложными доводами» [Нескрябина 2007: 109].

«Человек недоумевающий – замечательный материал для социально-нравственной инженерии»

[Поляков 2005: 219]: его легко заставить поверить во всё что угодно. Это и происходит в ходе информационно-психологической войны, в том числе – и на внутреннем ее фронте.

И дискурс СМИ, и политический дискурс сегодня аргументированно рассматривают как относительно ограниченные и обладающие собственной спецификой речевые образования. Так, полагают, что, вдобавок к двум основным сферам коммуникативной практики общества, кодифицированной литературной речи и разговорной речи, «на наших глазах происходит формирование третьего речевого массива – *речевой системы СМИ*» [Коньков 2002: 76]. Справедливо, что и «политический язык воспринимается как *особая система национального языка* [курсив наш. – А. В.], предназначенная для политической коммуникации» [Чудинов 2003: 11].

Однако объективно существует ряд признаков, объединяющих медиа-дискурс и политдискурс по общности критериев, которые экстралингвистическими можно назвать лишь конвенционально, поскольку так или иначе они связаны с самой сущностью языка в многообразии выполняемых им функций, в его психической и социальной обусловленности, с его до конца еще не осознанным и не исчерпанным потенциалом – который, однако, успешно используется в манипулятивных целях: «Слово – полководец человеческой силы».

Понятно, что любому политику необходимы трибуна и аудитория, чтобы представить («позиционировать») свою персону и декларируемые лозунги наилучшим – т. е. наиболее выгодным для себя – образом. При всем

том, как последовательно совершенствуются технологии передачи информации, кодируется и декодируется она всё же неизменно: с помощью языковой способности.

Кроме того (и это, разумеется, следует постоянно учитывать), именно по мере технических эволюций СМИ, позволяющих доводить информацию до сведения всё большего количества адресатов, причем единовременно, политик расширяет сферу своего влияния на социум – вроде бы приближаясь к массам. Однако дистанция между коммуникантами на самом деле увеличивается, уподобляясь пропасти.

Коммуникация становится почти абсолютно односторонней: политик вещает, огромная аудитория внимает. Даже т. н. «прямые линии» разных уровней и прочие интерактивные действия производят обычно впечатление более или менее удачных эрзацев реального общения. Поскольку аудитория укрепляется в ощущении своего статуса пассивно-безответной массы, то и оратор-политик, даже если и рассчитывал когда-то на «обратную связь» с аудиторией, теперь вполне может удовлетвориться имитацией этой связи. Довольно затруднительно напрямую ассоциировать подобные феномены, а тем более – ставить их в зависимость от конкретного типа государственного устройства, именуемого (впрочем, довольно субъективно) тоталитаризмом или демократией. «Если в условиях буржуазного общества главной функцией массовой коммуникации является социальная манипуляция общественным сознанием, адаптация населения к стандартам и канонам буржуазного образа жизни, то в условиях социализма массовая коммуникация становится важнейшим рычагом массовой информации и пропаганды, коммунистического воспитания и, в

конечном счете, эффективным средством самоориентации» [Ножин 1974: 8]. Таким образом, в любом случае через каналы СМИ реализуются («канализируются») замыслы политиков (т. е. намерения социальных макро– и микрогрупп, интересы которых эти деятели по тем или иным причинам представляют), что, в то же время, повышает престиж СМИ, создает у аудитории представления об их высочайших возможностях в процессах управления государством. Надо учесть и то обстоятельство, что в депутатском (и чиновничьем) корпусе довольно значителен удельный вес тружеников СМИ, прежде всего телевидения, включая бывших дикторов. Вспомним, что еще недавно Алтайский край возглавлялся эстрадным артистом Михаилом Евдокимовым, а, например, в Белгородской области депутатом от ЛДПР избрана 25-летняя Маша Малиновская, «бывший секс-символ MTV», заявляющая: «У меня, может быть, нет таланта, но есть огромное желание... оставить после себя что-то, кроме фотографий с обнаженной грудью» [Частные истории. Ren-TV. 27.01.07]. Для электората происходит олицетворенное слияние масс-медиа и политики.

Торжество иронизации

Одной из наиболее ярких разновидностей игр в слова является ирония. Это «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [Ахманова 1966: 185].

Ирония может быть успешно использована в манипулятивных целях: ведь «игра оборачивается

серьезностью и серьезность – игрою» [Хёйзинга 1997: 28]. Вероятно, решающая роль здесь принадлежит столкновению ассоциаций, устойчиво закрепленных за определенными словами, при необычном их использовании (нарушение традиционной сочетаемости, изменение привычного жанрово-стилевого регистра употребления и т. п.).

«Основные законы образования рядов представлений – это **ассоциация и слияние**. Ассоциация состоит в том, что разнородные восприятия, данные одновременно или одно вслед за другим, не уничтожают взаимно своей самостоятельности... а, оставаясь сами собою, слагаются в одно целое... Слияние... происходит тогда, когда два различных представления принимаются сознанием за одно и то же. ...Посредством слияния образуется связь между такими представлениями, которые первоначально не были соединены ни одновременностью, ни последовательностью своего появления в душе» [Потебня 1976б: 136].

Собственно, ирония вполне соответствует одному из критериев манипуляции – наличию двойного воздействия: «наряду с посылаемым открыто сообщением манипулятор посылает адресату “закодированный” сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору» [Кара-Мурза 2002: 99].

Гипертрофированный характер языковой игры в текстах сегодняшних СМИ (проявляющейся, в частности, в переизбытке иронии), целью которой считают обычно привлечение внимания адресата, следует объяснять прежде всего экстралингвистическими факторами.

Стоит вспомнить, во-первых, о тех социокультурных реалиях и артефактах, которыми ознаменовались годы перестройки и начала великих реформ, освященные странноватым по содержанию лозунгом «Разрешено всё, что не запрещено»: обилие сообщений о разного рода пришельцах, мутантах и прочих монстрах; реклама «оздоровительных гастролей» американских проповедников (бог знает каких религий) и отечественных экстрасенсов; пропаганда эзотерики и шаманизма; скоропостижное воцерковление многих высокопоставленных бывших верных ленинцев; заявления об отсутствии какого бы то ни было внешнего противника (при наличии «противников перестройки», «засевших партократов» и прочих врагов народа, т. е. неприятелей реформ); появление терроризма – и всплеск преступности, программа «500 дней» – и финансовые пирамиды, лихорадочная приватизация, демократизация, либерализация цен – и дефолт...

«Было высочайше объявлено, что главное и единственное препятствие к достижению всеобщего благосостояния – седовласый монстр по фамилии Лигачёв. ...Не было смысла работать, если с экранов и газетных страниц истерически обещали, что все вот-вот и так станут получать, “как там” ...Стоит только повесить Лигачёва. И отменить шестую статью Конституции. Лигачёва, правда, не повесили, но статью в конце концов отменили. А заодно, чуть попозже, – Советский Союз, старые цены, старую мораль и, под горячую руку, должно быть, еще и здравый смысл...» [Бушков 1996: 34].

В общем, поводов для «насмешки горькой» стало более чем достаточно. Однако внимание журналистов-иронистов по-прежнему сконцентрировано главным образом на предыдущем (советском) периоде

отечественной истории. Вероятно, ведущая роль иронии в текстах СМИ начала перестройки и последующих лет объясняется не только тем, что: «Отмена цензуры, идеологических табу, строгих стилевых установок привели к раскрепощению традиционно-нормированного газетного языка. И многие процессы, происходящие в этот период в обществе и отражаемые языком прессы, можно объяснить как реакцию на газетный язык недавнего прошлого, как отрицание его, отталкивание от него» [Солганик 2002: 50]. Конечно, и это верно, но дело всё же не только в смене стилевых установок: последняя понадобилась лишь как форма выражения новейших политических веяний. «В середине 80-х годов сложилась уникальная ситуация, когда еще обеспеченная **государственными гарантиями** система СМИ активно включилась в **демонтаж** главной опорной системы советского **государства** – коммунистической идеологии... Идеологи реформ первого призыва с помощью средств массовой информации сумели заново переоценить восьмидесятилетнюю историю страны, подготовить людей к восприятию новой системы ценностей. Журналисты первыми... подхватили лозунги перестройки и “понесли их в массы”, подогревая общественные ожидания» [Музалевский 2007: 290].

Вот именно в этих обстоятельствах (по существу, в момент обострения информационно-психологической войны) ирония (как «переносное значение, основанное на полярности семантики, на контрасте, при котором исключается возможность буквального понимания сказанного» [Клушина 2003: 287]) стала чрезвычайно популярной. Активно используя и прецедентные тексты недавнего советского прошлого, формируют двуплановость текста: «ирония как бы узаконивает

двойственность, параллельность смыслов, а значит, и двуплановость восприятия... Ирония скрывает за собой социальную оценку даже при **кажущейся** объективированной подаче фактов» [Клушина 2003: 288].

Неоднократно и вполне квалифицированно рассматривал социально-пропагандистские интенции и эффекты всепоглощающей и всеразъедающей иронической волны в СМИ последних советских, а также послесоветских лет Ю. Поляков (которого, кстати, самого не без оснований называют классиком современной иронической прозы (например, [Крымова 2006: 422])). Интересно, между прочим, наблюдать, как менялись его оценки этих феноменов по мере хронологии событий, охватывавших страну: сначала – СССР, затем – Россию...

«Мое поколение страдает “вселенской иронией”. Но ведь энергия духа, ушедшая на разрушение миражей, могла пойти на созидание. Ирония не может быть мировоззрением народа, она не созидательна» [Поляков 2005: 26]. – «За последние годы ирония из средства самозащиты превратилась в важный и весьма агрессивный элемент государственной идеологии... Можно взглянуть на это и с точки зрения управляемых процессов. Заставить общество забыть о своем прошлом, а лучше даже возненавидеть его – задача любой революции, особенно если воплощение ее идеалов в жизнь идет неважнецки... Смысл юмористических и сатирических произведений... за последние годы: какая постыдно смешная жизнь была у нас ДО, как нелепы люди, тоскующие о прошлом, как омерзительны те, кто пытается сопротивляться тому, что наступило ПОСЛЕ» [Поляков 2005: 85–86]. – «Основной метод управления, используемый «четвертой властью», – метод полуправды,

полуцитаты, полуухмылки, полуинформации» [Поляков 2005: 206]. – «Эмоциональное и информационное насилие над нами осуществляется разными способами. Но из всех способов важнейшим является ирония. Тотальная ирония. Отсюда пародийный модус повествования, усвоенный современным нашим ТВ» [Поляков 2005: 227].

Весьма характерны в этом отношении российские телепередачи, по явному недоразумению именуемые «юмористическими» («Аншлаг», «Кривое зеркало» и т. п.). Тиражируемые телевидением тексты местечковых скетчистов чрезвычайно многочисленны и как-то натужно веселы (что – на общем малорадостном фоне – невольно заставляет вспомнить классическое: «восславим царствие Чумы»); при этом они, как правило, довольно однородны во многих отношениях: и тематически, и словесно, и по манере сценического исполнения. Каждое из подобных произведений – и, конечно, вся их совокупность – направлены на переориентацию аксиологических координат социума, на низведение его духовных потребностей до уровня удовлетворения физиологических инстинктов: в этом они готовы, по выражению Гамлета, «Ирода переиродить» [Шекспир 1960, 6: 75] (то же можно сказать о многих присяжных публицистах перестроечно-реформаторского периода: «А уж Тряпичкину, точно, если кто попадется на зубок, – берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит» [Гоголь 1966: 84]).

Еще из пророческого романа Ф. М. Достоевского известно, что «во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе... Дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать всё священное...» [Достоевский 1957,

7: 481]. Запоздало прозревший персонаж того же романа говорит: «Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы человек всегда мог преклониться перед безмерно великим. Если лишить людей безмерно великого, то не станут они жить и умрут в отчаянии» [Достоевский 1957, 7: 690–691]. Ср.: «Информационное же оружие можно применять как раз для уничтожения в человеке именно этой связи с “безмерно великим”. После этого до идеи самоуничтожения он дойдет сам» [Расторгуев 2003: 192]. Собственно, в своей совокупности именно на это направлены творческие устремления русскоязычных «юмористов».

Любопытны, между прочим, некоторые аналогии в конкретных действиях их – и их литературных прототипов.

Среди прочих «забавных штучек», придуманных одним из «бесов»-активистов Лямшиным (впрочем, «был слух, что Лямшин украл эту пьеску у одного талантливого и скромного молодого человека... который так и остался в неизвестности»), была и «забавная, под смешным названием “Франко-прусская война”. Начиналась она грозными звуками “Марсельезы”... Слышался напыщенный вызов, упоение будущими победами. Но вдруг, вместе с варьированными тактами гимна, где-то сбоку, внизу, в уголку, но очень близко, слышались гаденькие звуки “Mein lieber Augustin”, “Марсельеза” не замечает их... но “Augustin” всё нахальнее, и вот такты “Augustin” как-то неожиданно начинают совпадать с тактами “Марсельезы”... “Марсельеза” как-то вдруг ужасно глупеет: ...это вопли негодования, это слезы и клятвы с простертыми к провидению руками... Но она уже принуждена петь с “Mein lieber Augustin” в один такт. Ее звуки каким-то

глупейшим образом переходят в "Augustin", она склоняется, погасает... Но тут уже свирепеет и "Augustin", который переходит в неистовый рев... Франко-прусская война оканчивается. Наши [члены «кружка»] аплодируют» [Достоевский 1957, 7: 339–340].

В связи с этим эпизодом музыкально-иронического характера приходит на ум современная «забавная штучка» – музыкальный видеоклип русскоязычной группы «Ван моо» (видимо, от англ. one more – «еще раз»), записанный на студии Аллы Пугачёвой. Текст этого «знакового» (как принято выражаться сегодня) произведения начинался так: «А у меня дружок есть Петя, Он поет обычно на рассвете: "Харе, Рама, Харе, Кришна, Кришна, Кришна, Харе"», второй куплет: «У меня дружок есть Ваня, он играет на баяне: по полю-полю, по полю-полю», и через всю песню проходила красной строкой мелодия «Хава нагила» (так, собственно, и называется песня), сопровождавшаяся соответствующим национально-танцевальным представлением, и рефрен: «Такие песни поем мы вместе!» Любопытно, что эта «забавная штучка» активно демонстрировалась разными российскими телеканалами, особенно в июле—сентябре 1993 г.

У главного героя чеховской повести, опубликованной в 1893 г., высокопоставленного петербургского чиновника Орлова, «перед тем, как прочесть что-нибудь или услышать... всякий раз была уже наготове ирония, точно щит у дикаря... Ирония Орлова и его друзей не знала пределов и не щадила никого и ничего. Говорили о религии – ирония, говорили о философии, о смысле и целях жизни – ирония, поднимал ли кто вопрос о народе – ирония. В Петербурге есть особая порода людей, которые специально

занимаются тем, что вышучивают каждое явление жизни; они не могут пройти даже мимо голодного или самоубийцы без того, чтобы не сказать пошлости. Но Орлов и его приятели не шутили и не вышучивали, а говорили с иронией» (Чехов, «Рассказ неизвестного человека». [1956, 7: 192, 200]). Рассказчик, обращаясь к своему герою, так определяет истоки этой вселенской иронии: «Живая, свободная, бодрая мысль пытлива и властна; для ленивого, праздного ума она невыносима. Чтобы она не тревожила вашего покоя, вы, подобно тысячам ваших сверстников... вооружились ироническим отношением к жизни... и когда вы глумитесь над идеями, которые якобы все вам известны, то вы похожи на дезертира, который позорно бежит с поля битвы, но, чтобы заглушить стыд, смеется над войной и над храбростью» [Чехов 1956, 7: 245].

Столетие с небольшим назад А. А. Блок опубликовал статью «Ирония», где говорится, в частности: «Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь – сродни душевным недугам и может быть названа “иронией”. Ее проявления – приступы изнурительного смеха, который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается – буйством и кощунством. Я знаю людей, – которые готовы задохнуться от смеха, сообщая, что умирает их мать, что они погибают с голоду, что изменила невеста... Эпидемия свирепствует... Мы видим людей, одержимых **разлагающим** смехом... Перед лицом проклятой иронии – всё равно для них: добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба... И все мы, современные поэты, – у очага страшной заразы. Все мы пропитаны

провокационной иронией Гейне» [Блок 1955а: 80–83]. Хорошо известно, что произошло по прошествии всего нескольких лет после публикации этой статьи с обществом, верхушка которого была разложена иронией...

Справедливо замечено, что «ирония не может быть мировоззрением народа» [Поляков 2005: 26].

Но той же «эпидемией» ознаменовались последние годы советской власти. Считают, например, что «особую роль в развенчании политической речи играл и играет жаргон и та его разновидность, которую называют словом стиб... Феномен ерничества... на основе новояза свойственен, по всей видимости, всем языкам посттоталитарных обществ» [Земская 1996: 24]. Сتيب в текстах СМИ определяют, например, как манеру подачи информации, при которой прямая авторская оценка событий, явлений подменяется всепоглощающей иронией: «автор надевает на себя маску ироничного, стороннего наблюдателя... Подобная манера, сохраняя видимость многозначительной позиции, позволяет в иронически-агрессивном стиле осмеивать всё и вся» [Солганик 2003: 266].

В качестве орудия борьбы, причем не только с «тоталитарным языком», но и с государственно-политическим устройством, его культивировавшим, рассматривался также молодежный сленг, который «весьма критически, иронически относится ко всему, что связано с давлением государственной машины» и «противопоставляет себя не только старшему поколению [таким образом разорвана естественная преемственность поколений. – А. В.], но прежде всего прогнившей насквозь официальной

[очевидно, советской. – А. В.] системе» [Береговская 1996: 38].

Инструментом противодействия «тоталитарному языку» объявляют и деформацию (в анекдотах и т. п.) политических прецедентных текстов, обеспечивавших реализацию идеологем и мифов недавнего прошлого; этот «универсальный прием языкового сопротивления» оценивают как конструктивный в четверостишиях И. Губермана, сверхтекст которых «характеризуется четкой авторской позицией, противопоставленной позиции официальной [т. е. советской. – А. В.]», а их создатель формирует «картину мира человека, имеющего смелость открыто предпочесть ценности традиционные идеологическим» [Купина 1995: 137] (кстати, он же «расценивает Россию как страну, «где жить невозможно», как «гиблую почву» [Купина 1995: 125]^[9]).

Время т. н. перестройки ознаменовалось непомерным насыщением телеэфира юмористическими передачами (обычно не очень высокого художественного уровня), где исполнители изощрялись по поводу советской истории – и современности, с обилием пародий – поскольку многие подобные лицедеи попросту не способны создавать собственные полноценные тексты (ср.: «Карикатуристы завидуют людям, которые живут всерьез, и, дабы развеять свою зависть, подтрунивают над ними, издеваются, изощряясь в остроумии. А ведь остроумие – бесплодно» [Сегень 1994: 190]).

В общем, получилось примерно как в чеховском рассказе: «Это театр. Над его дверями... написано:

⁹ Действительно, чем, по словам литературного персонажа, «было бы плохо евреям в Швейцарии, где первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы» [Бабель 1989: 115]?

“Сатира и мораль”. Здесь платят большие деньги, пишут длинные рецензии, много аплодируют и редко шикают... Храм! Но этот храм ряженный. Если вы снимете “Сатиру и мораль”, то вам нетрудно будет прочесть: “Канкан и зубоскальство”» [Чехов 1954, 2: 10].

Вообще время перестройки (время конструируемой демократизации – а вовсе не демократии – и избирательной гласности) «характеризуется интенсивным использованием “языковой демагогии”, «когда идеи, которые надо было внушить, не высказывались прямо, а навязывались исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [Базылев 2005: 7]. – «Одесский язык – ...это где главное мысли, а не слова» [Р. Карцев. Бенефис. РТР. 04.01.00]. – «Григорий Горин – человек, учивший страну смеяться над несмешными вещами» [24. Реп-TV. 12.03.10]. Технологически эти феномены во многом также строились на иронии («перед усмешкой мужика, ничем не похожей на ту иронию, которой научили нас Гейне и еврейство... умрет мгновенно всякий наш смех» [Блок 1955б: 86]). – «Вспомните, какой был в последнее время здесь тон?.. Ведь это обратилось в одно только нахальство, бесстыдство; ведь это был скандал с трезвоном без перерыву» [Достоевский 1957, 7: 516].

Однако подобные приемы чрезвычайно характерны для информационно-психологической войны, в которой «большинство выпадов делается только для того, чтобы увидеть реакцию противника на те или иные входные данные, осмыслить ее и, собрав по крупицам все доступные знания, создать адекватную информационную модель... которая позволит в дальнейшем получить ответы на вопросы типа: “А что будет, если...?” и т. п... А потом придет ответственный наблюдатель и радостно

констатирует: "Процессы приобрели необратимый характер!"» [Расторгуев 2003: 342].

Наивысшим (на сегодня) достижением официальной культуры следует считать назначение – не без чьей-то санкции – М. Жванецкого «дежурным по стране» (т. е. по России): см. еженедельную передачу с таким обнадеживающим названием на государственном российском телеканале РТР.

Вовсе не случайными оказываются и сегодня тематика и содержание текстов, выдаваемых в телеэфир под видом юмористических. Так, следующую репризу можно было бы рассматривать всего лишь как малоудачную шутку: «Белорусские песни – как и сами белорусы: стоит услышать, уже жалко» (Вадик Галыгин) [Comedy Club. ТНТ. 20.01.07], если не обладать кое-какими «фоновыми знаниями». А именно: в конце 2006 – начале 2007 г. в российских СМИ в очередной раз активизировалась антибелорусская кампания, вызванная якобы неправомерными внешнеэкономическими шагами руководства Белоруссии, через территорию которой на Запад транспортируются энергоносители из России. Телекомпания «ТНТ» входит в состав холдинга «Газпром-медиа», непосредственно относящегося к РАО «Газпром»... Понятно, что по поводу процитированной выше «шутки» не было никаких попыток применить Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», который в ст. 1 к «экстремистской деятельности (экстремизму)» относит, в частности, «деятельность... редакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на... унижение национального достоинства... пропаганду... неполноценности граждан по признаку их...

национальной... или языковой принадлежности» [№ 114-ФЗ от 25.07.02; № 148-ФЗ от 27.07.06].

Впрочем, даже и те из телевизионных текстов, которые подчеркнута подаются как не связанные с политикой, на самом деле представляют собой (что вполне естественно) одну из форм многоликого политического дискурса. Вот лишь один фрагмент передачи, анонсируемой буквально как «новости без политики»: «Белорусские чиновники с большим энтузиазмом взялись решать проблемы детей из неблагополучных семей... Вводится так называемое "внесудебное изъятие детей" [и помещение их в детские дома]... Не все в Белоруссии считают такой порядок вполне законным. Представители оппозиции...» [Другие новости. 1 канал. 26.01.07]. И выбор лексики, обретающей в данном контексте необходимые адресанту коннотации (при внешней объективности в подаче информации), и искусно выраженное (и внушаемое аудитории) сомнение в законности описываемых мер, и упоминание о наличии в Белоруссии юридически грамотной и пышущей гуманизмом оппозиции делают цитируемое сообщение полноценным фрагментом вышеупомянутой пропагандистской кампании: «Абсолютно всё плохо в Белоруссии, управляемой Лукашенко!» Ведь далеко не каждый телезритель станет затруднять себя размышлениями: может быть, описываемые меры власти действительно направлены на то, чтобы оградить детей от влияния родителей-алкоголиков и их антисоциального поведения во имя физического и нравственного здоровья этих детей, их будущего – и будущего общества и этноса в целом?

Свой вклад в «иронизацию» (Ю. Поляков) общественного сознания несомненно внесло такое сделанное модным литературное направление, как пропитанный иронией постмодернизм (хотя можно было бы вспомнить и об «исповедальной прозе» 60-х гг. XX в., в большинстве своем – насквозь ироничной тоже).

«Во второй половине XX века мы стали свидетелями бурной агрессии маргинальных форм культуры... Авангард пережил период “бунтующей периферии”, стал центральным явлением, диктующим свои законы эпохе и стремящимся окрасить всю семиосферу в свой цвет...» [Лотман 1996: 179].

Расцвет литературы отечественного постмодернизма относят обычно к середине 80-х гг. прошлого столетия: это связывают с тем, что «произведения постмодернизма, являясь следствием иронического мироощущения, наиболее адекватно отражают социально-политические противоречия нашей жизни» [Дашкова 1992: 141]. Казалось бы, претендуя на новизну показа личности и мира (да еще после страшных, просто ужасных «десятилетий идеологического насилия и обезличивания» [там же]), представители этого направления могли и должны были создать нечто принципиально новое и в области средств выражения, но... к специфическим особенностям языка постмодернистских сочинений относят прежде всего «их вторичность по отношению к предыдущим текстам» [там же]. Иронический язык постмодернизма оперирует штампами общественного сознания (вероятно, пытаясь оперировать и им самим), воспроизводя некую иерархию «заштамповывания сознания: из сферы догматического мышления – в сферу культуры, обедняя и обесценивая ее, а затем – в область языка, сводя его до почти

предсказуемости» [Дашкова 1992: 142]. И ту, и другую цели трудно назвать благородными (разве что в постмодернистском духе; ср. в хронологически близкой публикации такую оценку эффекта поэзии того же времени: в основе трех направлений развития послесоветской стихотворной культуры лежит «экономическая цепочка: ремесленник – товар – потребитель... Эти направления суть а) “измы”, “работающие с формой; б) политизированные частушки; в) “стеб”... Речь идет не о самоосознании языка, а о его порабощении и вульгаризации. Эти процессы не могут проходить безболезненно для языка, так как он существует во взаимосвязи с сознанием человека» [Бураго 1992: 149], а следовательно – трансформируется и сознание).

Впрочем, выясняется, что, например, в беллетристике запасы иронии оказались вовсе не беспредельными: в постмодерне она исчерпала себя именно тем, что... победила. Кроме того, как верно замечено, «иронизируют всегда над чем-то, что в принципе противоречит постмодерному положению об отрыве означающего от означаемого» [Руденко 2000: 60].

Филолога, которого «не устраивает бунт против разума, лукавые игры анархического ума, деканонизация традиционной литературы, утверждение иронизма как смыслообразующего принципа... мозаического постмодернистского искусства и т. д.», оправданно настораживает то, что постмодернизм, возникший на основе решительного неприятия любого стандарта, на принципиальном утверждении толерантности, маргинальности, плюрализма и т. д., всё более зримо проявляет черты агрессивности [Теплинский 2002: 372],

т. е. пытается играть роль некоего «единственно верного учения» как стандарта.

Интересно при этом, что рудименты культивирования «воспитательного чтения», практиковавшегося в советской школе, вызывают сегодня «сожаление»: увы, «школьная методика оказалась неготовой к восприятию и осмыслению постмодернистской литературы» (т. е. ее игровых начал, иронии, пародийности, доходящей до цинизма эпатажности и прочих высоких достоинств постмодернизма – см. там же завлекательную цитату из учебного пособия для старшеклассников: «Стерты границы между высоким и низким... все табу, в том числе и на ненормативную лексику. Отсутствует почтение к каким бы то ни было авторитетам, святыням. Отсутствует стремление к какому-либо положительному идеалу» и т. д.) [Кузьмина 2006: 173, 174, 180 и др.]. Brave new world! Можно еще, конечно, пообещать школьникам и скорое освобождение от химеры, именуемой совестью...

Игры в раскрепощенное слово

«Ясно, насколько “раскованным” становится мышление, с которого снята цензура устойчивых этических норм» [Кара-Мурза 2002: 122]. В сфере речевой коммуникации примерно двадцати последних перестроечно-реформаторских лет многократно декларированное освобождение общества от тяжких оков тоталитаризма выразилось и в чрезвычайно широком употреблении субстандартных лексико-фразеологических единиц. Эта игра в «раскрепощенное слово» инициировалась и активно поддерживалась российскими средствами массовой информации (точнее, конечно, – их

распорядителями) и очевидно имела в качестве своей цели вовсе не расширение словарного запаса законопослушных граждан.

«Процесс жаргонизации всей страны» [Мокиенко 1994:156] стал не только реакцией на стандартизованность и безликость официально-пропагандистских штампов советского времени. Следует иметь в виду, что, например, уголовный жаргон, кроме таких функций, как конспиративная, экспрессивно-выразительная, парольная [Бондалетов 1987: 74], выполняет также иные. И. А. Бодуэн де Куртенэ в начале XX в. характеризовал «блатную музыку» как «один из русских “говоров”, конечно, не в обыкновенном смысле этого слова»: «ее спаивает в одно целое то обстоятельство, что ее носителями являются люди, составляющие в известном смысле отдельный класс, объединенные как более или менее одинаковым собственным мировоззрением и взглядом на самих себя, так и одинаковым к ним отношением других» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 161]. Современные специалисты также считают основной функцией уголовного аргоса мировоззренческую, которая в то же время является и объединительной, причем, в отличие от объединительной функции языка, сплачивающего нацию, аргос объединяет деклассированные элементы и противопоставляет их основной части общества [Грачев 1995: 41].

Слово расценивается ворами, глубоко верящими в вербальную магию, как дело и является сигналом, с помощью которого возможно воздействие на окружающие реалии и ход событий. Существует взаимозависимость: арготизмы порождаются преступниками – арготизмы же управляют криминальной

средой [Грачев 1997: 109–110]. Поэтому распространение уголовных арготизмов можно рассматривать и как расширение сферы влияния уголовного мира, обеспечивающее внедрение в общественное сознание его философии и моральных установок.

Повторим: ранее считалось, что одним из факторов, объединяющих носителей «блатной музыки» в отдельное сословие, является «одинаковое к ним отношение других сталкивающихся с ними “добропорядочных” и “благонамеренных” людей» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 161] – официально доминировавшая в обществе мораль призвана была играть роль некоего гигиенического кордона. И в советское время проникновению жаргона в тексты СМИ и художественной литературы ставили прочные заслоны не только рудименты хорошего тона и жесткая редакторская цензура [Мокиенко 1994: 156], но и цензура официально-идеологическая – вряд ли их можно разделить: «Специфика советской цензуры состоит... не только в ее гипертрофированности и всеохватности, но и в небывалом прежде сочетании многоуровневой структуры контроля над речью с проникновением в стиль речи» [Романенко 2007: 163]. Уголовный жаргон справедливо рассматривался как выражение системы ценностей, противостоящих коммунистической идеологии.

Но с началом «перестройки», «когда еще обеспеченная государственными гарантиями система СМИ активно включилась в демонтаж главной опорной системы советского государства – коммунистической идеологии» [Музалевский 2007: 290], речевая ситуация в СМИ резко изменилась: нужно было исподволь готовить общественное мнение к следующему этапу реформирования – приватизации, разделу и переделу

государственного имущества между немногими – для создания класса собственников-нуворишей. Радикальному пересмотру подверглись аксиологические ориентиры. С активной помощью СМИ в обществе произошла подмена понятий. «Когда мы стали с удовольствием не то чтобы допускать – утверждать, что зло не менее привлекательно, чем добро, появились всякие варианты эгоцентризма: “если ты умный, почему бедный” [Богданов 2007]. То, что С. Говорухин в 1993 г. назвал «великой криминальной революцией», породило своих героев, описываемых, например, так: «Володин... в целом... был похож на цивилизованного басмача... Шурик олицетворял элитный тип питерского бандита... Колян... весь как бы состоял из пересечения простых геометрических тел... его маленькая обтекаемая головка напоминала тот самый камень, который, по выражению евангелиста, выкинули строители, но который тем не менее стал краеугольным в новом здании российской государственности» [Пелевин 2003: 307].

Естественно, что подобным персонажам необходимо было обеспечить свое комфортное существование и в перспективе (например, путем обретения депутатской и т. п. неприкосновенности). Поскольку информационные войны включают в себя и выборы во власть, «порой подход здесь может быть до предела банален... если хочешь погубить богатую и сильную страну, то помоги прийти в ней к власти местному вору... Всё остальное они сделают своими собственными руками. Причем ограбят свою страну и сограждан так, что ущерб превысит потери от самой лютой войны с традиционным огнестрельным и даже ядерным оружием» [Расторгуев 2003: 373–374].

Символичным в свое время (в 1994 г.) стало назначение членом комиссии по правам человека при президенте РФ трижды судимого Владимира Податева (кража, вооруженное ограбление, изнасилование), «вора в законе» по кличке Пудель [Кара-Мурза 2002: 645]; столь же символичным было выступление на одном из предновогодних концертов 2001 г. (и в присутствии высшего руководства) А. Розенбаума с приклатенной песенкой «Гоп-стоп»; его сопровождал ведомственный хор, облаченный в парадную форму; всё это, естественно, транслировалось российским телевидением (РТР).

Можно считать, что к т. н. внеязыковым факторам, обусловившим насыщение публичного дискурса уголовно-арготической лексикой, относятся закономерно взаимосвязанные и взаимодополняющие изменения социально-политических доминант, смена аксиологических ориентиров, ремаркация общественных и индивидуальных ценностей, а в экономике – появление частного предпринимательства в финансово-промышленной сфере, сопровождающееся непрерывной борьбой за передел собственности и влияния, причем на практике становятся допустимыми и почти всегда безнаказанными фактически любые способы личного материального обогащения. В таких обстоятельствах востребованность «блатной музыки» активными участниками, сторонниками и проводниками этих преобразований вполне естественна. Но, что не менее важно, тактически было целесообразным – и остается таковым стратегически – привлечение симпатий или хотя бы достижение лояльности остального населения к решительной ломке социокультурной парадигмы. Теперь налицо не только повышение

толерантности к уголовно-арготической лексике и воплощенной в ней системе этических представлений, но также несомненная элитаризация их, что, соответственно, подтверждает и повышает статус представителей криминалитета в глазах сограждан («не будет преувеличением утверждать, что социальные нормы бытового поведения “дна” исподволь влияют на представления о престижном у законопослушных обывателей» [Ставицкая 2000: 179]). Замечено, что дети (формирующиеся языковые личности) усваивают жаргонные слова и обороты как органичные единицы; происходит замещение «нейтральных» элементов на жаргонные, которые справедливо считают патогенными [Семенюк 2001: 124].

Вектор этой разновидности игры в слова очевидно обращен в перспективу: «На долгие годы эталоном для программирования подрастающего поколения в силу существующей инерции и самообучения станет ориентация на уголовные ценности» [Расторгуев 2003: 374].

По мнению А. Лебеда, «если же ребенок семи лет от роду уже лихо пользуется двумя, хотя и на русском языке, но, по сути, нерусскими глаголами – “мочить” и “трахать”, то, когда он вырастет, будьте уверены, будет писать “Родина” с маленькой буквы, а “сало” – с большой» [Самотик 2004: 167].

Впрочем, цитируемый политик собственной публичной речевой практикой убедительно подтвердил сформулированный им тезис: «Мы, русские, матом не ругаемся, мы матом говорим» [Самотик 2004: 171] – «когда в официальной обстановке в присутствии ТВ официальное лицо не только позволяет себе

нецензурную брань, но и настаивает на правильности своего поведения: “Это я официально говорю, в четыре камеры, пусть разнесут ..., чтоб все знали” [Сперанская 1999: 92–93]. Таким образом была наглядно проиллюстрирована еще одна составляющая тенденции вульгаризации словоупотребления.

В перестроечно-реформаторский период активизировалось использование и другой разновидности субстандартной лексики, а именно вульгарно-бранной, в том числе и в дискурсе СМИ. Подобные выражения ранее именовались «неприличными», «непристойными», «непечатными», «нецензурными»; все эти определения сегодня можно считать устаревшими, поскольку они не соответствуют реальным доминантам современной культурно-речевой ситуации. Один из весьма многочисленных примеров: «Люблю, когда женщины матерятся, но не воспитатели детей, а политики... Вот Раиса Васильевна [Кармазина, депутат Законодательного собрания Красноярского края, ныне – депутат Государственной думы РФ] как завернет!» (О. Пащенко, депутат Законодательного собрания Красноярского края) [Новости. ТВК. 18.04.02].

И эта разновидность игр в слова была актуализирована в российской массовой коммуникативной практике тоже не случайно. Приведем принципиально важное высказывание режиссера, творчество которого всячески популяризировалось: «Сам же [Р. Виктюк] объясняет увлечение матом не бытовыми проблемами, а своим духовным ростом. “Для культурного человека мат – это нормально. Мат – это естественная форма речи. Не материться – какая-то **советская** стыдливость”». Кстати, эта цитата в [ТСРРЯ 2001: 736] иллюстрирует одно из значений прилагательного

советский – 'свойственный чему-л. в СССР или кому-л. живущему в СССР; совковый', поданное с пометой неодобр.

В свете вышесказанного обратимся к интересной и содержательной статье В. А. Гречко, посвященной природе нецензурной лексики, причинам ее сегодняшнего почти повсеместного употребления и интенсивного лексикографирования. В качестве идейного предшественника тех лингвистов, которые считают издание словарей ненормативной лексики научно обоснованным и даже необходимым («раз явление существует, оно должно изучаться»), автор называет польско-русского языковеда И. А. Бодуэна де Куртенэ. «...Будучи редактором 3-го издания (1903–1909 гг.) Словаря Даля, И. А. Бодуэн де Куртенэ самовольно включил в Словарь большое количество бранных, в том числе и нецензурных, слов, нарушив тем самым культурную традицию русской классической лексикографии. Словарь Даля – это авторский словарь. И, включая в него нелитературные, нецензурные слова, Бодуэн тем самым нарушил авторские права Даля, оскорбил его память... В. И. Чернышев писал по выходе Словаря Даля под редакцией Бодуэна, что включение в Словарь бранной, нецензурной лексики вызвало против Бодуэна "бурю негодования" и что "неприличные слова, которые он внес, нет необходимости удерживать"» [Гречко 2009: 10–11].

Напомним, что время, соответствующее бодуэновски отредактированному изданию, было предреволюционным; преддверием великих потрясений стало и катастрофическое падение нравственности...

Можно полагать, что и упомянутое издание внесло в эти процессы свою достойную лепту.

В наши дни активно пропагандируется то ли неизбежность, то ли необходимость широкого употребления мата – и на той же высоконаучной подкладке. «В передаче “Радио России”, именуемой “Воскресная лапша”, обсуждался вопрос о русском мате... Были приглашены студенты Университета дружбы народов, а в качестве авторитетного эксперта выступал академик В. Г. Костомаров... Позиция академика... вызвала у радиослушателей наибольшее удивление. Он сослался на мнение своих аспиранток, которое разделяет. Аспирантка из Германии утверждает, что для России характерна “культура вмешательства”. Люди могут сделать замечание другим об их речи, поведении и прочем, что на Западе не принято. Там свобода, демократия: говори что хочешь и делай что хочешь [т. е. чрезвычайно развита т. н. толерантность? – А. В.]... Академик солидарен с мнением своих аспиранток... Ведущие горячо благодарили академика, оригинальное резюме которого им очень понравилось. А ведь было время, когда В. Г. Костомаров выступал активным борцом за сохранение чистоты, богатства, культуры русского языка... Вся его книга “Программа КПСС о русском языке” (М., 1963 г.) проникнута мыслями о величии русского языка, заботой о нем...» [Гречко 2009: 12–13]. Воистину, упомянутый языковед неуклонно следует словам любимого им исполнителя: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир» [Костомаров 2005: 265].

Известно, что борьба с матерной бранью велась на Руси еще в далекие от нас эпохи, прежде всего под знаком борьбы с язычеством, когда мат воспринимался как черта бесовского поведения, языческих игр (ср.

определение матерной брани как «жидовского слова» в [Смирнов 1913: 156], т. е., по мнению Б. А. Успенского, как языческого [Успенский 1996: 69–79], – иначе говоря, как вербально воплощенного противопоставления православию). Таким образом, как ни парадоксально, некоторые еще относительно недавние официальные критерии русской речевой коммуникации, действовавшие в социалистическом («тоталитарном») атеистическом государстве, оказывается, гораздо более соответствовали отечественным христианским традициям, чем иллюзорная свобода публичного дискурса периода реформ, когда СМИ кстати и некстати вспоминают о благотворной роли церкви, религиозной морали и т. п.

Считавшаяся ранее запретной брань утверждается как знамение абсолютной раскрепощенности, отрешения от прежних идеологических догм, а заодно и норм общественного поведения. Любопытно, что и здесь можно усмотреть историческую параллель («обсценная лексика... смыкается с лексикой сакральной» [Успенский 1996: 72]): происходит некое подобие сакрализации матерной лексики.

Распространение указанных разновидностей субстандартной лексики через каналы СМИ вполне закономерно и не является лишь изменением в такой области, как культура речи социума (понимаемая иногда неоправданно узко). Этот лингвокультурный феномен отражает многообразные процессы реформирования общества – и одновременно стимулирует их, способствуя перепрограммированию сознания носителей языка согласно пропагандируемым постулатам, внедряя новые модели межкультурных и межличностных отношений,

конструируя иные, чем прежде, стереотипы поведения. Такие игры в слова – это еще и имитация свободы слова.

Многие специалисты обоснованно утверждают, что современная российская социокультурная ситуация всё более уверенно обретает черты некоей всеобщей игры, спектакля, шоу – в общем, чего-то ненастоящего, искусственного. Это можно наблюдать на разных примерах.

Одним из симптомов изменений общественного сознания в годы радикальных реформ стала сверхчастотность употребления в речи сочетания (по мнению Н. М. Шанского – сейчас уже не сочетания, а отдельно пишущегося слова [Шанский 2003: 102]) *как бы*. Размывая и выхолащивая семантику высказываний, оно при этом сигнализирует об отношении речедеятелей к окружающей действительности – и к самим себе. Таким образом выражаются представления о непрочности бытия, псевдореальности жизни, зыбкости этических основ, размытости шкалы духовных ценностей, отсутствии оптимистических перспектив (подробнее см. [Васильев 2003: 91–103]). Это довольно отчетливо напоминает оценку, данную В. О. Ключевским внутрироссийской ситуации начала XX в. в преддверии бурных катаклизмов: «У нас нет ничего настоящего, а всё суррогаты, подоби́я, пародии: quasi-министры, quasi-просвещение, quasi-общество, quasi-конституция, и вся наша жизнь есть только *quasi una fantasia*» [Ключевский 1990, IX: 361]. С точки зрения социальной экологии, деградация жизненной среды человека – существа морального – порождает у него неуверенность в себе и обществе, в котором он живет; это способствует и деградации самой личности, и возникновению многих

нежелательных явлений [Маркович 1991: 91–92, 125, 128].

По мнению ряда философов и политологов, сложилась исторически новая формация – «общество спектакля»: «Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена – весь мир, и невидимый режиссер и нас втягивает в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал... Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, **условности и зыбкости**... Историческое время превращается в совершенно новый тип времени – время спектакля, пассивного созерцания... Ценность этой технологии для власти в том, что человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима диалога, он оказывается в социальной изоляции... Общество спектакля – это **“вечное ненастоящее”**» [Кара-Мурза 2002: 192–194]. А если так, то стоит ли возмущаться настоящим ненастоящим, тем более – протестовать и выступать против «как бы» существующего призрачного порядка ненастоящих вещей?

Полагают, что и Россия в последние годы была включена во всемирную неокочевую «цивилизацию игры»; при этом резонно предупреждают, что «игра не может продолжаться вечно. Всякой игре надобно свое игровое поле, и если оно исчезнет – наступит весьма печальный финал. Причем печальный не только для нашего народа, превращенного в игровые юниты, но и для самих играющих» [Калашников 2003: 105]. В несколько ином терминологическом оформлении о совокупности тех же феноменов, порожденных и

порождаемых в том числе средствами и методами информационной войны, говорится как о «цивилизации Зрелищ»: «Научно и промышленно отсталые страны должны будут платить за Зрелища ту цену, которую им установит производитель. А собирать эту плату они будут за счет безжалостной эксплуатации собственных недр и собственных народов» [Расторгуев 2003: 422]. Небезынтересно, между прочим, что почти немедленно после выборов президента РФ в 2008 г. СМИ как будто совсем забыли о якобы многообещающих «национальных проектах» и загадочных нанотехнологиях, о которых твердили доверчивой аудитории на протяжении нескольких месяцев. При этом пресса и телевидение, например, вроде бы случайно и пока еще не очень интенсивно, стали напоминать зрителям о том, что «во всем мире» испытывается острый дефицит пресной воды, а Россия обладает чуть ли не самыми большими ее запасами (озеро Байкал и проч.), ср.: «По данным ООН, к 2050 г. от нехватки воды будут страдать три миллиарда человек в 50 странах. И России... рано или поздно придется от нефти и газа переключиться на экспорт воды, которая к тому же [!] является восполняемым природным ресурсом» [Овчинников 2009: 17]. Невольно напрашивается аналогия с судьбой российской нефти и ростом цен на бензин на внутреннем рынке страны, приведенных якобы в соответствие с «мировыми» (в отличие от зарплат большинства граждан)...

Вполне закономерными в условиях внутриполитических процессов в реформируемой России явились активизация некоторых метафорических моделей и упрочение их, особенно в дискурсе СМИ; в частности, это театральная и игровая метафоры. Совершенно верно, что в последнее десятилетие XX в.

«на политической сцене по заранее разработанным сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывались комедии, трагедии и фарсы, в которых играли свои роли актеры (иногда по подсказке суфлеров)... Всё это вызывало интерес у зарубежных театралов, хотя они не в полной мере могли понять российское искусство. Во многих случаях театральная метафора сменялась метафорой циркового представления... Артисты были достаточно смешными, но настроение публики оставалось достаточно тревожным» [Чудинов 2003: 113–114]. Точно оценивается и прагматический потенциал описываемой метафорической модели, который определяется «ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания» [Чудинов 2003: 114]. Столь же востребованными стали спортивная и игровая метафоры: среди доминантных моделей российского политического дискурса выделяется представление политической жизни как своего рода игры или спортивного состязания: «политическая деятельность рассматривается как своего рода спорт, где необходимы строгие правила честного соперничества, где успех в значительной степени предсказуем... хотя и бывают разного рода неожиданности...» [Чудинов 2003: 114]. В свете этого весьма примечательно сомнительное достижение, которым публично (через каналы СМИ) гордились российские высокие руководители, политологи и аналитики: после выборов в Госдуму в ней стало много деятелей искусств (шоу-бизнеса) и профессиональных спортсменов (в основном – «отставных»), т. е. людей, которые всю жизнь посвятили именно игре в различных

ее воплощениях: участвуя в певческих и танцевальных представлениях либо в спортивных состязаниях. Видимо, сегодня этого вполне достаточно для успешной законотворческой деятельности...

Импорт лексики – импорт мировидения

Как разновидность игры в слова можно рассматривать употребление заимствований, прежде всего в тех случаях, когда они используются вместо имеющихся синонимичных им слов автохтонного языка. И эта игра имеет отчетливо выраженный манипулятивный характер: заимствованные слова не обладают для носителей языка-реципиента внятной внутренней формой (ср., например, исконные *подросток*, *юноша*, *молодой человек* – и американско-английское *teenager*; *возлюбленный*, *любимый*, *любовник* – и *boyfriend*; и т. п.). Поэтому, в частности, момент заимствования считают и моментом утраты национального концепта, следовательно – и обеднения русской ментальности [Колесов 2004в: 122]. «Когда русский человек слышит слова “биржевой делец” или “наемный убийца”, они поднимают в его сознании целые пласты смыслов, он опирается на эти слова в своем отношении к обозначаемым ими явлениям. Но если ему сказать “брокер” или “киллер”, он воспримет лишь очень скудный, лишенный чувства и не пробуждающий ассоциаций смысл... Методичная и тщательная замена слов русского языка такими чуждыми нам словами-амебами – никакое не “засорение” или признак бескультурия. Это – необходимая часть манипуляции

сознанием» [Кара-Мурза 2002: 92] (см. также [Васильев 2003: 103–135], [Васильев, Веренич 2005]).

Говоря о заимствованиях, надо вспомнить, что «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992:43]. И процессы, и результаты освоения иноязычных слов значимы с культурологической и социально-психологической точек зрения как иллюстрации постоянной актуальности фундаментальной оппозиции *свой/чужой* (в иных формулировках также: *сакральный/профанный, священный/мирской, внутренний/внешний, хороший/плохой* и др.). Что представляют собой лексическое «заимствование» и лексическое «освоение» в таком аспекте?

С одной стороны, это переход иноязычного слова и культурной информации, заключенной в нем, через некий сакральный рубеж (от *чужого* – к *своему*), что детерминирует, как правило, некоторую трансформацию языковой картины мира путем введения новых элементов, изменения ее фрагментов через иное их расцветивание посредством коннотации, а потому во многих случаях способно изменять представления носителей языка об окружающей действительности (ср. также: «Глубочайшей сущностью этнических (будь то этнопсихических, этнокультурных или этнолингвистических) противопоставлений является сама граница... Пересечение всякой грани, разделяющей людей... сознаётся как акт сакральный» [Поршнеv 1973: 12]). Небезынтересно также, что складывающаяся (а возможно, уже сложившаяся) ситуация позволяет говорить о некотором нарушении извечного соотношения компонентов универсальной оппозиции в разных ее модификациях: за счет интенсивной пропаганды якобы

беспорных достоинств и высочайших культуuroобразующих потенциалов чужого языка (в данном случае – английского в его американском варианте) – и равнодушного, если не сказать пренебрежительного отношения к состоянию и возможностям родного (русского) языка. Иначе говоря, колеблется баланс пропорции *свой/чужой – внутренний/внешний – сакральный/профанный – хороший/плохой*.

С другой стороны, объем знаний, удерживаемых памятью индивидуума, не беспределен, а следовательно, в мировосприятии и самосознании носителей принимающего языка почти неминуемы замещения компонентов, в том числе – концептуально важных.

Оказывается, что освоение чужого (заимствование) одновременно может стать отчуждением своего (исконного). Если вновь обратиться к собственно лингвистическому аспекту проблемы, то целесообразно упомянуть о еще одной лакуне в терминологии: «Можно представить себе языковую экспансию, языковое миссионерство, но как обозначить то, что получается с другими [т. е. принимающими, реципиентами – А. В.] языками в результате этого?» [Панькин, Филиппов 1992: 31]. По-видимому, с учетом уже имеющихся и еще продолжающихся складываться российских реалий можно было бы использовать термины вроде *лингвистическая мутация, языковая трансформация, лингвистическая (лингвокультурная) колонизация (интервенция)*, соответственно – *язык-мутант, язык-гибрид, язык-сателлит* и т. п. Некоторую парадоксальность существующей ситуации можно усмотреть в том, что рост влияния и всяческое возвышение значимости английского (или, точнее, наверное, американско-английского) языка, макаронизацию русской

речи было бы не вполне точно называть внешним воздействием: формально оно ведется изнутри, т. е. российскими (и не в последнюю очередь – государственными) средствами массовой информации. Именно их усилия способствуют и созданию ореола привлекательности у феноменов иной культуры (не традиционной и вряд ли полностью приемлемой для коренных носителей русского языка), и их быстрому внедрению в общественное сознание. «А по какому, собственно, слову, по какой логике сотворен мир? По слову греков? Англичан? Хопи? Единственно последовательно христианским ответом на этот вопрос будет ответ в духе лингвистической относительности: миров столько, сколько языков, и раз уж данная языковая общность существует, не входя в конфликты с закономерностями окружения и воспроизводя свои социальные институты в смене поколений, ей нет ни малейшего резона считать свой мир и логику этого мира в чем-то ущербными, уступающими мирам и логикам других языковых общностей в совершенстве» [Петров 1991: 93].

При рассмотрении явлений массированного заимствования в социально-психологическом плане уместно использовать понятие «социализация», обобщенное, синтетическое определение которого формулируют как «процесс превращения индивида в члена данной культурно-исторической общности путем присвоения им культуры общества» [Тарасов 1977: 39]. Пока остаются дискуссионными вопросы о том, что представляет собой культурно-историческая общность, населяющая сегодня Россию, каковы ее основные ментальные черты и насколько можно считать завершенным ее формирование; может быть, следует

также предположить вероятность социализации массы индивидов в совершенно иную общность, не обязательно ориентированную на ценности какой-то одной, конкретной национальной культуры, и ее сравнительно скорую космополитизацию и включение в глобалистскую гиперкультуру.

Тем не менее, допустимо говорить о том, что под влиянием иноязычных и чужекультурных новаций происходит аксиологическая реполяризация менталитета, уже миновавшая стадию демонстративной и декларативной деполяризации. Речь идет о синхронной языковой и социокультурной экспансии. С помощью заимствований последнего времени, как и других слов-мифогенов, осуществляются манипуляции индивидуальным и общественным сознанием.

Игрища журналистов

В российском публицистическом дискурсе своего наивысшего расцвета достигла «прелестная вербальная вольница, позволяющая пишущему **всё**: мешать залогом, играть с инверсиями, “лепить” подлежащие и сказуемые куда захочется, играть на интонациях вплоть до полного перевертывания смысла, менять ролями одушевленное и неодушевленное, трансформировать графический облик слова и т. д.» [Соболева 2003: 238].

Наиболее ярко это проявилось, конечно, в СМИ, тексты которых (особенно конца советского и затем послесоветского – или антисоветского? – периода) характеризуются эфемерностью, недолговечностью – в зависимости от «политических загогулин» и «рокировочек» (раньше это называли «колебаниями генеральной линии партии», а затем «оптимизацией» и

«модернизацией»); кроме того, им присуще далеко не только сильно развитое игровое начало, но и многочисленные ошибки как результат низкого профессионального уровня журналистов, их постоянной спешки из-за жесткой конкуренции между изданиями, борьбы за милость рекламодателя и т. п.

Иногда такие тенденции оценивают весьма положительно. Например: «журналисты играют со словами и в слова... ломая традиционные модели словообразования, грамматики, снимая табу на сочетаемость слов... Языковая игра помогает творчески осваивать чуждые для публицистического стиля лексические единицы, вторгшиеся [точнее, внедряемые. – А. В.] в тексты СМИ и существенно расширившие традиционный для прессы инвентарь слов... Построенный с помощью языковых игр журналистский текст **дарит** читателю альтернативную картину мира... Обращение СМИ к кодам игры отражает общую для нашего времени ситуацию, связанную с активизацией внимания к символическим формам жизни (искусство, игра, сновидения, фантазии, предсказания экстрасенсов, гороскопы и т. п.). В самой природе игры содержатся важные для человека, освобождающегося от идеологического диктата, компоненты. Они связаны прежде всего с культивированием ценностей свободы в самых разных ее значениях... Игровое (альтернативное, виртуальное) в документальном в своей основе тексте СМИ тех или иных ситуаций может быть рассмотрено и как знак демократического общества, и как средство снятия общественной напряженности, примирения различных позиций, приглашение к диалогу, дружеский жест. ...Игра всегда предполагает сотрудничество...» [Сметанина 2002]. Все вышеприведенные положения

могут быть интерпретированы несколько иначе. Например: малограмотные журналисты нарушают нормы русского литературного языка, в том числе и элементарной семантической валентности; использование жаргонизмов и отражает высокий уровень криминализации российского общества, и стимулирует ее; далеко не каждый читатель нуждается в том, чтобы ему «дали» альтернативную подлинной картину мира; распространение эзотерических учений, популяризация экстрасенсов, шаманов и проч. свидетельствует и об интеллектуальных потенциях тружеников СМИ, и – еще раз – о том, что «сон разума рождает чудовищ»; один идеологический диктат сменяется другим, замаскированным под деидеологизацию; непонятно, что такое «культивирование ценностей свободы» (скорее всего, лишь пропагандистский штамп); «знак демократического общества» и прочее в комментариях не нуждаются. Впрочем, встречаем здесь и гораздо более продуманные суждения: «Игровая подмена реального, как бы искусно она ни была произведена в медиа-тексте... остается подменой... Конечно, в результате документальный дискурс медиа-текста размывается. Это приводит к субъективации информации, но качественно иной [более качественной? – А. В.], чем это было в советской прессе... Переход журналистов к тексту-игре – результат естественных в условиях рынка поисков оптимальных способов создания интересного для разного читателя материала» [Сметанина 2002: 93] (в общем, «от империи лжи – к республике вранья»).

Можно согласиться и с тем, что «манипуляция с языком часто обнаруживает связь с манипуляцией фактами, поэтому функционирование текстов с игровым

дискурсом нормально лишь в ситуации, когда коммуникативное пространство насыщено полной и достоверной информацией» [Сметанина 2002: 93]; правда, адрес этого пространства не указан – не виртуальное ли оно?

«Игровая стихия медиа-текста» реализуется в конкретных текстах по-разному. Кажется, наибольшее внимание исследователи обычно уделяют игровым заголовкам в печатных изданиях (хотя можно было бы начинать непосредственно с названий некоторых из них; например, «Независимая газета» традиционно является собственностью одного владельца, а «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда» вовсе не связаны сегодня с комсомолом как массовой политической молодежной организацией; здесь уже трудно отличить иронию от стеба^[10]). «Игровые заголовки часто базируются на прецедентных текстах – определенных крылатых выражениях («чужих словах», которые могут именоваться также цитатами, крылатыми словами, аллюзиями, реминисценциями – см. [Наумова 2004: 406]), известных в равной степени как автору, так и читателю...» [Атаева 2001: 123]; здесь же справедливо отмечена всеобщая тенденция к непомерному употреблению стилистически сниженной лексики даже в серьезных публикациях, что, с одной стороны, создает малоуместный комизм [там же], но, с другой, вполне согласуется с упомянутым духом иронизации. Степень реминисцентности подобных заголовков варьируется: от одной лексемы до фразы. Однако, поскольку при этом

¹⁰ Ср.: «Управление делами президента хочет отобрать *бренд* “Известия”, аргументируя это тем, что название учреждено 85 лет назад, а сегодня газета – в частной собственности» [24. Рен-TV. 07.03.02].

создается «аллюзивный потенциал: от каждого такого маркированного текста расходятся волнами ассоциативные тяготения и резонансы, далекие и близкие» [Матвеевко, Цветкова 1998: 110], то возникают некоторые сомнения, насколько серьезны намерения автора именно **информировать** читателя о чем-то: во-первых, такой заголовок может отражать лишь желание блеснуть «красным словом»; во-вторых, журналисту, чтобы его остроумие было оценено по достоинству, приходится довольно чётко прогнозировать уровень культуры и образования читателя – а разве автор действительно способен стопроцентно прогнозировать эффект собственного высказывания, шире – текста? Интересно, между прочим, что языковая игра в газетном заголовке может либо затухать (в относительно спокойный, стабильный период), либо активизироваться – в период обострения [Боброва 2000: 167] – т. е., по существу, участвовать в регулировании общественных настроений как дополнительный манипулятор. Иногда отмечают, что благодаря словообразовательной игре окказиональность в языке газеты стала нормой [Ильясова 2004: 277] – т. е. фактически перестала быть окказиональностью? Здесь же упоминается о широком распространении в языке СМИ и рекламы «игры с латиницей».

Следует сказать о том, что эта игра тоже вовсе не безобидна и, по крайней мере, не столь уж привлекательна, как это может кому-то показаться. Здесь можно увидеть и обеднение национальной ментальности – как и при других заимствованиях (лексических) [Колесов 2004в: 122], и «обезьянье пристрастие самозванных “элит” к самолюбванию» [Колесов 2004в: 206], пренебрежение возможностями кириллицы как

якобы недостаточными, и – шире – отказ от возможностей русского языка. Напомним также, что в ч. 6 ст. 3 гл. 1 Федерального закона о языках народов Российской Федерации говорится: «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами» – т. е. действующее законодательство уже предусматривает возможность отказа от кириллицы как графической основы русского – государственного – языка (подробнее см. [Васильев 2007: 64–65], [Васильев 2008: 67–68]).

Может быть, берется в расчет необходимость подготовить к этому сознание социума, что, собственно говоря, и делается весьма активно на протяжении двух последних российских десятилетий (через пропаганду английского языка, американской культуры, широчайшее распространение текстов, оформленных с помощью латинской графики, и т. д.).

Вспомним эпизод из произведения великого русского писателя: современные ему столичные «новые люди» (между которыми были «литераторы... – критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители» – и «много мошенников»), наряду с рассуждениями «о полезности раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, об уничтожении армии и флота, о восстановлении Польши по Днепр» и прочем [Достоевский, 7, 1957: 25] (немало этих замечательных замыслов воплотилось в перестроечно-реформаторский период!), говорили также «о заменении русских букв латинскими» [там же]. Следует сказать, что автор

«Бесов» и в этом случае опирался на реальные факты: в 1862 г. в Петербурге состоялся ряд совещаний по вопросам орфографии, на одном из которых «некто Кадинский... предложил воспроизводить звуки русского языка при помощи не русских, а латинских букв» [Евнин 1957: 739].

Информационная война

*Информационная война – это
целенаправленное обучение
врага тому, как снимать
панцирь с самого себя... В
информационной войне жертва
сама должна себя похоронить и
еще поблагодарить за это.*

С. П. Расторгуев

Агрессия одного государства против другого, противоборство систем (в том числе – и общественно-политических, и национально-ментальных) могут принимать разные формы. Так, один из основных сценариев конфликта, перенесенного с поля «горячей» или «холодной» войны за стол переговоров, гипотетически сводится к тому, что «одна из сторон, навязав оппоненту военное перемирие, продолжает добиваться своей победы иными, “ненасильственными” действиями... Экономическая экспансия или блокада, массированное насаждение своего образа жизни на территории вчерашнего врага – это всего лишь иные, невоенные способы добиться от противника капитуляции», что позволяет без использования насильственных (в прямом понимании этого слова) методов подойти к победе, «достигаемой не мытьем, так катаньем, не мощью оружия, так мощью экономической

или мощью интеллектуальной. Победа здесь равнозначна утрате противником его идентичности, отказу от собственной системы основополагающих жизненных ценностей» [Перцев 2003: 31] – скажем, замене их на «общечеловеческие». Пропагандистские операции («промывка мозгов») играют здесь весьма значимую, если не ключевую роль, причем «метод убеждения применяют не для того, чтобы сделать жертве приятное. Его применяют только потому, что он дешевле. Просто так уж получилось, что субъективная приятность в данном случае совместилась с объективной эффективностью и дешевизной» [Расторгуев 2003: 423].

Именно целенаправленное использование языковых средств является одним из наиболее эффективных о р у д и й , в х о д я щ и х в а р с е н а л информационно-психологической войны. Заметим, что последний термин не является единственно возможным: он вариативен. Иногда специалисты говорят только о войне информационной, иногда – о психологической. По-видимому, терминологические предпочтения довольно субъективны, поскольку из содержания разных трудов следует, что имеются в виду по существу одни и те же совокупности операций по манипулированию общественным сознанием и его трансформации в пользу одной из противоборствующих сторон.

Так, термином «психологическая война» обозначали после первой мировой войны «пропаганду, ведущуюся именно во время войны, так что начало психологической войны даже рассматривалось как один из важных признаков перехода от состояния мира к войне. Американский военный словарь 1948 г. дает психологической войне такое определение: "Это планомерные пропагандистские мероприятия,

оказывающие влияние на взгляды, эмоции, позиции и поведение вражеских, нейтральных или дружественных иностранных групп с целью поддержки национальной политики". Г. Ласуэлл в "Энциклопедии социальных наук" (1934) отметил важную черту психологической войны – она "действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка". То есть как вид воздействия на сознание психологическая война направлена прежде всего на разрушение тех связей, которые соединяют людей **в данное общество** как сложную иерархически построенную систему. Атомизация людей – вот предельная цель психологической войны» [Кара-Мурза 2002: 280–281].

Однако любопытно, что значимость и сугубая выгодность (по ряду параметров) психологической войны были полностью осознаны Соединенными Штатами Америки, как полагают, только на рубеже 1948–1950 гг.; известная и широко цитируемая (даже и в годы горбачевской перестройки) директива № 68 Совета национальной безопасности США от 1950 г. устанавливает и предписывает: «Психологическая война – чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...» (цит. по [Расторгуев 2003: 347]). Именно начиная с плана «Дропшот» (1948), термин «диссидент» стал широко использоваться в военных стратегических разработках США.

И, по-видимому, небезрезультатно. Вот журналист российской правительственной газеты, повествуя о своем подвиге (он помогал передать в СССР рукопись статьи Солженицына «Как нам обустроить Россию»), вспоминает, как некоторые зарубежные издательства

присылали книги на русском (вроде солженицынских шедевров) собкорам советских газет за границей, которые должны были сдавать их в посольство, «однако **уже** [в 1990 г.] не сдавали». А потому у цитируемого автора «они, спасибо тогдашним **вымышленным** идеологическим противникам, до сих пор на полках. Правда, распался Союз, ушел Горби, и **тут же деньги на нас тратить перестали, книжный поток иссяк**”» [Долгополов 2010: 26]. Перед нами – очевидный пример то ли некогерентности мышления: автор говорит о «вымышленных идеологических противниках» – и сразу после этого признаёт, что после распада СССР «деньги на нас тратить перестали» (т. е. цель якобы вымышленных противников была достигнута); то ли автор не воспринимал и не воспринимает их как противников, то ли вообще не понимает, что такое информационная война...

Любопытно, между прочим, что, по признанию потомственного литератора Я. Гордина (сегодняшний соредaktor журнала «Звезда» в советские времена был в «черном списке», его произведения в СССР не издавались, хотя Гордин, по его словам, «не был диссидентом, т. е. не был активным противником советского режима»), «была парадоксальная и довольно занятная ситуация. С одной стороны, мы не чувствовали себя частью этой культурной и политической системы. А с другой – **все** [в том числе диссиденты] хотели печататься... И многие прекрасно печатались [вероятно, не отказываясь от гонораров. – А. В.]. Не было человека, который бы сказал: “Не желаю печататься на вашей советской бумаге, в ваших советских типографиях!” Ничего подобного» [Выжutowич 2008: 21].

Ср. также: «...Компании, изображавшие из себя борцов с коммунистическим режимом, а на самом деле желающие лишь одной свободы – свободы повсеместного необузданного разврата... Я напоказ жаждал, чтобы нас всех арестовали и упекли куда-нибудь, а глубоко в душе трусовато надеялся, что – ничего, даст Бог, всё обойдется... На наших "героических" сходках я с пеной у рта доказывал, что пока мы не добьемся от властей разрешения на публикацию книг Солженицына, ничего путного в России не будет. Нет, не в России – мы всегда выражались полупрезрительно: "в этой стране"» [Сегень 1994: 180]. Кстати, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, сокращенный в объеме до одного тома и адаптированный для детского восприятия, вводится теперь для обязательного изучения в школьный курс литературы... Вероятно, та же завидная судьба предназначена творениям В. Аксёнова, самого себя именовавшего «российским антисоветским писателем», как об этом сказано в материале правительственной газеты, озаглавленном «Герой на все времена» (очевидная аллюзия: «Человек на все времена» – название пьесы и фильма о Томасе Море, английском гуманисте, государственном деятеле и писателе, одном из основоположников утопического социализма – собственно, фантастическая Утопия изобретена Мором, которого «человеком на все времена» назвал в своем труде 1521 г. Р. Уиттингтон [Душенко 2006: 60]). Судя по воспоминаниям друзей и очевидцев, приведенным в документальном фильме «Крутой маршрут Василия Аксёнова» [1 канал. 23.08.08] (здесь еще одна реминисценция: «Крутой маршрут» – заглавие книги воспоминаний Е. С. Гинзбург, матери писателя), существование «актуальной фигуры нашей литературной

жизни» (А. Кабаков) [Альперина 2009: 25] было безбедным: «Всегда модно одет, даже если этих вещей еще не было в магазинах; завтрак в кафе, обед – на ипподроме, ужин – в ресторане... Всегда всех угощал: у него книжки издавали. “Я – Чарли-миллионщик”, – говорил он о себе» [1 канал. 23.08.08]. – Ср. впоследствии: «Ко времени его отъезда он уже был состоявшимся, знаменитым литератором – как ни пыталась советская пропаганда сделать его мелкой сошкой... Он был под запретом» (В. Войнович). Однако: «Я помню, с каким пафосом В. П. Аксёнов уезжал, как давал по западным радиостанциям интервью, что его не печатают, а в это время “Новый мир” спокойно выходит с его последней прекрасной повестью “В поисках жанра”. Какое там не печатали, просто в Америке произрастал другой сорт колбасы» [Есин 2002: 512].

Акцентируемая в директиве Совета национальной безопасности США № 68 роль предательства и предателей в свержении советской власти провозглашалась кардинальной не только американскими, но и другими западными специалистами. Например, рассуждая о возможных путях и способах победы Запада над «социальными диктатурами» («абсолютистскими государствами»), К. Г. Юнг, в частности, писал: «Пока реальная опасность может грозить ей [«диктатуре»] только извне в виде военного нападения. Но этот риск снижается год от года, потому что, во-первых, военный потенциал диктатур неудержимо растет. А во-вторых, Запад не может себе позволить с помощью нападения разбудить латентный русский или китайский национализм и шовинизм [в иных идеологических координатах, по-видимому, –

патриотизм. – А. В.] и тем самым пустить по тупиковой колее свою **благонамеренную** операцию. Остается, насколько мы можем судить, лишь одна возможность – свержение государственной власти [в СССР. – А. В.] изнутри» [Юнг 1997: 196].

Стоит в связи с этим вспомнить, что «в системе управления СССР на ключевые руководящие посты удалось внедрить многих из тех, кто ранее обучался в зарубежных учебных заведениях и, в частности, в “Русском институте” при Колумбийском университете» [Расторгуев 2003: 354].

Приведем фрагмент интервью Ю. И. Дроздова, с 1979 г. по август 1991 г. руководившего управлением нелегальной разведки КГБ СССР: «Несколько лет назад бывший американский разведчик, которого я хорошо знал, приехав в Москву, за ужином в ресторане на Остоженке бросил такую фразу: “Вы хорошие парни. Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы можете гордиться. Но пройдет время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и Госдепартамент у вас наверху”. До сих пор я слышу этот голос, помню эти слова. И они наводят меня на мысль, что, может, именно в этой фразе американца кроется разгадка, почему руководители СССР, обладая максимумом достоверной информации об истинных намерениях Вашингтона, не смогли противостоять разрушению страны» [РГ. 31.08.07. С. 8–9].

Насколько мощное воздействие на общественное сознание может оказать факт предательства своего государства и народа правящими кругами, приблизительно можно судить по следующему комментарию: «По телевизору между тем показывали те

же самые хари, от которых всех тошнило последние двадцать лет. Теперь они говорили точь-в-точь то же самое, за что раньше сажали других, только были гораздо смелее, тверже и радикальнее. Татарский часто представлял себе Германию сорок шестого года, где доктор Геббельс истерически орет по радио о пропасти, в которую фашизм увлек нацию, бывший комендант Освенцима возглавляет комиссию по отлову нацистских преступников, генералы СС просто и доходчиво говорят о либеральных ценностях. А возглавляет всю лавочку прозревший наконец гауляйтер Восточной Пруссии» [Пелевин 1999: 17–18].

Конечно же, популяризация вражеских ценностных установок теми, кто еще накануне заверял подвластный им народ в своей приверженности диаметрально противоположным идеалам, закономерно усиливает деструктивный эффект вербальных манипуляций.

Некоторые авторы более склонны описывать эти же манипулятивные операции с помощью термина «информационная война» (ср.: «*информационная война* – `использование средств массовой информации в идеологической борьбе за общественное мнение между политическими противниками; медиа-война'» [ТСРЯ 2007: 220]). Наиболее развернутую ее характеристику как в общефилософских аспектах, так и применительно к советско-российской ситуации находим в известной монографии С. П. Расторгуева, по образному выражению которого, «в информационной войне жертва сама должна себя похоронить и еще поблагодарить за это» [Расторгуев 2003: 360]. Согласно этой концепции, главная цель агрессора – перепрограммировать атакуемую самоорганизующуюся информационную систему (человека, общество, государство) так, чтобы

заставить ее смотреть на мир «чужими глазами», глазами той информационной системы, на которую жертва должна стать похожей, т. е. глазами эталона [Расторгуев 2003: 136–137].

В связи с этим стоит обратиться к произведениям Ф. М. Достоевского: «они, будучи переведенными на другие языки, стали тем знанием о системе “Русский народ”, которое и явилось основой для современных разработчиков стратегий и тактик информационной войны. Не случайно романы Достоевского являлись обязательными для советологов и кремлеологов» [Расторгуев 2003: 192].

Действительно, глубоко символичен тот факт, что роман, содержащий прообраз классической стратегии информационной войны, называется «Бесы». Многие речи и поступки его персонажей (либералов, революционеров и т. п.) удивительно созвучны актам сегодняшних российских деятелей, таких же Лямшиных. Например: члены «кружка» Верховенского-старшего «впадали в общечеловеческое»; «наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить»; «они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива», а сам Верховенский-отец решает, что «русские должны быть истреблены для блага человечества, как вредные паразиты». Когда «в моде был некоторый беспорядок умов», членов другого кружка (супруги губернатора), мастеров устраивать публичные скандалы, «звали насмешниками или надсмешниками, потому что они мало чем брезгали». В свою очередь, подпольная организация Верховенского-младшего ставила своей целью

«систематическое потрясение основ... разложение общества и всех начал»; «систематическую обличительную пропаганду... зародить цинизм... полное безверие во что бы то ни было... наконец, ввергнуть страну... если надо, даже в отчаяние» [Достоевский 1957, 7: 36, 146, 147, 229, 336, 570, 696] – иными словами, создать и поддерживать ситуацию управляемой катастрофы.

Принципиально важно то, что, кроме применяемого оружия, информационная война от «обычной» почти ничем не отличается. По крайней мере, это касается результатов: «для потерпевшей поражение страны в той или иной степени характерны... гибель и эмиграция части населения; разрушение промышленности и выплата контрибуции; потеря части территории; политическая зависимость от победителя; уничтожение (резкое сокращение) или запрет на собственную армию; вывоз из страны наиболее перспективных и наукоемких технологий. Обобщение сказанного в контексте информационных самообучающихся систем может означать: стабильное сокращение информационной емкости системы, гибель элементов и подструктур. Подобное упрощение системы делает ее безопасной для агрессора; решение ранее несвойственных задач, т. е. задач в интересах победителя. Потенции [побежденной] информационной системы направлены на отработку тех входных данных, которые поставляет на вход победитель; побежденная система как бы встраивается в общий алгоритм функционирования победителя, т. е. поглощается структурой победителя. Таким образом, особой разницы для потерпевшей поражение системы от того, в какой войне – ядерной или информационной – она проиграла, нет. Разница может быть только в том,

что информационная война не имеет финала, так как проблема окончания информационной войны, как и проблема ее начала, относится к алгоритмически неразрешаемым проблемам. Более того, нет причин, по которым агрессор прекратил бы свое воздействие на жертву» [Расторгуев 2003: 155–156].

Одна из художественно осмысленных моделей информационно-психологической войны представлена в «сказке» В. Шукшина «До третьих петухов...». Черти, не возжелавшие более жить на болоте, облюбовали некий монастырь, но – вокруг него высокий забор, а в воротах, на которых написано: «Чертям вход воспрещен», стоит большой и зоркий стражник с пикой. О него и разбиваются все усилия чертей («бабенок всяких ряженных подпускают, вино наливают – сбивают с толку»), до тех пор пока Иван-дурак (которому черти пообещали добыть справку о том, что он умный) не посоветовал им исполнить «родную» песню стражника – «По диким степям Забайкалья». «Здесь надо... погрузиться в мир песни. Это был прекрасный мир, сердечный и грустный. Звуки песни, негромкие, но сразу какие-то мощные, чистые, ударили в самую душу... Черти, особенно те, которые пели, сделались вдруг прекрасными существами, умными, добрыми, показалось вдруг, что смысл истинного их существования не в шабаше и безобразиях, а в ином – в любви, в сострадании... Стражник прислонил копье к воротам и, замерев, слушал песню. Глаза его наполнились слезами; он как-то даже ошалел. Может быть, даже перестал понимать, где он и зачем... А в пустые ворота пошли черти» [Шукшин 1980: 458–459]. И Мудрец, к которому (опять же с помощью чертей) попадает на прием Иван, «важно и взволнованно» комментирует: «Очевидно,

следует говорить не о моде, а о возможном положительном влиянии крайне бесовских тенденций на некоторые устоявшиеся нормы морали...» [Шукшин 1980: 463]. Впрочем, как и во всех других случаях, его велеречивые рассуждения весьма слабо связаны с реальностью и совершенно не влияют на ход событий. В итоге же дьявольски хитрой операции черти, изгнав монахов, устраивают по монастырскому двору нескончаемый «развеселый бесовский ход: черти шли процессией и пели с приплясом... Ивану стало жалко монахов. Но, когда он подошел ближе, он увидел: монахи стоят и подергивают плечами в такт чертовой музыке. И ногами тихонько пристукивают. Только несколько – в основном пожилые – сидели в горестных позах на земле и покачивали головами... но вот диковина: хоть и грустно они покачивали, а всё же – в такт. Да и сам Иван – постоял маленько и не заметил, как стал тоже подергиваться и притопывать ногой, словно зуд его охватил» [Шукшин 1980: 472]^[11]. Монахам же, приуговотившимся было «укрепиться и терпеть», триумфаторы предлагают напоследок писать их (чертей) на иконах, пообещав прилично заплатить. После робкой попытки сопротивления монахов торжествующие черти заявляют: «Какие вы всё же... грубые... Невоспитанные. Воспитывать да воспитывать вас... Дикари. Пошехонь. Ничего, мы за вас теперь возьмемся» [Шукшин 1980: 474].

¹¹ Ср.: «А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать всё священное, тогда как прежде и рта не смели раскрывать, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать» [Достоевский 1957, 7: 481].

Представляется возможным интерпретировать этот микросюжет следующим образом. Агрессор, учитывая высокий оборонительный потенциал противника (в том числе и его испытанное моральное превосходство), с помощью наемного эксперта-аналитика из числа туземцев, хорошо владеющего стратегически важной информацией о ментальности жертвы, применяет манипулятивную операцию (с использованием культурных артефактов: продукции шоу-бизнеса, СМИ и т. п.). В результате естественный иммунитет атакуемой системы, прежде всего в лице ее, так сказать, силовых структур, резко падает: агрессор в ее глазах предстает ближайшим союзником, глашатаем и носителем «общечеловеческих ценностей»; жертва совершенно утрачивает адекватное представление о реальности, а идеологическое обеспечение подвергшихся нападению неудовлетворительно – кроме того, ответственные за это обеспечение духовно слабы и склонны к компромиссу с противником (хотя бы в целях сохранения собственного привилегированного статуса). Таким образом, агрессор получает в полное распоряжение вожделенную территорию (со всем, что на ней находится), бывшие исконные обитатели которой уже не только смирились со своим поражением, но, по существу, внутренне готовы стать отступниками и коллаборационистами – тем более, что пропагандистская обработка их, в духе воспитания толерантности к оккупантам, не прекращается.

Считают, что «великая заслуга нынешних властителей Америки состоит в том, что они, оскотинив и опустив обывателей, смогли построить сверхэффективную информационную экономику и навязать свою картину мира остальным землянам» [Калашников 2007: 265]. Между тем, понятно, чем

чревата пассивность тех, кто находится в позиции лишь получателей сообщения (в широком смысле последнего слова): «Тенденция к умственному потребительству составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне» [Лотман 1996: 45]. Неудивительна поразившая Россию эпидемия «клинической америкофилии»: это выражение М. Леонтьева вряд ли можно оценивать как публицистическую гиперболу^[12].

В общем-то, с точки зрения межгосударственных отношений, информационная война между странами, как и «обычная», – лишь продолжение внешнеполитических конкурентных отношений иными средствами. Однако подобные манипулятивные операции проводятся и для обеспечения внутривластных потребностей власти, в том числе и тогда, когда эта власть более склонна к защите интересов иных государств, меж(над)государственных образований, транснациональных корпораций, олигархических группировок и т. п., нежели своего народа. «СМИ уже являются классическим информационным оружием, принадлежащим тому, кто платит, и применяется для управления собственным народом по заказу» [Расторгуев 2003: 163].

Информационное оружие «в первую очередь действует на систему управления, не столько уничтожая, сколько подчиняя себе систему управления пораженного объекта... .. Управление пораженной системой осуществляется с помощью скрытого и явного

¹² Ср. более ранние квалификации: «российское телевидение, страдающее патологической западофилией» – и: «маниакальная западофилия российских либералов» [Поляков 2005: 306, 380].

информационного воздействия на систему как извне, так и изнутри. Цель этого воздействия – целенаправленное изменение поведения системы» [Расторгуев 2003: 269].

Неудивительно, в конечном счете, что у такого известного специалиста по массовой коммуникации и связанным с ней вопросам, как М. Маклюэн, были достаточные основания заявить: «Воспитание, как оно видится в идеале, представляет собой гражданскую оборону от радиоактивных осадков средств массовой информации» (цит. по [Комлев 2003: 206]).

Ипостаси идеологии

Идеология, с одной точки зрения, играет огромную роль в жизни общества... И никакую – с другой. Она сказывается во всём. И ее нельзя уловить ни в чем.

А. А. Зиновьев

Идеология вчера и сегодня

Философы мучили себя понапрасну в трудном выдумывании тем ложным умствованиям названий.

Я. П. Козельский

Существительное *идеология*, как и другие производные от *идея*, входит в русскую лексику относительно поздно.

«...Слово *идея*, известное употреблению задолго до этого времени [«оно встречается не раз в текстах XVIII в., но особенно охотно его наряду со словом *мысль* стали употреблять Карамзин и сторонники «нового слога»], лишь с 20–30-х гг. [XIX в.] получает свое особенно широкое распространение. Вокруг него образуется теперь целое гнездо слов, часто затем получающих смысловую автономию» [Сорокин 1965: 75]. Многие из них терминологизируются – прежде всего в области философии, применительно к которой используются в течение нескольких десятилетий, причем с коннотативно-оценочными оттенками, вряд ли мелиоративными – и, весьма возможно, также

заимствованными. Так, «в литературе, посвященной Наполеону, настолько укоренилось мнение, будто он был непримиримым врагом всех “идеологов”, что непостижимым образом было забыто или не замечено, что он сам начинал свой общественный путь как “идеолог”, как сторонник определенной общественно-политической партии... Он впитывал их [«великие освободительные идеи передовой литературы XVIII в.»] с жадностью, он пытался найти в них решение тех вопросов, которые давно навязчиво преследовали его... Лейтенант Буонопарте стал приверженцем “партии философов”...» [Манфред 1986: 26–27, 32] – и: «оборотной стороной его наивной веры во всемогущество силы штыков было отрицание [к 1806 г.] иных важных фактов в общественной жизни... Он признавал религию силой... Всё остальное в годы империи представлялось ему “выдумкой метафизиков”, или *идеологов*, как он **презрительно** называл тех людей, к которым сам некогда принадлежал» [Манфред 1986: 538–539].

Вероятно, эти коннотации, наряду с нейтрально-оценочными определениями, получили некоторое отражение в русской лексикографии XIX столетия. Например, ср.: «*идеология* – рассуждение, слово о идеях»; «*идеолог* – занимающийся наукою о идеях» [Сл. Яновск.]; «*идеология* – часть метафизики, рассуждающая об идеях» [Сл. 1847 г.] – и: «*идеологи* – прозвание партии, состоявшей из знаменитейших французских метафизиков Первой французской империи, отличающихся противодействием реакции со времени консульства» [Гейзе]; «*идеология* – так в новейшее время французы называли метафизику, **не терпя** ее» [Ре..ф. ц] (цит. по [Сорокин 1965: 77]).

Отмечено, что «слова *идеология* – в смысле “метафизика”, т. е. вообще умозрительная философия... *идеолог* – в смысле “метафизик”, “философ-идеалист” и т. д. употребляются долго. Ср.: “Ал. Ал. Тучков чрезвычайно интересный человек, с необыкновенно развитым практическим умом. У нас это большая редкость, – мы или животные, или *идеологи*, как и аз грешный” (Герц., II, с. 268); “Эти люди были признаны за вредных мечтателей, за *идеологов*” (В. Одоев., I, с. 127); “Можно прослыть утопистом, *идеологом*, мечтателем” (СПб. вед., 1861, № 48, с. 256); “отрезвлять умы от смешных самообольщений, напускаемых... разного рода *идеологами* и спиритуалистами” (А. Никитенко. Мысли о реализме в литературе; ЖМНП, 1872, № 1, с. 9). “Всё прочее – пустая *идеология*, годная только для послеобеденного развлечения” (Дело, 1869, № 2, с. 26)» [Сорокин 1965: 77].

У А. С. Пушкина: «Косматый баловень природы, И математик и поэт, Буян задумчивый и важный, Хирург, юрист, физиолог, *Идеолог* и филолог, Короче вам – студент присяжный, С витою трубкою в зубах, В плаще, с дубиной и в усах Явился в Риге» [Пушкин 1977, III: 27]; также *идеологизм* («совокупность взглядов, идей и представлений о мире, мировоззрении» [Сл. Пушкина, 1957 II: 172]): «Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму всё, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского *идеологизма* или основанным на предрассудках и преданиях простонародных...» [Пушкин 1978, VII: 24]; «Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения... Не

одно влияние чужеземного *идеологизма* пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла» [Пушкин 1978, VII: 30–31]. Можно сказать, что в XIX в. слова *идеология (идеологизм), идеолог* употребляются для выражения отрицательного либо иронического отношения к называемому.

Надо также иметь в виду и то, что существительное *идея*, получившее особенно широкое распространение с 20–30-х гг. XIX в., явилось центром гнезда слов, многие из которых семантически отделились на его периферию и вследствие этого выступили в качестве некоего фона к описываемым. Так, прилагательное *идейный*, возникшее не ранее 70-х гг. XIX в., характеризовало лицо, обладающее убеждениями определенной ориентации [Сорокин 1965: 75–76]. Отношение в быту к *идейным* людям, т. е. носителям *идей* – лицам, критически оценивающим современное им общественное устройство, осуждающим его, – со стороны охранителей официозно-консервативных ценностей хорошо показано в рассказе А. П. Чехова «В бане» (1885), где у чрезвычайно бдительного и столь же недалекого цирюльника Михайлы вызывает подозрения некий «длинноволосый» из числа моющихся, так как высказывает суждения вроде: «Образованность, соединенная с бедностью, свидетельствует о высоких качествах души... Писатели... просветили землю, и за это самое мы должны относиться к ним не с поруганием, а с честью», и т. п. Михайло комментирует эти слова следующим образом: «Из энтих... из длинноволосых! С *идеями*... Страсть, сколько развелось нынче такого народу! Не переловишь всех... Уж это вы что-то тово, сударь... что-то умственное... Мы всё это очень хорошо

понимаем и сейчас вам покажем, какой вы человек есть». Встревоженный цирюльник считает нужным принять меры, чтобы «протокол составить» на «длинноволосого», который «с *идеями*, слова разные произносит и народ смущает», но тут оказывается, что заподозренный в политической нелояльности – дьякон. Михайло обращается к нему: «Простите меня, Христа ради, окаянного... за то, что я подумал, что у вас в голове есть *идеи!*» [Чехов 1955, 3: 214–216].

«Словари начала XX в. отмечают развитие нового значения, совмещающегося на первых порах с локально ограниченным: 1) *идеолог* – ‘насмешливое название, данное Наполеоном I тем, которые противились его политике во имя высоких отвлеченных принципов’; 2) ‘кабинетные критики государственного учреждения’; *идеолог* – ‘мечтатель’» [Лексика 1981: 308–309]. Однако уже к концу XIX – началу XX в. «эти слова получают их современное значение; с этим значением они начинают широко употребляться в марксистской литературе 1880–1890-х гг.» [Сорокин 1965: 77].

По-видимому, именно вследствие прочного закрепления в текстах такого рода становятся маловостребованными такие значения, как: «“*идеолог* – ‘теоретик, человек, предающийся отвлеченному мышлению’” [Сл. для всех]; “*идеология* – ‘неприменимые на практике идеальные положения’” [Спутн. чит.]; “*идеология* – ‘метафизическая философия, понимаемая как учение об идеях’” [Брокг. – Ефр., Энци.]» [Лексика 1981: 309]. И в то же время актуализируются значения «“*идеолог* – ‘выразитель чьей-либо идеологии, **проповедник**’” [Сл. для всех 1907]; “*идеолог* – ‘идейный представитель и руководитель известной общественной группы или класса в какой-либо области духовной

жизни” [Попов, СИС – 1907]; “*идеология* – ‘учение об идеях” [Берг, СИС – 1901]; “*идеология* – ‘совокупность **НОВЫХ** начал, идей, руководящих какой-нибудь человеческой группой или общественным течением’; например, *идеология марксизма, народничества*” [Сл. для всех 1907]» [Лексика 1981: 309]). Судя по цитатам из произведений В. И. Ленина, иллюстрациям к этим словарным толкованиям, приводимым в данном издании, изменения в семантике существительных *идеолог* и *идеология* действительно произошли во многом под влиянием характера их использования в текстах прежде всего этого автора: «[Сисмонди] выступает здесь чистым *идеологом* мелкого крестьянина»; «Чем интимнее чувствует *идеолог* крупной буржуазии свою преданность монархии, тем громче клянется он и божится, уверяя всех в своем демократизме»; «И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить не социалистическую *идеологию*» (цит. по [Лексика 1981: 309]).

В дальнейшем слово *идеология* становится одним из ключевых для советского официально-пропагандистского лексикона. Об этом свидетельствуют и словари разных жанров: «*идеология* – ‘книжн. мировоззрение, система взглядов и идей’» [СУ I: 1134]; «*идеология* – ‘система идей, представлений, понятий, выраженная в различных формах общественного сознания (в философии, политических взглядах, морали, искусстве, религии)’. *Идеология* определяется в конечном счете условиями материальной жизни общества, является отражением общественного бытия в сознании людей и, раз возникши, в свою очередь активно воздействует на развитие общества, способствуя ему (прогрессивная и.) или

препятствуя ему (реакционная и.)... Господствующая *идеология* выражает и защищает интересы господствующего в данном обществе класса... *Идеология* революционного пролетариата – марксизм-ленинизм – является величайшей организующей, мобилизующей и преобразующей силой в руках коммунистической партии и рабочего класса в борьбе за революционное преобразование старого общества и построение нового, коммунистического общества» [СИС 1954: 256]; «*идеология* – ‘система идей и взглядов: политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических, выражающих коренные интересы классов, социальных групп’... Подлинно научной идеологией, выражающей интересы рабочего класса, огромного большинства человечества, стремящегося к миру, свободе, прогрессу, является марксизм-ленинизм» [СИС 1979: 187]; «*идеология* – ‘система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания – философии, политике, праве, морали, искусстве, религии, и отражающая коренные интересы классов, социальных групп’. “Марксистско-ленинская *идеология*”. “Буржуазная *идеология*”» [МАС₂ 1981, I: 630].

«Прежде всего для успешного формирования пропагандистского по характеру этоса^[13] потребовалось изъятие из культуры религии и церкви. Декретом церковь была отделена от государства. В результате этого гомилетика оказалась в ведении партии. В качестве инструмента формирования этоса был создан Агитпроп –

¹³ А. П. Романенко употребляет этот термин в значении, предложенном Ю. В. Рождественским: «Этосом принято называть те условия, которые получатель речи предлагает ее создателю» (цит. по [Романенко 2003: 32]).

отдел агитации и пропаганды при ЦК и местных комитетах партии, ведавший устройством этоса во всех областях культуры. В определенном смысле он взял на себя функции церкви, готовя раторов (проповедников) [т. е. культ- и политработников – А. В.] и просвещая массы (паству). ...В этом же русле происходили и репрессии, отнюдь не бессмысленные, многочисленные процессы над «врагами»» [Романенко 2003: 111] (кстати, в продолжение ассоциаций эти процессы можно уподобить средневековым – и не только! – церковным судилищам, гонениям на иноверцев, сектантов и еретиков, «охоте на ведьм» – впрочем, последняя на русской почве, кажется, официально не практиковалась. Ведь «на протяжении многих столетий традиционная религия всегда стремилась насаждать единомыслие, всегда отличалась большей или меньшей нетерпимостью к инакомыслию и поэтому, как правило, всемерно содействовала той культуре, которая отвечала интересам утверждения данной религии и осуждала, а в прошлом преследовала и уничтожала ту культуру, которая не отвечала этим интересам. Это происходило со всеми религиями» [Каушанский 1993: 7]).

Кроме того, неоднократно отмечалось, что расплывчатое, нечеткое (иначе говоря, расширительное) употребление термина *религия* для объяснения всех явлений духовного мира и древних, и современных людей чрезмерно упрощает наши представления об истории человечества (например, [Поршнева 1979: 199]). Понятие религиозности с течением времени стали применять к взглядам, настроениям, убеждениям, не относящимся к собственно религии: «вера», «совокупность взглядов, принципов», «императив нравственности», «интенсивное чувство связи личности с

универсальным коллективным бытием» и др. Такую трактовку возводят к суждению Н. К. Михайловского: «Религия есть та неразрывная связь понятий о сущем (наука) и долженствующем быть (мораль и политика в обширном смысле), которая властно и неуклонно направляет деятельность человека». Ср. комментарий В. И. Ленина: «Положение "социализм есть религия" для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других – от социализма к религии» (цит. по [Лексика 1981: 236]. Ранее, в почти пророческом романе Ф. М. Достоевского, хорошо знакомого с материалом судебного процесса по делу «Народной расправы», не столько «социалист», сколько «мошенник» (по его самохарактеристике) Петр Верховенский на сходке «у наших» между прочим заявляет о революционном учении: «...**Новая религия** идет взамен старой, оттого так много солдат и является...» [Достоевский 1957, 7: 426].

Ср. также: «Вместо ожидаемых насмешек вокруг "Что делать?" сразу создалась атмосфера всеобщего благочестивого поклонения. Его читали, как читают **богослужebные** книги, – и ни одна вещь Тургенева или Толстого не произвела такого могучего впечатления» [Набоков 1990, 3: 248].

По мнению С. Н. Булгакова, «упразднив религию Бога, человечество старается изобрести новую религию, причем ищет божества для нее в себе и кругом себя, внутри и вне; пробуются поочередно: религия разума (культы разума во время Великой французской революции), религия человечества Конта и Фейербаха, религия социализма, религия чистой человечности, религия сверхчеловека в Новое время с перспективой религии сверхчеловека и т. д. В душе человечества,

теряющего Бога, должна **непрерывно** образоваться страшная пустота» [Булгаков 1990: 58].

Собственно, и идеология, тем более – официальная, выступает обычно в качестве первого компонента универсальной семиотической оппозиции *сакральный/профанный*.

Так, в советской риторической системе в роли некоего символа веры, сердцевины святости, *sancta sanctorum* (опять же – в идеологически-атеистических параметрах!) фигурирует партийность (естественно, коммунистическая). Именно она характеризует советский образ ратора в целом и каждую его составляющую в отдельности; эта партийность оценивается в рамках данной системы как некая причащенность к высшим идейным таинствам, идеологическим святыням: образ ратора без партийности – образ врага. «Партийность служит своего рода семиотическим разграничителем культурных категорий “свой” и “чужой”... обеспечивает единство толкования идеологии через сведение всего многообразия идеологических текстов к партийному документу» [Романенко 2003: 74, 78–79] (т. е. в высшей степени сакральному тексту) и является основой советского образа ратора как носителя и транслятора коммунистической идеологии – своего рода новой государственной религии.

Разумеется, затем, в полном соответствии с хорошо знакомым главным перестройщикам и реформаторам партийным гимном («до основанья, а затем»), в Российской Федерации (согласно ст. 14 действующей конституции РФ – «светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной») влияние религии

стало возрастать – прежде всего пока в сфере внутренней политики. Возникают интересные во многих отношениях дискурсивные феномены, отражающие нечто вроде аксиологических контаминаций, например: «Метлы хозяйственные к *пасхальному субботнику*» [ТВК. 20.04.95] (выделенное словосочетание особенно занятно, если вспомнить, что советская пропаганда именовала хронологически соотносимое с упомянутым почти ритуальное действие так: «*ленинский коммунистический субботник*»). «Милосердие – самое православное из православных чувств. Купец, как бы благодаря бога за то, что у него успешно идет бизнес, жертвовал на храм» [Доброе утро. ОРТ. 15.11.98]. «**Честный** бизнес, основанный на православии, – он еще и доходный» (председатель клуба православных предпринимателей) [Новости. 7 канал. 22.09.08]. «День крещения Руси в Москве отметили рок-концертом» [24. Ren-TV. 28.07.11] и т. п. Возможны варианты: «В Гинзбурге воплощается вековая еврейская мудрость: живи праведно, и тебе воздастся...» (В. Соловьев) [Тем временем. Культура. 09.02.04]. Вероятно, российскую аудиторию ожидают и многие другие идеологические инновации, если учитывать, например, что по высочайшей рекомендации «в программу средней школы по литературе введен “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына» [Новости ТВК. 08.09.09], а «Русская православная церковь за границей не считает генерала Власова предателем» [Новости. ТВК. 09.09.09] и т. п.

Переосмысления слова *религия*, как и многих тематически и ассоциативно связанных с ним слов (*ортодоксальный, правоверный, догматик, сектантство, еретичество, ересь, угодник, отступник, диссидент,*

проповедовать, исповедь, покаяние и др.), конечно, отнюдь не случайны.

Так, многие тематически близкие слова первоначально служили обозначениями лиц, связанных с религиозно-мистической деятельностью (например, *неофит, прозелит, сектант, фанатик*, отчасти – *адепт*), но с течением времени вышли за пределы конфессиональной сферы и столь же успешно стали функционировать как именованья людей, занятых в чисто светских областях. Такой переход (на первый взгляд – от «сакрального» к «профанному») может быть, по-видимому, объяснен совершавшейся переориентацией духовных ориентиров общества, в процессе которой традиционная религия под воздействием различных факторов постепенно утрачивала свои главенствующие позиции. Высвобождавшаяся вследствие этого ниша в общественном сознании заполнялась информацией, казалось бы, совершенно иного свойства – идеолого-политической. По мере политизации социума такая информация и воплощающие ее вербальные символы сами превратились (или были превращены?) в сакральные ценности. Ранее приблизительно таким же образом произошло переосмысление слов *обожатель, поклонник, угодник*, первоначально принадлежавших конфессиональной сфере, но затем «снизившихся» до оценочной характеристики человека в довольно обыденной ситуации, т. е. имел место перенос на вполне реальное, конкретное лицо ритуально выраженной преданности высшим неземным силам, что также обнаруживает некоторые трансформации в морали секуляризируемого социума. В еще более ранний период метафорические изменения семантики претерпели и слова, называвшие предметы языческих религиозных

культов, впоследствии – по мере того, как враждебное христианству язычество становилось достоянием прошлого – ставшие употребляться как пейоративные именованья (*болван, истукан...*) (см. [Васильев 1993]).

Как религиозно окрашенные, так и сугубо атеистические (впрочем, тоже своего рода сакральные) идеологические системы при условии их интенсивной пропаганды приобретают мощный социальный потенциал. Не случайно поэтому нередкая квазицитация фразы К. Маркса: «**Теория** становится материальной силой, когда она овладевает массами» («К критике гегелевской философии права», 1844) – «...Ведь и сам Маркс предупреждал: “**Идея** становится материальной силой, когда она овладевает массами”» [Кара-Мурза 2002: 392]. Подобные оценки значимости идей (теорий) могут быть выражены и несколько иначе: «Каго [инопланетянин] не знал, что идеи могут уничтожать землян не хуже любой чумы или холеры. Имунитета к безумным идеям у землян не было» [Воннегут 2001: 27].

Однако в послесоветской лексикографии статус слова *идеология* меняется – и весьма заметно. Так, в дефиниции, заимствованной из [МАС₂], есть помета «*в советское время*» и указание на уход слова в пассивный запас; приводится и цитата, иллюстрирующая архаичность толкуемого существительного: «“Коммунизм стал самой революционизирующей силой развития человечества, господствующей идеологией нового общества, в котором живут уже сотни миллионов населения мира... Нельзя также забывать, что, пока сохраняются капиталистические государства, не устранена возможность проникновения буржуазной идеологии в советское общество и её разлагающего влияния на шаткие элементы”». История КПСС, 1985»

[ТССРЯ 2001: 294]. Далее процесс отторжения идеологии как таковой (и, разумеется, прежде всего текстов, содержащих это слово) был интенсифицирован настолько, что, по некоторым оценкам, возникла даже «боязнь идеологии и негативное отношение к любым ее проявлениям, в том числе и на языковом уровне, у граждан постсоветских стран» [Семенюк 2001: 235]. Плодотворной почвой для подобных операций считают то, что «насильственное навязывание обществу советской вульгаризированной формы “марксизма-ленинизма” в качестве государственной идеологии надолго выработало у россиян устойчивую идиосинкразию к самому слову “идеология”» [Шестаков 2005: 7]. Эта «идиосинкразия» всячески поощрялась и стимулировалась якобы объективными интеллектуалами; «вот весьма характерное суждение по этому поводу, высказанное в 1992 г. тогдашним народным депутатом Верховного Совета России В. Л. Шейнисом: “Может ли в современной России существовать общенациональная идея? Я думаю, что не может. Общенациональная идея – это... атрибут тоталитарного общества, как один из важных инструментов... Я против государственной идеологии”» [Шестаков 2005: 7].

Одну из причин упомянутой «идиосинкразии» можно определить как социально-психологическую: некая усталость сознания советского общества от назойливых и многословных агитационно-пропагандистских текстов, в которых (вполне естественно) часто повторялось слово *идеология*, постоянно говорилось о необходимости неукоснительно придерживаться постулатов *марксистско-ленинской идеологии*, о важности *идеологической борьбы* и т. п. Конечно, столь

прямолинейные пропагандистские подходы, мало учитывавшие всем известные реалии, «оскому набили» многим советским гражданам; немалую роль в дискредитации упомянутой идеологии несомненно сыграли и вербально-манипулятивные операции перестройщиков, реформаторов и иже с ними, «имя же им – легион».

Так, А. Р. Де Люка, изучавший влияние эволюций риторики М. Горбачёва на внутривнутриполитическую ситуацию в СССР и взаимоотношения Советского Союза с остальным миром, установил, что «новый политический и медийный дискурс, пропаганда политических символов *перестройки, гласности и нового мышления* меняли общественное мнение и привели не к реформированию, а к развалу системы» [Будаев, Чудинов 2007: 29] – т. е. стратегическая цель была успешно достигнута.

Наверное, приблизительно к моменту агонии (наверняка тоже спланированной) перестройки было введено в пропагандистский оборот существительное *деидеологизация*. Слово также не новое: несколько ранее оно охотно использовалось теми же казенными советско-коммунистическими идеологами, впоследствии внезапно прозревшими и чудесным образом превратившимися в «прорабов перестройки» и «творцов реформ». Однако коннотативный заряд этого существительного был совсем иным, ср.: «*деидеологизация* – «освобождение», «очищение» от идеологии; теория деидеологизации – одна из новейших буржуазных теорий, объявляющая характерной чертой современной эпохи уменьшение роли идеологии в жизни общества и провозглашающая необходимость полного «высвобождения» науки (особенно гуманитарных знаний), а также личности из-под влияния идеологии; теория

направлена прежде всего на подрыв влияния коммунистического мировоззрения» [СИС 1979]; «"деидеологизация" – [именно в кавычках! – А. В.] – антинаучная концепция в буржуазной общественной мысли, согласно которой в современном мире наступает "конец идеологии" в результате устранения социальных антагонизмов. Научно-технический прогресс будто бы приводит к необходимости научного и технического решения проблем, свободного от влияния идеологии, толкуемой как субъективное, всегда извращающее действительность выражение интересов классов и групп...» [СЭС 1983: 367–368] (наиболее сдержанное в эмоционально-оценочном плане определение дается в [Новые слова 1984: 187]: «деидеологизация – отказ от идейных, мировоззренческих начал в общественно-политической сфере, в области теории и практики искусства, литературы»; здесь же самый ранний пример употребления датируется 1969 г.). Таким образом, *деидеологизация* рассматривалась как явление, органически чуждое социалистическому обществу и присущее ему мировоззрению; обратим внимание на некоторые ключевые слова – модераторы вышеприведенных дефиниций: «буржуазная», «антинаучная», «подрыв коммунистического...», «будто бы» и т. п.

Можно не сомневаться, что бурная реакция инициаторов и многих приверженцев «перестройки», вызванная известной в свое время статьей Н. Андреевой, которая не смогла поступиться принципами, объяснялась, по-видимому, тем немаловажным обстоятельством, что эти деятели (прежде «верные ленинцы, беззаветно преданные делу строительства коммунизма») фактически были квалифицированы как обманщики, преступники и

предатели тех самых принципов, неукоснительного соблюдения которых так сурово (в соответствии с уставом и программой КПСС) требовали от «партийных масс» и всех остальных сограждан; т. е. кичившиеся своей принципиальностью были публично объявлены беспринципными. Логика отступничества, однако, неумолима, и пропагандистские кампании становились всё более откровенными...

Любопытны позднейшие высказывания бывших компартийных руководителей – героев тех лет: «Мне жаль этих... людей, которые сохранили веру [в коммунистические идеалы]: их обманули» (А. Н. Яковлев) [Вести. РТР. 08.11.93]. «Во всем мире коммунистическая идея идет на спад... В нее верит все меньше и меньше людей... Конец иллюзиям. Хватит обманывать... Это просто обман людей. Этому конец. Я рад...» (Б. Н. Ельцин) [Вести. РТР. 09.10.02] (примечательно, что не уточняется, кто именно обманывал; следовало бы вспомнить афоризм Козьмы Пруткова: «Единожды солгавши, кто тебе поверит?»). Кажется, наиболее откровенно по этому поводу высказался в Американском университете в Турции (1999) бывший генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачёв: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма... Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране... Мне удалось найти сподвижников... Среди них особое место занимают А. Н. Яковлев [тогда – главный идеолог КПСС – А. В.] и Э. А. Шеварнадзе [тогда – министр иностранных дел СССР – А. В.], заслуги которых **в нашем общем деле** просто неоченимы» [СР. 19.08.10].

Идеологические установки, транслируемые и тиражируемые через СМИ, внедряются в сознание

аудитории далеко не только текстами подчеркнута политической тематики (включая, конечно, прошедшие селекцию и должным образом препарированные и поданные выпуски «новостей»). Автор интересного исследования, посвященного лингвистическому анализу российских и украинских сатирико-юмористических текстов 80–90-х гг. XX в., полагает, что негативное отношение к любым проявлениям идеологии, в том числе и на языковом уровне, послужило «одной из причин осмеяния, ерничания, «стеба» по поводу идеологем» [Семенюк 2001: 235]. Действительно, характернейшей приметой перестроечных лет стало обилие юмористических телепередач. Однако, пожалуй, в вышеприведенном суждении причина и следствие поменялись местами: именно упомянутые передачи несли, иногда откровенно, но по большей части – скрытно, весьма определенный пропагандистский заряд.

Совершенно закономерно, что отказ от коммунистической идеологии в качестве «единственно верного и всепобеждающего учения» был незамедлительно представлен как деидеологизация **вообще** – как отказ от **любой** идеологии, этого архаизма, абсолютно неприемлемого для полноценного «цивилизованного государства».

Упорные старания «деидеологизаторов» увенчались успехом: в результате московских танковых стрельб октября 1993 г. была принята новая конституция (ср.: «Правильное течение дел изменяется силою оружия или политического шахрайства^[14]» [Потебня 1976в: 268]). В ней чаяния реформаторов-победителей воплотились

¹⁴ Шахрайство (укр.) – мошенничество, плутовство. – *Прим. ред.*

самым буквальным образом: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие». «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (соответственно ч. 1 и ч. 2 ст. 13 Конституции РФ).

Любопытно, однако, что почти одновременно с принятием основного закона государства частотность использования существительного *идеология* в дискурсе российских СМИ вновь становится довольно высокой. Однако при этом всё более привычными – возможно, не без иноязычного влияния – на месте доктринально ориентированных и ориентировавших атрибутивных лексем (вроде *идеология марксистская, коммунистическая, прогрессивная, буржуазная* и т. д.; *идеология коммунистов, социалистов, какой-либо социальной группы, какого-либо класса, какой-либо партии* и т. д.; *идеология коммунизма, социализма, расизма* и т. д. [Сл. сочетаемости 1983: 197]) оказываются номинации гораздо менее масштабных и стабильных, исторически сиюминутных и эфемерных разработок («проектов», по большей же части – откровенных прожектов), зачастую освященные именами высоких руководителей либо названиями их должностей. Ср.: «Закладываются основы *идеологии* нашего общества... Главным является не победа мировой революции, не всемирное братство трудящихся. Об этом сказал президент: главным является семья» (Ю. Москвич, представитель президента в Красноярском крае) [ИКС. КГТРК. 09.04.96]^[15]. «Несмотря на **проблемы**, идеология

¹⁵ Трудно сказать, присутствовала ли в этой фразе ирония (возможно, не замеченная самим адресантом), так как не установлена точная хронологическая приуроченность появления у существительного *семья* (*Семья*) [публ. и неодобр.] значения «ближайшее окружение Б. Н. Ельцина, сформировавшееся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления»;

реструктуризации угольной промышленности верна» (Я. Уринсон, министр экономики, в комментарии по поводу аварии на шахте «Зырянская» в Кемеровской области, где погибло 67 горняков) [Вести. РТР. 09.12.97]. «*Идеология* антикризисной программы правительства» (С. Кириенко) [Новости. ОРТ. 16.07.98]. «Мы работаем без должной *идеологии* по обеспечению такого важного вопроса» (Н. Аксененко – о ходе т. н. северного завоза) [ОРТ. 28.07.99]. «Качество и *идеология* краевого бюджета» (А. Усс) [КГТРК. 03.02.98]. «Наше политическое движение будет отстаивать *идеологию* развития» (В. Зубов) [События: анализ, прогнозы. Афонтово. 14.02.99]. «Нужно выработать совместно *идеологию* этой реформы» (О. Морозов) [Подробности. РТР. 31.08.98]. «За то время, что вы [М. Задорнов] работаете в правительстве, сменилось несколько команд, несколько *идеологий*» (Н. Сванидзе) [Зеркало. РТР. 27.09.98]. «Борис Березовский назвал Сергея Степашина сторонником *идеологии* президента» [Новости. ТВ-6. 12.05.99]. «Участники съезда [промышленников и предпринимателей] тоже считают, что гайдаровская *идеология* провалилась» [Обозреватель. ТВ-6. 25.08.00]. «Эти люди должны быть одной экономической *идеологии* с губернатором, это его команда» [Территория. Афонтово. 20.01.02]. «В соответствии с президентской *идеологией* ротации кадров...». «*Идеологи* проекта [строительства промышленного предприятия] в элитной жилой зоне Москвы...» [24. Реп-ТВ. 11.04.05]. «*Идеологически* обрабатывать прилежащие территории для развития туризма» (С. Глушков) [Афонтово. 29.05.05]. «**Никакой идеологии!** Девиз пионеров XXI

для справки здесь же сообщается: «На Сицилии "семьей" называют мафию» [ТССРЯ 2001: 715].

века – “Будь готов делать добро!”» [правда, дети «готовы бороться с международным терроризмом», кажется, не очень отчетливо понимая, что же это такое. – А. В.] [Вести. РТР. 15.08.05] – и т. п.

Однако уже 12 июля 1996 г. вторично всенародно избранный президент на встрече с доверенными лицами заявил: «стране нужна национальная *идея*, и сформулировать ее следует как можно скорее» [Душенко 2006: 159]. Юристами из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ было оперативно подготовлено соответствующее научное обоснование: «Конституционный принцип, согласно которому никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, закрепляет равноправие идеологий в обществе. Ни одна из них не имеет приоритета, который закреплялся бы официально государством, законодательным или иным способом. ...Государство не может навязывать гражданам какую-либо идеологию в качестве общеобязательной, которую они должны под страхом уголовного и иного наказания разделять, изучать и пропагандировать. **Отсутствие государственной или обязательной идеологии нельзя понимать в том смысле, что органы государственной власти вообще действуют вне и независимо от каких-либо взглядов, идей, находятся как бы вне идеологической борьбы в обществе, стоят над нею**» [Комментарий к Конституции 1996: 51–52] (может быть, конечно, и здесь имелась в виду «идеология» вышеупомянутой Семьи?).

Затем широкие народные массы депутатов и чиновников стали публично сокрушаться о пагубном отсутствии *идеологии*: «Уничтожив ту [советскую] идеологию, мы не смогли создать новую». (А. И. Гуров,

по поводу роста преступности) [Третий лишний. Ren-TV. 19.03.99]. «У нас нет сегодня *идеологии*: старую разрушили, а новую не создали. Может быть, религия...» (А. Усс) [Новости. ТВК. 30.08.01] (по какой-то ассоциации вспоминается хрестоматийное: «Почём опиум для народа?»).

В изобилии почти неприличном стали «формировать» некие идеологии под вывеской т. н. «*национальной идеи*». Приведем только некоторые примеры.

«Историческое предназначение России и русских – сохранение евроазиатского пространства в русле европейской цивилизации. Сохранение за собой нашей территории с ее богатствами, нашей культуры, наших традиций, гордость за то, что мы русские, россияне, – это и есть наша *национальная идея*. Для этого мы существуем как народ» (Г. Явлинский) [КП, 16–23.04.99]. «Не худо бы нам наконец сформулировать *национальную идею*. И дело не столько в том даже, что это вернейший способ объединить нацию, а в том, что *национальная идея* строится и держится на культурной традиции народа» (Огонек, 1999, № 35; цит. по [ТССРЯ 2001: 294]).

С уходом Ельцина с президентского поста поиски «новой идеологии» не прекратились, однако имели аналогичные результаты. «В конце 2001-го власть снова решила искать национальную идею, зазвала в Кремль академиков-историков и попросила их ту самую идею поискать. Даже эта власть уразумела, что нужно хоть какое-то идеологическое оправдание ее правлению, что ни повышение рейтинга, ни борьба за передел собственности, ни примитивная драка за саму власть не

могут стать смыслом *жизни* страны. Что ради этого народ жить и страдать не желает. И при этом наблюдаются всё те же конвульсии, бессмысленные метания, гляденье в прошлое. Никак не могут в Кремле понять, что нет больше прошлой России. Что нельзя создать *национальную идею* в стране с шизофренической политикой и вечными шараханиями, которую вопреки всему маниакально пытаются сделать частью Запада, заставляя действовать в чужих интересах» [Калашников 2003: 131–132].

Вполне понятно, что, кроме историков, на финальной стадии в поиски «новой идеологии» (столь же эффективные, в конечном счёте, как поиски святого Грааля и «золота партии») включились и представители других гуманитарных наук. Правда, при этом они обычно либо не используют сам термин *идеология*, либо не особенно стремятся четко и конкретно манифестировать понятийное содержание новых идеологических ориентиров (хотя, судя по некоторым формулировкам, неукоснительно их придерживаются).

Тем не менее, попытки конструирования *идеологий* продолжаются более или менее активно, причем уже на партийном уровне, ср.: «Внятной идеологической концепции у партии [«Единая Россия»] нет» (В. Плигин) [24. Рен-TV. 19.04.05]. «Мы призываем сделать *идеологией* нашей партии [«Единая Россия»] социальный консерватизм» (А. Исаев) [Время. ОРТ. 21.04.05] (видимо, в данном случае подразумевается консервация сегодняшней российской ситуации – в политике, экономике, социальной сфере; ср.: «Мы не допустим экспроприации экспроприаторов» (Б. Грызлов) [Вести. РТР. 25.01.00]). «У партии [СПС] есть *идеология!* Надо только донести ее до электората» (Н. Белых)

[Вести. Подробности. РТР. 31.05.05]. Пока что, впрочем, «электорату», т. е. рядовому обывателю, достоверной и полной информации о плодах идеологического творчества разнопартийных деятелей поступает крайне мало. Но, кажется, этим граждане не особенно опечалены...

В общем-то, новые придворные российские идеологи, вероятно, вполне удовлетворились бы известной формулой, предложенной в качестве базовой для проекта французской конституции в 1799 г.: «Власть должна исходить сверху, а доверие – снизу» [Манфред 1986: 274].

Кроме того, можно полагать, что на самом высоком уровне государственной власти поиски «национальной идеи» (и базирующейся на ней идеологии) считают в основном завершенными. Об этом можно судить, например, по следующему тексту: «Мне неоднократно приходилось отвечать на вопросы о *национальной идее*. Дискуссию на эту тему я считаю малоэффективной, но уверен, что у каждой нации должен быть набор понятных принципов и целей, которые объединяют людей, живущих в одной стране, и строятся эти принципы на вполне реальных задачах, востребованных обществом. Это, прежде всего, свобода и справедливость; во-вторых, это гражданское достоинство человека, и в-третьих, его достоинство и социальная ответственность. Здесь нам не нужно ничего изобретать. **Базовые ценности сформулированы человечеством уже давно. Но применить их к российской специфике порой бывает проблемой**, и главный вопрос в том, чтобы сделать так, чтобы наши национальные традиции совместились с фундаментальным набором демократических ценностей. Эта задача, над которой

политическая и интеллектуальная элита России бьется уже сто пятьдесят лет кряду, но должен сказать, что сегодня мы значительно приблизились к ее решению» [Медведев 2008].

Небезынтересно, что одна из российских политических партий, уже несколько лет находящаяся в статусе правящей (и, если следовать обыденной логике, долженствующая нести ответственность за то, что происходит в результате воплощения ее замыслов, – т. е. за т. н. «реальные дела»), как бы спохватившись, тоже наконец решила сформулировать свою идеологию: по словам председателя высшего совета «Единой России» (тогда – председатель Госдумы) Б. Грызлова, «это *идеология* стабильности и развития, постоянного творческого обновления без застоев и революций» [Закатнова 2009: 4]. В цитируемой публикации дается лишь предельно обобщенная характеристика новейшего политтехнологического «проекта»: «речь идет об *идеологии* российского консерватизма, который “единороссы” считают самым подходящим» – по всей вероятности, для своих единопартийцев с учетом их социальных (классовых?) приоритетов. По заявлению Б. Грызлова, «оппоненты пытаются “приклеить” нам стереотип, что мы – партия чиновников... Конечно, в партии власти много наших коллег работают и в органах государственной власти, и мы относимся к ним с уважением. Вместе с тем два миллиона членов партии “Единая Россия” объединяют общие ценности и общая *идеология*» [там же]. Собственно, таким образом только подтверждается, что российское чиновничество организовано в виде политической партии для защиты собственных ценностей. Несколько странно лишь то, что никого особенно не смущает фактическое противоречие:

наличие у постоянно правящей («Наш дом – Россия» – «Единство» – «Единая Россия» – ...) партии, т. е. «партии власти», своей идеологии, которая естественно обретает роль фактически доминирующей, – и сохранения (пока что) в неприкосновенности ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Впрочем, действительно ли ЕР предлагает (?) консерватизм как «идеологию стабильности и развития», или же имеется в виду надежная консервация статус-кво, – говорить преждевременно. «По плодам их узнаете их...» [Мф. 7:20].

Несколько позднее обнаружилось, что в РФ всё-таки существует совершенно определенная идеология в ранге государственной, причем идеология, так сказать, авторизованная. В интервью газете «Известия» (07.05.10) Д. А. Медведев заявил, в частности: «...Каждый человек имеет право на собственные оценки [роли Сталина в истории]. Другой вопрос, что такого рода личные оценки не должны влиять на государственные оценки... ни в коем случае нельзя говорить о том, что сталинизм возвращается в наш повседневный быт... Это абсолютно исключено. И в этом, если хотите, нынешняя государственная идеология и моя оценка как Президента Российской Федерации». Некоторые недоброжелательные наблюдатели почему-то усмотрели в этом высказывании «две принципиальные вещи»: «1) мнения... простых граждан Российской Федерации, не принадлежащих к ее политической элите, никак не могут повлиять на оценки, политические решения, деятельность руководства государства... 2) в государстве Российская Федерация фактически существует [в нарушение конституционного постулата –

А. В.] господствующая обязательная государственная идеология, содержание которой составляет антисталинизм (и, очевидно, шире говоря, антикоммунизм и антисоветизм)» [Вахитов 2010: 5].

Это суждение до некоторой степени перекликается с высказанным ранее мнением социолога, который считает, что «явно парадоксальна ситуация, когда государство не может прямо назвать, определить систему ценностей, являющихся для него базовыми, основополагающими, из-за нечетко прописанных в тексте Конституции РФ моментов, связанных с терминами государственная и господствующая идеология. Думается, что из того, что "...никакая из действующих идеологий не может быть господствующей государственной идеологией" не следует, что государственной идеологии как провозглашенной государством системы ценностей и способов их легитимизации не должно быть вообще» [Арапова 2007: 9]. – «Чуда не вижу я тут» (А. К. Толстой): семантическая диффузность формулировки, т. е. «нечеткая прописанность (пропись?)» – одна из разновидностей игры в слова, излюбленных юристами и законодателями, очень удобная для умножения интерпретаций текста, что для текста законодательного, как хорошо известно, непозволительно, хотя бы во избежание логически следующего отсюда произвольного толкования и собственно произвола. Такие словесные фокусы не редки.

Например, потомственный юрист М. А. Федотов так обосновывал абсолютную конституционность неконституционного указа № 1400 Ельцина: «Депутаты избраны законно, но они не **легитимны**, так как не выражают интересов народа, а президент – гарант конституции в высшем понимании» [Останкино.

25.09.93]. Телезрителям достаточно было бы заглянуть в толковый словарь, чтобы уличить будущего уполномоченного по правам российского человека в словесной манипуляции, причем не самой изощренной; ведь «*легитимный* – законный. “Легитимная власть” (от лат. *legitimus* – законный, правомерный)» [МАС₂ 1982, II: 168]. С другой стороны, очевидно, что в этой области деятельности явочным порядком допускается весьма многое (и даже сверх того: «На свете вообще много чего не полагается, но допускается» [Гашек 1956: 603]; ср. в связи с этим довольно распространенную в российских СМИ квалификацию чьих-либо действий как «**не совсем законных**»). Конечно же, творцы действующей конституции имели в виду невозможность как господствующей именно коммунистической идеологии, а не какой-то иной (иные, вероятно, были изучены ими в гораздо меньшей степени). Кроме того, вряд ли общество в целом способно было в 1993 г. энтузиастически воспринять в качестве идеологической квинтэссенции что-нибудь вроде лаконичного лозунга «Обогащайтесь!», одинаково популярного в разные времена у представителей определенных социальных групп, в том числе и деклассированных (см. [Блон 1985: 149]). Поэтому был изобретен лингвополитический фокус: вовсе не парадоксальное, но по-своему логичное введение в пропагандистский оборот мифогена *национальная идея*. Суть фокуса в том, что прилагательное *государственный* (*государственная идеология*) заменено на семантически якобы равноценное *национальный* (*национальная идея*) (англ. *national* – государственный), а посему, ко всеобщему глубокому удовлетворению, и конституция не нарушена, и господствующая идеология фактически установлена, и

определена она в соответствии с избранным эталоном. Что же касается содержательного наполнения этого мифогена, то оно представляется (как, очевидно, и замышлялось) чрезвычайно вариативным.

Идеология в лексикографии

Определения в словарных статьях являются документами прагматического характера семантики, рассматриваемой под лексиколого-лексикографическим углом зрения: цель этих определений состоит в воздействии на поведение людей, которые будут пользоваться словами, определенными в словаре.

В. Дорошевский

Как известно, лексика является наиболее тесно связанным с жизнью общества уровнем языка, а потому и наиболее динамичным. Социально-политические феномены также обретают выражение в лексико-фразеологических единицах, служащих – в том числе – и для обозначения элементов идеологических систем, и фиксируются в лексикографии.

Справедливо, что «величайший и до сих недостаточно еще оцененный эксперимент языкознания – это словарь, лексикография, ибо последняя является преимущественным практическим критерием выделения слова и определения его значения, что есть конечная цель научного языкознания. Лексикография заимствована у языкознания практически всеми прочими науками и использована в них вторично как форма кодификации их собственных терминов и метаязыков (языков описания). Одно это придает языкознанию

исключительную важность в системе наук, и не одних только гуманитарных» [Трубачёв 2004: 150].

Лингвистические словари выступают одновременно как информативные источники исследования лексики и как культурно-исторические документы.

Нередкие высказывания лингвистов о неадекватности словарных толкований, самих теоретических основ описания лексики, по-видимому, объясняются прежде всего неисчерпаемостью, многогранностью слова, возможностями его субъективного восприятия (от которого вряд ли абсолютно избавлены и сами лексикографы) и вариативности трактовок его значения. М. М. Бахтин, считая, что «язык, слово – это почти всё в человеческой жизни», аргументировал свое мнение, в частности, тем, что «слова выступают аббревиатурами высказывания, мировоззрения, точки зрения и т. п.; поэтому заложенные в слове потенции и перспективы, в сущности, бесконечны» [Бахтин 1986б: 313, 316]. На лексикографах лежит особая культурная и социальная ответственность, так как интерпретации значений слов – это интерпретация определенных форм деятельности людей [Дорошевский 1973: 66].

Говоря о значимости лексикографии, уместно привести высказывание П. Флоренского о «последнем круге скептического ада, где теряется самый смысл слов», которые «перестают быть фиксированы и срываются со своих гнезд» [Флоренский 1989: 38], – словари же в известной степени остаются ориентирами, помогающими увидеть «законные места» слов в лексической системе языка, снизить отрицательные последствия «эффекта смысловых ножниц», т. е.

разночтения, речевого разобщения, нередко возникающего из-за разного понимания семантики одной и той же лексической либо фразеологической единицы разными коммуникантами, что может негативно повлиять на межличностные, внутригрупповые и межгрупповые отношения.

При этом конкретный толковый словарь в той или иной степени подчинен выполнению манипулятивно-директивной функции, поскольку (даже вне зависимости от четко осознанного и/или декларированного замысла составителя) предлагает своему читателю определенное мировидение, аксиологические ориентиры и рекомендации не только сугубо культурно-речевого характера. В зависимости от некоторых внеязыковых факторов картина мира, представленная в словаре, может быть изменена частично – либо радикально. В художественно-гиперболизированном изображении подобные манипуляции могут выглядеть, как в той сказке, где главарь пиратской шайки, захватившей целую страну, «приказал своим министрам [тоже бывшим пиратам] составить новый словарь: “Нужно поменять местами все слова! – пояснил он. – Например, слово *пират* будет означать *честный человек*. Если кто-нибудь назовет меня пиратом, он попросту скажет на новом языке, что я честный малый!.. Измените названия всех предметов, имена людей и животных. Для начала пусть люди вместо доброго утра желают друг другу спокойной ночи. Таким образом, мои верные подданные будут каждый свой день начинать со лжи”... Отпечатали новый словарь и обнародовали “Закон об обязательной лжи”...» [Родари 1987: 92].

По справедливым суждениям выдающегося польского лингвиста, словари служат укреплению в обществе рационалистических начал: лексикография, ищущая простейших слов для объяснения широким кругам читателей, что означают те или иные слова, является «общественным рычагом наук, стремящихся выработать общий для всех людей рациональный взгляд на мир»; «размышления о значениях слов – а к этому должно побуждать чтение словаря – одна из самых существенных форм рационализации своего отношения к жизни и своего участия в жизни» [Дорошевский 1973: 12, 65–66].

Любой лингвистический словарь может быть квалифицирован путем вычленения и применения ряда параметров особого рода. Лексикографический параметр – «некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами – это особое словарное представление структурных черт языка» [Караулов 1981: 51]. Однако некоторые черты словаря (прежде всего – толкового) вряд ли могут быть формализованы и описаны предельно четко.

Даже современный уровень компьютеризации не позволяет абсолютно исключить участие человека в создании словаря (собственно, и самые совершенные компьютерные программы создаются людьми). Поэтому во многих случаях нельзя недооценивать влияние того, что называют индивидуально-стилистическим фактором. Например: «Талант выдающихся лексикографов разных стран, таких, как Уэбстер, Литтре, Ларусс, Даль, Щерба,

Ожегов и мн. др., отразился, в частности, и в том, что созданные ими словари несут на себе отпечаток их личного творчества, новаторства, неповторимой индивидуальности стиля» (цит. по [Дубичинский 1994: 10–11]).

Но специфика лексикографии как науки и как воплощения её концепций в текстах словарей проявляется и в еще одном чрезвычайно важном аспекте – в экспликации определенных идеологических систем и их канонизации. Это совершенно объективно («гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении» [Бахтин 1986б: 301]) и может быть классифицировано как своего рода аксиома. В предельно сжатом виде это можно выразить и так: «Словарь как явление общественное не может быть оторванным от идеологии – системы общественных, классовых, кастовых, групповых концептов. В определенном смысле словарь несет существенный заряд не только как продукт, но и как вектор идеологии общества» [Дубичинский 1997: 96].

Конечно, это можно наблюдать прежде всего при анализе лексикографических пособий (и особенно – сравнительно-сопоставительном) на примерах семантизации общественно-политических и философско-религиозных терминов: здесь акценты, ориентирующие читателя словаря (и эксплицирующие ориентиры его составителя), выступают наиболее заметно. По мнению А. П. Сковородникова, «отсутствие объективного, плюралистического подхода к определению содержания» таких терминологических единиц, т. е. дефинирование их словарных значений в системе только какой-либо одной идеологии, проявляется в словарях

по-разному [Сковородников 1997: 9]. Наиболее типичные приемы подобного толкования лексической семантики (вероятно, они используются не только по отношению к элементам указанных терминосистем) могут быть сформулированы и классифицированы, например, следующим образом:

«1. В определении значения термина может быть опущен тот или иной существенный (релевантный) компонент его понятийного содержания...

2. В дефиниции значения термина может быть опущен не один релевантный семантический компонент определенного понятия, а целый их комплекс, что делает такую дефиницию семантически пустой...

3. Идеологическая односторонность в трактовке термина может выражаться в том, что в его дефиницию вносится нерелевантный признак, смещающий определенным образом смысловые акценты...

4. Значимой в идеологическом смысле может быть последовательность (иерархия) релевантных признаков понятия (и, соответственно, явления), перечисляемых в дефиниции значения термина, а также последовательность перечисления значений многозначного слова по степени их значимости (ценности)...

5. Идеологическая однородность в дефинировании общественно-политических и философско-религиозных терминов проявляется также в том, что в определение значения термина вносятся оценочные элементы. Это может выражаться в подборе синонимов; во включении в дефиницию модальных частиц и вставных конструкций типа "якобы", "как бы", "по суеверным представлениям", "по христианским представлениям" и под.;

в использовании словарных помет типа “устар.”, “ирон.”, “шутл.”; использовании кавычек...

6. Идеологическая корректировка семантики заголовочного слова может осуществляться за счет подбора речевых иллюстраций» [Сковородников 1997: 9–11].

Обычно в качестве неоспоримых аргументов, подтверждающих чрезмерную идеологизированность лексикографических изданий, называют словари русского языка советской эпохи.

Действительно, многие отечественные лингвисты того времени не раз публично декларировали важную роль идеологического компонента в лексикографии. Ограничимся здесь лишь несколькими примерами.

Л. В. Щерба указывал, что нормализаторская роль нормативного словаря состоит, в том числе, в «ниспровержении традиции там, где она мешает выражению новой идеологии...» [Щерба 1974а: 277]. Относя идеологию к «трудным вопросам словаря», выдающийся языковед писал: «Ясно, что словарь должен отражать советскую идеологию, но в чем? В составе слов-понятий? Но ведь мы говорим и о советских, и о не советских вещах и не можем не говорить о не советских вещах, поскольку мы живем в буржуазном окружении и буржуазный мир является не каким-то мифом, а реальностью, и поэтому мы должны уметь и говорить о нем... Идеология должна сказаться не только в составе словника [русско-французского словаря], но и в переводах, и это, конечно, самый важный, но и самый трудный вопрос... Совершенно очевидно, например, что наш *прокурор* не то же самое, что в буржуазных странах. Но тем не менее мы переводим его словом *procureur*, и

так в бесконечном ряде случаев» [Щерба 1974: 311]. Ср. суждение А. М. Сухотина: «Лексикография – не бесстрастная регистрация бытующих в языке слов и значений, а такая же идеологическая наука, как и всякая другая» (цит. по [Хан-Пира 1994: 17–18]). С. И. Ожегов подчеркивал «ответственное положение, которое занимает русская лексикография советской эпохи, и важность культурно-политической роли, ею выполняемой в Советском Союзе и за его пределами» [Ожегов 1974: 160].

Соответственно подобным генеральным установкам велась и критика некоторых лексикографических изданий. Так, Е. М. Галкина-Федорук в своем учебнике отмечала как упущение «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова то, что «некоторые политические термины не вполне правильно истолкованы» (цит. по [Семенюк 2001: 240]). Тем же автором о 2-й редакции «Словаря русского языка» С. И. Ожегова был сделан следующий вывод: «Словарь, вышедший после работ И. В. Сталина по языкознанию, должен быть существенно иным, чем в первом издании. С. И. Ожегов и стремился к тому, чтобы словарь был качественно иным, чем он был раньше, однако наряду с улучшением словаря в некотором отношении, он не освободился от весьма существенных недостатков во втором издании... Особенная чёткость от составителей словаря требуется в определении политических терминов. С. И. Ожегов улучшил определение политических терминов в словаре второго издания, однако далеко не достиг идеала»^[16] (цит. по [Семенюк

¹⁶ Впрочем, надо иметь в виду, что наиболее взыскательные к себе высококвалифицированные отечественные лексикографы издавна хорошо понимали уязвимость словарей как мишеней для критических замечаний. Так, П.

2001: 240]); по мнению критика, в этом словаре из ленинского определения термина *класс* (которое, судя по всему, и надлежало воспроизвести буквально, а не в «свободном пересказе») оказалась «выхолощена» вся его классовая сущность. Подобные замечания высказывались и в отношении словарной статьи *феодализм*, только уже в сравнении с определением, которое было дано Сталиным [Семенюк 2001: 241].

Конечно, идеологический компонент наличествует в словаре и тогда, когда составители акцентируют его якобы отсутствие. Подобное имело место и в советское время. Например: «Редакция считает необходимым подчеркнуть, что данный словарь, являющийся терминологическим толковым, не может заменить собой политический или энциклопедический словарь» [СИС 1954: 3]. Однако – и вполне естественно! – в действительности многие статьи этого словаря, особенно посвященные тем словам, которые присутствуют, в том числе, и в политической коммуникации, оказались буквально пропитанными идеологической составляющей. Ср.: «*идеализм* – реакционное, антинаучное направление в философии... И. враждебен подлинной науке, тесно связан с религией... выступает как мировоззрение реакционных классов» и т. п. [СИС 1954: 255]; «*педология* – лженаука о воспитании подрастающего поколения, получившая большое распространение в

Соколов писал: «...Трудившийся над составлением Церковно-Славяно-Российского словаря не считает нужным предварять просвещенную публику ни о достоинствах, ни о недостатках оногo. Первое откроется из употребления, а вторые более или менее неразлучны с сочинениями сего рода. Неоспоримым тому доказательством служат **все, без изъятия**, словари на разных языках и у разных народов изданные, которые, сколько бы раз ни были издаваемы, всегда подвергаются поправкам, прибавлениям и даже переделкам, так что полноте и совершенству их никакого предела положить не можно» [Соколов 1834, 1: I].

буржуазных странах... Извращая законы развития детей...» и проч. [СИС 1954: 525]. См. в этом же словаре обширные статьи, подробно объясняющие читателю, что такое *диалектический материализм, Интернационал, коммунизм, коммунистическая партия* (эта статья – некий экстракт курса «История КПСС»), *марксизм* и мн. др.

Должно быть априорно понятно, что радикально иных в идеологическом отношении подходов и к составлению словарей, и к их оценке в то время в СССР быть просто не могло (тем более, что лексикографические издания осуществлялись за счет бюджета государства, доминирующая идеология которого – в отличие от иных – была выражена столь четко и бескомпромиссно).

В глубоком исследовании советской словесной культуры А. П. Романенко, используя терминологию К. Г. Юнга, справедливо обращает внимание на «слова-генералы», которые «строят систему общих мест и организуют речемыслительную деятельность советского ратора. Они чрезвычайно значимы в тексте – оформляют его семантико-композиционный каркас, несут они и определенное символическое значение, восходящее к основам идеологии... Их можно отнести к коллективному бессознательному и назвать архетипическими ключевыми словами (АКС)» [Романенко 2003: 128]. Многозначность АКС развивалась за счет специфических «советских» новых значений: это наглядно аргументируется сопоставлением статей, посвящённых одним и тем же словам, в словарях В. И. Даля, под редакцией Д. Н. Ушакова и в первом издании словаря С. И. Ожегова [Романенко 2003: 136–138]. «Таким образом, система АКС – это реализация партийности в логосе советского образа ратора... АКС –

константы советской логосферы. Они выполняют свою функцию в системе, а не порознь» [Романенко 2003: 149]. собственно, эта системность во многом предопределила якобы чрезмерную идеологизацию советской лексикографии.

Стоит отметить, что с течением времени, вследствие социально-политических изменений в СССР, и не в последнюю очередь – в связи с корректировкой некоторых программных установок, в советских лексикографических изданиях обозначались довольно многочисленные трансформации в выражениях идеологического компонента (иногда – начиная с состава словника).

Вот пример такой модернизации: *вредитель* – «2. Контрреволюционер, наносящий советскому государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить антисоветскую интервенцию» [ТСУ, I: 394]; «2. Тот, кто наносит вред кому-, чему-л. умышленно» [МАС, I: 226].

Сравним еще несколько дефиниций словарей:

ТСУ	МАС
<p><i>Агитатор</i> — (полит.). Член политической партии или ее сторонник, занимающийся агитацией, убеждающий массы в правильности политики партии и в необходимости активно бороться за осуществление ее лозунгов. Коллективный организатор (коммунист, по поручению парт. орг. Агитирующий среди группы рабочих на одном и том же участке производства) [I: 13].</p>	<p><i>Агитатор</i> — Тот, кто ведёт агитацию [I: 24]; <i>Агитировать</i> — 1. Заниматься агитацией. 2. Убеждать в чем-то, склонять к чему-л. [I: 24].</p>
<p><i>Большевик</i> — (полит.). 1. Первонач. член революционного большинства Российской социал-демократ. рабочей партии, образовавшейся под руководством Ленина на 2-м съезде партии в 1903 г. 2. Член ВКП(б); иногда — член коммунистической партии всякой страны. 3. Стойкий, последовательный, не знающий колебаний марксист-ленинец [I: 171].</p>	<p><i>Большевик</i> — Член большевистской партии (первоначально член революционного большинства Российской социал-демократической рабочей партии, возглавляемого В.И. Лениным); последователь большевизма, коммунист [I: 106].</p>
<p><i>Народничество</i> — (истор.). Общественно-политическое движение радикальной интеллигенции второй половины XIX века, выражавшее интересы мелкого производителя, идеализировавшее крестьянскую общину, враждебно относящееся к марксизму и применявшее как средство политической борьбы индивидуальный террор, исключавший организацию массовой партии [II: 414].</p>	<p><i>Народничество</i> — Общественно-политическое движение в России во второй половине XIX в., отразившее идеологию крестьянской демократии и считавшее возможным переход России к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм [III: 389].</p>

[Семенюк 2001: 245].

Следует безусловно согласиться с О. А. Семенюком в том, что «было бы не верно все наблюдаемые в представленных дефинициях изменения толковать как следствие изменившейся политической конъюнктуры. Конечно, определенную роль сыграли и традиции употребления, и контекст, и процессы исторического изменения семантики слова...». Но ведь и «вся справочная и учебная литература, от “Советской энциклопедии” до букваря, от учебника по политэкономии до пособия “Сделай сам” в той или иной мере была подвержена воздействию идеологии, проявляющемуся в лексических единицах, тексте» [Семенюк 2001: 245–246]. Естественно, иначе попросту быть не могло.

Конечно, это реализовалось также в словарных дефинициях многих концептуально важных лексем, и сопоставление их с теми, которые давались в словарях XIX в., обнаруживает существенные различия в толкованиях.

Так, по мнению современного автора, определение слова *душа* в [Даль 1955] («бессмертное духовное существо... одаренное разумом и волею; в общем значении: человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно») – «наилучшее, оно полностью отвечает тому концепту “Душа”, который присутствует в русской культуре и сегодня [! – А. В.]. И это, разумеется, не могло быть допущено с точки зрения официальных представлений советского периода. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, под воздействием партийной

редактуры, на первое место в определении было выдвинуто следующее: "1. В религиозных и идеалистических представлениях – нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо... остающееся после смерти человека"... Желая соединить "религиозные" и "идеалистические" представления в некое целое и одним разом запечатлеть их штампом порочного и запретного, эта редакция одновременно стерла и важнейшее различие между "душой" и "духом"... Чтобы поправить дело [! – А. В.], словарь С. И. Ожегова пошел на компромисс между определениями двух различных типов, в результате чего "душа" оказалась определенной следующим образом: «*душа*. 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание» (9-е изд. 1972 г.) и отождествленной с "сознанием". "Словарь русского языка в 4-х томах" (2-е изд. Т. 1. М., 1981. С. 456) несколько улучшает положение [? – А. В.], не приравнивая "душу" к "сознанию"» [Степанов 2004: 736] и т. д. (кстати: начало далевской дефиниции *душа*, очевидно, воспроизводит толкование значения 1 этого слова в [Сл. ЦСЛ и РЯ 1847 г.] – «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею»).

Не следует забывать и о том, что приписываемый лишь советскому периоду русской лексикографии идеологический компонент несомненно присутствовал в ней и ранее – хотя, конечно, и не в марксистско-ленинском компартийном оформлении. Так, «Новый словотолкователь» Н. М. Яновского в 1803 г. сообщал читателю в статье слова *атеист*: «Атеисты не должны быть терпимы ни в каких обществах, поелику они разрушают основание оных». В Словаре Даля *революционер* – «смутчик, возмутитель, крамольник,

мятежник»; значение глагола *царствовать* иллюстрируется строкой российского гимна: «Царствуй над нами, царь православный»; *социалист* – «Социалисты и коммунисты, по духу учения своего, заказные враги всякого государственного порядка»; *благородный* – «происходящий из дворянского рода, дворянин... согласный с правилами чести и чистой нравственности; честный, великодушный, жертвующий своими выгодами на пользу других» (здесь примечательна иерархия значений); *декабристами* «называют бывших государственных преступников, по заговору 1825 г.»; *комунизм* – «политическое учение о равенстве состояний, общности владений и о правах каждого на чужое имущество»; *нигилизм* – «безобразное и безнравственное учение, отвергающее всё, чего нельзя ощупать», и т. п. При большой тяге к обличению можно, оперируя этими дефинициями, говорить о тенденциозности и идеологизированности Словаря Даля, как, впрочем, и любого полноценного толкового словаря, являющегося документом и продуктом эпохи его создания.

Когда же советский период сменился антисоветским, произошла новая ревизия идеологических аспектов лексикографии. Активно и бесстрашно стали высказываться о неотложном исключении мировоззренческого подхода к лексикографической практике (например, [Старовойт 1996]), и не только русской.

Так, ср. оценку польской лексикографии социалистического периода на примере изданного тогда Малого словаря польского языка, объявленного (впоследствии) «словарем идеологически-философских предписаний»: имеются в виду словарные статьи

dialektyka, metafizyka, dogmatyzm, humanizm socialistyczny, leninizm, marksizm; основной же абличительный (по Ф. М. Достоевскому) акцент делается на присутствии в корпусе этого словаря лексем, которые цитируемый критик именует *słowa-upiory* (в их число включены, например, такие, как *burżuazja, inteligencja, lud, imperializm, interesy klasowy, milicja, policja* и ряд других); здесь же самым естественным образом провозглашается и обосновывается насущная необходимость лексической и семантической «санации» словарей, чтобы «сбросить ярмо восточного тоталитаризма» [Jadacki 1994].

Однако, как свидетельствуют некоторые примеры, минимизация идеологического компонента словаря не может быть абсолютной: она всегда весьма относительна, причем идеологическая составляющая способна эксплицироваться по-разному. Так, в Толковом словаре современного русского языка под ред. Г. Н. Скляревской (2001) значение 3 прилагательного *советский* – с указанием на его активизацию – подается с пометой *неодобр.* и с толкованием: «свойственный чему-либо в СССР или кому-либо живущему в СССР; совковый»; явная избыточность негативной оценки, и так уже выраженной с помощью пометы, усиливается за счет введения в эту дефиницию ранее жаргонного прилагательного *совковый* (стилистически малоуместного, остающегося пока всё-таки разговорным: ср. здесь же: «*совковый* – разг. неодобр. прил. к *совок*», которое, в свою очередь, также «разг. неодобр.»).

Другой пример: оказывается, что сравнение дефиниций, отражающих смысловую структуру лексемы *капитализм* в словарях русского языка разных эпох, позволяет отметить негативную оценку у этой т. н.

«идеологемы» («вербально закреплённого идеологического предписания» [Купина 1995: 13])^[17] в советский период – и положительную оценку в постсоветское время. Причем попытку Словаря Ожегова—Шведовой снять **любой** оценочный ореол с термина не считают удавшейся хотя бы из-за присутствия в составе дефиниции компонентов «частная собственность» и «класс капиталистов», оставляющих всё же за толкованием имплицитный оценочный смысл (а перегруппировка оценочного пласта в семантике слова приводит даже к информативным потерям денотативного характера, поскольку неизменным остается лишь один безоценочный компонент – «определённый общественный строй») [Вепрева 2002: 282–283]).

Подобные сопоставления, несомненно, весьма показательны, если сравнивать дефиниции одной и той же лексемы не только в словарях разных эпох, но даже и в словарях, издания которых разделены десятилетиями.

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова предлагал следующие определения слова *социализм*: «1) первая фаза коммунизма, общественный строй, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства в условиях диктатуры пролетариата и уничтожения эксплуататорских классов и при котором осуществляется распределение по труду; 2) учение о построении такого общественного строя, идущего на

¹⁷ См. ранее: *идеологема* – единица семантического описания социально-классового аспекта языка. Одно и то же слово может относиться к разным идеологемам (например, *красные*, *социализм* и под. (см.: Нойберт А. К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики // Актуальные проблемы языкознания в ГДР: Язык – идеология – общество. – М., 1979. – С. 48–69).

смену капиталистическому; 3) название различных буржуазных и мелкобуржуазных учений о реформе капиталистического общественного строя» [Т. IV. М., 1940, стлб 413–414].

В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (изд. 2-е, испр. и доп. М., 1984) толкования слова *социализм* в общих чертах совпадают с вышеприведенными (особенно значение 2), однако очевидно учтены изменения реалий, произошедшие за десятилетия; здесь *социализм* – «1) первая или низшая фаза коммунизма – общественный строй, который приходит на смену капитализму и характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком, планируемым в масштабах всего общества товарным производством и при котором осуществляется принцип: “от каждого по его способностям, каждому по его труду”; 2) учение о построении социалистического общества; 3) с *определением*. Название различных мелкобуржуазных и буржуазных учений о реформе капиталистического общества на основе уравнительности или сглаживания антагонистических противоречий».

А вот Толковый словарь современного русского языка под ред. Г. Н. Скляревской (2001) сообщает: *социализм*: «1. **В марксизме-ленинизме** – первая или низшая фаза коммунизма – общественный строй, который приходит на смену капитализму и характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком, планируемым в масштабе всего общества товарным производством и распределительным принципом “От каждого по его способностям, каждому по его труду”. 2). Общественный строй, характеризующийся

отсутствием частной собственности на средства производства, всеобщей плановостью хозяйства, неэффективной экономикой, однопартийной системой политической власти, отсутствием демократических прав и свобод». Первая из дефиниций, собственно, повторяющая формулировку МАС₂, снабженная отсылкой к марксизму-ленинизму (а словарная статья этого слова начинается пометой «в советск. время» – видимо, чтобы подчеркнуть архаичность толкования), вероятно, должна показать некую ее «невсамделишность», неверную идеологическую ориентацию и неадекватность для современности. Вторая, поданная без каких-либо помет (наверное, с позиций т. н. «общечеловеческих ценностей»), – явно негативно-оценочная; например: **«неэффективная экономика»**, **«отсутствие демократических прав и свобод»**; да и упоминаемые в этом же контексте **«отсутствие частной собственности на средства производства»**, **«всеобщая плановость хозяйства»** и **«однопартийная система»** по предположительному замыслу составителей тоже не должны вызывать никаких симпатий у читателей словаря, уже начавших радостно вкушать прелести российской рыночной экономики.

Другой современный словарь (Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, изд. 4-е, доп., М., 2001), во вступительной статье которого сказано, что он **«полностью»** освобожден от тех навязывавшихся извне идеологических и политических характеристик и оценок именуемых понятий, которые в той или иной степени присутствовали в предыдущих изданиях и от которых ни авторы, ни редактор **не в силах** были избавиться», значение интересующего нас слова толкует следующим образом: *«социализм –*

социальный строй, в котором основой производительных отношений является общественная собственность на средства производства и **провозглашаются** принципы социальной справедливости, свободы и равенства». Конечно, и это определение вовсе не «освобождено» от оценочности, причем негативной: ведь указанные принципы, по мнению лексикографа, при социализме носят лишь декларативный характер.

Таким образом, по данным толковых словарей можно составить достаточно отчетливое представление об идеологических доминантах, присущих социуму на той или иной ступени его истории, о смене этих доминант и ремаркациях аксиологической шкалы. Впрочем, в последнее время отечественные лингвисты довольно часто предпочитают говорить о том, что на послесоветском этапе лексикография «освобождается» от «навязывавшихся» ей ранее идеологических характеристик и оценок; что общество от системы «идеологем» перешло к системе «культурем» – языковых единиц, семантика которых «соотнесена с ценностным объектом и лишена политических наращиваний и вкраплений» [Купина 2000: 183]; что «деидеологизация стала фактором, в значительной мере определяющим внутрикультурную и межкультурную толерантность» [Купина, Михайлова 2002: 25] и проч. При этом как будто не замечаются замены одних коннотаций на другие, противоположные, которые одновременно и более соответствуют новой системе аксиологических координат, и формируют ее.

Объективное рассмотрение дискурсов, включающих номинации общеизвестно-политического характера, такие, как *переходный период, общечеловеческие ценности, цивилизованный подход, правовое государство*

и т. п., позволяет увидеть все признаки несколько запоздало преданных анафеме «идеологем»: «размытую», диффузную семантику, способность манипулировать смыслом и, следовательно, сознанием слушающего [Синельникова 2002: 189].

Что же касается «деидеологизации», то ее в российских условиях следует понимать в свете определения (особенно – второй его части) этого слова, данного в Толковом словаре современного русского языка под ред. Г. Н. Склярской: «*деидеологизация* – устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (**обычно коммунистической**)» [ТССРЯ 2001: 2002] (ср., однако, и упоминания изредка о некоей «новой идеологии» – впрочем, без расшифровки, что же она всё-таки собой представляет; если не считать, конечно, высказываний, не принадлежащих, однако, официальным политикам, вроде: «...наше общество **должно** эволюционировать от социализма к капитализму, от коллективизма к индивидуализму, от локализма к глобализму, от романтизма к рационализму» [Губогло 2002: 36]; ср. также: «товарно-денежная идеология, проявляющаяся в релятивистско-софистической риторике» [Романенко 2004: 25]). Таким образом, речь всё-таки идет не о деидеологизации, а о реидеологизации всего и вся, и не в последнюю очередь – лексикографии.

Слово идеологично по самой своей природе, поэтому трудности, связанные с семантизацией многих лексем, вполне объяснимы. То, что по прошествии времени, отделяющего сегодняшнего читателя, критика и интерпретатора конкретного словаря, может восприниматься как дань политической конъюнктуре, является прежде всего результатом объективных

условий, исторических обстоятельств создания словаря, а в какой-то (возможно, немалой) степени – и отпечатком личности лексикографа.

Небезынтересно также, какие рецепты-образцы предлагаются из «неидеологизированного» лексикографического опыта зарубежных государств, которые обычно упоминаются почему-то с эпитетом *цивилизованные*. Оказывается, там «задача [«компактного и доступного **предъявления языка как системы** в лексикографии»]... была решена путем одной из важнейших **идеологических** инноваций нашего века... Сегодня во всех крупнейших европейских странах существует стандартное представление национального языка в виде набора словарей (DUDEN. Standartwerk zur deutscher Sprache – в Германии, Standard Reference Books – в Великобритании). Это – серия справочных пособий, рассчитанных на массового читателя и издающихся в том числе дешевыми массовыми тиражами... В набор обязательно входят орфографический, орфоэпический, этимологический, стилистический, фразеологический, цитатный словари, словарь синонимов, а также ряд словарей, отражающих специфику национальной лингвистической традиции. **В идеологическом плане** особое место в наборе занимает стандартный словарь цитат как семантически нагруженное справочное пособие. Его тематический каркас, тезаурус, отражает в фрагментах классики практически все стороны жизни. При этом читатель воочию убеждается, что **власть и политика в этой жизни занимают свое весьма скромное, отнюдь не первое место** [Мирский 1999: 107].

К сожалению, здесь не приводится ни одного примера из последнего справочного пособия – «словаря

цитат», поэтому ответственному читателю трудно «воочию убедиться» в том, какое именно место занимают в жизни граждан зарубежных стран власть и политика.

Однако чрезвычайно любопытны фразы, следующие буквально сразу за уже процитированным отрывком: «Так выглядит **обязательное, контролируемое государством** предъявление идеологического и культурного минимума, который **рекомендуется** каждому гражданину... Стандартное представление языка в каждой стране выступает содержательной основой языковой политики как формы участия государства в формировании **национальной идеологии**» [Мирский 1999: 107]. А поскольку власть (в лице государства), как оказывается, **посредством контролируемой лексикографии** формирует таким образом – через некий цитатник (что-то в духе раннесоветских текстов ликбеза или политграмоты?) – неременный идеологический минимум для всех граждан, то тезис о «скромном месте» власти и политики в их жизни чрезвычайно дискуссионен. Собственно, такие жестко стандартизированные «рекомендации» и есть зримое воплощение того, чем некоторые лингвисты продолжают пугать аудиторию и, разумеется, самих себя, а именно – жуткого жупела «тоталитаризма» (отважно относя его, как правило, лишь к советской эпохе).

Можно во многом солидаризироваться с выводами А. П. Сковородникова:

«1) Согласованию словоупотребления и, следовательно, взаимопониманию общающихся может препятствовать односторонняя идеологизация словарных дефиниций и речевых иллюстраций в толковых и специализированных словарях современного русского

языка. Более того, идеологизация такого рода создает благоприятную почву для манипулирования сознанием пользователей словарей, что несовместимо с понятием информационной безопасности личности и общества в целом.

2) Лексикографии нужна не деидеологизация в смысле игнорирования идеологии вообще (это в принципе недостижимо, и такие попытки обеднили бы саму лексикографию), а ее идеологическая плюрализация, т. е. решимость лексикографов стать над идеологией для ее объективного и многозначного отражения в рамках словарной статьи.

3) Для полноценной фиксации идеологической семантики в указанном выше смысле лексикографам прежде всего необходимо знание самой идеологии во всех ее основных социально типизированных дифференциациях, а также выработка рациональных приемов ее лексикографического представления» [Сковородников 1997: 11]. Однако до реального применения таких и подобных им рекомендаций на практике, кажется, еще очень далеко.

Указанную проблему нельзя считать специфической лишь для русской лексикографии. Х. Касарес в фундаментальном труде советовал составителю современного словаря на научной основе «быть постоянно начеку и следить за своим пером, пресекая всевозможные проявления своей личности, начиная с индивидуальной манеры выражения, т. е. со стиля, и кончая обнаружением своих симпатий и антипатий, политических взглядов, философских и религиозных убеждений и т. п... Только при этом условии это произведение будет принято всеми читателями как плод

честного, серьезного и беспристрастного исследования» [Касарес 1958: 159 и др.]. Можно, конечно, предположить, что добросовестные лексикографы будут пытаться каким-то образом следовать приведенным рекомендациям, но уже очевидно, что издаваемые сегодня словари так же несвободны от идеологической составляющей, как и их предшественники. Лексикография – неотъемлемый компонент идеологического обеспечения социума, а потому появление толкового словаря «без идеологии» пока весьма гипотетично.

Упования некоторых авторов на чудодейственную помощь суперобъективных компьютеров в словарной работе, особенно в ее дефиниционной части, вряд ли обоснованны (ведь и компьютерные программы составляются людьми). «На смену человеку-лексикографу едва ли придет машина-лексикограф... Словарь – это воплощенный критерий лингвистических теорий, и сложное и тонкое дело лексикографии – это не какая-нибудь вспомогательная операция, которую просто формализовать» [Трубачёв 2004: 160].

Новейшая аксиология

*В чем состояло наше смутное
время и от чего к чему был у
нас переход – я не знаю, да и
никто, я думаю, не знает.*

Ф. М. Достоевский

Ряд исследователей полагает, что сегодня в России отсутствует система фундаментальных ценностей, приемлемых и разделяемых большинством членов

социума. Как правило, это объясняют (и справедливо) прежде всего ликвидацией прежних, советских, аксиологических ориентиров. Ср.: «В результате слома социально-политической, культурной системы советского общества произошло разрушение ценностно-идеологического стержня культуры. Образовался идеологический вакуум, который искусственно пытаются заполнить религией» [Максимов 2006: 215]; «В настоящее время в российском обществе не сложилось сколько-нибудь устойчивой системы ценностей, поскольку старые, как система, утеряны, а новые не складываются из-за конфликта культур» [Гусар 2008: 33]. – «Люди, которым приходится жить во время радикальных трансформаций, испытывают ощущение бессмысленности бытия. Распад Советского Союза и разрушение социалистической программы поведения вызвали у миллионов советских людей состояние социального шока. Неполных два десятилетия, которые прошли после этого события, еще не сформировали устойчивую систему категориальных и ценностных ориентаций» [Лобас 2009: 74] и др.

Одна из причин отсутствия такой системы видится в резкой дифференциации и поляризации российского социума [Гусар 2008: 31]; более того: «Можно миллион раз говорить о формировании гражданского общества в России, но это не изменит самого ужасного: у нас и просто общества уже нет. Оно распалось и разложилось [вряд ли само по себе. – А. В.]. Мы теперь намного дальше от самого понятия "общество", чем в Советском Союзе 1980-х гг... Это уже не общество. Это – банка со скорпионами, которые норовят сожрать друг друга» [Калашников 2003: 190]. Несомненно, что кому-то такое положение дел очень выгодно: *divide et impera*...

Верны определения другой, связанной с названной выше, причины сложившейся аксиологической ситуации, которая, судя по многим признакам, будет сохраняться и в дальнейшем. Это – отсутствие у государства не только мобилизующих ценностей и идеалов, но и «внятных и всеми поддерживаемых целей общественного развития» [Максимов 2006: 216]. Понятно, почему стало возможным и это: «Разрушая прежний строй, мы отказались не только от державных, но и от внятных гуманитарных целей государственного существования. А если нет цели, нет и ответственности за ее достижение» [Поляков 2005: 278].

Между тем, радикально перечеркнутая прежняя аксиологическая шкала была во многих своих ипостасях идеологически перекрашенной и политически модернизированной преемницей более ранней. «Заместившая христианскую систему ценностей система ценностей социалистических, вобрав в себя значительную часть библейской догматики, во многом соответствовала ключевым концептам русской культуры^[18], выражая мировоззрение крестьянской соседской общины. Традиционная советская система ценностей уклонялась в сторону коллективистских ценностей... Чувство коллективизма, труд на благо общества, патриотизм, взаимовыручка, сострадание,

¹⁸ Культуры, которую всячески пытались изжить духовные предтечи перестройщиков-реформаторов. Один из них, В. Блюм, писал в 1925 г. по поводу содержания музыкальных радиопередач: «...Нужно ли эту стотысячную аудиторию так глушить чайковщиной... Традиционное беспробудное народничество совершенно безнаказанно тут "правит бал"... Высшая похвала композитору – провозглашение "национальности", "самобытности" его музыки. Даргомыжский, оказывается... "был один из первых, положивших начало русскому направлению в национальной русской музыке"... Ведь это же устарелый, вопиющий вздор...» (цит. по [Булгаков 1989: 121]).

совесть, равнодушие к материальным благам – такими были качества, суть базовые ценности *настоящего человека*» [Гусар 2008: 31–32].

Что же касается новейших (перестроечно-реформаторских) ценностно ориентирующих общество постулатов, то они, как правило, не манифестируются откровенно – по крайней мере, в официальных документах инструктивного характера. Тем не менее, представляется возможной инвентаризация сегодняшних российских гражданских доблестей и достоинств на основании разноаспектных наблюдений, содержащихся во многих публикациях. Приведем лишь некоторые мнения и оценки.

По данным одного из аналитических обзоров (1998), «совершенно отдельной группой выглядит самосознание т. н. “новых русских” – российских предпринимателей. В иерархии их жизненных ценностей самое важное место занимают “свобода”, “собственность”, “процветание”, “стабильность” и “достаток”. А вот такие гуманистические ценности, как “согласие”, “справедливость” и “духовность” – гораздо менее важны для них, чем для представителей других социальных групп. По своим ценностям они отходят от традиционного сознания россиян, более эгоистичны и озабочены личным благополучием» [Сергеева 2004: 238].

Ср. частные примеры того, каковы результаты вышеупомянутых процессов: в России сейчас личность оценивается не столько по ее интеллектуальным способностям или творческим возможностям (как это было раньше), не по критерию добросовестного служения обществу или государству, сколько по имеющимся в ее распоряжении собственности и

наличным деньгам: «утратили свою ценность такие понятия, как “могущество страны”, “прогресс”, “процветание” и “демократия”... В постсоветской России изменилась не только политическая система, жизненные ценности, но неуловимо [?! – А. В.] изменилась и сама мораль, представление о нравственности, о порядочности или непорядочности человека. Изменилась даже сама точка отсчета в оценке нравственности... Способность и умение работать – не такое уж большое достоинство, главное – “деньги всё равно будут”. Неважно, каким образом. Ценность труда стремительно тает в глазах современных россиян, особенно молодых... Гораздо меньшее количество людей осуждает теперь покупку краденого, спекуляцию, невозвращение кредитов и займов, присвоение найденных денег, даже политическое убийство, т. е. акты антиобщественного поведения» [Сергеева 2004: 237, 241, 243, 244].

Можно довольно уверенно предполагать, что пренебрежительное отношение к общественно полезному труду как естественной социальной ценности интенсивно прививалось с начала перестройки через СМИ в интересах определенных групп.

В настоящее время основными ценностями, за которые борется «нынешний сенситивный человек», стали материальные блага, состоятельность, комфорт, наслаждение, власть, слава и популярность [Гадомский 2004: 8] – хотя возможно, что иерархия их может быть выстроена и несколько иначе.

«Россияне живут по нескольким принципам: “обогащайся любой ценой”, “Позволено всё”, “Государство – мой худший враг”, “Умри ты сегодня – а я

завтра”, “После нас – хоть потоп”, “Какой мерзавец – а добился и богатства, и власти”» [Калашников 2003: 190].

«Никто больше не вспоминает о морали, честности и долге. Все признали, что быть проституткой лучше, чем ткачихой. Слово “продажность” исчезло из словаря, ибо само собой подразумевается, что каждый должен продаваться за сколько сумеет» [Веллер 2003: 411].

«Сегодня... технологи вбили каждому в голову принципы социального дарвинизма. Каждый сам за себя, никто тебе не поможет, выпутывайся сам [ср. высокую частотность кальки с американо-английского: «Это твои проблемы!» – А. В.]... Человек может достаточно спокойно воспринимать любую нелепость. Что коррупция – не так уж и плохо, умные люди могут этим заниматься. Бывший мэр Москвы такие теории продвигал. Когда людям объясняют, что зависть – прекрасное чувство, двигатель прогресса. Библейские заповеди оказываются ненужными» [Богданов 2007: 3] и т. д.

С точки зрения перспектив российского общества (насколько таковые имеются – отдельная тема), наиболее настораживающими выглядят результаты социологических обследований ценностных ориентаций молодежи, в частности студенческой. Обнаруживаются, например, следующие приоритеты: «73,4 % респондентов предпочли самореализацию и достижение успеха (карьера, богатство) как смысл жизни... Лишь 26,6 % респондентов отдали приоритет совершенствованию себя и общества... На вопрос: “Какие жизненные ценности являются для вас наиболее важными?»: друзья (общение) – 80 %, любовь – 60 %, материальный достаток – 56,7 %, интересная работа – 43,3 %. Семья, дети как ценность привлекают только

33,4 % респондентов, причем столько же опрошенных (30 %) относят последнюю ценность к одной из наиболее бесполезных» [Максимов 2006: 209]. А «историю СССР, т. е. ту, которую делали поколения отцов и дедов, 59 % их детей и внуков оценивает негативно» [Максимов 2006: 216], иначе говоря – налицо разрыв преемственности поколений, естественной для любого этносоциума, желающего выжить. Не говоря уж о том, что активно идет процесс десоциализации, который всё увеличивает число молодых людей с девиантным поведением [там же].

Почему-то не замечается, что широко пропагандируемые формы проведения молодежного досуга (а вовсе не трудовой деятельности!) изначально, в странах-экспортерах этой продукции, предназначены прежде всего для малоимущих и низкообразованных неевропеоидов: голливудские киноподелки, рэп, уличный баскетбол, а также стритрейсинг, паркур и прочие экстремальные (до получения инвалидности и летального исхода) виды спорта и прочее. Да и стремление заниматься «традиционными» видами спорта объясняется теперь совсем иначе, нежели ранее. Прежде всего – очевидно желание добиться материального благополучия; ведь, например, «профессиональный бокс – это совсем другой, чем тот, который культивировался в СССР. Это более жесткий, более **мотивированный** бокс» [ОРТ. 14.07.02]. Причем искомого благополучия можно добиваться по-разному. Так, на вопрос: «Почему занимаешься боксом?» – юный спортсмен отвечает вполне искренне: «Хочу попасть в криминальную структуру» [Новый стадион. ТВК. 02.12.01].

Впрочем, конечно, не все молодые люди хотят стать бандитами – есть и другие светлые пути: «45 %

молодежи в России предпочитают карьеру чиновника: ведь все деньги проходят через чиновников, можно и отщипнуть; есть социальная защищенность; кроме того, доступны взятки – при отсутствии проблем с органами» [НТВ. 22.11.07]. – «Современная мораль по-прежнему не предусматривает представления о честной бедности. **В успешных кругах** торжествует западная, протестантская [только ли? – А. В.] мораль: бедность – свидетельство лени, богатство – мерило ума. Пенсионеры и люди старшего работающего возраста, **нисколько не смущаясь**, относят себя к бедным. А молодежь даже этого слова избегает» [Новосёлова 2008: 14].

Нельзя переоценить вклад СМИ в формирование аксиологических ориентиров молодежи, в том числе через культурно-речевые образцы, охотно воспринимаемые подрастающим поколением как эталонные. Поскольку «значительная часть создателей массово потребляемых текстов – попросту малограмотные, не отягощенные моралью и этическими нормами недочки, выпавшие из культурно-исторического пространства того общества, чье сознание они формируют, не приходится удивляться тому, что в современной России молодые люди к самым престижным профессиям относят, например, такие, как *криминальный авторитет* и *проститутка*, а профессия *учёный* в этот список не попала...» [Кравченко 2008: 44–45].

Исследования показывают, например, что в современных молодежных печатных СМИ «традиционная система ценностей представлена, фактически, в обратном варианте...» [Любимова 2005]; было проанализировано сто выпусков восьми молодежных журналов, выходящих наибольшим тиражом (который

постоянно увеличивается), причем в основном они представляют собой либо региональный – адаптированный для России – вариант международного издания («Seventeen»), либо издаются собственно зарубежным издательским домом («Cool», «Cool Girl»). Оказалось, что в этих СМИ «такие ценности, как семья, верность, целомудрие и Родина, перестают быть ценностями, однако ценностями становятся воровство, гомосексуализм, проституция» [там же].

Следует учитывать, что «современная идеология отнюдь не представлена в форме кодифицированного «единственно правильного учения». Она часто присутствует неявно, латентно, она рассредоточена, “размыта” по всей сфере духовной жизни общества» [Шестаков 2005: 15] – ср.: «Она [идеология] сказывается во всём. И ее нельзя уловить ни в чем» [Зиновьев 1990, 1: 226]. Тем не менее, некоторые симптомы, позволяющие диагностировать сегодняшнюю российскую идеологию по фактам, одновременно и манифестирующим ее, и воплощающим, отчетливо присутствуют в текстах СМИ.

Вот лишь некоторые образцы, предлагаемые (навязываемые) в качестве ориентиров российской телеаудитории.

«Произведения Эриха Фукса [художника и скульптора] опровергают **догматические** представления о добре и зле... На Западе их считают не соответствующими традиционной морали» (репортаж с московской выставки) [Останкино. 18.03.95].

«Если вы не консервативны и не пуритане, приходите, увидите всё сами... Эта постановка “Чайки”

пронизана эротикой» (Н. Василенко) [Новости. Афонтово. 18.01.08].

«Шествие в центре Москвы фриков – свободные художники, артисты, просто безумцы... [Одна из участниц:] “Иногда хочется покрасить себя в синий цвет”. [Организатор:] “Что делать с десятками полусумасшедших?.. Вот в Нью-Йорке!” [Корреспондент:] “Ощутить себя **полностью свободными** русские люди пока не могут”» [24. Ren-TV. 25.08.08].

«В Москве выступает гей-хор из Лос-Анджелеса: так в Америке называют мужчин с нетрадиционной ориентацией» [Вести. РТР. 10.10.99].

«В числе демонстрируемых фильмов [в рамках недели французского кино в Красноярске, куда по этому поводу прибыл и посол Франции в РФ] – два из жизни “голубых”: говорят, для Франции это актуально» [Новости. ТВК. 23.11.98].

«Вот таких певиц привозят нынче в Россию [из США]: “Есть, спать, трахаться – это естественно... Для меня секс – основной инстинкт”... Ее тексты – сплошное порно» [Шоу-бизнес с Анфисой Чеховой. СТС-Прима-ТВ. 16.04.02] (ср. о ней же: «Около 30 миллионов дисков... **Самая продаваемая** певица» [ОРТ. 30.04.02]).

«В Москве режиссер Роман Казак приступил к репетициям пьесы американского драматурга Ив Энцлер “Монологи вагины”» [Намедни. НТВ. 04.03.02].

«Не пропустите [выставку картин]! Художник вместо красок использует экскременты» [Афиша. СТС-Афонтово. 02.12.02].

«Красноярский художник... пишет картины своим членом... Он уже получил из Франции грант – десять

тысяч франков» [Новости. Афонтово. 18.01.06]; здесь, собственно, не только выражается новейший – для России – критерий оценки художественного произведения, но также – и сегодняшний этический императив: нравственно всё, что прибыльно. С другой же стороны, это и есть то же самое «разложение основ» (Ф. М. Достоевский): «Самый легкий способ привлечь зрителя... – обратиться к скрытым, подавленным, нездоровым инстинктам и желаниям, которые гнездятся в подсознании. Если эти желания гнездятся слишком глубоко, зрителя надо **развернуть**, искусственно обострить нездоровый интерес. Особо выгодным товаром оказываются для ТВ именно образы, запрещенные для созерцания культурными запретами» [Кара-Мурза 2002: 304]. Получается, что «и в дерьме можно жить – ничего страшного не происходит. Мы только должны отказаться от веками сложившегося в нашей культуре чувства безобразного. ...Нагнетается всеми способами “эстетика безобразного”. ...Идеологи реформы ставят... задачу – приучить к безобразному как норме. Создать новую культурную нишу для российской элиты» [Кара-Мурза 2002: 556].

А недавно «россиян» оповестили о том, что уже около двух тысяч их сограждан решительно не хотят иметь детей и объединились в движение «child-free» (англ. «свободные от детей»): «Лозунг “Занимайтесь любовью, а не детьми” выдвинут в Америке, поддержан в России» [24. Rep-TV. 2010] (ср. лозунг молодежного движения против войны во Вьетнаме 1960-х гг.: «Занимайтесь любовью, а не войной» («Make love, not war»)).

Знаменательно, что в отреформированной России уже во многом сбылось задушевное пожелание

рецидивиста, вора и убийцы, персонажа старого (1958) советского детективного романа: «Милицию всю перевешал бы, чтобы не путала добрых людей, эти ваши штучки-дрючки – клубы разные и школы позакрывал, а настроил бы вместо них кабачков с девочками...» [Волков 1979: 166]. Вот и в очерке восторженно-рекламного характера повествуется об истории создания блатной песни «Мурка»; и, хотя этот очерк помещен в рубрике «Субкультура», но всё же... в официальном печатном органе правительства РФ (см.: Ионова Л. «Мурка» в законе // РГ-Неделя. № 80. – 15.04.10. – С. 24).

Именно вследствие доминирующих аксиологических установок, внедряемых в общественное сознание через каналы СМИ – конечно, с согласия и благословения их владельцев и распорядителей (не стоит забывать, что сегодня в России, по мнению председателя правления Союза журналистов России В. Богданова, воцарилась «не цензура власти, а цензура денег» [Вести. РТР. 05.05.99]) – «на долгие годы эталоном для программирования подрастающего поколения в силу существующей инерции и самообучения станет ориентация на уголовные ценности» [Расторгуев 2003: 374]. Неудивительно: в той модели мироздания, которую творцы реформ заимствовали у государств, кажущихся им «цивилизованными», а насаждают в России, есть свои ценностные константы – тоже насаждаемые там с помощью СМИ. По мнению американского социолога Л. Туроу (1997), в американском «мире «средств “массовой информации”» никто никогда не работает, кроме полицейских и торговцев наркотиками. Мир телевидения – это мир потребления без производства. В прошлом, если верить телевидению, ничего не надо было делать, чтобы обеспечить хорошую жизнь в настоящем. И в

настоящем ничего не надо делать, чтобы обеспечить потребление в будущем... Имя этой игры – потребление. Никто не должен откладывать немедленное удовлетворение своих желаний. В стране телевидения примечательным образом отсутствуют творцы и строители» (цит. по [Калашников 2003: 82–83]). Но, поскольку всячески поощряемую склонность индивидуума к гедонизму нужно подкреплять финансовыми возможностями ее обеспечения (а источники последних весьма многообразны – и их также показывает телевидение), то рост преступности, усугубляемый безработицей, легко объясним. Ведь в России, в соответствии с данными ей образцами, тоже усиленно развивается «культура трущоб» – появление массы необразованных, не обученных никакому ремеслу стад городской молодежи. Воспитанное телевизором, агрессивное и склонное к насилию, это стадо двуногих недочеловеков обильно питает преступность, страдает наркоманией и хочет жить хорошо, но зарабатывать не может» [Калашников 2003: 36].

«Золотая молодежь» выделяется на этом фоне только материальной обеспеченностью и специфическими развлечениями, соответствующими кошельку родителей. Один из недавних примеров: четверо молодых «россиян» устроили в Швейцарии ночные гонки на своих автомобилях (общей стоимостью более 2 млн евро), в результате чего пострадал 70-летний водитель-немец. Виновники этого – в возрасте 20–25 лет: Зия Бабаев, сын владельца московской строительной компании, Аликпер и Сархан Исмаиловы – сыновья экс-владельца Черкизовского рынка в Москве Тельмана Исмаилова [ГН. 26.11.09. С. 1; РГ. 26.11.09. С. 18].

Тем не менее, активная популяризация «новых ценностей» продолжается. Ср. заявление: «...Мы вправе ожидать расширения мобилизационных усилий по целенаправленной поддержке современных трансформационных процессов [иногда «современными трансформационными процессами» в российском официозном дискурсе эвфемистически именуют глобализацию. – А. В.]. Они являются ответом на вызовы модернизации, в ходе которых наше общество **должно** эволюционировать из одного состояния в другое: от социализма к капитализму, от коллективизма к индивидуализму, от локализма к глобализму, от романтизма к рационализму» [Губогло 2002: 36].

Другой пропагандист тех же аксиологических установок («ученый-гуманитарий, доцент МГУ», последние шесть лет живущая в Нью-Йорке) так рассказывает о своих достижениях в этой сфере: «В начале 90-х я читала в МГУ курс лекций по культурной антропологии. В его основу я положила статью одного американского антрополога "Ценности, по которым живут американцы". Она написана более 30 лет назад, но до сих пор актуальна... Я просила своих студентов сформулировать русские базовые ценности. В 1994 г. все американские ценности для русских студентов были со знаком минус. А через шесть лет весь список американских ценностей превратился в список ценностей для русских студентов» [Лунина 2009: 91].

Таким образом, нет оснований говорить о якобы происходящей «деидеологизации» [Максимов 2006: 211]: ведь «культ американской мечты, личного успеха любой ценой» [там же] – тоже идеология, только иначе эксплицируемая.

Художественная литература (в том числе русская) неоднократно рассказывала о гипотетических широкомасштабных замыслах осчастливить людей (пусть и не всех одинаково). «Ярко-красный» либерал, «отчасти фанатик человеколюбия» Шигалев в описываемом Достоевским 187... году предлагает собственную систему устройства мира: «...В виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать. Меры, предлагаемые автором для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений, – весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны» [Достоевский 1957, 7: 422–423].

Другой литературный персонаж предлагал свою утопию, в основных ее чертах напоминающую «шигалевщину», но программируемую с другими целями, под его собственной безграничной властью: «...Я отбираю "первую тысячу", – скажем, это будет что-нибудь около двух-трёх миллионов пар. Это патриции. Они предаются высшим наслаждениям и творчеству... Затем мы установим, сколько нужно рабочих рук для полного обслуживания культуры. Здесь также сделаем отбор. Этих назовем для вежливости – трудовиками... Возможность революций будет истреблена в корне. Каждому трудовику после классификации и перед выдачей трудовой книжки будет сделана маленькая операция... Небольшой прокол сквозь

черепную кость. Ну, просто закружилась голова, – очнулся, и он уже раб... Отдельную группу мы изолируем где-нибудь на прекрасном острове исключительно для размножения. Всё остальное придется убрать за ненадобностью... Трудовики работают и служат безропотно за пищу, как лошади. Они уже не люди, у них нет иной тревоги, кроме голода. Они будут счастливы, переваривая пищу. А избранные патриции – это уже полубожества... Это и будет самый настоящий золотой век... Земля превращается в райский сад... Вырабатывается красивая и утонченная раса...» (по мнению оппонента – «фашистский утопизм») [Толстой 1986: 348].

Увы, слишком хорошо известны попытки применить подобные теории на практике, да еще на базе доктрин расового превосходства одних – и, соответственно, сугубой неполноценности других... Тем не менее, интересно, что варианты классификации и ранжирования социальных групп разрабатываются и поныне, пусть пока еще без логически следующих за такой дифференциацией организационных мероприятий.

Казалось бы, после многолетних стенаний по поводу бесчеловечного тоталитаризма (любопытно, между прочим, что случилось бы с Россией в случае торжества «необоснованно репрессированной ленинской гвардии»? Какой «крутой маршрут» объявила бы магистральным она?) и успехов в насаждении толерантности, ничто подобное (анти)утопиям, которые описаны русскими классиками, попросту невозможно в нашей стране. Однако сегодня **уже** считают возможной некую социальную классификацию, напоминающую схему кастовой дифференциации, но на основе отношений каждой из вычленяемых групп к «новой идеологии» (суть

ее, как следует из дальнейших развернутых комментариев, состоит в «актуализации признаков, не свойственных национальному мировосприятию...: гедонистическое отношение к обеспеченной жизни... деньги – эквивалент духовных ценностей, здоровья» [Ведрева 2002: 325–326]). Итак: «следующая за новой идеологией, примыкающая к ней часть общества – это тип **активных личностей**, логично мыслящих, обладающих высоким интеллектуальным статусом, с постоянным стремлением адаптироваться к изменениям в обществе. <...> Выделяются **ригористы**, которые видят кризис современного общества в утрате духовно-нравственных начал и ратуют за возвращение к традиционным духовным и моральным ценностям. Третий социокультурный тип – **материалисты**, главная цель которых выжить с помощью государства и системы социального обеспечения» [Ведрева 2002: 323–324] (между прочим, явно высокая положительная оценочность слова *активист* [Ведрева 2002: 325] несомненно заимствована из политизированной части советского лексикона: «*активист* – **в советское время**: активный член какой-либо организации, коллектива; общественник'. "Комсомольский а." "Стать профсоюзным активистом". ..."В молодости училась [Зинаида] в одном блатном вузе с Владимиром Познером, где последний состоял в больших партийных [т. е. коммунистических] активистах". Ва-банк, 1993, № 3» [ТССРЯ 2001: 12] – см. в этом же словаре: «*блатной* – 1) 'основанный на использовании блата [*блат* – 'в советское время: связи, знакомства, дающие возможность добиться чего-либо, получить что-либо незаконным способом'. *Поступить в институт, на работу по блату*» [ТССРЯ 2001: 75 (для

приобретения чего-либо, поступления куда-либо)'. ... *Блатная школа*» [там же]).

Повторим: отрадно лишь то, что подобные научные разработки не обрели (пока!) официального организационно-практического воплощения: печальные примеры аналогичного социального селекционирования хорошо известны и из мировой, и – увы – из отечественной истории^[19].

Наиболее удачной, совершенно точной и адекватной дефиницией российской «новой идеологии» несомненно стала следующая: «товарно-денежная идеология, проявляющаяся в релятивистской софистической риторике» [Романенко 2004: 25].

Эта идеология предлагает такой набор основополагающих ценностей, который диаметрально противопоставлен исконному для русских, однако успешно внедрен в современное общественное сознание.

По мнению социолога Л. Бызова, основанному на результатах недавних исследований, те базовые ценности, которые считаются традиционно присущими русскому народу (соборность, коллективизм, духовность, бескорыстие) и определяющими его автостереотип, уже далеко не столь актуальны и востребованы, как еще несколько лет назад: «Опрошенные отмечают доминирование в окружающих... таких качеств, как черствость, жадность, готовность ради денег

¹⁹ «Разгромлены три фашистских государства, а зреют новые, в другом обличье, под другими политическими лозунгами. Но везде одно и то же: какие-то господствующие классы, группы, слои, как там их не называйте, захватившие право подавлять мнения и желания всех остальных, навязывать им под видом законов и политических программ низкий уровень жизни, чинить любой произвол» [Ефремов 1988, 4: 264] (этот роман создавался в 1959–1963 гг.).

перешагнуть через нормы морали, хамство, цинизм. Те, кто занимается сравнительными социологическими исследованиями России и стран Европы, говорят, что более индивидуалистического общества, чем современная Россия, в Европе просто не существует... Ценности "Святой Руси", таким образом, присутствуют в качестве тоски по идеалу, а в жизни мы чаще наблюдаем их противоположность. ...Если в нашем обществе всё-таки есть поддерживающие мобилизацию ценности, то они требуют каких-то особых изысканий, недоступных для классической социологии» (цит. по [Бобров 2009: 2]).

Общечеловеческие ценности

*Мы даже и человеками-то быть
тяготимся – человеками с
настоящим, собственным телом
и кровью; стыдимся этого, за
позор считаем и норовим быть
какими-то небывалыми
общечеловеками.*

Ф. М. Достоевский

Совершенно закономерно, что отказ от коммунистической идеологии в качестве «единственно верного и всепобеждающего учения» был незамедлительно представлен как деидеологизация вообще – как отказ якобы от любой идеологии, этого анахронизма, абсолютно неприемлемого для полноценного «цивилизованного», да еще и «правового» государства. Стоит заметить еще раз, что особенно преуспели в этом масштабном агитационно-пропагандистском предприятии бывшие штатные руководящие проводники казенной компартийной идеологии, собственно, и ставшие

инициаторами очередной кампании в силу причин, многие из которых пока еще не выяснены. Кампания эта развивалась политехнологически грамотно, последовательно проходя определенные стадии: от критики Сталина за якобы незаконные политические репрессии (осуществлялись-то они в соответствии с действовавшим тогда законодательством) – к возвеличению их «невинных жертв» вроде Бухарина, Зиновьева, Тухачевского и прочих, затем – будто бы внезапное открытие того, что и сами «жертвы» были отнюдь не чистейшими образцами человеколюбия; затем – порицание и «ленинской гвардии», и Ленина (дескать, всё-таки не тем путем пошли, товарищи!), затем – сомнение в изначальной правильности марксизма, затем – упреки в адрес Советской власти, которая только и делала, что ошибалась (а в Великой Отечественной СССР победил совершенно случайно, да еще и негуманно – потому что «русские варвары», жестоко тратя людские ресурсы, но за счет ресурсов материально-технических, поставляемых по ленд-лизу доблестными союзниками, каким-то чудом всё же одолели нацизм и иже с ним – пол-Европы), затем – разговоры о неэффективности государства вообще (а советского – особенно) как субъекта экономической деятельности, наконец – анафема коммунистической идеологии и советскому социализму как таковым...

Вполне логично, что для якобы обновления, в первую очередь – очеловечения бесчеловечного строя (т. е., в соответствии с полузабытым лозунгом другого коммутанта, чтобы создать «социализм с человеческим лицом» [Душенко 2006: 152]), потребовалось массивное насаждение *гуманизма – гуманизация* (кстати, в сфере образования выразившаяся в

гуманитаризации, кажется, значение этого слова то ли не смогли, то ли не захотели объяснять ни его распространители, ни многие лексикографы).

Впрочем, и само слово *гуманизм* принадлежит к числу тех, которые вошли в наш речевой оборот столь давно и прочно, что сегодняшние носители русского языка по большей части не дают себе труда задуматься об истоках и первоначальной семантике и прагматике подобных лексем.

«*Гуманизм*» – не просто нечто хорошее и доброе, а определенный “изм”, конкретное философское^[20] представление о человеке, которое оправдывает совершенно конкретную политическую практику. Эта философия выросла на идеалах Просвещения, и ее суть – фетишизация совершенно определенной идеи Человека с подавлением и даже уничтожением всех тех, кто не вписывается в эту идею. *Гуманизм* тесно связан с идеей свободы, которая понимается как включение всех народов и культур в европейскую культуру. Из этой идеи вырастает презрение и ненависть ко всем культурам, которые этому сопротивляются. В наиболее чистом и полном виде концепция *гуманизма* была реализована теми радикалами-идеалистами, которые эмигрировали из Европы в США, и самый красноречивый результат – неизбежное уничтожение индейцев. Де Токвиль в своей книге “Демократия в Америке” объясняет, как англосаксы исключили индейцев и негров из общества не потому, что усомнились в идее общих прав человека, а потому, что данная идея неприменима к этим “неспособным к рационализму созданиям”... Речь шла о массовом

²⁰ «Еще не доказано, что философия может быть полезной, а вред от нее возможен» (П. А. Ширинский-Шихматов, 1850).

уничтожении людей с полнейшим уважением к законам *гуманизма*» [Кара-Мурза 2002: 94–95]. А уже на основе идей гуманизма философ Дж. Локк, развивший тезис о «неотчуждаемых правах человека», создает теорию *гражданского общества* (сегодня последнее словосочетание чрезвычайно частотно в дискурсе российских СМИ: им обозначается по преимуществу некий призрачно маячащий социальный ориентир, по достижении которого, как можно догадываться, Россия войдет в сонм *цивилизованных государств*^[21] – хотя и не совсем понятно, что такое «нецивилизованное государство» – и станет безмерно счастлива). «...Локк был не только активным сторонником рабства и помогал в этом духе составлять конституции Южных штатов США, но и вложил свои сбережения в Королевскую Африканскую компанию – монополиста работорговли в Британии. ...Работоторговля была прямо связана с Просвещением. Именно за XVIII век, Век Света, за 1701–1810 гг. в Америку было продано 6,2 млн африканцев (в трюмах по дороге, как считают, погибли в десять раз больше). И за 1811–1870 гг., когда вся Европа уже проклинала Россию за нарушения прав человека, *гуманные* европейцы завезли в Америку и продали еще 1,9 млн негров – хотя русские военные моряки кое-кого из работоторговцев успели поймать и повесить. ...Даже в таком приятном слове, как “*гуманизм*”, глубинный смысл

²¹ «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское... И что такое смягчает в нас цивилизация? Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше. А через развитие этой многосторонности человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение... ..Самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которым все эти разные Атиллы и Стеньки Разины иной раз в подметки не годились...» [Достоевский 1956, 4: 151].

обладает разрушительной силой для России. Все мы, кроме кучки “новых русских”, в рамках *гуманизма* – индейцы и негры» [Кара-Мурза 2002: 95–96].

Именно такого рода *гуманизм* отчетливо проявляется в диалоге литературных персонажей-американцев – Гека Финна (который почти постоянно терзаем муками совести из-за того, что пытается помочь беглому негру Джиму переправиться в «свободные» штаты) и очень симпатичной, добродушной и гостеприимной тети Салли: «“У нас [на пароходе] взорвалась головка цилиндра”. – “Господи помилуй! Кого-нибудь ранило?” – “Нет, никого. Только негра убило”. – “Ну, это вам повезло; а то бывает, что и людей ранит”» [Твен 19786: 411].

Можно вспомнить и исторически позднейших цивилизаторов. Так, по словам Г. Гиммлера, «живут ли другие народы в довольстве, или они подышают с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку они нужны нам как рабы для нашей культуры; в ином смысле меня это не интересует». – «...Практически реализация “нового порядка” означала ликвидацию советской государственности, физическое истребление советских граждан и предоставление “жизненного пространства” людям “чистой немецкой крови”, беспощадную эксплуатацию и ограбление захваченных территорий... В отношении остального [т. е. пока еще оставленного в живых – *А. В.*] населения применялись самые жестокие меры колониальной эксплуатации. Оно было лишено элементарных гражданских и человеческих прав. Военнослужащие гитлеровской армии были официальной директивой освобождены от ответственности за преступления против мирных жителей... Особенно много страданий принес народным массам насильственный угон

жителей оккупированных районов на работу в Германию... – всего около 5 млн человек... Генеральный комиссар Белоруссии Кубе признавал, что в ходе **одной лишь** карательной операции было убито около 10 тыс. советских граждан, в том числе “множество местных граждан” и “очень много женщин и детей”. Немецкие войска сжигали “за связь с партизанами” целые сёла и расстреливали их жителей. В дневниках боевых действий подразделений германской армии стали обычными такие записи: “Уничтожено 17 дворов и расстреляно 19 мужчин, 22 женщины и 41 ребенок”... При их отступлении осуществлялась тактика “выжженной земли”» и т. п. [Всемирная история 1965, X: 56, 148–149, 242–243]. Подвергнутые геноциду «дикие славяне» не были арийцами – соответственно, цивилизаторы не считали их полноценными людьми.

Цивилизаторство подобного рода активно поддерживается и сегодня. «Министр обороны [США] Рамсфельд лично одобрил шестнадцать **нетрадиционных методов ведения допроса** [в военной тюрьме Гуантанамо]» [24. Rep-TV. 14.06.05] – иными словами, речь идет о регулярном и официально санкционированном применении американскими тюремщиками пыток пленных (то же – в Ираке и т. д.): они – *не* американцы, т. е. *не* люди в полном смысле слова. Ср.: «Американские вертолетчики расстреляли в Ираке 12 мирных жителей, при этом вели себя как гэймеры, стремящиеся набрать побольше очков» [24. Rep-TV. 07.04.10]. Точечный *гуманизм* оказывается выгодным и в сугубо коммерческом отношении: в ходе *гуманитарной операции* после катастрофического землетрясения на Гаити были (по-видимому, случайно) задержаны несколько граждан США, пытавшихся вывезти

с острова десятки гаитянских детей (у многих из которых, как установлено, живы родители) якобы с благородной целью усыновления; предположительно – для использования в качестве доноров органов [Время. 1 канал. 01.02.10] (в общем-то, всё это вполне естественно: ведь и высокоразвитые уэллсовские марсиане с их интеллектом и замечательными техническими достижениями были вынуждены, в силу своей природной физиологии, для пропитания впрыскивать себе кровь из жил живых людей).

Ср.: «Средства массовой информации распространили сообщение: в Чечне найдены отрезанные головы похищенных ранее англичан и одного новозеландца... Их захватили, по-видимому, ради выкупа, но убили в процессе освобождения, чтобы чего-нибудь не разболтали. Мир содрогнулся от такой жестокости. Раньше, когда всё это касалось русской крови, никого особенно подобное не интересовало. Так, в самом конце 1994 г. в станице Асиновской федералам были подброшены в мешке головы четырех российских пограничников, не принимавших, кстати, участия в боевых действиях. Затрепетал ли в страхе цивилизованный мир?» [Есин 2002: 159].

Таким образом, *гуманизм* имеет чрезвычайно избирательный характер. Ведь «как только борьба ведется против тех, кого принимают за низших, называют ли их варварами или как-нибудь по-другому, всякие ограничения исчезают, насилие творится в полную меру...» [Хёйзинга 1997: 104] (впрочем, это было написано даже еще до «гитлеровских походов и **опытов**», как их называл В. В. Набоков).

Однако о подобных перспективах (как и об историческом прошлом) предпочитали не задумываться, тем более – говорить: глашатаи перестройки твердили о том, что в СССР из-за идеологизированности существует прочный дефицит внеклассовой человечности. И вот новейшими гуманистами в качестве фундамента государства были предложены мифические *«общечеловеческие ценности»*.

Советский культуролог («под общей редакцией» того же А. Н. Яковлева) пытался рассматривать «общечеловеческие ценности» объективистски: «В принятом у них [западных идеологов и политиков] оперировании “общечеловеческими” идеями **не обязательно** заключается реакционная цель; оно представляет собой иногда лишь путь поисков преодоления классовой ограниченности буржуазного сознания» [Кукаркин 1974: 328]. Впрочем, он же говорил об этих идеях как о необходимом атрибуте мифотворчества: «...Мифом, без которого было бы немыслимо существование ни теории массового общества, ни концепции массовой культуры, и служит усиленно насаждаемое фрейдистское представление о некоем абстрактном природном существе – человеке. Когда буржуа был молод и дерзок, он кричал о своей социальной специфичности и сдирал покровы с феодальных и даже религиозных мифов. Сейчас он стыдливо помалкивает о своей классовой сущности и скромно рядится в тогу “просто человека” [Кукаркин 1974: 374] (ср.: «...Буржуа увидел, что он один на земле, что лучше его и нет ничего, что он идеал, и что ему осталось теперь не то, чтоб, как прежде, уверять весь свет, что он идеал, а просто спокойно и величаво позировать всему свету в виде последней красоты и

всевозможных совершенств человеческих» [Достоевский 1956, 4: 110]).

Любопытно, что генсек-президент СССР, прославившийся, в том числе, и политическим лукавством, не чуждался прямого плагиата и мошеннических подтасовок. Так, обычно связываемый с именем этого деятеля мифоген *новое мышление*^[22], согласно Ф. Бурлацкому, впервые появился в его собственных статьях и книгах [Душенко 2006: 121]. Идею же, что уместна и оправданна «приоритетность... *общечеловеческих ценностей* над приоритетами того или иного класса», Горбачёв «приписал Ленину – вероятно, из тактических соображений, так как для Ленина она была неприемлема» [Душенко 2006:122], вводя в заблуждение таким образом далеко не только участников «Иссык-Кульского форума» 20 октября 1986 г.

То ли в силу преемственности, то ли по инерции пропагандистский штамп *общечеловеческие ценности* широко употреблялся и в правление Ельцина. В частности, этот мифоген присутствует в тексте «Декларации о языках народов России» от 25.10.91, где содержится по-своему виртуозная и почти бессмысленная формулировка: «приоритет *общечеловеческих ценностей*, равно как и духовных ценностей каждого народа» – т. е. два приоритета сразу!^[23] Таким образом составители документа стремились продемонстрировать

²² «Когда я был студентом..., один из старых профессоров... сказал нам раз и навсегда: "Мышление говорят те, у кого *мозги*, а *мышление* – те, у кого *мозги*"... *Мозги* – это ведь что-то совсем из другой "оперы". К голове отношения не имеют» [Колесов 2004б: 14].

²³ Ср.: «*приоритет* – 'первенство в каком-л. открытии, изобретении и т. п.; преобладающее, первенствующее значение чего-л.'» [СИС 1979: 409].

радикальную смену идеологических основ государственного устройства.

Прилагательное *общечеловеческий*, по-видимому, относительно позднего возникновения: оно не регистрируется лексикографическими источниками, отражающими словарный состав русского языка (в том числе и материалами картотек), почти до середины XIX в.

И лишь в Большой картотеке Словарного отдела ИЛИ РАН (далее – БКСО) содержится ряд примеров употребления этого прилагательного. Самый ранний заимствован из «Статей о народной поэзии» В. Г. Белинского (1841). Несколько расширим приведенную в БКСО цитату, так как встречаем в тексте указанной работы одну из первых попыток семантизации интересующего нас слова: «Что такое *общечеловеческое*? Разумеется, то, что составляет общий интерес всех и каждого, то, что всех волнует, во всяком находит отзыв, служит невидимым рычагом деятельности всех и каждого... Это – любовь... Благо, истина, красота, долг, честь, слава, доблесть, знание, всё это – идеи, следовательно, всё это **общее** [возможно, здесь не обошлось без влияния немецкого *Allgemeinheit* – «всеобщее» – *А. В.*] [Белинский 1986: 352]. По-видимому, в приведенном контексте *общечеловеческое* функционирует как субстантив, но довольно скоро адъективизируется; по крайней мере, об этом свидетельствует ряд хронологически близких примеров, зафиксированных БКСО: «*общечеловеческая* черта» (Герцен А. И. Былое и думы. II, глава XVIII), «ничто *общечеловеческое* не может быть чуждым на русской земле» (Огарев Н. И. Разбор книги Корфа);

«общечеловеческая мудрость» (Чернышевский Н. Г. Что делать?) и некоторые другие.

Это прилагательное фигурирует и в названии брошюры середины XIX в.: «*Общечеловеческая истина, прорвавшаяся наконец в сей адски мятущейся мир через все в нем сатанинские инквизиции, или религия по разуму, разрушающая все 666 адски-суеверные христианства и сатанинское иудейство*»; комментатор указывает, что автор брошюры Ильин – основоположник иеговистов, который «хотел соединить все христианские веры и секты в единстве веры, но где же такое *общечеловеческое* вероучение?» [Буткевич 1910: 527, 554]. В БКСО также содержатся цитаты из произведений М. Горького: «*общечеловеческая культура*» (Ответ интеллигенту); «*общечеловеческие ценности культуры*» (Под красными знаменами; по-видимому, это первый из зафиксированных примеров употребления затем столь распространенного словосочетания). Прилагательное *общечеловеческий*, по данным картотеки, используется разными авторами в качестве атрибутивного компонента словосочетаний, например: «*общечеловеческая точка зрения*» (В. И. Ленин); «*общечеловеческие интересы*» (Н. К. Крупская); «*общечеловеческие культурные достижения*» (Н. Я. Марр); «американские войска в Корее не считаются с элементарными требованиями *общечеловеческой* морали, пускают в ход газы, напалмовые бомбы, бактериологическое оружие» (А. Я. Вышинский), «культура коммунизма... будет культура бесклассового общества, общенародная, *общечеловеческая*» (Программа КПСС). Отметим также, что при определенных условиях употребления это прилагательное – судя по приведенным примерам, мелиоративное, – было способно обретать негативную

окрашенность и становится отрицательно оценочным, ср. довольно серьёзную (по меркам того времени) инвективу: «Методология Веселовского, сложившаяся под влиянием позитивистской философии, грешила внеклассовой "*общечеловеческой*" точкой "зрения"» (Общественные науки. Очерки истории Ленинграда. Т. II. 1957).

В русской лексикографии советского периода прилагательное *общечеловеческий* толкуется почти единообразно: иллюстрации в словарях позволяют говорить о том, что оно несет, скорее, положительную оценку обозначаемого. В СУ: «*общечеловеческий* – книжн. свойственный всем людям, всему человечеству... "Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, – такова та *общечеловеческая* культура, к которой идет социализм" (Сталин)». В БАС₁ «*общечеловеческий* – 'относящийся ко всем людям, свойственный всем людям, всему человечеству'... "Поэт смотрит глубоко на жизнь и в каждом её явлении видит *общечеловеческую* сторону, которая затронет за живое сердце и будет понятна всякому времени" (Писарев). "С *общечеловеческой* точки зрения приговор палаты над Пановым есть прямая насмешка над правосудием" (Ленин)». Однако устойчивое словосочетание *общечеловеческие ценности* не регистрируется словарями доперестроечного периода; его активное использование началось во второй половине 80-х гг. XX в.

Например, один из разделов книги «известного советского ученого, публициста, профессора Ф. М. Бурлацкого» (так в аннотации) озаглавлен «Общечеловеческая ценность». Но из этого раздела читатель узнает лишь, что «проблема сохранения

всеобщего мира и недопущения катастрофического конфликта» поднялась «на уровень ценности номер один в любой иерархии международных ценностей, независимо от точки отсчета»; что «мир – это ценность, которая идёт рука об руку с социальным прогрессом»; что «руководство нашей страны имеет в виду категорию всеобщего мира, который понимается как *общечеловеческое* достояние, как абсолютная ценность в отличие от относительных ценностей, имеющих значение для отдельных государств, наций, социальных групп и неизбежно носящих поэтому более частный характер»; что «"новая система" международных отношений основана на приоритете *общечеловеческих* интересов и *ценностей* на принципах мира и сотрудничества» [Бурлацкий 1989: 137–139]. Любопытно, что цитируемому автору представилось необходимым даже «уточнить само понятие *мир*» [Бурлацкий 1989: 138], чтобы рассказать об «*общечеловеческой ценности*», но семантические очертания штампа так и остались нечеткими. Впрочем, возможно, что либо в этом состоял авторский замысел, либо творцам перестройки в тот момент еще приходилось избегать откровенного постулирования своих стратегических целей.

Известны и другие, позднейшие попытки толкования этого словесного блока. Так, указывалось, что «образование идет через усвоение *общечеловеческих ценностей*: 1. Человек и его здоровье. 2. Семья и общественное здоровье. 3. Труд и социальное здоровье. 4. Культура и историческое здоровье нации. 5. Отечество и духовное здоровье. 6. Земля и здоровье окружающей среды» [Казначеев 1999: 255]. Ср. иную «дешифровку»: «У всех она [культура] выполняет одни и те же функции, только по-разному. Это проявляется в единстве форм

жизнеустройства, единых социальных институтов (семья, государство и т. д.), в наличии *общечеловеческих ценностей*, норм поведения и запретов. Так, у всех народов существует уважение к труду, материнству, осуждение разрушительных действий, одобряется гостеприимство, смелость, мужество и самообладание. Этим объясняется общий характер нравственных заповедей, характерных для всех религий» [Иванова 2000: 18–19]. Трудно всё же сказать, учтены ли здесь догмы действительно *всех* религий. Кроме того, можно предположить, что атеисты оказываются таким образом чуть ли не совершенно исключены из числа носителей и приверженцев «*общечеловеческих ценностей*» (всё-таки ведь *общечеловеческих*, а не *общерелигиозных*).

Под *общечеловеческими ценностями* предлагают также понимать «исторически сложившуюся систему обобщенных оценочных представлений и отношений людей к важнейшим условиям их бытия, обеспечивающих их сохранение и прогрессивное развитие как представителей биологического вида и разумных социальных существ» [Карпенко 2001: 64], при этом «к основным правам и духовным ценностям человечества относятся: 1) право на жизнь, право на здоровье, 2) право на личную свободу, 3) право на труд, право на личную собственность; 4) право на познание, право на информацию; 5) право на общение, право на индивидуальность; 6) право на творчество, право на всестороннее развитие... никто не может лишить индивида его основных прав, не посягая тем самым на важнейшие условия сохранения и развития всего человеческого рода» [Карпенко 2001: 64–65]. Однако непонятно, каким образом гарантируется реализация

декларированных прав, примеры же их несоблюдения слишком многочисленны и хорошо известны.

Примечательно, что и создатели новейших лексикографических изданий, иллюстрирующих изменения в словарном составе русского языка конца XX столетия, (например, [ТССРЯ 2001], [ТСРЯ 2007]) вообще не приводят это словосочетание, несмотря на его несомненно высокую частотность в текстах описываемого периода. Вряд ли это следует считать случайным упущением. Скорее всего, поиски адекватной семантизации словосочетания оказались малорезультативными.

Фразеологизм *общечеловеческие ценности* занимает достойное место в ряду подобных ему лексических мифогенов, вроде *мировое сообщество, равноправное партнерство, цивилизованные государства* и т. д. Его семантика и коннотации весьма неопределенны, причем настолько, что словосочетание вполне органично вписывается в пропагандистские инструментариумы совершенно разных и даже противостоящих друг другу идеологических систем: от революционно-демократического просветительства и марксизма-ленинизма – до сегодняшнего неолиберализма. Если в одном случае *общечеловеческие ценности* – словесное воплощение декларируемой высшей человечности, достижимой при условии победы эксплуатируемого социального класса над своим антагонистом, то в другом – это символ постулируемого приоритета якобы внеклассовых (надклассовых?) интересов, а также удачное обоснование пренебрежения интересами какого-то определенного государства (за исключением, конечно, тех, которые успели провозгласить себя оплотом *общечеловеческих*

ценностей). В обоих описываемых случаях это сочетание выступает как одно из ключевых, причем его фетишизации вовсе не препятствует семантическая диффузность – черта, характерная и, вероятно, даже обязательная для элементов игры в слова – вербальной магии.

Заметим также, что сегодняшнее смысловое наполнение рассматриваемого словосочетания нередко заставляет вспомнить один из возможных вариантов его толкования, предложенный воображаемым собеседником В. Г. Белинского: «Что такое *общечеловеческое*? Разумеется, то, что составляет общий интерес всех и каждого, то, что всех волнует, во всяком находит отзыв, служит невидимым рычагом деятельности всех и каждого. “Стало быть – деньги! – воскликнет иной читатель. – Чему же другому и быть!” Не спорим с теми, кто уже так глубок в этом убеждении, что его нельзя переспорить» [Белинский 1986: 352]. Любопытно сопоставить с этой интерпретацией ироническое осмысление жаргонизма *лэвэ* (также *лавэ* – вероятно, от цыганского *лове* – «деньги» [Демертер, Демертер 1990: 96]) как сокращения словосочетания, аксиологически близкого анализируемому, в диалоге персонажей современного автора: «А ты не знаешь случайно, откуда это слово взялось – “лэвэ”? Мои чечены говорят, что его и на Аравийском полуострове понимают. Даже в английском языке что-то похожее есть... – Это от латинских букв “L” и “V”. Аббревиатура “liberal values” [англ. «либеральные ценности» – *A. B.*] [Пелевин 1999: 23].

Кстати, этот литературный диалог по сути своей не столь уж гротесково-ироничен, как может показаться. Надо лишь вспомнить суждения популярного

перестроечного публициста (чуть ранее – главного идеолога КПСС): «Рынок есть священная и неприкосновенная частная собственность. Она, если угодно, самоцель, абсолютная *общечеловеческая ценность*» (цит. по [Кара-Мурза 2002: 429]).

Кроме того, давно уже было замечено, что операции по внедрению *общечеловеческих ценностей* на чужих территориях – операции, весьма выгодные с коммерческой точки зрения: «...**Развитие цивилизации** с точки зрения культуртрегеров должно совершиться **на чужой счет**; за обучение врагов цивилизации добру, истине и красоте **и учителям должно перепадать кое-что в виде материального богатства или менее вещественных удовлетворений, сопряженных с властью**... То, что вы называете *общечеловеческим*, есть только ваше; оно еще не обязательно для всех, но **вы хотите** его сделать таким, **получить за это плату и сверх того сохранить убеждение, что даром потрудились на благо человечеству**» [Потебня 1976в: 278]. Подобное можно наблюдать на многих примерах российского перестроечно-реформаторского периода.

Итак, «хотя большинство философских концепций настаивает на *общечеловеческом* характере норм... по данным языковой картины мира этические законы не универсальны» [Орлова 2000: 51]. Более того: доказано, что для сложных информационных самообучающихся систем (будь то человек, или народ, или государство) просто не может существовать «общечеловеческих» законов [Расторгуев 2003: 199]. «Не существует абсолютных *общечеловеческих ценностей*, ибо ценности – часть культуры и являются исторически обусловленными. Они всегда относительны и всегда

признаются именно в данной культуре» [Кара-Мурза 2002: 430]. Поэтому следует учитывать, что «в политизированном западноевропейском мире, ментальность которого сегодня пытаются выдать за *“общечеловеческие ценности”* (враждебность такой подмены понятий русскому самосознанию впервые четко определили еще евразийцы в 1920-е гг.), роль отдельной личности выпячена в ущерб совместным интересам всего сообщества, в ущерб общности, общины, соборности. Значение рационально отмеренного “разума” повышается в ущерб единому людям духовному уровню общения. *В этом и заключается различие между Западной и Восточной культурой*» [Колесов 1999: 148–149] (ср.: «В западном человеке нет братского начала, а, напротив, начало единичное, личное, непрерывно обособляющееся, требующее с мечом в руке своих прав» [Достоевский 1956, 4: 108]).

Вряд ли, даже в перспективе, была бы возможной эволюционно-бесконфликтная конвергенция этих культур: ведь, в конечном счете, западный мир считает **свои** ценности *общечеловеческими* и, соответственно, себя – их единственным правомочным обладателем. Конечно, такая позиция «цивилизованных государств» сформировалась отнюдь не сегодня. Например, комментируя современного ему немецкого автора, А. А. Потебня писал: «Странность взглядов Рюдигера объясняется тем, что его “цивилизация” как *общечеловеческое* начало есть в действительности цивилизация с точки зрения **немецкой** национальной идеи... В сущности, Рюдигер говорит: благо, если “свое” хорошо, как у немцев; тогда его охранение и развитие закономерно. Но у славян “свое” дурно, и поэтому любовь к нему и ее последствия суть преступления против

человечества. Но кто сказал, что "свое" у немцев хорошо и что оно **должно** стать *общечеловеческим*? ...Сами же носители немецкой национальной идеи, которые хотят быть судьями в своем деле и выдают личную мерку за абсолютную» [Потебня 1976в: 278].

Великий русский писатель, весьма иронично относившийся и к «новой истории», и к «новейшим историкам» (сегодня их назвали бы «*евроцентристами*»), отмечал, в частности: «...Новая история поставила свои цели – блага французского, германского, английского и, в самом своем высшем отвлечении, цели блага всего человечества, под которым разумеются обыкновенно народы, занимающие маленький северо-западный уголок большого материка» [Толстой 1981, VII: 310]. Таким образом, «блага» якобы «всего человечества» (вариант – *общечеловеческие ценности*) суть исключительная собственность Запада. Вспомним, между прочим, что именно и с каким конечным результатом внедрялось еще в XVIII в. в сознание многих русских, причем под маркой *общечеловеческой культуры*: западноевропейская «просветительная философия», «обличительный вольтеровский смех», «европейская цивилизация», «французское влияние», «западноевропейское» и «французское просвещение» и т. п. [Ключевский 1990, IX: 33–41]. Перечень этот подытоживается следующим образом: «*Общечеловеческая культура*, приносимая иноземным влиянием, воспринималась так, что не просветляла, а потемняла понимание родной действительности, непонимание сменялось равнодушием к ней, продолжалось пренебрежением и завершалось ненавистью или презрением. Люди считали несчастьем быть русскими и, подобно Иванушке Фонвизина, утешались только мыслью, что хотя тела их родились в

России, но души принадлежали короне французской» [Ключевский 1990, IX: 37–38]. Приблизительно подобный, если не совершенно идентичный эффект, очевидно, призваны произвести (а на кого-то уже произвели) магнетически притягательные *общечеловеческие ценности*.

Что же в таком случае представляют собой *общечеловеческие ценности* применительно к российским реалиям? Несомненно, всего лишь пропагандистский штамп без какого-либо определённого семантического наполнения. Такие лексико-фразеологические элементы – семантические пустышки – именуют по-разному: «лексические фантомы» (Б. Ю. Норман), «слова-амебы» (С. Г. Кара-Мурза), «симулякры» (Л. Н. Синельникова), «слова-мифогены» (А. Д. Васильев) и т. д. Их главное предназначение – имитация действительности при манипулировании общественным и индивидуальным сознанием. Слова-мифогены обычно символичны, играют роль неких сигналов, ключевых для формирования т. н. «общественного мнения».

Казалось бы, пик навязчивой популяризации *общечеловеческих ценностей* остался в прошлом.

Но *общечеловеческие ценности* по-прежнему особенно милы некоторым «россиянам». Например, А. Тоторкулов, занимающий высокую должность председателя исполкома некоего «Российского конгресса народов Кавказа», заявляет: «Национальные традиции – это не преграда. Есть *общечеловеческие ценности*, которые присущи и кавказцам, и русским, и другим россиянам... **Мы не чувствуем**, что мы где-то на чужбине, **что надо привыкать к какой-то чужой**

культуре, живем общечеловеческими ценностями», хотя и «**бывает** так, что молодые кавказцы, уезжая из дома, не берут с собой те принципы поведения, которые, считается, должны быть впитаны ими с молоком матери: уважение к старшим, к женщине...» [Новосёлова 2010: 4] (иными словами, «принципы поведения» – по-видимому, проистекающие из *общечеловеческих ценностей* – вовсе не обязательно использовать в контактах с аборигенами, которые (кажется) составляют пока большинство населения территорий, в качестве кормовой базы тем или иным образом осваиваемых кавказцами).

Эпигоны и динозавры перестроечных ристалищ сегодня пытаются реанимировать мифоген, почти совсем забытый широкой аудиторией (впрочем, может быть, именно поэтому: увы, память людей бывает коротка, как кольчужка русского героя, погибшего от предательского удара в советском фильме «Александр Невский», а потому беззащитна перед словесными играми манипуляторов. К тому же за два десятилетия подросло новое поколение, еще не обжегшееся на вербальной эквилибристике политических краснобаев). Ср.: «В Санкт-Петербурге собрались эсеры [члены партии «Справедливая Россия»], а также Даниил Гранин [и другие], чтобы создать некий орган, который будет продвигать через СМИ *общечеловеческие ценности*» [24. Реп-ТВ. 22.04.08]. Кажется, голливудскую самоповторяющуюся кинопродукцию, изготавливаемую в подобной манере, называют не то «римейк», не то «сиквел»...

Заграничные истины: свободный мир VS тюрьма народов

*Под видом заграничной истины
мы беспомощно получаем от
своих
поставщиков-производителей
чистую ложь или озорство
совершенно домашнего
кустарного изделия.*

В. О. Ключевский

*Любит русский человек
побранить собственное
отечество. И то ему, видите ли,
в России плохо, и это не
нравится. А вот, дескать, в
Европе всё здорово. А что
здорово – он и сам не знает.*

М. М. Зощенко

Политическая метафорика

Политический язык может быть разноаспектно определен как «особая подсистема национального языка, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2003: 11]. В иной системе научных координат

(при понимании дискурса как одной из составляющих семиотического процесса) политический дискурс считают разновидностью идеологического дискурса [Базылев 2005: 13]. И в том, и в другом случае реализация языковых ресурсов целенаправленна: она подчинена распространению и утверждению в общественном сознании неких идей, идеологических систем. Несомненно, что усилия их создателей и распространителей достигают большего пропагандистского (манипулятивного) эффекта при условии привлекательной словесной упаковки продукции, т. е. при надлежащем вербальном оформлении, в котором, естественно, используются образные средства языка – тропы, позволяющие не только воздействовать на интеллект объекта (аудитории), но и, что, может быть, еще важнее, стимулировать динамику его эмоций в направлении, необходимом манипулятору. Среди таких тропов особое место издавна принадлежит метафоре; полагают, что «метафоричность – один из важнейших признаков современной агитационно-политической речи» [Чудинов 2003: 7].

Недаром ведь (возможно, и не даром) те, кто пришел к власти в СССР в 1985 г., «вбросили в сознание [социума] целый букет метафор и просто подавили на время [а его тактически надо было непременно выиграть. – А. В.] способность к здравому мышлению – всех **заворожили** [вербальная магия – А. В.]. “Наш общий европейский дом”, “архитекторы перестройки”, “нельзя быть немножко беременной”, “пропасть не перепрыгнуть в два прыжка”, “столбовая дорога цивилизации”, “коней на переправе не меняют” и т. д. И хотя всё это товар с гнильцой, плотность бомбардировки была такой, что основная часть общества была

подавлена» [Кара-Мурза 2002: 129]. Случилось это и потому, что традиционные лозунги утратили свою привлекательность, и из-за несоответствия реального бытия общества их пафосу, и потому, что новые казались свежими и необычными, и еще по ряду причин... В общем, арсенал метафор демократов-перестройщиков сыграл свою роль в переориентации аксиологических установок социума.

Ведь «метафоры – это готовые штампы мышления, но штампы эстетически привлекательные. Это – выраженные художественно стереотипы» [Кара-Мурза 2002: 135]. Ср. определение последнего понятия в одном из недавних исследований: «Стереотип – это упрощенный и эмоционально окрашенный шаблон, используемый человеком в случаях нехватки феноменологического опыта взаимодействия с каким-либо объектом или явлением и приобретаемый им посредством языка» [Косяков 2009: 3]. Иначе говоря, навязанный вербально выраженный стереотип представляет собой некий суррогат подлинного, непосредственного познания действительности, да и ее самой – тоже.

«...Метафора обладает мощным коннотативным ореолом: семы эмотивности, яркая внутренняя форма, образность – всё это дает разнообразные дополнительные приращения смысла и влияет на восприятие текста адресатом» [Чудинов 2003: 48].

Многие из вышеупомянутых метафор-агиток были заимствованы из зарубежных источников, в чем, конечно, «прорабы перестройки» никоим образом не признавались. Так, фразу «нельзя быть немножко беременной» приписывают американскому экономисту Л.

Хендерсону, советнику президента Ф. Д. Рузвельта, а также самому этому президенту [Душенко 2006: 504]; ср. более позднее употребление: «Как-то я прочел в рецензии на какую-то книгу, автора рецензии я, увы, назвать не могу, поскольку забыл его фамилию: “Нельзя быть *немножко* беременной...” [Бёлль 1990, 2: 674]. Авторство сентенции «Нет ничего опаснее, чем пытаться преодолеть пропасть в два прыжка» приписывают британскому политику Д. Ллойд-Джорджу [Душенко 2006: 271], а создателем словосочетания *человеческий фактор*, ставшего в русскоязычном употреблении чрезвычайно распространенным по инициативе «лучшего немца», считают британского экономиста Б. Сибоба [Душенко 2006: 428], и т. д. Кстати, последний штамп сохраняет популярность и по сию пору не только в сочинениях некоторых российских лингвистов, упорно ищущих, обнаруживающих и исследующих «человеческий фактор в языке», но и в дискурсе российских СМИ, где под «человеческим фактором» теперь подразумевают обычно разгильдяйство, халатность, некомпетентность, дилетантизм и прочие проявления непрофессионализма, т. е. исполнения должностных обязанностей ненадлежащим образом. Это происходит обычно при невозможности или нежелании персонифицировать виновных в т. н. техногенных катастрофах, авариях, в малоэффективном предупреждении природных катаклизмов или ликвидации их последствий и т. п. (впрочем, по отношению к политикам, руководителям и прочим пролетариям умственного труда, радетелям за счастье народное, этот штамп, кажется, не применялся еще ни разу; это можно объяснить по-разному).

Вспомним также, что и политическая риторика того периода международных отношений, который (опять же с подачи американских политиков и публицистов [Душенко 2006: 38]) получил название *холодная война*, тоже была весьма насыщена метафорами. Например, известнейший *железный занавес*, запущенный и опущенный в 1946 г. У. Черчиллем; выражение это, впрочем, использовалось в значении «политическая или военная изоляция страны» уже во время Первой мировой войны, а в 1919 г. Ж. Клемансо заявил: «Мы желаем поставить вокруг большевизма железный занавес, чтобы не дать разрушить цивилизованную Европу». Затем другой цивилизатор, Й. Геббельс, в статье, опубликованной в феврале 1945 г., предупреждал, что если Германия проиграет войну, то СССР отгородит Восточную и Юго-Восточную Европу от остального мира «железным занавесом» [Душенко 2006: 520–521]. Почти тот же набор примеров употребления этого выражения приводился и ранее [Ашукин 1986: 216]; указывалась также его этимология («железный занавес, отделяющий в противопожарных целях театральную сцену и примыкающие к ней помещения от зрительного зала, впервые был применен во Франции – в Лионе в конце 80-х – начале 90-х годов XVIII в. В течение последующего столетия эта мера предосторожности стала повсеместно обязательной при постройке театральных зданий» [там же]) и упоминалось, что «в советской публицистике этим выражением обозначают попытки реакционных кругов капиталистических государств помешать распространению правды о Советском Союзе и странах социалистического лагеря» [там же].

Жесткое идеологическое противостояние двух систем может быть представлено воплощением универсальной семиотической оппозиции *свое/чужое = хорошее/плохое*, причем всё, понимаемое как *свое*, оценивается безусловно положительно, а квалифицируемое как *чужое* – столь же безусловно отрицательно. Ср.: «**Всё**, что ведет к установлению на земле Советской власти, – хорошо, – проговорил Шельга, – **всё**, что мешает, – плохо» [Толстой 1986: 347]. – «Может быть, это сукин сын, но это наш сукин сын» (так будто бы отозвался американский президент Ф. Д. Рузвельт о никарагуанском диктаторе А. Сомосе).

В перестроечной пропаганде была произведена взаимозамена ориентиров. «В большинстве СМИ, включая партийные журналы типа “Диалог”, подвергались сомнению основные мировоззренческие позиции, защищавшиеся идеологически и психологически на протяжении предыдущих десятилетий. Прежде всего, было подвергнуто сомнению понятие “плановой экономики”. Ему противопоставлялось понятие “рыночное общество”. Плановое общество получило ярлык “тоталитарного”, а рыночное – “свободного”. Позже “свободное” общество обрело множество дополнительных коннотаций типа “цивилизованное”, “демократическое” и даже “справедливое”, так как в нем самые способные (особенно деятели шоу-бизнеса) имеют максимум доходов. Оппозиции “занятость – безработица”, “бесплатная медицина – платная”, “бесплатное жилье – платное”, “интернационализм – национализм” были подвергнуты инверсии» [Лобас 2009: 77–78], совершенно иррациональной, казалось бы, но именно иррациональные модели мышления и поведения

были пропагандистски успешно внедрены в сознание общества.

Абсолютизация же достоинств «своего» и ущербности «чужого» получала в ходе «борьбы миров» различные метафорические экспликации. Механизмы их воздействия на сознание могут быть описаны, например, следующим образом: манипулятивная «функция метафоры реализуется в создании некоего представления о действительности, которое нужно политику-оратору и которое, чаще всего, кардинально отличается от реального положения вещей в мире. Таким образом, оратор “манипулирует” представлениями реципиента, как бы “переконцептуализируя” политическую реальность. Метафора в данном случае позволяет выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым, либо, наоборот, отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий и пр. ...Метафора предстает не только средством познания социальной реальности, но и сильным социальным орудием навязывания идеологии» [Керимов 2007: 66].

Подобные феномены могут быть наглядно проиллюстрированы на примере внедрения в сознание советско-российского социума двух антонимичных (и при этом – комплементарных) импортных метафор: *свободный мир* и *тюрьма народов*.

Свободный мир

*Калибан: Свобода, эгей! Эгей,
свобода! Свобода, эгей!
Свобода!*

У. Шекспир

Никак я не мог понять, чем отличить кадета от народного социалиста, трудовика от анархиста, и изо всех речей оставалось в памяти только одно слово: «Свобода... свобода... свобода...»

А. Гайдар

Понятие *свобода* – одно из тех, что неизменно актуальны на протяжении всей истории человеческого общества и в силу этого столь же неизменно притягательны для разноаспектного осмысления и изучения представителями различных гуманитарных наук.

Приведем в качестве примера данные недавнего исследования, посвященного раскрытию национальной специфики бытования концепта *свободная страна* (насколько именно такой концепт можно вычленить вообще – это, конечно, тема отдельного обсуждения) в русском, немецком и американском когнитивном сознании (правда, здесь не объясняется, что такое *не когнитивное сознание*): автор исходит из того, что «в отличие от многих идиом *свободная страна* явно имеет смысл, который можно объективировать, а следовательно, извлечь» [Онищенко 2009: 91] (опять же, насколько это словосочетание идиоматично – уже другой вопрос: скорее, надо было бы, наверное, говорить о фразеологизированном идеологическом стереотипе). В результате тщательного анализа с применением взаимодополняющих методик получены довольно интересные результаты: «Для русского языка наиболее частотными лексическими объективациями концепта являются: *независимая, суверенность, демократия,*

богатая, сильная, счастливая, благополучная, справедливая, забота о гражданах, США, Россия... Для американского концепта – это: *the USA, Canada, England, democracy, republic, liberty, freedom...* Для немецкого концепта: *Demokratie, Deutschland, Schweden, Meiningsfreiheit*^[24]...» [Онищенко 2009: 92–93]. При рассмотрении полевой организации концепта, состоящей из ядра и периферий, выясняется, что в ядре русского концепта – «это США» (0,49), «является независимой» (0,49), а в ближней периферии – «наличие демократии» (0,39), «это Россия» (0,37); в энциклопедическом поле русского концепта: «это США» (2,07 %), «это Россия» (1,61 %); в ядре концепта *a free country* – «это США» (0,66 %), «наличие демократии»; в идентификационной зоне – «это США» (3,29 %), «противопоставлена коммунизму» (1,23 %); в ядре немецкого концепта *ein freies Land*: «наличие демократии» (0,81), «это Германия» (0,59) [Онищенко 2009: 93–96]. Резюмируя: «Самым ярким идентификационным признаком русского концепта является признак «"это США" (0,49), т. е. типичным примером *свободной страны* для каждого второго российского испытуемого являются США» [Онищенко 2009: 98]. Автор, однако, не особенно углубляется в поиски возможного объяснения такого впечатляющего результата («различие заключается... в степени близости исследуемого явления испытуемым: в американском и немецком национальном сознании "свободная страна – это моя страна" (США и Германия соответственно). В русском же национальном сознании "свободная страна – это США" – прежде всего – и только потом (для значительно меньшего числа людей) Россия»

²⁴ *Meiningsfreiheit* (нем.) – свобода слова. – Прим. ред.

[Онищенко 2009: 101]), ограничиваясь лишь замечаниями о том, что «США позиционируют себя как страна (равных) возможностей» [там же] и о том, что «в отдельных государствах [выходит, и в России тоже! – А. В.] складывается мнение о России как о несвободной стране» [Онищенко 2009: 102].

Между тем, было бы совершенно нелишним попытаться выяснить хотя бы наиболее вероятные причины, обусловившие такие представления о степени свободы/несвободы собственной страны, которые прочно сложились в сознании «уважаемых россиян».

Говоря о предпосылках, позволивших осуществить в 1980–90-х гг. в СССР «революцию сверху» и ее перестроечный этап без насилия (точнее, **почти** без вооруженного насилия) и без явного столкновения крупных социальных сил, называют отрыв сознания советских граждан от здравого смысла и житейской мудрости. «Поколения, создавшие советский строй, определили главный критерий выбора – *сокращение страданий*... Ради этого были понесены большие жертвы, но уже с 60-х гг. возникло стабильное и нарастающее благополучие... В ходе перестройки ее идеологи убедили политически активную часть общества изменить выбор – пойти по пути *увеличения наслаждений* и пренебречь опасностью массовых страданий... Как пример успешного продвижения по пути *увеличения наслаждений* идеологи перестройки дали советским людям Запад, представленный **светлым мифом**. Активная часть населения приняла этот пример за образец, оценив собственное жизнеустройство как недостойное (“так жить нельзя!”)... Воздействие на массовое сознание было столь эффективным, что образ Запада к концу 80-х гг. стал поистине **вожделенным**... Такая массовая зависть к

идеализированному образу “чужого дома” с самоотрицанием своего дома – признак разрыва со здравым смыслом. При ее внедрении в политическую практику она неизбежно должна была повести к национальной катастрофе» [Кара-Мурза 2002: 327–330]. Это и не замедлило случиться. Таким образом на совершенно конкретном примере были продемонстрированы реальные последствия взаимной замены компонентов универсальной семиотической оппозиции *свое/чужое* (в других модификациях также *хорошее/плохое, сакральное/профанное* и т. д.), т. е. *свое* стало восприниматься как *плохое*, и, напротив, *чужое* – как *хорошее*.

Такое стало возможным в том числе и потому, что *архитекторы и прорабы перестройки*, взяв на вооружение «светлый миф о Западе», растиражировали и внушили его послушной и не в меру доверчивой аудитории. Им даже не пришлось что-либо изобретать: этот миф задолго до перестройки был сконструирован их старшими зарубежными партнерами и активно транслировался всеми доступными способами в форме представления о Западе как о *свободном мире*.

По свидетельству американского социолога С. Нирина, «термин *свободный мир* выбрали, завизировали и пустили в обиход люди, утверждающие, что свобода – не просто благо, а высшее, главное благо. В поисках лозунга, который стал бы аксиомой и саморекламой, современные западные лидеры перебрали целый ряд эпитетов. как-то: *цивилизованный*^[25], *христианский*,

²⁵ Интересно, что в российском официозе ссылки на опыт неких «цивилизованных государств» (без объяснений, что это такое и насколько возможно государство, *не цивилизованное вообще*) постоянно присутствуют по сей день. Особенно часто это случается при объявлении новых «непопулярных мер» (то есть в очередной

западный, отвергнув их по причине неэффективности и неубедительности. Они остановились на слове *свободный*, услышав в его звучании самый вдохновенный, всеобъемлющий и убедительный панегирик западному образу жизни» [Нириг 1966: 75–76]. Ведь «концепция свободы играет главную теоретическую и политическую роль в формировании взглядов, в пропаганде той или иной политики... Свобода – это возможность осуществить выбор, принять решение и воплотить его в жизнь без принуждения и самостоятельно...» [Нириг 1966: 15]. Но «свобода осуществления личных стремлений за счет общественных способна подорвать общественное благополучие и составить угрозу самой его основе. Осуществление личных целей, доведенное до крайнего противоречия с целями общественными, ослабляет, раскалывает и, возможно, даже приводит коллектив к гибели... Свобода хозяина эксплуатировать подчиненных по-прежнему составляет основу внутренних взаимоотношений в любом обществе частной инициативы... Свобода – само по себе несовершенное понятие, оно нуждается в конкретизации...» [Нириг 1966: 18, 34, 37]. Конечно, об этих прелестях *свободного мира* – как оборотной стороне свободы и ее неперемennых условиях – советской аудитории перестройщиками благоразумно не сообщалось (как и сегодня – российской, которая, впрочем, уже смогла насладиться некоторой сопричастностью к «свободному миру»). Очевидно,

раз снижающих и без того невысокий уровень благосостояния большинства населения). Опыт перестроечно-реформаторских новаций, кажется, не включает в себя тех мер, которые можно было бы именовать «популярными» – если таковые и предлагаются кем-то, то немедленно получают ярлык «популистских» (читай: плохих).

потому так живучи внесенные до и во время перестройки стереотипы, обнаруживающиеся подчас и в научных трудах лингвистов, у которых Америка ассоциируется прежде всего не только с материальным благополучием, но и свободой, возможностью реализации творческого потенциала личности [Мазнева 2002: 96]; по мнению другой ученой, «в США... на первое место ставится отношение к человеческой личности как к высшей ценности» [Шляхтина 2008б: 94]; да и вообще, «для формирования взрослой культурной среды в стране [России]... нужно административное принуждение... Необходимо внедрять этикет внешнего вида и поведения на службе, ставить контролеров в офисах, как в Америке» [Стернин 2000: 165] (ср. пресловутые *дресс-код*, *фэйс-контроль* и т. п.). Таковы плоды идеологического просвещения. Что-то вроде: «Они говорили... о том, сколько доходу у гусара Подхаржевского, которого никто из них не знал лично, и радовались, что у него много доходу» [Достоевский 1956, 4: 199]...

Конечно, успех предприятия перестройщиков был обеспечен в том числе и тем, что Советский Союз представлял собой четко централизованное государство, населённое дисциплинированными подданными, и тем, что его правители сумели использовать это при «перестройке». Закономерно, что впоследствии один из главных ее исполнителей (уже будучи в отставке за ненужностью), объясняя задним числом свою деструктивную политику (объясняя, впрочем, для благодарной зарубежной аудитории), тоже оперировал понятием «свобода» как символом-концептом: «Целью **всей** моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми... Путь народов к

действительной свободе труден и долг, но он обязательно будет успешным. Только для этого весь мир должен **освободиться** от коммунизма» (Горбачёв: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма» // Отечественные записки. – № 15. 19.08.10. – С. 16).

Понятие *свобода* концептуально весьма содержательно, а потому его вербальные воплощения усердно и успешно применяются в спекулятивно-пропагандистских операциях. В частности, «в демократическую эпоху кому-то в целях манипуляции сознанием плохо думающей публики потребовалось выдвинуть тезис о свободе слова. Но сегодня-то всякому человеку хорошо известно, что нынешний тоталитаризм СМИ похлеще советского» [Аннушкин 2009: 177]. Ведь априорно понятно, что «с точки зрения семантики “свобода слова” – это оксюморон, сочетание того, что изначально не сочетается. Идеологическое слово по природе своей не может быть свободным» [Коньков 2009: 89]. Так и слово *демократия* (зачастую как бы подверстываемое к слову *свобода*, что может основываться в том числе и на некоторой общности семантических компонентов^[26]) тоже является традиционно востребованным в словесном обеспечении политических затей – как в глобальном масштабе, когда агрессия в целях овладения природными ресурсами ведётся под предлогом осчастливить кого-нибудь демократией, так и во внутригосударственном

²⁶ Ср.: «*демократия* – 1) форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и **свобод**»; «*буржуазная демократия* – форма государственной организации, при которой формальное равенство политических прав и **свобод** всех граждан прикрывает собой господство буржуазии над трудящимися» [МАС₂ 1981, 1: 385].

применении (и действительно, «демократия куда лучше, чем диктатура, если только парламентское большинство на нашей стороне» [Бёлль 1990, 2: 632]).

Собственно, гипертрофированно позитивная оценка Запада (например, в лице США) и, скажем так, не самая позитивная – России, известна сегодня и по публикациям, например, Л. Радзиховского в «Российской газете», учредителем которой является правительство Российской Федерации (см. [Палочкин 2006]).

Итак, эталон *свободной страны* обнаружен: он присутствует, как и следовало ожидать, в *свободном мире*. Оказывается, однако, что «когнитивный образ концепта [*свободная страна*] в русском, американском и немецком национальном сознании имеет общий признак – *свободная страна не похожа на тюрьму*» [Онищенко 2009: 98]. Такая антитеза вовсе не случайна.

Тюрьма народов

*...неприлично было бы
забывать о громадном значении
национального вопроса; –
особенно в такой стране,
которую справедливо называют
«тюрьмой народов»...*

**Ленин. О национальной
гордости великороссов
[МАС₂ 1984, 4: 435]**

Небезынтересно теперь попытаться установить, каков определенный новейшими идеологами статус нашего многострадального и долготерпеливого Отечества.

Вполне возможно, что этот статус (точнее, идеолого-пропагандистский его стереотип) имеет довольно солидную биографию и тоже оказался выражен метафорически, а именно – *тюрьма народов*.

Наиболее вероятный исторический источник этой метафоры – сочинение француза А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (эту книгу А. И. Герцен назвал «самой занимательной и умной книгой, написанной о России иностранцем» – цит. по [Ашукин, Ашукина 1986: 643]). Там говорится, в частности: «Империя эта при всей своей необъятности – не что иное, как *тюрьма*, ключ от которой в руках у императора... Жизнь *тюремщика* всегда представлялась мне столь похожей на жизнь узника... Обратите внимание на то, что в русском языке слово «*тюрьма*» означает нечто большее, чем в других языках [то ли дело – Бастилия или Тауэр! – А. В.]. Дрожь пробирает, как подумаешь обо всех тех жутких подземельях, которые в стране этой, где всякий с рождения учится не болтать лишнего, скрыты от нашего сочувствия за стеной вымуштрованного молчания» [Кюстин 1996, 1: 251]; «... Я вынес наконец суждение о Николае I... Это человек с твердым характером и непреклонной волей, – без этих качеств невозможно стать *тюремщиком* третьей части земного шара...» [Кюстин 1996, 2: 23].

Позднейший комментатор справедливо замечает, что А. де Кюстин говорил не о международных отношениях, не об угнетении метрополией нерусских народов, но о равно незавидном положении **всех** народов, находящихся под властью императора, «об отсутствии в России гражданского общества (и просто независимого общественного мнения), способного противостоять воле монарха, который по своей

необъятной власти почти равен азиатскому владыке... Позже это выражение переосмыслил В. И. Ленин, который сделал упор на угнетении нерусских народов в России. Например: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной... мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы... "обывателей" стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть "*тюрьма народов*"» (статья «К вопросу о национальной политике» цит. по [Серов Словарь]).

Действительно, В. И. Ленин немало поспособствовал тому, чтобы «окрылить» инвективную (у него – именно по отношению к русским) метафору: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; – особенно в такой стране, которую **справедливо** называют "*тюрьмой народов*"» [Ленин 1976: 145] (кстати, цитируемый автор повод для «национальной гордости» находит прежде всего в том, что «великорусская нация **тоже** создала революционный класс» [Ленин 1976: 146]). Отношение вождя мирового пролетариата к русским совершенно недвусмысленно в контексте этой хрестоматийно-знаменитой статьи: «А экономическое процветание и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от **насилия великороссов над другими народами**» [Ленин 1976: 147]. – «...Необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения **всех угнетенных великороссами наций**» [Ленин 1976:

148]. Ср.: «Среди **угнетенных народов России** вспыхнуло освободительное национальное движение... Например, **мусульмане**, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали тогда – это была вообще эпоха колоссального роста различных организаций – мусульманский союз... **Евреи** доставляли особенно высокий процент (по сравнению с общей численностью еврейского населения) вождей революционного движения. И **теперь** евреи имеют, кстати сказать, ту заслугу, что они дают относительно высокий процент представителей интернационалистского течения по сравнению с другими народами» [Ленин 1976: 174–175]. Таким образом, **всем** – без исключения – великороссам, т. е. русским, отведена роль тюремщиков («угнетателей»), остальные же являются заключенными («угнетенными»). Неудивительно, что зачастую само авторство крылатой метафоры ошибочно приписывается В. И. Ленину, а также и то, что она якобы характеризует «царскую Россию с ее политикой **угнетения нерусских народностей**» [Ашукин, Ашукина 1986: 643].

Следует сказать, что среди радикальных (а может быть, и не только радикальных?) российских революционеров не одни лишь большевики-ленинцы охотно тиражировали пропагандистский штамп «Россия – *тюрьма* [нерусских] *народов*» (иногда – с некоторыми вариациями в словесном оформлении). Когда-то временные союзники большевиков, а затем их противники, социалисты-революционеры (эсеры) тоже не упускали случая использовать эту, с их точки зрения, неубиенную карту (точнее, может быть, идеологическую дубину, оглушившую очень многих). Так, один из бывших основателей, предводителей и идеологов эсеров В. М.

Чернов даже спустя многие годы после революции, находясь в эмиграции, в мемуарах продолжал утверждать: «Россия была при старом режиме "*темницею народов*", и революция разбудила ее узников – т. н. "негосударственные национальности"» [Чернов 1991: 353]. Впрочем, такая позиция тоже неудивительна, если принять во внимание высокоинтернациональный состав этой партии, особенно – ее верхушки (см. [Чернов 1991: 337–339, 340, 343 и др.]), к которой долгое время принадлежал и Е. Ф. Азеф.

Стоит заметить, что книга «Россия в 1839 году» издавалась на русском языке – в Москве – по крайней мере трижды: в 1930, а также в 1990 и 1996 гг.: очевидно, творцы идеологических стереотипов в каждый из указанных периодов были уверены в сугубой целесообразности широкой публикации этого сочинения как аргументированного оправдания своего отношения к России и русским, а следовательно – и теоретического обоснования соответствующей политики, в том числе – кадровой.

В то же время чрезвычайно широкому тиражированию метафоры *тюрьма народов*, несомненно, способствовало преподавание в советских вузах одной из т. н. общественных наук, которая сначала именовалась «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» («История ВКП(б)»), а затем – «История Коммунистической партии Советского Союза» («История КПСС»). Обязательность прочного усвоения этой во многих отношениях интересной учебной дисциплины подразумевала, между прочим, и неременное знакомство (в том числе в форме тщательного конспектирования) с трудами основоположников марксизма-ленинизма, компартийными документами и,

естественно, с текстами соответствующих учебников. Обратимся к исходным позициям хотя бы двух из них.

«Царская Россия была *тюрьмой народов*. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно неправы, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные [!] народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально “инородцами”, воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье. В национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники. ...Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов» [История ВКП(б) 1953: 6].

«Царская Россия была *тюрьмой народов*. Нерусские народы, составлявшие 57 процентов населения, были совершенно неправы, подвергались хищнической эксплуатации, терпели унижения и оскорбления. Царские чиновники творили над ними суд и расправу. Национальная культура нерусских народов подверглась гонению... ...Правительство официально называло нерусские народы “инородцами”, старалось привить русским презрение к ним. Царские власти натравливали одну нацию на другую, организовывали еврейские погромы, резню между армянами и азербайджанцами» [История КПСС 1970: 12].

Как видим, сколько-нибудь принципиальные текстуальные различия обнаружить трудно. На протяжении нескольких десятилетий в сознание

советского студенчества – будущей интеллигенции – внедрялась (вбивалась) сугубо отрицательная оценка роли русских в истории дореволюционной (т. е. до октября 1917 г.) России как народе – тюремщике других ее народов.

Кстати, подобный подход широко практиковался в вузовском преподавании и лингвистических дисциплин. Ср.: «Историко-филологическое отделение Академии наук выдвигало И. А. Бодуэна де Куртенэ в действительные члены Академии, но его кандидатура была отклонена по политическим соображениям как слишком большого радикала для тех времен. Радикализм этот заключался в том, что Бодуэн... выступил в защиту **малых национальностей, угнетавшихся царским правительством**. В 1913 г. он издал написанную еще в 1905 г. брошюру "Национальный и территориальный признак в автономии", в которой обвинял **царское правительство в закабалении и угнетении малых народностей** ("инородцев") в России» [Березин 1976: 174].

По мере творческих сил старались не дать забыть о такой трактовке роли русских в отечественной истории и мастера художественного слова. Уже в 1987 г. популярный тогда советский писатель призывал (причем не ссылаясь на первоисточник, в те времена хрестоматийно известный): «Не надо равнять Россию, бывшую "*тюрьмой народов*", с братством нашего социалистического Союза республик, которым наш великий русский народ дал свободу и будущее!» [Семёнов 1991: 515] (вероятно, упоминание о «тюрьме» здесь предопределено некоторыми обстоятельствами личной биографии автора, а суждение насчет русского народа приведено для некоего баланса-реверанса.

Впрочем, цитируемое произведение написано очевидно на том этапе перестройки (1987), когда уже модно было проклинать Сталина, но при этом еще следовало публично сокрушаться об утрате чистоты ленинского наследия).

Закономерна популяризация выражения “*тюрьма [нерусских] народов*” как идеологической доминанты разноплеменными большевиками-ленинцами: ведь такая оценка одновременно подчеркивала их статус как **самых** угнетенных, униженных и оскорбленных – и по-своему логично обосновывала их особое, приоритетные права на главенство не только в революционном движении, но и в послереволюционное время – например, при распределении руководящих партийных, правительственных и прочих командных постов. Это позволяет лучше осмыслить векторы политических деклараций и следовавших за ними организационно-практических мероприятий. Так, в 1921 г. X съезд РКП(б) «направил главный свой удар против великодержавности как главной опасности, т. е. против остатков и пережитков такого отношения к национальностям, какое проявляли к нерусским народам великорусские шовинисты при царизме» [История ВКП(б) 1953: 246]. – «Что же понималось под “великодержавным шовинизмом” и что означала борьба с ним? Бухарин разъяснял: “...мы в качестве бывшей великодержавной нации должны... поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям». Он требовал поставить русских “в положение более низкое по сравнению с другими”...» [Шафаревич 1990: 20]^[27]. В отличие от некоторых других масштабных

²⁷ Не случайной в 1930–31 гг. следует считать и, казалось бы, не самую главную, но очевидно привычную для современников деталь так называемой

замыслов большевиков (вроде мировой революции и проч.), этот был успешно реализован; причем, судя по некоторым симптомам, утрата коммунистической идеологией статуса официально доминирующей в России вовсе не означает прекращения дерусификации страны.

(P. S.) ПОСТОЯНСТВО ЧУВСТВ

*...Европа в отношении к России
всегда была столь же
невежественна, как и
неблагодарна.*

А. С. Пушкин

*...На мощную
Россию-государство и то
смотрели, как на колонию
Европы.*

В. В. Маяковский

Согласно некоторым историко-публицистическим работам, противостояние Запада и России носит не только цивилизационный, но и мистический, эсхатологический характер: архетипика этого противостояния восходит к ветхозаветным легендам, к геродотовскому мифу о Гиперборее – северной земле, находящейся вне пределов ойкумены (т. е. «совокупности областей земного шара, которые, по представлениям древних греков, были заселены человеком» [СИС 1979: 351]), к западноевропейскому

«общественной жизни» советского учреждения, когда перечисляются стандартно-обязательные «ячейки добровольных обществ, имевшие своей целью споспешествовать развитию авиации, химических знаний, автомобилизма, конного спорта, дорожного дела, а также **скорейшему уничтожению великодержавного шовинизма**» [Ильф, Петров 1957: 501].

эпосу – в частности, «Песни о Роланде», где о славянах говорится как о зверолодях, и т. п. Глубинная же установка, архетип всего западного антироссийского идейно-пропагандистского комплекса заключается в том, что Россия населена нелюдьми – речь идет именно о русских. Как считает К. Мяло, инструментализацию этого мифа впервые осуществил маркиз де Кюстин, который и стал таким образом первым антироссийским идеологом нового времени – именно от де Кюстина берет начало современная западная идеологическая парадигма в отношении России. «Древний миф, модернизированный и отлитый де Кюстином в форму политической публицистики, и по сей день остается матрицей, формирующей отношения Запад – Россия» (цит. по [Шестаков 2005: 134]).

Это отношение к России самым наглядным образом проявилось и в реакции Запада на попытки Петра I активизировать внешнеполитические контакты страны. «На протяжении своей пока еще небольшой дипломатической практики Петр уже имел возможность убедиться, как мало значат в международной политике нравственные принципы, пресловутые христианские моральные нормы, которыми неизменно пользовались на словах представители цивилизованных стран передовой Европы. Циничные нравы голого расчета, прямой выгоды и просто разбоя царили в дипломатической жизни, несмотря на то что уже родилось на свет международное право, идеи которого охотно восприняли европейские политики в качестве еще одного средства маскировки своих хищнических действий. Представители “варварской” России, в том числе и Петр, не переставали удивляться таким нравам и даже пытались в

практической деятельности соблюдать официальные правовые принципы» [Молчанов 1984: 162].

Пренебрежение и враждебность к «русским варварам» были характерны для *всей* Западной Европы: «Карл [XII] намеревался занять Москву и здесь продиктовать условия мира. Петр будет свергнут с престола и на его трон сядет преданный королю “царь”. Конкретно называлась кандидатура Якова Собесского...
...Подобные замыслы можно было бы назвать бредом, порожденным манией величия, если бы **вся цивилизованная Европа** не верила в их осуществимость. Европейские политики считали, что Карл, легко сокрушивший Данию, Польшу и Саксонию, с еще большей легкостью разгромит Россию. В книге американского историка Роберта Мэсси “Петр Великий” говорится, что с началом русского похода Карла и вплоть до Полтавы “государственные деятели **всех** стран с нетерпением ждали новостей о том, что Карл снова одержал победу и его знаменитая армия вошла в Москву, что царь низвергнут с трона и, возможно, убит в общей суматохе неопределенности. Новый царь был бы провозглашен и стал бы марионеткой, подобно Станиславу. Швеция, уже хозяйка Севера, стала бы повелительницей Востока... Холопская Россия распалась бы по мере того, как шведы, поляки, казаки, турки и, возможно, татары и китайцы отрезали бы от нас солидные куски. Петербург был бы стерт с лица земли, а побережье Балтики отобрано, и пробуждающийся народ Петра остановлен в своем развитии и повергнут вспять в темный мир старой Москвы”» [Молчанов 1984: 224–225].

Иначе говоря, неизменно враждебное и презрительное отношение к «русским варварам» позволяло западным державам планировать и

предпринимать в направлении России такие политические шаги, которые вряд ли были возможны применительно к «цивилизованным государствам» даже и в то время.

Из общего контекста обычных для просвещенного Запада суждений о России не выпадают и оценки, сделанные англо-ирландками сестрами К. и М. Вильмот в их письмах (начало XIX в.; цит. по [Вильмот 1987]): по мнению К. Вильмот, русские – «горделивые медведи» (с. 304); «глухое невежество даже не XII, а скорее XI века – основа этой громадной страны. Без сомнения, лет через 500–600 Россия встанет в один ряд с остальной Европой» (с. 308); «Россия представляется мне в образе румянощекого мальчика, который, прогуливая школу, не думает о последующей взбучке. Именно такие ассоциации вызывает у меня этот мир, и, по моему мнению, Наполеон уже приготовил розги... Невежи (а их здесь 99 из 100) ругают Англию» (с. 325); «Вчера [15.07.1807] было объявлено о мире между императором и Бонапартом... Мы являемся свидетелями еще одного чуда – превращения медведя в осла...» (с. 325); М. Вильмот пишет: «“Спекуляция на религии” – вот выражение, которое, как я полагаю, применимо к греческому православию, римскому католицизму и иудаизму. Мы, протестанты, не делаем из веры объекта выгоды [?!], для нас религия – *чувство*, что во всех отношениях достойнее Творца» (с. 411) и т. п. Между прочим, этих антирусски резонерствующих барышень принимали в России, как выразились бы сегодня, на VIP-уровне: аристократы селили их в своих дворцах, обеспечивали прислугой и транспортом, устраивали пышные приемы и всевозможные развлечения, осыпали дорогими подарками и т. д...

Заметим, что в комментариях к этому изданию сообщается: «Написанные **без предвзятости**, письма сестер Вильмот дают ценный и интересный материал о жизни российского общества...» [Записки 1987: 30].

О том же «естественном варварстве Московии» твердили и француз Ж. Удар в 1929 г., и немец Г. Деррис в 1939-м: оба, в числе прочих подобных авторов, таким образом обосновывали острую необходимость крестового похода своих «цивилизованных государств» на Россию... (см. [Молчанов 1984: 436–437]).

Враждебность к России, подкрепляемая хищническими устремлениями, неоднократно спланировала «просвещенные народы»: «12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война» [Толстой 1980, VI: 7].

Ср. воспоминание В. В. Набокова: «...1904 год... Лондонский журнал **со вкусом** воспроизводит рисунки японских корреспондентов, изображающих, как будут тонуть... паровозы русских, если они вздумают провести рельсы по байкальскому льду» [Набоков 1990, 4: 141].

Следует вспомнить и о том, что в «крестовом походе против большевизма» (а на самом деле – в истребительной агрессии, ставившей своей целью порабощение и искоренение восточнославянских народов, прежде всего – русских) Гитлера охотно, с энтузиазмом поддерживала **вся** Европа – как мощным промышленным и финансовым потенциалом, так и людскими резервами (в том числе и те страны, которые до сих пор толкуют о своем якобы нейтралитете)^[28].

²⁸ И. А. Бунин записывал в дневниках тогда: «23.VI.41... Заявление наступающих на Россию: это "la guerre sainte pour preserver la civilisation mondiale du danger mortel di bolchevisme" [фр. «святая война во имя спасения мировой цивилизации

И холодная война, доктрина которой была разработана в США в конце 1940-х гг., с самого начала носила характер "войны цивилизаций". Разговоры о борьбе с коммунистической угрозой были поверхностным прикрытием. Когда Наполеон готовил поход "двунадесяти языков" на Россию, его называли "воскресшим Карлом" – императором, который завоевал земли западных славян. В 1942 г. фашисты пышно праздновали 1200 лет со дня рождения "Карла-европейца" [французская дивизия СС, кстати, называлась тоже в его честь. – *А. В.*], а в разгар эры Аденауэра кардинал Фрингс из Кёльна назвал холодную войну "реализацией идей Карла Великого"... Ненависть к России, которой наполнены программные документы холодной войны, можно сравнить с ненавистью крестоносцев к Византии в 1204 г. – а ведь ту ненависть затрудняются рационально объяснить даже фундаментальные монографии по истории. Вот как трактуется, например, в одном важном документе 1948 г. противник Запада: "Россия – азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме"... Это именно война, причем война тотальная, против мирного населения... Сам пафос холодной войны имел мессианский, эсхатологический характер. Победа в этой

от смертельной угрозы большевизма»... [30.VI.41]. И так, пошли на войну с Россией: немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы (!) и румыны [перечень неполон. – *А. В.*]. И все говорят, что это священная война против коммунизма... [24.VIII.41]. С неделю тому назад немцы объясняли невероятно ожесточенное сопротивление русских тем, что эта война не то, что во Франции, в Бельгии и т. д., где имелось дело с людьми, имеющими "L'intelligence" [фр. «ум; разум, способность мышления, умственное развитие»], – что в России война идет с дикарями, не дорожащими жизнью, бесчувственными к смерти» [Бунин 1988, б: 494, 501]. Кстати, здесь же: «[28.VIII.41]. Был Andre Gide... Тонко, умен – и вдруг: Tolstoy – asiatique».

войне была названа "концом истории"» [Кара-Мурза 2002: 335–337].

О том, насколько сильным может быть воздействие разнооформленных идеолого-пропагандистских текстов, реализующих антироссийские и антирусские инвективы, можно судить и по некоторым литературно-художественным произведениям периода холодной войны.

Например, персонаж романа Э. Трю «За два часа до темноты» командир английской атомной подводной лодки Шэдде одержим мыслями об изначальной порочности и враждебности России и постоянно твердит об этом подчиненным. Шэдде «буквально помешался на мысли о необходимости немедленно сокрушить Россию и в разговорах на эту тему часто доходил до абсурда; первый помощник капитана говорит: "...Это звучит безумно, доктор, но если он рехнулся... он может пальнуть по русским... Назвал их бандитами и убийцами"» [Трю 1972: 112, 240]. Подозрения подчиненных вскоре оправдываются: капитан Шэдде (по мнению корабельного врача, это невротик, несущий на себе бремя чрезвычайной ответственности, с разрушенной личной жизнью, остро переживающий служебные и бытовые неудачи и к тому же мнящий себя равновеликим адмиралу Нельсону, преемником его традиций) фальсифицирует приказ верховного командования и пытается выпустить четыре ядерных ракеты «Поларис» по Ленинграду и Кронштадту. Лишь благодаря чудесному совпадению счастливых случайностей катастрофу удается предотвратить. Конечно, подобное можно считать и примером доведенного до абсурда чувства воинского долга, присущего кадровому военному моряку, наверное,

любого флота. Но интересно, что лишь однажды Шэдде говорит именно о «коммунистической» России: он ненавидит Россию как таковую, вне зависимости от ее государственно-политического устройства; русские сами по себе для него – смертельные враги, бандиты и убийцы. И это также вполне вписывается в традиционное для Запада восприятие России и русских.

В качестве одного из многочисленных свидетельств неукоснительной преемственности неприязни (мягко выражаясь), коей придерживается Запад по отношению к России, причем вне зависимости от ее конкретно-исторического государственного устройства, экономического уклада и идеологической системы, назовем также книгу «Петр Великий» Анри Труайя (точнее, Льва Тарасова, потомка крупных московских торговцев), изданную в Париже в 1979 г. Ее называют «одним из наиболее свежих примеров современной русофобии. Подобных примеров много, и они отнюдь не новы. Любопытно другое – смыкание, слияние русофобии с антикоммунизмом. Собственно, это началось сразу же после нашей Великой революции...» [Молчанов 1984: 434–435]. Своеобразная логика этого направления русофобии сводилась к простому отождествлению дореволюционной России и СССР, одинаково «варварских» [Молчанов 1984: 436].

Эта позиция осталась константной и многие годы спустя. Например, федеральный канцлер ФРГ Х. Шмидт даже во времена т. н. «разрядки международной напряженности» начала 1980-х гг. высокомерно-пренебрежительно трактовал Советский Союз как «Верхнюю Вольту с ракетами» (вариант: «Верхняя Вольта с баллистическими (или: атомными) ракетами») [Душенко 2006: 536]; такое метафорическое

определение может быть интерпретировано по-разному: и как оценка низкого культурного уровня населения и/или его материального благосостояния, и как суждение о несопоставимости военной мощи страны и ее отставания во всех других областях, и еще каким-то образом – но в любом случае сугубо отрицательно. Следует полагать, что и здесь идеологические и политические критерии совершенно ни при чем: речь идет опять же о «варварской России» и «русских дикарях», которые ни в малейшей степени не заслуживают – в глазах просвещенного европейца и главы цивилизованного государства – уважения к себе как «равноправному партнеру», а потому к ним применимы какие угодно меры воздействия: от экономических санкций до военной агрессии.

Совершенно логичными продолжениями метафоры *свободный мир* стали *цивилизованные государства* и *мировое сообщество*^[29] (до сих пор циркулирующие в российском официозе, транслируемом через СМИ), а метафору *тюрьма народов* сменила *империя зла* («в 1983 г. президент США Рональд Рейган заявил, что вожди коммунистического тоталитаризма “олицетворяют зло в современном мире”, и осудил “агрессивные устремления **империи зла**”», т. е. СССР [Душенко 2006: 273]). Да и сегодня «на Западе вовсе не считают Россию частью Европы. Главная идея Европы в отношении России – идея не партнерства, а сдерживания» [А. Пар.

²⁹ Судя по ряду примеров, *мировое сообщество* в действительности весьма немногочисленно. Так, депутат Госдумы А. Митрофанов заявляет: «Россия меняет свою позицию в сторону большего сочувствия *мировому сообществу* и Соединенным Штатам [т. е. в пользу натовской вооруженной агрессии против Ирака. – А. В.]» [Сегодня. НТВ. 11.10.02]; «Только сейчас стала известна реакция *мирового сообщества* на пуск Северной Кореей ракеты “земля—море”. Япония, США, Южная Корея требуют объяснений» [Сегодня. НТВ. 25.02.03] и т. п.

Вести. РТР. 07.09.06]. Даже отреформированную по зарубежным лекалам Россию охотно обвиняют в чем угодно, например, и в том, что... «она помешала мирному решению иракского конфликта, а ее действия привели к вооруженному вторжению в Ирак... Выступая... перед депутатами британского парламента, Джон Соз [глава британской разведки] заявил, что именно Россия ответственна за провал попыток ввести в 2001 г. против режима Саддама Хусейна т. н. разумные санкции, которые позволили бы избежать вооруженного столкновения» [СР. 12.12.09. С. 3].

Конечно, можно сказать, что в книге «Россия в 1839 году» и в других подобных заграничных опусах дана характеристика России извне, с точки зрения стороннего и весьма пристрастного наблюдателя. Но вот пример, по существу, скрытой манипуляции метафорой-штампом «Россия – *тюрьма народов*» уже применительно к недавней **внутри**политической ситуации. «Первую работу, чтобы направить мысли и чувства чеченцев к мести, произвели демократы из Москвы – старовойтовы и бурбулисы, нуйкины и приставкины. Вместо “народа, отбывшего наказание” чеченцы вдруг были превращены в “репрессированный народ”. Кто же их “репрессировал”? Россия! Так ведь ставили вопрос наши демократы... Вина на политиках, но с помощью пропаганды ее нетрудно переложить на Россию в целом, на русских. Этим активно занимался С. Ковалёв» [Кара-Мурза 2002: 177–178].

Несколько ранее и другие граждане СССР, вероятно, всерьез считали себя узниками *тюрьмы народов* (из которой некоторым удавалось бежать с помощью угона самолетов; правда, при этом случались человеческие жертвы, но ведь беглецы спасались из темницы!), где были обречены на пожизненное тяжкое томление,

например: «После 85-го [т. е. благодаря «перестройке» – А. В.] он [Марк Рудинштейн] выбился из стаи, а мог бы превратиться в **обычного затравленного** советского еврея, отказника...» [Ближний круг. Rep-TV. 16.12.01] («отказник – `в советское время: тот, кому отказано в праве выезда за границу'» [ТССРЯ 2001: 541]).

Возможны и иные оценки рассматриваемой здесь политической метафоры. Например, выдающийся отечественный славист академик О. Н. Трубачёв считал, что «образцом национального образования государства была и остается Российская империя. В ней нехудо жилось не только титульной нации, но и доброй сотне других народов. Запущенный в свое время миф “Россия – тюрьма народов” живуч, по-прежнему кому-то нужен, но оттого не менее гнусен (проверка показала, что даже оплакиваемая всеми прогрессистами русская Польша и после ряда своих восстаний в XIX в. в сущности продолжала культурно процветать, оставляя в этом отношении, например в школьном образовании на родном языке, далеко позади славян такой европейской державы, как Австро-Венгрия. Не всем дано понять [точнее, вероятно, кто-то очень хочет, чтобы этого не понимали, экстраполируя метафору «*тюрьма народов*» на СССР, а заодно уж – и на РФ! – А. В.], что в сущности и Советский Союз является преемником русского национального государствообразования. По крайней мере, у нас избегают об этом распространяться...» [Трубачёв 2004: 185]. Избегают об этом говорить и по сей день; о несомненной преемственности вспомнили, кажется, только однажды: когда по каким-то неведомым широкой публике причинам кому-то из окружения первого президента РФ вздумалось вернуть (конечно, не из своего собственного кармана, а из госбюджета)

Франции огромные займы, некогда – в канун мировой войны – полученные от нее Российской империей... Вполне закономерно, что многочисленные попытки высшего руководства страны, начиная с Горбачёва, декларировать образ демократического «правового» государства (что такое *не* правовое государство? Словесные эквилибристы, видимо, считают, что возможно государство, где какое бы то ни было право отсутствует вообще) для экспортного потребления остаются малорезультативными. Таковыми они, несомненно, и останутся в дальнейшем. Справедливо замечено, что «чем больше усердствует Россия в самоотрицании, чем самозабвеннее падает ниц перед “Европой”, тем сильнее в сознании самой этой Европы/Запада реанимируется образ варварской России, изгоя и угрозы человечества, тем сильнее желание окончательно переломить хребет столь древнему врагу» [Мяло 1994: 92] (цит. по [Шестаков 2005: 134]). Гораздо раньше великий русский поэт сформулировал эту модель внешнеполитических взаимоотношений предельно точно:

Цивилизация для них фетиш...

Как перед ней ни гнитесь, господа,

Вам не снискать признанья от Европы:

В ее глазах вы будете всегда

Не слуги просвещенья, а холопы

[Тютчев 1984, 1: 362].

О культивировании традиционного вектора политики зарубежных государств свидетельствуют и данные недавних исследований. «Так, в отдельных

государствах складывается [!] мнение о России как о несвободной стране... В 2004 г. международная организация "Freedom House" впервые [!] назвала Россию "целиком несвободной страной". В глазах мирового сообщества [обычно под т. н. *мировым сообществом* подразумеваются одно-два государства, иногда – чуть более. – А. В.] Россия вернулась во времена СССР и "холодной войны" [Онищенко 2009: 102]. Хотя уж сегодня-то любой может выехать из РФ (за исключением лишь недобросовестных плательщиков) либо въехать в нее совершенно беспрепятственно, ассоциация страны с местом лишения свободы продолжает сохраняться. Кстати, при упоминании о подобных оценках России (или какой-либо иной страны) почему-то не задаются поиском ответов на, казалось бы, вполне естественные вопросы: какая квалификационная шкала при этом применяется; какого эталона придерживаются эксперты, кто они и на каком основании выступают в этой роли; что представляют собой свободолюбивые организации, кем они управляются и на чьи средства финансируются и т. п. Весьма возможно, что если бы на подобные детали обращали больше внимания, то у многих «уважаемых россиян» было бы гораздо меньше поводов не только заниматься самоуничижением, но и – хотя бы молча – соглашаться с якобы объективными выводами исторических недругов России. Впрочем, созвучные им мнения «изнутри» также имеют свои традиции, описанные в частности Ф. М. Достоевским; философствующий лакей Смердяков заявлял: «Я всю Россию ненавижу... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона... и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к

себе» [Достоевский 1958, 9: 282]. Другой персонаж того же автора замечает: «...От лакейства мысли все это... Ненависть тут тоже есть... они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм вьевшаяся...» [Достоевский 1957, 7: 146–147].

Рассмотренные нами политические метафоры образуют, в силу своей направленности, тандем, но при этом – антонимическую пару, или смысловую оппозицию, выстроенную по образцу универсального семиотического противопоставления *сакральный/профанный* (*хороший/плохой*), конкретные лексические воплощения компонентов которой могут, как и во многих других случаях, варьироваться; ср.: *свободный мир* (*свободная страна, цивилизованные государства, мировое сообщество, демократические государства, западные демократии* и т. д.) / *тюрьма народов* (*тоталитарное государство, империя зла, Верхняя Вольта с ракетами* и т. д.). При этом противопоставление необязательно имеет выраженный характер: возможно, более частотными оказываются именно случаи не эксплицированной вербально, но в то же время несомненной антитезы, второй (не называемый) компонент которой заранее присутствует в сознании адресата и становится автоматической реакцией на первый как стимул. То есть: если есть (а агитпроп, в любом его облики, успел внушить, что безусловно есть) *свободный мир* (или другие варианты), то обязательно должен быть и некий *несвободный мир* (также в разных

словесных воплощениях, вроде *империи зла*). И наоборот: поскольку реальна *тюрьма народов* (*тоталитарное государство*), постольку существует *свободный мир*, и т. д. Такое молчаливое соподразумевание весьма эффективно в том числе и потому, что, являясь стереотипным, не подлежит попыткам аналитического осмысления речедеятелем: гораздо проще и удобнее воспринять аксиому, нежели искать доказательства теоремы. Кроме того, самые фантастичные инвективные мифогены, если использовать их в отрыве от своих антонимических пар, безусловно выигрывают в силе; ведь «глупость осуждения не столь заметна, как глупая похвала» [Пушкин 1978, VIII: 64]. Конечно, упомянутая интеллектуальная составляющая также весьма значима в суггестивном отношении; ср. суждение запоздало прозревшего либерала по поводу «беззаконных бумажек» – революционных прокламаций: «...Вся тайна их эффекта – в их глупости!.. Будь это хоть каплю умнее высказано, и всяк увидел бы тот час всю нищету этой коротенькой глупости. Но... никто не верит, чтоб это было так первоначально глупо» [Достоевский 1957, 7: 505]. Потому в информационно-психологической войне кардинально важно, кто из противников для привлечения на свою сторону т. н. общественного мнения сделает выпад первым (один из многих поучительных и печальных примеров – неготовность российских политтехнологов к пропагандистскому обеспечению позиции РФ в грузино-югоосетинском конфликте 2008 г.). Именно активно проявляемая инициатива зачастую оказывается решающей. Скажем, зарубежные «правозащитные» организации исходят из того, что в их цивилизованных отечествах права́ любого человека и

гражданина защищены самим государством абсолютно надежно, а потому есть неоспоримые основания насаждать такую же модель социально-политического устройства по всему земному шару: это, конечно же, не *войны*, а *мирные инициативы (миротворческие операции)* и не *интервенция и оккупация*, а *гуманитарные акции* и т. п. Последовательность логических построений примерно такова, как в этических умозаключениях джефферсонцев: «...Дурное одурачит лишь дурную женщину... Но добродетельную женщину оно не проведет, ибо если она добродетельная, значит, ей уже нет нужды до своей или чужой добродетели, и потому она в избытке располагает временем, чтобы учуять грех» [Фолкнер 1985, 2: 48] (применительно к политической сфере «грех» – это нарушения прав человека в других странах и недостаток там демократии – обычно при изобилии природных ресурсов, дешевой рабочей силы, при стратегически выгодном географическом положении и т. п.).

Если вообще «выбор метафорической модели навязывает, формирует набор альтернатив разрешения проблемной ситуации» [Баранов 2003: 134–135], то клишированное употребление рассмотренных метафор, выступающих в двуединстве (даже, как уже сказано, при экспликации лишь одного из компонентов антитезы), собственно, и предлагает внешне логичную (а в действительности – сугубо ложную) альтернативу. Прочно усвоивший ее индивидуум вряд ли будет обременять себя поисками каких-то аргументов, которые могли бы подтвердить (или опровергнуть) справедливость штампованной символической оценки.

Примеры использования явно эффективных идеолого-политических метафор *свободный мир / тюрьма*

народов как оппозиции абсолютной свободы / абсолютной несвободы для порождения желаемых манипуляторами ассоциаций, – это примеры умелого жонглирования пропагандистскими мифогенами, которые инициируют и внедряют в массовое сознание программируемые стереотипы: ложный сигнал к самоубийственному действию – инструмент информационной войны [Кара-Мурза 2002: 393].

Терпи, покуда терпится, или С(т)имуляция толерантности

Но почему умственная деятельность людей представляется историками культуры причиной или выражением всего исторического движения – это понять трудно. К такому заключению историков могли привести только следующие соображения: 1) что история пишется учеными... и 2) что духовная деятельность, просвещение, цивилизация, культура, идея – всё это понятия неясные, неопределенные, под знаменем которых весьма удобно употреблять слова, имеющие еще менее ясные значения и потому легко подставляемые под всякие теории.

Л. Н. Толстой

Банки с этикеткой «Tolerance» примерно пятилитрового объема датский дизайнер предлагает по 15 евро за штуку, но предупреждает: «Пусть не удивляются, когда

*откроют банку: толерантность
нельзя увидеть или потрогать».*

Неделя. Реп-TV. 11.02.06

Из истории слова

Слова *толeрантность* и *толeрантный* в последние годы стали довольно распространенными и употребительными не только в специальных российских изданиях. Более того, авторы, рассуждающие о связанных с этим явлением кругом проблем, как правило, уже не столько декларируют *толeрантность* в качестве одной из «общечеловеческих ценностей», сколько предпочитают исходить из некоей данности, служащей краеугольным камнем для построения теоретических изысканий и практических рекомендаций. Подобный подход характерен для многих выступлений на темы политологии, социологии, культурологии и ряда других гуманитарных дисциплин. Естественно, что и в лингвистических публикациях о *толeрантности* сегодня говорится немало, например, по поводу межъязыковых контактов, дискурса средств массовой информации, культуры речи и проч. Таким образом, понятие *толeрантности* многоаспектно, и подчас оказывается непростой задачей строго разграничить компетенции разных научных дисциплин. Впрочем, это не всегда столь уж существенно, поскольку достигнутый ныне уровень взаимодействия отраслей гуманитарного знания подразумевает их тесную кооперацию под флагом антропоцентризма.

Тем не менее, лингвистический аспект проблемы *толeрантности* следует признать доминирующим, ибо именно от принятия каких-то терминов в качестве

ключевых для конкретного исследования в немалой степени зависит (или, по крайней мере, должна с ними согласовываться) концепция автора, логический ход его построений и их результат: вербальные формулировки одних и тех же фактов могут быть (и бывают, как о том свидетельствует множество примеров) различными по своим коннотативным потенциям, вплоть до диаметрально противоположных. Ср.: «Великая Октябрьская социалистическая революция» / «октябрьский переворот»; «борцы за независимость» / «кровавые мятежники»; «кадровые перестановки» / «чехарда чиновников»; «жилищно-коммунальная реформа» / «ограбление населения»; «антитеррористическая операция в Чечне» / «чеченская война» и т. д. Объективный и непредвзятый анализ подобных номинаций и является одной из задач лингвистов, хотя на практике объективность и непредвзятость встречаются в их экскурсах далеко не всегда: слишком сильно, по-видимому, влияние разного рода экстралингвистических факторов.

Кроме того, языковедов должны интересовать вопросы сопряжения *толерантности* и *интолерантности* (конфликтности): ведь словесные воплощения различных мировоззренческих позиций могут быть не только абсолютно противопоставленными; по-видимому, возможны некие градации, переходы и т. п. Наряду с этим, представляется целесообразной дешифровка вербальных символов, знаменующих ту или иную позицию, с помощью лингвистических методов. В результате могут обнаружиться, например, истоки оценочной маркированности пропагандистских клише, их первоначальный смысл и статус; любопытно также наблюдать их динамику в диахронии и микродиахронии.

Толерантность относят к числу заимствованных слов, расширяющих границы синонимического ряда, в пределах которого регулируются семантико-стилистические отношения входящих в него лексических единиц, причем «сравнительно просто семантические отношения устанавливались в тех случаях, когда иноязычное слово укреплялось в языке как термин» [Лексика 1981: 304]. Здесь же приводится ссылка на словарь (Гомартели и Марков. Словарь (политические и иностранные слова). М., 1917), где *толерантность* толкуется как 'терпимость (преимущественно религиозная)' [Лексика 1981: 305]. «Показательным в этой связи» считают следующее суждение Вл. Соловьёва: «*Толерантность* в области вероучения есть ересь. При всей неохоте к иностранным словам я принужден сохранить их в настоящем случае, так как неудачно сочиненное русское слово *терпимость* произведено от страдательного причастия вместо действительного и поэтому представляет грамматический смысл обратный тому, какой требуется, что приводит к нелепостям. Если, например, такую фразу: *De soi la verite est intolerante* перевести по-русски: «сама по себе истина нетерпима», то получится нелепое значение, что истину саму по себе нельзя или не должно терпеть» [там же].

Слово *толерантность* этимологически восходит к латинскому существительному *tolerantia* (терпение, терпимость), связанному с многозначным глаголом *tolerare* с тем же значением, что и *to tolerate* в современном английском языке, – 'выносить, переносить, сносить'. Этот термин является однокоренным и к *tollere* – поднимать. Тем самым в термине *tolerantia* подчеркивается момент «выдержки», т. е. «удержания» ситуации [Голубева 2002].

Данная лексическая единица не зафиксирована в толковых словарях русского языка XVIII–XIX вв., т. е. слово *толерантность* является сравнительно недавним заимствованием. В словарях XX в. существительное *толерантность* (со значением 'терпимость, снисходительность к кому-, чему-либо') встречается лишь в разных изданиях «Словаря иностранных слов» (впервые отмечено в 1937 г.) и в 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка», где оно, как и *толерантный*, имеет помету **устаревшее**, а иллюстрации свидетельствуют о достаточно активном употреблении этого слова писателями XIX в. и о его практическом отсутствии в текстах первой половины XX в.

Ср.: «*толерантность* – 'терпимость к чужим мнениям и верованиям'» [Словарь иностранных слов 1954:691]; «*толерантность* – 1) 'терпимость, снисходительность к кому– или чему-либо'; 2) биол., мед. 'полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности, т. е. потеря (или снижение) организмов животного или человека способности к выработке антител в ответ на антигенное раздражение'» [Словарь иностранных слов 1979: 510].

Толкование слов *толерантность*, *толерантный* через слова *терпимость*, *терпимый* говорит об их определенной семантической близости и о принадлежности к одному лексико-семантическому (и понятийному) полю.

В «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой (1971) существительное *толерантность* представлено как стилистически маркированное (с пометой книжное) в синонимическом ряду с доминантой *снисходительность*. Производящее прилагательное

толерантный («терпимый») зафиксировано впервые в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940), оно также включено в БАС₁ и в словарь синонимов З. Е. Александровой (1971).

Лексикографические дефиниции существительного *толерантность* и прилагательного *толерантный* довольно единообразны; это можно наблюдать по данным не только лингвистических словарей.

См. также в словарях других жанров: «*Толерантность* – (от лат. *tolerantia* – терпение)... – 3) ‘терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению’» [Российский энциклопедический словарь 2001: 1583]; «*толерантность* – (лат. *tolerantia* – терпение) – ‘терпимость к чужому образу жизни, поведению, чувствам, верованиям, мнениям, идеям’» [Большой энциклопедический словарь 2002: 835]; «*толерантность* – ‘терпимость по отношению к иному мнению, поступку, позиции’» [Введение в политологию 1996: 234].

В «Энциклопедическом словаре» под редакцией А. М. Прохорова даны следующие трактовки *толерантности*: «1. ‘иммунологическое состояние организма, при котором он неспособен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам’. *Проблема толерантности* имеет значение при пересадке органов и тканей; 2. ‘способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды’; 3. ‘терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению’» [Прохоров 1980].

Гармония отношений подразумевает под собой прежде всего уважение субъектами друг друга. Такую смысловую нагрузку несет определение «tolerance»,

предлагаемое американским словарем «American Heritage Dictionary»: 'способность к признанию или практическое признание и уважение убеждений и действий других людей'. Данное определение цитирует К. Уэйн и приходит к выводу, что определение *tolerance* и в американском словаре неполно, так как это «не просто признание и уважение убеждений и действий других людей, а признание и уважение других людей, которые отличаются от нас самих, признание как отдельных личностей, так и социальных или этнических групп, к которым они принадлежат» [Уэйн 1997: 16].

В словарной статье послеперестроечной политической энциклопедии находим следующее пояснение: «...Здесь *толерантность* вовсе не слабость, а сильное, объективное положительное и выгодное для проявляющей ее стороны качество» [Политическая энциклопедия 1999]. В свете этой дефиниции оказывается, что толерантность – категория активная, предполагающая расширение круга личных ценностных ориентаций за счет позитивного взаимодействия с другими индивидами. Так в понятие *толерантности* закладывается подтекст якобы заведомо плодотворного для реципиента обогащения чужим культурным достоянием, социальным опытом. Составители энциклопедии считают, что своеобразие данного определения будто бы отнюдь не сводится к упору на меркантилизм или откровенный прагматизм, ибо *толерантные* отношения возможны только на основе бескорыстного принятия другого человека, независимо от его культуры и социального уровня.

Судьба слова *толерантность* в русском языке характеризуется некоторой спецификой. По мнению А. В. Голубевой, в отличие от латинского *tolerantia*

(соотносимого с глаголом *tollo* (поднимаю) и в качестве основного значения имеющего «выносливость, терпение»; т. е. чисто физические качества воина, преодолевающего препятствия; отсюда в средневековой латыни «терпеливость, элемент стойкости, благодаря которой человек упорствует в исполнении замысла»; в VII в. «терпимость (*tolerantia*) относится к душе, терпение (*patientia*) – к телу»), в русском языке *терпение* связано с понятием «оцепенения», т. е. в русской культуре испытание полагалось не преодолевать, а стоически переносить (ср. лат. *patientia*) [Голубева 2002].

Однако с течением времени, а именно – в период новейших российских реформ, как раз понятие толерантности в его иноментальном для русских осмыслении было активно включено в обществоведческий и, соответственно, в пропагандистский обиход.

Специалисты неоднократно отмечали неудовлетворительность, неточность дефиниций существительного *толерантность* в русской лексикографии, недопустимость передачи его значения через якобы абсолютный исконный синоним *терпимость* (см. [Суспицына 2007: 71], [Чеканова 2007: 48] и др.), о чем еще будет сказано ниже.

В качестве словесного обеспечения и воплощения толерантности выступает политкорректность. Собственно, политкорректные вербальные артефакты (которые создаются прежде всего путем переосмысления уже известных данному языку лексем, реже – за счет заимствований, а также конструкций из имеющихся морфем) и призваны служить не изменению социальной действительности, но трансформации представлений о

ней в сознании общества как языкового коллектива. Допустимо соотносить толерантность и политкорректность как методологию и методику, как мировоззрение и свод правил (см. [Гусар 2006: 96]).

Изыски политкорректности

Иногда подчеркивают уникальную роль языка исключительно по отношению к России: «Мысль о всевластии языка, **как нигде**, важна в применении к нашей стране, имеющей опыт тоталитаризма с его двумя страшными орудиями господства и принуждения – языком (тотальной, всепроникающей пропаганды) и террором» [Григорьев 1998: 372]. Однако ни декларируемое отсутствие опыта тоталитаризма, ни отличия ментального свойства отнюдь не препятствия для лингвоманипулятивных операций – операций, призванных эффективно регулировать общественное сознание и иницируемых обычно якобы из самых благих побуждений.

Одной из наиболее культивируемых сегодня игр в слова манипулятивного типа (и, конечно, СМИ чрезвычайно способствуют этому) стала т. н. политическая корректность. Она представляется ее идеологами как «средство избежания конфликтов в поликультурном обществе – между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т. д. – путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда

слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям» (см. [Базылев 2007: 8]).

По некоторым сведениям, родиной этого во многом примечательного феномена (как и ряда других великих благодеяний для человечества^[30]) стали США, где в 1975 г. Карен Декроу, президент Национальной организации женщин, заявила, что ее организация придерживается «интеллектуально и политически корректного [politically correct] курса»; термин «политическая корректность» появился не позднее 1990 г. [Душенко 2006: 623]. Однако сама модель поведения, прежде всего – речевого, именуемого таким образом, сформировалась в тех же США, конечно, гораздо раньше.

Ср. литературно-художественные осмысления феномена политкорректности (хотя и без применения этого термина) в американских произведениях, опубликованных впервые соответственно в 1953 и 1977 г.: «Возьмем теперь вопрос о разных мелких группах внутри нашей цивилизации. Чем больше населения, тем больше таких групп. И берегитесь обидеть которую-нибудь из них – любителей собак или кошек, врачей, адвокатов, торговцев, начальников, мормонов, баптистов, унитариев, потомков китайских, шведских, итальянских, немецких эмигрантов, техасцев, бруклинцев, ирландцев, жителей штатов Орегон или Мехико... Чем шире рынок, тем тщательнее надо избегать конфликтов. Все эти группы и группочки, которые

³⁰ «Ах, до чего всё-таки американцы народ острый! Сколько удивительных открытий, сколько великих изобретений они сделали! Пар, безопасные бритвы “Жиллет”, вращение Земли вокруг своей оси – всё это открыто и придумано американцами и отчасти англичанами» [Зощенко 1986, 1: 203].

смотрят себе в пуп, – не дай бог как-нибудь их задеть!.. Цветным не нравится книга “Маленький черный Самбо”. Сжечь ее. Белым неприятна книга “Хижина дяди Тома”. Сжечь и ее тоже... Нужна безмятежность... спокойствие» [Брэдбери 1992: 49–51]. – «Итальянцы, например. Попробуй напиши книгу, чтобы там была правда про мафию: что им человека пристрелить – раз плюнуть... Оглянуться не успеешь, они тебя – в суд, что, мол, ты оскорбил Итальянскую лигу, представил, будто среди них есть люди нечестные» [Гарднер 1981: 202–203]. Кстати, нечто подобное несколько лет назад случилось в Ростове-на-Дону, где в оперном театре готовилась постановка по мотивам известного романа А. Калинина «Цыган»; в соответствии с модернизированным либретто, персонажи оперы занимались торговлей наркотиками – немедленно последовал протест главы оскорбившейся местной цыганской диаспоры.

Политкорректность сыграла несомненно важную роль в зарождении и формировании т. н. массовой культуры, причем – как полагают некоторые авторы – без каких-либо государственных установок-стимулов: «Журналы превратились в разновидность ванильного сиропа. Книги – в подслащенные помои... И все это произошло без всякого вмешательства сверху, со стороны правительства. Не с каких-либо предписаний это началось, не с приказов или цензурных ограничений. Нет! Техника, массовость потребления и нажим со стороны этих самых групп – вот что, хвала господу, привело к нынешнему положению. Теперь благодаря им вы можете всегда быть счастливы: читайте себе на здоровье комиксы, разные там любовные исповеди и торгово-рекламные издания...» [Брэдбери 1992: 49–50].

Известно, что в США традиционно гипертрофирован культ преуспевания любой ценой: «В книге “Налегке” [Марка Твена] есть любопытный рассказ о бандите по имени Слейд, который убил двадцать восемь человек – не говоря уже о других бесчисленных злодеяниях. Совершенно очевидно, что автор восхищается этим отпетым негодяем. Слейд необыкновенно удачлив – следовательно, он заслуживает восхищения. Такой взгляд на вещи, общепринятый и сегодня, закреплён в сугубо американском выражении *to make good*, т. е. добиться успеха, преуспеть. В тот период откровенного, бесстыдного стяжательства, который последовал за Гражданской войной [в США], вообще трудно было не поддаться стремлению к успеху...» [Оруэлл 1989б: 266].

По-видимому, эти тенденции, которые развились, в том числе, из пуританского ханжества и лицемерия, принесённых из бывшей метрополии^[31], усилились в Америке: «...Да и вообще кто скажет правду? Встречаешь на улице старого приятеля. Вид у него ужасный. Смотреть страшно. Лицо серое, волосы повылезли, весь дергается. Ну и, **понятное дело**, говоришь ему: “Чарли, дружище, как ты великолепно выглядишь! Молодец!” А

³¹ Эти похвальные британские качества достаточно наглядно представлены в пьесе, персонажи которой именуют один и тот же политкоммерческий замысел по-разному, исходя каждый раз при выборе номинации из собственных интересов: «[Сэр Роберт Чилтерн]: ...Эта аргентинская затея – обыкновенное биржевое мошенничество. [Миссис Чивли:] Спекуляция, сэр Роберт! Смелая, блестящая спекуляция! [Сэр Роберт Чилтерн:] ...Чистейшее мошенничество. Будем называть вещи своими именами. Это упрощает дело» [Уайльд 1987: 312]; когда же шантажистка напоминает товарищу министра внутренних дел, что и сам он достиг богатства и карьеры, продав государственную тайну биржевому спекулянту, оценочные коннотации меняются на прямо противоположные прежним: «[Сэр Роберт Чилтерн:] Это была просто спекуляция... [Миссис Чивли:] Это было мошенничество, сэр Роберт. Будем называть вещи своими именами. Это упрощает дело» [Уайльд 1987: 315].

он трясётся и отвечает: "Никогда-то я так себя хорошо не чувствовал! Никогда!"» [Чивер 1966: 250].

Кстати, именно такой стереотип поведения усиленно импортируется в Россию (в первую очередь – посредством американской кино– и телепродукции), где находит своих пламенных адептов и пропагандистов, хорошо ведающих, что они творят. Ср.: «Для жителей Нового Света очень важно, чтобы у них всё было тип-топ – даже если дела принимают скверный оборот. Эта экзистенциальная установка зафиксирована и на уровне идиоматики. Сколько раз мы видели в голливудских фильмах, как один герой наклоняется над другим (а тот весь израненный-переломанный) и спрашивает: "Are you okay?" – хотя слепому видно, что тот никак не может быть okay, и по-нашему следовало бы запричитать: "Господи, какой ужас! Что они, гады, с тобой сделали!" Но первый не станет причитать, а второй мужественно ответит: "I'm fine". Потому что оба настоящие американцы, оба мыслят позитивно. Кого-то, знаю, от этой позитивности с души воротит, а мне, пожалуй, она нравится. Не ныть, не давить на жалость, не навязывать другим свои проблемы. Чем плохо? Пожалуй, даже красиво» [Акунин 2010: 180–181]. Каждый – сам за себя... Может быть, это и есть стереотип т. н. гражданского общества.

Распространению толерантистских установок, нацеленных на якобы всеобщее уравнение в правах (в первую очередь – по половым, расовым и национальным признакам), способствовали не только массивные усилия информационно-пропагандистских средств США, но также и собственно политический документ международного масштаба – «Декларация принципов

толерантности», содержащаяся в Резолюции 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 19 ноября 1995 г.

Таким образом было официально регламентировано многообразие культур, или «мультикультурализм» (характерным для которого является то, что «не надо вообще ничего знать о других культурах. Всё, что нужно, – считать другие культуры хорошими» [Калашников 2003: 9]), и декларировано равенство их носителей (хотя внедряется несколько иное: «Мы все должны быть **одинаковыми**. Не свободными и равными от рождения, как сказано в конституции, а просто мы все должны стать **одинаковыми**. Пусть люди станут похожи друг на друга как две капли воды; тогда все будут счастливы...» [Брэдбери 1992: 50]; применительно к послесоветской России это означает, в частности, «перепрограммирование нас из самой читающей и противоречивой нации в некое подобие собственным одномерным существам, мыслящим исключительно в заданных свыше категориях и поступающих так, как надо производителям Зрелищ, а не иначе» [Расторгуев 2003: 425] – в справедливости этого суждения легко убедиться при знакомстве хотя бы с голливудской кинопродукцией и сделанной по ее образцу псевдоотечественной).

На протяжении примерно двух последних десятилетий термин *толерантность* (*терпимость*) оказался неотъемлемым элементом речей многих советских (затем российских) политиков и публицистов, дискурса СМИ. С одной стороны, это связано с пониманием *толерантности* как одной из базовых ценностей демократии, с другой стороны – с популяризацией лозунга о возможности и даже

необходимости построения государства, не имеющего в качестве доминирующей какой бы то ни было идеологии.

Политическая корректность (*political correctness* переводят также как «культурная корректность», «коммуникативная корректность»), декларирует недопустимость дискриминации (в первую очередь – ее словесного выражения) каких бы то ни было групп населения (по расовым, национальным, сексуальным, религиозным, возрастным, физическим, психическим и иным признакам). Так, «оскорбительные характеристики» вроде *blind* (слепой) и *illiterate* (неграмотный) предлагается заменить на *visually impaired* (слабовидящий) и *print-challenged* (имеющий проблемы с печатной продукцией); вместо *woman*, этимологически связанного с *man*, что унижает достоинство женщин, ввести *womyn* (соответственно вместо *women* – *wimmen*); даже взамен *a pet*, унижительного для животных, употреблять *an animal companion*, и т. п. Переоцениваются прежние, привычные эвфемизмы: *black people* из-за отрицательного коннотативного ряда «черный», «мрачный», «злой», «тайный» замещается термином *a person of color* (впрочем, тоже не безупречным) и т. д. [Стихин 1995: 139–141]. Ср. примеры, взятые из современного канадского дискурса: нельзя говорить ни «негр», ни «черный», узואально теперь – «афроканадец»; вместо «бедные» рекомендуется говорить «социально непривилегированные», а об умственно неполноценных – «судьба бросила вызов их умственному развитию», гомосексуалисты и лесбиянки – «лица альтернативной сексуальной ориентации» [Земская 1996: 28–29]. Вместо *dying of AIDS* (умирающий от СПИДа) «более правильным» считается говорить *living with AIDS* (живущий со

СПИДом), вместо *fail* (провалиться (на экзамене)) – *no pass* (не пройти). В американском английском возникла группа единиц, указывающих на принадлежность лица одновременно к определенной этнической группе – и к единой, как предполагается, американской нации: Afro-American, Japanese American, Corean American и т. п., что очевидно призвано и подчеркнуть преимущества полиэтничности американского общества, и сформировать ощущение его единства [Шейна 1999: 129].

А, например, борцы с дискриминацией под флагом политкорректности из ассоциации издателей газет американского городка Юджин опубликовали «перечень слов и выражений, которые категорически запрещено использовать при рекламе объектов недвижимости... фразы типа “рядом с домом находится церковь”, поскольку этим завуалированно подается информация о религиозных предпочтениях подателя заявления, что является формой дискриминации для представителей иных вероисповеданий. Также пострадали фразы “прекрасный вид из окна” (может оскорбить слепых) и “пять минут пешком до...” (таким образом оскорбляются безногие инвалиды)» [Политкорректность на грани маразма // СР. 25.10.03. С. 3.].

Чрезвычайно интересно и симптоматично в связи с этим сообщение о том, как сотрудники калужской областной прокуратуры редактируют газеты, чтобы исключить объявления вроде: «Сдам квартиру **русской** семье»; по их мнению, употребление слова «русской» в данном случае «попахивает экстремизмом». Предположение корреспондента: «Как бы не дошло до толерантного объявления: “Сдам квартиру людям”, вполне вероятно, может осуществиться. Ведь и

калужский областной уполномоченный по правам человека Ю. Зельников указывает на недопустимость в информации о трудоустройстве обозначения пола нанимаемого сотрудника, а в объявлениях о личных знакомствах – желательного возраста возможного партнера [Сейчас. 5 канал. 12.10.11].

Политкорректной цензуре подверглось уже и Священное Писание: «...В США начали переходить на новый, “политически правильный” перевод Библии, из которого исключено упоминание о том, что Христос был распят иудеями. Был, мол, распят, а кем и почему – неважно. Это – чтобы устранить из Евангелия “антисемитизм”. Чтобы не обидеть феминисток, изменено понятие Бог-отец (он теперь Бог-отец-мать), так что рушится вся суть Троицы. Внесены и многие другие подобные “демократические” изменения» [Кара-Мурза 2002: 97]. Несоблюдение критериев «политической корректности» может повлечь за собой весьма ощутимые последствия для речедеятеля: подорвать его репутацию, разрушить карьеру и создать для него множество других трудностей [Киселёва 1997: 115–116], см. также [Бушуева 2000]. По свидетельству А. Гладилина, сегодня «французы настолько запуганы политкорректностью, что они не могут защищать [от иммигрантов, права которых для властей приоритетны] свою идентичность» [Новосёлова 2010: 4].

Можно предполагать, что далеко не все носители языка относятся к проявлениям политической корректности с одинаковым энтузиазмом (ср.: «Помощница руководителя... сообщила, что звонят из оперативного отдела... Политкорректность раздражала Роя Грейса всё больше и больше, особенно – в полиции. Не так давно их называли попросту **секретаршами**, а

теперь – фу-ты ну-ты, **помощник руководителя!**» [Джеймс 2008в: 73]; кстати, в соответствии с подобной игрой в слова, и в России *секретарей* и *референтов* постепенно, но неуклонно вытесняют *помощники руководителя*).

По размаху, с которым «политическая корректность» порождает одни лексические единицы и стремится уничтожить другие, ее сравнивают со сходными процессами Великой французской или Октябрьской революции [Стихин 1995: 138].

Однако эта разновидность цензуры отличается не только тем, что она вовсе не способствует исчезновению вместе с номинативными единицами предметов, явлений, социальных групп, ими обозначаемых. «Политическая корректность», как полагают, далеко не случайно возникла и усиленно культивируется именно в США: состав их населения является многорасовым и многонациональным, и с помощью *р.с.* предпринимается попытка нивелировать прежде всего национально обусловленные различия между разными группами граждан (что, еще раз подчеркнем, отнюдь не предусматривает радикальных изменений экономического уклада или политического устройства страны). Этот феномен относят к последствиям глобальной интеграции культур путем разрушения исторически оправданного для любого народа и проявляющегося в его языке эгоцентризма, взамен которого предлагаются (а точнее говоря, всё-таки навязываются) якобы «абсолютная релятивность оценок, равноправие культур и индивидуумов» [Стихин 1995: 141–142]. Американский английский выступил, таким образом, в роли экспериментального материала, а США – в роли испытательного полигона грядущей всеобщей и

поголовной унификации, что вызывает некоторые ассоциации с пресловутым тоталитаризмом, но, учитывая сегодняшнюю распространенность английского языка, – уже в глобальном масштабе.

Политкорректное слово и толерантное дело

Поскольку идеологические установки воплощаются с помощью языковых средств, лингвистические аспекты толерантности являются первостепенно важными, и вовсе не только в теоретическом плане. Напомним: толерантность и политкорректность могут быть соотнесены как методология и методика, как мировоззрение и свод правил и норм, соответствующих данному мировоззрению [Гусар 2006: 96] – причем это еще правила и нормы словоупотребления, выражающие и предопределяющие мировоззрение и поведение носителей языка, которые оказываются таким образом программируемыми и прогнозируемыми. Ведь, начиная с использования диффузных терминоидов-мифогенов, «называние предметов и явлений отражает состояние умов и будущих поступков: сегодня слово... *терпение* [заменяется] словом *толерантность*, предполагающим нередко терпимость к разного рода порокам и извращениям человеческой природы...» [Аннушкин 2009: 175–176].

Поскольку речь идет прежде всего о вербальных формулировках, способных подтвердить весьма дискуссионную толерантность, сопряженную с «деидеологизацией», то обосновывать ее взялись и лингвисты. Полагают, например, что «ориентация на систему коренных этнических ценностей освобождает

слова от идеологических добавок, возвращает их в собственно культурный оборот... Освобождение... слов от идеологической зависимости задает *толерантное* отношение общества к новым течениям... Деидеологизация стала фактором, в значительной мере определяющим внутрикультурную и межкультурную *толерантность*» [Купина, Михайлова 2002: 25] (ср.: «концептуальная деидеологизация» [Вепрева 2002: 269]; опытным исследователям охотно вторят начинающие коллеги).

Любопытно, что авторы, вдохновленные идеей толерантности и посильно пропагандирующие ее, совсем не толерантно реагируют даже на имитации возрождения и укрепления патриотизма в России.

Исторически недавно вместе с ликвидацией социалистического государства были отменены и деклариовавшиеся его пропагандистской системой, а нередко и воплощавшиеся морально-этические установки, среди которых фигурировал и «советский патриотизм» (вообще «*патриотизм* – 'любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу'» [МАС₂ III 1983: 33]). В перестроечно-реформаторский период само понятие *патриотизм* (и уже не только *советский*) стало объектом ожесточенной критики со стороны официальной пропаганды, тиражировавшейся в речах политиков, выступлениях представителей т. н. «творческой интеллигенции» и прочих (многие из которых, в отличие от этнически русских, имели и имеют про запас то, что они сами именуют «исторической родиной», да к тому же – как один «телеакадемик» – двойное и тройное гражданство); под лозунгом «вхождения в мировое сообщество» (как будто Российская империя, а затем –

СССР находились вне его, на какой-то иной планете^[32]), по существу, всячески популяризировался – и это происходит по сей день – космополитизм (видимо, как одна из смутных «общечеловеческих ценностей»). СМИ (особенно телевидение) интенсивно внедряют в сознание молодежи чужекультурные стереотипы художественного вкуса, поведения, общения, отношения к труду, к истории отечества и т. п. Излишне говорить здесь о российском шоу-бизнесе, строящемся по американскому образцу и вытеснившем собственно искусство, и о преподавании в школах и вузах гуманитарных дисциплин с использованием учебников и методик USIA, «Открытого общества» Дж. Сороса и других зарубежных филантропов.

Неслучайно ведь гнездо существительного *патриот* в современной лексикографии представлено только группой слов, ставших в официозных СМИ инвективными по отношению к представителям оппозиции (*национал-патриот, национал-патриотизм, национал-патриотический, патриотический, псевдопатриот, псевдопатриотизм, ультрапатриот, ультрапатриотический, ура-патриот, ура-патриотический*), окрашенными отрицательно-оценочно; значение же самого слова *патриот*, снабженного пометой полит., толкуется через его якобы абсолютный синоним: «'национал-патриот', полит. неодобр. 'представитель, сторонник национал-патриотизма'», а *национал-патриотизм*, в свою очередь, – «полит. неодобр. 'идейно-политическое

³² Кстати, само словосочетание *мировое сообщество* внутренне довольно противоречиво: вероятно, это «цивилизованные государства» – такие, которые соответствуют стандартам американско-западноевропейского устройства общества.

движение конца 80–90-х гг., выступающее за сохранение национальных исторических культурных ценностей и традиций России на почве крайнего национализма'» [ТССРЯ 2001: 498–499].

Таким образом словарь фиксирует как аксиому общественного сознания: быть патриотом – по меньшей мере, неразумно и предосудительно; вероятно, еще и потому, что сам патриотизм никак не вмещается в рамки толерантности – ведь если исходить из вышеприведенной дефиниции МАС₂, то патриотизм не означает заведомой толерантной предрасположенности к любой стране и к какому угодно народу, толерантную потерю исторической памяти в зависимости от чьих-то конъюнктурных коммерческих интересов и прочих толерантных достоинств (в общем, это чуть ли не экстремизм).

Понятно, что при «деидеологизации» государства и в межличностных, и в международных отношениях доминирует материальный, финансовый фактор. Так, в сообщении о выплате Германией «компенсации» российским гражданам – жертвам нацизма сказано: «Мы **закрываем** трагическую **страницу** истории» [РТР. 03.12.01], – т. е., по существу, предложено **забыть** весь комплекс событий Великой Отечественной: страшные жертвы и разрушения, имена героев, их подвиги... Иногда (возможно, опять же с целью воспитания толерантности у аудитории) по этому вектору корректируются выступления даже высших государственных руководителей.

Например, в заявлении российского президента прозвучало: «Это показывает, что **все проблемы** практически **мы закрыли... – по выплате долга**

России ФРГ... и сейчас можем развивать наши отношения с чистого листа» – диктор тут же отредактировал: «**Все проблемы прошлого** между Россией и Германией **закрыты**» [Вести. РТР. 03.09.02].

Поэтому по-своему логично и даже обыденно, например, такое публичное заявление депутата Госдумы от Союза правых сил А. Баранникова по поводу якобы существующей проблемы Курильских островов: «Аргумент “ни пяди советской земли агрессору мы не отдадим” – это прошлый век» [24. Ren-TV. 13.03.02] (ср. известное: «Кемскую волость?... Да об чём разговор? Да пущай забирают на здоровье!» [Булгаков 1990, 5: 455] – кстати, в пьесе эту реплику произносит вор Милославский). Собственно, судя по некоторым сообщениям СМИ, процесс передачи российских территорий другим государствам уже происходит.

На протяжении ряда лет в духе политкорректности в сознании российского социума культивируется подготовка благожелательного отношения к радикальному пересмотру памяти о Великой Отечественной войне. Эти операции носят характер комплексной ревизии, переоценивающей буквально все исторические события и роли их главных персонажей – видимо, почва для деятельности недавно учрежденной комиссии «по противодействию фальсификации истории» создавалась целенаправленно и заранее. Приведем несколько примеров из российского теледискурса.

Существительное *ВОИН* имеет в русском языке многовековую традицию высокой положительной оценки обозначаемого лица как «своего» – безразлично, русского или советского; в [БАС₂] «воин – тот, кто несет военную службу, сражается с врагом; боец,

военнослужащий (обычно в торжественной речи)». Но ср.: «На кемеровских шахтах в сорок третьем – пятидесятом годах работали бывшие *воины* Германии, Румынии и других стран» [РТР. 1993]. «По договоренности русского [!] и японского правительств [чиновник имярек] занимается возвращением на родину останков японских *воинов*» [КГТРК. 24.04.98]. Такая подмена «своего» «чужим», или представление «чужого» как «своего» – сами по себе уже чрезвычайно значимые в семантическом, а значит, и в пропагандистском аспекте. Однако это лишь фрагмент информационной кампании.

Ср. следующие примеры. Участники диалога в телевизионном «Пресс-клубе» рассуждают: «[Т. Эйдельман, учитель истории:] Мы привыкли, что Великая Отечественная война – это святое... Святое – это то, о чем не говорят^[33]. И чем меньше мы будем говорить о святынях, тем больше шансов, что они у нас появятся... [К. Осповат, школьник:] Для меня нет ничего святого в истории... Самое святое – это борьба человека за свою свободу» [ОРТ. 22.04.97]. – «День вывода русской армии из Берлина, *как и* День Победы, останется **праздником** со слезами на глазах» [Новости. Останкино. 22.04.97]. «Сегодня можно сказать, что **любая** война безнравственна» [Вести. РТР. 11.12.98]. – «Праведных войн не бывает» [М. Бердникова. Нью-Йорк. ТВ-6. 31.03.98]. «Эта выставка напоминает, что обычно, **независимо от исхода войны**, в ней есть всегда: это **гибель невинных людей** [в этот момент на экране – картины, изображающие мертвых солдат вермахта, их

³³ По-видимому, в соответствии с канонами одной из мировых религий, запрещающей произносить вслух имя верховного божества.

могилы и т. п.]... Поздравляем с Днем Победы!» [Доброе утро, Россия! РТР. 10.05.00]. «Их [итальянских солдат на «восточном фронте»] судьба была **трагична**» (С. Филонов, историк) [Сегодня. НТВ. 16.09.08]. С умилением повествуется о визите в Москву (вероятно, несколько запоздалом, по мнению создателей передачи) «бойцов вермахта»: «В музее на Поклонной горе – выставка произведений немецких солдат-фронтовиков [т. е. с того же «восточного фронта»]... **Бывшие враги** с цветами отправляются к могиле Неизвестного солдата...» [Сегодня. НТВ. 11.04.10] и мн. др.

«Уважаемым россиянам» предлагаются – очевидно, для всемерного подражания – впечатляющие примеры толерантности: «Немецкий летчик просил прощения у жителей английского города Бата за бомбардировки [во время второй мировой войны; там погибло около 400 человек]. Реакция англичан: “Мы его простили, он делал свою работу”. Теперь немецкий ветеран собирается в Россию...» [Сегодня. НТВ. 28.04.04] (по-видимому, здесь еще и неэксплицированная рекомендация уцелевшим советским ветеранам: пока не поздно, покаяться перед агрессорами и оккупантами). Небезынтересно в связи с этим, что в преддверии очередного юбилея победы в телеэфире звучали и такие пожелания: «Сегодня надо сделать ставку на *толерантное* отношение к участникам той войны [т. е. советским ветеранам Великой Отечественной]» (анонс программы «Живые мысли») [7 канал 06.05.10]; трудно точно объяснить употребление прилагательного **толерантное** именно в таком контексте – то ли обыкновенная безграмотность, то ли что-то иное (примерно через год тот же ведущий квалифицировал всех без исключения российских пенсионеров как

«иждивенцев, постоянно ждущих помощи от государства»).

Исходя из дефиниции понятия «культура», данной Ю. В. Рождественским («деятельность, служащая обеспечению устойчиво-продуктивной жизни общества за счет отбора, систематизации, хранения, изучения и организации использования правил и прецедентов деятельности»), логично полагают, что «правила и прецеденты являются фактами культуры, которые хранятся в памяти общества и людей – если некоторые факты предлагаются к пересмотру или забвению, то это существенное нарушение духовной общности людей» [Аннушкин 2009: 176]. Здесь же приводится пример, созвучный ряду вышеприведенных: «6 мая накануне Дня Победы канал СТС показывает очень милых немцев (киношников, художников), которые говорят, что “лучше бы не вспоминать эту войну”, “зачем, мол, все эти тяжелые воспоминания, тревожащие душу?” Так политика толерантности предаёт забвению факты культуры, и именно так ведётся скрытая психологическая война с осторожным нарушением символического зонтика данной нации» [Аннушкин 2009: 176].

На территории самой России на протяжении чуть ли не всего перестроечно-реформаторского периода светлые силы неустанно и бескомпромиссно борются против страшного, но совершенно мифического «русского фашизма», «которым, конечно же, легче самим себе и миру объяснить грозное недовольство ограбленного и согнанного с родных мест населения... Но фашизм-то тут при чем?» [Поляков 2005: 154]. Конечно, сам по себе фашизм здесь ни при чем, но словесный

ярлык-жупел, наклеенный на пустоту, пропагандистски чрезвычайно удобен для игр манипулятивных.

Он тиражируется в стране, наиболее пострадавшей от фашистского нашествия, а потому естественно вызывает сильнейшую реакцию отторжения. Любопытно, что для доказательства реальности «русского фашизма» кем-то даже было создано антифашистское движение «Антифа», основателем которого номинально считают некоего Ивана Хуторского, «юриста по образованию» с толерантным прозвищем Костолом. Костолом был якобы убит «русскими фашистами», и теперь соратники павшего героя, которых почему-то называют «левыми радикалами», сражаются в память о нем (кажется, есть некоторая аналогия с Хорстом Весселем). Правда, за неимением собственно фашистов уже нападали и на офис депутата, и на редакцию газеты «Комсомольская правда»... Храбрецы-антифашисты охотно дают телеинтервью (как правило, в масках): «Нужно как бы бороться... Обстановка как бы национализма в стране... В принципе как бы отступить уже некуда» [Неделя. Ren-TV. 19.12.09]. Это – один из многих случаев трансформации сознания под влиянием слов-мифогенов: молодые люди настолько запуганы мнимой угрозой, что запугивают и других: провоцируется массовый психоз^[34]. Вероятно, это также и результат умелой организаторской работы, подкрепленной чьим-то щедрым финансированием... Но «Антифа» и костоломы – конечно, радикалы от толерантности. Воспитание ее в массах может быть и более тонким. Например: «Профилактика фашизма. В

³⁴ Примерно так же СМИ в интересах фармацевтических и иных компаний (а также, вероятно, связанных с ними чиновников) осенью 2009 г. раздували истерию по поводу «свиного гриппа».

Воронеже, известном выходками скинхедов, проводится чаепитие со студентами из Африки» [Сегодня. НТВ. 04.12.06]. Из этого сообщения следует: а) фашизм в России несомненно существует; б) в Воронеже очень много фашистов; в) активно проводится работа по повышению толерантности. Реален же, возможно, лишь факт интернационального чаепития...

С другой стороны, весьма редко, и только при особых обстоятельствах, получают огласку случаи межэтнической интолерантности, так сказать, обратной направленности – например, случай избиения в МГУ двумя дагестанцами русского студента; не окажись он сыном первого заместителя министра МВД России, об этом вряд ли бы стало известно. Кстати, в той же передаче [Неделя. Ren-TV. 06.12.08] говорилось: «Союз русских студентов не поощряется властями»; в то же время инациональные землячества никто не запрещает, поскольку это было бы не толерантно.

Особые надежды возлагаются сегодня в России, по-видимому, и на религиозное воспитание детей: в государственных школах введено обучение основам мировых религий. Интересно и то, что это произошло в светском (по конституции) государстве, и то, что почти одновременно с этой новацией началось упразднение уникальной системы высшего педагогического образования^[35].

Тем же, кто чрезмерно и притом искренне уповает на благотворный толерантогенный потенциал, который якобы заложен в преподавании религии, надо быть

³⁵ Последнее новшество может вызвать к жизни ситуацию вроде описанной М. Булгаковым в фельетоне «Электрическая лекция» (1924).

готовыми к очередному разочарованию: «На протяжении многих столетий традиционная религия всегда стремилась насаждать единомыслие, всегда отличалась большей или меньшей нетерпимостью к инакомыслию и поэтому, как правило, всемерно содействовала той культуре, которая отвечала интересам утверждения данной религии и осуждала, а в прошлом преследовала и уничтожала ту культуру, которая не отвечала этим интересам. Это происходило со всеми религиями...» [Каушанский 1993: 7].

Предлагается, по существу, выбирать между хорошим (толерантностью) и – мягко выражаясь – не очень хорошим (патриотизмом), ибо если понимать *патриотизм* как 'любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу' [МАС₂ III 1983: 33], то это чувство легко объявить выходящим за пределы *толерантности*, принимаемой в качестве нормы, а следовательно – чувством опасным, излишним. Хотя таковым оно может считаться только с позиций новейшего воплощения космополитизма – глобализации, для которой патриотизм является естественным препятствием.

Формируется альтернатива (по модели оппозиции *хорошо/плохо*): *толерантность/патриотизм*. Заметим попутно, что, как указано на первой странице коллективной монографии, посвященной разноаспектному познанию толерантности, «поддержку данного проекта осуществляют Московский общественный научный фонд совместно с Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США)»

[Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург. 2003]. Вряд ли можно считать случайными согласованные филантропические порывы зарубежных доброжелателей.

Вероятно, щедро финансируется и деятельность российских СМИ, также распространяющих то, что они считают (или им предписано считать) *толерантностью*.

Анализ контекстуальной семантики слова *толерантность* в дискурсе российской центральной прессы позволил сгруппировать найденные случаи по принципу «сфера употребления»: толерантность как идеология (причем имеющая четко выраженную инокультурную природу); межэтнические отношения; межконфессиональные отношения; межличностные отношения; социальные отношения; сексуальные отношения (прежде всего, применительно к т. н. «сексуальным меньшинствам», т. е. приверженцам половых извращений, трактуемых теперь как «допустимые отклонения»); профессиональная деятельность [Гусар 2006].

В зеркале политкорректности, отражающей и запечатлевающей толерантность, меняются естественные представления об очень многих событиях и ситуациях и их оценки. Например: «Елена Яцык [адвокат убийцы] могла воспользоваться методами, которые, может, **не совсем законны**, но могли помочь подозреваемому» (мнение коллеги-адвоката) [Человек и закон. 1 канал. 22.05.08]. Подобные деликатные формулировки сегодня не редкость (ср. в политкорректной Америке: «Уэсли Снайпс [голливудский актер, обвиняемый в неуплате налогов в размере 15 млн долларов, за что ему грозит наказание – 3 года тюрьмы и 5 млн долларов штрафа]

назвал себя “**наивным искателем правды**, который никогда не разбирался в финансовых делах”» [Вести-дежурная часть. РТР. 28.04.08]).

Наряду с толерантным отношением к преступности, «нам пытаются навязать толерантное отношение к пьющим, курящим женщинам и молодежи, к наркотикам, абортам, порнографии; не за горами узаконивание проституции, эвтаназии» [Гуськова 2004: 135].

Толерантность активно насаждается и в области межнациональных (межэтнических) отношений, где в качестве гиперонима, нивелирующего граждан РФ и явно элиминирующего (якобы за ненадобностью) этноним *русский*, выступает теперь словечко *россиянин*. К тому же ряду волшебных изменений принадлежат и периодически вводимые варианты слова *реформа*, которое уже в 1998 г. оценили как синоним разрухи, воровства и безвластия [Поляков 2005: 360]; впрочем, теперь актуальны не все из перечисленных ассоциаций.

Поле игры / Театр боевых действий

Рассуждая об общих чертах игры и ратного дела, Й. Хёйзинга писал, в частности: «Сообщество государств, построенное на положениях общепризнанного международного права... вовсе не утрачивает всех черт игрового сообщества. Разделяемые им принципы равноправия противостоящих сторон, дипломатические формы, взаимные обязательства верности договорам и официальное расторжение ранее заключенных соглашений формально уподобляются правилам игры, связующим сообщество государств...» [Хёйзинга 1997: 105] (впрочем, надо, конечно, учитывать, что это было

написано за несколько лет до начала Второй мировой войны).

С другой стороны, «основные формы спортивного состязания по самой своей сути являются древними и неизменными. В некоторых из них на первый план выступает соревнование в быстроте и силе как таковое. <...> Существуют и такие формы, что сами собой развиваются в организованные игры с системой правил. Прежде всего это игры с мячом или же игры, когда участники убегают и ловят друг друга... Жесткая организация легче всего прививается в играх, где две группы играют друг против друга. И это тоже старо, как мир: деревня мерится силой с деревней, школа – со школой, квартал – с кварталом» [Хёйзинга 1997: 187].

Таким образом, между военными сражениями и спортивной командной игрой (например, футбольным или хоккейным матчем) существует определенное сходство. В битву вступает армия, подготовленная на маневрах, придерживающаяся определенных планов ведения боя – и генерального плана всей кампании в целом; имеются некие договоры и обязательства; существует поддерживающий армию тыл (пусть в современной войне это весьма условное понятие); воины конкретной армии снабжены обмундированием установленного образца; победившая сторона получает трофеи и репарации с побеждённой и т. п. В футбольном или хоккейном матче участвует команда, хорошо сыгранная на многочисленных тренировках, имеющая тактику очередной игры – и стратегию чемпионата в целом; существуют четкие и обязательные для выполнения правила поединка, нарушителей которых жестко наказывают (скажем, удаляют с поля, дисквалифицируют на определенный срок или количество игр); множество

болельщиков, активно поддерживающих своих любимцев, образуют нечто вроде тыла; игроки каждой команды одеты в отличную от других форму; победителям достаются призы и гонорары и т. д.

Довольно много общего и в специальных терминосистемах войны и игры, как будто сообщающихся: сражение, как и матч, можно *выиграть* или *проиграть*, а в матче *победить* или *потерпеть поражение*; и там и здесь присутствуют как необходимые элементы *атака, штурм, нападение, оборона, защита*; в подготовке армейских командиров значительна роль *штабных игр* и т. п.

Весьма показательны в этом отношении и тексты некоторых песен о спортивных командных играх: они буквально пронизаны военизированной метафорикой. Вот, например, песня из советского кинофильма 1937 г. «Вратарь», посвященного футболистам: «Эй, вратарь, готовься к *бою*, – *Часовым* ты поставлен у ворот! Ты представь, что за тобою *Полоса пограничная* идет!» (сл. В. И. Лебедева-Кумача). Или в песне 1968 г. – о хоккеистах: «Суровый *бой* ведет ледовая *дружина*...» (сл. С. Т. Гребенникова и Н. Н. Добронравова).

Иногда параллели между войной и спортом материализуются почти неожиданным образом. Помнится, когда в начале 1970-х гг. советская хоккейная команда ЦСКА (Центрального спортивного клуба [Советской] армии) выступала за океаном, то зарубежные трансляторы матчей, указывая в титрах точное название соответствующего клуба НХЛ, тут же в титрах именовали ЦСКА то ли просто сокращенно, то ли исходя из определенных пропагандистских установок – «Red Army» («Красная Армия»). Получалось, что какой-то

североамериканский хоккейный клуб вступил в противоборство со всей Советской Армией. Конечно, переживания по поводу игр были острыми – и прежде всего у тех, кто желал победы «своим», советским.

Есть и еще одна черта, обязательная как для воинов одной армии, так и для членов одной спортивной команды: верность своей стране, своему клубу. «Верность – это преданность лицу, делу или идее, не требующая дальнейших обсуждений причин этой преданности и не допускающая сомнений в ее постоянной обязательности. Это позиция, в сильной степени свойственная самой сути игры» [Хёйзинга 1997: 108].

Конечно, многое в большом спорте (как и в военном деле) за последние несколько десятилетий радикально изменилось. Большой спорт – часть большого бизнеса (как и шоу-бизнес, заменивший собой искусство). Главным критерием успешности спортсмена или команды становятся рентабельность и размеры гонораров (ср.: о теннисисте Кафельникове, который «переместился в рейтинге на одну строку ниже, однако по сумме заработанных в этом сезоне денег он выше» [Новости. ТВ-6. 15.03.99]): «...Отношение к игре становится всё серьезнее... Поведение профессионала – это уже не игровое поведение, непосредственности и беспечности в нем уже нет... Игра обрела серьёзность, игровое настроение из нее более или менее улетучилось» [Хёйзинга 1997: 188]. Существует развитая спортивная индустрия – производство инвентаря, сувениров, рекламы... Болельщиков почти всецело сменили «фанаты», не всегда хорошо разбирающиеся в тонкостях игры, но агрессивные, обычно готовые вступить в драку с такими же фанатами другой команды либо на трибунах

стадиона, либо вне его – даже и заранее оговаривая время и место побоища, а также равное количество участников – до нескольких сотен человек с каждой стороны: это сами фанаты называют словом «околофутбол» [В час пик. Реп-TV. 14.08.09].

Примерно так предвидел сорок лет тому назад спортивную жизнь и «околоспорт» советский писатель-фантаст, рассказывая о посещении землянами коммунистического будущего планеты Торманс, где властвует олигархическая диктатура. «Людам Земли казалось странным, как могли спортивные состязания собирать такое огромное количество не участвующих в соревнованиях зрителей, почему-то приходивших в невероятное возбуждение от созерцания борьбы спортсменов. Только впоследствии земляне поняли существо дела. В спортивных соревнованиях выступали тщательно отобранные люди, посвятившие всё свое время упорной и тупой тренировке в своей спортивной специальности [далее сообщается: «Небольшая группа людей [тормансиан] среди “кжи” [«краткожителей», представителей низших социальных слоёв, продолжительность жизни которых по государственному закону ограничивалась 25 годами] достигала возраста в 30 земных лет. Это были т. н. “спортивные образцы” – профессиональные игроки и борцы, ничем не занятые, кроме мускульных тренировок, развлекавшие огромные толпы на стадионах зрелищами, похожими скорее на массовые драки»]. Всем другим не было места на состязаниях. Слабые физически и духовно тормансиане, как маленькие дети, обожали своих выдающихся спортсменов. Это выглядело смешно и даже противно» [Ефремов 1989: 75, 299].

Изменилось и представление о спортивной верности – как и о верности вообще: например, многие советские хоккеисты – В. Фетисов и др. еще в годы перестройки уехали за океан, чтобы выступать за клубы североамериканской НХЛ. В российских СМИ их почему-то продолжали называть «российскими хоккеистами» и – якобы почетно – «легионерами» (хотя здесь налицо аналогия с «Иностранным легионом» – «назв. наемных воен. формирований Франции (с 1831) и Испании (с 1920). Состояли гл. образом из деклассиров. и преступных иностр. элементов» [СЭС 1983: 493]; кстати, еще в 1990-х российское телевидение в документальном фильме рекламного характера популярно объяснило, каковы условия службы во Французском Иностранном легионе и куда следует обращаться желающим поступить в него).

И всё же... В большом спорте специфически воплощается универсальная оппозиция *свои/чужие* (*хорошие/плохие*) – как и в войне. Как и в войне, есть сочувствующие *своим* – а есть и симпатизирующие *чужим*. На войне последних обычно квалифицируют как предателей и изменников, но, вероятно, с точки зрения толерантности это уже не совсем так...

«Для разжигания антигосударственного чувства были призваны (скажем прямо, наняты – в широком смысле слова) самые любимые таланты России, против слова которых беззащитна душа простого человека. После 1991 г. в их откровениях была сделана небольшая коррекция – упор делался уже на “советском” государстве, но это ничего не меняет. ...Важен был сам факт: человек, которому мы поклоняемся, ненавидел свое государство. Вот Николай Петров, преуспевающий музыкант, делает такое признание: “Когда-то, лет

тридцать назад... мне очень нравилось ощущать себя эдаким гражданином мира, для которого качество рояля и реакция зрителей на твою игру, в какой бы точке планеты это ни происходило, были куда важней пресловутых берёзок и осточертевшей трескотни о "советском" патриотизме. Во время чемпионатов мира по хоккею я с каким-то мазохистским удовлетворением болел за шведов и канадцев, лишь бы внутренне остаться в стороне от всей этой квасной и лживой истерии, превращавшей всё, будь то спорт или искусство, в гигантское пропагандистское шоу"» [Кара-Мурза 2002: 617]. Вероятно, именно это давно вызревшее «внутреннее отстранение» позже, накануне президентских танковых стрельб октября 1993 г. по Верховному Совету – как некоему условному олицетворению ненавистной советской власти и советского патриотизма – побудило Н. Петрова (в стае подобных ему представителей «демократической творческой интеллигенции») призывать мятежного Ельцина: «Канделябрами их [депутатов], Борис Николаевич, канделябрами!», за что музыкант и получил впоследствии почетное прозвище «канделябрист». Любопытно, между прочим, отметить здесь некую то ли преемственность, то ли закономерность: подобную воинственную решительность высказывал в августе 1991 г. виолончелист Ростропович, публично – перед телекамерой – совершенно неумело взявшийся за оружие и недоуменно вертевший в музыкальных руках автомат Калашникова...

Спортивный обозреватель считает: «А что футбол не романтическая комедия для подростков, а именно остросюжетный жанр, так то хорошо. Сюда и идут за эмоциями. Ответственные игры и замечательны тем, что

рождают для изнежившегося в мире, согласии и толерантности человечества истинных героев войны. Беспощадных в нужное мгновение к сопернику, приносящих первобытное ликование своему народу» [Шевнин 2009: 5]. Возможно, и подобные мнения в определенной степени справедливы.

С точки зрения философа, развитие конфликта, перенесенного с поля «горячей» или «холодной» войны, возможно по двум основным сценариям (см. [Перцев 2003]).

Согласно первому, «одна из сторон, навязав оппоненту военное перемирие, продолжает добиваться своей победы иными, "ненасильственными" средствами»: «экономическая экспансия или блокада, массированное насаждение своего образа жизни на территории вчерашнего [?] врага под прикрытием переговоров» – «это всего лишь иные, невоенные способы добиться от противника капитуляции» [Перцев 2003: 31]. В общем, этот сценарий «предполагает понимание толерантности как средства обеспечения победы над противником без использования насильственных средств. Победы, достигаемой не мытьем, так катаньем, не мощью оружия, так мощью экономической или мощью интеллектуальной. Победа здесь равнозначна утрате противником его идентичности, отказу от собственной системы основополагающих жизненных ценностей» [там же]. Следует сказать, что вышеперечисленные «ненасильственные средства» в действительности вряд ли таковы: экономическая экспансия разрушает промышленность страны-жертвы, усугубляет в ней безработицу и нищету, снижает уровень здравоохранения и образования, ухудшает экологическую ситуацию и провоцирует техногенные

катастрофы и т. п.; блокада вызывает голод – в обоих случаях стимулируется рост преступности, умножающей количество человеческих жертв. Насаждение противником своего образа жизни на территории врага – один из важнейших компонентов информационной войны, а утрата атакуемыми собственной идентичности и исконных жизненных ценностей – это одновременно потеря сколько-нибудь осмысленных перспектив дальнейшего существования; тем самым программируется вымирание побежденных.

Второй же из возможных сценариев (видимо, еще более толерантный, а потому, кажется, предпочтительный для цитируемого автора) предполагает «устремленность не к победе [напомним, что речь идет именно о **конфликте**; если в нем не предусматривается победа одной из сторон и, соответственно, проигрыш другой, то, может быть, подразумевается что-то иное – скажем, нечто вроде любовного поединка? – А. В.], а к установлению устойчивого сотрудничества со вчерашним [?] противником» [Перцев 2003: 31] (видимо, в иных терминологических координатах подобное именуется коллаборационизмом). (Развернутый далее в цитируемом источнике перечень условий такого сотрудничества весьма любопытен в свете сегодняшних реалий.) Ср.: «...Довольно трудно представить себе армию, которая ставит перед собой иную цель, чем победа над врагом, армия, которая не имеет перед собой образа “вероятного противника”. Это трудно, но возможно. На протяжении последнего десятилетия российская армия живет [?] без такого образа. В возможности этого убеждает идея войск ООН, осуществляющих миротворческие функции, а также реализация концепции сотрудничества России с НАТО...»

[Перцев 2003: 32]. Цитируемый автор, к сожалению, не указывает, какие крупные государства, последовав воодушевляющему примеру России, отказались от «образа вероятного противника» – видимо, они не считают подобное необходимым. Ведь, например, «сегодня летчики дальней авиации [РФ] называют своих зарубежных коллег **друзьями**. “Это воздушное патрулирование, а не боевое, то есть без боевого оружия”» (что-то вроде туристических круизов) [Новости. 1 канал. 28.08.07]. – «Согласно **требованиям** американской стороны сделать охрану F-15 и F-16 более эффективной [на международном авиакосмическом салоне в Жуковском]... Эти **требования** наших американских **друзей** были выполнены» [Вести. РТР. 21.08.07]. Или: «Бывшие вероятные противники, а теперь – **партнеры**... участвуют на Дальнем Востоке в совместных контртеррористических учениях... Российские и американские летчики в одной связке на учениях под **брендом** “Бдительный орел”» [Сейчас. 5 канал. 10.08.11.]. В том же толерантном направлении идет подготовка юношества в специальных учебных заведениях: «Главная идея кадетского воспитания – прославление России... Приложить все силы для прославления Отечества... У кадета Максима Зверева – одна из лучших работ на конкурсе ООН... Он предложил идею мирового правового государства. Суть – раскрытие всех государственных границ» [Обозрение–7. 7 канал. 10.02.03]. Ср.: «Наша страна – не страницы истории, не границы, не территории, а люди! Люди – это наша страна!» (реклама пива) [1 канал. 20.09.06].

Что же касается «миротворческих функций», то эта формулировка амбивалентна – ее понятийное наполнение вариативно. Когда-то, в начале 1950-х, на

обложке американского журнала «Collier's» был помещен фотомонтаж: солдат в каске с аббревиатурой UN на фоне карты СССР, с географическими обозначениями также на английском... И после того ведущие члены НАТО практикуют миротворчество очень активно – так же, как войска собственно США защищали и защищают «демократические ценности» (вариант – «свободу и демократию») по всему миру. Вполне возможна «гуманитарная операция, когда иностранные войска вступят на территорию РФ для предотвращения техногенных катастроф, для охраны ядерных арсеналов и опасных производств, для того, чтобы оружие массового поражения не попало в руки террористов с экстремистами» [Калашников 2003: 158] (см. там же диапазон поводов для военного вторжения в Россию, разработанный корпорацией «РЭНД» в начале 2003 г.).

«Наконец, современные армии в сотрудничестве своем способны противостоять природным и экологическим катастрофам. ...Обретает вес и новое содержание идея войсковых формирований Министерства по чрезвычайным ситуациям» [Перцев 2003: 32], – при том, что постоянно сокращается и ослабевает («реформируется») российская армия, а теперь уже и милиция (полиция).

Столь же разумна для сырьевой России «экономика сотрудничества», включающая в себя отмену антимонопольного законодательства, так как оно – «барьер, поставленный на пути экономики, нацеленной на победу над конкурентами и последующий тоталитарный диктат на рынке» [там же]. В культуре такое толерантное сотрудничество предполагает «отрицание национального пуризма» и «взаимообогащение культур», причем с «постоянным

взаимоограничением» и т. д. [Перцев 2003: 32–33] (почему-то совершенно не учитывается чужекультурная экспансия в России).

Конечно, подробное цитирование постулатов толерантности (точнее, философии капитуляции) целесообразно лишь как пример квинтэссенции многочисленных подобных построений, в изобилии присутствующих и в трудах толерантствующих российских лингвистов.

Замечая активизацию «так называемой патриотической лексики и фразеологии в связи с государственной программой патриотического воспитания 2001 г.» (*Россия – великая держава, народ-победитель, достойный ответ США, лучшие в мире противоракетные комплексы* и др.), делают вывод: «реанимация подобных стереотипов, возможно, дает патриотический заряд, но одновременно составляет почву для возникновения изоляции и конфронтации» [Купина, Михайлова 2002: 26] – т. е. для обиды наших добрых американских друзей: нарушается толерантность.

Пример вопиющей *нетолерантности* усмотрен и в оценочных высказываниях по поводу ряда событий XIX Олимпиады (Солт-Лейк-Сити, США), оказавшейся довольно трудной для российской сборной. На основе анализа языкового материала – текстов некоторых российских СМИ – делается вывод о тенденции к прямым, резко аффективным оценкам; походя упоминается (кажется, вслед за А. Вежбицкой) и присущая якобы исключительно русскому менталитету склонность снимать с себя ответственность за происходящее^[36]. Всё

³⁶ Немецкий писатель устами близкого ему персонажа отзывался о своих соотечественниках-нацистах так: «Это были первые автоматы автоматического

это дает возможность утверждать, что «идеологема врага не только присутствует в общественном сознании, но и активно функционирует в СМИ. Жесткая ментальная оппозиция *свои – чужие* еще себя не изжила, хотя [!] советская эпоха осталась позади» [Мазнева 2002: 101]. Конечно, оппозиция *свой/чужой* (в различных ее модификациях и вербальных воплощениях) существовала у разных народов и задолго до советской эпохи, и существует ныне, и, по всей вероятности, будет существовать. Кроме того, спорт вообще и особенно т. н. «большой спорт» – специфические феномены. Как сказал однажды В. Высоцкий перед песней на спортивную тематику: «Когда комментатор говорит: “А вот сейчас наши чехословацкие друзья забросили нам еще одну шайбу”, не понимаю, почему “друзья”, если шайбу забили?!» Спортивные события для многих (спортсменов, тренеров, журналистов, болельщиков, просто аудитории СМИ) естественно окрашиваются эмоциями – прежде всего сопереживанием «своим». Наверное, многое зависит от того, кого считает «своими» цитируемый толерантный автор, у которого (в данном случае) Америка ассоциируется прежде всего с материальным благополучием, свободой, возможностью реализации творческого потенциала личности [Мазнева 2002: 96]^[37].

века, которые опрокидывали законы психологии, до сих пор тесно переплетавшиеся с этическими законами. В созданном ими мире убивали без вины, без угрызений совести, без чувства ответственности, а убийцы были самыми уважаемыми гражданами... Немцы не нация революционеров. Они были нацией исполнителей приказов. Приказ заменял им совесть. В Германии это стало излюбленной отговоркой. Кто действовал по приказу, тот не нес никакой ответственности» [Ремарк 1989: 316, 399].

³⁷ «Неприятие вызвали и формы проявления ими [т. е. американцами – хозяевами Олимпиады] патриотизма» [Мазнева 2002: 99]; ср.: «Американский патриотизм – это причина терактов. Многие государства не воспринимают этот патриотизм» (Эмма Бернгуист, учитель из США) [Новости. ТВК. 11.09.02]; возможно, что

Кроме того, широкой российской аудитории совершенно неизвестно, в каких выражениях комментировали события упомянутой Олимпиады **американские** СМИ: уж если и толерантному автору официальной газеты «ночным кошмаром вспоминаются Игры-2002 в недружелюбном Солт-Лейк-Сити» [Долгополов 2009: 36], значит, отношение к сборной России (как следствие отношения к самой России) было подчеркнуто враждебным.

Впрочем, можно допустить, что при освещении российскими СМИ XIX Олимпийских игр имела место более или менее тщательно спланированная и срежиссированная PR-кампания, направленная на отвлечение внимания «населения» от повседневных тягот и неврозов (заодно – от поисков их причин) и на хотя бы временное объединение всех социальных слоев под лозунгом противостояния «чужим» (то, что таковыми здесь оказались США, – непринципиально: игры, пусть Олимпийские, всего лишь мимолетный эпизод). Мог проводиться и какой-то иной эксперимент по манипуляции общественным сознанием...

Регламентация толерантности: Dura Lex...

Итак, толерантность была фактически заявлена в качестве официальной идеологии современного российского общества. 16 ноября 1995 г. Россия наряду с

понятие патриотизма трактуется американцами чрезвычайно широко: ими поддерживается и то, что обычно называют шовинизмом, экспансионизмом и агрессивностью: «Говоря о необходимости военной акции против Ирака, Чейни заметил, что, **по его мнению**, его жители будут рады смене режима». [Вести. РТР. 27.09.02].

другими 184 государствами, членами ЮНЕСКО, подписала упомянутую «Декларацию принципов толерантности» (в русскоязычном варианте – «Декларация принципов **терпимости**»). Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.08.2001 № 629 была принята и активно осуществлялась Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)». По сути, это был заказ на новую идеологию, охватывающий разделы «Личность», «Семья», «Общество», «Государство» с заложенным в них механизмом фундаментального перепрограммирования общества (раздел «Информационное и организационное обеспечение»). Реализация Программы проводилась за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и внебюджетных средств. Общий размер финансирования – 397,85 млн рублей; руководство реализацией было возложено на Министерство образования РФ. Программа осуществлялась с 2001-го по 2005 г. в три этапа: первый включал в себя проведение научно-исследовательских работ и формирование в массовом сознании, в том числе с помощью СМИ, позитивного отношения к *толерантности* как социальной норме. Второй этап заключался в участии субъектов РФ в Программе. Третий – масштабное внедрение результатов работ предыдущих этапов (см. [Гуськова 2004: 135–136]).

Вполне предсказуемо, что в РФ наиболее активными борцами за толерантность оказались такие известные россияне, как А. Асмолов, бывший руководителем соответствующей федеральной целевой программы, и Э. Паин, возглавляющий Центр по изучению ксенофобии и экстремизма Института социологии РАН (ранее –

директор Центра этнологических и региональных исследований). Ср.: «Это **первая** гуманистическая идеологическая программа, которая становится основой гуманизма, диалога и веротерпимости, в ней поставлены вопросы воспитания подрастающего поколения в духе миролюбия, веротерпимости, толерантности как центральные» (А. Асмолов). – «Чтобы побороть экстремизм... нужно организовать информационную атаку, в которую включатся не только ученые и СМИ, но и массовая культура... Механизмы борьбы с идеологией экстремизма по сути те же, что и его эскалации [!]» (Э. Паин) (цит. по [Гусар 2006: 98–99]).

Впоследствии карательные меры – естественно, вытекающие из благих намерений – на которые указывает связка понятий «толерантность» – «экстремизм» [Гуськова 2004: 136], были оформлены законодательно.

Продвижение соответствующего документа заняло несколько лет; в немалой степени, по-видимому, из-за того, что сама дефиниция понятия «экстремизм» вызывала затруднения: «Что такое *политический экстремизм* – реального определения нет» (министр юстиции П. Крашенинников) [Обозреватель. ТВ-6. 07.02.99] и др. Однако впоследствии (поскольку, например, фракция СПС настойчиво призывала «усилить борьбу с антисемитизмом, национализмом и экстремизмом» [Новости. ОРТ. 14.06.02], а «в президентском законопроекте впервые дается определение экстремизма» [Вести. РТР. 27.06.02]) насущно необходимый гражданам закон был принят (хотя ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение

национальной, расовой или религиозной вражды» и так уже предусматривают уголовную ответственность за указанные деяния).

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (№ 114-ФЗ от 25.07.02) определяет, что экстремизм – это, в частности, и «пропаганда исключительности, превосходства либо *неполноценности* граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, *национальной*, религиозной или языковой принадлежности» (ст. 1). Здесь говорится также о возможности «предупреждения о недопустимости распространения экстремистских материалов через средство массовой информации» (ст. 8) и об «ответственности средств массовой информации за распространение экстремистских материалов» (ст. 11). Впрочем, комментарии самих СМИ по поводу текста закона не были хвалебными, ср.: «В законопроекте нет четкого определения экстремизма, поэтому он может стать орудием давления на вполне мирные общественные организации и неугодных чиновников» [Новости. ТВК. 06.06.02]. «Госдума приняла во втором чтении закон о противодействии экстремизму. В документе впервые дано определение экстремизма... Несколько страниц мелким шрифтом, под которые можно подогнать кого угодно...» [24. Ren-TV – 7 канал. 20.06.02]. Стоит сказать, что после многократного редактирования текста этого закона довольно существенно изменилась квалификация самого важного для него понятия – «экстремистская деятельность (экстремизм)». Отметим, например, что были исключены такие признаки, как «унижение национального достоинства», «подрыв безопасности Российской Федерации», «захват или присвоение властных полномочий», «создание незаконных

вооруженных формирований», «осуществление террористической деятельности»; «осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы»: возможно, все они теперь (в редакции Федерального закона от 27.07.2006 № 148 ФЗ) объединены под признаком «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность».

Не менее интересны и изменения в ранжировании тех дефиниций, которые вроде бы сохранились почти в том же виде, что и в первоначальном (2002) тексте закона. Так, среди понятий, позволяющих определить «экстремистскую деятельность (экстремизм)», фигурировали «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию» и «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности». Теперь же они сформулированы несколько иначе: «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» и «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии». Таким образом, на первый план (очевидно, по степени важности) вынесен некий социально ориентированный аспект экстремизма; допустимо предположить, что это, например, не противодействие «адресной социальной

помощи особо нуждающимся», а совсем иное^[38].
Вспомним афористичное высказывание: «Мы контролируем ситуацию в области экономики, не допустим экспроприации экспроприаторов» (Б. Грызлов) [Вести. РТР. 25.01.00] (отметим здесь глубокую преемственность давних исторических традиций: примерно во второй половине III тысячелетия до н. э. гераклеопольский царь наставлял своего сына-наследника: «подавляй чернь, гаси пыл ее, – не склонны к восстанию богатые, бедняки же замышляют вражду» [Поучение царя 1978: 207] – хотя возможно и то, что российский политик имел в виду желанный кому-то передел собственности вследствие смены президента РФ).

Всё врут календари?

*Он уже составил в своей голове
целый систематический бред...
Нет ни прошедшего, ни
будущего, а потому
летосчисление упраздняется.
Праздников два; один весной,
немедленно после таянья
снегов, называется
«Праздником Неуклонности» и
служит приготовлением к
предстоящим бедствиям;
другой – осенью, называется*

³⁸ Между прочим, по мнению Уполномоченного по правам человека в РФ В. Лукина, «в некоторых законах прописан совершенно непонятный механизм исполнения. Например, закон о терроризме. Там механизм исполнения есть, но в некоторых положениях он написан так общо и так двусмысленно, что под терроризмом можно понимать даже острую критику начальства» [Уполномочен и независим // РГ-Неделя. № 29. 11.10.10. С. 8]

*«Праздником Предержавших
Властей» и посвящается
воспоминаниям о бедствиях,
уже испытанных.*

М. Е. Салтыков-Щедрин

Феномен манипулятивных игр в слова можно довольно наглядно наблюдать на примерах многих семиотических микросистем, сочетающих в себе компоненты универсальной оппозиции *сакральной/профанный*, которые к тому же способны меняться местами и/или получать вариативные словесные воплощения. Таковы различные календари. Некоторые из них, оказывается, могут быть использованы как наборы словесных фигур в конструировании политкорректных построений – в целях обеспечения толерантности.

Сакральной обычно становится сама исходная хронологическая точка летоисчисления, причем она во многих случаях непосредственно связывается с определенными собственно религиозными представлениями.

Так, для мусульман началом летосчисления стала дата хиджры – переселения Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Медину в сентябре 622 г. – 1-е число 1-го месяца (мухаррама) 622 г. – 16 июля 622 г. [СЭС 1983: 1443]. В юлианском календаре, пришедшем на Русь вместе с христианством, отсчет сначала велся от сотворения мира – за 5508 лет от Рождества Христова (в соответствии с установлениями православной церкви), затем – уже непосредственно от упомянутого евангельского события.

Подлинные или мифические эпизоды, осознаваемые носителями различных культур и приверженцами разных религий как сакральные и потому послужившие причинами для учреждения праздника, конечно, могут варьироваться. Например, ветхозаветная история повествует о том, как царица Есфирь и ее наставник Мардохей добились у царя Артаксеркса права истреблять всех «зложелателей» иудеев (по довольно малозначительному поводу). Последние, естественно, с энтузиазмом воспользовались новообретенной законной лицензией. «И все князья в областях, и сатрапы, и областеначальники, и исполнители дел царских поддерживали иудеев, потому что напал на них страх пред Мардохеем [ставшим фаворитом царя с помощью Есфири. – *А. В.*]. <...> И избивали иудеи всех врагов своих, побивая мечом, умерщвляя и истребляя, и поступали с неприятелями своими по своей воле. В Сузах, городе престольном, умертвили иудеи и погубили пятьсот человек... И умертвили в Сузах триста человек [т. е. дополнительно. – *А. В.*]. И прочие иудеи, находившиеся в царских областях... умертвили из неприятелей своих семьдесят пять тысяч... Мардохей... послал письма ко всем иудеям... о том, чтобы они установили ежегодно празднование у себя четырнадцатого дня месяца адара и пятнадцатого дня его как таких дней, в которых иудеи сделались покойны от врагов своих... чтобы сделали их днями пиршества и веселия» [Есф. 9: 3–22]. Именно этот праздник российские СМИ «позиционируют» (выражаясь их языком) как «самый веселый»...

Довольно характерное для революционных социально-политических катаклизмов стремление путем вербальных операций воздействовать на восприятие

времени тем образом, который желателен победившей стороне, получило свое наиболее известное выражение во введении французскими республиканцами собственного календаря. Счет годов в нем начинался со дня уничтожения королевской власти и провозглашения республики (т. е. со дня наступления новой эпохи); главное же заключалось в том, что точно согласовалось с идеями Просвещения, – в отказе от прежних сакральных ориентиров с их одновременной заменой на новые. «Идея календаря состояла в полном освобождении от религиозной основы, содержащейся во всех календарях. Названия месяцев отражали явления природы и сельскохозяйственные работы. <...> Вместо недель были введены декады. Последний день декады посвящался отдыху. В конце года добавлялись пять или (в високосном году) шесть добавочных дней – праздников Гения, Труда, Подвигов, Наград, Мнения» [Куликов 1991: 163].^[39]

В России же введение григорианского календаря декретом Совета Народных Комиссаров от 24 января 1918 г. (по которому после среды 31 января 1918 г. следовал четверг 14 февраля этого же года), было, скорее, всё же шагом к «интеграции в мировое сообщество», как выразился бы сегодняшний агитпроп, – в силу объективной необходимости [Куликов 1991: 112, 156].

Гораздо более интересными новациями советской власти в этой сфере стало новое градуирование отрезков времени, получивших соответствующие именованья. По данным [СУ], наряду со словом *семидневка* – «(нов.)

³⁹ «В Туркмении Сапармурат Ниязов объявил месяц январь месяцем Туркмен-баши [в честь самого себя]» [Зеркало. РТР. 18.01.03].

‘единица времени, равная семи дням, семидневная неделя’ (т. е. по числу дней равная традиционной), появляются *декада* – «‘десятидневный период, заменивший неделю в современном советском календаре (по образцу календаря, действовавшего в эпоху Великой французской революции)’, а также *пятидневка* – «(нов.) ‘период времени в пять дней, пятидневная неделя’ и *шестидневка* – «(нов.) ‘период времени в шесть дней, шестидневная неделя’ (кстати, лишь последний из неологизмов присутствует в толковании привычного слова *неделя*, которое подано здесь как многозначное: «*неделя* – 1) ‘время от понедельника до воскресенья включительно’ // ‘единица счета времени, равная семи дням; семидневный срок’; 2) ‘то же, что *шестидневка* (нов., разг.)’. Собственно, путем введения пяти- и шестидневных *недель* пытались еще и решительно пресечь традицию, шедшую на Руси с XVI в., – именовать седьмой день недели *воскресеньем*, словом, непосредственно связанным с православием [Куликов 1991: 36].

Конечно, радикальными становятся с приходом новой власти изменения в названиях праздников, в свою очередь образующих идеологически и политически значимую микросистему, в которой особо выделяются государственные праздники, объявляемые выходными (нерабочими) днями.

Например, в Советском Союзе таковыми были: 1 января – Новогодний праздник, 8 марта – Международный женский день, 1 и 2 мая – День международной солидарности трудящихся, 9 мая – Праздник Победы, 7 октября (ранее – 5 декабря) – День Конституции СССР, 7 и 8 ноября – годовщина Великой

Октябрьской социалистической революции [СЭС 1983: 1048].

Теперь же к ним добавилось официально регламентированное Рождество Христово (напомним, что, в соответствии с ч. 1 ст. 14 Конституции РФ, «Российская Федерация – **светское** государство. **Никакая** религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»; то же – в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ); День России (который сначала – видимо, по американскому образцу – был Днем независимости России, причем неизвестно от кого). Другие праздники были в духе толерантности благопристойно переименованы: 23 февраля (ранее – День Советской Армии и Военно-Морского флота) – День защитников Отечества (поскольку, согласно ч. 1 ст. 59 Конституции РФ, «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации», постольку и отмечание этого праздника приобрело поистине всенародный характер, благо он стал всеобщим выходным днем)^[40]; годовщина Великой Октябрьской социалистической революции почти волшебным образом превратилась в День согласия и примирения (непонятно, кого с кем), а потом и совсем исчезла из календаря, будучи замененной довольно невразумительным Днем народного единства (4 ноября).

Небезынтересно и то, что в июле 2011 г. день 2 сентября был включен в перечень памятных дат как День

⁴⁰ Заслуживает внимания и иерархия памятных дат и праздников – видимо, по степени значимости, например: «23 февраля – годовщина сталинской депортации чеченского народа. В России 23 февраля отмечают еще и как День защитников Отечества» [ТСН. Ren-TV. 23.02.00] (правда, пока такое ранжирование официально еще не утверждено).

окончания второй мировой войны, но – не как День воинской славы (не говоря уж о тщетности попыток установления праздника – Дня победы над милитаристской Японией; кстати, сегодня еще живы некоторые ветераны, награжденные советской медалью «За победу над Японией» с датой на реверсе: «3 сентября 1945»). По заявлению сотрудника МИД Японии, «при утверждении даты была проявлена определенная забота о нашей стране».

Нетрудно заметить, что модернизированные номинации несут совершенно иначе (иногда – противоположно) ориентированный и ориентирующий идеологический потенциал, заключенный в словах-символах, они же – и слова-мифогены. Остановимся подробнее на некоторых из них.

По мнению доктора исторических наук профессора Н. А. Кирсанова, «скоропалительное, ни на чем не основанное превращение дня 22 октября (4 ноября по новому стилю) в государственный праздник День народного единства основано на псевдоисторической мифологии людей, не знающих историю своей страны и склонных грубо ее фальсифицировать ради выполнения политического заказа» [Кирсанов 2009: 4]. Тщательный анализ показывает, что 22 октября (4 ноября н. ст.) 1612 г. произошло одно из заурядных событий Смуты – многолетней всеобъемлющей гражданской войны, в ходе которой высшая знать и ее сословный орган Боярская дума (Семибоярщина), перешедшие на сторону польско-литовских интервентов и впусившие их в Москву, позвали на русский престол польского королевича Владислава и заставили москвичей присягнуть ему как новому царю.

Интервенты жестоко расправились с москвичами, поднявшими восстание 19 марта 1611 г., и затем укрылись в Кремле, дав там прибежище, в числе других своих пособников (московских бояр и их семей), и Романовым: «тушинскому патриарху» Филарету (в миру Федору Никитичу), отцу находившегося при нем будущего царя Михаила, и матери его инокине Марфе (в миру Ксении Ивановне), Ивану Никитичу (дяде будущего царя), члену Семибоярщины, и их родственникам. 22 октября казаки пошли на приступ. Осажденных в Кремле мучил голод, и, «чтобы избавиться от лишних ртов, интервенты велели боярам выслать своих жен из Кремля... На этом закончился день 22 октября 1612 г... 26 октября (8 ноября по новому стилю) был подписан договор о сдаче польского гарнизона в Кремле. В этот день поляки выпустили из Кремля членов Семибоярщины и всех русских людей» [там же], в том числе и Романовых, потомки которых «знали цену упомянутым датам. День 22 октября (4 ноября по нов. ст.) в царской России никогда не отмечался как государственный праздник, и ни один историк никогда не замечал в нем события, достойного для празднования» [там же]. Можно полагать, что 4 ноября было избрано в качестве своеобразного противовеса и заменителя 7 ноября, привычного для очень многих действительно праздничного дня.

Что же касается переименования первомайского праздника (при том, что 1 и 2 мая в России пока еще выходные дни), то оно имеет свою предысторию и зарубежный источник, причем некоторые версии существенно разнятся.

Считают, между прочим, что на 1 мая – в разных странах и у разных народов – приходится больше

праздников, чем на любой другой день года [Ross]. Традиция весенних праздников плодородия существовала в Индии и Египте; торжества в честь Флоры, богини плодородия, цветов и весны, в древнем Риме проходили с 28 апреля по 3 мая; в средневековой Англии Майский день символизировал начало весны, а в современной первый понедельник мая – банковский праздник. По кельтскому календарю Белтэйн – начало лета (в последние годы этот неоязыческий праздник отмечается весьма активно). Вальпургиева ночь названа так в память св. Вальбурги (или Вальпургис), настоятельницы Хайденхаймского монастыря, споспешествовавшей св. Бонифацию при христианизации Германии в VII в.; причем этот праздник хронологически совпадает с более ранним, языческим, который в Германии включал обряды защиты от ведьмовства: по легенде, ведьмы встречаются с дьяволом на горе Брокен в канун 1 мая, и т. д. [Ross] (занятно, что последнее обстоятельство недавно было умело обыграно российскими телепропагандистами: «Это была настоящая Вальпургиева ночь [устроенная берлинской молодежью], только по улицам носились не ведьмы, а антиглобалисты» [Новости. 1 канал. 01.05.07]. Таким образом создана композиция из ассоциаций язычества с той «варварской религией», которой придерживаются современные варвары – антиглобалисты, к тому же временно заменившие собою традиционно-обязательных ведьм, тоже крайне отрицательных мифологических персонажей. Понятно, какое отношение формируется к антиглобалистам у телеаудитории).

Можно заметить, что подобный пример контаминации более раннего (языческого) и позднейшего (христианского) праздника, конечно, не единичен.

«Древняя масленица оказалась сдвинутой со своего календарного срока христианским великим постом, несовместимым с масленичным разгулом. А так как пост подчинялся подвижному пасхальному календарю, то языческая масленица, хотя и уцелела после крещения Руси и дожила до наших дней (хотя бы в виде блинов [«блины являются символом солнца и их изготовление и коллективное поедание отмечало победу дня над ночью, света над тьмой» [Рыбаков 1988: 668]], но сроки ее изменчивы. Первоначальный же срок непо потревоженной масленицы – весеннее равноденствие» [Рыбаков 1988: 158].

Однако не менее интересны в чем-то близкие упомянутым случаям контаминации примеры того, как и церковные иерархи, и светские политические деятели пытались превратить изначально сугубо классовый (по-своему сакральный) праздник трудящихся 1 мая в совершенно иной (и с *их* точки зрения – тоже, конечно, своеобразно сакральный) путем переименования и необходимого идеологического обеспечения.

День 1 Мая «стал праздником международной солидарности трудящихся в память о событиях [в США] 1886 г. (провокация против рабочей демонстрации; в беспорядках были обвинены, а потом и казнены несколько анархистов). Праздник был связан с кровью и имел подспудный символический смысл. Учрежден он был в поддержку борьбы американских рабочих за 8-часовой рабочий день. Рейган в 1984 г. объявил 1 мая “Днем закона” (в честь “200-летия соединения закона со свободой”, по поводу чего был устроен шумный праздник). Затем к 1 мая стали приурочивать разные шумные акции, например, в 1985 г. в этот день Рейган объявил эмбарго против Никарагуа. Главное было –

изъять из исторической памяти сами понятия о солидарности трудящихся. Буквально тем же способом действовали идеологи ельцинизма в России – при пособничестве руководства “независимых” профсоюзов. Они стали называть 1 Мая “Днем весны и труда”» [Кара-Мурза 2002: 527]. Есть, однако, и несколько иная версия: в США «День Верности празднуется 1 мая каждого года. Используется истэблишментом для того, чтобы противопоставить его международному празднику трудящихся» [Голенпольский 1978: 420]. Впрочем, и в том, и в другом варианте объяснения несомненной остается импортная сущность политтехнологического манипулятивного приема.

Получилось то, что Ш. Росс называет «соревнующимися праздниками»: «Различные авторитеты пытались запретить или подорвать Майский день [т. е. 1 Мая], особенно коммунистические ритуалы во время холодной войны. В 1955 г. папа Пий XII установил 1 мая как праздник Иосифа Труженика. В 1958 г. президент Эйзенхауэр установил 1 мая одновременно и как День закона, и как День верности. И то, и другое было специально предназначено для замены коммунистического праздника религиозным или патриотическим» [Ross]. По информации [Overview], «День закона [Law Day] предназначен для празднования главенства закона и его вклада в свободы, которыми обладают американцы... В 1957 г. президент Американской ассоциации адвокатов Чарльз С. Райн выбрал его [1 мая] как особый день празднования нашей [т. е. американской] правовой системы. 3 февраля 1957 г. президент Дуайт Д. Эйзенхауэр установил своим воззванием День закона. С тех пор каждый президент публикует ежегодное воззвание ко Дню закона... 7

апреля 1961 г. конгресс принял объединенную резолюцию... определяющую 1 мая как День закона в США... Резолюция предусматривает, что это "особый день празднования людьми Соединенных Штатов... для высокой оценки их свобод и подтверждения вновь их **верности** идеалам равенства и справедливости под сенью **закона** в их отношениях друг с другом и с другими странами; ...для культивирования уважения к закону, что насущно для демократического образа жизни"» и т. д. (судя по этой цитате, День закона и День верности чуть ли не слились совершенно).

Но официально-казенная регламентация нововведенных праздников вовсе не смогла искоренить в сознании многих (в том числе и американцев) более привычного для них и имеющего определенный смысл – ведь в конце концов 8-часовой рабочий день стал считаться нормой: «День Труда по-прежнему отмечается 1 мая по всему миру и остается днем протестов и демонстраций. В последние годы они часто направлены против глобализации... В 2006 г. Соединенные Штаты вновь увидели 1 мая широкую политическую акцию... Различные группы и сообщества под лозунгом "День без иммигрантов" провели шествия, забастовки, потребительские бойкоты в поддержку прав тех, кто работает и живет в Соединенных Штатах, и в знак протеста против принятия закона, по которому подлежали бы высылке многие нелегальные иммигранты» [Ross].

Таким образом, за рубежом, в частности в США, 1 мая по-прежнему символизирует международную солидарность трудящихся в борьбе за свои права. Иное, если верить первомайским сообщениям СМИ, наблюдается в России. Например: «Праздничные

демонстрации трудящихся в День весны и труда. Гуляющие [в Петропавловске-Камчатском] решили обойтись без политических лозунгов... Чтобы труд был в радость...» [Новости. 1 канал. 01.05.08]. Вероятно, вскоре толерантной радости по этому поводу станет еще больше: теперь официальное название российского государственного праздника 1 мая – День труда (Праздник труда), а безработица всё растет.

В более широком пропагандистском контексте регламентация 1 мая вполне согласуется с внедряемым в сознание «уважаемых россиян» представлением об идиллических отношениях между трудящимися и работодателями – о некоем смутно определяемом *социальном партнерстве* и о еще более туманной *социальной ответственности бизнеса* – в общем, «и возляжет агнец рядом со львом». Недаром ведь широко освещавшиеся ранее в советских СМИ выступления зарубежных трудящихся в защиту своих прав комментировались тогда весьма сочувственно (как «классовые бои в странах капитала») – ныне же, если репортажи о забастовках и демонстрациях изредка появляются на российском телевидении, то непременно сопровождаются рассуждениями о том, что подобные действия доставляют всем прочим гражданам неудобства, затрудняют дорожное движение и т. п. (всё равно, идет ли речь о стачках французских железнодорожников или британских авиаторов, недовольных своей зарплатой, или о совместных уличных выступлениях преподавателей и учащихся Испании и Италии, обоснованно протестовавших против «Болонского процесса» в образовании).

Типичные примеры: «Организованная ими [французскими профсоюзами] **забастовка** [в знак

протеста против повышения пенсионного возраста] превратилась в **общенациональное бедствие**... К транспортникам присоединились врачи и учителя» [Вести. РТР. 21.11.07] (последние упомянутые злоумышленники очевидно усугубили «бедствие»).

«Беспорядки в Греции, есть раненые... На первом месте **даже не профсоюзы**, из-за которых нарушается связь и останавливается движение, а **анархисты**... Протестуют против урезания бюджета и продажи госсобственности» [Вести. РТР. 16.06.11] и т. п.

Картина манипуляций на почве «толерантных праздников» существенно дополняется усиленной популяризацией таких сугубо экзотических для России иноземных новаций, как день св. Патрика – покровителя Ирландии (судя по репортажам о приуроченных к этому дню манифестациях из города-героя Москвы, ирландцев там, оказывается, превеликое множество), Хэллоуин (ничего общего не имеющий с православием) или день св. Валентина, неизвестно почему – но зато в полном соответствии с западными суевериями и коммерческой практикой – объявленного покровителем всех влюбленных. Кстати, о последнем: «В один прекрасный день – 9 мая 1969 г. – папа римский одним махом вычеркнул из литургического календаря сразу двести святых, заявив, что они не настоящие святые. Под сокращение попали и святой Валентин со святым Христофором, которых правоверные католики веками почитали за “настоящих”» [Боноски 1978: 238].

И н т е н ц и и и и н и ц и а т и в ы манипуляторов-«толерантистов» довольно прозрачны: чем бы российская молодежь ни тешилась, лишь бы не задумывалась об экономических, социальных и

политических реалиях, породивших их причинах и творцах, а заодно – и о своем будущем. Иначе тупая толерантность так и не укоренится в России...

Добавим также, что глобальное нивелирование проявляется и в стимулируемой неудовлетворенности самими датами некоторых уже официально установленных государственных праздников.

Российское телевидение на протяжении нескольких лет настойчиво напоминает зрителям, что «во всем мире» Рождество Христово датируется иначе, чем в России: «**Мир** готовится к Рождеству 25 декабря» (А. Малахов) [Телеутро. ОРТ. 22.12.95]. «**Весь мир** празднует Рождество 25 декабря, а мы теперь – страна открытая и должны праздновать, **как все**» [Воскресенье. ОРТ. 24.12.95]. «**Сегодня, в канун Рождества**, главный российский Дед Мороз отправился из Великого Устюга в Москву» [Новости. ТВ-6. 24.12.98]. «22 декабря “Газпром” встречает Рождество в Москве» [РТР. 14.12.02] и т. п. Обнаружены и злонамеренные виновники отставания от «всего цивилизованного мира»: «До сих пор [!] в отличие от большинства христианского мира русская православная церковь отмечает Рождество в **другое время**» [Ren-TV. 07.01.05]. – «Всё дело в **упрямстве** русской православной церкви, не пожелавшей перейти на новый стиль» [ТВК. 13.01.05]. Правда, кажется, некоторые шаги в нужном направлении предпринимаются, вроде: «Российский президент на английском языке поздравил американцев с наступающим праздником Рождества» [Сегодня. НТВ. 19.12.09].

Возможно, что роль некоего компенсатора призваны сыграть весьма дорогостоящие (для рудиментов

экономики страны) затяжные рождественские каникулы, активно используемые для заслуженного отдыха переутомленной трудовыми заботами элитой. Впрочем, гипотетически вероятно в перспективе и замена всех российских часовых поясов одним – московским, что благотворно скажется на работе систем управления разных ведомств и их региональных уровней.

Прогнозы и урожай

Насаждение новейшей идеологии не сводится к тому лишь (хотя и это весьма значимо), что, в соответствии с постулатами толерантности, «нам пытаются навязать толерантное отношение к гомосексуалистам, к смешанным бракам, к сектантам, которые уводят из семьи близких, уже навязали толерантное отношение к пьющим, курящим женщинам и молодежи, к наркотикам, абортам, порнографии, не за горами узаконивание проституции, эвтаназии...» [Гуськова 2004: 135]. Главное же, наверное, в том, что имеют место массивованные попытки реализовать в качестве базовой моральной ценности удобную политикам манеру поведения населения [Назаров 2002], которое должно воспринимать буквально **любые** инновации (а последнее слово благодаря его частотности в официозно-публичном дискурсе, устойчивой сочетаемости и связываемыми с ним перспективами очередного «светлого будущего» уже приобрело довольно явную положительную коннотацию), в первую очередь – исходящие от государства в лице его представителей, абсолютно толерантно. Понятно, что «твое начальство глубоко (глубже, чем кто бы то ни было) постигает законы мира, человека и общества и строит твою жизнь в полном соответствии с ними. Оно делает максимально лучшее для тебя. Оно живет и тяжело

трудится во имя тебя. И жизнь твоя прекрасна» [Зиновьев 1990, 1: 205]. Понятно и то, что, по словам депутата, «нет ничего важнее, чем единство... Нет ничего страшнее, чем когда страна начинает **погрязать** в спорах, в дискуссиях» (А. Клешко, депутат Заксобрания Красноярского края) [Вести-Красноярск. РТР. 20.02.08]. Понятно и то, что квалифицировать подобное как зарождение новейшего тоталитаризма может человек уж совсем неграмотный политически и поведенчески (не толерантный)^[41].

Совершенно верны оценки толерантности как феномена чужекультурного (например, [Базылев 2007: 8]), но при этом усиленно навязываемого российскому обществу, которое исконно и в течение многих столетий основывается именно на терпимости русского народа – этнической и конфессиональной прежде всего. Возможно, сама игра в слово *толерантность* изначально подразумевает отсутствие у «русских варваров» терпимости (небезынтересно, что и название фундаментального документа «Декларация принципов толерантности» обычно не дается в его более точном переводе – «Декларация принципов терпимости»: понятно, тогда и внедрять-то было бы нечего). См. научные изыскания, где политкорректность, т. е. форма, фактически отождествляется с толерантностью, т. е. содержанием, а точнее – мнимой величиной; «политкорректность получила распространение в странах, в первую очередь в США, где на первое место ставится отношение к человеческой личности как к

⁴¹ «Очевидный вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия во мнениях. "Аще царство на ся разделится" и пр.» [Прутков 1976: 138]. Этот проект «О введении единомыслия в России» сегодня назвали бы «национальным».

высшей ценности^[42]... ..Такая коммуникативная категория англоязычного западного мира, как *political correctness*, является лакунарной для русской культуры» [Шляхтина 2008б: 94], но надежды терять не следует, потому что «с развитием процессов глобализации проблемы защиты интересов личности, её чести и достоинства быстро становятся достоянием всего человечества, и Россия не является исключением» [Шляхтина 2008а: 25]. – «Сейте! Спасибо вам скажет сердечное Русский народ...» [Некрасов 1953: 316].

При этом нужно иметь в виду и некоторое своеобразие российской толерантности, подаваемой в обертке тоже своеобразной политкорректности. Межэтническая толерантность фактически приняла формы, утрированно представленные в юмореске: «Гаврик Матросян, резидент телешоу “Медиа в хлам”, после серии своих отвязных шуточек про классиков русской литературы решил попробовать так же изгаляться и насчет классиков, например, армянской литературы. Но московские представители соответствующей диаспоры пообещали ему за это надавать по тому месту, без упоминания которого творчество авторов “Медиа в хлам” никому не интересно, и оторвать ему другое место, без которого будет никому не интересен он сам. И тогда Гаврик Матросян вдруг решил не пробовать и продолжил высмеивать только титульную нацию» [Обухов 2008: 19] (конечно, упоминание о «титульной нации» здесь ошибочно, ибо в РФ таковая официально отсутствует – понятно, что

⁴² По поводу этого интересного открытия можно вспомнить суждение русского писателя: «Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» [Достоевский 1956, 4: 105]. Сегодня это вполне приложимо и к России.

подразумевается государствообразующая нация, которая якобы не толерантна, но зато в высшей степени терпима к издевающимся над ней иноплеменникам). При этом на протяжении нескольких лет считается совершенно естественным такое положение вещей: «уникальная ситуация, когда антигосударственная идеология поддерживается и финансируется государством» [Поляков 2005: 211] – и: «В России воцарилось тотальное неуважение к собственной стране. И тон задают, как ни странно, “новые русские”. Лезущие в глаза телевизионные технологи комплекса национальной неполноценности – всего лишь следствие» [Поляков 2005: 268–269] (цитаты из публикаций 1997 г. и 2003 г.).

Пример воспитания толерантности в иной сфере: «Солисту [американской рок-группы «Аэросмит»] – пятьдесят один [год], по-прежнему балуется наркотиками – и что? Многим ли удалось сохранить такую форму, разменяв “полтинник”? (А. Соловьёва) [Те, кто. ТВ-6. 28.03.99]. Конечно, такого рода реклама наркомании вряд ли может быть квалифицирована юридически, но она наверняка эффективна: оказывается, можно сохранить в зрелом возрасте хорошую спортивную форму и профессиональную дееспособность чуть ли не благодаря употреблению наркотиков (ср.: «Рок против наркотиков» и прочие оксюмороны). Ссылки на позитивный зарубежный опыт постоянны в российских СМИ: «**Во всём мире**, когда приняты однополые браки...» (по поводу рассмотрения соответствующего законопроекта в Госдуме) [Новости. 7 канал. 19.05.02]; ср. имплицитную рекомендацию: «После гей-парадов общество становится более *толерантным*» (репортаж из Кёльна) [24. Ren-TV. 09.07.07].

Иногда, впрочем, в качестве маяка толерантности выступает уже и Москва, где «несколько лет назад у метро “Менделеевская” убита бездомная собака. Эта история тогда **потрясла всю столицу**. Теперь там – бронзовый памятник как протест против жестокости ко всему живому. Творческая интеллигенция...» и т. д. [Новости. 1 канал. 17.02.07] (разумеется, для последней социальной группы это было очень выигрышной рекламной акцией, к тому же – вполне конформистской – ведь насчет человеческих лишений, страданий и жертв публичные высказывания не популярны: они были бы не толерантны). Вроде бы благие социально-толерантные меры – введение льготных условий для поступления в вузы детей-инвалидов – породили невиданную волну справок об инвалидности, представленных абитуриентами в приёмные комиссии. Теперь, по информации телевидения (14.08.09), российское Минобразования подвергнет проверке эти медицинские документы (предполагается – все без исключения). Вряд ли в этом половодье фальсификации повинен пресловуто порочный национальный русский менталитет: далеко не все родители в РФ могут позволить себе роскошь оплатить высшее образование для своих детей. ^[43]

Конечно, именно дети оказываются самым благодатным объектом для обработки в духе толерантности, мультикультурализма и проч. Привлекательность «чужого» и отторжение «своего»

⁴³ Пример подобной гипертолерантности и сверхполиткорректности: заядлая либералка – сестра фермера, искавшего через газету «помощника по хозяйству», а попросту – батрака, в целях соблюдения «рабочего законодательства» и «справедливости» отклоняла предложения претендентов, которые не были неграми или женщинами [Гарднер 1981: 315]; в результате фермер так и трудился в одиночку.

формируется последовательно и целенаправленно. Вот мальчик лет десяти отвечает на вопрос телеведущей, почему американские мультфильмы нравятся ему больше отечественных: «В американских **больше злых героев**, чем в *русских*, и там больше возможностей графики» [7 канал. 04.02.02]. Подросток говорит: «Я не люблю о войне фильмы советские, книги тоже не люблю читать» [Афонтово. 03.05.05]. После восторженного заявления журналистки по поводу военно-спортивной игры «Патриот» («Так выковываются **настоящие** патриоты нашей родины!») ее юный участник говорит: «Ну, это как бы *экстрим*, ползешь – всё взрывается» [Новости. ТВК. 15.10.02]. В целях военно-патриотического воспитания играют в пейнтбол и юноши и девушки из клуба «Страйк» (англ. *a strike* – «удар», *to strike* – «ударить») [Вести+. 02.04.05]. Красноярская «площадь с огромной палкой [имеется в виду обелиск в память о павших за советскую власть] всегда была местом сбора *альтернативной* молодежи» [Адреналин+. Афонтово. 28.11.04]. Вообще патриотизм как таковой имеет для школьников слишком смутные очертания: «Нужно *как бы* любить свою родину... Если *как бы* приходится жертвовать собой или своими родными...» [Новости. 7 канал. 16.11.06]. Хорошо всё-таки, что до «как бы жертв» не доходит. Ведь теперь «дети не считают себя детьми, они имеют определенные цели... Многие выпускники этой школы [с «математическим уклоном»] работают в США, Канаде, Франции...» [Обозрение-7. 7 канал. 29.01.04]. Ubi bene, ibi patria...

Мультикультурализм в региональных масштабах прививается детям, например, так: «В лагере “Ласточка” прошел “День *толерантности*”. Ребята пытаются научиться танцам разных народов. <...> Мимически

передать китайскую сказку. Девиз: "Единство в многообразии" [что-то вроде девиза «Ex pluribus unum», размещенного на американском гербе. – А. В.]. [Представитель городского управления образования:] И это надо, потому что у нас дети десятков разных национальностей... Важно воспитать у наших детей чувство *толерантности*» [Новости. ТВК. 05.08.11]. Почти синхронно с этой информацией появились сообщения о введении в красноярских школах (в качестве дополнительной образовательной услуги) «уроков *толерантности*».

«Политическая корректность» рассматривается некоторыми исследователями... как следствие крупных неудач, в частности, американской внутренней политики, характерных для современной Америки и всего мира процессов расслоения по этническому или расовому признаку, нарастания угрозы социальных конфликтов, влияния феминизма, антирасизма, движений за права меньшинств» [Базылев 2007: 8].

Однако даже столь интенсивная обработка массового сознания в духе политкорректности, какая ведется в США уже на протяжении длительного времени, пока не возымела желаемого эффекта. Так, недавними исследованиями установлено, что «в самосознании американцев отсутствует единое понимание структуры американского общества, оно осмысливается и как единое социокультурное образование... и как этнически разнородный социальный конгломерат... Наряду с тенденцией к развитию множественной этнической идентичности в сообществах иммигрантов наблюдается стремление к сохранению этнической самобытности; этничность является важной эгоцентрической категорией

для американцев любого возраста и этнической принадлежности» [Шастина 2009: 14–15].

Таким образом, оказывается, что «функция этнического самосознания как элемента социальных отношений связана с возможностью установления и поддержания благоприятных для жизнедеятельности сообщества условий... Употребление этнонимов участниками коммуникации... может быть интерпретировано как проявление адаптивной деятельности организма» [Шастина 2009: 20]. Сказанное относится и к употреблению табуированных политкорректностью пейоративных этнонимов, поскольку политкорректное разрушение этнических стереотипов и искоренение этноцентрических взглядов вторгаются в «естественный процесс развития межэтнических взаимодействий», препятствуя сохранению естественного межэтнического баланса [Шастина 2009: 7].

Ср. также следующий частный пример безуспешности усилий политкорректировщиков на материале этносоциального диалекта весьма многочисленной группы населения США, во имя душевного равновесия которой политкорректность главным образом и затевалась первоначально – «афроамериканцев», т. е., попросту говоря, американских негров. Установлено, что в лексико-семантическом микрополе «наименование лиц в соответствии с субъективной оценкой» из 157 лексем 106 единиц с негативной оценкой: *snake, actor, faker, cheese-eater, jive-ass* и др. – «лживый, обманщик»; *lame, punk, pussy* и др. – «трус, слабак»; *tom out, pink chaser, oreo, apple* и др. – «афро-американцы, не признающие своей культуры, обвиненные в расовом вероломстве» и т. д., «причем негативно оцениваются прежде всего

расовое вероломство и отрицательные качества индивидов. Это является вербализованной проекцией критического отношения афроамериканцев к окружающим» [Рубцов 2009: 17–18] (стоит напомнить в связи с этим, что именно «афроамериканцы» утверждали – еще в 1968 г.: «Уже в самом английском языке заложена расистская идеология... Слово “белый” имеет 134 синонима, из которых 44 вызывает положительные эмоции, скажем: *свет, чистота, незапятнанный, незамаранный*... (все эти слова так или иначе определяют белого человека)... Зато у слова “черный” при 120 синонимах – 60 определенно отрицательного свойства и ни одного хоть сколько-нибудь положительного...» [Боноски 1978: 81]).

Хотя «благодаря политкорректности [американское] общество стало терпимее относиться к преступлениям и преступникам» [Шляхтина 2008а: 33], существует также и принцип «нулевой толерантности» – т. е. неотвратимости наказания виновного в насилии, ношении оружия, употреблении наркотиков и т. п. преступлениях вне зависимости от его пола, возраста, религии и проч. Но «несмотря на активную пропаганду zero tolerance, результат от данных мер невелик... Текущие данные не показывают значительного уменьшения насилия в школах за последние несколько лет» [Шляхтина 2008а: 30–31]...

Не более вдохновляющими выглядят результаты пропаганды толерантности и в Западной Европе. Так, некоторые политики были весьма удивлены тем, что «57 % швейцарцев на референдуме высказались против строительства в их стране минаретов» [Сегодня. НТВ. 30.11.09], а также неуклонным ростом симпатий

избирателей к партиям, предлагающим жесткую антииммигрантскую политику.

Вообще, судя по некоторым сведениям, политика мультикультурализма, которую сегодня упорно пытаются проводить в России, потерпела уже крах и там, откуда ее пытаются импортировать. Многие руководители стран Западной Европы в последнее время активно и последовательно высказываются о порочности ранее избранной ими модели устройства межнациональных отношений и о необходимости смены обанкротившегося курса.

В октябре 2010 г. канцлер Германии А. Меркель, признав нежизнеспособность мультикультурной модели развития государства, «резко заявила, что иммигрантам следует приспособляться к немецким обычаям и учить немецкий язык. Затем премьер-министр Великобритании Дж. Кэмерон констатировал: “Политика государственной мультикультурности провалилась, и я предлагаю своим европейским партнерам проснуться и осознать, что же происходит внутри наших границ”. Буквально на следующий день, 11.02.11, французский президент Н. Саркози также объявил о провале мультикультурализма и о том, что Франция не станет менять свой образ жизни и подстраиваться под традиции мигрантов (см. [Бобров 2011: 2]). По словам писателя А. Гладилина, проживающего в этой стране, “культурная ассимиляция наций, чуждых титульной по менталитету, по религиозным установкам, проходит очень трудно. На примере Франции могу сказать, что ее практически нет, выходцы из Африки, арабы, спасибо, если французский язык с горем пополам выучили. Что с течением времени

останется от Франции? Не хочется об этом думать"» [Новосёлова 2010: 4].

В последнее время межнациональные конфликты обострились и в «мультикультурной» Италии – вследствие резкого увеличения притока иммигрантов из Африки из-за ливийского мятежа. Даже и в размеренно-спокойной Норвегии (где, по некоторым данным, мигранты составляют 10 % населения, а в норвежской столице Осло – около 20 %, и полиция попросту боится появляться в некоторых районах) двойной террористический акт, совершенный 22 июля 2011 г. Андерсом Брейвиком, был направлен, по словам террориста, именно против правящей рабочей партии, активно проводящей политику «мультикультурной демократии» (см. [Воропаев 2011: 12]). По-видимому, в недалеком будущем в западноевропейских странах более или менее явно будет минимизирована толерантная «мультикультурность», поскольку, как справедливо замечено, «титულიная нация имеет право на некий культурный диктат: надо защищать **свои** традиции, менталитет... В чужой монастырь со своим уставом не ходят» (А. Гладилин) [Новоселова 2010: 5]).

Иногда, впрочем, и в шедеврах признанных мастеров и поставщиков политкорректности на мировой рынок можно обнаружить не самые политкорректные эпизоды. Например, в голливудском кинобоевике «День независимости» есть такой микродиалог между персонажами, скрывающимися в убежище от кровожадных инопланетных пришельцев: «[Раввин, отец одного из главных спасителей человечества:] Давайте возьмемся за руки и помолимся! [Бывший чиновник Белого дома:] Но я не еврей! [Раввин:] У каждого свои недостатки» (за голосом переводчика отчетливо слышен

оригинальный текст последней реплики: «Nobody's perfect» – англ. «Никто не совершенен» – что можно, конечно, при желании понимать не как указание на чью-то неполноценность, имеющую религиозные либо национальные корни, но и как юмористическую киноцитату; это заключительная фраза американской же кинокомедии 1959 г. «Some like it hot» («Некоторые любят погорячее»; в отечественном кинопрокате – «В джазе только девушки») [Душенко 2006: 483]).

Несмотря на уже известные зарубежные результаты распространения толерантности посредством политкорректности, попытки ее насаждения на российской почве, кажется, не прекращаются. Правда, сегодня они во многом утратили демонстративный агрессивно-активный характер (то ли потому, что финансирование агитационных кампаний стало не столь щедрым, то ли потому, что избрана иная тактика – постепенной, скрытой инфильтрации в общественное сознание).

Однако весьма вероятно, что (опять же – ориентируясь на излюбленные ими западные эталоны) российские политтехнологи, законотворцы и правозащитники (хорошо известно, что последние предпочитают, как и советские диссиденты, защищать права наиболее симпатичных им микрогрупп) будут гораздо шире использовать в этой области меры юридического характера. Сравнительно легко можно будет обойти положение о запрете цензуры (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ)^[44]; поскольку есть закон о противодействии экстремизму, цензуру не обязательно

⁴⁴ «На свете вообще много чего не полагается, но что допускается» [Гашек 1956: 603].

называть цензурой. Эта игра в слова также используется и в передовом зарубежном опыте. Такая практика существует и в США, где «политкорректность становится обязательной по закону. ...В стране [США] давно сложилась практика решать спорные вопросы в суде, что говорит о доверии к органам государственной власти»^[45] [Шляхтина 2008 б: 25] (а может быть, попросту о корыстолюбивом сутяжничестве?), и в Германии [Базылев 2007: 10], и во Франции (вспомнить хотя бы безрезультатные демонстрации и митинги по поводу запрета на ношение хиджабов)...

По прогнозам некоторых немецких лингвистов, распространение политкорректности может привести к возникновению не только «новой цивилизованности», но и надежного репрессивного аппарата (см. [Базылев 2007: 10]). При этом не имеет принципиального значения, как именно будет называться он и его представители. Известные антиутопии предлагают разные варианты: Хранители – в Едином Государстве [Замятин 1989: 556], полиция мыслей – в Океании [Оруэлл 1989: 23], контролеры лояльности – в Технархии [Бучер 1992: 381] и т. п. В современном российском рассказе-гротеске американские психологи, парапсихологи и экстрасенсы

⁴⁵ Такое доверие американцев к своей судебной системе действительно известно издавна; высокая степень их цивилизованной законопослушности может быть иллюстрирована и документально регламентированной детской игрой: «Том достал листок бумаги, где у него была написана клятва, и прочел ее. Она требовала, чтобы все мальчики дружно стояли за шайку и не выдавали ее тайн; а если кто-нибудь обидит мальчика из нашей шайки, то мальчик, которого назначат убить обидчика и всех его родных, не должен ни есть, ни спать, пока не убьет их всех и не вырежет у них на груди крест – знак нашей шайки. **И никто из посторонних не имеет права ставить этот знак, только те, кто принадлежит к шайке; а если кто-нибудь поставит, то шайка подаст на него в суд; если же он не слушается и опять поставит, то его убьют**» [Твен 1978а: 219].

по заказу правительства проверяют идеологические качества ауры каждого гражданина, независимо от возраста, пола и расы, при помощи тонкой титановой рамки с пластиковым звездно-полосатым флажком; особый интерес компетентных органов вызывает наличие остатков никотина в организме (так как за несколько лет до этого курение было объявлено антиконституционным, а большинство курильщиков физически истреблено) [Дашкова 2009: 268–270]. Впрочем, такие формы внедрения прогрессивных поведенческих моделей не столь уж необходимы (ведь и перестроечное «новое мышление» насаждалось вроде бы без особого принуждения). Надо иметь в виду: давление стандартов политкорректности на сознание homo occidentalis настолько сильно, что преодолевает любые попытки носителя языка к осмысленному восприятию действительности. Вот персонаж детективных романов – английский полицейский, добротный профессионал, которого «политкорректность раздражала всё больше и больше, особенно в полиции» [Джеймс 2008а: 73], ведь «в современном политкорректном мире офицеру правоохранительных органов часто приходится чувствовать себя политической пешкой» [Джеймс 2008в: 69], но... «если хочешь сделать карьеру в полиции, для виду играй по правилам» [Джеймс 2008в: 181], в том числе и по «новым правилам, введенным Комитетом по политкорректности» [Джеймс 2008а: 45], – и он сам уже резко одергивает подчиненного – ветерана, зачастую нарушающего эти правила своими нетолерантными высказываниями по поводу то гомосексуалистов («педиков» и «гомиков» [Джеймс 2008б: 187, 206]), то этнических меньшинств («черномазых») [Джеймс 2008б: 187]) (кстати, в этом же произведении фигурируют и

чрезвычайно жестокие и низкоинтеллектуальные «русские» бандиты (оба родом с Украины)). Таким образом, дисциплинированный полицейский почти незаметно для самого себя становится «контролером лояльности»^[46].

Для регулирования этики в РФ в качестве подобных контролеров охотно и даже, кажется, безвозмездно выступают пока что зарубежные наставники: «Общественные организации [в Тюмени] провели пикет протеста... в связи с ... шоу откровенного содомиста Б. Моисеева – и что же? В американском Интернет-сайте “Newsweek”... поднялся шум: “Россию вновь охватывает **нетерпимость**: фундаменталисты от религий и политики нападают на художников, музыкантов и писателей, чьи произведения кажутся им подрывными”» [Гуськова 2004: 135].

В «цивилизованных государствах» толерантность в сфере интимной жизни продвигается воистину семимильными шагами – правда, не повсюду равномерно и последовательно. С точки зрения толерантистов, само собою разумеется, что законодательные права тех, кого именуют сексуальными меньшинствами (а раньше называли попросту извращенцами), важнее всего – при этом о правах других, не принадлежащих к числу «сексуальных левшей» (выражение В. В. Набокова), забывают почти совершенно.

⁴⁶ Кстати, пример из практики толерантных правоохранителей: «Английские полицейские отказались от преследования похитителей трех дорогих мотоциклов, так как угонщики были без шлемов и могли пострадать в результате погони. Начальство одобрило действия (бездействие) своих подчиненных: ведь человеческая жизнь дороже мотоцикла» [Афонтово. 24.08.10].

Конечно, поощрение протivoестественных наклонностей исторически далеко не ново и восходит, по крайней мере, еще к античности. Кажется, традиционно подобные отношения культивируются, как правило, высшими социальными группами. Так, по свидетельству писателя, в 1930-х в США «люди этого сорта и склада стали в светских кругах баловнями... У редкой хозяйки салона блестящий раут... обходится без такого гостя» [Вулф 1982: 252].

Однако лишь расцвет толерантности сделал возможным сегодняшнее положение вещей – например, легализацию однополых браков с самой благой целью: для борьбы с дискриминацией человека по половому признаку. Это выразилось и в политкорректных номинациях партнеров. Например, «в столице Швейцарии Берне в официальном обращении вместо слов “мать” и “отец” принято теперь говорить “родитель” или “родители”» [Ермолаева 2011: 12]. И американский госдепартамент в 2011 г. уже подготовил бланки официальной документации, где должны были присутствовать пункты «мать или родитель номер один» и «отец или родитель номер два»; «по мнению авторов изменений, новые понятия не ущемляют права однополых семей, которые в США составляют **уже** четыре [!] процента от общего числа браков» [там же]. Правда, эта инновация была приостановлена госсекретарем Х. Клинтон, которая, «как мать, согласилась с мнением критиков о том, что отмена понятий материнства и отцовства ущемляет права гетеросексуальных семей» [там же].

Более радикальными и настойчивыми оказались прогрессивные шведские педагоги, которые с одобрения правительства организовали детский сад, который «стал

образцом борьбы с гендерными стереотипами... Руководство стремилось, чтобы среди сотрудников были не только гетеросексуалы, но и гомо-, би- и транссексуалы... ..Воспитатели делают акцент на том, что пол не влияет на работу, все люди равны в своем выборе и у всех равные права и возможности» [Федякина 2011: 12]. Это выразилось и в вербальной политкорректности: воспитатели перестали употреблять местоимения, указывающие на половую принадлежность лица: «решили говорить слово "хен" – среднее между шведским "хун" (она) и "хан" (он)... Это такой способ показать девочкам и мальчикам, что все люди в равной степени важны и ценны, вне зависимости от физических и умственных способностей, пола или сексуальной ориентации» [там же]. Правда, пока воспитанники слово «хен» не употребляют, предпочитая говорить «персона», «человек», «друг», «приятель». Хотя таких детсадов в Стокгольме уже семь, выстроилась очередь на запись; кстати, этот «супертолерантный садик» автор заметки почему-то считает не только «самым прогрессивным», но обладающим «демократичностью» и приучающим к «демократии»...

Поскольку доминирующий в России тип общественного сознания, по мнению некоторых специалистов, не характеризуется толерантностью^[47] (почему-то при этом аккуратно забывают об исконной русской терпимости), то он, несомненно, нуждается в срочном исправлении на западный манер. Призывающие к этому лингвисты считают, например, что язык не принадлежит к явлениям культуры – ни духовной, ни материальной [Стернин 1998]; культуру же в России

⁴⁷ «– А в Америке как?»

культурно формировать невозможно (таков «российский» менталитет, т. е. – русский). А потому необходимы радикальные «организационные мероприятия»: «Салтыков-Щедрин советовал: просвещение внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития. Но Петр не избегал и внедрил. Петр Первый показал способ быстрого внедрения просвещения: через административное насилие» [Стернин 2000: 165]. И, уж конечно, в качестве эталона «мероприятий», которые в случае их официального санкционирования будут проводиться наверняка с небольшевистским размахом, избрана благословенная Америка [там же]; ср. уже действующие – пока, правда, не везде – «дресс-код» и «фэйс-контроль». Не до толерантности, когда надо срочно переделывать ущербный менталитет...

Но пока еще даже российские пропагандисты политкорректности признают некоторую зыбкость сугубо научного обоснования ее стандартов и, следовательно, собственно нелингвистическую легитимность их применения – стандарты несомненно окажутся «двойными», как, например, в международной политике. Ведь «наличие языка вражды [hate speech] определяется достаточно *субъективно*» [Шляхтина 2008а: 26] – наверное, слово-компенсатор *достаточно* здесь попросту лишнее: понятно, что «различного рода оскорбительные, обидные и унижающие выражения, способствующие появлению конфликтов на национальной или религиозной почве» [там же], могут быть самыми разными (даже в виде «нулевого знака» [Шунейко] – т. е., например, отсутствие упоминания о какой-либо религии или национальности при перечислении находящихся в определенном Государстве может восприниматься и интерпретироваться весьма

вариативно; ср. реплику «тараканьего царя» Артура Артуровича, «венгерца», возмущенного «антисемитизмом» Чарноты, в «Беге» М. Булгакова).

В самом деле: насколько возможно четкое разграничение откровенности и политкорректности, искренних заблуждений – и слепой агрессивности (наверняка возможны и какие-то градации, переходы и взаимопереходы, совмещения – вроде бытовой вежливости, правил хорошего тона и т. п.)? Окончательно ли утратил актуальность солженицынский призыв «жить не по лжи», или он не имел абсолютного значения в силу своей лишь антисоветской адресации? Почему и кому, собственно, так уж необходима замена *терпимости* на *толерантность*?

Кстати: от *терпимости* *толерантность* отграничивают на основании готовности, в соответствии с критериями последней, **благосклонно признавать, принимать** поведение, убеждение и взгляды других людей, которые отличаются от собственных, причём даже в том случае, когда эти убеждения и взгляды коммуникантами **не разделяются и не одобряются** (см. [<http://ru.wikipedia.org/wiri>], [Чеканова 2007: 48], [Суспицына 2007: 71–72] и др.). Исходя из такой дифференциации, логично и насильственное внедрение толерантности, тем более что объекты таких кампаний заведомо должны быть настроены не просто капитулянтски, но и доброжелательно (например, по отношению к интервенции в их страну или к очередному снижению уровня жизни). Поэтому надо учесть и такие суждения: «Нам просто пытаются, грубо говоря, “втюхать” удобную политикам манеру поведения [т. е. толерантность] в качестве базовой моральной ценности. При этом остается за кадром вопрос о том, на чем

именно должно основываться уважение к чужой культуре, чужому мнению, чужому праву. Неужели на том, что не существует абсолютных истин и твоя культура, мнение, право так же относительно, как и все другие?..^[48] На таком фундаменте трудно построить что-либо, кроме невроза... В... иммунологии толерантностью называется "полное или частичное отсутствие иммунологической реакции; потеря или снижение организмом животного способности вырабатывать антитела"... Конечный результат этого процесса понятен и печален... Излишнее увлечение толерантностью может привести к такому же результату и в рамках социума» [Назаров 2002: 39].

Как и во многих других случаях использования мифогенов (симулякров, слов-амеб, лексических фантомов и т. д.), манипулятивный эффект игры в *толерантность* зиждется на непрозрачности внутренней формы слова для носителей русского языка. Ср.: «Транспортная *кооперация* путем *нормализации*, *стандартизации* и *инвентаризации* спасет *мелиорацию*, *электрификацию* и *механизацию*». Этот лозунг больше всего понравился стрелочникам. «Понять ни черта

⁴⁸ Еще 4 октября 2007 г. Парламентская ассамблея Совета Европы одобрила резолюцию № 1580/200, рекомендующую правительствам государств – членов СЕ не допускать преподавание креационизма как науки. Такая решительная позиция аргументируется, в частности, тем, что «существует реальная угроза путаницы в головах учеников между тем, что относится к убеждениям, верованиям и разного рода идеалам, и тем, с чем имеет дело наука. Установка "все вещи равны" может казаться привлекательной и **толерантной**, но в действительности является опасной» [Резолюция Совета Европы против креационизма / пер. Н. Барановой // ЯЛИК. № 80. Янв. 2010. с.3]. Для РФ это особенно актуально в связи с церковной экспансией в сферу образования (что уже само по себе – нарушение действующей конституции).

нельзя, – говорил рыжебородый Гусев, – но видно, что умная штука» [Булгаков 1989, 2: 402].

Возможно, что польза от практического применения толерантности (через политкорректность) в России пока приблизительно такова, как от столь же широко разрекламированных и по-прежнему загадочных нанотехнологий – ср. в репортаже о нанодостижениях: «Для искушенных и состоятельных – электронные обои с меняющимся рисунком... Управлять рекламным баннером можно будет из кабинета, нажав одну кнопку» и т. п. [Вести-Красноярск. РТР. 08.01.10]. Ведь и в т. н. «цивилизованных государствах» *толерантность* также оценивается по-разному, иногда – буквально: «Банки с этикеткой "Tolerance" примерно пятилитрового объёма датский дизайнер предлагает по 15 евро за штуку, но предупреждает: "Пусть не удивляются, когда откроют банку: *толерантность* нельзя увидеть или потрогать"» [Неделя. Ren-TV. 11.02.06]. – В общем, получается некий современный вербальный аналог «нового платья короля»: как известно, трудились над ним предприимчивые обманщики, а увидеть якобы мог только человек умный и справляющийся со своими служебными обязанностями [Андерсен 1982: 285–287].

Искусственный, наносной характер толерантистских установок, не подготовленных и не выработанных самим ходом отечественной истории, вполне очевиден. Налицо и семантическая диффузность слов *толерантность* и *толерантный*, доходящая до различного их понимания представителями разных социальных групп: «...Общественный дискурс оперирует понятиями типа *толерантности*, истинность которых полагается очевидной... Когда же эти понятия конкретизируются в бытовом дискурсе, возникают сомнения: об одном и том

же говорят народ и его элита?.. Прежде чем проводить Дни, Марши, Митинги *толерантности* и говорить об этом, до масс нужно донести, о чем им говорят и чем их хотят облагодетельствовать» [Суспицына 2007: 73]. Между тем, «такая терпимость является, по сути дела, подавленной раздражительностью и агрессией. Это скрытая форма нетерпимости, отсроченная агрессия, сундук, где до поры до времени заперты различные формы насилия и манипулирования человеком, ведущие в итоге к утрате психологической адаптации» [Чеканова 2007: 48]. Можно вполне согласиться и с тем, что «вскоре слово *толерантность* будет выполнять только одну функцию: служить вербальным знаком неискренности... Идеология толерантности является "дискурсивной ирреальностью" современных СМИ. Подобно улыбке чеширского кота, она существует отвлеченно от общества» [Гусар 2006: 105, 107]. Может быть, относительно скоро возникнет новый дискурсивный феномен – *талейрантность*: именно Талейрану зачастую приписывают афоризм: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли» [Ашукин, Ашукина 1986: 730]...

Экспликация толерантности может происходить (и происходит, как свидетельствует коммуникативная практика) прежде всего в вербальных формах; связь слова и дела демонстрируется здесь наглядно. Заметно влияние «политической корректности», эманация которой исходит от самого цивилизованного из демократических и самого демократического из цивилизованных государств – США – и охотно принимается на вооружение российскими политтехнологами. На основе этих новейших методик упрочняются позиции официозного постновояза,

совершенствуется инструментарий манипуляций общественным сознанием с помощью слов-мифогенов.

Уже традиционными для постсоветской России стали лозунги, призывающие к некоей «консолидации общества», – обычно они тиражируются в преддверии очередной избирательной кампании. Возможно, что и декларируемая толерантность может рассматриваться кем-то (хотя и вряд ли всерьез) как элемент или катализатор поголовной консолидации. И вот «тогда волк будет жить вместе с ягненком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их... И лев, как вол, будет есть солому» [Исайя 11, 6–7]. Однако для этого, по мнению цитируемого пророка, понадобится нечто куда более экстраординарное, нежели креативные усилия политтехнологов и иже с ними...

Население вместо народа

Народ безмолвствует.

А. С. Пушкин

Лексикографам хорошо известны трудности, возникающие при попытках семантизации слов, особенно, как ни парадоксально, широкоупотребительных и частотных, более того – неизменно актуальных для носителей данного языка в разные периоды его истории. Решение подобных задач может осложняться и в тех случаях, когда необходимо дифференцировать значения слов, весьма близких и в речевом потоке нередко выступающих в роли чуть ли не дублетов (т. е. одно из них с определенным успехом может заменить собой другое – и наоборот). Правда, при рассмотрении слов, входящих в один синонимический ряд, обычно представляется возможным выделить его доминанту (определяемую, например, как «один из членов синонимического ряда, избираемый в качестве представителя главного значения, подчиняющего все дополнительные (созначения) и господствующего над ними» [Ахманова 1966: 401], или слово «семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и синтагматически наименее закрепленное» [Новиков 1990: 447], хотя, наверное, семантическая простота лексемы – довольно дискуссионное понятие). Казалось бы, вопрос о стилистической нейтральности того или иного конкретного слова достаточно прозрачен: предполагаемая доминанта ряда в идеале должна быть свободна от каких бы то ни было коннотаций. Считают справедливым положение о том, что «отношения маркированности присутствуют во всех случаях, где язык

предоставляет своим носителям возможность выбора» [Трубачёв 2005: 227] – иначе говоря, из двух номинаций одного и того же референта одно имеет статус маркированного, а другое – нет (и оно-то оказывается доминантой данного двучленного синонимического ряда). Однако представляется, что не всегда (а может быть, и далеко не всегда) существует возможность такого противопоставления: немаркированная номинация (доминанта) / маркированная номинация (синоним). Иначе говоря, коннотативные потенции реализуются в обоих случаях, что позволяет судить не только об узусе.

Трудности семантизации слов, близких по своим лексическим значениям, хорошо знакомы как лингвистам, так и представителям других гуманитарных наук, причем и в тех случаях, когда речь идет об элементах соответствующих терминосистем. Решение таких задач особенно осложняется тем, что одни и те же лексемы выступают, с одной стороны, в качестве терминов, среди важнейших критериев вычленения которых – их стилистическая нейтральность. С другой стороны, они могут продолжать бытование в составе общеупотребительной лексики, при этом зачастую обладая коннотациями либо коннотативными потенциями, реализующимися, как правило, вследствие внеязыковых условий.

Даже беглые наблюдения показывают, что в текстах сегодняшних российских СМИ частотность употребления существительного *народ* заметно снизилась по сравнению с советским периодом (это регистрирует и лексикография, указывающая на уход этого слова в пассивный лексический запас). В то же время растет употребительность существительного *население*. Можно предположить, что эти процессы отнюдь не случайны и

определяются воздействием неких факторов, имеющих в том числе и глубокие исторические корни. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть динамику слов *народ* и *население* в нескольких аспектах.

Конечно, прежде всего следует иметь в виду, что исторические (даже и на уровне микродиахронии) изменения словарного состава нередко свидетельствуют об изменениях ментальности (иногда – и о чьих-то попытках изменить ее). Ментальность – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 2004в: 15]. Трансформировать ментальность, таким образом, можно с помощью «обратной связи», т. е. путем регулирования частотности каких-то слов и устойчивых словосочетаний, их переосмысления, придания им коннотаций, стилистической маркированности либо ремаркации и проч. Через некоторое время – при условии определенной настойчивости пропагандистов и агитаторов (иначе – политтехнологов) и эффективности имеющихся у них властных и иных возможностей время это исторически непродолжительно – в сознании этносоциума, носителя конкретного языка и соответствующей ментальности, происходят метаморфозы, программируемые идеологами-языкотворцами.

«Главная проблема идеологического творчества – это проблема интерпретации... Проблемы интерпретации, мобилизации и манипуляции – это прежде всего проблема языка... язык идеологии – это язык символов», слова, наполненные символическими смыслами, – вербальные символы – используются идеологами для

внедрения своих доктрин в общественное сознание [Ветров 2000: 199]. Причем выбор слов, предназначенных для подобных операций, чрезвычайно важен [Кара-Мурза 2002: 28, 36 и др.]; эти вербальные символы могут оказаться ключевыми в политическом лексиконе, зачастую и в оснополагающих государственных документах.

Так, уже в преамбуле Конституции РФ декларируется: «Мы, многонациональный *народ* Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...» (интересны здесь и употребление «множественного монархического» – «мы... народ... соединенные...», и подобие некоей реминисценции, ср.: «Мы, народ Соединенных Штатов, с целью образовать совершенный Союз...» [Хрестоматия 2004: 191]). О *народе* как носителе суверенитета и единственном источнике власти в РФ упоминается также в ст. 3 этого документа и в его же ст. 82, где – в присяге – президент клянется «верно служить *народу*». *Население* же фигурирует здесь явно как узколокальная общность: согласно ст. 130, «местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение *населением* вопросов местного значения». По-видимому, в цитируемом тексте лексемы *народ* и *население* семантически не тождественны.

Современный статус лексем *народ* и *население*, их семантика и прагматика, вероятно, могут быть уточнены при сопоставительном анализе как фактов сегодняшнего дискурса, так и сведений исторического плана.

Историческая лексикография фиксирует разветвление семантики *народъ*: «1) 'род, племя, потомки' (1499); 2) 'множество, толпа, сонм' (с 1057 г.);

3) мн. и собир. 'люди, народ' (с 1057 г.); 4) 'группа лиц, объединенных общими интересами, политическими и религиозными воззрениями' (XIII–XIV вв. – XI в.); 5) 'толпа, чернь' (1499 г.); 6) 'население (страны, города); народная масса' (XI в.); 7) 'люди, принадлежащие к одной этнической общности, народность, народ' (XVII в.)» [СлРЯ XI–XVII вв.].

Относительно семантики и устойчивой сочетаемости слова *народъ* словари, описывающие лексику более позднего (но современного им) периода, сообщают: «*народъ* – 1) 'язык, племя, жители государства, страны какой, состоящие под одними законами и говорящие одинаковым природным языком'. "Народ благоучрежденный, сильный, воинственный, браноносный". "Народы сѣверные, восточные". "Всякій народъ имѣеть свои обыкновенія"; 2) 'особенно берется за множество людей'. "Бѣ народъ мытарей многъ". Лук.5, 29. – "Простый народъ". "Чернь, простолюдины"» [САР2] (те же дефиниции воспроизводятся в [Сл. Соколова]). Далее: «*народъ* – 1) 'жители страны или государства, говорящие одним языком; язык, племя'. "Народ образованный"; 2) 'жители страны или государства, принадлежащие к низшим сословиям'. "Воскреснемъ ли когда от чужевластья модъ, Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ, Хотя по языку, насъ не считаль за нѣмцев!" Грибоедов; 3) 'множество людей; толпа'. "На гуляньи много было народа". "Мальчишекъ радостный народъ Коньками звучно рѣжетъ ледъ". Пушкин. – "Простой народъ. Чернь, простолюдины"» [Сл. 1847 г.]. У Даля «*народъ* – 'люд, народившийся в известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управленьем;

чернь, простолюдье, низшие податные сословия; множество людей, толпа'» [Даль 1955].

Несколько забегаая вперед, можно сказать, что эти дефиниции являются до некоторой степени прототипами позднейших, даваемых лексикографией XX столетия. Толкования слова *народь* в словарях, отражающих состояние русской лексики к. XVIII–XIX в., достаточно кристаллизованы и содержат основные критерии, по которым определяется данная общность людей. Обратим внимание на то, что, несмотря на некоторые модификации (скажем, исключение параметра «единство законов» – возможно, в результате его осмысления как имманентно наличествующего у полноценного государства), постоянно присутствует указание на «одинаковый (один) язык» – важнейшее свойство этноса. Кроме того, важно учитывать иерархическую структуру значений, кажется, уже устойчиво сформировавшуюся и включающую в себя (сначала в качестве речения, затем – самостоятельно ценного значения) «низшие сословия», т. е. вычленение группы этноса по социально-имущественному критерию. Что касается дефиниции, данной в [Даль 1955], то, по сравнению с другими, она выглядит некоей их суммой. Однако, учитывая это, пожалуй, есть определенные основания предположить и некое подобие омонимизации: многозначность слова *народь* ощущалась в XIX в. чуть ли не как диффузность его семантики, причем настолько заметная, что могла восприниматься как контекстуально обусловленная (в зависимости от идеологических и политических предпочтений авторов и их аудитории – тоже неоднородной по своим воззрениям). Это отразилось, в частности, в следующих суждениях Н. К. Михайловского и А. И. Богдановича: «Под словом *народ*

мы сплошь и рядом разумеем то этнографическую группу, то государственно-национальную, то исключительно "мужика", то "чернь", "простонародье", то представителей труда... то толпу...» – «В течение 30-ти последних лет... создалась даже особая "народническая" литература, до сих пор не выяснившая, что же собственно понимать надлежит под ее таинственным "народом"... Слово, не сходящее со страниц книг, статей, брошюр, политических воззваний, каждый раз вбирало в себя то содержание, которое определил для него пишущий» [Лексика 1981: 234]. Ср. также сатирическую интерпретацию подобной вариативности семантики в художественно-литературном тексте 1871 г.:

«Феодал! – закричал на него патриот, —

Знай, что только в народе спасенье!»

Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,

Так за что ж для меня исключенье?»

Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!

Править Русью призван только черный народ!

То по старой системе всяк равен,

А по нашей лишь он равноправен!»

[Толстой 1981, 1: 191].

И С. Г. Нечаев в «Катехизисе революционера» заявляет: «У товарищества [революционной организации] нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья *народа*, т. е. **чернорабочего**

люда» – и таким образом четко очерчивает социальные границы макрогруппы.

По мнению современного исследователя, имела место даже некоторая сакрализация *народа*: «Интересно, что поколение “нигилистов” 1860–1870 гг., провозглашавших материализм и атеизм, отказавшись от “бесплатной отдачи себя” Истине, идущей от бога, тотчас же нашло другой адрес, которому можно было бы бескорыстно вручить себя. Таким адресатом оказался обожествленный Народ. Не случайно Максим Горький назвал литературу народников “священным писанием о мужике”» [Лотман 1996: 377].

Результаты этих семантических процессов, которые, вероятно, получили специфические дополнительные импульсы в ходе революционных катаклизмов и последовавших при торжестве новой идеологии социально-политических преобразований, нашли воплощение в советской лексикографии. Ср.: «*народ* – 1) население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны'; 2) то же, что нация, национальность'; 3) в эксплуататорском государстве – основная масса населения (преимущественно крестьяне) в противоположность правящему классу'» [СУ]. Заметим, что утвердившееся было в словарях русского языка XIX в. указание на общность языка как обязательный атрибут *народа* теперь уже не приводится – возможно, как утратившее актуальность для многонационального и многоязыкого Советского Союза (где в то время очевидно были еще сильны представления об абсолютном равноправии совершенно всех языков [Алпатов 2003: 22]). По поводу значения 3 – см. саркастический комментарий, выдержанный в духе беспощадной (но несколько запоздалой) борьбы с заклятым

тоталитаризмом: «В социалистическом (советском) государстве народ – свободный господин; в капиталистическом государстве народ задавлен буржуазией, составляющей правящее меньшинство» [Купина 1995: 68] (хотя это можно теперь воспринять и как нейтральную констатацию российских реалий). В этом же словаре отмечено как устойчивое словосочетание *простой народ* – «(дореволюц.) 'то же, что *народ* в 3 знач.'».

Немного иначе семантика рассматриваемого слова представлена в другом словаре; здесь о роли единого языка тоже не сообщается, но регистрируется еще одно значение (впрочем, известное по более ранним периодам и словарям, их отражающим): «*народ* – 1) 'население, жители той или иной страны, государства'. Советский народ... 2) 'нация, национальность, народность'; 3) 'основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах – угнетаемая господствующим классом)'. Трудовой народ; 4) 'люди'; здесь же в качестве устойчивых приводятся словосочетания *простой народ* (правда, без пометы дореволюц.) и *черный* (или *подлый*) *народ*, квалифицируемое как устар. – «'в классовом, эксплуататорском обществе: люди, принадлежащие к неимущим слоям населения (крестьяне, рабочие, ремесленники и т. п.)'» [МАС₂].

По-видимому, иллюстрация-речение к знач. 1 в этом словаре приводится с учетом данного в преамбуле Конституции СССР (1977) определения развитого социалистического общества, в котором, в частности, «сложилась новая историческая общность людей – **советский народ**». Многоаспектная развернутая семантизация последнего словосочетания

представлялась тогда таким образом: «новая ист., социальная и интернац. общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистич. по содержанию культуру, союзное общенар. гос-во и общую цель – построение коммунизма; возникла впервые в истории в результате социалистич. преобразований на основе сближения всех социальных групп, юридич. и фактич. равенства всех наций и народностей СССР. Представляет собой многонац. коллектив тружеников города и деревни, объединенный общностью социалистич. строя, марксистско-ленинской идеологией, коммунистич. идеалами рабочего класса, принципами интернационализма» [Советский энциклопедический словарь 1983: 1227].

Ср. также некоторые примеры типичной сочетаемости слова *народ* советского времени: *народ* в знач. 'население государства; нация, национальность': «великий, могучий, героический, непобедимый, трудолюбивый, талантливый, русский, советский, американский, наш, свой, весь...; народ-герой, народ-победитель, народ-созидатель, народ-творец... Для народа (жить, работать, трудиться). За [какой-либо] народ умереть, отдать жизнь..., перед народом отвечать за что-либо. [Какой-либо] народ поднялся на что-либо (на борьбу, на защиту чего-либо)...» и т. п. [Сл. сочет.].

Можно было бы сказать, что, несмотря на многие, в том числе – радикальные, изменения, происходившие на протяжении столетий, русская лексикография (и советского периода – тоже) формулировала и довольно устойчивые во времени дефиниции слова *народ*. Они в основных чертах соответствуют следующим положениям: «Общий смысл слова *народ* и заключался в указании на некую однородную множественность, уже не обязательно

общего происхождения, но всегда определенно объединенную какой-либо общей силой, признаками, которые свойственны только ей. К такому представлению и восходят современные выражения вроде *народный дух, сила народа, единство народа*. Представление это непосредственно вытекало из древнейшего образа "на-рода", и образ этот, несмотря на позднейшее развитие слова, устоял в веках, мало-помалу отливаясь в понятие "народ"... Слово *народь* постепенно выработывало новое, тоже терминологическое значение: оно стало обозначать единство по территориальному, а не по родовому признаку» [Колесов 1986: 183].

Впрочем, надо сказать и о том, что в новейших лексикографических изданиях – постсоветского времени, или (как выражаются, кажется, еще с конца т. н. перестройки) «переходного периода», – семантика и типичная сочетаемость существительного *народ* представлены уже несколько иначе, чем ранее; составители словарей иногда снабжают его некоторыми пометами; возможны также иные варианты.

Так, указывая на уход существительного *народ* в пассивный лексический запас, приведя примеры нескольких устойчивых сочетаний (*во благо, на благо народа; враг народа; опиум (для) народа; отец народов*) и открыв данную статью пометой в советск. время, составители словаря почему-то сочли возможным не упомянуть, о каком именно значении слова *народ* здесь идет речь, – дефиниция отсутствует [ТССРЯ].

В другом случае и вычленение существительного *народ*, и иерархия его семантической структуры почти совершенно повторяют подобные из словарей советского времени. Ср.: «*народ* – 1) 'население государства,

жители страны'. "Российский народ"; 2) 'нация, национальность или народность'. "Русский н.". "Северные народы"; 3) 'основная трудовая масса населения страны'. "Трудовой народ". "Выходцы из народа". "Простой народ"; 4) 'люди, группа людей' [ТСОШ]. Можно заметить, что в качестве иллюстрации к значению 1 дается сочетание *российский народ*, по своей сути мифологическое: «...Искусственное межнациональное понятие [*советский народ*] ушло вместе с обанкротившейся идеологией... Его пытаются видоизменить в понятие "*российский народ*", которого в природе не существует» [Фролов 2005в: 506]. Интересно, однако, что в иллюстрации значения 2 далее приводится «русский н.» – именно так, сокращенно – возможно, для экономии пространства статьи (кстати, затем – полностью – выступают «северные народы»). Толкование значения 3 уже не содержит никаких упоминаний об эксплуататорах, угнетении и прочих политнекорректных вещах (по какой-то ассоциации вспоминается переименование первомайского праздника в благопристойнейший «Праздник труда»).

Можно достаточно обоснованно полагать, что весьма высокая эмоционально-оценочная тональность, сформировавшаяся у существительного *народ* в советский период истории русского языка, естественно, поддерживавшаяся и укреплявшаяся официально-пропагандистскими усилиями, была очевидно «подготовлена» характером бытования этого слова в предыдущие эпохи.

По известным нам источникам, история существительного *население* является гораздо менее «яркой», нежели у слова *народ*. Для древнерусской эпохи отмечают лишь одно его значение – «'заселение' (с

XI в.)» [СлРЯ XI–XVII вв.], манифестирующее относительную обжитость какой-либо территории, вне связи с гомогенностью «населяющей» общности по родовому (этническому), культурному, языковому и т. п. признакам.

Это же значение регистрировалось рядом словарей с самого начала XIX в.: «`население какого места жителями, народом'» [САР1, САР2]; «`наполнение какого места жителями, народом'» [Сл. Соколова]; «1) `действие населяющего и населившего'; 2) `населенный народ'» [Сл. 1847 г.]; «`народонаселенье, народ, населяющий собой край, место'» [Даль 1955].

Та же семантика слова *население* отмечается и лексикографией советского времени, ср.: «*население* – 1) `жители, люди, проживающие в каком-н. месте'; 2) `совокупность людей, живущих на определенной территории; народонаселение'» [СУ]; «*население* – 1) `действие по знач. глаг. *населить* – *населять* и состояние по значению глаг. *населиться* – *населяться*'; 2) `совокупность жителей (области, страны и т. п.; народонаселение'. "Население города". "Перепись населения". "Плотность населения"» [МАС₂]. Ср. некоторые примеры типичной сочетаемости существительного *население* в те же годы: «*население* – `жители какого-л. места как единое целое'; "мирное, гражданское, местное, городское, сельское, коренное, трудоспособное...; земного шара, Земли, страны, края, области, города, района...; запросы, требования, интересы, занятость, обслуживание, жизненный уровень, благосостояние, снабжение, плотность, численность, прирост, увеличение, уменьшение, перепись..."» и т. п. [Сл. сочет.].

В дальнейшем дефиниции остаются почти теми же; лишь иногда добавляется специально-терминологическое значение: «*население* – 1) см. 'населить'; 2) 'жители какого-н. места, местность'. "Н. района". "Перепись населения"; 3) 'животные, живущие в каком-н. одном мест' (спец.). "Рыбное население водоема"» [ТСОШ]. Небезынтересно, что в одном из сегодняшних словарей существительное *население* фигурирует лишь в качестве компонента устойчивого словосочетания *коренное население*, использование которого заметно участилось в конце XX в.: «... Понятие коренного населения актуализировалось в связи с обострением межнациональных отношений после распада СССР и возникновением территориальных претензий тех или иных групп населения в различных регионах бывшего СССР» [ТССРЯ] (стоит заметить, что применительно к русским это словосочетание, кажется, ни разу не употреблялось).

Таким образом, оказывается, что, в отличие от существительного *народ*, существительное *население* вряд ли способно вызывать столь же прямые ассоциации с представлениями о некоем конкретном этнокультурном единстве, связанном общими традиционными ментальными (и лингвоментальными) ценностями и т. п. *Население* – это, скорее, термин статистики и сопряженной с ней демографии (ср.: *на душу населения*, *численность населения*, *перепись населения* и проч.); в самом деле, довольно трудно предположить наличие где-либо и когда-либо *героического населения*, *великого населения*, *населения-победителя* и т. п. несообразностей (разве что в текстах местечковых квазиюмористов).

Рассматриваемые лексемы могут выступать в качестве элементов ряда терминосистем (философской, юридической, политической и др.). Приведем некоторые примеры их осмысления (далеко не всегда единообразного) в этой ипостаси.

В современном российском конституционном праве за одну из отправных точек принимается дефиниция народа, естественно, соответствующая данным в действующей конституции формулировкам: «*народ* – ...*население* определенной страны, выступающее как источник и носитель власти в государстве»; это понятие, «по определению, связано с государственной организацией общества, суверенитетом, формированием государственных структур, гражданством». С позиций этой же науки, «*народ* – более широкое понятие, чем «*нация*», понимаемая как общность группы людей на этнической основе» [Конституция 1997: 155]. Хотя статья, посвященная понятию *нация*, в этом издании отсутствует, чрезвычайно многозначительной и симптоматичной для правильного понимания вышеприведенного разграничения (*народ/нация*) следует считать содержащуюся здесь же ссылку на иноязычный – и инокультурный – аналог: «**в странах английского языка, и не только** [разрядка наша. – А. В.], термин “нация” – “nation” – адекватен термину “народ”». Казалось бы, апелляция к чуждому языковому сознанию и порождаемой в нем языковой картине мира является излишней при постулировании положений **российской** конституции и комментировании этимологически **русского** термина *народ*. Однако надо иметь в виду некоторые современные реалии – например, соответствующую и сопутствующую процессу глобализации американизацию права [Иванец, Червонюк

2003: 91 и др.]. В цитируемом издании *население* определяется как «совокупность людей, проживающих на данной территории, имеющих с ней постоянную правовую связь», причем указывается, что именно в конституционном праве, когда речь идет о государстве в целом, понятие *население* используется как аналогичное понятию *народ* (например, в известной триаде признаков государства: «власть, территория и население») [Конституция 1997: 156].

Несколько иначе трактуют *народ* политологи: «*народ* – основополагающий конституирующий элемент государства, его субъект». Впрочем, приводя для сравнения два основных подхода к раскрытию этого понятия, выделяют, во-первых, понимание *народа* как *нации*, т. е. как преимущественно этнической общности, возникающей на базе общего происхождения («крови»), истории, языка и культуры – такой подход, оказывается, «часто используется для оправдания привилегий титульной нации, этнических чисток и других действий, нарушающих права человека»; видимо, поэтому «такие попытки обоснования этнической чистоты государства научно несостоятельны». Зато, вероятно, научно состоятельными считаются иные – соответствующие духу времени – подходы: «**Современные** либерально-демократические государства... базируются на признании народа как гражданской общности, субъекта государственности и источника власти» [Введение в политологию 1996: 139]; иначе говоря, и здесь *народ* отождествляется с *населением*.

Специалисты в области кратологии предлагают следующие толкования: «*народ* – 1) 'население государства, жители страны'; 2) 'в демократически устроенном государстве субъект власти и вместе с тем ее

объект'»; «*население* – 'жители какой-либо страны, города, села, региона и т. д.'» [Халипов 1997: 226–227]. И в этом случае *народ* и есть *население* – и vice versa.

Воистину, «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992: 43] и «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61].

Вполне вероятно, что подобные же наукообразно-идеологические установки стали обретать популярность, выступая в качестве обоснования пропагандистских опусов, тиражировавшихся средствами т. н. массовой информации примерно с конца 80-х – начала 90-х гг. В этот период «традиционное употребление слова *народ*, присущее ему на протяжении длительного времени, начинает колебаться под влиянием социально-исторических факторов и их осмысления нашими современниками. Главным здесь является возникновение в общественно-речевой практике ментальной оппозиции слов (понятий) *народ* (в смысле "нация") и *население* (в смысле "безнациональная масса"), в которой первый член (*народ*) обладает положительной коннотацией (эмоционально-оценочным значением), а второй член (*население*) – отрицательной. Эти новые смысловые отношения существительных *народ* и *население* носят антонимический характер в отличие от традиционных, близких к синонимическим» [Сковородников 1997]. Наверное, в связи с этим можно говорить, скорее, о контекстуальной антонимии; кроме того, в цитируемой статье рассказывается в основном о видимых симптомах явления – и гораздо менее подробно о его вероятных причинах и истоках (приводимые примеры из печатных изданий, как национально-патриотических, так и

либерально-демократических, лишь иллюстрируют их позиции, являясь в каждом случае чем-то вроде символов политической веры).

Между тем, следует попытаться определить факторы, под воздействием которых существительное *народ* стало как будто нежелательным элементом дискурса СМИ (включая прежде всего официоз), получив (как, например, и прилагательное *советский*, судя по текстам речей последнего десятилетия, посвященным Дню Победы) статус табуизма. Одним из наиболее заметных и эффективных приемов словоупотребления, приведших к такому результату, надо, очевидно, считать характер использования в тех же СМИ прилагательного *народный*, явно контрастирующий со словоупотреблением советского периода. Лексикография того времени представляет слово *народный* по преимуществу как окруженное ореолом некоей высокой патетики и – уж во всяком случае – как положительно-оценочное (до некоторой степени – это продолжение традиции русских словарей XIX в., где *народный* подается как нейтральное либо мелиоративное: «*народный* – 'принадлежащий, относительный к народу; касающийся до народа'. Народная польза. Народные права. Народная молва. Народный слух» [САР2 3, 1814: 1174]; «*народный* – 1) 'принадлежащий, или свойственный народу'. Народный духъ. Народный характеръ. 2) 'относящийся к народу'. Народная перепись. Народные повинности. Народный слухъ. – Народные силы, зн. военныя силы; войска».

«"Толпою тѣсною художникъ помѣстиль

Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ
силъ". Пушкин.» [Сл. 1847 г.]).

Ср.: «*народный* – 1) прил. к *народ* (в 1, 2 и 3 знач.). Народные массы. Народное творчество... // 'Принадлежащий народу, стране; государственный'. Народные богатства. Народное хозяйство; 2) 'тесно связанный с народом, соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению'... 'В составе названий некоторых учреждений, должностных лиц в СССР'. Народный заседатель. Народный суд // ...'В составе почетного звания, присваиваемого высшими органами государственной власти СССР и союзных республик за выдающуюся деятельность в области науки, искусства, просвещения и т. д.' Народный артист республики. Народный художник СССР. Народный врач СССР»; здесь же – устойчивые словосочетания: «*Народная воля* – название тайной политической революционной народнической организации в России в 80-х гг. 19 в. *Народная демократия* – форма политической организации общества, представляет собой диктатуру пролетариата, своеобразие которой – многопартийность при ведущей роли марксистско-ленинской партии. *Народная дружина* – добровольная организация граждан, помогающая милиции в охране общественного порядка. *Народный комиссар* – член советского правительства, возглавлявший (до 1946 г.) один из народных комиссариатов... *Народный контроль* – в СССР система органов, сочетающих государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, в учреждениях и организациях... *Народные мстители* [в статье *мститель* – ...высок. 'О партизанах, ведущих народную войну против захватчиков']. *Народное ополчение* – войско, собираемое в помощь регулярной

армии на добровольных началах... *Народный фронт* – форма организации широких народных масс, объединяющихся вокруг рабочего класса для борьбы против фашизма и войны, за демократию, мир, социальный прогресс» и т. п. [МАС₂] (примерно то же – в [Сл. сочет.]). Небезынтересно, что последнее из приведенных словосочетаний в период т. н. перестройки актуализировалось применительно к позднесоветской действительности, но уже наполненное иным понятийным содержанием, см.: «*народный фронт* – общественное объединение, деятельность которого направлена главным образом на борьбу за национальное возрождение» [ТССРЯ]^[49].

Для того чтобы еще более полно оценить высокомелиоративную окрашенность прилагательного *народный* по шкале официальной советской аксиологии, надо вспомнить и о хорошо знакомом лингвистам термине *народная этимология* – и близком к нему *ложная этимология*.

Так, в одном из основных отечественных лингвотерминологических словарей эти разновидности поиска происхождения отдельных слов и морфем «разведены», т. е. дифференцированы: «*Этимология ложная* – новое осмысление заимствованного или исконного слова, основанное на ошибочном понимании его этимологического состава... *Этимология народная* – стремление искать в словах внутреннюю форму в качестве рационального объяснения значения слов без учета реальных фактов их происхождения» [Ахманова 1966: 529]. Впрочем, от таких попыток разграничения в

⁴⁹ Может быть, отсюда – и выбор именованной общероссийской массовой организации, учрежденной в мае 2011 г. для достижения конкретной цели.

действительности весьма близких, если не идентичных, понятий впоследствии всё же отказались. Об этом, как полагаем, свидетельствует следующая формулировка в статье «Этимология»: «Антиисторичность и произвольность толкований сближает этот [античный] этап в истории Э. с т. наз. *народной* Э. – преобразованием слов в сторону их сближения с др. словами, которые представляются (в силу сходства значений, или формы, или различных ассоциаций) родственными... Науч. Э. возникла одновременно со сравнительно-историческим языкознанием» [Варбот 1990: 596–597]; таким образом, этимология *народная* противопоставлена этимологии *научной*. Более того: в терминологическом указателе к цитируемому изданию содержится совершенное отождествление терминов, обозначающих этимологию *не* научную: «Ложная этимология = Народная этимология» [ЛЭС 1990: 635]. То же отождествление обнаруживается и в других специальных изданиях, например: «Попытки найти... внутреннюю смысловую связь на основе чисто внешнего, звукового совпадения слов без учета реальных фактов их происхождения приводит к ложной (или *народной*) этимологии. ...Народная этимология основана на произвольном толковании этимона слова. Она возникает вследствие звуковых совпадений, ложных ассоциаций и других причин (ср., например, слово *гульвар* вместо *бульвар* на основе сближения с глаголом *гулять* или *мелкоскоп* вместо *микроскоп* и т. д.)» [Вендина 2002: 176].

Однако в учебном пособии другого автора по тому же предмету, но более раннего издания, дается следующее определение: «**народная этимология** – это отдельные случаи переосмысления в народном языке

непонятных слов с позиций понятных слов родного языка, или, другими словами, это сведение непонятого слова к слову понятному» [Будагов 1965: 82], чему предпослано примечание относительно «народной этимологии»: «Термин *volksetymologie* – “народная этимология”, предложенный в середине прошлого века немецкими лингвистами, следует признать неудачным: он создает впечатление, что народ обречен неправильно понимать слова литературного языка» [Будагов 1965: 78]. Отсюда понятна и попытка разграничить, чуть ли не противопоставить в действительности почти совершенно совпадающие (по крайней мере, по степени научности) этимологии ложную и народную. Таким образом, и в лингвистической терминологии (в идеале долженствующей быть безоценочной, лишенной коннотаций, как и любая другая) сказалась пафосная официально-идеологическая оценочность слова *народ* – и соответствующая маркированность прилагательного *народный*.

Стоит также напомнить, что в советскую эпоху регулярно использовался особый пропагандистский жанр: призывы ЦК КПСС по поводу государственных праздников – Дня международной солидарности трудящихся (1 Мая) и Годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 Ноября), где, в частности, провозглашались здравицы социальной триаде – фундаментальным компонентам советского общества, включавшие в себя постоянные дифирамбические эпитеты: *героический рабочий класс, славное колхозное крестьянство и народная интеллигенция* (впрочем, последняя уже во время перестройки сумела подтвердить и доказать на деле

справедливость известной оценки, данной ей некогда В. И. Ульяновым-Лениным).

Тональность современного использования прилагательного *народный* и возникающие при этом коннотации формируются в значительной степени за счет контекстуального окружения и синтагматических связей слова; коннотации могут в известной мере варьироваться. Об этом свидетельствуют примеры из российского телевизионного дискурса, условно подразделенные нами на группы по оценочному признаку (впрочем, не всегда четко эксплицированному).

Явно положительной оказывается оценка определяемых персонажей в следующих высказываниях: «Лидеры “Яблока” и СПС говорят о том, что пора постепенно научиться в России выдвигать *народного* президента, причем – справа» [24. Ren-TV. 05.07.02]. «В Англии Тони Блэра называют иногда “*народным* премьером”, так как свою карьеру он начинал водителем и грузчиком» [Ночное «Время». ОРТ. 10.10.02]. «[Глава Малайзии – конституционный монарх] играет в теннис, футбол... За это... его называют “*народный* раджа” [Вести. РТР. 05.08.03]. «...Один из немногих людей у власти, кто за полтора года не потерял *народной* любви» [Обозрение-7. 7 канал. 07.10.02]. «В отличие от *народного* премьера Черномырдина, Касьянова называли премьером техническим» [Неделя. Ren-TV. 28.02.04]. «“*Народный* губернатор” – именно так называли земляки Михаила Евдокимова» [Новости. ТВК. 11.08.05]. «Сергей Безруков сыграл *народного* участкового» [Новости. ОРТ. 30.01.05]. “Спартак” по праву называют *народной* командой» [НТВ. 16.02.05] и др. Ср. также рудимент пафоса: «Как [нововведенный] День *народного* единства стал днем единства **нации**... Через какое-то время он

станет *общенародным* праздником» [Край. Енисей-регион. 05.11.07].

Несколько иначе окрашены такие примеры (они иногда – в рекламных целях – находятся на грани постмодернистской иронии, или «стеба»): «русская *народная* передача “Городок”», «русская *народная* программа “Плэйбой”», «*народная* жевательная резинка», «сорт пива... получил первое место в номинации “Самое *народное*”» [Ren-TV. 17.04.02], «Борис Моисеев в *народной* драме “Чужой”» [РТР. 11.03.02], «*народный* автомобиль [его цена – 21,5 тысячи долларов. – А. В.]» [Афонтово. 22.01.03]. «...Новогодняя **быдлюшная** [песня], почти *народная!*» [Comedy Club. ТНТ. 29.01.06]. «**Во всем мире** малую авиацию называют *народной*... Цена самолета – от десяти тысяч долларов и выше, в зависимости от желаний клиента» [Сегодня. НТВ. 21.08.06]. «БМВ в России – давно *народное* авто» [Неделя. Ren-TV. 09.12.07]. «*Народный* конкурс татуировок в Санкт-Петербурге» [Неделя. Ren-TV. 22.06.08]. «Покорить Москву или умереть. *Народная* драма “Город соблазнов”» [анонс НТВ. 27.05.09] и т. п.

Несколько иной оттенок возникает у прилагательного *народный* в таких контекстах: «*народный* автобусный маршрут... бесплатный, для пенсионеров» [Вести-Красноярск. РТР. 22.10.03]; «*народный* холодильник... Главное преимущество – доступная цена» [Новости. Прима-ТВ. 25.04.05]; «*народная* водка от... – 60 рублей за поллитровую бутылку» [Новости. 7 канал. 22.11.06]; он довольно ощутимо близок к тому значению, которое еще недавно можно было считать устаревшим: «З) `в дореволюционной России: предназначенный для низших

слоев общества; общедоступный'» [МАС₂]. Социальное противопоставление высших слоев низшим ныне совершенно откровенно выражается в рекламных текстах вроде: «Цены – от элитных до *народных*». Любопытно, что социальная градация обычно осуществляется именно в такой последовательности, «сверху вниз», ср. другие рекламные тексты: «Мебель – царская, цены – холопские» [ТВК. 16.01.04]. «Мебель для всех: от миллионера до пенсионера!» [Прима-ТВ. 26.02.09].

Интересными оказываются случаи совмещения коннотаций в пределах одного контекста как форма выражения настроений социальных групп (довольно многочисленных), считающих свои законные права и интересы ущемленными: «Автолюбители Дальнего Востока готовят в подарок Путину “Тойоту” с правым рулем [в преддверии запрета на ввоз в Россию подобных автомобилей] в рамках акции “*Народному* президенту – *народный* автомобиль”» [Новости. ТВК. 31.01.07]: здесь возникает явно иронический оттенок.

Небезынтересно и исчезновение *народного* образования (по крайней мере, в именовании соответствующего министерства и его подразделений). В связи с этим надо отметить: депутаты Госдумы отвергли предложение своего коллеги С. Бабурина именоваться впредь «*народными* избранниками» [Вести недели. РТР. 27.09.04]; можно предположить, что это отторжение было вызвано не только стремлением избежать каких-либо ассоциативных связей с советскими народными депутатами, дабы не оказаться заподозренными в симпатиях к бесчеловечному тоталитаризму, но и пониманием (пусть интуитивным) специфических коннотаций, которыми прилагательное *народный* обросло за последние годы, а может быть, и

отнюдь не декларируемым осознанием того, что парламентарии склонны защищать вовсе не интересы *народа* (по крайней мере, не его большинства); да и **выборы избранных** имеют удивительно предсказуемые результаты...

Существительное *народ* звучит в телеэфире крайне редко; случаи же его употребления в духе прежней аксиологической системы единичны, а отсутствие/наличие мелиоративности/пейоративности зависит от контекстуального окружения: «Чиновник – это враг номер один нынешней России для *народа*» (А. Купцов, фотограф политиков. Новости) [Афонтово. 20.12.06]. «Этому *народу* всё равно, кто им управлять будет» [М. Задорнов. Ren-TV.10.08.07] – «Я хочу и буду работать на благо **моей** страны и **моего народа**» (М. Ходорковский) [Неделя Ren-TV. 16.04.05]. «Был ли Сталин антисемитом?.. Смерть Сталина пришла в очень нужное время для евреев России, а также, наверное, всего советского *народа*» [РТР. 12.02.99] (ср.: «Умер Сталин – **всем** сразу стало весело!» [Роман с Карцевым. Грустный клоун. РТР. 16.07.09]; «...Сначала плакали: “На кого [Сталин] нас покинул?!”. Потом поняли: **нам лично** он не очень нужен – все стали смеяться» (М. Жванецкий) [РТР. 28.03.10], а также: «У Бовина в мемуарах... **все** приличествующие моменту случаи: и убийство Мейерхольда, и суд и расстрел Еврейского антифашистского комитета; даже говорит о существовании будто бы плана “уничтожить или заключить в огромное гетто всю еврейскую общину Союза”. А абзацем ниже этот опытный журналист пишет: “**К счастью**, умер Сталин...”» [Есин 2002: 442]). «В тот момент, когда он [Вольф Мессинг] встретился со Сталиным, его охватила ненависть к человеку, который

хотел уничтожить его *народ*» [Вольф Мессинг. Судьба пророка. Ren-TV. 02.08.07]. «Еврейский *народ* сегодня отмечает праздник Ханука» [Вести-Красноярск. 05.12.07] и т. п. (хотя известны и примеры вариативности существительных *народ – население – нация*, как бы нивелирующей обозначаемые понятия внутри одного микротекста, ср.: «Отношение к Эренбургу было сложным со стороны еврейского *населения*... Сталин принимает решение уничтожить еврейскую *нацию* вообще... Они должны были быть выселены из Москвы, Ленинграда, из центра... Письмо Эренбурга [Сталину]... избавило *народ* от выселения, бед и страданий» (В. Вульф) [Мой серебряный шар. РТР. 10.06.05].

В то же время существительное *население* гораздо более частотно: «Если будет победа в первом туре – это огромный аванс со стороны *населения*» (В. Путин) [Новости. ОРТ. 27.03.00]. «*Население* чувствует, что с землей надо поступать каким-то особым образом» (А. Гордеев, министр сельского хозяйства) [РТР. 28.05.02]. «Мы просто *население* опрашиваем, кого бы они хотели [видеть] губернатором» (А. Беспалов, председатель генсовета партии «Единая Россия») [Новости. Афонтово. 26.07.02]. «...*Население*, пережившее [интересен здесь выбор формы прошедшего времени. – А. В.] все тяготы переходного периода» [Ночное «Время». ОРТ. 18.01.03]. «...Можно сказать, что мы этих проблем не видим... Сказать *населению*... *Население* должно знать» (А. Чубайс) [24. Ren-TV. 10.04.03]. «Есть большая прослойка *населения*, которая будет противиться реформам, проводимым государством» [Г. Греф. 24. Ren-TV. 05.04.05]. «*Население* относится скептически не только к самым крупным собственникам» (В. Найшуль) [Времена. ОРТ. 19.06.05]. «По словам президента, Общественная

палата должна служить интересам всего *населения*» [Время. ОРТ. 20.07.05]. «Мы не можем [в социальной сфере] отделяться подачками *населению*» (Б. Титов, председатель организации «Деловая Россия») [Доброе утро, Россия! РТР. 21.06.05]. «Депутаты считают, что если выскажут мнение [в Интернете] все слои *населения*, то это положительно скажется на работе Законодательного собрания [хотя почему-то не учитывается, что не у всех «слоев» есть доступ к Интернету. – А. В.] [Новости. 7 канал. 16.02.06]. «Нужно выработать у *населения* отрицательное отношение к любой революции» (В. Жириновский) [24. Ren-TV. 22.01.07]. И мн. др.

Любопытно, что дифференциацию понятий *народ/население*, их противопоставленность иногда обнаруживают и признают (вероятно, в определённых пропагандистских целях) и некоторые из многолетних активных проводников соответствующих реформ: «Многое упущено за эти годы в социальной сфере... Кто будет осуществлять [«прорыв в экономике»]? Немощное, больное *население* вместо *народа*?» (Э. Памфилова, председатель Совета по формированию гражданского общества при Президенте РФ) [Вести-Красноярск. 13.07.08].

Многократное смешение *населения* (жителей региона) и *населения* (народа страны) закономерно приводит к нивелированию, стиранию различий между ними – и не в пользу *народа* как этнической общности, а сводится, скорее, к некоему условному «среднеарифметическому» множеству (без роду-племени, как выражались ранее).

Усугубляются эти процессы и постоянным акцентированием того, что *население* не живет в государстве или стране, а обитает преимущественно на неких «пространствах» (ср.: *экономическое пространство, валютное пространство, информационное пространство, культурное пространство, образовательное пространство* и т. п.). Это довольно отчетливо напоминает как приснопамятный Lebensraum im Osten^[50], так и реплику литературного персонажа: «Да, im Raum verlegen^[51]... im Raum-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это всё равно...» [Толстой 1980, VI: 217].

Если принять терминологический инструментарий тех лингвистов, которые в послесоветские годы бесстрашно сражаются то с «советским тоталитаризмом», то за «демократическую толерантность», можно присвоить слову *население* статус одной из новейших «идеологем» (или *глобализмов* [Денисова 2004]), применение которых в пропагандистских целях может иметь далеко идущие последствия. Скажем, претендовать на земли и их недра, реквизируя их у какого-либо *народа*, всё же, наверное, не вполне политкорректно, а вот проделать подобное по отношению к *населению* гораздо проще – особенно если само *население* прочно уверено в этом своем статусе. Ведь, по справедливому суждению историка, «во все времена Россия обладала исключительной мощью, пока ей удавалось сохранять

⁵⁰ «Жизненное пространство на Востоке» – термин национал-социалистической пропаганды. – *Прим. ред.*

⁵¹ «Перенести в пространство» (нем.) Князь Андрей реагирует на невольню услышанную им фразу немецкого офицера: «Война должна быть перенесена в пространство». – *Прим. ред.*

внутреннее единство, но превращалась в слабейшее государство, едва утрачивала его» [Скрынников 1990: 24]; как раз наличие *народа* и есть залог такого внутреннего единства.

Барско-ироническое осмысление прилагательного *народный* (ранее в значительной степени советизма), ерничество по поводу обозначаемого им комплекса понятий также обладают довольно прозрачными интенциями и манипулятивным ресурсом. Надо иметь в виду, что обычно в таких случаях подразумевается именно русский народ. Навязываемая ассоциативная цепочка рассуждений может выстраиваться приблизительно следующим образом: *народное* – нелепое, бездарное, плохое, некультурное, нецивилизованное, потому что таков *народ*. Но «Россия и сейчас на восемьдесят пять процентов населена русскими... По научным воззрениям – она в принципе называется однонациональной... Россия – однонациональная страна, и это всячески замалчивается и оттесняется на задний план средствами массовой информации и всякими... "идеологическими диверсантами"» [Трубачёв 2004: 207–207] (кстати, последние, представленные, в том числе, мощным корпусом псевдоюмористов, популяризируют совсем иные представления об этнических реалиях; ср.: «Мы живем в большой **многонациональной** стране. Есть у нас маленький, но гордый *народ*: евреи» (Л. Ярмольник) [Смак. 1 канал. 20.01.07]). Ср.: «Мы привыкли называть нашу страну многонациональной, но при этом как бы забываем, что примерно три четверти ее населения составляют русские» [Доровских 2003: 26], т. е. являются государствообразующей нацией, и если она так плоха... Здесь опять же уместны некоторые литературные

ассоциации: «Господин Крафт [нем. Kraft – «сила»]... вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено лишь послужить материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого, может быть, и справедливого своего вывода, господин Крафт пришел к заключению, что всякая дальнейшая деятельность русского человека должна быть этой идеей и парализована, так сказать, у всех должны опуститься руки...» [Достоевский 1957, 8: 57].

В терминах информационно-психологической войны подобное именуется деморализацией противника. Примерно та же цель преследуется и разрушением якобы сугубо советского пафоса, воплощавшегося, в частности, в существительном *народ*.

В соответствии с известными положениями перспективной (прогностической) семантики, «в сознании носителей языка в процессе смыслопорождения актуализируются не только стабильные смысловые признаки, связанные с определенным концептом, но и "случайные" (нестабильные) компоненты, свидетельствующие о накапливающихся смысловых изменениях... Как частотные, так и не частотные нестабильные компоненты репрезентируют процесс изменения значения на разных его стадиях, следовательно, по этим репрезентантам мы можем прогнозировать пути развития значения» [Лукашевич 2002: 209, 211].

Перспективы дальнейших семантических эволюций рассмотренных здесь слов почти всецело определяются влиянием манипулятивных технологий через СМИ, направленным (как об этом можно судить даже и по

относительно небольшим группам слов) на изменение русской ментальности – в сторону «безнациональности», отказа от этнической самобытности и ее утраты – таким, по-видимому, представляется манипуляторам один из решающих этапов построения т. н. «гражданского общества», состоящего как раз из *населения*.

Между прочим, операции, ведущие к элиминации *народа* (посредством уничтожения этого без преувеличений фундаментального фрагмента языковой картины мира), производимые и за счет осмеяния *народного*, во многом сродни описанному классиком представлению о «бесполезности и комичности слова... "отечество" как частного приема "систематического потрясения основ, систематического разложения общества и всех начал"» [Достоевский 1957, 7: 26, 696].

По оценкам некоторых специалистов, происходит процесс «толпообразования»: «В последние десять лет мы в России видим целенаправленные действия по превращению народа в толпу – через изменение типа школы, ослабление традиций и пропаганду безответственности» [Кара-Мурза 2002: 235]. Известны и несколько иные универсально-прогностические оценки подобных ситуаций: «Гибель цивилизации проявляется в том, что на ее территории останавливается накопленное культурно-историческое время [ср.: «...времени уже не будет» [Откр. 10:6]. – А. В.], девальвируется ценность общественного сознания, разрушается целостное восприятие прошлого, настоящего и будущего. Нация, некогда составлявшая цивилизованное общество, как бы впадает в беспамятство и превращается в популяцию» [Немчинов 1993: 63–64]. Кстати, последнее слово ранее регистрировалось лексикографами лишь в специальном значении `совокупность одного вида животных или

растений, находящихся на определенной территории'» [МАС₂]. Но сегодня (возможно, не без влияния англ. *a population*) его стали употреблять применительно как к отдельным социальным группам, так и к целым этносам, ср.: «Среди *популяции* этих [беспризорных] детей появились и такие, у которых есть родители» [М. Акимов, координатор программы «Дети Санкт-Петербурга». Намедни. НТВ. 21.01.02] (уместно напомнить, что в [Сл. 1847 г.] одно из значений слова *народъ* иллюстрируется пушкинским: «мальчишек радостный *народ...*»). «Через сто лет белорусы как *популяция* вообще исчезнут с лица земли» [Дела. Афонтово. 21.01.03].

Таким образом, операции по изменению русской ментальности, некогда проводившиеся под лозунгами гипертрофированного интернационализма, сегодня получили новую движущую силу – глобализацию, направленную, в том числе, и на устранение национальных различий. Видимо, когда народ перестает считать себя *народом* и приобретает навязываемую ему самооценку, низведенную до *населения* (что можно рассматривать и как переход от сакрального к профанному, и как утрату сакрального, и как сакрализацию профанного), стирается один из слоев, защищающих не только естественную культурную идентичность и экономическую самостоятельность, но и стремление к поддержанию государственного суверенитета.

Современные *национальные* загадки

*Что это за отечество у
забывших об нации?*

В. В. Маяковский

Среди слов, используемых как инструменты манипуляций общественным сознанием, особое место принадлежит лексемам иноязычного происхождения. Если исходить из их градации по степени освоенности, то, конечно, наибольшего эффекта при проведении вербально-манипулятивных операций добиваются с применением самых «свежих» слов. Впрочем, и уже, казалось бы, привычные, давно вошедшие в речевой оборот носителей русского языка лексические заимствования либо слова с чужезычными корнями также могут быть весьма действенными орудиями трансформаций сознания общества.

Замечено, что, в числе прочих теоретических проблем, возникающих при восприятии и истолковании заимствованных в русский язык слов, на первый план выдвигается проблема лексикологическая. «В русском языке уже имеются слова того же или близкого значения, даже заимствованные, но уже раньше... Многие заимствования в русском языке получают совершенно новое значение, поскольку в том значении, которое у них было в языке-источнике, уже используются собственные, русские слова... На почве несовпадения значений произошло много неприятных событий. Так, приватизация 'присвоение (для себя)' от латинского *privatio* 'лишение, отнятие' было неверно понято

большинством населения, что задним умом и было воспринято в обозначении *при-хватизация*. Такая же ловушка случилась и при толковании терминов *суверенитет, демократия, секвестр, конституция* и др., что тоже лежит на совести идеологов» [Колесов 2004в: 200–201]. Впрочем, кроме вмешательства идеологов, есть и собственно лингвистические причины для предпочтения заимствований в некоторых ситуациях.

Во многом это объясняется отсутствием в корневых элементах заимствованных (или с иноязычными корнями) слов т. н. внутренней формы.

«*Внутренняя форма* слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль... Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Это очевидно во всех словах позднейшего образования с ясно определенным этимологическим значением (*бык* – ревуший, *волк* – режуший, *медведь* – едящий мед, *пчела* – жужжащая и проч.)... Внутренняя форма кроме фактического единства образа дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть *представление*» [Потебня 1976б: 115, 146–147].

В координатах современной лингвистики внутреннюю форму слова определяют как семантическую и структурную соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; «признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова. Внутренняя форма слова мотивирует звуковой облик слова, указывает на причину, по которой данное значение оказалось

выраженным именно данным сочетанием звуков» [ЛЭС 1990: 85].

Конечно, слова иноязычного происхождения давно и традиционно оцениваются как благодатный материал для игры (обычно основанной на их ложной этимологии – вненаучной интерпретации внутренней формы) и в литературно-художественных произведениях. Кроме хрестоматийно известных примеров из «Левши» Н. С. Лескова, назовем еще некоторые. Так, в репликах свахи Красавиной из пьесы А. Н. Островского контаминированы *мораль* и *марать*: «...Какая мне радость, что всякое дело [сватовство] всё врозь да врозь. <...> Всему нашему званию *мáраль*». «Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая *мáраль* пойдет» [Островский 1972, 1: 295, 315]. Так же, на ложной этимологии *мотивировать* (якобы от *мат* – ‘нецензурная брань’) строится подобная игра в речи старого капельдинера, персонажа М. М. Зощенко: «...Кириллыч наш как рявкнет, как рявкнет, собачий хвост... В одну минуту доказал, что он за какой бас. Ну, только за минуту гордости потерпел – очень его матевировали и после службы поперли» [Зощенко 1986, 1: 149] (сам писатель заявлял: «Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица» [Зощенко 1986, 1: 538]). Ср. наблюдения Я. К. Грота над мещанской речью: «Полуграмотный класс любит без... надобности щеголять» (цит. по: [Земская 1957: 21]).

Несколько более изощренной игра с заимствованными словами (точнее, здесь присутствуют и варваризмы) оказывается в устах другого литературного персонажа – Николая I – при посещении им таможни: «"Экспедицьон офицель" [expedition officielle (франц.) –

официальная посылка; экспедиция – отделение почтамта], – сказал таможенный тихо. Ящики с такой надписью отправлялись на министерства, посольства и вскрытию не подлежали. Он [царь] посмотрел поверх должностных лиц, бесстрастно. “Expedition – это вы, – сказал он, – officielle – это я. Вскрыть”» [Тынянов 1973: 476].

Иногда непредусмотренная и совершенно нежелательная игра слов возникает вследствие низкокачественного перевода иноязычного текста, ср. чрезвычайно распространенное в книгах и фильмах авантюрно-детективного жанра «офицер полиции» (хотя *officer* или *police officer* – в подобных случаях на языке оригинала означает лишь *полицейский*, т. е. примерно того, кого в России именовали либо «рядовым милиции», либо попросту «милиционером», ныне же обладателя высокого звания *полицейский*).

Сегодня среди штампов, играющих заметную роль в процессе мифологизации окружающей действительности, к числу наиболее активных принадлежат *ситуация под контролем, взять (брать) ситуацию под (чей-л.) контроль, контролировать ситуацию, выйти из-под контроля* и под.

Если в русском языке издавна привычными для его носителей являются существительное *контроль* (заимствованное, вероятно, из французского) со значением ‘проверка, наблюдение с целью проверки’ и производный от него глагол *контролировать* – ‘подвергать контролю, проверять’, то в английском языке *control* – прежде всего ‘управление, руководство’; ‘власть’ и под. По-видимому, в последние годы многие примеры употребления сочетаний *контролировать ситуацию, взять ситуацию под контроль* и т. п. являются неполными

(частичными) кальками английских выражений вроде *to take control of the situation*, подразумевающих именно власть над происходящим, способность полностью и безраздельно управлять событиями, направляя их по своему усмотрению (типичные случаи такого использования: «Снегопад *вышел из-под контроля*. В Красноярске снег идет уже неделю. Завалены улицы...» [Новости. ТВК. 28.11.09]. «Овны... "*Всё под контролем*" – вот ваш девиз!» [Гороскоп. РТР. 10.11.09]).

Одной из причин внутренней противоречивости, смысловой невнятицы, бессодержательности сегодняшних высказываний, включающих сочетания *контролировать ситуацию, взять ситуацию под контроль, ситуация под контролем* и т. п., очевидно, является неразличение давнего и хорошо освоенного заимствования, с одной стороны, и современной неполной кальки, с другой. Такие устойчивые сочетания можно рассматривать и как один из многих штампов, вошедших в активное употребление не в последнюю очередь под влиянием синхронных переводов с английского. При использовании подобных выражений говорящий пытается имитировать слышанные им иноязычные («цивилизованные») образцы, вряд ли заботясь о смысловой точности высказывания, которое оказывается поэтому семантически неполноценным и коммуникативно малопригодным (подробнее см. [Васильев 2003: 135–146]).

Примеры, демонстрирующие смысловую неадекватность (преднамеренную или нет – уже другой вопрос) употребления выражений вроде *контролировать ситуацию, контроль ситуации, взять ситуацию под контроль* и т. п., иллюстрируют также еще один интересный лексикологический феномен, а именно:

приобретение давно заимствованным словом новой семантики под влиянием родственного языку-первоисточнику языка, позиции которого в современном мире стали доминирующими и который оказывает сегодня наиболее заметное влияние на русский язык (прежде всего на его лексику и характер ее употребления). То, что в результате подобных дискурсивных упражнений аудитория становится дезориентированной относительно интенции высказывания (кто-то то ли отстраненно наблюдает за ходом событий, то ли полновластно управляет их развитием), в конечном счете теперь уже можно не считать кардинально важным: штамп успел прочно закрепиться, и не только в российском публичном официозе.

Сегодня мы встречаемся с гораздо более опасными (без преувеличения!) изощренными двусмысленностями манипулятивного свойства, также основанными на подмене базовой семантики давнего лексического заимствования подновленной – с помощью выдвижения одного из его периферийных и прежде редко использовавшихся значений на первый план. В таких случаях очевидно целенаправленно используются слова, одновременно и общеупотребительные, и – в другой ипостаси – являющиеся элементами сразу нескольких терминосистем.

Неоднократно отмечалось, что степень научной разработанности терминов ряда наук далека от совершенства. Конечно, терминосистемы используются именно соответствующими специалистами, однако во всеобщем коммуникативном обороте находятся многие элементы терминосистем, принадлежащие одновременно и нескольким научным дисциплинам. Подобные лексемы

и устойчивые словосочетания зачастую становятся знакомы широкой аудитории в основном через т. н. средства массовой информации. С одной стороны, таким образом СМИ выполняют некую просветительскую функцию; с другой же стороны, исполняя волю своих хозяев, как обычно, производят манипуляции общественным и индивидуальным сознанием. Чаще всего это происходит за счет внедрения слов и словесных микроблоков, лишенных сколько-нибудь определенного значения (вроде *перестройка, программа российских реформ, новое мышление, общечеловеческие ценности, правовое государство* и т. п.); иногда используется исконно русская лексика, иногда – заимствования, а также кальки и полукальки. Во многих случаях они употребляются не только без учета их истинной семантики и устоявшейся прагматики, но откровенно вопреки им, что объясняется задаваемыми идеолого-пропагандистскими установками. Так, в определенный период российские СМИ «Гайдара и его политическое окружение стали называть “неоконсерваторами” – по аналогии с американскими президентами Р. Рейганом, Дж. Бушем и британским премьер-министром М. Тэтчер... Такое терминологическое калькирование западных социально-политических идеологем применительно к российской действительности явилось, мягко говоря, очень некорректным, поскольку речь шла о принципиально разных социальных мирах» [Шестаков 2005: 21]. С сугубо лингвистических позиций подобные феномены можно, конечно, рассматривать как частные факты интернационализации словарного состава языка, т. е. – в плане содержания – как примеры процесса выравнивания семантических структур лексем в

контактирующих языках, превращения в понятийном плане лексических единиц из национальных в интернациональные [Дубичинский 1995: 6]. Однако следует учитывать, что такое нивелирование (особенно – применительно к социально-политической, экономической, юридической и некоторым другим терминосистемам) имеет весьма прозрачно выраженный характер: оно нацелено на трансформацию картины мира в массовом сознании носителей языка-реципиента, направленную, в свою очередь, на восприятие реалий в аспектах, которые угодны заказчикам идеологической музыки.

Одной из ключевых манипулятивных новаций в дискурсе российских СМИ последних лет стала активная неупорядоченность (по всей вероятности, инспирированная и управляемая) употребления слов *нация*, *национальный* и родственных им. Несомненная эффективность этой серии вербально-манипулятивных операций во многом предreshается издавна нестрогой очерченностью семантики ряда лексем с заимствованным корнем *нац*– в русском языке. При этом специалистами не раз предпринимались (и предпринимаются по сию пору) попытки заключить названные термины в хотя бы более или менее жесткие рамки дефиниций. Эти попытки имеют давнюю историю. Так, «...тема национального самосознания и национальной проблематики в целом были одним из главных для философов “первой волны” российской эмиграции. При этом принципиально важным моментом для них был пересмотр одного из понятий, играющих сейчас в науке и в жизни исключительную по своему значению роль. Это – понятие нации» [Базылев 2005: 6].

Сама же важность точного дефинирования в данном случае подчеркивается и тем, что обозначаемые терминами *нация*, *национальный*, *национальность* сущности и свойства являются разновидностями воплощений такого универсального понятия, как *граница* – и многих связанных с ним феноменов. Ср.: «Сущность противопоставления – это именно сама линия и то, что к ней примыкает с одной стороны... Не в том дело, что у такого-то народа есть такой-то устойчивый признак культуры, а у соседнего или соседних его нет или он в чем-то видоизменен. Нет, именно само это отличие и составляет факт культуры... Глубочайшей сущностью этнических (будь то этнопсихических, этнокультурных или этнолингвистических) противопоставлений является сама граница» [Поршнеv 1973: 8, 12]. – «Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [Лотман 1996: 175].

Представляется целесообразным предварительно рассмотреть слова интересующей нас группы в диахроническом аспекте.

В качестве древнейшего первоисточника существительного *нация* называют латинский язык, где «*natio* – ‘происхождение, род’> ‘племя’, ‘народность’, ‘класс’, ‘сословие’, ‘каста’, ‘порода’ [корень тот же, что в *nascor* (< *gnascor*) ... *naturus sum*, *nasci* – рождаться, происходить]» [Черных 1993, I: 562] (ср.: «*natio* – 1) ‘рождение, происхождение, род’; 2) ‘племя, народность, народ или нация’; 3) ‘класс, сословие, каста, разряд, слой’; 4) ‘порода’; 5) ‘сорт’; 6) ‘языческие племена’» [Дворецкий 1976: 662]).

Слова этого корня начинают осваиваться русским языком в петровскую эпоху [История лексики 1981: 66]. Хотя еще в «Книге систиме» Дм. Кантемира (1722), текст которой насыщен заимствованиями, снабженными глоссами на полях, поясняется значение *нація* – ‘род’ [Веселитский 1972: 18], но в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту»: «*нація* – ‘народ русский, немецкий, польский и прочая’» (н. XVIII в.) [Лекс. в. н. 375]. Оно употребляется с первой половины XVIII в. в текстах широкого функционально-стилевого диапазона, от официально-деловых до литературно-художественных: «Португалія не въ состояніи была и есть и будетъ впредь, чтобы войну иметь противъ Франціи того для, что *нація* ихъ вся несклонна къ войне и... склоннее къ французамъ, нежели къ другимъ» [А. К. V. Мем. 1711, 6]. «...Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна!.. Бьетъ челомъ шведской *націи* Петръ Брунатій...» (1727) [Мат. ист. АН, т. I, 240]. «Ежели ваше благородіе далѣе во ономъ поступать изволите, то какъ здешней *націи*, такъ и иностраннымъ людемъ пріятнее будетъ» (1728) [Мат. ист. АН, т. I, 370]. «Въ прежнюю перепись изъ церковниковъ Польской *націи* и изъ другихъ тому подобныхъ по желаніямъ ихъ... приписаны къ купецкимъ людемъ...» [Гр. указ. О крест. 1746 г., 119]. «...Увидевши она [принцесса] его [Аридеса] движение и признавая за иностранного человека... приказала спросить: какой онъ *націи*...» (1789) [Невидима. 236] и др. [КДРС].

По-видимому, к этому же времени принадлежит и возникновение в русском языке существительного *национальность*; его относят к незначительному числу новообразований на – *ость* [История лексики 1981: 165–166]; «франц. *nationalite* передавалось как

национальность еще писателями XVIII в.» [Сорокин 1965: 57].

Однако применительно к указанному периоду отмечают и некоторые семантические явления, сопутствовавшие освоению слов корня *нац-*, которые вряд ли были насуточно необходимы для русского лексикона, где укрепились издревле *народ* и многие его производные. Поэтому благоприятной сферой бытования иноязычной по происхождению лексики (наряду с исконной) оказываются развивающиеся научные и другие терминосистемы. «Активизация слов в сфере отвлеченной лексики сопровождается их терминологизацией, в этих случаях также наблюдается вариантность и углубляющаяся дифференциация наименований. Данные явления охватывают разные и весьма широкие слои лексики. Эти слова социального и общественно-политического содержания: *народ, народный (общенародный, всенародный), народность; национальный, национальность*» [Веселитский 1972: 272].

Русская лексикография первой половины XIX в. не фиксирует сколько-нибудь заметных различий в значениях названных слов, обычно используя одни из них для синонимического толкования других, ср.: «*нація* – ‘народ, племя, язык’. См. сіи слова» [САР2 III 1814: 1257]; «*нація* – ‘народ, племя, язык’» [Сл. Соколова 1834: 1606]; «*национальный* – ‘народный’» [Сл. 1847 г.] и т. п.

Но в то же время в употреблении указанных слов продолжают процессы, начавшиеся почти столетием ранее: «Заимствованные слова выражали еще такие оттенки понятия, что смысловое наполнение их и соответствующих им русских синонимов оказывалось всё

же различным... Заимствованные слова, "удерживаясь вместе с оригинальными, – писал Белинский, – заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова: *народность* и *национальность*"» [Сорокин 1965: 57]. Ср. также ряд примеров [БКСО], в которых семантика слова *национальность* во многом определяется его конкретным контекстуальным окружением: «"*Национальность* делает поэта и великим и ничтожным". Белинск. Соч. VII, 169. "Вопрос о *национальности* в наше время так сильно поднят... узел этого вопроса в польском освобождении..." Огарев. Избр. I, 539. "Разумеется, что, при такой обстановке, я был отчаянный патриот и собирался в полк; но исключительное чувство *национальности* никогда до добра не доводит". Герцен. Былое и думы. Т. I. С. 17. "Есть ли какое-нибудь совокупное действие, которое не нашло бы себе оправдания в государственном единстве, в *национальности*" Л. Толстой. Война и мир. Эпилог. ч. II, гл. VII. "У китайцев нет *национальности*, патриотизма и религии". Гончаров. Фрегат "Паллада". т. II, гл. 6. "Черта *национальности* не только заметна сама по себе, но примешивается ко всем другим характеристическим чертам человека и сообщает каждой из них свой особенный оттенок". Ушинский. О наружности в общественном воспитании, 62, и др.

Интересно, что представители некоторых социально-политических течений вкладывали в семантику использовавшихся ими терминов свои, авторские созначения, что вызывало и критические замечания: "Славянофилы нашли точку опоры в *национальности*, или, как они любили **неправильно** выражаться, в *народности*". Михайловский. Письма о правде и неправде. III (IV, 439) [БКСО]. Такая

характерная семантизация, видимо, дала возможность сделать вывод о том, что "славянофилы употребляли слова *народ, народный* в смысле "нация", "национальный""» [Дудзинская 1983: 37]. Впрочем, ср. также мнение современного политолога: «...Из всего контекста творчества славянофилов следует, что речь надо вести не о "социально-классовом" понимании ими термина *народность* (в смысле "любви к простому народу"), а о соответствии славянофильского термина *народность* современному термину *национализм* (не путать с шовинизмом, ксенофобией)» [Шестаков 2005: 41].

В советской лексикографии сложилась определенная традиция толкования многозначных слов с интересующим нас корнем: на протяжении десятилетий компоненты их семантической структуры передаются, по существу, в одной и той же иерархической последовательности, без сколько-нибудь радикальных различий в дефинициях.

Так, в качестве первого (т. е. главного, основного) значения *нация* выступает «'исторически сложившаяся часть человечества, объединенная устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры'» [СУ II, 461]. Как явствует из одной цитаты, иллюстрирующей данное значение, оно представляет собой слегка видоизмененное определение описываемого понятия, предложенное И. В. Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913) и с небольшими изменениями повторенное им в статье «Национальный вопрос и ленинизм» (1929, опубликована в 1949 г.) [Душенко 2006: 442]. Ср.: «*Нация* – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического

склада, проявляющегося в общности культуры» [СУ II, 462]. Собственно, здесь учтены все ключевые категориальные признаки понятия, к тому же логично ранжированные. Вероятно, это определение следует считать вполне объективным; по крайней мере, оно присутствует и в ряде позднейших академических толковых словарей русского языка, пусть и с непринципиально важными вариациями, ср.: «*нация* – 1. 'Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, характеризуемая общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада (проявляющегося в общности культуры)» [БАС₁ 1958, 7:646]; «*нация* – 1. 'Исторически складывающаяся на основе капиталистического или социалистического способов производства устойчивая общность людей, связанная с общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры и форм быта'» [МАС₂ 1982 II: 414] (возможно, в последнем толковании отразилась необходимость упомянуть о нациях, ставших таковыми лишь с победой социалистического строя; введение же в привычную формулировку существительного *люди* («общность людей») вряд ли было столь же обязательным). Также: «*нация* – 1. 'Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика'» [ТСОШ: 398]. И здесь, по сравнению с давно известным («сталинским») определением, различия несущественны: они сказываются главным образом в синонимических заменах некоторых слов (хотя, пожалуй, примечательно присутствие термина «литературный»; согласно этому же

словарю, *литературный язык* – «обработанная форма общенародного языка, обладающая письменно закрепленными нормами» [ТСОШ: 328], поэтому далеко не все владеющие общим для какой-либо территории национальным языком – общей для нее языком одной из наций, объединенных проживанием на данной территории, – могут с полным правом считать себя частью такой нации).

Лишь на второе место отечественные лексикографы разных исторических периодов (причем в некоторых случаях – с ограничительными пометами) выносят *нация* в ином значении – 'государство'. Так, «нация – ... 2. 'перен. государство (полит., дипл.)'. "Лига наций". "Представитель дружественной нации"» [СУ II: 462]; «нация – ... 2. 'Государство'» [БАС₁ 1958, 7: 646]; «нация... 2. 'Государство, страна'. "Представитель дружественной нации". "Организация Объединенных Наций"» [МАС₂ 1982 II: 414]; «нация ... 2. 'В некоторых сочетаниях: страна, государство'. "Организация Объединенных Наций"» [ТСОШ: 398].

Вполне закономерно, что расположение частей словарных статей, посвященных производному от *нация* прилагательному *национальный*, в цитированных лексикографических изданиях во многом подобно иерархии значений производящего слова. Однако семантика его деривата отнесена уже не ко второй, а к третьей по рангу позиции, что объясняется, вероятно, соответствующей степенью социальной востребованности каждого из значений.

Ср.: «*национальный* – 1. 'Прил. к *нация*'. "Национальное единство". "Мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные

привилегии и установили национальное равноправие". Стлн. 2. 'Свойственный данной нации, выражающий ее характер'. "Н. костюм". "Н. дух"... 3. 'Государственный, принадлежащий данной стране'. "Н. флаг". "Н. гимн". "Национальное имущество". // 'Распространяющийся на государство в целом; в общегосударственном масштабе'. "Национальная федерация профессиональных союзов во Франции". "Н. рекорд". 4. 'Прил., по значению связанное с общественно-политической жизнью наций и их взаимоотношениями'. "Национальное движение". "Национальная политика"... 5. 'Принадлежащий к национальному меньшинству (нов.)'. "Местное национальное население". "Национальные районы". *Национальное меньшинство* или *нацменьшинство* (полит.) – 'национальность, представляющая по численности меньшинство в сравнении с основной массой населения в государстве'» [СУ II: 461].

Затем: «*национальный* – 1. 'Относящийся к нации, народности, связанный с их общественно-политической жизнью, интересами'. 2. 'Свойственный данной нации, народности, выражающий ее характер, особенности'. 3. 'Государственный, принадлежащий данной стране'. "Национальный флаг". "Национальный гимн". 4. 'Относящийся к отдельной (малочисленной) народности'» [БАС₁ 1958, 7: 645]; «*национальный* – 1. 'Относящийся к нации (в 1 знач.), национальности (в 1 знач.)'. "Национальный вопрос". "Национальные особенности". "Национальное движение"... 2. 'Выражающий характерные особенности какой-л. нации, национальности'; 'Свойственные какой-л. нации, национальности'. "Национальная культура"... 3. 'Относящийся к отдельной, малочисленной национальности'. "Национальный район"» [МАС₂ 1982 II:

413–414]. Иногда (очевидно, в связи с установкой на ограниченность объема словарной статьи) толкование этого прилагательного не приводится; ср. «*национальный*. “Национальные интересы”. “Национальное равноправие”» [ТСОШ: 398] (возможно, в подобных случаях семантизация всё же была бы целесообразной).

Круг сочетаемости прилагательного *национальный* почти в каждом из его значений, представленных в [МАС₂], очерчен в соответствующем словаре: «*национальный* – 1. ‘Такой, который относится к общественно-политической жизни нации, связан с ее интересами’: *политика, вопрос, движение, интересы, права, равноправие, привилегии, гнет, единство, целостность, обособленность, противоречия, самоопределение, самосознание...* 2. ‘Такой, который принадлежит данной нации; выражающий характерные особенности какой-л. нации, свойственный ей’: *культура, искусство, литература, театр, музыка, танец, дух, обычай, традиция, характер, особенность, самобытность, одежда, костюм, головной убор, украшения...* 3. ‘Государственный’: *гимн, флаг, суверенитет, доход, имущество, федерация чего-л. (бокса, легкой атлетики...), рынок, рекорд, музей, парк...*» [Сл. сочетаемости 1983: 309] (правда, здесь не приводится значение самого слова *нация* – в словнике данного издания оно отсутствует, – что несколько снижает информативность цитируемой статьи).

Интересно, что и в некоторых современных толковых словарях при указании активизации использования прилагательного *национальный* в значении ‘относящийся к нации; связанный с отношениями между нациями’ [ТССРЯ 2001: 499] не

приводится значение производящего слова. Поэтому, хотя часть иллюстративного материала данной статьи явно относится к привычной семантике *нация* и *национальный* ("Там" [в Узбекистане] они ощущают свое единство, соборность. И чем острее конфликты с местным населением [собственно, и русские, проживавшие в Узбекистане, тоже ведь были частью «местного населения»? – А. В.], тем ярче проявляется национальное самосознание русских» и др.), пример устойчивого словосочетания *национальное примирение*, толкуемый как 'достижение, установление мира между нациями внутри государства', очевидно не соответствует этому значению. Ср.: «Выбор даты [перезахоронения останков императора] должен символизировать *национальное примирение*, необходимое России после 1917 г. [СС, 30.09.94–06.10.94]» [ТССРЯ 2001: 499–500] – ведь и Октябрьская революция, и Гражданская война, насколько известно, в основном были конфликтами не межэтническими, а социальными.

Вероятно, заметную роль в недостаточно четком разграничении значений прилагательного *национальный* (иногда его значение можно определить лишь по контексту высказывания) сыграла и полисемичность существительного *национальность*. Это также можно наблюдать по ряду лексикографических изданий, фиксирующих иногда в качестве первого (основного) его значения совершенно аналогичное первому значению существительного *нация*.

Например, «*национальность* – 1. 'То же, что *нация*'. "...Только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства". Стлн. "Верховный Совет СССР состоит из

двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей". Конституция СССР. "В Советском Союзе все национальности равноправны". "Пропаганда среди национальностей". 2. 'Принадлежность к какой-л. нации'. "По национальности русский". "Установить н.". 3. 'То же, что *народность* в 2 и 3 знач.' "Н. искусства" [ср.: «*народность* – ... 2. 'Совокупность национальных черт, свойственных какому-л. народу'. "Отстаивать свою н.". 3. 'Степень соответствия кого-чего-н. с характерными свойствами народа'. "Н. поэзии Пушкина" [СУ II: 414]. – А. В.]. 4. 'Национальная обособленность, исключительность'. "Отстаивать свою н."». [СУ II: 461] (заметим попутно, что, несмотря на идентичность речений-иллюстраций к значению 2 *народность* и к значению 4 *национальность*, коннотации толкуемых слов представлены как прямо противоположные: у первого из них оценочность мелиоративная, у второго – пейоративная).

Со временем в словарях у существительного *национальность* меняются и иерархия, и некоторые формулировки значений, и само их количество. Ср.: «*национальность* – 1. 'То же, что нация, народность'. 2. 'Принадлежность к какой-л. нации, народности'. "Русский по национальности". "Установить национальность". 3. 'Национальная самобытность'» [БАС₁ 1958, 7: 644]; «*национальность* – 1. 'Принадлежность к какой-либо нации, народности'. "Люди разных национальностей". "Русский по национальности". 2. 'То же, что нация (в 1 знач.)' [МАС₂ 1982 II: 389]; здесь *народность* в 1 значении – т. е. «исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации» [МАС₂ 1982 II: 413].

Конечно, о характере использования прилагательного *национальный* в текстах официальных документов (в том числе и законодательных актов) следует сказать особо. Приведем только некоторые примеры; как и ряд других, эти явления рудиментарно сохраняют специфические черты употребления лексики общественно-политической сферы недавнего прошлого. Справедливо было замечено, что «в советскую эпоху... в таких словосочетаниях, как "*национальная школа*", "*национальные языки*", "*национальная литература*", определение "*национальный*" имело значение "нерусский"» – ср. там же: «"современный латышский рассказ" – но не "современный русский рассказ"» [Гербик 1997: 29 и далее]. Подобную квалификацию следует считать не самой полезной и плодотворной частью советского наследия (ср.: «Неловко вспоминать, как я предлагал Саше Вампилову для **более быстрого прохождения** "Утиной охоты" провести ее по разряду "пьес **национальных** авторов". Он немедленно отказался и, наверное, был уязвлен. Он считал себя русским писателем, был кровно связан с русской литературой, и любая **снисходительность** [т. е. преимущества, которыми обладали в СССР для обретения высокого социального статуса и карьерного роста представители иных национальностей не только в области художественного творчества. – А. В.] ему была не нужна» [Ефремов 1982: 623]).

Эти любопытные терминологические традиции весьма устойчивы и до сих пор, например в лингвистике. Ср.: «русские **и национальные** деятели», «*национальные и русские школы*», «*национально ориентированная* [явно имеется в виду «не русская» – А. В.] интеллигенция», то же самое, наверное, – и «*национальная интеллигенция*»

[Алпатов 2003: 22–24]. Известно, что «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61] и что «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992: 43]. «Поневоле», таким образом, складывается впечатление, что русские – **не национальные** («безнациональные») и *русский* – всего лишь синоним (эвфемизм? псевдоэвфемизм?) к *безнациональный*.

То же самое наблюдаем в текстах документов, официально регламентирующих российскую языковую политику. Например, в первой федеральной целевой программе «Русский язык» на 1996–1997 гг.: «стратегия сохранения и упрочения сбалансированного *национально-русского* и *русско-национального* двуязычия» (та же формулировка – в федеральной целевой программе «Русский язык» на 2002–2005 гг.).

Одним из впечатляющих образчиков российского официозного новояза можно считать следующий пассаж из той же программы на 1996–1997 гг.: «Распространение русского языка в мире отвечает *национальным* и государственным интересам Российской Федерации». Загадочность тезиса определяется прежде всего тем, что даже искушенный читатель подобных многозначительных документов вряд ли сможет уяснить, какой именно смысл вкладывают составители-языкотворцы в прилагательное *национальный*. Если обновленно-глобалистский (этатический), то уже совсем непонятно разграничение *национальный* – и *государственный*.

Занятно, между прочим, что в федеральной целевой программе «Русский язык (2006–2010)» среди прочих негативных явлений упоминается «ослабление

национальной самоидентификации **россиян**». Хотя, согласно действующей конституции, каждый вправе указывать свою национальность (ч. 1 ст. 26), из паспортов граждан РФ соответствующая графа удалена. При этом, как известно, *россияне* – вовсе не нация (т. е. не народ, не этнос); «*россияне* – жители, уроженцы России; граждане России'» [ТССРЯ 2001: 680] – из приведенной дефиниции следует, что это представители самых разных национальностей и никакой «национальной самоидентификации», общей для них всех в этом статусе, быть попросту не может (подробнее см. [Васильев 2008: 150]).

В документе «Концепция очередного этапа реформирования системы образования» (М., 1997), содержащем примерно в равных пропорциях благоглупости и подлинно зловерные предложения (большая часть этого реформаторского, а точнее деструктивного вздора уже в том или ином виде реализована), прилагательное *национальный* употреблено неоднократно – и каждый раз в «обновленном» значении. Здесь фигурируют и «*национальная* система контроля качества образования» (с. 17), и «программа приоритетной поддержки ведущих вузов России, составляющих ее *национальное* достояние» (с. 25), и «формирование *национальной* образовательной политики» (с. 31). Особенный интерес, конечно, вызвало «*национальное* тестирование» (с. 6, 16) – в то время эта замечательная формулировка породила предположения даже о проверке на расовую (этническую, национальную) принадлежность учащихся.

Следует сказать также, что и бывшее ранее первым и основным значение прилагательного *национальный* недавно довольно интересным образом обыгрывалось в

целях некоторых региональных политиков – получилась некая семантическая контаминация.

Замечено, что «понятие полной независимости государства от других государств подменяется понятием *национального суверенитета*, т. е. представлением об особых правах титульной нации» [Колесов 2004в: 202]. Совершенно естественно (но, конечно, вовсе не с точки зрения сохранения государственно-территориальной целостности России) была введена формулировка *суверенные республики в составе Российской Федерации*, примененная и в наименовании, и в тексте Федеративного договора от 31.03.92. «Поскольку в точном терминологическом смысле *суверенитет* предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, постольку и эта формула поддержала декларации республик об их абсолютной внешней самостоятельности. Между тем все они находятся в составе Российской Федерации, соучаствуют в решении федеральных проблем и самостоятельны только в своих внутренних делах, т. е. в том, что отнесено к их ведению» [Губаева 2004: 56]. И, «несмотря на то, что Конституционный Суд РФ признал положения о суверенитете республик в составе Российской Федерации неконституционными и не подлежащими применению, пока еще нельзя утверждать, что “эксперименты” региональных законодателей с термином *суверенитет* завершились» [Губаева 2004: 58 и далее].

Неоднократно отмечалось, что для представителей некоторых научных дисциплин, традиционно именуемых «общественными», смешение значений слова *нация* уже стало почти привычным и само собой разумеющимся. «Зачастую, особенно политологи и культурологи,

пренебрегают различиями, которые установились между значениями слова *нация*, не разводят, как говорят логики, понятия, обозначаемые одним словом, совмещая в нем два смысла – *нация* как этнокультурная общность и как государственно-гражданская общность» [Сидельников 2001: 190] (см. также [Фролов 2005в: 485]). Добавим, что то же самое относится и к использованию многочисленными гуманитариями прилагательного *национальный*.

Подобную чуть ли не нарочитую путаницу (лишь единожды разбавленную пояснением) находим в весьма характерной публикации такого рода: «Опасность [для развития социальной системы] возникает тогда, когда некая частичная [партийная] идеология объявляется *национальной* (государственной)... Обеспечить доступ каждого к опыту нации и человечества... Обеспечить доступ к *национальной* культуре каждому индивиду с минимальными затратами времени и средств. Требовалось найти форму, которая может быть для этого предъявлена каждому в качестве пропуска в *национальную* культуру... Хранилищем *национального* сознания и *национальной* культуры вполне справедливо считался [?!] язык... Язык демонстрирует не только неисчерпаемое богатство *национальной* культуры... Блестящий пример конструктивного взаимодействия государства и *национальной* интеллигенции... Участие государства в формировании *национальной* идеологии» и т. п.; в довершение ко всей невнятице цитируемая статья называется «*Национальная* идеология и язык» [Мирский 1999: 105–107]. Однако возможно и то, что эта «*национальная* головоломка» играет роль некоего отвлекающего маневра, скрывая главную задачу статьи: в связи с принятием закона о свободе совести, «где были

провозглашены четыре **государственные** конфессии в нашей стране», автор «хотел бы обратить внимание, что... у трех из четырех – иудаизма, ислама, буддизма, – отсутствуют канонические тексты на любом языке Российской Федерации» [Мирский 1999: 108]. Действительно, вот уж досадное упущение для Российской Федерации как светского государства, в котором «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Конституция РФ, ст. 14). Кстати, и в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (№ 125-ФЗ от 25.09.97), на который ссылается цитируемый автор, сказано буквально: «...уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...», но, конечно же, вовсе не говорится о «**провозглашении** четырех **государственных** конфессий». Вероятно, и эта манипуляция не случайна.

Странное (вроде бы) непонимание семантических различий между русским *национальный* и английским *national* обнаруживается, например, в следующем пассаже: «Экспертами ЮНЕСКО в 1953 г. было рекомендовано разграничить понятия “национальный язык” (national language) и “официальный язык” (official language)» [Бердашкевич 2000: 28]. В то же время предпринимаются активные попытки акцентировать и сделать приоритетным именно последнее значение, исходя из ориентации на идеальные, с чьей-то точки зрения, образцы. Таковы, например, лингвистические суждения политолога, как будто стремящегося к установлению истины, т. е. – в данном случае – выступающего за введение адекватности «отечественных

версий [терминов] исходным [иноязычным]», поскольку семантические их (отечественных) наполнения чрезвычайно различны: «Так, *нация* и *национальность* упрямо^[52] связываются в отечественном политическом дискурсе с кровно-родственным происхождением, тогда как исходная [непонятно, какая именно. – А. В.] версия концептуализирует “порождение” как связь с территорией [?!]. Поэтому [!] одним из важнейших критериев принадлежности к *нации* является место рождения. Всякому родившемуся на территории США гарантируется предоставление американского гражданства. Соответственно, понятие *национальности* в англосаксонской культуре объединяет более конкретные *гражданство* и *подданство*. А термин *национал* (*national*) служит для обозначения не этнического меньшинства, а одновременно граждан и подданных. Вместо того, чтобы говорить “граждане США и британские подданные”, можно просто [!] сказать – “американские и британские *националы*”» [Ильин 1994: 131].

Любопытны, по крайней мере, некоторые умозаключения и предложения цитируемого автора. Несомненно, что «смысловая “целина”» заимствуемого слова [точнее, непроницаемость его внутренней формы для носителя языка-реципиента. – А. В.] создает предпосылки для его дерационализации, мифологизации» [Ильин 1994: 131] (хотя то же происходило и происходит с исконными словами

⁵² Ср. довольно характерный для определенных российских слоев диалог между юристами М. Барщевским и В. Платоновым: «“А ты не считаешь, что понятие *национальности* в России – это несколько **придуманная вещь**?” – “Я даже знаю кем. **Большевиками**”» [Закон не местного значения // РГ-неделя. № 39. 25.02.10. С. 8]. Кстати, далее В. Платонов (председатель Московской городской думы) заявляет: «Для себя я ставлю задачу сделать, как в США», по крайней мере, применительно к деятельности Ассоциации юристов России.

(например, *перестройка, общечеловеческие ценности, правовое государство*), также служившими и служащими мифологизации, и политолог здесь, по сути, лишь предлагает новые мифогены). Однако чересчур смелой и вряд ли продуктивной следует считать попытку «вычленения *национальных* вариантов политических понятий, получивших международное хождение», что «потребуется **самостоятельного** и очень скрупулезного анализа... понятий, выражаемых созвучным вербальным знаком, восходящим к греческому первоисточнику»; для этого «нужен **самостоятельный** компаративный анализ **национальных** политических феноменов», а это, в свою очередь, «по силам только большому **международному** коллективу» [Ильин 1994: 132] (недифференцированность значений слова *национальный* – удачный фон и предлог для передачи вопросов собственной терминологии, как и российской экономики, в ведение очередных иностранных консультантов).

Следовало бы также напомнить, что попытки ввести в широкий коммуникативный оборот существительное *национал* (ж. *националка*) уже имели место. Но советской нормативной лексикографией оно к употреблению не рекомендовалось (по-видимому, как унижительное и даже оскорбительное). Ср.: «*национал* (простореч.). Употр. неправ. для названия лиц коренного населения национальных республик и областей» [СУ II: 460]; «*национал* – разг. **Неправильное** название лиц коренного населения национальных республик и областей» [БАС₁ 7, 1958: 642]. Впрочем, кажется, так и осталось неизвестным, многие ли сограждане с восторгом приняли бы перспективу именоваться, например,

россиянскими националами – наподобие жителей «цивилизованных» США и Британии.

Вполне объяснимо, что и лингвисты не раз обращались к вариантам семантизации слов интересующего нас корня и к толкованиям обозначаемых ими понятий.

Иногда это делается в целях дополнительного пропагандистского обеспечения популяризируемых идеологических установок.

Например, автор учебного пособия для будущих российских филологов, историков, культурологов, философов, теологов, социальных психологов заявляет: «В последующие [после «первобытно-общинной поры»] эпохи этничность (национальность) становится социокультурным измерением человека или группы людей, причем, согласно **современному** пониманию прав человека, национальное самоопределение индивида является его личным делом» [Мечковская 1998: 8]. Конечно, понятно стремление следовать моде (а, по точному суждению О. Н. Трубочёва, «моды в науке ах как сильны, и устоять против них бывает трудно и зрелым мужам науки, о женах я уж не говорю» [Трубочёв 2004: 162]), но, по крайней мере, для студентов-гуманитариев надо было бы четко объяснить, что такое «**современное** понимание прав человека», а также кем именно оно инициировано и распространяется. Далее обращаются к авторитетам: «Замечательный языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ, демократ и защитник прав национальных меньшинств, еще в 1913 г. писал, что “вопрос о национальной принадлежности решается... каждым сознательным человеком в отдельности”; “в области национальности без субъективного сознательного

самоопределения каждого лица в отдельности никто не имеет права причислять его туда или сюда”; “вполне возможна сознательная... принадлежность к двум и более национальностям или же полная безнациональность, точнее, вненациональность, наподобие безвероисповедности или вневероисповедности”» [Мечковская 1998: 8]. Понятно, что оценка лингвиста как «демократа и защитника прав национальных меньшинств» в чьих-то глазах является решающей и в высшей степени мелиоративной, чуть ли не дифирамбической, хотя названные качества – скорее всего, следствие некоторых лично-биографических обстоятельств знаменитого языковеда. Содержащийся же в этих трудах вариант решения национального вопроса сегодня, несомненно, симпатичен тем, кому близки идеи глобализации и у кого, как правило, есть про запас т. н. «историческая родина» – так что им временная безнациональность (вненациональность) более чем кстати, как и «принадлежность к двум и более национальностям». Понятно и то, кем поощряются подобные подходы: рукопись данного учебного пособия участвовала (не сомневаемся, с успехом) «в Открытом конкурсе учебных книг, проведенном Программой Белорусского фонда Сороса “Обновление гуманитарного образования”» [Мечковская 1998: 6].

Академик О. Н. Трубачёв, как известно, хорошо разбиравшийся не только в сфере своих профессиональных интересов, последовательно и оправданно понимал и применял термин *нация* прежде всего именно как обозначение этнокультурной общности. Анализ некоторых политтехнологических плетений словес позволил выдающемуся специалисту по этногенезу славян обоснованно утверждать, что «под

прицел критики взята идея *национального* государства как якобы себя изжившая, муссируется государство *наднациональное* – очередной миф, пусть и обращенный якобы в будущее. В действительной, невыдуманной истории мы всегда имеем дело с *национальным* государствообразованием... Предположить, что наше русскоязычное общество до такой степени утратит свою русскость, что доверит бразды правления какому-то *наднациональному, транснациональному* корпоративному руководству, можно, думаю, только в дурном сне» [Трубачёв 2004: 184–185]. Заметим, увы, что и дурные сны могут сбываться... Ведь ответ на вопрос: «Кто будут эти “варяги” – мировая финансовая олигархия или “малый народ”, по терминологии Шафаревича? Или – два в одном?» [Трубачёв 2004: 185] – уже был дан самым недвусмысленным образом, когда правление Ельцина стало, по сути, царствованием «семибанкирщины» (впрочем, это только самое откровенное, наиболее известное российскому обществу проявление подлинной роли «новых кочевников»; после «дела Ходорковского» их операции не получают широкой огласки, которой наверняка не хотят очень многие и по очень веским причинам: по аналогии – недаром же Б. Обама в июле 2009 г. заявил, что якобы не столь важно, кто именно виноват в т. н. «мировом финансовом кризисе»).

Однако и сегодня лингвисты не оставляют попыток разобраться в сложной категории этничности и связанных с нею понятий. Так, И. А. Шастина, справедливо считая раскрытие сущности феноменов «этнос», «этничность», «этническая идентичность» классической терминологической проблемой этнонауки [Шастина 2009: 4], видит главную трудность исследования этнонимов в размытости границ феномена

этничность, а также в неопределенности сущности, дифференциальных признаков и функций феноменов *этнос, нация* [Шастина 2009: 10]; автор доказывает, что «основная функция этничности сводится к ориентированию человека в социокультурной “системе координат” благодаря свойству пластичности – способности подвергаться временным и ситуативным трансформациям; этноцентризм представляет собой форму **естественной** реакции человека на неизвестное и есть проявление инстинкта самосохранения на уровне вида» [Шастина 2009: 13–14]. Кстати, небезынтересно также, что, при всеобъемлющем давлении политкорректности на ее исторической родине, «в сообществах иммигрантов [США] наблюдается стремление к сохранению этнической самобытности; этничность является важной эгоцентрической категорией для американцев любого возраста и этнической принадлежности» [Шастина 2009: 15].

Верность этих данных подтверждается многими свидетельствами. Например, ученый-гуманитарий, доцент МГУ О. Зацепина, последние шесть лет живущая в Нью-Йорке, сообщает: «Теорию плавильного котла^[53] запустили в 30-е гг. [в США], но если она сработала, то не совсем так, как предполагали ее создатели. Американцы стали терпимее к другим культурам, это

⁵³ Распространение устойчивого словосочетания *плавильный котёл*, обозначающего стирание национальных различий между разноплеменными иммигрантами в США, связывают с комедией английского писателя, деятеля сионистского движения И. Зангвилла «The Melting Pot» (англ. «Плавильный котёл») 1908 г., в тексте которой дана дешифровка названия: «Америка... это огромный плавильный котел, в котором переплавляются и преобразуются все европейские национальности»; выражение это, по-видимому, встречалось и ранее. В 1976 г. президент США Джимми Картер заявил: «Мы уже не плавильный котел, а прекрасная мозаика» [Душенко 2006: 175].

правда. Но одновременно больше ценят собственную идентичность. В Америке никто не представляется как американец, там говорят: "Я – пуэрториканец, немец, ирландец, еврей, русский и пр.". Люди осознали, что если человека что-то и выделяет, то в первую очередь культурная идентичность. Гордость своими национальными, этническими корнями очень характерна для современных американцев» [Лунина 2009: 91]. Отграничение по национальному признаку «чужих», вместе с тем оказывающееся и основой объединения «своих», представлено следующим образом в романе американского писателя: «"Нет, – печально возразил старик, – рыба с Мертвого моря для них недостаточно мертвая... Такая еда годится только для несчастных христиан". Это упоминание об иноплеменниках, в котором сквозила пренебрежительная усмешка, как-то по-особенному соединило всех троих, и внезапно они предстали в новом свете.

На губах старика играла чуть заметная умная и холодная улыбка, а женщины веселились безмерно, и все они отлично понимали друг друга. И теперь видно было, что они по-настоящему заодно – дети древнего, одаренного, всезнающего племени, – и со стороны, отчужденно, с насмешливым презрением глядит на темных и невежественных людей иной, низшей породы, не причастных к их познаниям, не отмеченных той же печатью» [Вулф 1982: 233].

Именно трудноразличимость (к тому же еще и стимулируемая) семантических границ между разными значениями терминов *нация*, *национальность*, *национальный* позволяет политтехнологам, пропагандистам и попросту платным либо бесплатным распространителям их установок (нельзя, впрочем,

исключать и наличие трансляторов, искренне уверенных в истинности внушенных им вводных, – в юридической терминологии подобные лица обозначаются как «добросовестные приобретатели») использовать смысловую диффузность таким образом, чтобы аудитория оказалась окончательно дезориентированной в отношении категории этничности – в том числе и своей собственной.

Иногда слово *нация* используется в привычном значении, но интересно при этом, что оказывается денотатом.

«Президент Леннарт Мери отличился неустанной борьбой за свободу своей *нации*. ...Французский журнал назвал его “Европейцем года” – это звание присваивается за поддержку **европейской** самобытности» (М. Кривцова, комментарий к информации о возможном закрытии русских школ в Эстонии из-за отсутствия их госбюджетного финансирования) [Доброе утро. ОРТ. 28.12.98]. По-видимому, здесь речь идет об эстонцах как нации; ср.: «эстонцы (самоназв. – ээстласед), *нация*, осн. нас. Эст. ССР (948 т. ч.)...» [СЭС 1983: 1553], попытки же обретения ею государственности начались лишь после октября 1917 г. [там же] и увенчались окончательным успехом вследствие активных усилий, в том числе тех же эстонцев, по развалу Советского Союза.

Можно предполагать, что этнический компонент является ведущим и в названии некоего очага культуры («Евгений Миронов – художественный руководитель “Театра *наций*” [Лучшие из лучших. Ren-TV. 03.02.07]), и в запоздало прозорливом высказывании («...Как будто кто-то сознательно или бессознательно пытается привить

нам комплекс *нации* неудачников» (А. Пиманов) [Человек и закон. ОРТ. 03.02.05]). В других же случаях понятийное наполнение слова *нация* оказывается весьма расплывчатым: «И среди евреев есть антисемиты... Писатель Эдуард Тополь в 1998 г. призвал олигархов не позорить *нацию*» [Неделя. Ren-TV. 30.01.05]. «Международный [это понятно. – А. В.] день цыган... Восемнадцатимиллионная цыганская *нация* [последнее словосочетание употреблено здесь трижды. – А. В.]... Нет памятника цыганам – жертвам холокоста» [24. Ren-TV. 09.04.06]. Последнее слово в этой цитате – активно популяризируемое заимствование *холокост* («англ. *holocaust* – 1) 'целиком сжигаемая жертва, всеожжение'; 2) перен. 'уничтожение, гибель'»). Хотя изредка и вскользь пока ещё всё-таки упоминают, что в результате гитлеровской оккупации и геноцида «погибли **не только** евреи – десятки и сотни тысяч другой национальности» (А. Гербер, президент научно-просветительского центра «Холокост») [РТР. 04.05.97], но ср.: «Всё более привычным становится слово *холокост*, а ведь славян было уничтожено почти в пять раз больше – 27 миллионов... Специального термина, обозначающего уничтожение славянских народов, пока не придумано» [Катастрофы недели. ТВ-6. 08.05.00] («евреи – *нация*, которая нескромна по отношению к своим страданиям» [Есин 2002: 252] – по поводу последней этнической категоризации, см., впрочем принятое ранее: «*евреи* – общее этническое название *народностей*, исторически восходящих к древним евреям» [СЭС 1983: 422], т. е. не квалифицируется как собственно *нация*).

По всей вероятности, замысел применить к значительной части бывшего *советского народа* именование *нация* (к тому же лишенное какой бы то ни

было подлинно национальной – этнической – ориентации), замысел, который начали реализовать еще в правление Ельцина (видимо, по рекомендациям его безнациональных советников), – это одна из многих попыток наложить на внутрirosсийскую ситуацию чужеземный иноземный трафарет в глобалистском духе. В меньшей степени – это и желание уподобиться Старшему Брату, и уведомление (*мессидж*) об этом для него же (дескать, у нас тоже – всё, как у больших!). Ср.: «Президент Буш обратился к *нации...*» – «Для Бориса Николаевича роль лидера *нации* была смыслом жизни» [Новости. ОРТ. 14.03.02]; также: «Как [нововведенный] День *народного* единства стал днем единства *нации...* Через какое-то время он станет *общенародным* праздником» [Край. Енисей-регион. 05.11.07]. «Центр здоровья *нации*» [Территория здоровья. Афонтово. 15.09.08]. «Знала ли новейшая российская история пример такого единения *наций?*» (после спортивных побед РФ в 2008 г.) [Вести недели. РТР. 28.12.08] и т. п.

Одновременно активно насаждается прилагательное *национальный* – с обновленной семантикой, причем зачастую и тогда, когда речь идет о событиях советской эпохи: «Модернизация системы *национальной* безопасности» [Вести. РТР. 29.10.02]. «В СССР путч [в Чили] и убийство президента Альенде были восприняты как *национальная* трагедия» [Новости. ОРТ. 11.09.03]. «*Национальная* спортивная премия “Слава” [Утренний разговор. РТР. 04.05.03]. «Ежегодная *национальная* музыкальная премия» [Прима-ТВ. 30.08.03]. «*Национальная* театральная премия “Золотая маска”» [РТР. 06.04.05]. «Российские дипломаты, прорывавшиеся в Ираке под выстрелами американских войск, были встречены в Москве как *национальные* герои» (И.

Прокопенко) [Военная тайна. Ren-TV. 21.09.03]. «После битвы за Москву Жуков стал *национальным* героем России [понятно, что имеется в виду, конечно, не Россия, но СССР; очевидно, метонимия здесь объясняется не только иноязычным и чужекультурным влиянием, но и табуизацией именованного прежнего государства в российском теледискурсе. – А. В.]» [Великий полководец Г. К. Жуков. ОРТ. 23.02.05]. «*Национальный* договор о приватизации» [Времена. ОРТ. 19.06.05]. «Через два года в Мытищинском районе будет воздвигнуто *национальное* мемориальное кладбище... [по-видимому, как своеобразный реформаторский вариант советских почетных захоронений у кремлевской стены – А. В.]. Потребуется три миллиарда рублей» – [24. Ren-TV 23.04.08]. «Этот центр [в Кабардино-Балкарии] стал первой *национальной* площадкой [в России], где установлена система грозорегистрации» [Вести. РТР. 03.06.09]. «*Национальный* перевозчик [«Аэрофлот»] увеличивает частоту рейсов» [Новости. 7 канал. 29.08.08]. ««Аэрофлот» – главный *национальный* перевозчик России» [Новости. Звезда. 15.03.10]. «Подготовлен проект *национальной* стратегии противодействия коррупции» [Сегодня. НТВ. 07.04.10]^[54]. ««Газпром» – *национальное* достояние» [этот слоган на российских телеэкранах – примерно с лета 2010 г.; красноярская «бизнес-элита» предложила нечто

⁵⁴ Отметим несомненный прогресс – по сравнению даже с началом реформ: на заседании сессии Верховного Совета Российской Федерации 16.04.93 генеральный прокурор В. Степанков говорил о «разветвленной системе коррупции и злоупотреблений в органах власти... В России вся правоохранительная система не в состоянии вести борьбу с коррупцией и преступностью в высших эшелонах власти... Всевозможные реорганизации и частое дублирование западных моделей, которые привносятся в правоохранительную систему, приносят ей только большой вред» [Эхо Ельцингейта // Правда. № 75. 20.04.93. С.2]

созвучное и, кажется, более корректное: «“Ванкорнефть” – **наше** достояние»] и т. п.

С началом осуществления т. н. «*национальных* проектов» такое использование прилагательного *национальный* естественным образом активизировалось, ср.: «Здоровье – это *национальное* достояние» (П. Пимашков). «Неудовлетворительное выполнение [*национального* проекта «Жилье»] становится *национальным* позорищем» (вице-премьер РФ Д. Медведев) [Реальная политика. НТВ. 04.03.06]. Как и во многих случаях, проявили свою полную компетентность журналисты: «В России сейчас внедряется программа *национального* здоровья» (Е. Цесарская) [Полседьмого. Афонтово. 29.02.07] и др.

Стало частоупотребительным и прилагательное *общенациональный*. «Новая мегакомпания “Российские железные дороги” станет *общенациональной* корпорацией» [Новости. Афонтово. 11.02.03]. «Освоение целины – крупнейший *общенациональный* проект [в СССР! – А. В.]. ...Был такой *общегосударственный* подъем» (В. Путин на встрече с первоцелинниками) [Вести. РТР. 11.03.04]. «*Общенациональный* прогул в первую декаду января [имеются в виду т. н. рождественские каникулы. – А. В.]» (Г. Онищенко, гл. санитарный врач РФ) [Вести. РТР. 03.02.05] и др.

Употребление *национальный* в значении, ранее столь привычном, встречается относительно редко: «Фестиваль *национальной* культуры в Санкт-Петербурге... Вернуть интерес к *национальному* творчеству» [Новости. ОРТ. 07.09.03]. Гораздо более распространены такие случаи использования, в которых довольно явны контаминации структурно-семантических

элементов: «Решение о сдаче крови *национальные* лидеры [т. е. предводители т. н. *национальных* общин Красноярского края. – А. В.] приняли накануне» [Новости. Прима-ТВ. 09.09.04]. «Любой бунт, тем более бунт *национальный* [т. е. определенной этнической группы. – А. В.], – конечно, угроза нашей стране» (А. Клешко) [ТВК. 24.10.06]. «...Около ста нападений на *национальной* почве» [Неделя. Ren-TV. 29.04.06]. «*Общенациональное* [!] шествие по проспекту Мира [в Красноярске]... Представители *национальных* общин...» [Новости. Прима-ТВ. 20.10.06] и т. п. Близко к приведенным: «Сохранение *национальной* и культурной идентичности» (В. Путин) [Прямая линия. ОРТ. 18.12.03].

Такие смысловые контаминации уже сами по себе являются примерами политизированных игр в слова, ср.: «Этот день [похорон погибших при пожаре] в Республике Тыва объявлен днем *национального* траура» [Вести. РТР. 08.04.03]. «*Национальная* вещательная компания “Саха” [в Якутии]» [Вести. РТР. 14.03.03]. «В Израиле утверждено правительство *национального* единства» [Новости. ОРТ. 11.01.05]. «Марк Бернес... был действительно *национальным* героем России, но не всем это нравилось» (Е. Евтушенко) [РТР. 25.01.07]. «Почему студенческие драки [в России] стали *национальной* проблемой?» (сюжет о межэтнических конфликтах в российских вузах) [Неделя. Ren-TV. 06.12.08] и т. п.

Путаница, вносимая в сознание телеаудитории, усугубляется время от времени и подчеркнутым разграничением между *национальным* и *государственным*, ср.: «Владимир Зорин – министр Российской Федерации по реализации государственной *национальной* политики» [Время. ОРТ. 11.11.03] (именно тот персонаж, который, будучи председателем комитета

по делам *национальностей* Госдумы, весьма активно призывал «избавиться от этого кошмара, который мы иногда сами на себя напускаем [речь об указании *национальности* гражданина в его документах; этого права формально не отнимает и ныне действующая конституция. – А. В.]. ...Пора [!] всем [!] становиться *россиянами*» [Мы. ОРТ. 07.12.98]) – и: «...Чтоб иностранка [польская актриса Б. Брыльска, выдвинутая на соискание Государственной премии СССР за роль в х/ф «Ирония судьбы»] получила *национальную* государственную премию СССР – это было невозможно» (Э. Рязанов) [Ирония судьбы Барбары Брыльской. 1 канал. 08.01.07].

Использование сделанного «модным» слова *национальный*, таким образом, доходит до своего логического завершения, т. е. до полного абсурда. Ср.: «Копка картофеля для красноярцев – своеобразный *национальный* обычай... Этот *национальный* обычай... На рынках цены на *национальный* продукт [т. е. картофель] пока кусаются» [Новости. ТВК. 03.09.06]. И, наконец, апофеоз: «Теперь “сибиряк” гордо воспринимается как *национальность!*» (дама – член Общественной палаты) [Новости. 7 канал. 21.11.07]. Естественным продолжением таких непомерно смелых деклараций становится оформленное в стиле современного российского постновояза новейшее этнографическое открытие, которое сделал заместитель главы Красноярска: «Создав в родном городе *межнациональное креативное пространство*, на основе согласия и **толерантности**, выиграем все мы – люди одной *национальности* – красноярцы [т. е. жители Красноярска]»; кстати, и газетный материал, где опубликована эта замечательная информация,

озаглавлен не менее впечатляюще – «Сибирская диаспора» [Ковальская А. Сибирская диаспора. *Национальность* – красноярцы // ГН. № 128. 28.08.09. С. 7]. Видимо, не за горами уже и объявление особой *национальностью* совокупности жителей одного села или обитателей одного микрорайона, квартала и т. д...

Весьма симптоматично, что и собственно национальная принадлежность теперь определяется зачастую самым произвольным образом. Как справедливо замечено, «непонятно, почему Магомет Толбоев называет осетина Калоева [в полном соответствии с ключевым концептом закона гор – кровной мезтью – убившего диспетчера швейцарской авиакомпании, из-за ошибки которого в 2002 г. пассажирский самолет «Башкирских авиалиний» столкнулся с грузовым «Боингом»; в числе погибших была семья Калоева] *настоящим мужиком с русским характером*. ...Наше время – это время смешения не только оценочных, но и национальных парадигм» [Гусар 2008: 35].

О целеустремленности этого смешения свидетельствует, в частности, заголовок репортажа в правительственной «Российской газете»: «Кино без *национальности*. В Венеции всех [!] взбудоражило то, что в российском фильме [«Бумажный солдат» А. Германа-младшего] главную роль сыграл грузинский актер» [Кичин 2008: 27].

По мнению Ю. С. Сорокина, вектор семантической эволюции существительного *национальность* был аналогичен тому, по которому совершалось развитие семантики существительного *народность*: в 20–30-е гг. XIX в. «сложилось общее отвлеченное значение слова *народность*. С одной стороны, в абсолютном

употреблении оно обозначало совокупность характерных свойств народа, с другой, в зависимом употреблении, – отражение этих характерных свойств в чем– или ком-либо... Но к середине века наметилось также и другое значение, не отмечаемое, впрочем, словарями XIX в., – значение собирательное, характеризующее исторически сложившуюся общность людей» [Сорокин 1965: 207]. Понятно, что сегодня «теоретическая разработка вопросов, связанных с проблемой национальной идентификации как фрагмента общественно-политического дискурса нынешнего тысячелетия, относится к комплексу задач по созданию научного инструментария исследований национальных отношений, которые являются сложнейшей сферой общественной жизни» [Базылев 2005: 11].

Между прочим, богатую пищу для размышлений об этом предоставили данные, касающиеся некоторых базовых установок переписи населения РФ 2010 г., а именно – перечней национальностей и языков «уважаемых россиян»^[55]. В первом из них перечислены, например, «затундренные крестьяне», «удмурты слободские», «крещеные» (а также «крещены» и «крещенцы»), «староверы», «мамоны», «фараоны», «папуасы» (и «папуасы хули»), «русские немцы», «ведороссы» (а еще «ведо-россы», «ведруссы», «кацапы» – а еще и «великороссы»; наряду с «украинцами» – и «хохлы»). Предусмотрено также наличие российских граждан и таких национальностей, как «афроамериканец», «афророссиянин», «гражданин мира», «житель Вселенной», «землянин», «иностранец»,

⁵⁵ См.: <http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/nacionalnosti.doc>;
<http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/yazyki.doc>

«советский», «интернационалист», «космополит» и т. п. Не менее интересно и приложение № 2, где, кроме языков «таджикского», «таджико-еврейского» и «таджикско-еврейского», фигурируют также «язык жестов», «язык пальцевый глухих», «язык пальцевый глухонемых», «язык русский глухих», «язык российский жестов» и т. п. Конечно же, упомянут здесь и фантастический «российский язык»...

А. Антонов обоснованно полагает, что такое искусственное дробление вызвано во многом не устроившими кого-то результатами переписи 2002 г: судя по ним, численность государствообразующей нации – русских – составляет 80 %. А «согласно международной практике моноэтническим (национальным) государством считается государство, 2/3 или более населения которого принадлежит одному этносу. О чем, кстати, в своих выступлениях говорил президент неправительственной организации “Дом свободы” (основана в 1941 г.) со штаб-квартирой в Вашингтоне Эдриан Каратницки. Т. е. Россия – **моноэтническое** государство. Это надо твердо усвоить» [Антонов 2006: 2].

Возможно, что квалификация сегодняшней РФ как «многонационального государства» является еще и некой инерцией представлений, бытовавших в советскую эпоху – и, по всей вероятности, соответствовавших тогдашней реальности. Согласно переписи населения СССР 1982 г., численность населения страны составляла 268,8 млн человек, принадлежавших к более чем 100 нациям и народностям, из которых (по переписи 1979 г.) к русским относились 137 397 тысяч человек [СЭС 1983: 1246] – т. е. приблизительно лишь около половины жителей страны. Поэтому формулировка, открывавшая ст. 70 советской конституции: «Союз Советских

Социалистических Республик – единое союзное **многонациональное** государство...» – была вполне правомерной.

Несомненно, динамика слова *национальность* взаимосвязана с динамикой однокоренных *нация* и *национальный*. Конечно, их вряд ли можно отнести к ряду т. н. «самых многозначных» в русском языке: таковыми считают «слова, имеющие в [МАС] не меньше семи номерных значений. Это “священное число” семь было выбрано в соответствии с известными представлениями о емкости оперативной (быстродействующей, симультанной) памяти человека, равной 7 ± 2 » [Денисов 1984: 150]. Исходя из анализа исторических судеб этих слов и характера их современного употребления, возможно, следует полагать, что они не столько многозначны, как принято считать в соответствии с традиционно-лингвистическими установками, сколько синкретичны: каждое из них способно одновременно служить обозначением как минимум двух понятий – довольно тесно связанных, но всё-таки разных. Однако в сегодняшнем российском публичном дискурсе (по-видимому, под воздействием английских *a nation* и *national*) всё более укрепляется тенденция не дифференцированного контекстуально использования существительного *нация* и прилагательного *национальный*. Имеет место нарастающая семантическая диффузность, причем заметно, что не бывшие ранее главными и основными для русского языка значения этих слов (соответственно «государство» и «государственный») довольно уверенно выдвигаются в качестве доминирующих, причем настолько, что в относительно недалеком будущем это вполне может послужить основанием для

перераспределения в лексикографии позиций компонентов иерархической структуры рассматриваемых слов.

Разумеется, в этих семантических эволюциях трудно обнаружить что-либо совершенно необычное для постоянно меняющегося живого языка – ведь «в самом языке как обособленной системе всегда заложены разные потенции, которые могут реализовываться одновременно и вступать в противоречие друг с другом» [Филин 1980: 9].

Кроме того, можно квалифицировать рус. *нация* / англ. *a nation* и рус. *национальный* / англ. *national* как «лексические параллели», т. е. «совпадающие в плане выражения и сходные/несходные в плане содержания лексемы двух и более синхронически сравниваемых или контактирующих языков» [Дубичинский 1995: 4]. Но в данном случае небезынтересно и весьма симптоматично, что во многих речекоммуникативных ситуациях осмысление (конечно, когда оно действительно имеется) говорящими и пишущими значений *нация* и *национальный* либо малорезультативно, либо свидетельствует об углубляющемся забвении их принадлежности к кругу собственно этнических понятий и укрепляющемся восприятии как именований понятий сугубо этатических, очень слабо ассоциируемых с категориями этничности, а следовательно, и определенной ментальности. Вроде бы и это далеко не ново – с учетом всё усиливающейся экспансии английского языка в его американском варианте: «При интенсификации языковых контактов... устанавливается семантическое равновесие систем контактирующих

языков, формируется выравнивание понятийных планов слов» [Дубичинский 1995: 13].

Однако рассмотренный пример обращает на себя внимание и потому, что «выравнивание» происходит в направлении если пока еще и не совершенного отказа от национальности (этнической принадлежности) как таковой, то, по крайней мере, резкого снижения ее традиционной и всегда актуальной для любого народа значимости. И это вполне объяснимо: «В результате глобального роста международных межправительственных организаций возникает феномен глобальной бюрократии, которая становится реальным проводником **наднациональности**» [Иванец, Червонюк 2003: 90]. Именно для глобальной бюрократии и тех, чьи интересы она представляет, защищает и навязывает поголовно («глобально») всем – под флагом, например, «общечеловеческих ценностей», – необходима и минимализация роли отдельного государства, прежде всего в вопросах экономической деятельности (транснациональным корпорациям нужен практически бесконтрольный доступ к эксплуатации чужеземных природных богатств и людских ресурсов). Достижение этой цели может быть затруднено естественным несогласием многих представителей государствообразующего народа (в России им является русский народ). А потому логично нивелировать его сначала до состояния некоей (на словах гомогенной – вроде фантомного «российского народа») массы *населения*, а затем и перевести в статус «общечеловеков». Искоренение чувства национальной идентичности, в отличие от насаждения приснопамятного «пролетарского интернационализма», производится

теперь пропагандой гораздо интенсивнее и чревато куда более серьезными последствиями.

Для обозначения лексико-фразеологических единиц, связанных с процессом глобализации, некоторые исследователи вводят термин «глобализм» [Денисова 2004]; в таких терминологических координатах итог игры со значениями слов *нация*, *национальный* можно определить как семантический глобализм. Характер их сегодняшнего употребления иллюстрирует известное положение: «Тенденция к умственному потребительству составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне» [Лотман 1996: 45].

Время от времени в реформируемой России, ныне – демократическом правовом государстве, где «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (см. преамбулу и ч. 2 ст. 13 Конституции РФ), предпринимаются попытки совершенно искусственного, спекулятивного (прежде всего – в научно-гуманитарном смысле этого слова) создания некоей «*национальной* идеи». Известны различные варианты воплощения этого грандиозного замысла; изобретались они, по-видимому, исходя то ли из пословицы «И волки сыты, и овцы целы» (последние – вряд ли все – в зависимости от насыщения первых), то ли из формулы: «Отныне и навеки – мир, порядок и благолепие. Рабочие – к станкам, землеробы – к плугу! Чур, чур! – сгинь, красное наваждение!» [Толстой 1982, 1: 358].

Ср. ироническое осмысление современных модификаций подобных затей в устах персонажа писателя: «"Короче, я тебе сейчас ситуацию просто

объясню, на пальцах, – сказал Вовчик Малой [«непонятно было, отчего его называли ... малым, – он был мужчиной крупных размеров и изрядного возраста. Его лицо было типичной бандитской пельмениной невнятных очертаний, не вызывавшей, впрочем, особого отвращения»]. – Наш *национальный* бизнес выходит на международную арену. А там крутятся всякие бабки – чеченские, американские, колумбийские... И если на них смотреть просто как на бабки, то они все одинаковые. Но за каждым бабком на самом деле стоит какая-то *национальная* идея. У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи нет вообще, кроме бабок. Но ведь не могут за бабками стоять просто бабки, верно?.. Нам не хватает *национальной* и-ден-тич-ности...”. Последнее слово Вовчик выговорил по складам. “Задача простая, – сказал Вовчик. – Напиши мне русскую идею размером примерно страниц на пять. И короткую версию на страницу. Чтоб чисто реально было изложено, без зауми”» [Пелевин 1999: 175–176]. («Сводить всё к *национальной* идее “Новой России” – это предосудительный анекдот, как будто новые русские вообще способны на какую-то *национальную* идею» [Трубачёв 2004: 188]). Следует также вспомнить о недавней кампании по созданию т. н. «*национальных* университетов» (затем, впрочем, переименованных почти столь же загадочно – в «федеральные»; ср. «*федеральный* – 1. 'Относящийся к федерации; общегосударственный'. 2. 'Прил. к федерация'» [ТССРЯ 2001: 810]; исходя из обыденной логики, должен бы существовать единственный вуз с таким названием) и об очень интересных с разных точек зрения «*национальных* проектах» («Здоровье», «Образование», «Жилье»).

Кстати, последние, как и их региональные аналоги, обычно (до возникновения т. н. мирового финансового кризиса в 2008 г.) российскими политиками и рептильно-лояльными СМИ именовались «амбициозными», что, по-видимому, выражало наивысшую положительную оценку этих затей, финансируемых из госбюджета.

Напомним, однако: «*амбиция* – ‘обостренное самолюбие, самомнение, спесь’» [СИС 1979: 31]; «*амбиция* – ‘обостренное самолюбие, чрезмерно преувеличенное чувство собственного достоинства’» [МАС₂ I 1981: 34]; «*амбиция* – ‘чрезмерное самомнение, самолюбие, необоснованные претензии на что-л.’» [ТССРЯ 2001: 18]; «*амбициозный* – ‘чрезмерно, обостренно самолюбивый’» [МАС₂ I 1981: 34]; «*амбициозность* – ‘чрезмерное проявление чувства собственного достоинства, обостренное самолюбие; необоснованные претензии на что-либо’» [ТССРЯ 2001: 18]. В свете этих дефиниций якобы несомненная мелиоративность прилагательного *амбициозный* совершенно необъяснима и заставляет усомниться в надлежащем профессионализме не только тружеников СМИ (в общем-то, их уровень речевой культуры давно известен аудитории), но и референтов, спичрайтеров (т. е. речеписцев) и прочего обслуживающего персонала российских руководящих деятелей, готовящего тексты их публичных выступлений.

Невольно вспоминаются и советские прототипы сегодняшних «проектов» (программа строительства коммунизма, продовольственная программа, «Каждой советской семье – квартиру к 2000 году!» и т. п.), заведомо обреченные на тот же успех и так и оставшиеся

«проектами» в исконном смысле этого слова (т. е. замыслами), исторически почти моментально и прочно забытыми. Кажется, уже с избранием очередного президента РФ в 2008 г. и о «национальных проектах» как будто не очень стараются вспоминать; прокукарекал, а там хоть не рассветай: эта пословица – довольно точная семантизация псевдокрасивого слова *амбициозность*.

Одна из причин (может быть, и не столь значимая, как причины организационного и финансового характера) малой успешности национальноидейных замыслов лежит в самой их номинации. Чуть ли не любой из вариантов вышеупомянутой идеи их изобретатели и разносчики именуют *российским* – возможно, имея в виду некий ореол державности, который должен освящать самый «проект». Ср. мнение заслуженного актера-демократа: «А. Н. Яковлев в книге “Сумерки” сформулировал русскую, российскую *национальную* идею... : свобода, достаток, законность» (О. Басилашвили) [Тем временем. Культура. 09.02.04]. Не говоря уже о том, что доверять ренегатам, по меньшей мере, небезопасно (всё равно что поставить экс-генерала КГБ О. Д. Калугина во главе того ведомства, в котором он служил официально), надо учесть, что «*российская* идея» (да еще и *национальная!*), равно как и упоминаемые всё чаще и настойчивее «*российский* национальный менталитет», «*российский* народ», даже «*российский* язык», как бы ни ласкали чей-то слух, – это совершенно не соотносимые с объективной реальностью пропагандистские фантомы-мифогены. Есть здесь определенная политтехнологическая преемственность. Было ведь, например, всячески популяризуемым терминологизированное устойчивое словосочетание

советский народ – и «это искусственное межнациональное понятие ушло вместе с обанкротившейся идеологией. В настоящее время его пытаются видоизменить в понятие "*российский народ*», которого в природе не существует» [Фролов 2005в: 505–506].

Причем, если исходить из «архаичного» теперь значения слова *нация* (= народ, этнос), то возникает некий парадокс: «Термин "*национальная идеология*" с логической строгостью требует определения субъекта, создателя этой системы ценностей в лице, соответственно, *нации*. Является ли сложившимся социальным субъектом *нация* "*россияне*", или она пока еще также идеологически конструируема, но объективно утопична (в смысле *у* – нет, *топия* – места), как в свое время "*советский народ*"?» [Арапова 2007: 9]. Понятно, что это риторический вопрос: ведь *россияне* – гомункулы, существа из области ненаучной фантастики, или «фэнтези» – в общем, персонажи политической мифологии, и реальны лишь в текстах – как марсиане в романе Уэллса или в голливудских страшилках. С другой стороны, политтехнологическое трюкачество позволяет интрерпретировать семантику прилагательного *национальная* в духе новейшего употребления, и тогда оказывается, что *национальная идеология* – это, по сути, государственная идеология, – т. е. та, которой в РФ не может быть в соответствии с ее конституцией. Но, поскольку говорится буквально о ***национальной идеологии***, то никакого конституционного запрета на ее существование в России нет. Таким образом, и конституция не нарушена, и доминирующая идеология наличествует... «На свете вообще много чего не полагается, но что допускается» [Гашек 1956: 603].

Ранее о подобных лингвополитических фокусах-манипуляциях уже говорил В. В. Колесов, четко дифференцируя противопоставленные (по существу, даже с точки зрения обыденного языкового сознания) понятия, тем не менее, кем-то охотно смешиваемые: «Московский мэр Лужков (1988) говорит о *«российской национальной идее»*, что сразу же свидетельствует об эклектизме всех его суждений, связанных с темой. Идеи могут быть *«русскими»* (о *русской идее* говорил уже Достоевский), но не существует *«российской идеи»*, как нет и *«российской нации»* или *«российского языка»*, поскольку понятие *«нации»* и *«языка»* включает этнический признак также» [Колесов 1999: 82].

Однако упорство политтехнологов поистине негибкомо: «Наша задача заключается в том, чтобы **создать** полноценную *российскую нацию* при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» (из выступления Д. Медведева в феврале 2011 г. на заседании президиума Госсовета, посвященного укреплению межнационального согласия в России [Memoid.ru]).

Кстати, очередным зримым подтверждением современных тенденций политтехнологической вербальной магии в России обещает стать законодательная навация, в соответствии с которой слово *национальный* будет применяться лишь в отношении к государству, а конфликты, называвшиеся ранее *межнациональными*, теперь станут именоваться *межэтническими* [Новости. Прима-ТВ. 23.08.11 (бегущая строка – со ссылкой на НГ)] (ср.: «В недрах кабинета министров РФ разрабатывается законопроект, предполагающий использование слова *национальный* только в масштабах всего Российского государства. В

отношении народов, проживающих в Российской Федерации, планируется ввести термин *этнический*. Таким образом, в России скоро не станет межнациональных конфликтов, так как они все перейдут в разряд межэтнических» [<http://mariuver.wordpress.ru> 27.08.11]).

Регулируемое словоупотребление как инструмент ЭТНОПОЛИТИКИ

– Как вы относитесь к русской бане?

– Положительно. Я вообще ко всему русскому отношусь положительно.

Разговор с Владимиром Путиным. РТР. 04.12.08

Поговорка «скромность заела», кажется, специально придумана русскими для себя.

О. Н. Трубочёв

ЭТНОНИМ И ЭТНОС

Для игр в слова могут быть использованы в качестве вербальных фигур тематически самые разные лексические и фразеологические единицы. Вполне закономерно, что в их числе оказываются и этнонимы.

Особая роль этнонима и автоэтнонима, названия и самоназвания народа, обусловлена различными причинами. Среди них и реализация возможности отличия от других этносов: воплощение некоего рубежа, обращенного одновременно внутрь – к носителю автоэтнонима и вовне – к окружающему миру (который,

впрочем, зачастую находит для этого носителя именование, отличное от его автоэтнонима). «Глубочайшей сущностью этнических (будь то этнопсихических, этнокультурных или этнолингвистических) противопоставлений является сама граница... Удивительное логическое свойство границы состоит в том, что она принадлежит одновременно обоим разграничиваемым явлениям» [Поршнеv 1973: 12]. Этноним и выступает в функции такой границы.

Пример подобного ограничения – и отграничения от прочих – автоэтноним совокупности носителей одного из надрегиональных диалектов, питавшего «сознание славянского этнического единства, которое нашло выражение в едином наддиалектном самоназвании всех славян – *slověne, этимологически – что-то вроде “ясно говорящие, понятные друг другу”» [Трубачёv 1997: 23]. Заметим кстати, что это лишь один из многих примеров, которые убедительно доказывают доминирующую роль языка в социализации человека. Поэтому справедливо считают в высшей степени плодотворной связь этнической психологии и исторической лингвистики, причем приоритет здесь принадлежит, как полагают, не формальной структуре языка, не фонетике, морфологии и синтаксису, а лексикологии и этимологии: «язык – поистине копилка исторического опыта народа в гораздо большей степени, чем любая другая сфера культуры» [Поршнеv 1979: 104].

Поэтому и при изучении ментальности именно язык выделяют как основной и главный элемент, способный выразить ее особенности. Таким образом, ментальность – это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества

национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 2004в: 15]. Пояснив, что отсутствие в течение долгого времени упоминаний в России о менталитете-ментальности имеет причиной вовсе не отсутствие этого феномена, а иное его именование – *духовность*, В. В. Колесов справедливо отмечает естественное разнообразие национально-ментальных черт (в иных терминологических координатах – этнопсихологических особенностей, этнокультурных стереотипов и т. п.), что, как полагаем, столь же естественно исключает нивелирование под «общечеловеческий» знаменатель (вполне уместный, наверное, только при определении анатомо-физиологических параметров, да и то с большими оговорками). Ведь «когда говорят сегодня, что у русских нет того-этого, а у французов, например, этого-того, ясно, что суждения основаны на подмене понятий ментально-рассудочного и духовно-идеального характера. Так свойственно европейскому научному сознанию номиналистического типа: наличие термина предполагает присутствие соответствующей идеи или явления. Сказано: “русская ментальность” – и должна быть русская ментальность. И если у русских именно данного типа ментальности нет – это плохо: отсталый народ. Вот и вся логика» [Колесов 2004в: 12]. Попутно скажем, что коренное различие между гипертрофией западного *ratio* и русской *души* (и душевности) предельно лапидарно эксплицируется, например, при сопоставительно-семантическом анализе пословиц: соответственно английской «Out of sight – out of *mind*» – и русской «С глаз долой – из *сердца* вон». Иначе говоря, «народы Западной Европы из понятия *mens* удержали исконное его содержание, их менталитет направлен на

рассудок и мысль. Таково знаменитое *ratio*» [Колесов 2004б: 11–12] (ср.: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, – то уничтожится возможность жизни» [Толстой 1981, VII: 249]). А рациональное мышление, *якобы* «освобожденное от догм», оказывается весьма уязвимым для манипуляций [Кара-Мурза 2002: 122].

Вербально-манипулятивные операции («промывание мозгов»), конечно, не являются ограниченными рамками какого-то определенного национального менталитета или государственно-политической системы. Стоит вспомнить о несомненном успехе нацистского мифотворчества в Германии (где потом, к тому же, «многие забыли даже о существовании концлагерей... Немцы... были нацией исполнителей приказов. Приказ заменял им совесть. В Германии это стало излюбленной отговоркой. Кто действовал по приказу, тот не нес никакой ответственности» [Ремарк 1989: 399]). Или о «тихом американце», который «твердо решил... делать добро, и не какому-нибудь отдельному лицу, а целой стране, части света, всему миру... У его ног лежала вселенная, в которой требовалось навести порядок»; ведь он тщательно изучил произведения «специалистов по Востоку» (вроде «Наступление красного Китая», «Угроза демократии», «Миссия Запада»), а потому был «покрыт непроницаемой броней благих намерений и невежества», – и из-за его действий погибают ни в чем не повинные вьетнамские женщины и дети [Грин 1959: 254, 265, 414]. А ведь агент Олден Пайл получил в университете научно-рационалистическую подготовку...

Преувеличенный пиетет к импортным – и интенсивно импортируемым взамен невозполнимых природных ресурсов – товарам зарубежного

производства имеет в России весьма длительную традицию, распространенную также и на отношение к продукции научной. Так, и в поисках истоков вышеупомянутого древнейшего этнонима *славяне* и прародины его носителей, и при сравнительных оценках, с одной стороны, славянской, а с другой – греко-римской или индийской культур, «почти всё за нас... решали западные авторитеты, и разрабатывать их идеи, по возможности не отклоняясь, было у нас достаточно, чтобы прослыть светлым умом... Европой вовсю по-прежнему владеет научный позитивизм и снобизм: всё-то они знают и понимают о нас самих лучше нашего...» [Трубачёв 2004: 88–94]. То же можно сказать сегодня и по поводу малоосмысленного тиражирования российскими гуманитариями суждений о русской ментальности, принадлежащих международному лингвисту А. Вежбицка. Согласно ее умпостроениям (основанным, впрочем, не столько на анализе данных собственно языка, сколько на знакомстве с определенным кругом беллетристической и философской литературы, с высказываниями «внешних наблюдателей» русской культуры и русского общества, в частности ученых и путешественников [Вежбицкая 1996]), типично русский характер обладает в качестве кардинально важных не самыми симпатичными (опять же – с точки зрения носителей иной ментальности, выдаваемой, однако, за некий «общечеловеческий» эталон) признаками.

Но и по сию пору многие российские лингвисты воспринимают эти констатации как аксиомы, зачастую используя их для верификации результатов собственных исследований (известно: «научные же мнения – дело текучей и изменчивой моды, постоянной нисколько не

более, чем мода на дамские шляпы или рукава» [Флоренский 1989: 785], «а моды в науке ах как сильны, и устоять против них бывает трудно и зрелым мужам науки, о женах я уже не говорю» [Трубачёв 2004: 162]). Слишком редко замечают, что «главный недостаток логики и методики Вежбицкой – идеологизация семантических явлений языка» и «достаточной убедительности, доказательности, объективности в представленном ею описании русского национального характера нет» [Одинцова 2000: 80].

Показательно для иллюстрации традиционных – и по-прежнему популярных – западных воззрений на прошлое (да и настоящее) русской культуры воспоминание О. Н. Трубачёва об одном боннском профессоре. Он рассуждал о славянах, научившихся благодарности якобы только с принятием христианства (*спасибо(г)* и т. п.): «...Верно рассуждает немец, правда, чуточку с апломбом, слишком уверен, нету доли сомнения, без которой – нет живой науки». И когда академик тактично – во время перерыва между заседаниями – подсказал немецкому коллеге, что «многозначность своей древней лексики позволяла славянам выразить необходимые чувства и во времена язычества (*помнить добро*), возражения не последовало... Но – не возражи я, не направь его дисциплинированную немецкую мысль в более гибкое русло, так бы и пребывал в сознании своей полной правоты в суждениях о бедных древних славянах» [Трубачёв 2004: 94]. Столь же уверенно рассуждая о русской субстандартной лексике, подобный исследователь представляет исходную семантику русского существительного *немец* как *deaf* (англ. «глухой»), а происхождение прозвища советского

партийно-государственного деятеля Кучер объясняет его работой шофером Л. И. Брежнева (хотя для носителя русского языка внутренняя форма этой неофициальной номинации вполне прозрачна: соединение инициалов и части фамилии *К. У. Черненко*) [Timroth 1986: 29, 125], и т. п...

Описывая – в очевидно ироническом ключе – национально дифференцированные типы причин самоуверенности, Л. Н. Толстой замечает, в частности: «...Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина» [Толстой 1980, VI: 53] – что можно интерпретировать в первом случае как уверенность в бесконечности познания, во втором – как изначальную ограниченность познания искусственными рамками.

Любопытно, между прочим, что и отечественными авторами даже хрестоматийные тексты русской классики цитируются и комментируются таким образом, чтобы продемонстрировать некую почти патологическую «инаковость» русских и аргументировать чуть ли не абсолютную противопоставленность их всем остальным. Вот один характерный пример: «...Великий Пушкин еще два века тому назад утверждал: "Всё те же мы, нам целый мир – чужбина!"» [Сергеева 2004: 9]. Однако в широко известном стихотворении А. С. Пушкина «19 октября», впервые опубликованном в 1827 г., данная фраза вовсе не завершается восклицательным знаком, да и смысл высказывания поэта совсем другой: контекстуально оно относится к узкому кругу

выпускников Царскосельского лицея, однокашников Пушкина, ср.:

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село [Пушкин
1977, II: 245].

Конечно, экспликации русской ментальности (русского национального характера) представлены в отечественной художественной литературе фрагментарно, избирательно, в зависимости от авторских позиций, от того, что представлялось необходимым акцентировать. Нередко одни и те же концепты оценивают амбивалентно – то как величайшее национальное достоинство, то как свидетельство исконной ущербности. Так, с точки зрения Ф. И. Тютчева, *долготерпенье* русского народа чуть ли не благодать [Тютчев 1985: 238], а А. К. Толстой считает, что этим качеством «нечего хвалиться» [Толстой 1981, 1: 108]. Н. В. Гоголь воспекает уникальное русское *товарищество* (причем, в монологах своего героя широко раздвигает рамки этого понятия, по существу включая в него коллективизм, душевное родство, патриотизм, способность к всеохватной и всепоглощающей любви и преданности, верность долгу и мн. др. [Гоголь 1952, 2: 107–108, 116–117 и др.]). Иногда литературные персонажи судят о русской ментальности «от противного» (утверждением через отрицание); так, по мнению Печорина, хотя «Грушницкий слывет отчаянным храбрецом... он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза. Это что-то не русская

храбрость!..» [Лермонтов 1948, 4: 69]; предположение о том, что «бойкая женщина» Огудалова «должно быть, не русская», строится на аргументе: «...Уж очень проворна» [Островский 1972, II: 428–429] и т. п. Одной из характерных этнических русских черт обоснованно считают скромность. Л. Н. Толстой, основываясь и на своем военном опыте, утверждал: «Все, испытавшие войну, знают, как способны русские делать свое дело на войне и как мало способны к тому, чтобы его описывать с необходимой в этом деле хвастливой ложью. Все знают, что в наших армиях должность эту, составления реляций и донесений, исполняют большей частью наши инородцы» [Толстой 1981, VII: 361]. Вероятно, именно эта скромность, отсутствие самолюбования и самовосхваления, в немалой степени делает русских столь удобным и уязвимым объектом для антирусских измышлений.

Немало суждений по этому поводу высказано Ф. М. Достоевским – и от своего имени («...Мы чрезвычайно легковверная нация, и всё это у нас от нашего добродушия» [Достоевский 1956, 4:73]), и от имени своих персонажей, французов («Le Russe est sceptique et moquer» (фр. «русский – скептик и насмешник») [Достоевский 1956, 4:126]) – и англичан («...Узнаю в этих словах моего прежнего, умного, старого, восторженного и вместе с тем цинического друга; одни русские могут в себе совмещать, в одно и то же время, столько противоположностей» [Достоевский 1956, 4: 426]) и др.

Совершенно справедливо, что «русский характер, как и наша история и культура, неоднозначны, в них сосуществовали и сосуществуют противоположности, антиномии» [Одинцова 2000, I: 81].

Известны и такие оценки безграничных возможностей широкой русской природы, по-своему также исторически оправданные: «Русский – это человек двухстороннего действия: он может жить и так и обратно и в обоих случаях остается цел» [Платонов 1988: 264].

Поэтому вполне закономерно, что в ходе информационной войны «перепрограммируют нас из самой читающей и противоречивой нации в некое подобие собственным одномерным существам, мыслящим исключительно в заданных свыше категориях и поступающим так, как надо производителям Зрелищ, а не иначе» [Расторгуев 2003: 425].

Национальные стереотипы и автостереотипы

Рассуждая о содержании понятия *народность*, А. С. Пушкин писал, в частности: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [Пушкин 1978, VII: 28–29]. По-видимому, это можно отнести и к произведениям фольклора – например, пословицам и поговоркам. Некоторые из них содержат краткие, но емкие формулировки наиболее приметных ментальных черт, ключевых этнических стереотипов и проч. Многие русские речения этого жанра и тематики содержатся в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа»; среди них – посвященные как самохарактеристике их создателей, так и изображениям иностранцев и инородцев. К первой группе, например, относятся: *на*

Руси никто с голоду не умирывал; русский терпелив до зачина; русский задора ждет; на пардон, на аман у русского и слова нет; русак умен, да задним умом; кабы у немца наперед, что у русского назади – с ним бы и ладов не было (ум); бей русского, часы сделает; русский человек любит авось, небось да как-нибудь; что русскому здóрово, то немцу смерть и др. [Даль 1984, 1: 258–259]. Пословицы второй группы: *немец хитер: обезьяну выдумал; настоящий англичанин* (т. е. корчит барина, тороват, чудак и делает всё по-своему); *сущий итальянец* (т. е. пройдоха); *сущий француз* (т. е. говорлив и опрометчив); *лях и умирает, а ногами дрягает; цыгану без обману дня не прожить; жид на ярмарке – что поп на крестинах; на одного жида – два грека, на грека – два армянина, на одного армянина – два полтавских дворянина; семеро грузин мухоморов объелись; бог создал Адама, а черт – молдавана; ешь медведь татарина – оба ненадобны [Даль 1984, 1: 271–272].* Сам составитель, великий лексикограф и фольклорист, отвечал критикам сборника в «Напутном» (введении), что он «не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию»; в нем «именно должны сойтись народная премудрость с народной глупостью, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью; человек должен явиться здесь таким, каков он вообще, на всем земном шаре, и каков он, в частности, в нашем народе» [Даль 1984, 1: 13].

В игре слов на этнические темы могут использоваться и неофициальные, т. н. народные именованья представителей конкретных национальностей, ср.: «И *москаль*, и *хохол* хитрые люди, и хитрость обоих выражается в притворстве. Но тот и другой притворяются по-своему: первый любит

притворяться дураком, а второй умным» [Ключевский 1990, IX: 385].

Именно подобные номинации иногда выделяют в качестве одного из разрядов понятий, которые «на юридическом уровне необходимо различать»: «стоит назвать оскорбительные ксенофобские прозвища и клички, т. е. брань, оскорбляющую чужую нацию. В русскоязычной практике это прежде всего “жид”, “чурка”, “черный”, “армяшка” и др.» [Жельвис 2000: 231, 233]. Интересно, что лишь одно (первое) из вышеперечисленных слов удостоилось – среди всех прочих реальных и/или официально принятых этнонимов – историко-этимологического комментария в учебном издании, «словаре-пособии», предназначенном прежде всего для учителей, студентов и учащихся. Причем приведенное здесь «горькое свидетельство» И. Бродского завершается довольно смелой констатацией поэта-скитальца: «В русском языке односложное слово недорого стоит» [Из истории русских слов 1993: 72]; нобелевский лауреат почему-то забыл о таких русских односложных словах, как *бог, мир, род, мать, сын, дочь, брат, муж, друг* и мн. др.

Такого рода мнительная щепетильность (или щепетильная мнительность) нашла отражение в диалоге драматических персонажей: «[Чарнота:] Ну и везет тебе! Впрочем, ваша нация вообще везучая. [Артур:] Если вы опять начнете проповедовать здесь антисемитизм, я прекращу беседу с вами. [Чарнота:] Да тебе-то что? Ведь ты же венгерец! [Артур:] Тем не менее. [Чарнота:] Вот и я говорю: везет вам, венгерцам!» [Булгаков 1990, 3: 252].

Гипертрофированный интернационализм в пору его принудительного насаждения – под аккомпанемент лозунгов о грядущей мировой революции – запечатлен, например, в следующем эпизоде романа: «На околице слободы стояли два сторожевых мужика... “Вы – какие?” – служебно спросили они подъехавших Дванова и Копенкина... “Мы – международные!” – припомнил Копенкин звание Розы Люксембург: международный революционер. Постовые задумались. “Евреи, что ль?”... – “Я тебя кончу на месте за такое слово”, – произнес Копенкин» [Платонов 1988: 320].

По мнению Ю. М. Лотмана, «высшей формой структурной организации семиотической системы является стадия самоописания. Сам процесс описания есть доведение структурной организации до конца... Самоописание системы есть последний этап в процессе ее самоорганизации» [Лотман 1996: 170–171]. В таком случае, автоэтноним оказывается чрезвычайно сжатым, предельно сконцентрированным самописанием народа. Однако и это самописание может быть использовано другим народом или отдельными его представителями в функции вербально-игровой маски. В какой-то степени игра в присвоение чужого этнонима (либо отказ от исконного) подобна другой широко распространенной игре в слова, по природе своей также манипулятивной и основывающейся на вербальной магии, – это использование псевдонимов.

Псевдонимы (греч. *pseudos* – ложь) определяют как вымышленные имена, фигурирующие в общении вместо «законных» имен либо наряду с ними, это имена-заменители, дублиеты, искусственные номинаторы; считают, что среди антропонимических номинативных единиц они занимают особую нишу. «Как и всякий

антропоним, псевдоимя... выполняет прежде всего номинативную функцию, обладая тайным, или эзотерическим свойством. Однако номинативно-эзотерическая роль псевдонима не исключает, а дополняет социально-оценочную, экспрессивную и фатическую функции имени собственного... Функции псевдоимени находятся в определенной связи с профессией, занятиями, национальностью именуемого лица и особенно часто используются писателями, артистами, журналистами, а среди народов – евреями» [Фролов 2005а: 115–117]. Так, несомненный эзотерический подтекст обнаруживают в псевдонимах политических деятелей и революционных вождей (Каменев – Розенфельд, Литвинов – Валлах, Троцкий – Бронштейн, Ярославский – Губельман, Мартов – Цедербаум и проч.), а в псевдонимах эстрадных исполнителей – подтекст эстетический или этнический (Лариса Долина – Лариса Миончинская (девичья фамилия – Кудельман), Вера Брежнева – Вера Киперман и др.).

«Образование псевдоимен отражает стремление носителя вымышленного имени найти выразительный номинативный знак, который бы соответствовал ситуации доверительного общения с читателем, потенциальным собеседником [и, по всей вероятности, – с широкой аудиторией или определенными ее сегментами, которые избраны носителем псевдонима в качестве объектов его манипуляций. – А. В.] и не выходил за рамки семантики и словообразования антропонимической системы того или иного языка» [Фролов 2005а: 118–120] (примечательно, что в качестве типичных примеров «специфического для русских именованья по имени и фамилии» приводят, в

частности: «Леонид Утёсов, Аркадий Райкин» [Непокупный 1986: 202]).

Очевидно, подобные же маскировочно-манипулятивные функции актуализируются при игре в этнонимы, когда исконный этноним заменяется на автоэтноним другого народа (например, *русский*) или же представители разных этносов совершенно искусственно нивелируются в национальном отношении под якобы объединяющий их гипероним (например, *россиянин*). Таким образом у многих носителей данного языка возникает ложное впечатление интеграции: стирается граница между словесными обозначениями компонентов семиотической оппозиции *свой/чужой*. Однако в реальной действительности этого вовсе не происходит – неслучайно ведь существование множества «национальных общин», «землячеств» и «культурных автономий», объединяющих на постсоветской российской территории представителей самых разных народов (кроме русских, конечно, – ср.: «Межэтнические конфликты в российских вузах... *Русского* студента в МГУ побили два дагестанца... Союз *русских* студентов не поощряется властями» (кстати, и этот прискорбный инцидент вряд ли получил бы широкую огласку, не окажись избитый сыном заместителя министра РФ) [Неделя. Ren-TV. 06.12.08]).

Стереотипы, тематически самые разнообразные, способны выступать в роли импульсов дедуктивного мышления, стимулируя восприятие и оценку того или иного объекта в соответствии с тем, что уже известно реципиенту как некая константная и единственно правильная характеристика всего класса подобных объектов. При этом совершенно необязательно, чтобы

представления об этом классе были результатом собственных наблюдений реципиента, приобретением его профессионального и/или житейского опыта: они могут быть почерпнуты из разнообразных источников информации, являющихся либо считающихся достоверными и авторитетными.

«Когда Филипп сказал Нафанаилу: “Мы нашли того, о ком писал Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета”, и, когда Нафанаил отвечал ему: “Может ли что путное быть из Назарета”, он, как сам потом увидел, ошибался; но очень неполное понятие о человеке родом из Назарета было *для него* готовою нормою, с которою необходимо должно было сообразоваться всё, что будет отнесено к ней впоследствии. Такие примеры на каждом шагу в жизни. Не останавливаясь на таких однородных с упомянутым случаях, как употребление руководящих нашим мнением понятий кацапа, хохла, цыгана, жида, Собакевича, Манилова, мы заметим, что и там, где нет клички, нет ни явственной похвалы, ни порицания, общее служит, однако, законом частному» [Потебня 1976б: 162].

Любой (или почти любой) этноним окружен в сознании носителя языка неким коннотативным полем: употребление этнонима зачастую влечет за собой шлейф привычных представлений, связанных с реальными или вымышленными характерными чертами упоминаемого народа, т. е. этностереотипами.

В частности, поэтому в духе постулатов толерантности появляются всё новые эвфемистические этнонимы (псевдоэтнонимы).

Например, «в Германии... появились новые эвфемизмы для названий национальностей, например,

Sinti und Roma = Zigeuner^[56]. Сегодня в Германии в определенных аудиториях даже нейтральное слово Jude, единственное для обозначения еврейской национальности, вызывает гневные обвинения в расизме» [Базылев 2007: 9].

Говоря об этностереотипах, следует прежде всего сказать, что, несмотря на довольно широкую употребительность, и сам исходный термин «стереотип» (следовательно, также и «этностереотип»), и его понятийное наполнение до сих пор являются весьма дискуссионными. Более того: «Для... западной науки характерно нарастающее негативное отношение к этническим стереотипам [по-видимому, вследствие сильного давления идеологических постулатов торжествующей политкорректности. – А. В.]. Существование стереотипов всё заметнее связывается с распространением в обществе **предрассудков** – расовых, этнических, национальных, социальных. Чем больше в обществе этнических проблем, тем отрицательнее отношение к понятию “стереотип”, тем больше работ, посвященных разоблачению, развенчанию различных представлений одних этнических или иных групп о других, разработке методов “борьбы” с ними. В науке [видимо, западной. – А. В.] начинают преобладать определения стереотипов, подчеркивающие их лживость и опасность» [Павловская 1998: 97–98]. Здесь же отмечается частое, хотя и далеко не обязательное, совпадение стереотипов (как некоторых устойчивых представлений о каком-то народе, переносимых автоматически на каждого из принадлежащих к этому народу) с автостереотипами (как некоторыми

⁵⁶ И то, и другое – наименование цыган. – *Прим. ред.*

устойчивыми представлениями о своем народе) [Павловская 1998: 103]. В любом случае пристального внимания заслуживают поиски истоков этностереотипов и автоэтностереотипов; в ином терминологическом оформлении совокупность последних зачастую, собственно, и образует то, что принято именовать «национальным менталитетом».

Что касается русских автоэтностереотипов, то они, как ни парадоксально, во многом обязаны своим возникновением и живучестью именно зарубежным семенам, которые дали пышные всходы в России. Не говоря подробно, например, о мемуарах иностранцев, осчастлививавших ее посещениями в разные времена и с разными целями (в том числе авантюристов, бывших опричниками Ивана Грозного и затем с удовольствием повествовавших «мировой общественности» о его жестоких деяниях – которые сами же и творили; и иноземных советников и выдвигенцев Петра I, озабоченных прежде всего личным обогащением), вспомним о том, что превратно понятая российской дворянской верхушкой, но активно ею воспринятая философия французских просветителей XVIII в. (ее «популярную силу составляли не столько планы построения нового порядка, сколько критика существующего, приправленная насмешкой» [Ключевский 1990, IX: 33]) на нашей отечественной почве принесла плоды национального негативизма и нигилизма: «Люди считали несчастьем быть русскими и, подобно Иванушке Фонвизина, утешались только мыслью, что хотя телá их родились в России, но души принадлежали короне французской» [Ключевский 1990, IX: 37–38]. Эти-то мироощущение и самооценку они так или иначе, доступными им средствами, распространяли в

обществе, точнее, в российских социальных верхах, от которых уничижительный автостереотип различными путями переключался в низшие страты. Потребительские вкусы доминирующих слоев («Всё, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный... Всё, что в Париже вкус голодный, Полезный промысел избрав, Изобретает для забав, Для роскоши, для неги модной...» [Пушкин 1978, V: 16]) способствовали, в частности, робким попыткам отечественного производителя противостоять импорту, прибегнув к мимикрии – тому «трогательному смирению, с которым наши русские мастеровые придают иностранные ярлыки домашней своей работе... Где-то, кажется на Арбате, была следующая вывеска: “Гремислав, портной из Парижа”» [Вяземский 1982, 2: 143] (ср.: «Попадались почти смытые дождем вывески... кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: “Иностранец Василий Федоров”» [Гоголь 1956: 9]). Примерно так же адекватно лакей Смердяков воспринял философствования европейски просвещенного дворянина Ивана Карамазова, который «ужаснул его своим духовным безудержем. “Всё, дескать, по-ихнему, позволено, что ни есть в мире, и ничего впредь не должно быть запрещено...”» [Достоевский 1958, 10: 239] (кстати, к последней формулировке очень близок один из популярных перестроечных лозунгов: «Разрешено всё, что не запрещено законом»), – Смердяков «всю Россию ненавидит», и «хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую и присоединила к себе», а «русский народ надо пороть-с» [Достоевский 1958, 9: 282].

Свою лепту в подобное просвещение широких масс внесли затем чеховские интеллигенты («начиная с предводителя и кончая подслеповатым пасынком надзирателя Вонючкина» [Чехов 1955, 4: 155]), много говорившие о том, как им хочется работать, – ср. разговор их обслуги: «[Дуняша (Яше):] Всё-таки какое счастье побывать за границей. [Яша:] Да, конечно. Не могу с вами не согласиться... [Епиходов:] Понятное дело. За границей всё давно уж в полной комплектации» [Чехов 1956, 9: 425–426]. Почти одновременно с ними на сцену вышли и революционеры-интернационалисты – и тоже просветили... Вульгаризованный марксизм по-своему л о г и ч н о п р о д о л ж и л р а з в и т и е национально-нигилистических настроений.

Затем гипертрофированная самокритичность, дошедшая у русской интеллигенции до самоедства, у интеллигенции советской срослась уже не столько с интернационализмом, сколько с космополитизмом (причем преимущественно у русскоязычных), и это мироощущение также не включало в себя сочувствия к собственному народу (впрочем, тогда уже превратившемуся – превращенному? – в *советский*). Российские же интеллектуалы, в свою очередь, в качестве одной из основных моделей поведения избрали некую барски-высокомерную отстраненность от народа, публично чуть ли не стыдясь принадлежности к нему, подобно русским аристократам XVIII в. Причем, как правило, исходили при этом (в тех случаях, конечно, когда такое отношение не являлось лишь малоосмысленной данью «хорошему тону», принятому в определенных социальных кругах) вовсе не из собственных рассуждений и исследований (и даже не из житейского опыта), но охотно принимая на веру выводы

специалистов из зарубежных стран, никогда не отличавшихся сколько-нибудь заметной симпатией ни к России, ни к русским.

Любопытно, однако, что конечные результаты этих информационно-манипулятивных процессов оказались для некоторых западных же ученых не вполне ординарными. Так, например, славистка Э. Эндерляйн в 1996 г., «изучив соответствующую русскую литературу, посвященную вопросам немецко-русского культурного контраста, **с удивлением** отмечает самокритичный, приниженный автостереотип русских. Она объясняет это тем, что русские запечатлели в себе традиционный образ русских у немцев, т. е. в русском автостереотипе отразился в определенной степени немецкий гетеростереотип о русских» [Рёш 1998: 492]. Круг замкнулся...

Коннотации и контекст

Один из симптомов развития значения слова видят в изменении его лексических связей, в которых оно проявляет себя в языке: «так сказать, движение внутри значения, изменение его объема» [Ковтун 1971: 81]. При изучении судеб как отдельных слов, так и крупных лексических пластов принимают во внимание, что смысловые изменения в лексике вовсе не обязательно имеют внешне-формальное выражение: чаще при семантических сдвигах в словах возникает специфическая сочетаемость, образуются новые конструкции и т. п. Отсюда – закономерный вывод о сугубой важности возможно более полного учета контекстных данных в историко-лексикологическом исследовании: «...Внутрисловные смысловые изменения и

контекст представляются разными сторонами одного явления, в равной мере показательными для происходящих сдвигов в лексике» [Веселитский 1972: 14].

Контекст, который содержит исследуемое слово (извлеченное таким образом «из недр своего существования с грунтом» [Котелова 1995: 17]), может рассматриваться как фрагмент речевого потока, где обычно и создаются условия для закономерных и вместе с тем часто неожиданных смысловых переходов, смещений [Сорокин 1965: 540]. Правила семантической синтагматики слов (имеющие силу закона) предписывают в качестве основного критерия наличие у двух слов, «помимо специфически различающих их сем, одной общей семы» [Гак 1972: 374] (см., например, также вывод о необходимости согласования коннотативных сем, или коннотем [Тулина 1992: 83–84]).

Разнообразные ассоциации, порождаемые словами у носителей языка, в свою очередь, создают новые смысловые цепочки (или, если – весьма условно и приблизительно – пытаться изобразить графически, некие расходящиеся концентрические или пересекающиеся, совмещающиеся круги и подобные сложные узоры). Это способствует выполнению одного из важнейших предназначений языка; вербально воплощаются не только рациональные суждения, но и эмоциональные оценки, что в двуединстве формирует коннотативную лексику, играющую ключевую роль в становлении и укреплении социокультурных норм, морально-этических установок, духовных ориентиров и т. п. М. В. Никитин полагает, что прагматические структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого человеком

с точки зрения его интересов и ценностной ориентации в мире, являются исходными – по сравнению с когнитивными (тот же автор указывает, что в эти структуры, вырастающие на наследственном базисе, укладывается и организуется собственный опыт индивидуума, тысячекратно обогащенный и скорректированный благодаря языку «коллективным опытом человечества» [Никитин 1983: 20] – скорее, всё-таки прежде всего ментальным опытом своего народа). Вероятно, во многом с этим связана возможность вычленения и т. н. прагматического (эмотивного) значения, именуемого также прагматическим аспектом лексического значения. В согласии с общей концепцией семиотики его определяют как закрепленное в языковой практике отношение говорящих к употребляемым знакам и (что представляется особенно важным) соответствующее воздействие знаков на людей. В лексической семантике прагматическое значение считают «специфическим языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц, оценочным эмоциональным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения» [Новиков 1982: 99–100], что в координатах несколько иной терминологии может быть отнесено также к специфике коннотации.

Коннотация – «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера», в широком смысле – это любой компонент, которым дополняется предметно-понятийное (денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы, приобретающей, таким образом, экспрессивную функцию «на основе сведений, соотносимых с эмпирическим,

культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи». В узком же смысле коннотация определяется как «компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования» [Телия 1990: 236].

«Не следует забывать, что слова живут не вне контекстов их употребления» [Филин 1984: 171]; это нужно учитывать при анализе как отдельных коммуникативных актов, так и целых функционально-стилевых пластов, среди которых совершенно особую и при этом кардинально важную роль сегодня играет та разновидность употребления языковых средств, которую традиционно именуют публицистическим стилем русского языка (хотя в наши дни, вследствие своеобразно понимаемой многими речедателями свободы слова, диапазон этих средств значительно расширился и вряд ли полностью соответствует привычным еще относительно недавно критериям).

Полагают, что, наряду с двумя основными сферами коммуникативной практики общества, т. е. кодифицированной литературной речью и разговорной речью, «на наших глазах происходит формирование третьего речевого массива – *речевой системы СМИ*» [Коньков 2002: 76]. При этом и «политический язык

воспринимается как *особая система национального языка* [курсив наш. – А. В.], предназначенная для речевой коммуникации» [Чудинов 2003: 11].

Медиа-дискурс и политдискурс обнаруживают общие черты по ряду критериев, которые можно назвать экстралингвистическими лишь конвенционально, поскольку они так или иначе связаны с самой сущностью языка в многообразии выполняемых им функций, в его психической и социальной обусловленности, с его до конца еще не осознанным и не исчерпанным потенциалом – который, однако, успешно используется в манипулятивных целях.

Для их достижения применяется, например, регулирование частотности словосочетаний, имеющих в своем составе определенные вербальные символы, которые особо значимы для формирования стереотипов общественного сознания, поскольку пробуждают в нем направленные ассоциации. Причем далеко не всегда обязательно вводить принципиально новые лексико-фразеологические единицы – достаточно смоделировать такую устойчивую сочетаемость, которая наполнит уже известное слово-символ иным, чем прежде, содержанием и придаст этому слову нужную, с точки зрения владельцев-распорядителей информационных потоков, коннотацию. Ср.: «Идея не может для себя изобрести соответствующий знак, который может быть ей передан и который, не будучи создан специально для нее, может ей соответствовать при условии потери прежнего соответствия» [Гийом 1992: 74].

К числу таких ключевых символических слов (особенно важно учитывать, что они почти «незаметны», «обычны» и потому не осознаются в этом статусе

многими носителями языка [Романенко 2003: 128]), несомненно, относятся этнонимы. Собственно, самоназвание народа (здесь намеренно не употребляем термин *нация*, используемый сегодня в официозном российском дискурсе как полный семантический аналог американо-английского *a nation*) чрезвычайно важно со многих точек зрения, в том числе семиотической (именно оно выступает в качестве первого компонента универсальной оппозиции *свои/чужие*); и лингвокультурологической (как воплощение особой, конкретной этнической ментальности). В поисках необходимого иллюстративного материала обратимся прежде всего к сверткесту российского телевидения как наиболее распространенного и очевидно эффективного пропагандистского орудия.

Негативизация русского

Мы уже немного говорили по поводу современного использования *русский – российский*. Обратимся теперь к публикации [Гербик 1997], автор которой полагает, что и несколько столетий назад, и на момент его исследования способ употребления относительных прилагательных «*русский*» – «*российский*» (эти слова подаются в кавычках почти на всем протяжении цитируемой статьи) определялся и определяется тремя факторами: языковой закономерностью, языковой традицией и языковой политикой, а на языковую политику, в свою очередь, оказывали влияние две встречные политические тенденции: этатизм и этноцентризм. «В советскую эпоху, хотя на официальном уровне признавалось равенство всех народов, понятие “русский” продолжало занимать совершенно особое место», поскольку «слово “русский” не было рядовым членом в гипонимических отношениях

“казахский, украинский, белорусский... – национальный”. В таких словосочетаниях, как “национальная школа”, “национальные языки”, “национальная литература”, определение “национальный” имело значение “нерусский” – ср. там же: «“современный латышский рассказ” – но не “современный русский рассказ”, а просто “советский рассказ”» [там же] (добавим от себя, что русские оказывались, таким образом, гораздо «более советскими», чем все остальные граждане СССР, т. е. имплицитно объявлялись не имеющими национальности).

Стоит заметить, что, несмотря на упоминания в официальных справочных изданиях советского периода о русских (например, «русские, нация, осн. нас. РСФСР», хотя здесь же: «После Октябрьской революции в ходе социалистических преобразований Р. **консолидировались** в социалистическую нацию и вместе с другими нациями и народностями СССР образовали новую ист. общность – советский народ» [СЭС 1983: 1144]; в то же время это издание ничего не сообщает о подобной «консолидации в социалистическую нацию» грузин, казахов, украинцев и прочих, с которыми, следовательно, такие метаморфозы не произошли) и о русском языке («русский язык – язык русских» [СЭС 1983: 1145]), ему, однако, по факту отводилась довольно смутная и странная роль. Ср., например, чуть ли не трафаретную для того времени формулировку: в библиографии зарубежного автора после того, как перечислены «переводы на русский язык» его произведений [Саймак 1974: 235], дается примечание: «не учтены публикации на языках народов СССР» [Саймак 1974: 237], т. е. русский язык таким образом исключается из числа языков народов Советского Союза.

По-видимому, в советское же время в специальной литературе, в частности лингвистической, сложились некоторые любопытные терминологические оппозиции, и по сей день присутствующие во многих изданиях. Такие формулировки стали привычными, и их алогизм превратился в само собою разумеющуюся и, кажется, общепринятую норму. Они употребляются – видимо, в силу традиции – и в постсоветское время. Ср. свежие примеры: «русские **и** национальные деятели» [Алпатов 2003: 22], «национальные школы» – **и** «русские школы» [Алпатов 2003: 23], «национально ориентированная [явно имеется в виду *не русская* – А. В.] интеллигенция» [Алпатов 2003: 24] и т. п.

Хорошо известно: «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61] и «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992: 43]. «Поневоле», таким образом, складывается впечатление, что русские школы – **не** национальные, да и русский-то язык – **не** национальный. Но какой же, в таком случае? Некое подобие эсперанто, идо, волапюка и прочих эрзац-субституттов полноценного естественного языка? Получается очень просто: русский – и всё. Цитированный выше автор лишь бегло упоминает «нерусское население» (хотя в довольно двусмысленной конструкции «для всего нерусского населения СССР») и «нерусские народы» [Алпатов 2003: 24].

Всё же некоторые выводы, которые делает Л. Ф. Гербик, довольно дискуссионны. Так, вряд ли можно согласиться с тем, что в языке современной прессы обозначилось такое же разграничение сфер употребления прилагательных *русский* и *российский*, как для *немецкий* и *германский*; что прилагательное

российский вторгается в сферу употребления прилагательного *русский* «в силу большей популярности» первого (при этом причины популярности никак не объясняются); что языковые (скорее, всё же пропагандистские) стереотипы *русский плутоний*, *русская мафия* и др. якобы начинают преодолеваются (хотя справедливо говорится о заимствованности и зарубежной ориентации подобных – уже устойчивых в практике российских СМИ – словосочетаний). Такие оценки не соответствуют ни речекоммуникативной ситуации 1997 г., ни – тем более – сегодняшней.

Известны неоднократные (но и все как на подбор будто бы заведомо обреченные на неудачу) попытки постоянных телеперсонажей прояснить семантику, а тем самым – и более или менее отчетливо представить денотат слова *русский*. Иногда такие высказывания подаются как констатации объективной реальности, иногда – в форме риторических вопросов: «Вообще *русский* – слово очень непонятное» (А. Любимов) [Один на один. Останкино. 17.09.95]. «Кто есть *русский* человек? Ответьте на этот вопрос мне, простому *русскому* человеку Григорию Израилевичу Горину» [Национальный интерес. Реп-TV – Афонтово. 23.01.97]. «Мы не знаем, что такое *русский* человек» (В. Ерофеев) [Те, кто. ТВ-6. 18.08.98] и т. п. (правда, декларируемая неудобопонятность слова *русский* вовсе не мешала выдавать в эфир формулировки вроде «агрессивный *русизм* левой оппозиции» [Новости. ОРТ. 19.04.97]). (С точки зрения В. Жириновского, *русские* – это «все, кто **хотят** себя считать русскими. Первый и главный признак – родной язык. У меня родной язык – русский, хотя я прожил в Казахстане 18 лет... [Минтимер Шаймиев, Кирсан Илюмжинов] **могут** считать себя *русскими*, им же

куда легче говорить *по-русски*» [Чиновник с клеймом // РГ-Неделя. № 100. 12.05.11. С. 8].) Имеет свою традицию и псевдолингвистический подход, которого придерживается, например, Н. Михалков: «Да *русский* вообще – это имя прилагательное!» (и тем якобы отличается от других этнонимов не в лучшую сторону) [Зеркало. РТР. 21.02.99]; как заметил по поводу аналогичного выступления одного литератора О. Н. Трубачёв, «имей он чуть больше знаний... то согласился бы, что дело обстоит иначе. Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адъективны: все эти *Español, Italiano, Français, Deutsch, American, Magyar, Suomalainen* – прилагательные... они типологически однородны с нашим самоназванием» [Трубачёв 2005: 216].

По-видимому, старательное акцентирование невозможности сформулировать лексическое значение слова *русский* призвано поставить под сомнение идентификацию национальной принадлежности большинства коренных носителей русского языка; кроме того, негативное воздействие на самосознание личности оказывает постулируемая таким образом принадлежность индивидуума к этносоциуму, четкое определение которого будто бы весьма гипотетично.

Следует сказать, что и само по себе точное установление чьей-либо национальности при наличии слова *русский* (чего, как правило, в текстах телевидения почему-то избегают, когда речь идет о представителях большинства населения Российской Федерации) во многих случаях представляется довольно проблематичным. Ср.: «Основоположником жанра видеоклипа можно считать *русского* певца Леонида Утёсова» [Афонтово. 04.11.97]. «Ведь все, уехавшие в

Израиль из России, – *русские*» (Е. Миронова) [Телеутро. Останкино. 03.10.95.]; ср.: «Свыше миллиона наших соотечественников, живущих в Израиле...» [Вести. РТР. 29.04.98]; «... число наших соотечественников, проживающих на земле обетованной, приближается к миллиону...» [Новости. ТВ-6. 17.05.99]. «Многие российские театры за рубежом... играют в синагогах для *русской* эмиграции» (В. Вульф) [ОРТ. 16.02.98]. «В прессу уже просочилась информация о *русских* корнях Моника Левински» [Скандалы недели. ТВ-6. 04.04.99]. «Сообщение о том, что Сильвестр Сталлоне будет “лицом *русской* водки”... Его фото на этикетке со словами: “В каждом из нас есть что-то *русское*”. И действительно, бабушка его родом из Одессы» [Новости. ТВК. 19.08.08] (ср.: «У Леопольда Захер-Мазоха *украинские* корни. Во Львове ему поставлен памятник» [24. Реп-ТВ. 09.07.08]^[57]). «Вся *русская* эмиграция по всему свету читает именно журнал “Огонёк”» [Вести. РТР. 23.12.98]. «Ролан Быков в роли скомороха в фильме “Андрей Рублёв” сыграл всю судьбу *русской* интеллигенции» (И. Рутберг) [Афонтово. 29.11.09] и т. п.

Возможно, что такие примеры отражают тенденцию, характерную для чужекультурной среды, например: «Те, кого в Израиле называют *русскими*, – репатрианты из России и бывшего СССР» [Вести. РТР. 22.03.99]. «Не исключено, что на земле обетованной вас (вероятных репатриантов) будут называть сначала русскими» (премьер-министр Израиля Б. Нитаньяху – в московской еврейской школе, всех учеников которой он призывал выехать в Израиль) [Новости. ТВ-6. 22.03.99]. «[Натан

⁵⁷ Ср. подобный этнографический изыск одессита Г. Остера, рассуждающего о некоей «русско-украинской ментальности» [Вести. РТР. 22.08.10].

Щаранский] полагает, что влияние *русской* еврейской общины на политическую жизнь Израиля будет только усиливаться» [Старый телевизор. НТВ – Афонтово-22. 02.02.01]. «В этой квартире проживает много *русских*, как называют здесь [в Израиле] всех выходцев из бывшего Советского Союза» [Обозрение. Ren-TV. 23.08.01]. «Из них [пассажиров] только 20 – иностранцы, остальные – *русские*, по крайней мере, наши сограждане» (С. Ким) [Новости. Афонтово. 31.07.02]. «Во-первых, я думаю на *русском* языке... У меня мышление, или мышленье, не знаю, как правильно... Безусловно, я *русский* человек по своему мироощущению, по своим корням... Опять-таки – это моя родина: родилась в Ташкенте» (Дина Рубина) [Успех. Ren-TV. 20.06.02]. «Жириновский – воплощенная мечта *русской* политики» (Л. Канфер) [Неделя. Ren-TV. 08.04.06]. «*Русский* гангстер Алимжон Токтахунов» [Новости. ОРТ. 01.08.02].^[58] «...Как и десятки тысяч их соотечественников, которых в России называли евреями, а здесь [в Израиле] – *русскими*» [Сегодня. НТВ. 22.01.03]. «Лейтенант доволен своими *русскими* солдатами [израильскими военнослужащими, иммигрантами из России]» [24. Ren-TV. 25.12.01]. «Дан – *русский* по рождению, родился в Союзе, а по своему ощущению – еврей: "Еврей должен жить в Израиле, защищать его"» [24.Ren-TV. 12.01.09]. «Сложись судьба Сичкина иначе, он мог бы стать *русским* Чаплином» [1 канал. 11.02.06]. «За какое время *русский*, человек из Советского Союза, становится американцем?» (Ксения Ларина – Славе Цукерману) [Успех. Ren-TV.28.01.02]. «Марк Шагал...

⁵⁸ В одной из телепередач осенью 2008 г. упомянутый персонаж был представлен уже как *российский* предприниматель.

тоже *русский* изгнанник» [«Пуаро Агаты Кристи». РТР. 12.02.03]. «Ярмарка тщеславия *по-русски*» (анонс документального фильма «Лондонские крыши» – о том, как Б. Березовский, Р. Абрамович и проч. покупают в Англии дорогую недвижимость и футбольные клубы) [НТВ. 15.11.05]. «*Русские* израильтяне – самые читающие люди в стране» [Ночные новости. 1 канал. 21.02.07]. «[Михаил Фридман, глава «Альфа-груп»:] “Можно говорить, что Россия является частью мирового бизнес-сообщества”. – [Комментатор:] “Загадочная *русская* душа перестала быть потемками для западного инвестора”» [Вести. РТР. 12.02.03]. «Израиль – страна, в которой миллион граждан говорит и думает *по-русски*» [РТР. 25.05.08]. «Проданный смех. *Русские* сенсации» (анонс передачи о юмористах Г. Хазанове, Р. Дубовицкой, В. Винокуре и др.) [НТВ. 23.08.08] и мн. др.

В подобных формулировках, кажется, довольно ощутимы нотки то ли ностальгии по советскому интернационализму, то ли стремления к некоей национальной нивелировке (под «общим знаменателем» *русские*), и последнее нельзя не оценить по достоинству, ибо отзывы чуть ли не обо всем русском или как-либо связанном с ним, как правило, негативны.

Хотя «насчет *русского* характера очень сильно всё преувеличено, это неотшлифованный характер» (В. Черных) [РТР. 22.11.98], о некоторых его чертах заявляется совершенно безапелляционно. Так, в преддверии юбилея, комментируя события последних дней Великой Отечественной войны, ведущий говорит: «Подвела... наша **изначальная ущербность**, наша *русская безалаберность*» [Воскресенье. Останкино. 07.05.95]. Ср. также: «Почему те, кого мы любим, нами так легко забываются? Наверное, такова наша

генетическая природа» (В. Мережко) [Мое кино. ТВ-6. 27.02.99]. «Наш характер отличает импульсивность, крайность: целовать – так королеву, украсть – так миллион» [Человек и закон. 03.02.99]. «...Традиционное *русское* **неуважение к законам**» (М. Гуревич) [Дела. Афонтово. 18.07.96]. «Признаём, что как бы **лень** является нашей национальной чертой» (А. Исаев) [Час пик. 09.04.98]. «Конечно, **любовь к халяве** – истинно *русская* черта» (зам. декана МГУ – по поводу открытия благотворительной столовой для студентов) [Доброе утро, Россия. РТР. 15.12.98]. «Справиться с привычками *русского* человека **мусорить и ломать** чрезвычайно сложно» [Новости. Афонтово. 30.09.99]. «...*Русский* народ, традиционно готовый **винить во всем власти**» [Романовы. Крушение династии. ОРТ. 15.07.98]. «В нашей *русской* ментальности сидят **химеры ужасающие...** Неповторимые, загадочные и **удручающие** глубины *русской* души...» (М. Захаров) [Вести. РТР. 04.05.97]. «Демократия – слово, для нас странное... Свобода – слово, странное для нас, для нашего менталитета» (М. Захаров) [Тихий дом. ОРТ. 12.05.99]. «Репрессивная система отражает **жестокий менталитет нашего народа**. Я всё время прихожу в ужас: **какие мы жестокие, какие мы кровавые!**» (А. Приставкин) [В мире людей. ТВ-6. 06.02.98]. «**Привычка к крови** наша постоянная...» (К. Ларина) [Третий лишний. Рен-TV – 7 канал. 01.02.99]. «Мы не научились чувствовать своей исторической вины перед самими собой» (С. Ковалёв) [ТВ-6. 03.11.98]. «Нельзя с нами, *русскими*, честно и открыто» (М. Жванецкий – на вечере памяти Б. Окуджавы) [ОРТ. 13.06.99]. «Пройдет еще три года, и именно *русская* атомная подлодка [К-19] в 1972 г. поставит мир на грань катастрофы» [РТР. 29.12.04].

«*Русских* можно внести в Книгу рекордов Гиннеса... Самый разобщенный народ» (депутат Госдумы А. Чехоев – о русских, оказавшихся в «ближнем зарубежье», – кстати, отнюдь не по своей воле) [24. Ren-TV. 20.02.02]. «**Русский террор** будет намного хуже, чем чеченский!» (Д. Рогозин) [Неделя. Ren-TV. 09.09.06]. «Горбачёв сделал ошибку, вырубив виноградники. Кардинально решить эту проблему можно, только вырубив *русский* народ» (В. Новодворская) [РТР. 10.12.94]. «Петр Первый, будучи в Брюсселе в 1717 г., сильно перебрал. Ну, с *русскими* это бывает – вы же знаете» (Д. Крылов) [Непутевые заметки. ОРТ. 21.09.03]. «*Русский* человек вне дома любит выпить» (М. Турецкий) [Детали. Прима ТВ. 25.09.06]. «У него [Игоря Старыгина] были слабости, присущие многим *русским* актерам [т. е. склонность к излишнему употреблению алкоголя]» (М. Розовский) [НТВ. 15.10.09] «*Русские* моряки вызывают беспокойство и опасения у населения [Японии]... Последнее убийство в приморском городке местные [японские] газеты назвали "разборками *русской* мафии"» [Честный детектив. РТР. 21.10.07]. «Подпись под снимком: "Она подышает" – вот это уже уровень *русской* журналистики» (О. Кушанашвили) [Секретное досье. Ren-TV.24.09.07]. «Если к какому-нибудь хорошему делу добавить слова "*по-русски*", всё встанет **с ног на голову**... В банке кредит дают, только не забудьте – *по-русски*» (Т. Устинова) [Час суда. Ren-TV. 09.09.05]. «[А. Кушнир, «легенда музыкальной журналистики»:] Из-за **колоссальной *русской* бесхозяйственности** эта [эстрадная] группа так и не вышла [на большую сцену]» [Звезды на ладони. МТВ. 14.01.09]. «Отбыв срок [тюремного заключения], Сергей вернулся из Италии в Москву и давай вспоминать, что такое шопинг *по-русски*

[т. е. занялся кражей товаров в магазинах]» [В час пик. Ren-TV. 07.02.09]. «Как же это *по-русски*, **нелепо и ужасно**, погиб Юрий Степанов» [Вести. РТР. 07.03.10]. «Проект обмена старых авто на новые абсолютно *по-русски* вдруг **забуксовал**» [Новости. ТВК. 09.03.10]. «Благотворительность *по-русски*: почему мы не можем вместе со всем миром помочь гаитянам» (как обычно, здесь сначала предлагается эталон: «В США – бум благотворительности: американцы посредством СМС-сообщений со своих мобильных телефонов перевели на счета благотворительных фондов свыше 10 млн долларов». В России же СМС-благотворительности нет, так как сотовые компании взимают в качестве комиссии 50 % от суммы денежного перевода. Конечно, «*по-русски*» здесь малоуместно: речь идет о *российских* предпринимателях – зато негативный ореол всего *русского* очевидно усиливается) [24. Ren-TV. 19.01.10]. «Есть десять способов **заставить** *русского* человека **работать**, но ни один из них не работает» (анонс раздела программы «Край за неделю», посвященного плохой работе коммунальных служб Красноярска во время обильного снегопада) [Енисей-регион. 06.12.09]^[59]. «Здесь [в селе Белоомут, где после пожаров в 2010 г. появились новые дома взамен сгоревших] как на любой *русской* **стройке**: быстро, дешево и... **ненадолго**» [Дело особой важности. Ren-TV. 26.03.11] и т. д.

Поэтому совершенно естественным и закономерным оказывается, что «били его [подростка] в нашей *русской* милиции» [Скандалы недели. ТВ-6. 14.02.99], что

⁵⁹ Справедливо сказано по поводу т. н. «русской лени», что «это скорее предмет для разговора об особенностях и тенденциях русской автохарактеристики, нежели о константах национальной ментальности» [Фомин 2008: 93].

«слишком сильно загрязняют среду *русские* машины» [ИКС. КГТРК. 28.10.94] (и: «...Не забывайте, что вы купили *русский* автомобиль; поэтому не удивляйтесь, что обнаружите скрытые дефекты» [Авто. ТВК. 07.04.98]), или: «...*Русские* ребята во Франции воруют... [В. Познер:] Ужасно то, что я слышал о наших: *русские* крадут, *русские* то, сё...» [Человек в маске. ОРТ. 08.02.99], а в сообщении о трагическом происшествии – гибели 10-летнего мальчика как бы вскользь упоминается, что повинна в этом «медведица с *русским* именем Маша» [Совершенно секретно. РТР. 30.07.98]. Поводом для негативизации *русского* оказывается и система школьного образования, якобы ущербная, поскольку «во всем [?] мире принята 12-летняя система школьного образования» и «именно поэтому *русские* аттестаты за границей недействительны» [Новости. Афонтово. 28.12.99], а следовательно, «переход на 12-летнее школьное образование позволит сделать *русский* аттестат престижным во всем мире» [Новости. Афонтово. 17.01.00].

Нередко в пределах атрибутивного сочетания сталкиваются (в духе «стеба», т. е. ерничества [Земская 1996:25]) прилагательные *русский* и *народный* (последнее некогда было стилистически приподнятым, а ныне стало иронически окрашенным); например, в анонсах телепередач, вроде: «*Русская народная* программа “Плейбой”» [ТВ-6. Янв. – февр. 2000] или «*Русская народная* передача “Городок”» [РТР. 1999–2000] (ср.: «В России появилась новая **народная** игра – размышления вслух о здоровье президента» [Вести. РТР. 17.01.99]). Также: «Национальная *русская* демократическая забава – накопление компромата на политического противника» [Вести. РТР. 26.11.98].

«Пеняют на телевидение... Это такая старинная *русская* забава теперь: если что-то не нравится, разбить зеркало» (М. Швыдкой, председатель ВГТРК) [Вести. РТР. 24.01.99]. «*Русская народная* группа "Бони М"» [РТР. 16.07.06]. «Портрет идеального *русского* солдата. С таким защитником Родина может спать спокойно!» (анонс телесериала «Солдаты») [Ren-TV. 10.02.07] (любой, кто удосужился посмотреть хотя бы одну серию этого шедевра, легко усомнится в целесообразности существования российской армии как таковой).

Отсюда – логическое оправдание сентенций (которые одновременно во многом и задают программируемый тон), подобных следующей: «Я [будучи за границей] называю свою **непрестижную русскую** национальность и готова отвечать [?!] за принадлежность к этой **неблагополучной** нации» (В. Новодворская) [Зеркало. РТР. 26.10.97].

Негативизация *русского* производится с помощью различных приемов.

Это, например, чрезвычайно обобщенные и при том инвективные характеристики русской ментальности, которые, как правило, имеют запелляционно-аксиоматичную тональность. Ср.: «При жизни били наотмашь, а после смерти начинаем ценить. Это совсем *по-русски*. Шок – это по-нашему!» (депутат Законодательного собрания Красноярского края В. Бибикова – по поводу смерти А. Лебеда) [ИКС. 29.04.02]. «Любопытство ко всему патологическому, которое является неотъемлемой чертой наших соотечественников [некоторая двусмысленность: «неотъемлемой чертой» является то ли «любопытство», то ли «всё патологическое». – А. В.]» (О. Суслов) [Культура за

неделю. ТВК. 23.09.02]. «*Русский* народ ничего не хочет делать, но считает себя непобедимым» [7 канал. 18.11.06]. «Может ли забота о будущем победить *русскую безалаберность?*» (по-видимому, вопрос является риторическим: речь идет о нежелании «россиян» иметь по 5–6 страховых полисов, как в «цивилизованных странах») [анонс передачи «Перекресток». Афонтово. 03.02.07]. «...Несмотря на *русский* менталитет – **любовь к блеску** – как можно меньше одежды со стразами» [Новости. Прима-ТВ. 18.09.08]. «Так ли мы ленивы, **как принято считать?**» [Доброе утро, Россия. РТР. 24.07.08]. «*Русский* характер – это способность в любую секунду создать шокирующую ситуацию» (Д. Марьянов) [Очевидец. Ren-TV. 14.09.08] и т. п. В общем, говоря словами литературного персонажа (а отчасти, возможно, – и самого автора), «если у *русского* человека попадаетеся хороший характер, так это действительно роскошь» [Бабель 1989: 147].

Конечно, пытливым изыскателям приходится познавать эту очевидно ущербную ментальность самыми разными путями; анонс передачи М. Гуревича «Живые мысли» таков: «Красноярские сортиры. Исследование *русской* души. Взгляд из туалета» [7 канал. 14.01.06].

Кстати, при этом употребление вульгарной брани оценивается и как всё объясняющий лингвоментальный знак, и как неперемное условие успешной речевой коммуникации, ср.: «“А известно, что Шнуров [солист группы «Ленинград»] будет матом выражаться?” – [С. Иванов, гендиректор ЕТК:] “Какой народ – такая и речь, какой народ – такие люди...”» [Новости. 7 канал. 29.08.08]. «[А. Кончаловский:] “Я, наверное, непонятно выражаюсь” – [В. Соловьев:] “Вы непонятно выражаетесь: вы не материтесь, вы непонятны *русскому*»

народу”» [К барьеру! НТВ. 11.12.08] (подробнее см.: [Васильев 2000: 122–126], [Васильев 2003: 169–172], [Васильев 2008: 36–37 и др.]).

Поводом для уничижительных характеристик целого народа может оказаться очень многое. Так, от кого-то якобы исходившие предложения отметить 130-ю годовщину со дня рождения И. Сталина (причем, по словам корреспондента, опросы показывают «тревожную тенденцию» роста популярности этого исторического деятеля среди российских граждан) политолог А. Ципко прокомментировал решительно: «...Значит, **мы неполноценный народ и неполноценная нация**» [24. Ren-TV. 21.12.09] – хотя от специалиста его профиля стоило бы ожидать не вселенских инвектив, а анализа действительных причин современных общественных умонастроений и симпатий.

Во многих случаях негативизация русского утверждается за счет сочетаемости слов корня *рус-* со словами – носителями отрицательной оценки обозначаемого, что имеет уже довольно устойчивый (чтобы не сказать – назойливый) характер, ср.: «Конкурс *русского компромата*» [Пресс-экспресс. РТР. 26.11.96]. «Борьба Брынцалова с *русским* экономическим и политическим **маразмом**» [Ren-TV. 04.01.99]. «Еще один любопытный механизм *русской бюрократии*» [Человек и закон. ОРТ. 03.02.99]. «*Русский фашизм*» [Военная тайна. Ren-TV. 13.12.02]. «Правила во дворце военными методами, убивала... **жестокая русская чародейка** [Роксолана]» [Завтрак с «Дискавери», пер. с англ. Афонтово. 05.03.03]. «Кто заказывает охоту на человека? Репортаж “*Русская дичь*”» [НТВ] (здесь, очевидно, и игра значениями полисемичного существительного *дичь* – «1) `дикие птицы и звери, на которых охотятся и мясо

которых употребляется в пищу»; 2) разг. 'дикое, глухое место'; 3) разг. 'нелепость, вздор, чепуха'» [МАС₂ I, 1981: 404]). «**Разбойники с большой дороги по-русски**» (анонс телесериала «Охота на дорогах») [Афонтово. 23.06.08]. «**Русская тюрьма**» [НТВ. 12.07.08]. «Догадываются, что **маньяк** – *русский*, по тому, что он выбирает жертв по буквам **российского** алфавита» [Новое утро. ТВК. 19.11.08]. «Наказывают **проштрафившихся чиновников** очень *по-русски*: переводят из одного государственного ведомства в другое» (Е. Бачурин, глава «Росавиации») [Новости. ТВК. 12.09.08]. «*Русский* средний класс – это мелкий коррупционный чиновник... капитан милиции... Он **жулик и проходимец** – средний класс» (С. Доренко) [24. Ren-TV. 28.06.09]. «*Русские* сенсации. Тайная жизнь **нацистских** вождей» [НТВ. 18.08.09]. «*Русское порно*» [НТВ. 25.06.10].

Русской ментальности, русским как ее носителям приписывают и явно импортные модели поведения: «**Самосуд по-русски: линчевать**, не дожидаясь правосудия» (анонс документального фильма) [7 канал. 02.10.08]. Ср. в словарях советской эпохи: «*линчевать* – 'подвергать самосуду, суду Линча'; *линчевание* – [вероятно, от имени жившего в 18 в. полковника-расиста Ч. Линча] – **суд Линча** – 'самосуд, зверская расправа без суда и следствия, совершаемая в США реакционными элементами над неграми и прогрессивно настроенными белыми'» [СИС – 1979: 287]; «*линчевать* – 'подвергнуть (подвергать) так наз. суду Линча, представляющему собой жестокую расправу, учиняемую в США

реакционерными над неграми и прогрессивными деятелями'» [МАС₂ I, 1984: 185]^[60].

Другой, по-видимому тоже эффективный прием – противопоставление *русский* / **не русский**, где первый компонент призван выражать заведомо негативную оценку, второй – столь же заведомо положительную и является фоном, рельефно выделяющим негативность *русского*. Ср.: «Как отличить марсиан от *русских*? У марсиан морды красные до безобразия, а у *русских* – после безобразия» (NB: у *русских* – **морды**) [ТВК. 18.04.01]. «Японцы, в отличие от *русских*, рассчитываются [с рыболовами-браконьерами] на месте» [24. Ren-TV. 02.07.02]. «**Русский террор** будет намного хуже, чем чеченский!» (Д. Рогозин) [Неделя. Ren-TV. 09.09.06]. (Здесь же (конечно!) вспомнили пушкинские слова о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Надо заметить, что хотя в авторитетных изданиях в этой фразе присутствует запятая – «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [Пушкин 1978, VI: 349], – но, как полагают, «к запятым Пушкин питал явную неприязнь. В прижизненных публикациях частенько [запятой]... нет...: “Не приведи Бог видеть русский бунт бессмысленный и беспощадный!” – до сих пор эти слова толкуют по-разному, а смысл их... может определяться знаками препинания. Это, например, может быть оборот “второй винительный”, который следует перевести так: “видеть бунт *бессмысленным* и *беспощадным*” (а может быть, и не таким)» [Колесов 1999: 67]). «**К европейскому качеству** [еще один мифоген! – А. В.] *русские* машины поедут на

⁶⁰ Также: «Что такое современный *русский киднэппинг*?» (анонс телепередачи «Заложники») [Неделя. Ren-TV. 14.05.11].

французских моторах... В условиях конкуренции *русскому* автомобилю **без хорошей начинки** не обойтись» (о покупке концерном «Рено» блокирующего пакета акций «АвтоВАЗа») [Неделя. Ren-TV. 09.12.07]. «*Русский* зритель привык к тому, что анимация – это детское... **А весь мир** давно увлекается ею и знает, что это – взрослое кино» [24. Ren-TV. 04.02.08]. «Сотрудники ДПС говорят, что, если бы на месте “Нисана” был *русский* автомобиль “Жигули”, последствия [аварии] были бы куда серьезнее» [Вести-Красноярск. КГТРК. 21.03.08]. «Президент Карачаево-Черкесии мечтает построить *русский* Куршавель, но сервис не **европейский** пока» [24. Ren-TV. 17.04.08]. «Вызов технике и природе: стартовало “*Русское* ралли”... по аварийным дорогам... *русские* гонщики на **японских** машинах» (анонс) [НТВ. 05.05.08]. «Теперь главное, чтобы *русские* повара и **иностранное** оборудование [на кухне красноярского лица] нашли общий язык» [Новости. Прима-ТВ. 21.08.08] и т. п.

Кстати, о языке. Решительные утверждения о якобы немислимой сложности (и, следовательно, ущербности) русского по сравнению со всеми остальными национальными языками нередки; из недавних, например: на международном конгрессе переводчиков в Москве Мира Литвак из Израиля говорит, что «*русский* язык многословен, что за двадцать минут то, что говорится на *русском*, на иврите – два слова...» [Сегодня. НТВ. 06.09.10]. «А еще они [родители пятилетней «афроамериканки», будто бы суперполиглота] мечтают поехать в Россию: ведь **сложный** *русский* дается девочке [по их словам] лучше других языков» [Вести. РТР. 01.06.11] и т. п. (подробнее см. также: [Васильев 2000: 80–84], [Васильев 2007: 64–65, 99–101]).

Страшная «*русская*» мафия

Одним из наиболее частотных пропагандистских штампов-мифогенов, несомненно, является на протяжении почти двух десятилетий словосочетание *русская мафия*. Его субстантивный компонент стал использоваться относительно недавно, причем в течение довольно продолжительного времени – как экзотизм. Об этом можно судить прежде всего по тому, что существительное *мафия* регистрировалось словарями иностранных слов. Ср.: «*мафия* [ит. maf(f)ia] – ‘тайное общество в Сицилии, возникшее в начале 19 в. по образцу неаполитанской каморры, действующее в интересах крупных землевладельцев, ростовщиков путем террористических актов, направленных против прогрессивных деятелей и организаций’» [СИС 1954: 431] («*каморра* – [ит. camorra] – существовавшая в Неаполе в 16–19 вв. организация уголовных элементов, занимавшаяся тайными убийствами, бандитизмом и т. п. К. пользовалась негласной поддержкой правительства, которому она поставляла шпионов и палачей» [СИС 1954: 297]); «*мафия* [ит. Maf(f)ia] – ‘тайная организация, возникшая в конце 18 в. в Сицилии (Италия), терроризирующая население различными средствами; так стали называться в 20 в. также некоторые гангстерские организации в США (после второй мировой войны наиболее известной стала “Коза ностра” – ит. “наше дело”)’» [СИС 1979: 306]. Более развернута статья энциклопедического словаря: «*мафия* [итал. maf(f)ia] – ‘тайная террористическая организация в Италии’. Возникла на о. Сицилия. Использует методы шантажа, насилия, убийств. В 20 в. действует в основном в городах (контрабанда наркотиков, игорные дома и пр.).

Используется реакцией в политических целях. Связана с организациями преступного мира других капиталистических стран. Имеет свою организацию в США – «Коза nostra»» [СЭС 1983: 772]. Очевидно, чужеродность мафии – как разновидности организованной преступности – для советского социалистического строя позволила не включать существительное *мафия* в академический толковый словарь русского языка того времени.

Однако довольно скоро, по мере нарастающего торжества перестроечно-реформаторских нововведений, слово *мафия* утратило статус экзотизма: «вернулась с периферии лексика, в прошлом стойко ассоциировавшаяся с категориями буржуазного общества и имевшая соответствующие комментарии в словарях (“в буржуазном обществе”, “в капиталистических странах”) и обозначающая теперь реалии, соотносимые с российской действительностью (*банкир, безработица, бизнес, бизнесмен, забастовка, инфляция, капитал, коррупция, мафия, многопартийность, неимущий, стачка*)» [ТССРЯ 2001: X]. В этом издании существительное *мафия* представлено как многозначное: «1) ‘организованная преступность’; 2) ‘тайные преступные организации, действующие методами шантажа и жестокого насилия’»; иллюстрации из российских (отчасти еще и советских) газетных текстов датируются концом 1980-х – началом 1990-х гг.; об активизации слова говорит и наличие однокоренных производных – *мафиеподобный, мафиози, мафиозник, мафиозность, мафиозный, наркомафия* [ТССРЯ 2001: 441–442].

Несколько позднее, по существу, переработанное и дополненное переиздание этого словаря (отражающее «интенсивное развитие двух разнонаправленных

процессов» – «“онаучивание” языка... и потоки иностранных заимствований... и встречное движение жаргонизации языка» [ТСРЯ 2007: 5] – хотя это, скорее, всё же не два, а три процесса), в соответствии с замыслом составителей, «в аспекте тематическом... описывает именно те лексические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и формируют языковое сознание современников» и «с наибольшей полнотой демонстрируют общественные изменения» [ТСРЯ 2007: 6]. Дефиниции слов *мафия* и его дериватов воспроизводятся здесь без сколько-нибудь заметных изменений; в качестве иллюстраций даны цитаты не только из печатных СМИ конца XX – начала XXI в., но также и из современной беллетристики.

Таким образом, слово *мафия* как одно из лексических выражений восприятия Россией стандартов «цивилизованного мирового сообщества» прочно вошло в активный словарный запас носителей русского языка.

Не столь просто и уверенно удастся семантизировать словосочетание *русская мафия* – и не только потому, что, вследствие частотности употребления, оно если еще не стало в полной мере фразеологизмом, то некоторые признаки такового уже приобрело, а именно – очевидную воспроизводимость, особенно в дискурсе российских СМИ, и некую целостность значения, приближающегося к специфически нечленимому. Это происходит прежде всего из-за нарочито модулируемой семантической диффузности первого, атрибутивного компонента, позволяющей толковать и интерпретировать его в духе чуть ли не сиюминутных интенций адресанта.

Следует попутно заметить, что вопрос об этническом компоненте, обуславливающем характерные черты представителей преступного мира (в частности, склонность лиц определенной национальности к тому или иному виду правонарушений, особенности их совершения, приверженность того или иного народа либо расы в целом к преступному образу действий – или же, наоборот, абсолютное неприятие такового), решается в криминологических исследованиях по-разному, вплоть до диаметрально противоположных оценок. Поэтому неудивительно, что весьма широким оказывается разброс мнений неспециалистов, зачастую охотно принимающих без сколько-нибудь серьезной аргументации позиции различных СМИ, которые, в свою очередь, обычно тиражируют взгляды своих владельцев и работодателей. Хотя в прессе, как правило, взгляды эти могут со временем (а иногда – и на одном хронологическом отрезке) варьироваться в зависимости от политической и экономической конъюнктуры, но даже из уст российских представителей правоохранительных органов многократно звучали заявления о недифференцированности криминалитета и его деяний по национальному признаку: т. е. вор, убийца и проч. «национальности не имеют».

Однако, по всей вероятности, с учетом уже известных фактов и результатов их научного анализа, абсолютизировать якобы стабильный космополитизм криминального сообщества в целом и его подгрупп преждевременно.

Специалисты отмечают, например, некоторые характерные черты ряда устойчивых преступных сообществ, возникших многие века назад на территориях определенных стран, но давно уже простерших сферу

влияния за их границы. Среди них – итальянская мафия (обычно имеется в виду «Коза ностра», сицилийская мафия, неаполитанская каморра, калабрийская ндрангета и др.), достаточно консервативная; китайские триады, более гибкая сетевая система; японская якудза (она же гокудо), оцениваемая как совершеннейший симбиоз государства и преступного картеля [Воронин 2004: 16–19]. Каждое из этих криминальных сообществ обладает сложной иерархической структурой, четкими моделями взаимоотношений их членов, определенным образом осуществления деятельности и т. п. признаками, во многом обусловленными этническими факторами (национальной ментальностью). Так, успехи итальянской мафии зачастую основываются на законе молчания (*omerta*), личных и семейных отношениях между членами кланов, на страхе и функциональной зависимости; китайские триады используют такие ментальные доминанты, как психическая выносливость, долготерпение и упорство, уникальное сочетание феноменально скромных личных бытовых потребностей и неумемной жадности к деньгам; японские якудза исповедуют культ абсолютного подчинения старшему и интересам организации, дух самурайства и т. п. [Воронин 2004: 16–19]. Исходя из этих, а также других положений, С. Э. Воронин логично предлагает ввести в криминологию дополнительный классификационный критерий – «национальный психотип преступника» [Воронин 2004: 16], конечно, не оставляя без внимания «деликатность и сложность этой проблемы» [Воронин 2004: 55]. Рассматривая национальный психотип преступника как явление объективной действительности, подлежащее глубокому и всестороннему исследованию, криминолог указывает, в частности, что схема хищения

денежных средств, ставшая «проклятием правоохранительных органов России в течение ряда лет», т. е. операции с т. н. «чеченскими "авизо"», не могла быть изобретена чеченцем «в силу его образования, воспитания, ценностно-смысловых установок... соответствующих феодально-тейповому укладу жизни чеченского народа» [Воронин 2004: 48]; эта схема криминального обращения финансовых средств – «продукт еврейского финансового гения, воспитанного многовековой историей мирового ростовщичества» [там же] (ср. следующий микродиалог: «[А. Смирнова:] "Вот они, "семибанкирщина" [кстати, неологизм, кажется, так и не зарегистрирован российской лексикографией, хотя и был, несомненно, весьма употребителен в годы правления Б. Ельцина. – А. В.], вору, они такие-сякие, они евреи, ну, и прочие недостатки". – [П. Гусев:] "Еврейство – это как раз достаток"» [Школа злословия. НТВ. 30.01.05]).

Справедливость положений о национальном психотипе преступника в значительной мере подтверждается данными о расколе более или менее единого криминального сообщества, сплоченного традиционными мировоззренческими ценностями воровской среды; расколе, во многом ставшем результатом распада СССР и «стремлением российских воров устранить от контроля своей территории выходцев с Кавказа», которые во второй половине 1980-х гг. «быстрее стали приспосабливаться к изменяющимся социально-экономическим условиям, отойдя от наиболее обременительных традиций воровской среды. Именно эти вору без наличия необходимого стажа пребывания в местах лишения свободы стали покупать титул "вора в законе" путем внесения денег в "общак"... стали

заключать браки, вмешиваться в политику, ввязываться в хозяйственную деятельность, легализовывать деньги из общака, вступать во взаимовыгодные контакты с правоохранительными органами» [Шеслер 2004: 28–29].

Конечно, в целях всесторонней семантизации устойчивого словосочетания *русская мафия* следует учитывать, что «русская национальность как явление вообще представляет собой сложный этнический сплав, поэтому вряд ли реально дифференцировать особенности криминального поведения полуеврея-маргинала в России и российского маргинала полутатарина» [Воронин 2004: 43]. Однако же и абсолютизировать «условность самого термина *русский*» [там же] также нельзя – хотя бы потому, что именно эта старательно культивируемая «условность» и позволяет сегодняшним бойцам идеологического фронта использовать в рассматриваемом сочетании слово *русский* как компонент, всё четче маркируемый негативной коннотацией вследствие регулярной воспроизводимости в прочном и порочном тандеме со словом *мафия*. При этом, некоторые особенности употребления мифогена *русская мафия* дают возможность сгруппировать отдельные случаи его бытования в текстах телевидения по степени экспликации «этничности».

Во многих случаях в сочетании *русская мафия* прилагательное *русская* выступает в качестве некоего гиперэтнонима без каких-либо уточнений: «Процесс над человеком [С. Михайловым], которого на Западе считают чуть ли не главарем *русской мафии*, закончился безрезультатно» [Вести. РТР. 13.12.98] (между прочим, это в общем-то заурядное событие было оценено некоторыми политиками как знамение славы Отечества,

ср.: «Оправдание в Швейцарии Сергея Михайлова, которого считают крестным отцом **российской** мафии, следует считать шагом к признанию международного авторитета^[61] России» (В. Жириновский) [Время. ОРТ. 14.12.98]). Герой этого информационного сюжета по-своему, но довольно резонно квалифицировал подоплеку начатого против него уголовного преследования: «Вопрос дальнейшего бизнеса *русских* бизнесменов за рубежом имеет большое значение... Имидж *русской мафии* начинает распространяться **не только** на бизнесменов, но и на журналистов... Но... *русские* не обязательно [!] могут быть преступниками, они могут быть и бизнесменами...» [Вести. РТР. 13.12.98]. Действительно, пропагандистская кампания подобного характера имела и имеет место по сей день, в том числе – и внутри России: «По Брайтону спокойно разгуливают *русские* воры в законе» [Человек и закон. Останкино. 21.09.95]. «На русских людей, которые пересекают границу, уже ставят штамп "*русская мафия*"» (А. Быков) [События, анализ, прогнозы. Афонтово. 21.02.99]. «[Сотрудники ЦРУ] привлекают экстремала, одиночку с бунтарскими наклонностями, для расправы с *бандой русских*, орудующих в Чехии» (реклама американского художественного фильма «Три икса») [Доброе утро, Россия! РТР. 19.09.02]. «Его [американского спасителя человечества] противник – *русские криминальные круги*» (о том же фильме) [ТВК. 19.09.02]. «*Русская мафия*

⁶¹ В этом случае можно предположить и некую игру слов; ср.: «авторитет – 1) 'общепризнанное значение, влияние'; 2) 'лицо, пользующееся признанием, влиянием'» [МАС₂ I, 1981: 23] – и: «авторитет – 'опытный вор, заслуживающий безусловного доверия большинства преступников, способный быть во главе преступной группировки'» [ТСУЖ 1991: 12]; «авторитет – 'жарг. обладающий властью, авторитетный среди криминалитета член преступной группы'» [ТССРЯ 2001: 6].

готова взять под контроль весь земной шар... Жан-Клод Ван Дамм против *русской мафии*» (анонс американского художественного фильма «Взрыватель») [Афонтово. 11.02.03]. «“Крестный отец” – самый *русский* из всех американских фильмов» [НТВ. 08.01.06]. «*Русские* моряки вызывают беспокойство и опасения у населения [Японии]... Последнее убийство в приморском городке местные [японские] газеты назвали “разборками *русской мафии*”» [Честный детектив. РТР. 21. 10.07]. «Виктор Бут – *русский оружейный барон*» [24. Ren-TV. 21.03.08] «Сюжет фильма [Гая Ричи «Рокнроллерщик»] незамысловат: *русский бандит* проворачивает большую земельную сделку» [Новости. Прима-ТВ. 28.01.09] и мн. др.

Правда, иногда наблюдается некая видимость конкретизации этнической принадлежности упоминаемых в таких сюжетах лиц: «Власти ФРГ всё более обеспокоены действиями **так называемой русской мафии** – преступных группировок из Армении, Киргизии...» [Телеутро. Останкино. 06.03.95]. «Американская полиция нанесла новый удар по *русской мафии*: арестованы двадцать пять человек, большинство из которых эмигранты из России и других республик СНГ» [Новости. Останкино. 08.08.95]. «В Москве задержаны члены **русско-чеченской** преступной группировки» [Вести. РТР. 10.11.94]. «Власти Испании, не различающие граждан бывшего СССР, поспешили возвестить о разгроме *русской мафии*. Но большинство задержанных оказались жителями Грузии, остальные – молдаване и украинцы» [Вести. РТР. 21.06.05] и т. п.

Кроме того, при внимательном рассмотрении семантики словосочетаний, манифестирующих понятие *русская преступность*, могут выясниться довольно

любопытные обстоятельства. Так, «*русскоговорящий бандит*» (на первых порах немецкая полиция именовала его *русским* – на том лишь основании, что по-немецки он говорил с сильным акцентом), захвативший автобус с заложниками в Германии в конце июля 1995 г., оказался Леоном Борщевским, бывшим советским гражданином, а на тот момент – гражданином Израиля, сменившим в эмиграции фамилию на Бор и имеющим соответствующий паспорт [Вести. РТВ. 30.07.95].

Интересная версия происхождения словосочетания *русская мафия* была предложена телезрителям в одном из выпусков передачи «Совершенно секретно» [РТР. 26.04.98]. Он был посвящен исключительно рассказу о деяниях Григория Львовича Лернера, бывшего советского, затем российского гражданина, а после израильского гражданина, именующего себя Цвей Бен Ари, который совершил хищение на сумму 33 млн рублей (1989) на своей неисторической родине: «*Русский мафиози* – так окрестили Лернера израильские спецслужбы... *Русская мафия* – это выходцы из России [совершающие преступления в Израиле]». Создатели этой передачи объявили, что автором **термина** *русская мафия* является бывший министр общественной безопасности Израиля Моше Шехель. Однако в показанном здесь же интервью с ним экс-министр выступил против правомочности использования самого этого «термина», утверждая, что не только не изобретал его, но «получил этот термин от российских властных структур».

Впрочем, пока всё остается по-прежнему, ср.: «Иммигранты из России привезли в Израиль миллиарды пусть грязных [!], но долларов... Когда-то их называли *русской мафией*, теперь говорят об отмывании денег.

“Так говорят о каждом *русском* человеке, у которого есть деньги”, – говорит израильский адвокат Хаим Гольд... Тема вездесущей *русской мафии* (Гусинского, Березовского, Невзлина, Могилевича и прочих) вновь заполонила страницы таблоидов» [Человек и закон. ОРТ. 21.04.05].

Конечно, многое в оценках зависит от точек зрения на представителей криминалитета. «Кто он? Один из самых разыскиваемых преступников мира или обычный бизнесмен переходного периода?» Именно такими вопросами задается журналист официального (правительственного) российского издания, рассказывая об «украинско-израильско-венгерско-российском бизнесмене» Семене Юдковиче Могилевиче (он же Сергей Шнайдер, он же Шимон Махелвич, он же Сева; здесь перечисляется также еще полтора десятка псевдонимов незаурядного во многих отношениях персонажа): «Могилевичу приписывают организацию **мифической** “*русской мафии*”, массовый рэкет и вымогательство у иммигрировавших в США и Израиль выходцев из стран бывшего СССР, организацию уголовных преступлений... организацию сети публичных домов, торговлю оружием» [Артемьев 2008: 9]. Хотя автор цитируемой статьи неоднократно говорит, что обвинения эти в суде не доказаны и носят характер «мрачных слухов», он всё же упоминает: по мнению американского ФБР, Могилевич «крайне опасен» [там же].

Таким образом, негативизация всего русского и так или иначе с ним связанного, доходящая иногда чуть ли не до демонизации денотата, строится на довольно простом, но при этом чрезвычайно эффективном вербально-манипулятивном приеме, основанном на

особенностях слова как единицы языка, – придании лексеме коннотативного (оценочного) ореола вследствие регулярной и частой сочетаемости с другими словами, уже обладающими такой коннотацией в сознании носителей данного языка, а также в силу ассоциативности мышления. Примеры этого феномена, как и закономерности обеспечивающих его процессов, хорошо известны отечественным и зарубежным лингвистам, установившим, что в трансформациях семантики слова «существенным может оказаться косвенное влияние часто сочетающихся с ним слов. Смещение значения слова обусловлено в таком случае тем, что слово воспринимается в составе определенного словосочетания, значение которого так или иначе окрашивает его собственное значение. М. Бреаль, обративший внимание на это явление, назвал его “заражением”» [Шмелёв 2003: 206].

Смутный облик *русскоязычного*

К особенностям статуса и функционирования слова *русскоязычный* в современной речи уже обращались некоторые лингвисты. Так, указывая первую лексикографическую фиксацию слова в «Орфографическом словаре русского языка» (изд. 29-е. М., 1991), приводят как аналоги прилагательные «*франкоязычный* – ‘имеющий французский язык в качестве государственного языка (главным образом о странах Африки – бывших французских и бельгийских колониях)’» (Новые слова и значения. М., 1971) и «*франкоговорящий* – ‘говорящий на французском языке; имеющий французский язык в качестве

государственного'» (Новые слова и значения. М., 1984) [Хан-Пира 1992].

Э. Хан-Пира ссылается также на академическую «Русскую грамматику» (1980), указывающую на наличие подобных конструкций (правда, само слово *русскоязычный* там не приводится), и полагает, что термины типа *франкоязычный* многозначны (это, заметим попутно, несколько противоречит критериям, предъявляемым к терминологической лексике), формулируя одно из значений *русскоязычный* как 'о многонациональной общности людей внутри государства, объединяемой по признаку владения данным языком как родным, в отличие от большинства населения' («*русскоязычные* жители Литвы»). Он считает, что подобные слова, созданные по моделям русского словообразования, не имеют экспрессивно-эмоциональной окраски, не выражают оценочных понятий и являются стилистически нейтральными. Ср. подачу соответственно прилагательного и существительного *русскоязычный*: «*русскоязычный*, – ая, -ое – 1) 'владеющий русским языком как родным; русский'; 2) 'написанный на русском языке'; *русскоязычный*, – ого, м. – 'тот, для кого русский язык является родным; русский, живущий за пределами России'» [ТССРЯ 2001: 685].

Однако известно, что «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61] и что они вследствие конкретных обстоятельств внеязыкового характера способны приобретать коннотации. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные примеры и относительно далекого прошлого, и совсем недавние.

Терминоиды *русскоязычный*, *русскоговорящий* и под. также активно используются в словосочетаниях вроде «*русскоязычная мафия*» [Человек и закон. Останкино. 21.09.95], «*русскоговорящий бандит*» [Вести. РТР. 30.07.95] и т. п. В сообщениях об условиях жизни тех, кого причисляют к *русскоязычным*, в бывших республиках СССР обычно присутствует оттенок некоей снисходительности, слабо прикрываемой флером объективности, например: «...В первую очередь речь идет о защите прав *русскоязычного* населения (на Украине)» [Доброе утро, Россия! РТР. 12.02.99]. «[Кроме Крыма] в российско-украинских отношениях есть и другие проблемы: проблемы *русскоязычного* населения» [Вести. РТР. 18.02.99]. Несколько противоречивы суждения по поводу рассматриваемого терминоида, звучащие из уст официальных лиц ныне совершенно суверенных государств: «Я лично не респектирую термин "*русскоязычное население*", но это – личное дело людей, которые так **себя сами называют**» (генеральный консул Эстонии) [РТВ. 22.02.93]. Заметим, что даже и среди телеречедеятелей отношение к этому слову всё же не является абсолютно единодушным, ср.: «Мне неловко и стыдно, когда употребляют такой термин, как *русскоязычные*» (А. Соловьёва) [Те, кто. ТВ-6. 24.07.98]. Искусственность, семантическую несостоятельность словосочетания *русскоязычное население* и его аналогов, по-видимому, хорошо понимают некоторые российские политики: «Когда мы говорим о *русскоязычном населении*, мы имеем в виду и значительную часть т. н. титульных наций республик СНГ... *Русскоговорящих* там много не только среди интеллигенции. Это – единое информационное пространство» (премьер-министр РФ Е. Примаков) [Подробности. РТР. 08.12.98].

В последующий период прилагательное *русскоязычный* используется аналогичным образом, ср.: «*Русскоязычное* население в Эстонии... ущемляется до сих пор» (В. Путин) [РТР. 24.06.02]. «Президент говорил... о проблемах возвращения на родину *русскоязычного* населения» [Сегодня. НТВ. 26.09.08] и т. п. Интересно, что сегодняшняя пропаганда эксплуатирует этот терминоид-мифоген, как говорится, «применительно к обстоятельствам». Например, в заметке с двусмысленным заголовком «Неонацисты добрались до Израиля» сообщается: «Израильская полиция арестовала 8 *русскоязычных* израильтян... Молодые люди организовали банду и стали нападать на иностранных рабочих, религиозных евреев, инвалидов, гомосексуалистов и наркоманов... Большинство задержанных признались, что придерживались нацистской расовой идеологии и считали себя сторонниками Гитлера... Бывший глава "Натива"... Кедли считает, что в неонацисты "записалась" та часть *русскоязычной* молодежи, которая оказалась неприкаянной и обозленной на государственные структуры и общество в целом, поскольку те не понимают ее и проявляют к ней высокомерие» [Гельман 2007: 12]. При этом «израильские обозреватели прямо говорят, что еще лет 20 назад подобные явления были просто немыслимы. Несомненно, часть израильского общества феномен неонацизма в еврейском государстве объясняет приездом более чем миллиона репатриантов из СССР – СНГ» [там же]. Иначе говоря, получается, что неонацисты «добрались» (ср.: «*добраться* – 1) разг. 'с трудом или нескоро дойти, доехать и т. п. до какого-л. места, предмета'; ... 3) прост. 'получить возможность приняться за кого-, что-л., расправиться с кем-л.'») [МАС₂

I 1981: 408]) до Израиля извне, с «неисторической родины», где, как известно от тех же российских СМИ, процветает *русский фашизм*. Так происходит пропагандистски логичное развитие и надстраивание мифа.

Еще не так давно в телевизионных текстах довольно часто фигурировало весьма туманное по семантике существительное *этнороссиянин*, выступавшее как эвфемизм к слову *русский* (например: «...переселение *этнороссиян* из бывших союзных советских республик». [Новости. Останкино. 24.05.94]^[62]). В высказываниях подобной тематики обычно преобладает упомянутый выше терминоид *русскаязычные* (ср.: «Рижская полиция избивала *русскаязычных* пенсионеров» [ТВ-6. 07.03.98] (в тех же выражениях отзывались об этом факте и другие российские телекомпании); или: «Как видите, *русскаязычные* [в Таджикистане, где, по существу, с переменной активностью идет гражданская война] чувствуют себя **довольно-таки комфортно**» [Вместе. ОРТ. 17.06.98]); «Он [бывший начальник цеха крупного завода] и миллион других *русских* вынуждены были бежать из Таджикистана, где подвергались притеснениям только за то, что они *русские*» (П. Федоров) [Реноме. Ren-TV – 7 канал. 25.01.99]). Таким образом, большинству телезрителей предлагалось воспринимать подобную информацию столь же бесстрастно-отстраненно, сколь она подавалась. Однако

⁶² Ср. в пассаже политкорректного (за исключением брезгливости к ленивым и бескультурным неимущим, кажется, олицетворяющим типично русские ментальные черты) творца бестселлеров: «И уж совсем неясно, отчего сей компот называется "Русь Великая". К **этническим россиянам** на нем относится лишь селянин с багетом, да и тот не в самом выигрышном положении» [Донцова 2010: 26]; *этнические россияне* – действительно «компот»...

затем стали было намечаться иная тенденция, внешне свидетельствующая об отказе от псевдоэвфемизации: «О притеснениях же *русских* в Казахстане говорить [президенты РФ и Казахстана] не стали совсем» [Новости. ТВ-6. 07.07.98]; «Никто не говорит о правах пяти с половиной миллионов *русских переселенцев* [еще один эвфемизм? – А. В.], **вынужденных** переехать в Россию из бывших союзных республик» (С. Кучер) [Обозреватель ТВ-6. 13.12.98]; «Заявление российского президента по вопросу *русского* населения в Латвии» [Новости. ОРТ. 16.05.98]; «Ни разу не слышал, чтобы такое мнение [о притеснениях] исходило от *русских*, живущих в Казахстане» (Н. Назарбаев) [Обозреватель. ТВ-6. 17.01.99]. Эту тенденцию можно объяснить, во-первых, тем, что скрывать с помощью вербальной маскировки истинное положение дел становилось всё более затруднительным; во-вторых, по-видимому, общественное мнение уже достаточно сориентировано должным образом и русские телезрители в Российской Федерации теперь не воспринимают невзгоды и лишения, выпадающие на долю русских в «ближнем зарубежье», как нечто, что затрагивает их собственные интересы. Иными словами, процесс раскола и дробления этноса по территориальному признаку приблизился к своей завершающей стадии, а возможно, уже и вступил в нее.

***Россияне*: материализация мифогена**

Уже в течение ряда лет в речевой оборот активно вводится слово *россиянин*, ранее – в советскую эпоху – стилистически ограниченное в использовании:

«*россиянин* – устар. и высок. 'русский'» [МАС₂ III, 1983: 732]. Современные лексикографы, упомянув об этих пометах, данных в цитируемом словаре, но почему-то не приведя имеющееся там толкование, предлагают совершенно иную дефиницию, очевидно, основанную на характере насаждаемого употребления слова в последние годы. В качестве заглавного слова статьи здесь предлагается форма множественного числа, вероятно рассматриваемая как исходная: «*россияне* – жители, уроженцы России; граждане России'» [ТССРЯ 2001: 680]; также [ТСРЯ 2007: 866].

Слово *россиянин* выступает теперь не только в качестве своеобразного гиперонима по отношению к существительным, обозначающим представителей любых национальностей, которые населяют Российскую Федерацию, но зачастую также и в роли стилистически окрашенного компонента, призванного придавать публичным высказываниям официальных должностных лиц высокую, торжественную тональность. Именно вследствие усиленной частотности в подобных текстах слово *россиянин*, в том числе как вербальный символ этнической идентификации, подменяемой этатической, всё глубже укореняется в повседневном бытовом дискурсе многих носителей русского языка (т. е. *русскоговорящих* в самом широком понимании), то ли утрачивающих представление о четкой соотнесенности наименований с реалиями, то ли по каким-то причинам желающих от этого представления избавиться; тем более что перенос акцента семантики на государственную принадлежность – гражданство – интенсивно стимулируется свыше.

Обычно употребление слова *россиянин* является индикатором и инструментом нивелирования именуемых

по национальному (или, точнее, по «вненациональному» или «безнациональному» признаку); иногда при этом, возможно, интенцией говорящего действительно является стремление способствовать внутригосударственной интеграции хоть на каких-либо принципах. Например: «...Мы перестали гордиться тем, что мы *россияне*... Основное для всех *россиян*, вне зависимости от национальности, вероисповедания, – это культура, это то, что всех объединяет» (М. Кривцова) [Доброе утро. ОРТ. 12.98]. Однако всё же более распространенными являются высказывания, в которых *россиянин* выступает как стилистически и оценочно нейтральное, что, по-видимому, имплицитно должно неоспоримо констатировать реальность денотата: «Для телезрителя, т. е. *россиянина*, потасовки на политических мероприятиях уже стали привычными» [Вести. РТР. 31.01.99]. «Свыше десяти миллионов *россиян* работает на продовольственных и вещевых рынках» [Доброе утро. ОРТ. 02.12.98]. «Потребность в празднике неистребима у *россиян*, как и способность выживать» [Неделя высокой моды в Москве. РТР. 28.11.98]. «Вчера у нас, у *россиян*, появился новый чемпион по хоккею» [Доброе утро. ОРТ. 16.04.99]. «Немецкая нация в годы войны уничтожила более двадцати миллионов *россиян* [очевидно, имеются в виду **советские** граждане]» (И. Долгушина) [Чай вдвоем. 7 канал. 13. 09.01]. «[Социологи установили:] большинству *россиян* нравится жить в современной России» [Новости. Афонтово. 20.01.07]. «Уже давно известно, что *россияне* и шотландцы похожи открытым характером и дружелюбностью» [Вести. РТР. 05.09.03]. «По официальной статистике, более 30 % *россиян* вообще не читают книг» [Доброе утро, Россия! РТР.

03.09.02]. «*Россиянин* Смирнов – профессор Женевского университета, но часто бывает на родине» [Утро России. 20.08.01]. «Михаил Громов – *россиянин*, которому досталась престижная Абелевская премия» [Доброе утро, Россия! РТР. 19.05.09].

По словам Андрея Малахова^[63], «это [ведомая им телепередача] новое прочтение современной жизни в России... Вопрос многонациональных браков, в данном случае между цыганами и *россиянами*» [РГ-Неделя. № 155. 15.07.20. С. 26]. «Душ – это главное, с чего должно начинаться утро каждого *россиянина*» [Доброе утро, Россия! РТР. 05.03.09]. «Поскольку *россияне* сами не заботятся о своей старости... государству приходится [!] взять заботу на себя [о размещении инвестиций в пенсионные фонды и т. п.]» [Вести. РТР. 23.07.07]. «Первую свою книгу написал о Москве и *россиянах*... Миша Азнавур» [Утро России. РТР. 04.09.08]. «Я рекомендую *россиянам* танцы» (А. Смехова) [Доброе утро, Россия! РТР. 25.04.08]. «За последние два года жертвами заокеанских [приемных] родителей стали тринадцать маленьких *россиян*» [Доброе утро, Россия! РТР. 29.04.08]. «Уилл Смит [киноактер – «афроамериканец», т. е. американский негр] признался, что он хотел бы сыграть еще одного супергероя – *россиянина*» [Новости. ТВК. 09.07.08]. «Граждане России скоро смогут свободно пересекать границу Израиля... Это могут сделать все *россияне*» [Новости. 7 канал. 28.08.08] и мн. др. В общем, в России все поголовно «мы *россияне*, истинные *россияне* мы... Выйди на рынок – там все

⁶³ Этот телеперсонаж заявляет: «...То, что я делаю, Ларри Кинг делает за 20 миллионов долларов в год, а Опра Уинфри – за 80. А я что?..» [Андрей Малахов: Пусть говорит! // РГ-Неделя. № 155. 15.07.10. С. 26].

россияне...» (М. Эсамбаев) [Новости плюс. ВГТРК. 03.12.94], тем более что «быть *россиянином* – это вообще-то клево, как это называется» (В. Аксёнов) [Время. ОРТ. 27.03.05].

Иногда считалось нужным уточнить семантику слова («Присутствуют ли *россияне, российские граждане* на церемонии вручения [Нобелевской] премии?» (А. Малахов) [Доброе утро. ОРТ. 04.12.98]) или дать ссылку на наиболее авторитетного из известных его популяризаторов («...объяснить уважаемым *россиянам*, как любит называть их [не «нас»! – А. В.] президент...» (А. Разбаш) [Час пик. ОРТ. 02.11.98], хотя можно предположить, что эта назойливая новация не всеми воспринималась одинаково лояльно, хоть она и была освящена высшей государственной властью – а может быть, как раз именно поэтому: «Мне противно, когда президент говорит: "*Россияне!*" Какие *россияне*? Откуда взялись?» (С. Колтаков) [Перпендикулярное кино. РТР. 27.04.97]. Ореол обращения *россияне* как интенсивно насаждаемого официозного штампа естественно (на фоне тогдашних внутрироссийских реалий) вызвал довольно ощутимый резонанс широкого диапазона, прежде всего обусловленный некогерентностью вербальных претензий на державность – и хорошо ощущавшейся большинством «уважаемых россиян» трудновыносимой нелегкостью бытия и полным отсутствием его оптимистических четких перспектив; иначе говоря, пропагандистская словесная шелуха отнюдь не скрывала – и не скрывает – несоответствия амбиций и потенций. Ср. вроде бы юмористическое обыгрывание штампа: «Доброе утро, *россияне!* Добрый вечер, японцы!» [Доброе утро, Россия! РТР. 03.02.99] – и: «О *русской* идее напоминало только блатное

обращеньице "*россияне*", всегда казавшееся Татарскому чем-то вроде термина "арестанты", которым воры в законе открывают свои письменные послания на зону, так называемые "малявы"» [Пелевин 1999:180].

Академик РАН О. Н. Трубочёв совершенно справедливо оценивал интенции культивирования «*россиян*» (возникших сначала как словесный идентификатор), стимулируемые трансформации ментальности этносоциума и его перспективы: «Невеселые размышления приходят, когда видишь не одну только порчу языкового вкуса, но и дезориентацию национального самосознания – когда уже и сам *русский* себя готов назвать *россиянином* [и ведь называет! Цитируемая статья О. Н. Трубочёва была впервые опубликована в 1997 г. – А. В.]. Ведь *россиянин* – это житель России, в принципе, любой национальности... Стойкость тенденции, при любой смене режимов, дает повод опасаться, что на этом не кончится. Эти игры в слова, замешенные на дурной политике, скорее, еще продолжатся...» [Трубочёв 2004: 72].

Очевидно, риторическим можно считать разумный вопрос: «Является ли сложившимся социальным субъектом нация "Россияне", или она пока еще также идеологически утопична (в смысле у – нет, топия – места), как в свое время "Советский народ"?» [Арапова 2007: 9] (кстати, ср.: «Что касается чувств *российского народа* к американскому народу, то это нормальные дружественные чувства» (Д. Медведев – Б. Обаме [Новости. ТВК. 06.07.09])). А хорошо известная судьба социальных утопий действительно весьма трагична, но в первую очередь не для их изобретателей и

распространителей, а для тех, кто оказался в роли объектов манипуляций посредством таких мифогенов.

Активно усугубляемая тенденция к «безнациональности» русских, при демократическом режиме парадоксальным, казалось бы, образом, но по-своему логично продолжающая советский интернационализм в худших его воплощениях, проявляется в дискурсе СМИ прежде всего путем подмены номинаций (т. е. *россиянин* используется там, где очевидно подразумевается *русский*). Ср.: «Положение *россиян* за рубежом обсуждается на встрече в Баку... Посланцы диаспор...» [Вести. РТР. 06.09.06] (кстати, верно замечено: «Если быть точным, *диаспора* – это такой же лексический иудаизм эпохи эллинизма, как и *синагога* и *холокауст* (или в плохом переводе с английского *холокост* “всесожжение”). Говорить о диаспоре, иначе о рассеянии, можно лишь применительно к народу, лишившемуся своей метрополии, т. е. исторически – только о еврейском народе» [Агафонова и др. 1998: 92]. По-видимому, *русская диаспора* вместо *община* – одновременно и более привычный для кого-то стандарт, и скрытая попытка прогноза для русской государственности). «... В приоритетном порядке способствовать трудоустройству *россиян*» (о последствиях конфликта в Кондопоге между укоренившимися там успешными предпринимателями-чеченцами и местными небогатыми, зачастую безработными жителями [Вести. РТР. 06.10.06]). «События в Южной Осетии вызывают боль не только у осетин, грузин и *россиян*» [Вести-Красноярск. 12.08.08]. «По прогнозам ООН, через век *россияне* могут исчезнуть с лица земли» [Афонтово. 17.10.08]. «Есть на Маврикии небольшая *русская диаспора*... Чем

экзотический остров так привлекает *россиян?*” – “Я знаю, что *россияне* очень любят роскошь”, – отвечает администратор местного отеля» [Неделя. Ren-TV. 09.12.07] и мн. др. Особенно интересно чуть ли не демонстративное жонглирование словами *русский* и *россиянин*, которое довольно точно обозначает приоритеты телевизионных деятелей. См. следующие микродиалоги: «[Беженцы из бывших союзных республик:] “Всем [мигрантам] помогают фонды: туркам, эфиопам... но – не *русским*”. [Ведущий передачи В. Познер переадресует этот вопрос присутствующему здесь же чиновнику:] “Почему не помогаете *россиянам?*”» [Мы. Останкино. 13.12.94]. «“Они [семья Петровых в Таиланде] остались *россиянами*”. – [Петрова:] “У нас собираются *русские*...”» [Я – путешественник. Ren-TV. 23.08.08] и т. п.

Можно предположить, что столь интенсивное внедрение в публичный дискурс (и общественное сознание) слова *россиянин* и вытеснение им полноценного этнонима *русские* имеют своих инициаторов: ведь «в политических дискурсах идет борьба за власть в сфере обозначения и, тем самым, за фундаментальные групповые ценности» [Базылев 2005: 13]. По некоторым сведениям, «в 1994 г. на сахаровских чтениях Е. Боннэр учила президента Ельцина никогда не пользоваться этническим именем *русский*, а заменять его прозвищем *россиянин*... Заинтересованность в этом лично президента и его соправителей понятна» [Миронова 1997: 6].

Целенаправленно и сконцентрированно возможности и подходы (от умеренных до радикальных) к решению зачастую ими же и создаваемой проблемы декларировались в высказываниях главных специалистов

по вопросам государственной политики и международных отношений. Так, Р. Абдулатипов считал, что «отказаться от графы “национальность” в паспорте не позволяет отсутствие зрелого гражданского общества... Со временем, когда национальность для *россиян* перестанет быть понятием правоопределяющим, от него можно будет отказаться» [Доброе утро. ОРТ. 25.10.97]. В. Новодворская решительно резюмировала: «Пусть у нас все будут *россиянами*... Убрать национальную идентичность из этнического сознания...» [Зеркало. РТР. 26.10.97]. С точки зрения В. Познера, «в конце XX в. делить людей по национальности – это **позорище**... Об этом надо говорить... не в смысле “кто виноват”, а “что делать”... Это важнейший вопрос...» [Мы. ОРТ. 07.12.98]. Эмоционален был в той же передаче В. Зорин, председатель комитета по делам национальностей Государственной думы: «Избавиться от этого **кошмара**, который мы иногда сами на себя напускаем [т. е. указывать национальность в документах]... **Пора всем становиться *россиянами***» [там же]. Известно, что указание национальности владельца было затем удалено из паспортов российских граждан (хотя, согласно ч. 1 ст. 26 Конституции РФ, «каждый **вправе** определять и указывать свою национальную принадлежность»).

Позднейшие данные отчасти подтверждают достоверность информации об изобретателях и популяризаторах нововведения *россияне*. Ср. реплики участников некоего подобия дискуссии (по-видимому, заочной), материалы которой озаглавлены «*Россияне* или *русские*»? [РГ. № 203. 14.09.07. С. 30]:

1) «Слово “россиянин” – искусственное. В английском языке есть только одно слово – “русские”, все его используют, и никого это не смущает. Причем речь не

об этнических русских, а о многонациональной России. До недавнего времени, когда мы говорили "русские", то подразумевали всех наших соотечественников, людей разных национальностей, но говорящих по-русски и живущих в атмосфере русской культуры, воспитанных русской культурой» (глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл);

2) «Мне кажется, правильнее – "россияне". Это слово позволяет не задевать чувства людей, которые остро реагируют на национальные нюансы, помогая избежать национальной розни. Оно дает человеку право считать себя полноценным гражданином страны, который трудится на ее благо, строит здесь свою семью, живет. В нашей исторической ситуации это более точное слово. Хотя, конечно, многим оно режет слух своей искусственностью, потому что возникло в устах Бориса Ельцина. Но тот произнес его в момент, когда очень остро чувствовал пик, после которого могла быть катастрофа. Он почувствовал это слово сердцем [т. е. с подачи Е. Боннер – А. В.]. Так что слово "россиянин" – хорошее. Слово "русский" – тоже [!] хорошее, но сегодня оно применяется как "я лучший, я главный". И это начинает раздражать. Когда всё успокоится, все мы будем русскими» (Иван Дыховичный, режиссер);

3) «Согласен: слово "россиянин" – искусственное. Оно какое-то архаичное и возникло-то искусственно. Появление этого слова – результат какой-то ложной политкорректности. Я помню, как впервые оно прозвучало в устах Бориса Ельцина. Видимо, его советники боялись слова "русский", потому что от него (как им, наверное, казалось) отдает этничностью, им же хотелось уйти от этнического оттенка в этом слове. Но я

считаю, что слово "русский" применимо к любому гражданину России, независимо от того, татарин он, еврей или калмык. За пределами России нас всех называют по-английски *russian*, по-французски – *russe*. Мы – гражданская нация, и слово "русский" вполне можно было бы употреблять как минимум в обозначении гражданства, независимо от происхождения» (Александр Даниэль, историк).

При некоторой разнооформленности высказываний, принадлежащих участникам квазидискуссии, интенции их во многом совпадают.

1) Соглашаясь с митрополитом (ныне – патриархом) Кириллом в том, что «слово "россиянин" – искусственное», нельзя не заметить некоторые странности аргументации этой оценки. Непонятна ссылка – как на некий эталон – на английский язык, где *Russian*, а вовсе не «русские», по существу, синкретично: это и 'русский' и 'российский', и 'россиянин'; наверное, никого в России и не должно «смущать», как англоговорящие употребляют слова своего языка. Иностранцы традиционно и не различают жителей т. н. многонациональной России. Видимо, активность внешних связей затруднила понимание церковным иерархом этих очевидных фактов.

2) И. Дыховичный, кажется, не осознает, что «остро реагировать на национальные нюансы» пока еще могут и этнические русские. Он тоже замечает, что слово «россиянин» – искусственное; любопытно объяснение: «...потому что возникло в устах Бориса Ельцина», собственно, и введшего страну в состояние управляемой катастрофы (известно, сколь богат может быть улов рыбы при замутнении воды). Трудно понять, почему

«русский» сегодня применяется как «я лучший, я главный» – см. вышеприведенные примеры из теледискурса, никоим образом не подтверждающие такой оценки, – и кого именно это раздражает, кроме самого Дыховичного. Его позиция в общем согласуется с позицией X съезда РКП(б) 1921 г., который «направлял главный свой удар против великодержавности как главной опасности, т. е. против остатков и пережитков такого отношения к национальностям, какое проявляли к нерусским народам великодержавные шовинисты при царизме» [История ВКП(б) 1953: 246].

3) А. Даниэлю слово «россиянин» также представляется искусственным; его активизацию он тоже связывает с именем Ельцина. Правда, Даниэль не объясняет, почему так «боялись слова “русский”» ельцинские советники и почему им так «хотелось уйти от этнического оттенка». Между тем, газета «Известия» 9 июля 1996 г., со ссылками на газету «Вашингтон пост» и журнал «Тайм», сообщала, что штаб по избранию Б. Ельцина в президенты на 2-й срок прибег к услугам группы американских специалистов (Дж. Гортон, С. Мора, Дж. Шумейта, Р. Дрезнера), которых свел и доставил в Москву разбогатевший в США эмигрант из Белоруссии Феликс Брайнин (не говоря уж о «семибанкирщине», олигархах и иже с ними). Кроме того, по-видимому, по аналогии с уже известным т. н. *гражданским обществом*, Даниэль употребляет маловразумительный терминологический оборот «гражданская нация», не удосужившись его истолкованием. Ссылки на иноязычные аналоги, как уже сказано, вряд ли точны и уместны, когда речь идет о характере использования русского этнонима внутри России.

Можно сказать, что позиции всех участников этой псевдодискуссии в той или иной степени основываются на лозунге прежнего, гипертрофированного советского интернационализма.

О том, что массированное внедрение *россиянин* вместо *русский* далеко не случайно и, по существу, играет роль информационно-психологической мины, предназначенной для подрыва самоидентификации этноса, лингвисты говорили неоднократно.

По мнению О. Н. Трубачёва, это одна из чинимых русскому возрождению препон, которые воплощают отчетливую идеологическую и политическую установку [Трубачёв 2005: 225], направленную на то, что «русскоязычное общество... утратит свою русскость» [Трубачёв 2004: 185]. Последнее понятие, как считает Н. К. Фролов, включает в себя и консолидирующую миссию русского народа; «неправ был советский историк М. Н. Покровский, называвший царскую Россию “тюрьмой народов”^[64], призвавший, вслед за Бухариным, ставить русский народ “ниже” других. Это в наше время усиленно “вколачивают” в сознание народа разномастные бжезинские и радзинские. Между тем русское лидерство никогда не было легкой ношей» [Фролов 2005в: 507–508]. Ведь историческая судьба русского народа была далеко не самой счастливой, но именно «русский народ, который никогда не надо было учить самоотверженности, как известно, принял на себя максимальную тяжесть последних войн, экономических усилий и подъемов. Можно сказать, что он во многом добровольно потеснился, сознательно помогая другим

⁶⁴ См. подробно соответствующую главу нашей книги (с. 213–218).

нациям и народностям» [Трубачёв 2004: 21]. И при этом «наш народ, по меньшей мере, не глупее и не ленивее многих других народов, добившихся процветания и уважения в современном мире» [Чудинов 2003: 227]. Однако именно русскому народу через средства массовой информации, действующие на территории РФ, внушаются установки, которые в обобщенном виде можно квалифицировать как «мысль-вирус о национальной ущербности или неполноценности *русских (россиян)* [впрочем, как раз насчет *россиян* здесь упоминать вряд ли следовало: что может быть подлинно национального у людей, объединяемых лишь местом проживания и применения своих весьма разнообразных предпринимательских устремлений? – А. В.]» [Пугачёв 2003: 77]. По-видимому, кому-то было бы чрезвычайно выгодно такое положение дел, при котором *русских* нет вообще – начиная с самоназвания: перефразируя афоризм, приписываемый обычно одному советскому руководителю, «нет номинации – нет проблемы». Ведь семантически якобы диффузная номинация даже специалиста заставляет сомневаться в реальности денотата; тем более, та же номинация оказывается маложелательной для ее носителей, если отягощена еще и негативными коннотациями. Уход русских (начиная от спровоцированной утраты автоэтнонима) с геополитической арены – вождеделенная удача для «новых кочевников» – собирателей трофеев [Калашников 2003: 60].

Пока что, по всей видимости, русским в РФ имплицитно навязывается модель поведения, которой придерживался литературный персонаж – «типичный кадровый офицер сильно обветшавшей австрийской монархии» поручик Лукаш, который, «когда преподавал

в школе для вольноопределяющихся, состоящей сплошь из чехов, то говорил им конфиденциально: “Останемся чехами, но никто не должен об этом знать. Я – тоже чех...”. Он считал чешский народ своего рода тайной организацией, от которой лучше всего держаться подальше» [Гашек 1956: 179].

Один из парадоксов современной российской внутривнутриполитической ситуации состоит в том, что, демонстративно отказываясь от несомненных завоеваний советского социализма, которые были достигнуты за счет беспримерных людских жертв, лишений и страданий,^[65] новейшие идеологи в силу почти необъяснимой инерции продолжают «позиционировать» (как теперь модно выражаться в их среде) Российскую Федерацию как многонациональное государство – наподобие СССР, действительно бывшего таковым. Сегодня же, в совершенно иных условиях (и этнических, и территориальных) пропагандистски обеспечивается «бесконечно муссируемый миф, что Россия – страна многонациональная, многоконфессиональная. А ведь Россия и сейчас на 85 % населена *русскими*... По научным воззрениям – если страна на 85 % населена каким-то этносом, она в принципе называется однонациональной» [Трубачёв 2004: 206–207].

Столь же неслучайно, что сегодня совершенно в глобалистском духе, которым одержимы «новые кочевники», по терминологии Ж. Аттали [Калашников 2003: 60], критикуется «идея национального государства как якобы себя изжившая, муссируется

⁶⁵ Впрочем, остатки промышленности СССР эксплуатируются «эффективными собственниками» весьма активно – ср. аварию 2008 г. на Саяно-Шушенской ГЭС и т. п.

государствообразование наднациональное – очередной миф, пусть и обращенный якобы в будущее. В действительной, невыдуманной истории мы всегда имеем дело с национальным государствообразованием. <...> Предположить, что наше русскоязычное общество до такой степени утратит свою русскость, что передоверит бразды правления какому-то наднациональному, транснациональному корпоративному руководству, можно... только в дурном сне [увы, и дурные сны могут сбываться. – А. В.]. ...Кто будут эти “варяги” – мировая финансовая олигархия или “малый народ”, по терминологии Шафаревича? Или – “два в одном”?» [Трубачёв 2004: 184–185]. Главное – конечно, то, что неминуемо последует за исчезновением государствообразующей нации (ср.: «По прогнозам ООН, через век *россияне* могут исчезнуть с лица Земли» [Афонтово. 17.10.08] – вряд ли этот прогноз равно относится ко **всем** национальностям, населяющим территорию РФ). Всё-таки трудно пока сказать, на какой стадии в наши дни находится паралингвистический эксперимент по трансформации *русских* в *россиян*, индуцирующий элиминацию этноса с помощью отмены его самоназвания; следует ли считать, что какая-то фаза процесса завершена или еще продолжается. Несколько лет назад уже звучали радостные рапорты о некоторых светлых перспективах, достаточно гармонично согласующихся с экстраполяцией глобалистского мифогена *мировое сообщество* на реальность: «Из печати исчезло слово *русский*. Люди начинают определять себя как *россияне*. Это колоссальный шаг вперед. Но до тех пор, пока люди будут определять себя как *земляне*, пройдет еще немало времени» (Д. Радышевский) [Пресс-Экспресс. ОРТ. 15.01.97].

Однако, несмотря на массивную пропагандистскую обработку, зачастую обнаруживается, что промывание русских мозгов пока всё же не возымело должного эффекта. Например, автор книги, повествующей предположительно о *русских* как таковых (скорее, всё-таки как раз о *россиянах*), сообщает, что, согласно некоторым исследованиям, «фактор национальности оказывается гораздо важнее, чем гражданство. Интересно, что *русские* в 2 раза **чаще** предпочитают называть себя именно этим словом, а не словом *россияне*. Это очень показательно...» [Сергеева 2004: 240]. Не менее показательными следует считать и результаты интернет-анкетирования, проведенного после грузино-осетинского конфликта одной из местных т. н. независимых телекомпаний в 2008 г.; на вопрос, предложенный аудитории: «Кем вы себя считаете – *русским* или *россиянином*?» – к довольно явному разочарованию ведущего, «80 % посетителей даже [!] нашего сайта предпочитают считать себя *русскими*, и лишь каждый пятый – *россиянами*» (В. Перекотий) [Дела. Афонтово. 18.08.08]. Непродвинутые какие-то...

Жонглирование *русским* / *российским*

Иногда, однако, противопоставление *русского* (в традиционном этнически-национально ориентированном значении) и *российского* (в новейшем смысле – не имеющий национальности либо нерусский) производится откровенно-демонстративно, ср.: «[Ведущий:] Так вы *русский*, украинский или советский художник? [Б. Краснов:] Я, скорее, *российский*, **как теперь принято говорить**» [Астролябия. ТВ-6. 01.07.94]. «[В пьесе

«Чайка» показано] формирование нашего *российского* характера» (М. Захаров) [Вести. 22.09.94]. «*Российский* – вне национальности! – землевладелец-собственник способен обеспечить...» (Ю. Черниченко) [Тема. ОРТ. 12.05.98]. «Преступный мир блокирует усилия тех государственных деятелей, которые способствуют созиданию *российской* культуры, я подчеркиваю, именно не *русской*, а *российской*» (Н. Подгорнов, бывший глава администрации Вологодской области, – после оглашения ему судебного приговора и объявления амнистии) [Вести. РТР. 02.12.98]. «*Кино без национальности*. В Венеции всех [?!] взбудоражило то, что в *российском* фильме [«Бумажный солдат» А. Германа-младшего] главную роль сыграл грузинский актер» [Кичин 2008: 27].

Следующий пример заслуживает более внимательного рассмотрения: «Говорим – Швыдкой, подразумеваем – культура... Швыдкой – это не фамилия, это – профессия... Тип **нового** *российского* интеллигента, **не того** *русского* интеллигента...» [24. Реп-TV. 06.09.08]. В этом юбилейном панегирике шоумен-культуртрегер с широкими административными возможностями выдается за некий действительно «новый тип интеллигента». Согласно некоторым лексикографическим дефинициям: «*интеллигент* – 'тот, кто принадлежит к интеллигенции'»; «*интеллигенция* – 1) 'социальная группа, состоящая из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом'; 2) 'люди, принадлежащие к этому общественному слою; интеллигенты'» [МАС₂ 1981, I: 671] – и: «*интеллигент* – 1) 'тот, кто отличается стремлением к знаниям, культурой поведения и твердыми нравственными принципами

(независимо от уровня образования, рода занятий и социального положения)»; 2) презрит. в советское время: 'о человеке умственного труда, наделяемом такими качествами, как нерешительность, склонность к сомнениям, малодушие'» [ТССРЯ 2001: 307]. Здесь любопытна и перефразированная хрестоматийная некогда цитата, ср.: «Партия и Ленин – близнецы-братья, кто более матери-истории ценен? Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия, мы говорим партия, подразумеваем – Ленин» (В. В. Маяковский. «Владимир Ильич Ленин»); очевидная аллюзия, таким образом, ставит знак равенства между чиновником-шоуменом – и культурой; швыдкой – это, конечно, своего рода лицедейская профессия... Впрочем, производимая культурная продукция сегодня тоже весьма показательна: «Филипп Киркоров – **самый кассовый** исполнитель» [Доброе утро, Россия! РТР. 22.01.09]. «У нас на всех [членов ансамбля исполнителей блатных песен] – 16 лет строгого режима!» (далее – реплика диктора: «Настоящие *народные* артисты!» – анонс передачи «Чистосердечное признание») [НТВ. 21.01.09] и т. п. Кроме того, равновеликими представлены В. И. Ульянов-Ленин – и назойливый телеперсонаж-шоумен; просматривается определенная тенденция; например, о писательнице Е. Лениной говорится, что «у нее есть все шансы издать собрание сочинений не хуже [!], чем у ее однофамильца» [Ren-TV. 23.12.08]. По всей видимости, и эта рекламируемая (наверное, коммерчески успешная) литературная предпринимательница тоже представляет «новую *российскую* интеллигенцию».

«Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В

большом мире изобретен дизель-мотор, написаны "Мертвые души", построена Днепровская гидростанция... В маленьком мире изобретен кричащий пузырь "уйди-уйди", написана песенка "Кирпичики" и построены брюки фасона "полпред"... Маленькие люди торопятся за большими. Они понимают, что должны быть созвучны эпохе и только тогда их товарец найдет сбыт» [Ильф, Петров 1957: 411–412]. «Созвучными эпохе» в сегодняшней России оказываются и те, кто, пытаясь выдать свой «маленький мир» за «большой» и, разумеется, внушить это мироощущение окружающим, в духе то ли карнавала (по М. М. Бахтину), то ли ярмарочного балагана, пародируют прецедентные ранее тексты либо каким-то иным образом «ниспровергают» прежние ценности и всё, что с ними связано. Психологически точные суждения по этому поводу оставили великие русские писатели: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы, – иначе» [Пушкин 1979, X: 148]. – «Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии» [Толстой 1981, VII: 197].

Нередки случаи, наглядно демонстрирующие неразличение *русского* и *российского*; при этом последнее подается как некий общий знаменатель, позволяя говорящему подчеркнуть лишний раз собственную приверженность генеральной линии прогрессивного решения национального вопроса (т. е., как принято выражаться в тех же кругах, «продвинутость»). «Всё равно... *российские* или *русские*

приоритеты... они как бы известны» (Г. Волчек) [Времена. ОРТ. 09.11.02]. «Федор Михайлович – замечательный психолог, который хорошо знает душу *русского* человека, *российского*, скажем так» (актриса и режиссер Д. Михайлова) [НТВ. 09.02.04]. «Контракт с настоящими *русскими*, *российскими* профессионалами» [х/ф «Рыжая». РТР. 07.12.08]. «*Русская* мафия так и не смогла найти Ирину... Бразильянки, польки, болгарки... – все они приехали на заработки [в голландские публичные дома] по желанию, только *русских* привезли обманом и удерживали насильно... Ежегодно шестьдесят тысяч *российских* женщин попадают в рабство...» [Частные истории. Ren-TV. 31.08.08]. «Другой дороги на Цхинвал у *русских* [т. е. частей российской армии] не было» [Л. Канфер. Неделя. Ren-TV. 14.09.08]. «Тайная жизнь нацистских вождей. *Русские* сенсации» [НТВ. 29.03.07] (опять же: кому-то понадобилось сблизить нацизм – и *русских*).

Весьма показательными для иллюстрации истинного положения дел в области межнациональных отношений, которое пытаются затушевать нивелированием «россиян» под одну псевдоэтническую (этатическую) гребенку либо замаскировать страшилкой «русского фашизма» (например: «На улицах Москвы началась необъявленная война между *русскими* наци и антифашистами» (последние, видимо, – то ли нерусские, то ли *россияне*) [Неделя. Ren-TV. 18.04.08]), якобы существующего в реальности, являются некоторые несовпадения между видеосюжетами и комментирующими их вербальными текстами. Так, «плакат с *антироссийским* лозунгом обнаружен недалеко от Ростова» (однако по чьей-то оплошности (?) в кадре оказался упомянутый плакат с надписью «*русские*

свиньи») [Вести. РТР. 10.09.02]; появились «надписи *антироссийского* содержания [как потом выяснилось, сделанные «уроженцем Казахстана»] на памятниках участникам Великой Отечественной войны в Ачинске» (опять же каким-то образом на экран попали эти надписи – «*русским* смерт») [Новости. 7 канал. 17.09.08] и т. п.

Статистические данные, впрочем, свидетельствуют: «В 2005 г... граждане России совершили преступлений против гостей из других государств в 4 раза меньше, чем сами иностранцы совершили преступлений против нас. ...В 2006 г. за январь—март иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 14 тыс. преступлений, в том числе гражданами государств СНГ – 12,6 тыс. преступлений, их удельный вес составил 89,8 %. В отношении [же] иностранных граждан и лиц без гражданства совершено 3328 преступлений – в 4 раза меньше. ...В... 2005 г. в московские суды было направлено 121 дело об изнасиловании, в 79 случаях обвиняются мужчины, нелегально приехавшие из ближнего зарубежья... На территории Подмосковья действуют 47 этнических преступных группировок. Особые проблемы милиции доставляют выходцы из Чечни, Дагестана, Грузии и Азербайджана. ...По информации начальника отдела 3-го ОРБ ГУБОП МВД России полковника милиции Г. Захарова, 65 % всех воров в законе – выходцы с Кавказа» (Д. Соколов-Митрич, «Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчишки», цит. по [ЛДПР. № 5 (216). С. 1, 4]). Весьма вероятно, что на сегодняшний день статистические данные меняются – и уже изменились. Ведь в течение нескольких лет российские руководители разных уровней всячески пропагандировали – якобы как единственно возможное – решение проблемы трудовых ресурсов за счет

широчайшего использования гастарбайтеров-мигрантов (можно только догадываться, какие аргументы для воздействия на власть имущих применяли заинтересованные в низкооплачиваемых работниках предприниматели)^[66]. Теперь же, когда многие «эффективные собственники» закономерно претерпевают банкротство, оставшиеся без работы гастарбайтеры будут еще энергичнее искать новые пути удовлетворения своих естественных и не очень потребностей. Цитируемый автор считает также, что усилиями специально ориентируемых СМИ, постоянно извещающих о т. н. конфликтах на национальной почве (т. е. когда жертвами оказываются представители меньшинства – пока еще меньшинства – населения России), уже сложилось такое странное, но устойчивое мнение, что когда русский убивает нерусского – это преступление ненависти, проявление фашизма. «А когда, наоборот, нерусский убивает русского – то это просто криминал» [там же. С. 4]. Полагают, например, что участились преступления, совершаемые гастарбайтерами из «южных республик», многие из них потеряли работу на московских стройках в результате кризиса; однако эта информация не разглашается во избежание провоцирования националистов (очевидно – русских) и чтобы не дать повода к разговорам о межнациональных конфликтах [24. Ren-TV. 11.02.09].

Прилагательное *российский* обычно используется как эмоционально и оценочно нейтральное. Например, директор Института всеобщей истории РАН Александр Чубарьянц был награжден французским орденом

⁶⁶ «Они [мигранты из стран СНГ] могут легче адаптироваться на территории как бы нашей» (А. Хлопонин) [РТР. 26.03.05].

Почетного легиона «за вклад *российских* историков в мировое научное сообщество» (прежде всего, за рассекречивание документов, подписанных И. Сталиным; обладатель награды тут же заявил, что при написании новейшей всеобщей истории собирается предложить роль наблюдателей прибалтийским ученым – правда, не было объяснено, почему именно и только им) [Вести. РТР. 07.07.05].

Небезынтересно, что с прилагательным *российский* происходят приблизительно те же метаморфозы, что и с почти любым другим «брендом» (т. е. торговой маркой, особенно популярной у покупателей). Оказывается, с января 2008 г. вступила в силу ст. 1473 части 4 Гражданского кодекса РФ, запретившая фирмам включать в свои наименования официальные названия (и производные от них) государств. «Гордое право носить имя своей страны давалось лишь тем компаниям, в которых доля государства составляет не менее 75 %. А их – единицы. Для большинства же компаний ребрендинг [т. е. переименование] был бы неизбежен, а это – дело дорогостоящее» [Теплых 2008: 1–2]. Так, для Сбербанка России это стоило бы около 200 млн долларов, а для «Аэрофлота – Российских авиалиний» – более 10. Поэтому законодатели поступили так, как и можно было предполагать: чтобы избежать от расходов «отдельные компании, остающиеся “российскими”, по сути дела, незаконно... в Госдуму внесли законопроект, необходимость смены фирменного наименования отменяющий» [Теплых 2008: 2].

Впрочем, во многих случаях можно уже отметить формирующуюся негативизацию того, что именуют *российским*: этот эффект достигается, как и в случае с прилагательным *русский*, за счет коннотативного

«заражения» вследствие сочетаемости с определенными словами, а также в результате регулярной подмены *русского* (уже снабженного устойчивой отрицательной оценкой) на якобы абсолютный синоним *российское*.

Прилагательное *российский* уже нередко употребляется как полный синоним *русского* – и в соответствующих сочетаниях также обретает некоторую сниженную оценочность. Это обнаруживается иногда в акцентированной игре слов, построенной на созвучии. Например, по поводу высказываний индийского дипломата (не очень четко – как, впрочем, и многие деятели российского телерадиоэфира – произносящего звуки русской речи), который заявил, что «российскому народу чужд расизм», журналист каламбурит: «*Российский* народ и **расистский** народ – какое страшноватое созвучие!» [Сегоднячко. НТВ. 02.02.99].

Ср. также: «Что отличает наш *российский* народ? Прежде всего то, что называется словом “халява” [Федерация. РТР. 29.11.98]. «*Российская* политика – это постоянный перехлест... Например, в Англии лорды выступают спокойно...» [Человек и закон. ОРТ. 03.02.99]. «Это обычная *российская* безалаберность» (Э. Гутман, директор лицея, – о причинах гибели гражданского пассажирского самолета рейса Тель-Авив – Новосибирск) [Новости. ТВК. 15.10.01] (кстати, к этому моменту уже было официально установлено, что лайнер сбит ракетой **украинских** войск ПВО во время учений). «Вечное *российское* лицемерие и фарисейство» (Д. Быков) [Культурная революция. РТР. 14.05.02]. «Истинное лицо *российской* преступности – бессмысленной, беспощадной, жестокой» [Внимание, розыск. НТВ. 20.01.03]. «Нюша [дочь преподавательницы русского языка и вьетнамского художника] любит *Россию*, несмотря на то, что

вьетнамцев в *России* убивают за разрез глаз» [Неделя. Ren-TV. 19.11.06]. «Высоцкий часто пропускал съемки по причине известного *российского* недуга» (Б. Криштул) [Кино без грима. Афонтово. 29.08.09] и т. п.

Амбивалентность *российского* также имеет место, например: «Он [Ельцин] был *российский* президент, и относились к нему по-*российски*» [24. Ren-TV. 23.04.08] (ср. очень интересный и, вероятно, активно использовавшийся в высших сферах тест для проверки на профпригодность: «Если политик водки выпил и излагает всё логично – это надежный, крепкий человек. У нас в Сибири проверяли так [?!]... А если падает после первой рюмки – что ему делать в политике?!» (И. Ройтман) [Господа-товарищи. РТР. 08.09.93]).

Как уже отмечалось, взаимные замены *русского* и *российского* нередко могут происходить по причине не вполне адекватных переводов иноязычных текстов. Известно, что в некоторых языках отсутствует различие понятий *русский* и *российский*. Например, в английском прилагательное *Russian* является, по существу, синкретичным, так как служит для выражения референтов, не различаемых сознанием носителей этого языка – и с их точки зрения является естественным. Однако ту же недифференцированность *русского* и *российского* можно обнаружить как во многих синхронных переводах иностранных текстов, так и в текстах оригинальных, возможно, дублирующих (имитирующих) это неразличение. В качестве его наиболее вероятных причин выступают предположительно воспроизведение черт иного (не русского) языкового сознания, призванное объективизировать содержание высказываний чужестранцев и подчеркнуть

рационалистично-беспристрастное отношение журналиста к излагаемой информации, либо стремление теледеятелей, заведомо уверенных в «нецивилизованности» и России, и русского языка, подняться хотя бы с помощью вербальных приемов до «уровня мировых стандартов».

Наиболее заметны подобные явления при сопоставлении сообщений об одном и том же событии: «Нефть из *российского* танкера “Находка” достигла префектуры Фукуи» [Вести. РТР. 08.01.97]; ср.: «Нефтяное пятно от *русского* танкера достигает японских берегов» (пер. с англ.) [WTN. Афонтово. 08.01.97]. Ср. интересные примеры вариативности: «Сегодня там (на международном экономическом форуме в Давосе) – *российский* день» [Вести. РТР. 30.01.99] – «Именно *русские* вносят в их [давосцев] жизнь приятное разнообразие» [Зеркало. РТР. 31.01.99] – «Блестящая история *русских* в Давосе подошла к концу» [Обозреватель. ТВ-6. 31.01.99] – «Вчера в Давосе был пресловутый большой *русский* день. Ну, не такой уж большой, но *русский*» (Н. Сванидзе) [Зеркало. РТР. 31.01.99] – «Борис Березовский считает, что напрасно опустел когда-то *русскоязычный* Давос» [Обозреватель. ТВ-6. 31.01.99].

Наряду с этим всё чаще можно наблюдать подмену *российского* *русским* в русле упомянутой тенденции к неразличению соответствующих понятий. Так, встреча «двух первых леди» (Х. Клинтон и Н. И. Ельциной) в редакции одного из московских журналов проходила в рамках мероприятия «*Русские* женщины на пороге XXI века» [Время. ОРТ. 02.09.98]; объявленной целью приезда американской делегации в Москву было установить, «насколько откат правительства [России]

влево повлияет на судьбу *русских* реформ» [Новости. ОРТ. 10.12.98]. В переводе заявления вице-президента Международного валютного фонда С. Фишера говорится: «*Русским* придется сделать очень много, прежде чем эти средства [предполагаемые кредиты МВФ] будут выделены» [Вести. ОРТ. 02.09.98]. Некий «француз вместе с *русскими* учеными разрабатывает сейчас способ извлечь гиганта [мамонта] из вечной мерзлоты [на о. Таймыр]» (О. Шоммер) [Новости. ОРТ. 10.01.99]. «"Западные телекомпании снимают только то, что интересно их зрителям. А события создаете вы, *русские*", – с хитрой улыбкой говорит датчанин» (С. Рахлин) [Вести. РТР. 17.05.98]. Ср. то ли подражание подобным суждениям, то ли логическое продолжение их в речи российских журналистов: «Иностранные корреспонденты [в репортажах из Чечни] будут продолжать рассказывать миру, как *русские* решают свои внутренние дела в своей непредсказуемой России» [Вести. РТР. 17.05.98]. «Ни *русские*, ни чеченцы пока не представили ясных планов возвращения останков погибших [трех англичан и одного новозеландца, сотрудников телекоммуникационной фирмы, как выяснилось позже, агентов западных спецслужб] на родину» [Вести. РТР. 11.12.98]. «Хроника *русской* жизни в репортажах иностранных журналистов» [Реноме. Rep-TV – 7 канал. 02.02.99]. «Американцы поставили балет специально для *русской* балерины [Н. Ананишвили]» [Время. ОРТ. 21.10.98]. «Французы вручают приз С. Маковецкому как лучшему *русскому* актеру» [РТР. 30.01.99]. «В ходе операции [весьма гипотетической – А. В.] им [офицерам российской ФСБ] пришлось бы убивать *русских* милиционеров» [Время. ОРТ. 24.01.98]. «Экономический ежегодник "*Русский*

фокус” – для тех, кто может самостоятельно принимать решения в бизнесе и политике» [Доброе утро. ОРТ. 26.04.01]. «*Русский* “Титаник” (анонс передачи о крушении лайнера «Адмирал Нахимов») [Ren-TV – 7 канал. 30.08.01] и проч. Еще пример подобной отстраненности: «После 17 августа всем на Западе стало ясно, что *русские* не могут заплатить такие деньги [долги по ГКО]» (А. Лившиц) [Подробности. РТР. 16.11.98] (ср. пример иного смешения: «В 79-м году на [Авиньонский театральный] фестиваль впервые была приглашена *русская* [т. е. *советская?* – А. В.] труппа Георгия Товстоногова» [Доброе утро. ОРТ. 10.07.98]). Такова «*российская, русская* наша кухня...» (шеф-повар ресторана японской кухни) [НТВ. 13.10.08].

Отношение к *российскому*, а зачастую – уже и к России выражается в оценках разных сторон отечественной истории и современной жизни. Подчас трудно определить, чего в этих оценках больше: обыкновенного невежества или чего-то иного. Так, оказывается, что «в России первое письмо было отправлено в 1147 г. Юрием Долгоруким» [Доброе утро, Россия! РТР. 09.10.98], хотя хорошо известно, что письменность на Руси существовала задолго до XII в. Плох климат: «Вот и у нас всё чаще используют понятие “комфортность погоды”. Жаль, что в России, скорее, она дискомфортна» [Вести-11.РТР. 17.12.95]; заведомо бездарны политические деятели: «И не делайте ошибок, а об ошибках наших политиков мы узнаём из выпуска “Вестей”» (концовка детского раздела программы «Доброе утро, Россия») [РТР. 22.09.98]. Нравственность и законопослушность весьма относительны: «В России взятки – это как снег, без него и земля вымерзнет» (Э. Радзинский) [ОРТ. 11.01.98]. «Вечной болезнью России...

остается взятка» (В. Перекотий) [Дела. Афонтово. 18.09.01]. «Вопрос: "Быть или не быть?" – в России **всегда** означает: "Убить или не убить?"» (реклама фильма «Исчадие ада») [РТР. 09.17.97]. Вообще: «У нас [в России] какую эпоху ни возьми – там и кровища, и грязь...» (Н. Сванидзе) [Зеркало. 06.12.98]. «Меня всегда поражает в нашей стране уровень ожесточенности» (В. Познер) [Мы. ОРТ. 19.07.99]. Поэтому неудивительно и «понятно, что венгры, чехи, поляки от нас наплакались. А кто от нас, от России [не «от СССР»! – А. В.], не наплакался?!» (В. Познер) [Мы. ОРТ. 20.07.98].

И хотя за Россией иногда, хотя и с оговорками, признают некоторые достоинства: «В этой стране, пусть она плохенькая [!], человек не одинок, всегда придут на помощь» [Доброе утро. ОРТ. 03.09.98], всё же она, как и менталитет большинства ее народа, оценивается весьма односторонне: «Что отличает наш *российский* народ? Прежде всего то, что называется словом "халява"» [Федерация. РТР. 29.11.98]. «В нашей **неадекватной** России... театр больше, чем театр» [Фрак народа. РТР. 16.02.99]. «Во многих странах коллекции находятся под охраной государства. В России собиратели старины могут стать жертвой преступления» [Дежурная часть. РТР. 19.01.99]. «Несмотря на то, что во всем мире борются за здоровый образ жизни... Россия находится в самом начале пути к оздоровлению нации» [ИКС. КГТРК. 01.02.99]. «Верите ли вы в справедливость суда присяжных в такой **непростой** стране, как Россия, в которой покупаются не только судьи, но и высокие государственные чиновники?» [В мире людей. ТВ-6. 02.02.99]. «Россия – страна потрясающая, в том смысле, как обдурить начальство» (Ю. Ряшенцев) [До 16 и старше. ОРТ. 26.02.99]. «Только в одной стране жизнь

роллера [француза, который решил на роликовых коньках обогнуть земной шар] оказалась под угрозой. Угадайте: в какой? В России он чуть под трейлер не попал» [Вы – очевидец. ТВ-6. 13.02.99]. «Удивительная у нас страна... Она не умеет бережно относиться к людям талантливым» (И. Кириллов) [ОРТ. 03.03.99]. «[За рубежом] уничтожают дома аккуратно, а вот до нашей родины такие новшества еще не дошли» [Вы – очевидец. ТВ-6. 13.02.99]. «Оказывается, в России, славящейся своими великанами, обувь больших размеров ни купить, ни сшить невозможно. Помощь из-за океана пришла вовремя» [Сегоднячко за неделю. Афонтово – ТНТ. 03.02.01]. «Вообще журналистов и телевизионщиков не любят только в России» (О. Романова) [Пятая колонка. Рен-TV – 7 канал. 24.09.00]. «У нас, к сожалению, страна дикая» (А. Смехова) [Большая стирка. ОРТ. 23.08.01].

Оказывается: «“Славнефть” – кусок нашей общей акционерной родины» (М. Соколов) [Намедни. НТВ. 15.12.02]. «Америке нужны стабильные партнеры, и Россия – один из них. Первые 240 тысяч тонн *российской* нефти **точно 4 июля** доставлены в Хьюстон» (как сказано в комментарии к этому праздничному сюжету, для ослабления энергетической зависимости США от стран ОПЕК) [Вести. РТР. 07.07.02]. «Кому принадлежит Россия? Она принадлежит акционерам, и они извлекают из нее дивиденды» (А. Пивоваров) [НТВ. 04.03.02]. «Нынешнюю, сырьевую Россию в ВТО уже ждут с нетерпением» [Доброе утро, Россия! РТР. 29.10.02]. «Каждая пятая американская АЭС будет работать на *российском* уране» [1 канал. 07.05.08] (здесь, правда, не говорится, куда именно благодарные американцы станут вывозить отработанное ядерное топливо...).

«Сподвижники покойного [польские пасторы] говорят, что с подобной жестокостью сталкивались только в Африке» (об убийстве в п. Ярцево Красноярского края католического священника новообращенным им уголовником) [Новости. ТВК. 13.05.02]. «В России игра в гольф имеет свои особенности. "Вороны у нас так адаптировались [на игровом поле], что воруют мячи"» [Доброе утро. ОРТ. 05.09.02]. «День памяти жертв холокоста отмечали в США, Европе, других странах... В России этот день отмечали скромно... Собралось человек двести, а в других странах правительственные органы проводили многотысячные мероприятия» [24. Ren-TV. 28.01.04]^[67]. «В умении делать деньги наша страна не имеет себе

⁶⁷ Заметим попутно, что слово *холокост*, которое, как и слово *диаспора*, квалифицированные лингвисты считают лексическим иудаизмом эпохи эллинизма (а в плохом переводе с английского его значение определяют как «всесожжение») [Агафонова и др. 1998: 92], в послесоветское время употребляют весьма активно. Так, О. Соколова, директор музея холокоста, «училась в школе, в институте – и ни разу не слышала слова *холокост*. В нашей стране слова "*холокост*" вовсе не существовало. [Комментатор:] И до сих пор в наших учебниках истории нет слова "*холокост*"» [Вести. 26.01.00]. Это досадное упущение усиленно исправляют, причем слово *холокост* используется сугубо специализированно, применительно к представителям далеко не всех национальностей: «В синагоге на Поклонной горе открыт музей памяти жертв *холокоста* – жертв геноцида во время Второй мировой войны» [Доброе утро. ОРТ. 30.09.98]. «...Погибли **не только** евреи – десятки и сотни тысяч **другой** национальности» (А. Гербер, президент научно-просветительского центра «*Холокост*») [РТР. 04.05.97]. Правда, по ранее известной статистике число жертв нацистского геноцида измеряется многими миллионами, но получается, что они как бы не в счет. Ср.: «В Одессе было уничтожено 200 тысяч евреев; сколько русских, украинцев, греков и других – **неизвестно**» [Сегодня. НТВ. 20.04.05]. «Всё более привычным становится слово *холокост*, а ведь славян было уничтожено почти в пять раз больше – 27 млн... **Специального термина**, обозначающего уничтожение славянских народов, пока не придумано» [Катастрофы недели. ТВ-6. 08.05.00]. Может быть, и потому, что, по мнению методистского священника Я. Кротова, Россия еще далека от покаяния за то, что «в ГУЛАГе, кроме тысяч русских [которые опять-таки не в счет. – А. В.], уничтожены тысячи евреев... **Во всем мире** эту трагедию называют *холокост*» [Новости. ТВ-6. 02.05.00].

равных, так же как и в умении их подделывать» (И. Прокопенко) [Военная тайна. Ren-TV. 12.01.03]. «**Удивительно**, но образ России в сегодняшней Эфиопии стоит достаточно высоко» [Вокруг света. РТР. 25.10.03]. «Самое трудное – это заставить людей работать, в России – особенно» (С. Бобров, главный балетмейстер театра) [ТВК. 24.05.04]. «**Весь** автомобильный **мир за исключением России** сошел с ума от экологически чистых автомобилей» [24. Ren-TV. 28.08.08]. «Каждый четвертый американец получил свой первый сексуальный опыт на сиденье автомобиля. **В России**, к сожалению, **всё иначе**» [Первая передача. НТВ. 29.08.10] и т. д., и т. п.

Если кратко подытожить, то «противно жить в такой стране, но надо жить...» (И. Кобзон) [Скандалы недели. ТВ-6. 13.03.99].

Актуальными в связи с этим являются следующие суждения: «...Писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих *ubi bene, ibi patria*, для коих всё равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить всё русское – были бы только сыты» [Пушкин 1978, VI: 171]. – «К понятию "русскоговорящие"». И любят Россию, и любят язык, и зарабатывают здесь, но сердце и все приоритеты в другом месте» [Есин 2002: 152]...

Следует напомнить, какие геополитические прогнозы тиражировались через российские СМИ совсем недавно. Вопросы будущего России рассматривались весьма радикально: «Пусть наши дети поймут, что лучше: **прозябать** на 1/6 части суши или **жить** в небольшом [!] независимом государстве» (В. Портников) [Пресс-клуб. ОРТ. 09.04.96]. Перспективы России

рисовались довольно определенно: «Это наша проблема – **слишком** большая страна» (А. Любимов) [Один на один. ТВ-1. 05.10.95]. «"Широка страна моя родная"... Действительно ли "широка"?» А нужна ли **нам** [?] такая большая страна? А если **нам** просто взять – и провести границу по Уральским горам?» [Один на один. 26.10.95]. «[Петр:] Есть т[э]рмин "территория бывшего Советского Союза", а я придумал т[э]рмин "территория будущей России". [Настя:] А не слишком ли маленькой она окажется? [Петр:] Не знаю, посмотрим...» [Те, кто. ТВ-6. 30.07.98]. Ср. следующий диалог по поводу заявления С. Говорухина о том, что «Россию распродают»: «[Л. Жуховицкий:] Это еще хорошо, что Россию продают – за это деньги можно получить. [П. Вайль:] И лучше в розницу, чем оптом» [Пресс-клуб. Останкино. 20.06.94].

Казалось бы, никаких зримых действий в рекомендуемом направлении пока не последовало. Но ведь «в информационной войне большинство выпадов делается только для того, чтобы увидеть реакцию противника [в этом случае, как и во многих других, – российской телеаудитории – *А. В.*] на те или иные входные данные, осмыслить ее и, собрав по крупицам все доступные знания, создать адекватную информационную модель» [Расторгуев 2003: 342]. А она, в свою очередь, «позволит в дальнейшем получить ответы на вопросы типа: "А что будет, если...?" и т. п. ...А потом придет ответственный наблюдатель и радостно констатирует: "Процессы приобрели необратимый характер!"» [Расторгуев 2003: 324–343]. И «уважаемым россиянам» вовсе не стоит обольщаться тем, что окончательное территориальное расчленение страны пока не состоялось: в нем заинтересованы слишком влиятельные и целеустремленные силы. Ведь и СССР когда-то казался

нерушимым... Об этом его фундаментальном качестве сообщал и текст тогдашнего государственного гимна. Впрочем, через несколько десятилетий С. Михалков столь же талантливо, вдохновенно и убежденно (а главное – искренне) написал текст гимна уже совсем другого государства.

Надо иметь в виду, что «сонмище больших и малых албаний», которые «будут поставлять на мировой рынок только сырье, местные сувениры, красивых женщин и детей» [Калашников 2003: 70] – это уже вовсе не прогноз перспектив России, а констатация во многом реального положения дел (правда, в качестве «местных сувениров» выступает экспортируемое российское оружие).

Ср.: «Это настоящие черты *русского* характера – хотеть и добиваться своей цели... Вы увидите одну из самых красивых девушек в мире, и, конечно, это *русская* девушка [Инга Дроздова, фотомодель журнала «Плейбой», которая живет и трудится в Австралии и США]» [Башня. РТР. 27.11.98]. – «Наши девушки куда лучше западных порнозвезд» [РТР. 22.11.98]. – «Ежегодно 60 тысяч *российских* женщин попадают в рабство [т. е., будучи якобы обманным путем вывезенными за рубеж, принуждаются там к занятию проституцией – А. В.]» [Частные истории. Ren-TV. 31.08.08]. – «Всё больше иностранных фотографов обращает свои взоры на Россию... [Московские] папы и мамы приводят своих детей [чтобы сфотографировать их в специфических сюжетах – в журналах для педофилов]. Дети привлекают новозеландского фотографа своей чистотой, особенно – *русские*... Учительница математики получила десять долларов за два часа съемок ее десятилетней дочери» [Сегоднячко. Афонтово – ТНТ.

03.02.01]. – «Секс-туры [иностранцев-педофилов] в Россию... Провести ночь с ребенком в Москве считается шиком... Родители возмущаются не тем, что их детей растлевают, а тем, что иногда не получают за это денег» [Обратная сторона. РТР. 04.07.01] и т. п.

Не так давно центральные и региональные телеканалы восторженно рассказывали о массовом усыновлении маленьких «россиян» в США; осчастливленные «тысячи *русских* детей не вспоминают свое прошлое» (М. Добровольская) [ТВК. 20.11.98]. Эта благотворительная кампания широко рекламировалась, однако столь же широкую известность получила и смерть ребенка из России по вине его приемного отца-американца, о чем сообщалось так: «В США оправдан Майлз Харрисон, убийца *российского* ребенка» [Доброе утро, Россия! РТР. 18.12.08], и: «...Американцы понимают: теперь им годами придется отвечать за **халатность** земляка» [Новости. Афонтово. 19.12.08], – но и последний канал, и некоторые другие тут же выпустили серию репортажей о безоблачной жизни русских детей на «их новой родине». Можно предполагать, что такое рекламное обеспечение («информационную поддержку») может позволить себе только очень серьезный, высокорентабельный бизнес. О конечных целях подобного предпринимательства ранее проговорился [?] участник телепередачи: «В России всё должно быть распродано!» [Акулы пера. ТВ-6. 05.10.98].

Забвение *советского*

Исторически мгновенная переоценка всего обширного и ранее устойчивого комплекса понятий, так или иначе связанных с представлениями о советской

власти, советском социализме, советском образе жизни и проч., отчетливо запечатлена в отечественной лексикографии.

Интересно, что несомненно позитивные коннотации, ранее присущие прилагательному *советский*, по крайней мере, в официально-пропагандистской аксиологии (и в сознании многих граждан СССР), в лексикографии периода т. н. развитого социализма почти не эксплицированы – ни в самих дефинициях, ни в сопровождающих их иллюстрациях. Вероятно, это имело место в силу самоочевидности высокого статуса *советского*, не нуждавшегося в какой-либо дополнительной аргументации.

Так, например, «*советский* – 1) 'прил. к Совет.; основанный на управлении Советами как органами власти'. "Советская власть". "Советское государство". "Союз Советских Социалистических Республик". "Советский строй" // 'относящийся к работе Советов как органов власти'. "Советский аппарат". "Советские и хозяйственные работники"; 2) 'относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов'. "Советский народ". "Советское правительство". "Советская конституция". "Советская Армия". "Советская промышленность". "Советское студенчество". // 'добытый, изготовленный и т. п. в Стране Советов'. "Советские сорта пшеницы" // 'свойственный Стране Советов'. "Советский метод индустриализации страны". "Советская законность". // 'свойственный людям Страны Советов'. "Советский образ жизни". "Советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа". М. Калинин. О коммунистическом воспитании» [МАС₂ IV, 1984: 175]. Здесь некоторая патетика

присутствует лишь в случаях вряд ли нормативного, но акцентированного употребления прописной буквы (*Страна Советов*; кстати, это сочетание не приводится в статье того же словаря, посвященной слову *страна*, но фигурирует в статье *Совет* – «‘представительный орган государственной власти в СССР, одна из форм политической организации советского общества’... / мн. ч. *Советы* ‘о советской власти’. “Хорошо у нас в Стране Советов. Можно жить, работать можно дружно”. Маяковский. Юбилейное» [там же]).

При этом неудивительно использование помет, указывающих на уход в пассивный запас прилагательного *советский*, в изданиях, отражающих словоупотребление со времен т. н. перестройки (когда СМИ назойливо тиражировали клише **бывший СССР**, **бывший Советский Союз**, что очевидно призвано было закрепить исчезновение этого государства с политической карты спешно перекраиваемого мира, а вместе с тем – что, вероятно, еще важнее с точки зрения стратегов информационной войны – и из памяти прежних советских граждан, в совокупности со всеми былыми представлениями о реальности); ср.: «Фильм “Москва – любовь моя” сделал вас [Комаки Курихару] очень популярной в **бывшем Советском Союзе...**» [Вести. РТР. 13.09.04]. «Сегодня здесь [в Бресте, куда прибыл поезд «Победа»] нет граждан разных государств... Сегодня все из того, **бывшего Союза**, который победил» [Сегодня. НТВ. 06.05.05] и под.^[68]

⁶⁸ Возможно, некоторыми речедеятелями в подобных случаях движет то же стремление подчеркнуть свою суперлояльность по отношению к новейшим идеологическим установкам, что и учителем с дореволюционным стажем из рассказа 1922 г.: «Извиняюсь, молодые товарищи... на сегодня вам задано... то есть я хотел сказать... предложено прочитать – реформы **бывшего** Александра I. Так, может быть, извиняюсь, кто-нибудь расскажет мне о реформах **бывшего**

Снижение частотности употребления «*советский* – 1) 'относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов' и 2) 'возникший, рожденный, сформировавшийся в СССР'» констатируется в [ТССРЯ 2001: 736]. И здесь же приводится в качестве отдельного значения, причем становящегося всё более распространенным, «3) неодобр. 'свойственный чему-л. в СССР или кому-л. живущему в СССР; совковый'. "Сам же [Р. Виктюк] объясняет увлечение матом не бытовыми проблемами, а своим **духовным ростом**. "Для культурного человека мат – это нормально. Мат – это естественная форма речи. Не материться – какая-то *советская* стыдливость..." "Издательство "Слово/Slovo", слава тебе, Господи, выпустило сборник поздней прозы Гроссмана. Такой скромненький коричневый переплет, жутко *советский* по оформлению"»... [ТССРЯ 2001: 736]. Весьма примечательно, и не только для понимания того, как перераспределялись функционально-стилевые лексические средства и стирались границы между самими стилями, введение в дефиницию последнего значения (наверное, для усугубления пейоративности) ранее жаргонного прилагательного *совковый* («разг. неодобр. прил. к *совок*» [ТССРЯ 2001: 736], в свою очередь, поданное здесь как активизирующееся (а точнее, активизируемое в СМИ) «*совок* – разг. неодобр. 1) 'о Советском Союзе, советском строе'; 2) 'о чем-либо, свойственном Советскому Союзу, советскому строю'; 3) 'о советском человеке'» [ТССРЯ 2001: 737]). Уместно вспомнить и, пожалуй, программное заявление, некий манифест о радикальной трансформации официальных и традиционных для русских этических и социальных

приоритетов: «*Совок* – это кто сначала заботится об интересах государства, а потом – о своих. Должно быть наоборот: если **мне** хорошо, то государству хорошо» (М. Ходорковский) [РТВ. 25.08.93].

Закономерно, что широко развернулась пропагандистская кампания, нацеленная на негативизацию *советского*, явно при поощрении свыше (пусть даже без каких-либо документированных санкций^[69]). Об этом свидетельствуют весьма многочисленные примеры из теледискурса.

Такие вербальные манипуляции совершались (как, впрочем, и совершаются) не только путем сочетания прилагательного *советский* со словами, обозначающими заведомо отрицательно оцениваемые явления (типа *советская интервенция*) или впоследствии объявленные таковыми лишь по причине их принадлежности прежней государственной системе (типа *советская внешняя политика*). Выбор поводов для осуждения *советского* и воспитания неприязни к нему в массовом сознании оказался удивительно широким – даже всеобъемлющим.

Так, на безрадостном фоне постоянного сокращения объемов промышленного производства и повсеместного (можно подумать даже – организованного и последовательного) уничтожения предприятий с помощью банкротства прежняя система хозяйствования постоянно уличалась в неумелости, неуклюжести, отсталости и прочих смертных грехах. По извращенной логике заказчиков и владельцев СМИ (вероятно, лично заинтересованных в ликвидации заводов и фабрик с целью получения собственной наживы и закабаления

⁶⁹ Впрочем, теперь «россияне» ошарашены программой «десталинизации»...

России) получалось, что крупные градообразующие комбинаты и целые территориально-промышленные комплексы не только бесполезны, но и вредны. Например: «Ангарск, который раньше показывали иностранцам как чудо *советской* гигантомании, теперь повис у “Седанко” как камень на шее» (в результате акционирования и приватизации «камнем на шее» новоиспеченных владельцев стала, конечно, развитая социальная инфраструктура, финансируемая предприятием, а соответственно – и многие жители города) [Вести. РТР. 31.01.99]. Или: «Там [в Никарагуа] разбился самолет *советского* производства АН-26... Все 26 человек, находившиеся на борту, погибли» [Новости. ОРТ. 23.01.99]. При этом, как правило, не указывается, что именно могло стать причиной катастрофы в каждом конкретном случае (конструктивные недочеты, метеоусловия, оплошность наземного персонала, качество топлива, ошибка экипажа или что-то еще): важно лишь, что продукция – советская, а это уже достаточное объяснение причин инцидента.^[70] Конечно, усердствуют и бойцы псевдоюмористического фронта («В Советском Союзе все фотографии были черно-белыми, потому что на фотографиях все красные получались зелеными» (С. Сивоха) [Скрытая камера. СТС. 09.11.02]), и подрядившиеся обличать психотерапевты («Самое страшное [!] в *советские* времена был месяц май, когда девушки снимали чулки: бледные, синие, в пупырышках ноги [соляриев тогда не было]» (А. Геслер) [Неделя. Рен-TV. 03.02.07]) и т. п. Считают уместной и явную ложь: «В *советское* время искусство кормить грудью

⁷⁰ Вынужденных исключений крайне мало: «Пока спасает *советский* запас прочности [военных вертолетов, выпущенных 30 лет назад и эксплуатируемых по сей день]» [Время. 1 канал. 28.10.08].

было почти **уничтожено**» [Обозрение-7. 7 канал. 31.03.04] (ведь, кроме того, «Советский Союз стал первой страной в мире, легализовавшей аборт» [Вести-регион. 28.08.08])^[71].

Иногда используется имплицитное противопоставление *советское/российское*, которое тоже весьма информативно.

Например, пафосное заявление депутата Госдумы от СПС А. Баранникова по поводу будущего Курильских островов может быть истолковано, по крайней мере, двояко: «Аргумент “ни пяди *советской* земли агрессоры не отдадим” – это прошлый век» [24. Ren-TV. 13.03.02]. Во-первых, это констатация якобы неуступчивости советской внешней политики как нелепого анахронизма; во-вторых, если *советскую* землю никому отдавать было нельзя, то *российской* понятие государственной территориальной целостности никак не касается. Впрочем, каковы были действительные интенции упомянутого политика, точно сказать трудно. Вполне возможен ведь и еще один вариант интерпретации: косвенное, но весьма любезное приглашение, адресованное потенциальному агрессору, беспрепятственно пожаловать на приглянувшуюся ему землю (бывшую *советскую* и нынешнюю *российскую*)...

В ряде случаев происходит подмена *советского русского* – в соответствии со стандартами бывших (?) наших противников; излишне напоминать, что эти прилагательные окрашены сегодня в СМИ почти в равной мере негативно. Ср.: «Все [за рубежом] были потрясены

⁷¹ Близкая к этому инвективная импликатура: «Милиционер попадает в 70-е и оказывается в **жесткой советской** действительности» (анонс сериала) [7 канал – Ren-TV. 03.09.08].

вхождением *русских* танков в Будапешт» (В. Вульф) [Серебряный шар. ОРТ. 14.04.01]. «За какое время *русский, человек из Советского Союза*, становится американцем?» (К. Ларина – Славе Цукерману) [Успех. Ren-TV. 28.01.02]. «Кое-что из истории *русской* генетики и клонирования... *Советскими* учеными в 1986 г. с первой попытки была клонирована мышь» [Здоровье. ОРТ. 24.04.04]. «*Русский* супершпион [о Р. Абеле]» [РТР. 30.11.04]. «Пройдет еще три года, и именно *русская* атомная подлодка [К-19] в 1972 г. поставит мир на грань катастрофы» [РТР. 29.12.04]. «Могилы *русских* [т. е. *советских*] солдат в Швейцарии... Сейчас в Швейцарии идут *русские* фильмы» [Новости. ОРТ. 16.04.05]. «*Русские* сенсации. Исповедь палача... Секретные **видео** казней на *советских* площадях» (чрезвычайно любопытный анонс: по его кадрам можно было понять, что речь пойдет о том, как казнили пособников немецко-фашистских оккупантов; представлены извлеченные из архивов съемки, официально сделанные советскими хроникерами (конечно, вовсе не с помощью видеокамер, которых тогда еще попросту не было) и широко, без какой-либо «секретности», назидательно демонстрировавшиеся в советских же кинотеатрах) [НТВ. 28.08.08]. «*Русский* "Титаник"» (анонс передачи о крушении советского лайнера «Адмирал Нахимов») [Ren-TV. 30.08.01] и т. п.

Отношение к РФ как к полноправному и чуть ли не равновеликому преемнику Советского Союза присутствует в теледискурсе довольно часто («...Во время ближневосточных войн *Россия* в **лице СССР** была на стороне арабов» [Вести. РТР. 20.01.99]. «Клавдия Шульженко – самая известная эстрадная певица *России*» (В. Вульф) [РТР. 20.07.04]. «Илья Эренбург был совестью *российской* интеллигенции» (В. Вульф) [Мой серебряный

шар. РТР. 10.06.05]. «*Российский* [в 1955 г.!] читатель узнал и полюбил Карлсона именно таким» [Домашнее чтение. ТВК. 21.07.05]. «В 1978 г. вы [поэт Ю. Кублановский] эмигрировали из *России*» [Домашнее чтение. ТВК. 21.07.05] и т. п.).

Таков и один из многих примеров абсолютного нивелирования по квазинациональному признаку, представленный к тому же в рамках конференции «Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем» (впрочем, это название можно понимать и как констатацию неизменно провинциальной ментальности России): «Трудности освоения иврита – один из самых сильных факторов, препятствующих психологической адаптации *русскоязычных* иммигрантов... *Русскоязычный* ребенок ни за что не хотел идти в детский сад [в Израиле]...»; «*советские* иммигранты»; «...*русскоязычных* психологов практически нет [в Израиле]»; «...бывшие *советские* и израильские психологи...»; «Речь идет о негативном отношении к "*русской* эмиграции" вообще...»; «... *русская* иммиграция...», «...*русские* иммигранты...»; «...один из участников [опроса] опасается, что "в конце концов Израиль превратится в государство для *русских*"»; «...все *израильяне* [школьники-экскурсанты] собрались в отдельной комнате... а "*русских*" не пригласили» [Райгородский 1994: 149–152]. Из всего используемого сегодня диапазона этнонимов и псевдоэтнонимов здесь отсутствуют лишь *россияне* – вероятно, к тому моменту это слово еще не применялось в российском официозе.

Подобное стремление то ли к эвфемизации, то ли к псевдоэвфемизации выливается в подмену понятий за счет подмены слов – и, таким образом, в пересмотр и переоценку широко известных фактов, в иную, чем

прежде, расстановку смысловых акцентов, что перестраивает картину мира в сознании носителя языка из-за нарушения способности ориентироваться в историческом времени. Формулировки, к которым прибегают авторы подобных высказываний, производят впечатления каких-то головоломок, разгадать которые можно попытаться, лишь обращаясь к подлинной хронологии реальных событий.

Например, сообщается о том, что «орден Славы – один из самых почитаемых в *российской* армии орденов» [Вести. РТР. 08.11.93]; однако известно: эта награда была учреждена 8 ноября 1943 г., т. е. – в СССР. Ср. пример «обратной» перестановки: «...В зале мемориала на Поклонной горе, где увековечены имена **Героев Советского Союза и России, получивших это звание в годы Великой Отечественной войны**» (последнюю, кстати, сегодня более принято обозначать малопочтенной аббревиатурой *ВОВ* – ср.: *участники ВОВ, инвалиды ВОВ, герои ВОВ* и проч.) [Новости. Останкино. 03.05.95].

Особенно распространены нарочитые хронологические несообразности в сообщениях о юбилеях предприятий, государственных учреждений и ведомств, например: «*Российская* разведка отмечала свое 75-летие» [Вести. РТР. 22.12.95]. «Здесь [в Челябинске] 65 лет назад сошел с конвейера первый *российский* гусеничный трактор» [Время. ОРТ. 23.02.96]. «75-летие гражданской авиации в *России*» [ТВК. 06.02.98]. «80-летие Главного разведывательного управления *России*» [ОРТ. 05.11.98]. «Официальной датой рождения *российского* угрозыска считается 5 октября 1918 г.» [Дежурная часть. РТР. 06.10.98]. «*Российскому* волейболу – 80 лет. В 1923 г. встретились

команды...» [Экспертиза. РТР. 11.07.03] «Сегодня вся страна уже в 64-й раз отмечает День физкультурника» [Вести. РТР. 09.08.03] и мн. др. Ср. также: «Фильм о приезде в Красноярск первого *российского* космонавта Юрия Гагарина» [ИКС. КГТРК. 05.11.99]. «Агрегаты Красноярской ГЭС работают уже 30 лет... Честь и хвала *российским* гидростроителям» [Афонтово. 12.02.99]. «Президент Буш предложил отменить ограничения, налагаемые на программу ПРО американо-*российским* договором 1972 г.» [Сегодня. ТВ-6. 02.05.01] (ср. также: «*Россияне* поднялись на Эверест» (о первой **советской** экспедиции на Эверест) [Время. ОРТ. 04.05.02]. «38-летнюю традицию олимпийских побед *россиян* продолжили фигуристы Бережная и Сихарулидзе» [Новости. 7 канал. 13.02.02]. «Фильм «Москва – любовь моя» сделал вас [Комаки Курихара] очень популярной в **бывшем Советском Союзе**.. Мы беседовали с актрисой Комаки Курихара, любимой многими поколениями *российских* зрителей» [Вести. РТР. 13.09.04]. «Теперь уже мало кто помнит, что последний раз *российский* корабль прошел здесь в годы Второй мировой войны» [Вести недели. РТР. 28.12.08]. См. также нередкие до сих пор оговорки вроде: «Впервые за последние 100 лет проходит *всесоюзная* выставка охотничьих собак» [Вести. РТР. 09.08.03]. «Они [солдаты] пишут рапорт, что желают служить в группе *советских* войск в Закавказье» (командир мотострелкового полка) [24. Ren-TV. 23.01.03] – или: «Я играю *нашу советскую, русскую* женщину [милиционеру], у которой... личной жизни нет» (актриса Алиса Богарт) [НТВ. 22.11.07]. «...Создание *советской, российской* атомной бомбы было оружием мира» (С. Кириенко) [24. Ren-TV. 27.07.09] и под.

Напомним, между прочим, что малопонятные, но крайне помпезные торжества по случаю вывода Западной группы войск из Германии, лишь впоследствии проанализированного и оцениваемого теперь неправительственными экспертами весьма неоднозначно,^[72] в тот момент декорировались восторженными комментариями – как некий триумф: «День вывода *русской* армии из Берлина, **как и День Победы**, останется праздником со слезами на глазах» [Новости. Останкино. 01.09.94] (т. е. примерно таким же странноватым праздником, как день вывода советского военного контингента из Афганистана: это событие двадцать лет отмечается как великая победа, а посему его годовщины сопровождаются торжественными мероприятиями, награждениями и прочим сопутствующим антуражем).

Во всей этой путанице (иногда идущей от простодушного недомыслия, скрашенного отсутствием ответственности за свои высказывания, но гораздо чаще – вполне осознанной, явно целенаправленной, пропагандистски ориентированной) довольно примечательны случаи использования слов минимального семантического содержания, т. е. местоимений. Во-первых, они помогают особенно не утруждаться точным выбором нужного компонента трихотомии *русский – советский – российский*; во-вторых, как убедительно свидетельствует официозная речевая практика, широко представленная в дискурсе СМИ, в последние годы прилагательное *советский*, по существу,

⁷² См., впрочем, одну из весьма правдоподобных версий: «...Из Германии в темпе драпа, под президентское дирижирование сводным военным оркестром, вывели ударную полумиллионную группировку. Украли и продали техники и снаряжения на сотни миллионов долларов» [Веллер 1997: 74].

обрело статус табуированного (конечно, в тех ситуациях, когда его вынужденно приходится употреблять не с бранно-уничижительным оттенком, который кое-кому столь дорог), а потому на его месте либо возникает лакуна, либо – в качестве своеобразного эвфемизма – местоимение *наш*.

Ср.: «Меньше наград *наши* спортсмены завоевали только в Хельсинки в 1952-м, когда выступали впервые» [24. Рен-ТВ. 26.08.08] (поскольку выступала тогда *советская* команда, то понятно, что результат оказался плохим, а *российская* сборная умудрилась выступить лишь чуть лучше, чем *советская*, – значит, абсолютный провал...). «*Наша* [хоккейная] команда стала чемпионом в юбилейный, 25-й раз... *Отечественная* сборная победила в 25-й раз» [Новости. ТВК. 11.05.09] (и в этом случае также ставится знак равенства между сборными СССР и РФ); «преемственность» налицо...

Однако наиболее часто подобный прием приходится использовать, когда тема публичного высказывания так или иначе связана с военно-историческими событиями. «Министр присутствовал на концерте ансамбля песни и пляски, посвященном 80-летию создания... армии» (официальная дата создания Красной Армии – 23 февраля 1918 г.) [Доброе утро. ОРТ. 18.02.98]. «Парад в честь 53-й годовщины победы *нашего* народа» [Вести. РТР. 05.05.98]. «Войска Московского гарнизона для парада в ознаменование 56-й годовщины победы... в Великой Отечественной войне построены» (репортаж с репетиции парада) [Время. ОРТ. 20.04.01]. «Самый грандиозный залп тысячи орудий возвестил миру о победе... над фашистской Германией» [Доброе утро, Россия. РТР. 08.05.03]. «Празднование 60-летия победы... над фашизмом должно напомнить... о решающей роли

нашего народа...» [Парламентский час. РТР. 30.05.04] и т. п. Однако особенно показательными (и наверняка действенными для патриотического воспитания молодежи) являются совмещения приемов умолчания и эвфемизации в текстах официальных выступлений высших руководителей по случаю Дня Победы, транслируемых телевидением: в этих речах не используются ни прилагательное *советский*, ни словосочетания *Советский Союз, советский народ, советская армия* – на их вполне законных местах также возникают то лакуны, то местоимение *наш* в соответствующих сочетаниях (*наша страна, наш народ, наша армия, наша победа* и т. д.); это происходит по крайней мере с 9 мая 1995 г. и по сию пору: «Поздравляю вас с Днем Победы... Этот день освобождения... Победа... над фашизмом... Слава народу-победителю!» (Д. Медведев) [1 канал. 09.05.09].

Поскольку эти выступления имеют главным образом тональность, близкую к жанру публичного извинения и почти покаяния (пусть, мол, просвещенная Европа, и Германия прежде всего, простит нас за то, что мы их, Германию и Европу, активно помогавшую Гитлеру, всё-таки победили, а доблестные союзники не гnevаются за то, что взяли Берлин раньше них), то совсем неудивительно, что многие молодые люди в России уже сегодня не знают ни героев, ни главных событий, ни даже дат начала и окончания Великой Отечественной войны (подаваемой теперь к тому же как локальный и малозначащий фрагмент Второй мировой). Так, в качестве наиболее типичных ответов молодежи на вопрос: «Что такое 9 Мая?» – были представлены – с некоторыми вариациями – следующие: «Я не люблю этот праздник»; «Не знаю и не хочу знать» [7×7. 7 канал.

05.05.01]. Подобное естественно гармонирует с псевдотолерантными сентенциями вроде: «В исторической памяти народа моральные поражения ценнее военных побед» (анонс документального фильма о советско-финской войне) [ОРТ. 12.03.95]. «[Т. Эйдельман, учитель истории:] Мы привыкли, что Великая Отечественная война – это святое... Святое – это то, о чем не говорят. И чем меньше мы будем говорить о святынях, тем больше шансов, что они у нас появятся... [К. Осповат, школьник:] Для меня нет ничего святого в истории... Самое святое – это борьба человека за свою свободу» [Пресс-клуб. ОРТ. 24.04.97]. – «Сегодня можно сказать, что *любая* война безнравственна» (по поводу событий в Чечне) [Вести. РТР. 11.12.98]. – «Праведных войн не бывает» (М. Бердникова. Нью-Йорк) [ТВ-6. 31.03.98]. «Эта выставка напоминает, что, независимо от исхода войны, в ней есть всегда: это **гибель невинных людей** [в этот момент на экране – картины, изображающие трупы солдат вермахта, их могилы и т. п.]... Поздравляем с Днем Победы!» [Доброе утро, Россия! РТР. 10.05.00] и т. д.

Однако оказывается, что окончательно вытравить из сознания людей, и не только старшего поколения, позитивные ассоциации, вызываемые словом *советский*, современному агитпропу пока не удастся. Об этом свидетельствуют, например, данные некоторых социологических исследований. На вопрос: «Какие чувства вы испытываете, когда слышите слово "советский"?» – респондентам было предложено давать не более двух вариантов ответа; получены следующие результаты: ностальгия – 31 %, гордость – 18 %, одобрение – 17 %, безразличие – 13 %, благодарность – 13 %, восхищение – 10 %, разочарование – 6 %,

осуждение – 3 %, страх, ужас, ненависть – 3 %, стыд, вина – 2 % [Глас народа // ГН. № 21. 12.02.10. С. 1]. Преобладающими остаются явно положительные эмоции.

Вероятно, поэтому столь значительное внимание уделяется операциям, нацеленным на формирование негативного отношения к недавней эпохе нашей истории у молодежи, и особенно у детей. Так, сообщается, что российский мультипликационный фильм, «историю о Белке и Стрелке [собаках, которые в начале освоения космоса были запущены советскими специалистами на орбиту для проверки способности живых организмов переносить тяжелые перегрузки; американцы как подопытных использовали тогда обезьян] аниматоры **очистили** от *советских* атрибутов» [РТР. Утро России. 21.08.07]. По-видимому, нужно ожидать полнейшего забвения былого космического приоритета СССР и суждений об этом государстве исключительно на основании знакомства с творением А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», а в перспективе – и полное забвение советского периода. «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [Оруэлл 1989: 41].

Дерусификация

Самоназвание народа, выступая в качестве первого компонента оппозиции *свой/чужой*, является одним из главных составляющих национального менталитета. Целенаправленные манипуляции автоэтнонимом способны существенно трансформировать картину мира в сознании носителей языка. Примеров этого достаточно и в истории России, включая новейший период; таковы коннотативные эволюции этнонима

государствообразующей нации – *русские*, по крайней мере с начала XX в. и по настоящий момент оказывающегося мишенью пропагандистских упражнений, казалось бы, самых разных и даже взаимно противоположных политических сил и пропагандистских доктрин. Контекстуальное окружение в текстах СМИ, в которых употребляется данный этноним, постоянно и беспелляционно рисует русских и всё русское в самых негативных тонах (ср. сугубо отрицательные коннотации, индуцируемые в слове *русский* за счет назойливого повторения мифогенов вроде «русская мафия» (кстати, используемого преимущественно тогда, когда речь идет вовсе не о русских, но о бывших гражданах СССР или России) и «русский фашизм» (которого попросту не существует)). В дискурсе СМИ применяются также терминоиды *русскаяязычный* и *русскоговорящий* по отношению главным образом к этнически русским. Имеет место нарочитое неразличение *русского* и *российского*; последнее всё чаще заменяет собой и *советское*, ставшее почти пейоративным и – в ряде коммуникативных ситуаций – обретающее статус табуированного. Наиболее вероятными катализаторами таких манипуляций следует считать влияние иностранных языков (например, английского, где *Russian*, по сути, синкретично; это и «русский», и «российский»); воздействие чужой и чуждой для множества граждан РФ культуры (в частности, в Израиле именуют «русскими» выходцев из СССР, а также России и ряда других ныне суверенных государств); возможно, реализуются и рекомендации новейших политтехнологов, различного рода специалистов по проведению национальной (т. е. по отношению к нациям, этносам) политики. Стараясь «растворить *русское* в *российском*» (О. Н. Трубочёв) и

преуспевая в этом, подчеркнута не предпринимают подобных попыток применительно к другим этническим группам России.

Налицо очередная попытка элиминировать этноним *русские*; правда, идеологическое обоснование теперь иное, хотя и столь же мифическое, как прежние, – набившие оскомину «общечеловеческие ценности». Это далеко не ново, ср.: «...Как же мы теперь самоуверенны... как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: почвы нет, народа нет, национальность – это только система податей, душа – *tabula rasa*, вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, *общечеловека всемирного*, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки» [Достоевский 1956, 4: 79]. Можно заметить, что сегодня здесь очевидно влияние сконструированной и культивируемой в США, а оттуда распространяемой по всему миру *political correctness*; это, конечно, закономерно в свете современной глобализации. Успехи такого подхода к регулированию межнациональных отношений в России довольно ощутимы. Многоликая модернизированная смердяковщина, настоянная на бывшем «интернационализме» и обычно обозначающая себя как «цивилизованность», чрезвычайно активна. Отказ признать русских нацией заметен, хотя и косвенно, в лингвистических исследованиях, посвященных «национально-русскому двуязычию», где изучаются владение и пользование языком одного из народов РФ – и русским, т. е., подразумевается, не национальным. Удаление из российского паспорта указания национальности, поданное как шаг в сторону призрачного «мирового сообщества» (и уже реального

«нового мирового порядка») тоже вполне логично. В русле этой же тенденции («игр в слова») следует рассматривать и отсутствие в тексте закона «О государственном языке Российской Федерации» определения самого понятия *русский язык* и каких-либо упоминаний о русском народе.

Прилагательное *русский* планомерно изымают из речевого оборота даже в тех случаях, когда оно употребляется как термин; говорят уже о появлении учебников ирреального «российского языка». Вряд ли здесь можно усмотреть демонстративную преемственность, скажем, с лингвистическими трудами М. В. Ломоносова: сын своего времени, он мыслил о языке Державы – упомянутые же опусы лишь пытаются материализовать фантомы-мифогены. По аналогии с тем языком, которым пользуются фантастические марсиане (в первых переводах Г. Уэллса на русский – «марсияне») – марсианским, надо бы именовать язык столь же фантастичных россиян не «российским», но «россиянским». Тогда можно будет с полным правом толковать о его невсамделишности и об острейшей необходимости замены на какой-либо иной («настоящий», «цивилизованный» и т. п.).

Ведь «*народ и язык* – единица неразделимая. Народ – язык, язык – народ» [Срезневский 1986: 106].

«Россия – однонациональная страна, и это всячески замалчивается и оттесняется на задний план средствами массовой информации и всякими, проще говоря, «идеологическими диверсантами»» [Трубачёв 2004: 207]. Видимо, в последнем случае кавычки излишни: ведь давно говорилось о бесплодности попыток вооруженного нападения на «диктатуры» (в иной терминологии –

социалистические государства) и о единственно возможном «свержении государственной власти изнутри» (см., например, суждения по этому поводу К. Г. Юнга).

Подобного рода идеологические диверсии имеют длительную, но малопочтенную традицию; их активные исполнители неоднократно упоминаются, например, в романах Ф. М. Достоевского.

«...Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность вещей... не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть ли не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё... Такого не может быть либерала нигде, который бы самое отечество свое ненавидел» [Достоевский 1957, 6: 379–380]. – Либерал же заявляет, что «русские должны быть истреблены для блага человечества, как вредные паразиты!» [Достоевский 1957, 7: 229], а еще один свободомыслящий персонаж в результате неких исследований «вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено лишь послужить материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого... господин Крафт пришел к выводу, что всякая дальнейшая деятельность русского человека должна быть этой идеей и парализована, так сказать, у всех должны опуститься руки» [Достоевский 1957, 8: 57]. В терминах информационной войны это называется деморализацией противника (в данном случае – русских).

Если пытаться прогнозировать дальнейшие эволюции компонентов пары *русский/российский*, то не особенно трудно предвидеть, что *русский* будет всё быстрее утрачивать денотативную основу; более того, может перейти в пласт пейоративной лексики. Через какое-то время (вполне вероятно, исторически – довольно непродолжительное) соответствующие речедеятели откажутся от идентификации и самоидентификации при помощи этого слова.

Этноним, как и другое однозначное слово, можно рассматривать в качестве сжатого, свернутого текста, представляющего собой более или менее многочленный набор стереотипизированных характеристик устойчивых национально-ментальных свойств, реально присущих или намеренно приписываемых каждому представителю того или иного народа. Следовательно, чуть ли не любой случай использования этнонима в речи почти неминуемо приводит в действие механизмы ассоциативного мышления, способствующие моментальной классификации именуемого индивидуума в рамках заранее заданных и хранящихся в памяти параметров. При этом этнические стереотипы и автостереотипы могут вступать в отношения конкуренции, и зачастую это действительно происходит. Кроме того, «легитимные», коренные обладатели какого-либо этнонима, отчетливо понимая окружающий его ореол стереотипов, особенно – негативных, естественно стараются от него избавиться, и, пожалуй, одним из наиболее доступных и действенных, а потому и распространенных способов выхода из неприятной ситуации оказывается фиктивная смена этнонима на какой-то другой, не отягощенный неприятными коннотациями или попросту принадлежащий преобладающему большинству

населения данного государства. Это позволяет носителю «нехорошего» этнонима, опережая развитие событий в неблагоприятном для себя направлении, отвести от себя возможное недоброжелательство либо переложить ответственность за собственные действия и их общественную оценку на всю совокупность ни в чем не повинных правомочных носителей этнонима, присвоенного предприимчивым самозванцем.

В некотором смысле такой манипулятивно эффективный прием напоминает и принятые у многих народов обычаи, связанные с магией антропонимов. Например, табуирование личных имен: «подлинное имя надо держать в тайне от врагов, которых так много, – и злые люди, и злые духи; если они узнают настоящее имя, могут повредить его носителю, даже похитить жизнь. ...Другой способ обмануть злых духов – давать ребенку отталкивающее имя, с такими значениями, как “негодный”, “дурак”, “вонючий”, “собачий хвост” и т. п. в расчете, что злой дух такого не возьмет...» [Никонов 1974: 29]. Вербально-магическое представление (пусть и неосознанно-рудиментарное) о функциях и роли этнонима отчасти объясняет присвоение именованья *русские* многими представителями иных национальностей, унификацию еще большего числа жителей государства с помощью этатонима *россияне* и неутомимые попытки их словесной интеграции посредством автоматически-бессмысленного мифогена *российский народ* (взамен семантически более точного *народ России*).

Активно насаждаемое употребление слова *россиянин*, семантически нечеткого и расплывчатого, знаменующее качественно иное направление в решении национальных вопросов, позволит заполнить

наметившуюся лакуну (которая в немалой степени из-за него и возникла). Прилагательное *российский*, предлагаемое как нейтральный, эвфемистический эквивалент *русского*, в следствие психолого-пропагандистских манипуляций также способно приобрести негативно-оценочный оттенок, но сегодня пока неизвестно, какое слово придет ему на смену («россиянский»?). По крайней мере, довольно скоро собственно русские рискуют остаться без полноценного этнонима, что, в свою очередь, в совокупности с другими факторами может поставить под сомнение само существование русской нации как таковой. Поскольку же речь идет именно о нации государствообразующей, то дерусификация является одним из кардинально важных направлений антироссийской информационной войны.

Вербально-манипулятивная маска *ЭЛИТЫ*

*Где, укажите нам,
отечества отцы,
Которых мы должны
принять за образцы?*

А. С. Грибоедов

*И вот без согласия этого
блестящего класса не может
быть издан, отменен или
изменен ни один закон; эти же
люди безапелляционно решают
все наши имущественные
отношения.*

Дж. Свифт

Социальные процессы и динамика лексики

Социальные процессы закономерно воплощаются в лексической динамике и зачастую ею же стимулируются: в соответствии с обстоятельствами возникают и утрачиваются ключевые для конкретно-исторической ситуации слова, варьируются их коннотации.

«Выражение есть всегда синтез чего-то внутреннего и чего-то внешнего. Это – тождество внутреннего с внешним... Самый термин *выражение* указывает... на некое активное самопревращение внутреннего во внешнее... Выражение может быть символом» [Лосев

1991: 45, 48]. Иначе говоря, определенные слова как звукобуквенные комплексы сигнализируют и внушают адресату – далеко не всегда склонному либо способному к анализу воспринимаемого высказывания («выражения») – то, что считает необходимым адресант (например, владелец СМИ).

Таким образом, использование лексических единиц с прочно устоявшейся в языковом сознании семантикой и коннотацией может быть манипулятивно удачным: они автоматически вызывают нужные манипулятору ассоциации.

Вначале приведем некоторые статистические данные. «...Общероссийские мониторинги бедности и богатства остаются примерно такими же, какими были и до кризиса. Например, одна из оппозиционных думских партий утверждает, что разрыв доходов между 10 % самых состоятельных граждан и 10 % самых необеспеченных сейчас составляет 16,9 раза и превысил т. н. “уровень социальной безопасности”, равный семи пунктам. Однако есть и другие подсчеты. Например, такой: 2 % россиян владеют 55 % материальных активов России. Соответственно, разрыв доходов между ними и остальной частью населения – тысячи раз ...» [Хохлов 2009: 2].

Стремительное материально-имущественное расслоение российского общества вследствие реформ повлекло за собой его социальную поляризацию; появилась и необходимость в лексическом обозначении формировавшихся макрогрупп. Распространяются и становятся всё более частотными номинации материально благополучных граждан (во многих случаях обладающих также – прямо или опосредованно –

властными полномочиями): *успешные люди, состоявшиеся люди, олигархат, статусные граждане, истеблишмент* и т. п. Ср.: «Жена Михалкова [кинодеятеля] и жена Пимашкова [главы Красноярска] ходят по модным магазинам. Что рассматривают *первые леди?*» [Новости. Прима-ТВ. 19.04.03]. «Мы [светские телерепортеры], впрочем, как и весь красноярский *бомонд*, разрывались, куда идти...» [Женская логика. Афонтово. 10.11.02]. «*Избранная публика, сливки общества*, просто заказывала билеты [по 3,5 тыс. рублей – на концерт А. Пугачёвой] по телефону – бизнесмены, руководители, директора заводов...» [Новости. ТВК. 08.09.05]. «*Обеспеченные россияне*, отдыхающие в Куршавеле...» [Лучшие из лучших. Реп-ТВ. 27.01.07]. «Люди, не только богатые, не только красивые, но и мыслящие широко, – это *золотая молодежь*» [Большой репортаж. ТВК. 28.01.07]. «*Богатые и знаменитые* [любители зимнего поло, каждый из которых только на содержание лошадей тратит в год почти полмиллиона рублей]» [Неделя. Реп-ТВ. 03.03.07]. «Татьяна Огородникова открыла центр поддержки бывших жен *олигархов*: "Им так тяжело!.."» [Жены *олигархов*. РТР. 03.09.07]. «Игра для *людей высшего света* [гольф] получила прописку в Красноярском крае... **Каждый** может попробовать. Стоимость месячного абонемента – около 9 тысяч рублей» [Новости. Прима-ТВ. 18.08.08]. «*Люди денег и власти* из "сиротского дома"» (о жильцах одного красноярского дома, который горожане иронически именуют «сиротским») [Новости. 7 канал. 15.08.07] (впоследствии, как стало известно из телевыступления краевого министра соцзащиты Г. Пашиновой осенью 2009 г., выяснилось, что некоторые из обитателей этого дома получают от государства

дотации на оплату своего скромного жилища – как малоимущие; их официальный ежемесячный доход меньше 1200 рублей). «Первое сентября – для *первых детей края* [детей губернатора]. Интервью с *первой леди края* Ингой Кузнецовой [женой губернатора]» [Новости. 7 канал. 01.09.10]. «Наши [казино] клиенты – это средний класс и *привилегированные жители*» [Сегодня. НТВ. 30.01.10]. «*Избранные*» (анонс программы И. Сокол, бывшей красноярской телеведущей, затем – супруги заместителя губернатора Иркутской области, январь 2010). «Тещи *именитых* красноярцев» [Енисей-регион. 02.03.11] и проч.

Одним из ранних именовании класса собственников в реформируемой России стало словосочетание «*новые русские* – ‘российские предприниматели и коммерсанты, занявшиеся бизнесом в период перестройки и быстро разбогатевшие’» [ТССРЯ 2001: 514]. Возможно, существительное, к которому здесь дается отсылка – *нувориш* («неодобр. ‘тот, кто стремительно разбогател (обычно на спекуляциях); богач-выскачка’») [ТССРЯ 2001: 517] не стало столь популярным не только и не столько вследствие лексикографически фиксированной семантики и негативно-оценочной коннотации (они многим попросту неизвестны), но за счет ложной этимологии (сближение со словами гнезда корня *вор-*) и настораживающего созвучия (*нувориш* – *наворовать*). Ср. также: «*Новый русский* как номинативная единица несет в себе явно положительную оценку по ассоциации значения слова *новый* с чем-то одобрительным и прогрессивным, ср.: *новый дом* (“лучше старого”), *новая политика* (“лучше отвечает потребностям дня”). Таким образом, выражение *новый русский* прочитывается как “прогрессивнее старого (т. е. отягощенного грузом

библейской морали) русского”» [Кравченко 2008: 285]. Кроме того, именование *новые русские* вполне в духе потребительства, исповедуемого ими и навязываемого всем остальным: «Самый новый – всегда самый лучший» [Сент-Клэр 1992: 131] (кстати, в фантастическом рассказе, из которого взята цитата, описывается воспитание детей, нацеленное на формирование их как активных потребителей; это необходимо прежде всего для того, чтобы их социальное поведение было безукоризненно прогнозируемым, т. е., по существу, программируемым).

Ставшее устойчивым словосочетание *новые русские* произошло, вероятно, от заглавия очерковой книги американского журналиста Х. Смита «The New Russians» (1990). Как полагают, в российской печати оно появилось не позднее марта 1992 г. («“Новые русские” с жиру бесятся» [Огонёк. 04.03.92]). В «нулевом» номере газеты «Коммерсант – Daily» от 07.09.92 словосочетание «new Russians» было предложено взамен уже существовавшего «новые богатые» – для обозначения «формирующейся элиты российского общества» с «новым менталитетом и... стилем жизни» – в редакционной статье «Кто они такие? Портрет читателя “Ъ”» [Душенко 2006: 436].

Считают, что «для русской ментальности очень важен образ, **каким** были заработаны деньги, очень важно, чтобы человек **трудился, напрягался**. Не менее важно, чтобы деньги он тратил “с умом”, не бросая на ветер, но **“на пользу обществу”**» [Сергеева 2004: 235]. Вероятно, прежде всего этими причинами объясняется всё еще сохраняющаяся популярность серии анекдотов о *новых русских*, в основном «об их глупости, косноязычии и дикой жажде “шикарной” жизни. Они очень язвительны, и в них отражается отрицательное

отношение основной массы русских к тем, кто главным в жизни считает деньги, а также оригинальный способ их траты» [Сергеева 2004: 22]. Вероятно, обилие этих анекдотов и выражало, и укрепляло социальный стереотип *НОВЫХ РУССКИХ* (новых – в соответствии с качественно изменившейся, новой российской действительностью; второй же компонент именованья, вроде бы акцентировавший национальность обозначаемого лица, на практике явно имеет условно-иронический оттенок: это вполне может быть лицо и т. н. «кавказской национальности», и любой иной), оказавшийся в конце концов преимущественно негативным в глазах многих.

Последнее проявилось не только в России. Так, по словам потомка эмигрантов князя Никиты Лобанова, «русский [т. е. **НОВЫЙ** русский – А. В.] жуликоват и шустрый; нагребил денег в России – и по английским маклерам... Поэтому и отношение [у англичан] к *НОВЫМ РУССКИМ* изменилось: от приветливого к прохладному» [Уроки английского. Репортерские истории. Ren-TV. 22.06.08].

Вариативность номинаций

Рассмотрим некоторые из приведенных именованний. Существительное *олигарх* не является новым для русской лексики, ср., например: «*олигарх* – 1) 'в античности и средневековье: лицо, принадлежавшее к правящей группе, являвшееся членом олигархического правительства'; 2) 'представитель крупного монополистического капитала'» [МАС₂ 1982 II: 615]. Разумеется, в первом из данных значений это слово являлось историзмом, во втором же – экзотизмом

(поскольку частный капитал, к тому же – крупный монополистический, не был реалией социалистического строя).

По мере радикализации российских реформ употребление слова *олигарх*, хотя и в известном уже значении, активизировалось, но уже для именованя соответствующих «россиян» («*олигарх* – ‘представитель крупного монополистического капитала’. “Существует легенда, что последние выборы делались на деньги *олигархов...*” Власть, 1996, № 6» [ТССРЯ 2001: 530]; некоторое время в СМИ было популярным и существительное *семибанкирщина*: «“*Семибанкирщина* как новорусский вариант *семибоярщины*”. А. Фадин, “Общая газета”, 1996, № 45... имелись в виду семь крупнейших финансово-промышленных групп РФ, оказавших на президентских выборах 1996 г. поддержку Б. Н. Ельцину» [Душенко 2006: 488]).

Интересно, что в дискурсе СМИ использование слова *олигарх* довольно часто сопровождалось попытками его семантизации, сопряженными с рефлексией адресанта: «Желание встретиться с Черномырдиным выразили и **так называемые олигархи**» [Новости. ОРТ. 23.06.98] «Руководители больших финансово-промышленных групп, которых называют еще **модным теперь** словом *олигархи*» [Новости. 7 канал. 23.07.02]. «Каждому кандидату в губернаторы необходима материальная поддержка финансово-промышленных групп, или, как мы **сейчас говорим, олигархов**» (социолог В. Немировский) [7 канал. 27.08.02] (указывают на использование сочетания *так называемый* следующим образом: в значении ‘имеющий, носящий название’ оно употребляется перед малоизвестным, несколько необычным и т. п. названием, а также для указания на

то, что слово, выражение, термин и т. п. по своему значению не отвечает называемому им предмету, понятию, явлению и т. п. [МАС₂ 1982, II: 355]; считают также, что следует рассматривать это сочетание как двузначное: «1) 'именуемый, носящий название'; 2) 'мнимый'» [Рогожникова 1991: 220]).

Некоторые политические деятели пытались (скорее, из популистско-пропагандистских соображений, а может быть, и по каким-то другим, сугубо личным причинам) не только отмежеваться от сообщества *олигархов*, но даже объявить их несуществующими: «*Олигархи* – это, скорее, мифотворчество, чем реальность» (А. Собчак) [РТР. 29.03.00] (тогда «Борис Березовский стал первым российским *олигархом*, против которого Генпрокуратура открыла дело и объявила его в розыск через Интерпол. Сам *олигарх* узнал об этом в Париже» [Эксперт. 12.04.99]). Очевидно, семантика слова *олигарх*, по вполне объективным и понятным для широкой публики причинам, обрела ореол негативно-оценочной коннотации; предпринимались попытки заменить «дискредитированное» обозначение другим, например: «В РСПП вступила группа *магнатов* – я слово *олигарх* **не люблю**» (А. Вольский, председатель Российского союза промышленников и предпринимателей, 21.12.01) («*магнат* – 1) 'крупный феодал, помещик в некоторых странах Европы (особенно в феодально-крепостнической Польше и Румынии)'; 2) 'обладатель больших богатств, крупный капиталист'» [МАС₂ 1982 II: 214]; «*магнат* – 'крупный делец, предприниматель; обладатель большого капитала, богатства'» [ТССРЯ 2001: 429]). Однако: «Чего не хватает миллиардеру для счастья? Авторитетный ответ на этот важный вопрос дал на днях Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),

который давно уже получил неофициальное прозвище «клуб *олигархов*»» [Коммерсант. 28.10.02].

Вероятно, такое неприятие слова *олигарх* было вызвано некоторым изменением российской внутривластной ситуации; в частности, зазвучали декларации о недопустимости «возврата к **прежней** структуре управления, когда всё решали деньги и *олигархи*» (генпрокурор РФ Ю. Чайка) [24. Рен-TV. 28.08.07]. Ср. более раннюю констатацию: «Отношения власти и бизнеса выходят на новый виток. Закончилась очередная «четырехлетка», точно совпадающая с президентскими сроками: период *олигархата* (1996–2004 гг.) был отменен эпохой равноудаленности (2000–2004 гг.), а теперь плавно перетекает в сезон, еще не имеющий названия» [РГ, 02.08.04].

Предполагалось, что аспект негативной оценки слов *олигарх*, *олигархия* в ближайшее время существенно не изменится, в отличие, например, от слов *буржуазия*, *капиталист*, *банкир*, *бизнесмен* и под., «несмотря на трансформацию в общественном сознании, переориентацию с коллективизма на индивидуализм, массовую рекламу элитных групп и под., в самом определении лексических единиц, их этимологии, первичном значении заключены смысловые элементы, создающие негативную социальную оценку. Это, прежде всего, антонимическая оппозиция слов-понятий *демократия* (греч. власть народа) – *олигархия* (греч. власть немногих). В обществе, которое стремится к установлению *демократического* порядка, понятия *олигархия* и *олигарх* «автоматически» становятся неприемлемыми» [Семенюк 2004: 237].

Собственно, Российская Федерация, согласно действующей конституции (1993), уже является демократическим государством; это, однако, вовсе не было препятствием к возникновению и укреплению *олигархов* (см. также активизацию дериватов *олигархический, олигархия, олигархат* – последнее, видимо, по аналогии с *халифат, султанат, каганат* и проч.), как и их сегодняшнему существованию. Дело, скорее всего, именно в широком общественном неприятии этого феномена, а следовательно, и слов, обозначающих его и сопутствующие ему явления. Отсюда и – кажется – наметившееся снижение частотности существительного *олигарх* и производных в текстах российских СМИ; по крайней мере, в последнее время они редко употребляются; такая разновидность игры в слова называется умолчанием: оно сигнализирует «общественному мнению» о якобы исчезновении обозначаемого явления. Кроме того, *олигархи*, даже и в сегодняшней России, всё-таки относительно многочисленны. Впрочем, российская демократия обладает несомненным своеобразием: недавно появилась обнадеживающая информация о том, что *олигархи* «на постоянной основе» будут участвовать в заседаниях правительства РФ [Новости. Прима-ТВ. 12.01.10]. Кстати, ср.: «Люди, над которыми стоит господствующий класс, только и слышат: “Не время заниматься пустяками. Сейчас социальный кризис. Сидите смиренно и не путайтесь под ногами”. Чем богаче и влиятельней оказываются в подобных чрезвычайных ситуациях “сливки общества”, тем настойчивей утверждают они политику, выгодную власть имущим, заставляя человека с улицы соглашаться на условия, выработанные *олигархией*» [Ниринг 1966: 103].

Иногда в текстах телепередач встречается устойчивое словосочетание *золотая молодежь*: «Молодые люди, не только богатые, не только красивые, но и мыслящие широко, – это *золотая молодежь*» [Большой репортаж. ТВК. 28.01.07]. «Раньше таких деток называли *мажорами*, а теперь – *успешными молодыми людьми*... В столице давно привыкли к причудам *золотых деток*^[73]... Единственная головная боль *золотой молодежи* – неудачное появление на ярмарке тщеславия: когда у кого-нибудь из знакомых машина или платье дороже... В *бизнес-элиту* они вошли с подачи богатых родителей» [В час пик. Ren-TV. 24.11.08]. «Дети известных родителей – *золотая молодежь*, прозябающая [вероятно, «прожигаящая». – А. В.] жизнь в ночных клубах» [Новости. ТВК. 11.05.09]. «Английская аристократия с российской *элитократией* играют в поло... “Теперь богатым быть не стыдно”, – говорит Алексей Родзянко... “*Золотая русская молодежь*”, – говорит Сева Новгородцев, русский [точнее, русскоязычный] голос Би-би-си... Ведь это они [англичане] придумали: “Деньги не пахнут”» (однако: авторство этого афоризма обычно приписывают римскому императору Веспасиану; его сын «Тит упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. “Нет”, – ответил Тит. “А ведь это деньги с мочи”, – сказал Веспасиан» [Светоний 1988: 266], см. также [Ашукин, Ашукина 1986: 184]) [Уроки

⁷³ И не только в столице; например: «Дочь председателя Иркутского обллизбиркома Анна Шавенкова сбила [на автомобиле] двух девушек; одна скончалась сразу, другая стала инвалидом... На видеозаписи видно, как водитель выходит из автомобиля, осматривает повреждения, звонит кому-то по телефону, не подходя к жертвам... Приговор суда: 3 года колонии-поселения с отсрочкой исполнения на 14 лет – пока ее сыну не исполнится 14» [Новости. Звезда. 17.08.10].

английского. Репортерские истории. Ren-TV. 22.06.08]. Фразеологизм «золотая молодежь» является, по-видимому, калькированным с французского, возникшего в термидорианский период, когда «большие бульвары и площади столицы... оказались во власти новых хозяев – молодых людей в ярких костюмах с тросточками или стилетами в руках, чуть-чуть прикрытых прозрачной тканью дерзких девчонок из "хорошего общества", старавшихся походить на продажных женщин... Банды "золотой молодежи"... стали действительными хозяевами столицы» [Манфред 1986: 84–85]. «*Золотая молодежь* – так называют богатую буржуазно-дворянскую молодежь, мотающую деньги, прожигающую жизнь. Первоначально это было прозвище парижской контрреволюционной молодежи, группировавшейся после 9 Термидора (1794) вокруг Фрерона... одного из вождей термидорианской реакции... Впоследствии политический смысл этого выражения утратился» [Ашукин, Ашукина 1986: 246] (кстати: Л.-М.-С. Фрерон был членом Конвента, учеником Марата – и редактором газеты «Оратор народа» [Манфред 1986: 85]).

Конечно, в параметрах прежней системы ценностей фразеологизм *золотая молодежь* имел бы, скорее, иронический оттенок (приблизительный аналог чуть ли не постмодернистского осмысления прецедентной номинации – название современной российской политической молодежной организации «Молодая гвардия»; «"Молодая гвардия" – подпольная комсомольская организация в Великую Отечественную войну в г. Краснодаре (1942, ок. 100 чел.). Руководили: И. В. Туркенич, О. В. Кошевой, У. М. Громова, И. А. Земнухов, С. Г. Тюленин, Л. Г. Шевцова. Большинство

участников казнены фашистами» [СЭС 1983: 821]. Вероятно, от названия песни «Молодая гвардия» – где в рефрене: «Мы – молодая гвардия рабочих и крестьян»; текст этой песни считают вольным переводом А. И. Безыменским «Песни юношества», где – в немецком оригинале – «Мы – молодая гвардия пролетариата» [Душенко 2006: 42]). Однако в текстах российских СМИ коннотация словосочетания *золотая молодежь* очевидно мелиоративна. Правда, именуемая им часть «россиян» ограничена не только имущественным статусом, но и возрастным цензом.

В последние годы (судя по данным лексикографии, с конца 1990-х гг.) всё более распространенным в СМИ становится обозначение слоя «успешных людей» с помощью заимствованной аббревиатуры *VIP* – «от англ. *Very Important Person* – “очень важное лицо”: ‘особо важная персона (о имеющих привилегии лицах из властной структуры и управленческой номенклатуры; о богатых людях, ведущих светскую жизнь и т. п.)’» [ТССРЯ 2001: 891]. В печатных текстах началось активное образование слов, в том числе и сложных, с первым компонентом *VIP-*: *VIP-гость*, *VIP-звезда*, *VIP-клиент*, *VIP-ложа*, *VIP-мероприятие*, *VIP-номер*, *VIPовский*, *VIP-персона* и др. [ТССРЯ 2001: 892–893]. Почти одновременно англоязычная аббревиатура была транслитерирована: *ВИП-гость*, *виповский*, *ВИПовский* [ТССРЯ 2001: 135]. Конечно, в устной коммуникации латиница и кириллица элементов речевых актов не дифференцируются: «Зачем собрались в закрытом клубе красноярские *VIP-(ВИП-(?))*персоны?» (анонс) [Прима-ТВ. 17.09.07]. Интересно, что заимствованная аббревиатура была быстро приспособлена к русской грамматике, обретая изменяемость по категориям числа и падежа:

«Соберутся все красноярские *VIPы* (*ВИПы?*)» [Новости. Прима-ТВ. 22. 10. 07]; см.: «*VIP* нескл., м.: "...Инициативная группа в полторы сотни *VIPов* выступила с лозунгом "Путин – наш президент""... "...Оставить без приза главных наших *VIPов*"» [ТССРЯ 2001: 892]; «*VIP* нескл. и – а: "...говорили *VIPы*"; "данному *VIPу*"» [ТСРЯ XXI 2007: 1126–1127]. Это несомненные свидетельства лексического освоения былого экзотизма – зримого проявления чаяний «состоявшихся россиян» приобщиться к вожделенной цивилизованности. Однако, поскольку их сограждане пока далеко не поголовно охвачены знанием языка метрополии, т. е. английского, исконная семантика аббревиатуры *VIP* остается аудитории недоступной. С другой стороны, именно поэтому данная аббревиатура способна удачно играть роль вербально-магического символа, отмечающего избранных (почти сакрализуемых) особей и четко отграничивающего их от прочего «населения».

«Про *VIP*, аббревиатуру английского понятия "особо важная персона" или физические лица, имеющие право на персональные льготы, можно рассказывать анекдоты... "ВИПы" – это все те, кто пользуется привилегиями: чиновничьими, коммерческо-буржуазными или криминальными... Борясь с советскими привилегиями, Ельцин, Собчак, Памфилова и другие псевдодемократы на самом деле захватили себе привилегий на порядок больше, чем было у их советских предшественников от номенклатуры. Теперь стало ясно, что это именно то, за что они боролись с Советской властью... В русском языке есть понятия богатства, власти, вседозволенности, безответственности. Всем этим понятиям и соответствуют ныне русские "ВИПы". И еще к ним приклеилась

высокопоставленная услуга... этих "ВИПов". И, конечно же, богема» [Смирнов 2007: 14].

Интересно, что иногда граждан (точнее, конечно, «господ»), несомненно принадлежащих к нынешней *элите*, именуют – причем, кажется, пока без иронии – словами из полузабытого советского пропагандистского лексикона: «На встрече [с президентом Ельциным] были те, кого **обычно** называют *общественностью*: политологи, представители средств массовой информации, бизнесмены» [Сегодня. НТВ. 20.03.96]. – «Опрос *общественности* [по поводу профинансированного Б. Березовским фильма о «заговоре ФСБ» против его персоны] – Ивана Рыбкина, Валерии Новодворской, Александра Невзорова, Александра Коржакова...» [Новости. ТВК. 21.03.02] – ср.: «*общественность* – 'передовая часть, передовые круги общества, выражающие общественное мнение'» [МАС₂ 1982, II: 576].

Элита

Однако самым употребительным для обозначения этой социальной группы стало слово *элита* (во всяком случае, в текстах телевидения – этого, по выражению Л. Шebarшина, «средства общения мошенников с простаками» (цит. по [Расторгуев 2003: 137])).

«Если заглянуть в словарь прошлого года, там *элита* – "сорт пшеницы". Понятие это существовало всегда; раньше *элита* – это партноменклатура, а теперь – новый класс, который обустроит Россию... коммерсанты, которые не только продают воздух, и не только они...» (главный редактор журнала «*Элита*») [Утро. Останкино. 31.08.93]. Судя по многим примерам, семантические

очертания данного слова и его дериватов в телевизионном дискурсе можно считать довольно устойчивыми: «*Элитарные* группы [России]: президенты банков, владельцы крупных компаний, топ-менеджеры и чиновники» [Обозрение-7. 7 канал. 09.01.03]. «Преуспевающие политики, бизнесмены, артисты – в общем, люди *элиты*» [Доброе утро. ОРТ. 12.02.03]. «*Элита* страны: политики, руководители крупных предприятий, ученые [?], артисты и писатели» [Новости. Прима-ТВ. 05.06.03]. «...А пока Владимир Шанцев [выдвинутый на должность нижегородского губернатора] знакомится с региональной *элитой*. Он встречался с местными парламентариями, членами ассоциации промышленников и предпринимателей» [Вести. РТР. 04.08.05]. «[На встрече с президентом обсуждалось,] каким образом представители чеченской *элиты* – руководители республики и крупные бизнесмены, проживающие в Москве, могут помочь своей малой родине» [Вести. РТР. 17.04.02] «Весь бизнес, вся *элита* чеченцев – здесь, в Москве, Санкт-Петербурге» (Д. Рагозин) [Вести-плюс. РТР. 26.11.02]. «Теперь, по мнению итальянского фотографа, вся *элита* – в российской столице» [Сегодня. НТВ. 21.10.03]. «Ивановская политическая *элита* начала настоящие разборки [!] за власть в регионе» [24. Ren-TV. 03.11.04]. «К земле потянулась даже красноярская *элита*. Продавцы говорят, что некоторые депутаты присматривают для себя удобные орудия труда» [Новости. Афонтово. 18.02.05]. «Пока есть нефть, газ, а значит – *элита*, цены на квартиры [в Москве] будут расти» [Неделя. Ren-TV. 17.02.07] (ср.: «Форум "*Наш* шанс в условиях сырьевой экономики"» [РТР. 21.06.05]. «Идеологи проекта [строительства промышленного объекта] в *элитной*

жилой зоне Куркино уверяют, что экологическая обстановка не ухудшится» [24. Ren-TV. 11.04.05]. «В один из московских *элитных* дворов запрещен въезд отечественным автомобилям. Владельцы квартир [считающие, что эти машины портят им вид из окна] согласились сделать исключение лишь для пожарных, милиции и машин “Скорой помощи”» [НТВ. 11.09.07] (видимо, за неимением пока соответствующего спецтранспорта, предназначенного для обслуживания только представителей *элиты*). «*Элита* осторожно критикует внутривластный курс [на экономическом форуме в Санкт-Петербурге]... “Новый российский либерализм” участники поддерживают... “Это наш клиент”, – говорит продавщица магазина об участнике форума, показывая сотовые телефоны по 120 тысяч евро» [24. Ren-TV. 09.06.08]. «В Красноярске шьют *элитные* одеяла из соболя, песца, рыси... от ста тысяч до миллиона рублей» [Новости. ТВК. 08.04.08] «*Элитные* роддома для кошек и собак» [Новости. ТВК. 28.08.08]. «Как *элита* России провела первые дни 2009 г. [в Куршавеле]» (анонс репортажа А. Гойзман) [Ren-TV. 25.01.09]. Ср. также: «[Г. Гудков, зампреда Комитета Госдумы по безопасности:] В “Единой России” собрана большая часть **в прямом смысле этого слова** российской *элиты*» [Бюрократия в силе // РГ-Неделя. № 35. 18.02.10. С. 8].

Слово *элита* уже фигурирует и в совершенно официальных текстах. Так, по мнению организационно-инспекторского департамента МВД России, «наблюдаются попытки неоправданного вмешательства в деятельность милиции общественной безопасности со стороны региональных властей и местных *элит*» [Перспективы 2008: 18]. В связи с этим

показательными представляются случаи использования в документах некоторых регионов словосочетаний *крестные отцы* и *неприкасаемые фигуры*, семантически довольно точно соответствующих слову *элита* в его актуальном значении (например, в постановлении главы администрации Челябинской области «О мероприятиях по выполнению Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации» (см. [Власенко 2000: 49–50])).

Предпочтение, явно отдаваемое слову *элита* как названию (а может быть, прежде всего – самоназванию) российского правящего класса, может объясняться действием ряда взаимосвязанных факторов. Во-первых, оно удобно как однокомпонентное именование; во-вторых, в качестве заимствования обладает внутренней формой, непроницаемой для носителей русского языка (а следовательно, и соответствующим флером некоей привлекательной загадочности); в-третьих, за ним в течение длительного времени прочно закреплена высокая мелиоративность, о чем устойчиво свидетельствуют лексикографические дефиниции.

В еще недавний период истории русского языка рассматриваемое существительное тематически ассоциируется только с областью сельскохозяйственного производства: «**лучшие, отборные** растения или животные, получаемые в результате селекции и предназначенные для дальнейшего размножения» [СИС 1954: 954]. Несколько позже семантика слова расширяется; в качестве переносных приводятся значения «2) `наиболее видные представители какой-л. части общества, группировки и т. п.; в эксплуататорском обществе – верхний слой господствующего класса или отдельных его групп' и 3) `в некоторых иностранных

армиях – отборные воинские формирования'» [СИС 1979: 596].

В хронологически близком предыдущему толковом словаре слово *элита* также представлено как многозначное, причем его первое значение принадлежит опять-таки сфере не социальных отношений, но сельского хозяйства: «*элита* – 1) '**лучшие, отборные** экземпляры, сорта каких-либо растений, животных, получаемые путем селекции для выведения новых сортов'; 2) '**лучшие** представители общества или какой-л. его части'» [МАС₂ IV 1984: 758]. По-видимому, в такой композиции словарной статьи отразились и реалии советского общества: при официальном равенстве всех его граждан вряд ли целесообразным было бы акцентировать социально окрашенный компонент семантики слова.

Тем более, что сам термин *элита* небезосновательно рассматривался как атрибут буржуазной – а следовательно, враждебной – модели мироустройства. Советский энциклопедический словарь, оставляя «сельскохозяйственное» значение слова лишь на второй позиции, на первую выносит то, которое детализируется в следующей по порядку статье: «*элиты теории* – 'концепции, утверждающие необходимость деления общества на высшие привилегированные слои – элиту, и остальную массу людей'». Здесь же рассказывается о разных модификациях этих концепций, различающихся как по признакам выделения элиты (политическим, технологическим, социально-иерархическим), так и по направленности: «от открыто антидемократических до буржуазно-либеральных», причем все они «скрывают подлинную природу классов и социальных антагонизмов в эксплуататорском обществе, направлены против

марксистского учения о классах и классовой борьбе» [СЭС 1983: 1540–1541]. Ср.: «*элита* (фр. Elite – лучшее, отборное) – ‘в буржуазной социологии термин “Э.” часто употребляется для обозначения классового неравенства («избранный» слой общества, «избранный» круг людей)’» [КПС 1983: 360].

Однако в дальнейшем – в лексикографических изданиях послесоветского времени – на первое место выдвигается именно социально окрашенная дефиниция. Ср.: «*элита* – ‘собр. 1. **Лучшие** представители общества или какой-н. его части’. Интеллектуальная э. Творческая э. Научная э. Политическая э. 2. ‘Привилегированная группа лиц, верхушка’. Номенклатурная э. Региональная э. Борьба мафиозных элит. 3. ‘**Лучшие**, отборные растения, семена или животные, наиболее пригодные для разведения (спец.)’ // прил. *элитарный* (к 1 знач.) и *элитный* (ко 2 и 3 знач.). Элитарное кино, элитарные книги (для сравнительно узкого круга интеллектуалов, не для массового зрителя). Элитарные войска (лучшие, отборные, напр. гвардия). Элитный дачный поселок. Элитные сорта пшеницы. Элитное овцеводство» [РТС 1998: 811]. – «*Элита* [< фр. Elite лучшее, отборное < elire выбирать, отбирать] 1) в социологии и политологии – ‘**высший** слой (или слой) социальной структуры общества, осуществляющий важные общественные и культурные функции; наиболее видные представители какой-либо части общества’; 2) ‘класс **передовой** техники, технологии, оборудования, определяющий развитие производства и связанных с ним хозяйственных отношений’; 3) ‘**лучшие**, отборные семена, растения или животные, полученные в результате селекции для дальнейшего размножения или разведения’; 4) ‘в некоторых армиях – **отборные** войска’» [СИС 2000:

742–743]. «*Элита* (от фр. Elite – лучшее, отборное) – 1) `наиболее видные, лучшие представители какой-л. части общества, слоя, группировки и т. п.`; *экономическая, правящая э.* – `узкий круг людей, владеющих всей полнотой полит. (гос.) власти; как правило, по мере завершения определ. социального цикла происходит смена самих э.` // прил. *элит[ар]ный*; 2) `**лучшие**, отборные семена растений или животные, по своим качествам наиболее пригодные для разведения, воспроизводства, а также получаемые с помощью селекции` // прил. *элитный*, элитные части» [Макаренко 2002: 510].

Некоторое исключение из этого ряда – здесь ранжированность значений аналогична представленной в советских словарях: «*элита* собир. 1) `**лучшие**, отборные экземпляры, сорта каких-н. растений, животных, получаемые путем селекции для выведения новых сортов`. Элита ржи, элита пшеницы, элита картофеля...; 2) *полит.* `**лучшие** представители общества или какой-л. его части`. Элита рабочего класса; спортивная элита, теннисная элита, музыкальная элита, юная элита легкоатлетического спорта Украины, политическая элита, деловая элита... // *Правящая верхушка, монополистические круги.* – Белая элита, политическая элита, правящая элита» [ТС 2002: 741–742].

В перестроечно-реформаторский период и соответствующие терминологические словари предлагают уже совершенно иначе акцентированные дефиниции, например: «*элита политическая* (от лат. eligere; франц. elite лучшее, отборное, избранное) – `составляющая **меньшинство общества** внутренне дифференцированная, неоднородная, но **относительно интегрированная** группа лиц (или совокупность групп),

в большей или меньшей степени обладающих качествами лидерства и подготовленных к выполнению управленческих функций, занимающие руководящие позиции в общественных институтах и/или непосредственно влияющих на принятие властных решений в обществе. Это **относительно привилегированная**, политически господствующая группа, **претендующая на представительство народа** и в демократическом обществе **в большей или меньшей степени подконтрольная массам и относительно открытая для** вхождения в ее состав **любых граждан, обладающих необходимой квалификацией и активностью**» [Пугачёв 1996: 254]. В данной дефиниции обращает на себя внимание обилие сдержанных и осторожных, «щадящих» формулировок (ср. выделенные нами слова: «относительно», «в большей или меньшей степени» – а что если *элита* «обладает качествами лидерства и подготовлена к выполнению управленческих функций» в минимальнейшей степени?). Настораживает также, что, претендуя на представительство народа, она подконтрольна массам тоже «в большей или меньшей степени». Правда, граждане демократического общества из числа «масс» могут утешаться тем, что *элита* «относительно открыта» для того, чтобы войти в ее состав – однако при условии «**необходимой** квалификации и активности» (но уже не «в большей или меньшей степени»!). В то же время цитируемая словарная статья, как и ряд других источников, несомненно манифестирует смену социальных и политических парадигм.

Ср. также развернутую, авторитетную и, как всегда, политически тщательно взвешенную дефиницию,

предложенную и тут же прокомментированную президентом Торгово-промышленной палаты России Е. Примаковым: «И что такое *элита*? Если [!] *элита* представляет самую просвещенную, образованную и дееспособную часть общества, умеющую накапливать опыт, способную учиться на своих ошибках и т. д., такая *элита* действительно **могла бы** править страной.

Но если в окружении лидеров государства группируются люди, которые начинают натравливать одного на другого, такая *элита* и такая модель руководства к добру не приводит. К сожалению, у нас почти все, кто работает наверху, за исключением самых главных – они-то как раз, к счастью, не такие, но преобладающее большинство из их окружения работает на личность, а не на государство» [Просвещенная элита // РГ-Неделя. № 50. 11.03.10. С. 8].

А вот ректор Санкт-Петербургского госуниверситета Н. Кропачев говорит: «Искренне не понимаю, что значит "*элита общества*". Уверен, если кто-то относит себя к *элите*, во власти ему делать нечего» [Желание – защищать // РГ-Неделя. № 4. 13.01.11. С. 8].

Вовремя перестроившиеся российские обществоведы провозглашают объективную необходимость существования *элиты* – как правило, в первую очередь политической: «Политическая *элита* – неотъемлемый компонент любого государства. Существование *элит* обусловлено, прежде всего, психологическим и социальным неравенством людей, их неодинаковыми способностями, возможностями и желаниями участвовать в политике» [Чудинова 2003: 87]. Впрочем, далее тот же автор, по существу, нивелирует различия между так тщательно иногда

дифференцируемыми *элитами* – политической и «предпринимательской»: «В России до сих пор нет закона, запрещающего представителям властных структур заниматься коммерческой деятельностью, что также негативно сказывается на продуктивности решения социально значимых проблем в интересах всего общества и ведет к коммерциализации самой правящей *элиты*» [Чудинова 2003: 88] – правда, почему-то не высказывается даже робких предположений о причинах отсутствия столь необходимого закона: может быть, упомянутые «властные структуры» (т. е. *элита*) вовсе не так уж и заинтересованы в его принятии? И ведь действительно: «Закон всегда морален. Иначе это плохой закон» (В. Путин) [Прямая линия. 1 канал. 25.10.06].

Иногда *элиту* и в текстах СМИ подразделяют на группы, обычно в зависимости от их преобладающих интересов, сферы основной занятости, – т. е. в зависимости от самого источника «элитарности»: «Те, кто составляет высший эшелон власти, скажем так, *элиту* края» (А. Копытов, президент краевой PR-ассоциации) [7 канал. 26.01.07]. «Российские чиновники и бизнес-*элита* на четвертом экономическом форуме в Красноярске выясняли, на чем сегодня делать деньги» [Новости. 7 канал. 16.02.07] (тем более, что «сегодня финансовые ресурсы [России] настолько велики, что **не помещаются в нашей стране**» [Парламентский час. РТР. 17.09.06]; вероятно, поэтому, «по данным министерства юстиции Швейцарии, россияне хранят в швейцарских банках более 25 млрд долларов» [24. Ren-TV. 25.11.08]).

Впрочем, общность устремлений этих групп делает дальнейшую дифференциацию не столь уж обязательной: «[Задача МИД России] прежде всего

помогать нашей бизнес-элите осваивать зарубежные рынки» [Вести. РТР. 12.07.02]. – «Верхушка списка российской элиты [по рейтингу газеты «Коммерсантъ»] осталась неизменной... Владимиру Путину-2006 удалось обогнать самого же себя на 5 %, только за 2005 г. ...Топ – 60 самых богатых бизнесменов России» [Вести. РТР. 10.02.07]. – «Элита российского общества развлекается в Куршавеле» [24. Рен-TV. 09.02.07] и т. п.

Любопытно, что (как это уже не раз случилось в истории) предпринимаются попытки классифицировать людей – пока еще, кажется, без необратимых последствий – по идеологическим (и, в соответствии с этим, почти классовым) основаниям: «В обществе возрастает роль ценностей западноевропейского типа – работы, успеха, карьеры, богатства, прибыли. Прививается приверженность к индивидуальной собственности... В подходе к новым ценностям людей с личностным статусом можно разбить на несколько групп. Следующая за новой идеологией, примыкающая к ней часть общества – это тип **активных личностей**, логично мыслящих, обладающих высоким интеллектуальным статусом, с постоянным стремлением адаптироваться к изменениям в обществе^[74]. Переоценка

⁷⁴ Ср.: «Вы, надеюсь, не будете спорить с тем, что, чем человек хитрее и бессовестнее, тем легче ему живется? <...> А легче ему живется именно потому, что он быстрее приспосабливается к переменам... Существует такой уровень бессовестной хитрости... на котором человек предугадывает перемены еще до того, как они произошли, и благодаря этому приспосабливается к ним значительно быстрее всех прочих. Больше того, самые изощренные подлецы приспосабливаются к ним еще до того, как эти перемены происходят... Все перемены в мире происходят исключительно благодаря этой группе наиболее изощренных подлецов. ...На самом деле они вовсе не предугадывают будущее, а формируют его, переползая туда, откуда, по их мнению, будет дуть ветер. После этого ветру не остается ничего другого, кроме как действительно подуть из этого места... Неужели вы думаете, что они не сумеют убедить всех остальных, что

концептов в сознании активистов... носит направленный характер: происходит актуализация признаков, не свойственных [!] национальному мировосприятию: гедонистическое отношение к обеспеченной жизни... редукция идеологического компонента в структуре концепта [деньги]; формирование достижительных мотиваций делового успеха; ...деньги – мерило полезных дел; ...деньги – синоним счастья; ...деньги – эквивалент духовных ценностей, здоровья» [Вепрева 2002: 323; 325–326]. Очевидно, это и есть та самая *элита* (хотя, например, по поводу богатейшего красноярца Б. Абрамовича местный раввин Б. Вагнер заявил: «Ихнее богатство – это прежде всего богатство духовное» [Новости. Афонтово. 08.02.05]).

Влияние такой аксиологической модели, поощряемое «элитой» через принадлежащие ей СМИ, распространилось на социум очень быстро: «...На долгие годы [после прихода к власти в какой-либо стране «местного воря»] эталоном для программирования подрастающего поколения в силу существующей инерции и самообучения станет ориентация на уголовные ценности» [Расторгуев 2003: 374]. Таким образом, прогнозы на будущее российского общества, в котором уже сегодня (по официальным данным на 2007 г.) миллионы одних только беспризорных детей, а 2 млн детей не посещают школу [1 канал. 02.02.06], вряд ли могут быть оптимистическими. Ср. также хотя бы единичные примеры утверждения «новых ценностей»: «“Кама сутра” отдыхает! Два брата, много горячих девчонок – и **никакого стыда!** – Смотрите комедию **без комплексов** “Длинный уикэнд”» [СТС. 01.02.06]. «В

Ростовской области два брата – двадцати и двадцати трех лет – убили своих родителей, которые **заставляли их учиться и не разрешали гулять по ночам**» [ЧП. НТВ. 06.02.06]. Небезынтересны рецепты выхода из сложившейся ситуации: «Специалисты уверены, что скоро и в Красноярске появится ювенальный суд, а значит [!], малолетних преступников в нашем городе станет меньше» [Новости. Прима-ТВ. 19.10.06].

Даже отечественные прозелиты «идейно вредных» ранее теорий вынуждены признать (пусть с оговорками), что какие бы то ни было высокие, общественно полезные ценности у российской политической элиты попросту отсутствуют: она «менее нравственна, чем советская», но, оказывается, не вся в целом: «Ее нравственный авторитет [!] существенно подрывают работники с так называемой двойной моралью. Это – откровенные [!] приспособленцы, которые создают видимость заботы о нуждах народа, а на деле за всем этим стоят карьеризм и политические интриги» [Чудинова 2003: 89] (напомним, что еще в конце XIX в. Л. А. Тихомиров сформулировал следующую характеристику типичного представителя политической элиты демократического образца: «Современных политиканов – просто презирают повсюду, где демократический строй сколько-нибудь укрепился. Это презрение отчасти происходит от невысокого умственного и нравственного уровня политиканов. Действительно, политическая деятельность либерально-демократического строя не требует людей умных, честных, независимых; напротив, эти качества скорее подрывают карьеру политикана. Для него нужна практическая ловкость дельца, беззастенчивость, безразборность в средствах» (цит. по [Расторгуев 2003: 379])).

По-видимому, сегодня дело не только в последнем: «...Отличительной чертой российской *элитной* организации является высокая степень “приватизации” институтов государства коммерческими структурами... Слияние власти и собственности и дает основание определить сложившуюся политическую систему как *олигархическую*... Источником политического влияния сегодня является собственность» [Гаман-Голутвина 1998: 47–48].

То же произошло и в других бывших братских республиках; так, на Украине «условием богатства стало вхождение в неформальную группу, обладающую доступом к общественным ресурсам. В нашем обществе прежде всего приватизировались два ресурса – власть и материальные ценности. Подчиненную роль играла информация, символические ценности... Основным действием, совершаемым этим социальным слоем [обуржуазившейся партийно-советской номенклатурой], является взаимная конвертация собственности и власти» [Кононов 2001: 96].

Поэтому вполне закономерно, что российская *элита* складывается частью непосредственно из крупнейших собственников, частью – из уполномоченных ими представителей (многие из которых тем или иным образом также оказываются весьма небедными собственниками: «Бывший глава АвтоВАЗа Владимир Артяков занял кресло губернатора Самарской области... бизнес приходит [!] в политику» [Новости. 1 канал. 28.08.07]). Причем эти же имущественные отношения распространяются и на власть: «Правящая *элита* относится к ней [власти] как к собственной вотчине, а права и обязанности ею (“*элитой*”) “даруются”» [Давлетшина 2001: 19]. Поэтому неудивительны

по-своему замечательные заявления вроде: «Я обязуюсь держать зонтик власти над такими людьми, как вы!» (А. Усс, председатель Законодательного собрания Красноярского края – Е. Кузнецовой, президенту ОАО «Пикра») [Новости. ТВК. 06.06.02]. «За исход выборов единороссы не беспокоятся... В рядах партии – *элита*» [Обозрение-7. 7 канал. 07.02.03]. «А я на классовую ненависть плевать хотел!» (К. Ремчуков, владелец и главный редактор «Независимой газеты») [Неделя. Ren-TV. 17.02.07] и т. п.

Заметим, что чрезвычайно важным («знаковым») социокультурным феноменом стала смена официального вокатива: вместо советского *товарищ* из запасников лексикона *элитой* в качестве обращения (естественно, к себе подобным как наиболее достойным) извлекается *господин*.

Неоднократно отмечалось, что истоки благополучия сегодняшней российской *элиты* во многих случаях несколько сомнительны: «Формирование нынешней *элиты* шло по незабвенному чичиковскому принципу: "Зацепил, поволок, сорвалось – не спрашивай..."» [Поляков 2005: 58] (ср.: «У каждого новоявленного богача имеется тайна: как он раздобыл первые десять тысяч» [Во 1974: 355]).

Вероятно, некоторые исторические события действительно имеют тенденцию к повторению – конечно, не абсолютному, но всё же заметному. Так, во Франции после 9 термидора «республика свободы, равенства, братства... оказалась жестоким миром низменных страстей, волчьей грызни из-за дележа добычи, республикой чистогана, спекуляции, хищнического, беспощадного эгоизма, создающего

богатство на крови и поте других. Беспрецедентная нужда воцарилась в плебейских кварталах... Почетно только богатство. ...Деньги, дворцы, особняки, земля, собственность – вот вечные ценности, заслуживающие поклонения! Пир во время чумы» [Манфред 1986: 82–84] – Ср.: «Престиж – это деньги... <...> Здесь [на Рублёвском шоссе] живут люди, у которых много денег» (А. Добровинский) [Афонтово. 27.02.07]. Можно считать многократно подтвержденным опытом разных стран в периоды социальных катаклизмов: «Если рухнул привычный уклад жизни, началось смятение, то десять шансов против одного, что к столу яств прорвутся хитрые, жадные, бессовестные» [Ниринг 1966: 73].

Феномен молниеносного обогащения российских предпринимателей (и не только их) в определенном смысле оригинален – в отношении как его источников, так и результатов: «Мировая практика... показывает, что стремление к сверхкомпенсации индивидуальных усилий, к максимальной прибыли при минимальных затратах, что роднит большинство современных российских бизнесменов, не имеет практически ничего специфически предпринимательского и по-настоящему капиталистического. Мировая экономическая мысль определяет подобного рода средства [обогащения] как "авантюрный капитал, создаваемый на основе действий, противоречащих практике мирового и национального коммерческого права"» [Салохин 1994: 111]. – «Продолжает душить страну и произошедшая в ней «криминальная революция». По оценкам западных экономистов, доля национального дохода, которая была разворована в первые 2–3 года перехода к рынку, составляла 75–80 %» [Ковалёв 2001: 262].

Полагают, что «сращивание нынешней демократической *элиты* с преступным миром... организует сама власть... В 1994 г. членом Комиссии по правам человека был назначен Владимир Податев, трижды судимый (кража, вооруженный грабеж, изнасилование), "вор в законе" по кличке "Пудель". Ведь его не неграмотные крестьяне Елецкого уезда избирали, его кандидатуру подбирали и проверяли в Управлении кадров Администрации Президента» [Кара-Мурза 2002: 645]. Ср.: «По фальшивым авизовкам "чеченской мафией" получены в российских банках астрономические миллиарды и триллионы. <...> Любой банк, прежде чем выдать или перевести от себя десять миллионов долларов – раз сорок проверит... – ан нет, давали деньги без звука... Значит, имели основание и свой интерес... Было открыто хоть одно уголовное дело? Нет... Никто не наказан... Значит, дело было согласовано с самым верхом. Значит, российская верхушка имела свой интерес, чтоб было так. Какой интерес? Деньги – раз, политические цели – два» [Веллер 1997: 71–72].

По мнению того же автора, при практическом осуществлении реформ «преступник и представитель государства соединились в одном лице. Противостояние личности и закона исчезло. Личность обнялась с законом и пошла косить капусту. Мошенник рискует только тем, что его пристрелит другой мошенник. Поэтому сегодня плохо с юмором» [Веллер 2003: 412].

Впрочем, именно новейшие эвфемистические изыски звучат довольно юмористически, ср.: «Судя по данным Счетной Палаты, то, что происходило с начала "эпохи перемен", т. е. с 1992 г. [в сфере операций с землей], было **не совсем законным**» (следует особо отметить своеобразное юридическое изящество

последней формулировки) [Вести. РТР. 11.06.07]. «**Не совсем честным на руку** банкирам [сумма процентов по ссуде превышала сумму самого кредита] пришлось доказывать свою правоту» [Утро России. РТР. 07.09.07] (кстати, здесь имеет место и речевая ошибка: искажен фразеологический оборот «*нечист на руку* – `склонен к воровству, мошенничеству; плутоват, вороват'» [Фразеологический словарь 1987: 279]); о некоторых результатах расследования по делу С. Мавроди, одного из самых успешных российских предпринимателей («МММ»), говорится деликатно: «Награбленные (**извините за грубое слово**) ценности будут возвращаться...» [генпрокурор РФ В. Устинов. Зеркало. РТР. 08.02.03] и т. п.

Оказывается, что и в Красноярском крае имеется «достаточно богатая история промышленных захватов» – т. н. *рейдерства*, т. е. «недружественного поглощения предприятий». Комментарий депутата краевого Заксобрания В. Сергиенко: «...Организатор первого в крае классического рейдерского захвата, менеджер компании “Альфа-Эко” Глеб Фетисов, в свое время поглотивший Ачинский глиноземный комбинат, сегодня – миллиардер и член Совета Федерации» [Хохлов 2008: 2].

В этом отношении чиновники вовсе не отстают от «народных избранников». Совсем недавний пример: «На днях РТР передало сюжет о сбежавшем в Америку бывшем министре финансов правительства Московской области А. Кузнецове, который купил несколько крупных объектов недвижимости в Нью-Йорке, Лондоне и Куршавеле, не говоря уже о самой России. ...Следственным комитетом прокуратуры расследуется дело в отношении самого министра и его подчиненных, которым вменяются в вину присвоение на сумму более

чем 3 млрд рублей... "Руспрес": "Одними из первых на заре экономического кризиса в августе 2008 г. покинули страну основатель компании "РИГрупп" Жанна Буллок и ее супруг, А. Кузнецов. ...Портфель [«РИГрупп»] состоял из 60 строительных проектов общей площадью более 2 млн кв. м, а стоимость активов эксперты оценивали в 4 млрд долларов"... Приводятся фамилии подобных Кузнецову "экономических беженцев"», скрывающихся за границей от неповоротливого российского правосудия – Мещеряков, Чигиринский, Браудер, Исмаилов, Чичваркин, Шифрин...» [Трофимов 2009: 5].

Роль криминалитета в формировании и процветании российской *элиты*, как считают многие авторы, изначально весьма высока; например: «Проведенные недавно социологические исследования снабдили нас данными об уровне образования, профессионализма, социальном происхождении "*новых русских*". Значительное число из них составили лица, не закончившие курс вуза или техникума, но имеющие документ об образовании, выданный негосударственным учебным заведением. Настораживает большой процент деклассированных элементов в предпринимательстве» [Салохин 1994: 112]. – «Избитая фраза: криминал идет во власть, – давно превратилась в общее место... Никто уже, кажется, всерьез и не задумывается над ее смыслом. Отношение к "походу криминала во власть" сложилось в обществе почти философское. Примерно такое, как к плохой погоде. Слова "идет криминал" произносились почти так же, как "идет дождь"» [Константинов 2003: 422]. Таким образом, можно считать, что пропагандистскими усилиями *элиты* (вспомним, например, о постоянной демонстрации телесериалов криминальной тематики, утверждающих

приоритетные ценности новых хозяев жизни – или хозяев новой жизни) достигнуто, пожалуй, главное: высокая терпимость (искомая «толерантность») общества к любым путям обретения материального благополучия и соответствующего социального статуса – хотя, наверное, почти нет правил без исключений. Ср. об аналогичных процессах на Украине: «В начале 90-х гг. [на Украине] начали конкурировать между собой два типа неформальных групп – чиновники и криминалитет. Победили первые, так как использовали сразу два общественных ресурса – государственную власть и материальные ценности» [Кононов 2001: 96].

«Конечно, понятно стремление “новых русских” окрестить себя *элитой, истеблишментом* и прочим чудным именем, поскольку и сами делишки таковы, что, названные русским словом, отзовутся в сердце прокурора» [Колесов 1999: 153]. Констатируется – как общеизвестный факт, – что «воры сейчас числятся вице-президентами банков, владельцами фирм... Идет третья воровская война» [Воры в законе. Rep-TV. 22.01.07]. Понятно, что и в этом ничего исторически нового нет; ср. слова героя «Трехгрошовой оперы», гангстера Макхита по кличке Мэки-Нож: «Я собираюсь целиком переключиться на банкирскую деятельность... Быть банкиром безопаснее и прибыльнее... Что такое “фомка” по сравнению с акцией? Что такое налет на банк по сравнению с основанием банка? Что такое убийство человека по сравнению с использованием его в своих интересах?» [Брехт 1987: 58, 93]. – Ср. комментарий К. Андросова, замминистра Минэкономразвития, по поводу биатлонных соревнований, прошедших в завершение IV экономического форума в Красноярске: «Спорт похож на бизнес: надо быстро бежать, метко стрелять и не

сдаваться» [Новости. 7 канал. 17.02.07]. – «Иммигранты из России привезли в Израиль миллиарды **пусть грязных**, но долларов... “Когда-то их называли “*русской мафией*”, теперь обвиняют в отмывании денег [говорит Х. Гольд, израильский адвокат]. Так говорят о каждом русском человеке, у которого есть деньги”... Тема вездесущей “русской мафии” [Гусинского, Березовского, Невзлина, Могилевича и др.] вновь заполонила [в связи с делом банка «Апоалим»] страницы таблоидов» [Человек и закон. ОРТ. 21.04.05].

Однако оказывается, что подобное приветствуется почему-то далеко не всеми и не везде: «...Какая-то группа гангстеров-бандитов из России (которая у себя дома величается *элитой*) кладет себе такие деньги [четырёхмиллиардный кредит МВФ на стабилизацию рубля, исчезнувший из России накануне дефолта 1998 г.] в карман за какой-то месяц. По мнению западной элиты, россиянская “*элита*” – это всего лишь циничные уголовники, богатства которых совсем не соответствуют труду, который они потратили на добывание этих миллиардов» [Калашников 2003: 297]. Поэтому несколько преждевременны заявления вроде: «Можно говорить, что Россия является частью мирового бизнес-сообщества» (М. Фридман, глава «Альфа-груп») [Вести. РТР. 12.02.03] (комментарий корреспондента: «Загадочная *русская* душа перестала быть потемками для западного инвестора») [там же] (не следует, однако, забывать и о том, что «быстрое обогащение... было возможным прежде всего за счет подключения к структурам глобального капитализма» [Кононов 2001: 96])).

Впрочем, в российском официозе присутствует теперь некоторая амбивалентность оценок героев нашего времени. Вот что пишет автор статьи «Киевский

“Мориарти”»: «Кто он [Семен Юдкович Могилевич, украинско-израильско-венгерско-российский предприниматель]? Один из самых разыскиваемых преступников мира или обычный бизнесмен переходного периода?» «Рэкет, мошенничество, отмывание денег – вот краткая выдержка из списка в 45 обвинений, которые заочно предъявили Могилевичу в США в 2003 г. и за которые по американским законам Могилевичу грозит до 390 лет тюрьмы и 17 млн долларов штрафа. Возможна и политическая [!] подоплека дела: Минюст США крайне заинтересован в том, чтобы найти связь между “неуловимым авторитетом” Могилевичем и газовым трейдером Rosukrenergo... ..Бессмысленно спрашивать, по какому праву американская Фемида расследует деятельность совместной межгосударственной компании России и Украины» [Артемьев 2008: 9].

Напомним неоднозначную оценку, которую дал литературному герою, упомянутому в заголовке цитируемой статьи, его антагонист: «Вы, я думаю, ничего не слышали о профессоре Мориарти?... Гениально и непостижимо. Человек опутал своими сетями весь Лондон, и никто даже не слышал о нем. Это и поднимает его на недостижимую высоту в уголовном мире... Он – Наполеон преступного мира... Это гений, философ, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум... **Ужас и негодование**, которые внушали мне его преступления, почти **уступили место восхищению** перед его мастерством» [Конан Дойл 1980: 215–217].

Но российская *элита* вряд ли принимает всерьез чье-то недоброжелательство; у нее есть (как, впрочем, и у ряда других сообществ) по крайней мере одно признанное достоинство – сплоченность: «при отборе в политическую элиту [России] приоритет отдается личной

преданности, а не профессионализму – основному качеству элиты» [Чудинова 2003: 88]. Неслучайны ведь следующая лексикографическая дефиниция и иллюстрации к ней: «*Семья* – публ. неодобр. 'о ближайшем окружении Б. Н. Ельцина, сформировавшемся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления (1991–1999)'. "Именно "семья" ставит на ключевые должности в Правительстве своих людей". Новости Петербурга, 1999, № 22. "Павел Павлович Бородин командует громадной структурой, носящей название Управление делами президента. Уже давно в прессе гуляет цифра, брошенная самим Пал Палычем: собственность тянет на 600 миллиардов долларов. Разумеется, это не личное состояние Бородина, а свидетельство могущества Семьи". Версия, 01.06.99–07.06.99. "Если главы силовых ведомств Путин и Степашин знали, что готовится в Дагестане, и молчали, то они могли молчать только по приказу. Приказать им могла только "семья"". МК, 21.09.99. "Получится у правых солидно сесть в правительстве или нет, всё равно – попортить кровь остаткам ельцинской семьи, продолжающей жить вокруг Путина, они намерены всерьез". Профиль, 2000, № 12» – данная словарная статья сопровождается справкой: «На Сицилии "семьей" называют мафию» [ТССРЯ 2001: 715].

А вот развитие ассоциативной цепочки, индуцируемой последним словом: «Каждый **клан** обычно выстраивается по горизонтали: его составляют люди примерно одного возраста, часто не столько родственники и друзья (как в других странах), сколько однокашники, выпускники одного факультета... Сейчас, например, в российском бизнесе и политической элите

действуют "рука об руку" три-четыре выпуска престижных факультетов – экономистов и юристов из Петербурга... Систему **клановой** спаянности практически невозможно прервать... **Общество**, где не работают законы и правосудие, несмотря ни на что **должно чем-то скрепляться** [ср.: «Страна почти десятилетие жила не по законам, а по понятиям» [Рен-TV. 27.02.00] – А. В.]). В этом можно даже усмотреть *стабилизирующую роль кланов*. Ведь если нельзя поддерживать порядок на основе закона, то его можно организовать на основе морального фактора – личного доверия, личных отношений, которые сочетаются с профессиональными... На этой основе и выстраивается **клан**» [Сергеева 2004: 165–166]. – «*Клан – соц. 'замкнутая, тесно сплоченная группа людей (часто одной национальности, профессиональной, политической и др. ориентации), отстаивающая свои интересы'*. *Мафиозные кланы. Олигархические, автократические кланы. Политические кланы*» [ТССРЯ 2001: 341]. Такие группы становятся прочной основой и для плодотворного международного сотрудничества. По компетентному мнению руководителя администрации президента РФ С. Нарышкина, «у нас есть все основания стремиться к тому, чтобы сотрудничество с нашими партнерами, входящими в Содружество Независимых Государств, становилось еще крепче. Этому способствуют и широкие кооперационные связи, и общая история, а главное, **человеческие контакты**, – в том числе **тысячи семейных связей**» (С. Нарышкин, руководитель администрации президента РФ) [Чиновнику предписана честность // РГ-Неделя. № 16. 27.01.11. С. 9].

По не вполне понятным причинам об очевидной роли внутрисемейных, сугубо родственных отношений в формировании *элиты* и ее кланов (в том числе – и на

уровне правительства) говорится довольно редко. Иногда, правда, упоминается, что министры Икс состоят в законном браке, а министр Игрек является зятем вице-преьера Зет, и что некоторые исключительно успешные предпринимательницы по стечению обстоятельств («браки совершаются на небесах») – законные супруги высоких должностных лиц, вполне законно зарабатывающие в десятки и сотни раз больше своих мужей^[75], а их замечательно талантливые дети с завидной скоростью делают служебную карьеру и/или преуспевают в бизнесе, и т. п.^[76] Понятен сарказм британского журналиста: «“России нужно больше успешных и молодых предпринимателей, поэтому губернаторы должны рожать больше детей!”... В России эта шутка самоочевидна:... путей к профессиональному успеху и росту становится всё меньше, а отпрыски высокопоставленных провинциальных чиновников и им подобных руководителей преуспевают...» [Кловер 2011: 3].

Зарождение традиции генетической передачи одаренности хронологически приурочивают, например, к

⁷⁵ Об этом подробно сообщает российское правительственное издание; см.: Царев И. Дорогая моя // РГ-Неделя. № 102. 13.05.10. С. 11; Елков И. Семейные ценности // РГ-Неделя. № 108. 20.05.10. С. 4; Елисеев И. Добра палата // РГ-неделя. № 108. 20.05.10. С. 5; Дорогие жены // РГ-Неделя. № 114. 27.05.10. С. 11. Ср.: «...Всего год был дан, чтобы подготовиться к подаче деклараций [о доходах], и как-то получилось, что за этот год жёны почти всех чиновников стали очень талантливыми» [В чем сила, брат? // РГ-Неделя. № 118. 02.06.11] (интервью Н. Левичева, руководителя фракции «Справедливая Россия» в Госдуме).

⁷⁶ Хотя некоторые «богатые и знаменитые» снисходят до признания своей исключительной даровитости и работоспособности. Например: «[К. Собчак:] Я всю свою карьеру делала сама. Большим трудом. Никто не помогал. Никакая мама. Ни у кого я не просила» [Не хочу быть дипломатом // РГ-Неделя. № 108. 20.05.10. С. 26]. Наверное, так и есть...

70-м гг. XX в. [Сергеева 2004: 165], хотя, наверное, кастовое расслоение социума исторически имеет гораздо более древнее происхождение и присуще не только России. Можно согласиться с мнением о том, что эти явления наиболее заметны на примере т. н. «культурной среды»: «в кино, в театре, в живописи и литературе, на телевидении, на престижных кафедрах университетов, в журналистике... Повсюду, где есть творческие профессии, существует узкий круг "избранных"... Эта... *круговая порука* среди "своих" порождает аномалии [почти совершенно уже ставшие нормой. – А. В.]: безголосые дети певцов становятся певцами, дети популярных актеров – посредственными режиссерами, дети университетских преподавателей обязательно начинают работать вместе с родителями, а дети дипломатов – непременно в МИДе и т. д.» [там же]. Конечно, таким образом формируются не только социокультурный ландшафт общества и его политические реалии. *Элита*, искренне заинтересованная лишь в сохранении **своего** статуса и приросте собственного материального благосостояния, вовсе не склонна к вредным для себя инновациям либо к расширению круга «избранных». Поэтому «одну из драм нашего общества» видят в том, что «нет новых политиков на сцене, но есть политический аншлаг, мы знаем политиков наперечет, они давно утратили авторитет в обществе. А других нет, и не только политиков, но и предпосылок для их появления...» [Богданов 2007: 3]; в результате – «нет программ, нет идей, нет проектов» [там же]. Поэтому же прогнозировать ход и итоги некоторых время от времени иницилируемых самой же *элитой* кампаний (вроде антикоррупционной) можно довольно безошибочно. Так,

на вопрос, заданный депутатом В. Илюхиным при обсуждении в Госдуме борьбы с коррупцией: «Почему так много родственников в органах прокуратуры?» – последовал ответ генпрокурора Ю. Чайки: «А разве это плохо? Семейные традиции...» и т. п. [24. Ren-TV. 08.10.09].

Кроме того (и это, может быть, еще более значимый – «резонансный» – эффект социальной клановости/кастовости), такое положение дел слишком хорошо осознаётся подрастающим поколением, для которого не остается тайной, что «в любой клан можно проникнуть только через “своих” – родственников, друзей или однокашников, доказав свою верность и озабоченность общими интересами клана» и что «такая система формирования кланов действует во всех сферах российской жизни... Как будто иных человеческих ресурсов не существует» [Сергеева 2004: 165]. Ср. данные недавних исследований в этой области: «Всё больше молодых людей начинают понимать, что не всегда лучший по интеллектуальным, профессиональным, творческим и др. характеристикам человек выигрывает: зачастую его обходят заурядные индивиды, имеющие продвинутых родственников или знакомых. Границы *элитных* социальных групп становятся всё более труднопреодолимыми...» [Максимов 2006: 211]. Повсеместное торжество дилетантов, некомпетентных управленцев («топ-менеджеров») и нуворишей с криминальной подноготной предопределяет соответствующие выводы «юношей, обдумывающих житье»: «большинство молодых людей, получая информацию о том, какими способами добывается богатство, не тешат себя иллюзиями о необходимости таланта и высокого профессионализма; наблюдается

постепенное снижение престижа профессионализма и значимости таланта (молодежь видит, что умные люди не в цене)» [Максимов 2006: 212] (ср.: «Вот удивительная вещь наша жизнь. О той или иной фигуре, казалось бы, все знают: “вор”, “клятвопреступник”, “казнокрад”, но он по-прежнему везде принимается, телевизионщики такого человека с удовольствием показывают. Как бы даже это воровство ставя ему в заслугу. Дескать, вором человека должен признать только суд. Это западная модель, которая не очень-то подходит России. Это лукавая нерусская модель: “Не пойман – не вор!”» [Есин 2002: 346]).

Популяризация *элиты* как таковой, ее образа жизни и сопутствующих ритуалов и аксессуаров, приводит к «парадоксальной ситуации»: статус *элиты* становится соблазнительным эталоном для многих, особенно – молодых людей, которые при этом довольно отчетливо понимают практическую неосуществимость своих притязаний на нечто подобное. Не только вероятными, но вполне реальными последствиями такого несовпадения стремлений и возможностей личности становятся ее сравнительно скорая деградация и криминализация. Впрочем, официальные российские издания, кажется, придерживаются иной точки зрения («элитарной?»): «**Современная мораль по-прежнему** [алогизм: «современная» – «по-прежнему» – А. В.] не предусматривает представления о честной бедности. В *успешных кругах* торжествует западная, протестантская [только ли? – А. В.] система ценностей: бедность – свидетельство лени, богатство – мерило ума. Пенсионеры и люди старшего работающего возраста, нисколько не смущаясь [!], относят себя к бедным. А молодежь даже этого слова избегает» [Новосёлова 2008: 14].

Здесь примечательны некоторые оценки и суждения, предопределяемые логикой журналистики правительственной газеты: оказывается, существует некая «современная мораль», присущая «успешным кругам» (т. е. российской элите), в которых доминируют вовсе не традиционные отечественные, православные ценности, а некие чужерелигиозные, инациональные установки; поэтому пожилым людям надо стыдиться признаний в собственной бедности (ее причины, во-первых, в их низкой интеллектуальной одаренности; во-вторых, в нежелании и неумении обогатиться любым путем); молодым же рекомендуется никоим образом не «лениться», как их отцы и деды, создавшие мощную промышленность, а стараться стать «умными», т. е. разбогатеть. Кроме всего прочего, такие импликации (в российских СМИ – великое множество подобных пропагандистов-просветителей) очевидно призваны разобщить корпус этносоциума по возрастному признаку. Налицо известные ориентиры: по словам Л. Д. Троцкого, «молодежь – вернейший барометр партии» [Душенко 2006: 478] и т. д...

Не надо забывать также и о том, что весьма своеобразным является вклад российской *элиты* (точнее, представителей шоу-бизнеса, наиболее финансово удачливые из которых, несомненно, и себя к *элите* относят) в развитие культуры общества^[77] и его речевой культуры. Неслучайно ведь, отвечая на вопрос корреспондента: «Когда же мы будем грамотными?», писатель М. Успенский резко, но довольно резонно заявил: «Когда у нас будет настоящая *элита*, а не это

⁷⁷ «Я этой стране принес только радость и счастье. Я горжусь этим» (Б. Моисеев) [Утро России. РТР. 09.09.08].

богатое отребье, которое само себя объявило *элитой*» [Новости. 7 канал. 08.09.05] (любопытно, между прочим, суждение выдающегося русского лингвиста о культурно-образовательном уровне тех, чьими наследниками и преемниками провозгласила себя после «перестройки», по крайней мере, значительная часть российской *элиты*, незамедлительно принявшаяся искать и обнаруживать свои аристократические корни, а заодно – и всячески рекламировать их: «Без сомнения, та петербургская, по преимуществу гвардейско-дворянская среда, которая самое себя безоговорочно именовала "*высшим обществом*", была (в эпоху десятых годов [XX в.]) глубоко невежественна в виде общего правила» [Поливанов 2001: 322]).

Справедливо замечено, что «ни перестройку Горбачёва, ни реформы Ельцина нельзя понять без учета той новой роли в хозяйстве, политике и общественной жизни, которую стал играть преступный мир. Его влияние в современной России на культуру, язык, мораль и тип человеческих отношений очень велико» [Кара-Мурза 2002: 640]. Приведем лишь некоторые примеры из области массовой культуры.

Телевизионные каналы заполнены не только криминальной хроникой, но и нескончаемыми околохудожественными сериалами, живописующими героические подвиги «бригад», «братков» и других благородных персонажей. Широко популяризируется жанр блатной песни (псевдошансона); в течение месяца телеэкран ежедневно напоминал о великом культурно-историческом событии: «Исполняется 25 лет песне Александра Розенбаума "Гоп-стоп"» [ТВ-6, октябрь 1998]; этот же шедевр исполнялся его автором в сопровождении облаченного в парадную форму хора

одного из т. н. «силовых» министерств на предновогоднем концерте 2001 г., транслировавшемся российским телевидением, а в зале находилась исключительно *элитная* публика. Не случайной, конечно, была и многократная трансляция по разным телеканалам музыкального видеоклипа дуэта «Тату» (по поводу и без повода – для рекламы! – упоминалось о сексуальных взаимоотношениях юных исполнительниц) на песню «Не верь, не бойся, не проси» – рефреном произведения была эта же фраза, являющаяся, как известно, классической блатной заповедью тюремно-лагерного бытия. А популяризуемый представитель этого замечательного жанра «Михаил Танич объединял в своем творчестве и вора, и президента» (И. Демарин, певец, композитор) [Жизнь вопреки. Михаил Танич. РТР. 25.12.08]. – «Кончилось всё плясками под примитивную музыку – русский народ, и особенно новый, молодой класс предпринимателей, очень любит блатные еврейские напевы и мелодии... Они, видимо, хороши тем, что все на один мотив и не нужно шевелить редкими извилинами души и ума, чтобы привыкать к разнообразию в музыке. Гораздо легче скакать козлом под семь-сорок и орать, подпевая гнусному голосу какого-нибудь Миши Фуфутинского:

Воруй, воруй, Россия!

Иначе пропадешь.

Воруй, воруй, Россия!

Всего не украдешь» [Сегень 1994: 246].

Понятно, что здесь налицо совпадение интересов: взаимоприятие *элиты* и деятелей культуры объясняется в первую очередь тем, что шоу-бизнес

пропагандирует фундаментальные ценности *элиты*, а она держит в услужении шоу-бизнес (наиболее выдающиеся представители которого, несомненно, считают себя не обслугой, но частью *элиты*). Ср.: «Раздватрис был доволен, что его вызвали во дворец. Он любил Трех Толстяков за то, что их любили сыновья и дочери не менее толстых богачей. Чем был богаче богач, тем больше он нравился Раздватрису. “В самом деле, – рассуждал он, – какая мне польза от бедняков? Разве они учатся танцевать? Они всегда заняты работой и никогда не имеют денег. То ли дело богатые купцы, богатые франты и дамы! У них всегда много денег, и они никогда ничего не делают”» [Олеша 1980: 590].

Распространение в повседневном речевом общении элементов уголовного жаргона тоже следует считать вполне закономерным, как и насыщенность ими текстов российских средств массовой информации: этот тип дискурса можно квалифицировать как неотъемлемый атрибут *элиты*, поскольку он достаточно адекватно воплощает ее моральные и иные ценности: *впарить, бабло, лавэ, кинуть, заказать, нахлобучить, вложиться, наварить, соскочить, откинуться, пилить (дербанить) бюджет* и т. п. Ср.: «Институт делает экспертизу [в ноябре 1998 г.] по текстам Коха и Чубайса... Слушали телефонные переговоры этих двух фигурантов современной истории, записанные на пленку. “Спецы” говорят, что тексты совсем криминальные по лексике, с большим количеством мата, речений из быта качков и бандитов. Будто переговариваются не два вице-преьера, а служащие “Коза ностры”» [Есин 2002: 146]. Впрочем, стоит заметить, что эта черта речевой культуры является, вероятно, общей для бизнесменов не только в России; по свидетельству американского

журналиста, его имущие соотечественники также общаются «на жаргоне гангстеров, присущем свободным предпринимателям в тех случаях, когда они говорят между собой без посторонних свидетелей» [Марион 1954: 68].

В результате недавних научных изысканий удалось установить, что «стилистические предпочтения в устной речи предпринимателей проявляются в области не только книжной, но и нелитературной лексики. Это выражается в отчетливом понимании всеми [?!] предпринимателями недопустимости грубых и сленговых единиц в официальном общении: "Я приехал в Москву / там общаюсь с каким-то человеком и / буду жаргоном пользоваться / там / отмыть / отключивать / он / как бы / меня сразу на уровень ниже поставит / человек потому что //». Однако реальные возможности самоцензуры в этом смысле напрямую зависят от типа речевой культуры конкретного человека. Поскольку большинство представителей данной социальной группы – носители среднелитературного типа речевой культуры, избежать употребления таких слов им не удастся. Единственное, что успевают сделать говорящие, – это попытаться заглушить, затормозить ругательство, произнести его неотчетливо, скороговоркой, сокращая до нескольких начальных звуков» [Милёхина 2007: 316]^[78].

Несколько лет назад для ста чиновников администрации Ульяновской области был устроен тест на знание русского языка (т. е. государственного языка РФ)

⁷⁸ «[К. Собчак:] Я очень люблю свою маму. И у меня очень хорошие с ней отношения... Она у меня тоже очень свободный человек, незакомплексованный. Я даже могу ей матом сказать» [Не хочу быть дипломатом // РГ-Неделя. № 108. 20.05.10. С. 27].

в объеме средней школы; для ответов на 45 вопросов отвели 40 минут; этот мини-экзамен не сдали 68 испытуемых [Новости. ТВК. 06.02.07]. По-видимому, интересный опыт так и не стали распространять повсеместно, хотя еще федеральной целевой программой «Русский язык» на 2002–2005 гг. предполагалось, что будет «внедрена методика тестового контроля за уровнем владения русским языком государственными служащими».

Стремление *элиты* к тому самовыражению, которое, вероятно, кажется ей предпочтительным, меняет и ландшафт русских исторических центров: «Есть опасения, что древнерусские храмы [во Пскове] могут окончательно потеряться на фоне *элитных* новостроек... В мемориальной зоне строят *элитные* особняки» [Вести. РТР. 21.08.05]. «Приезжать сюда [в Серафимо-Дивеевский монастырь, где вершил свой христианский подвиг Серафим Саровский] на богомолье – последний крик моды для недавно воцерковившейся российской *элиты*» (ср. более раннее суждение мецената-предпринимателя о добродетели: «Милосердие – самое православное из православных чувств. Купец, как бы [!] благодаря бога за то, что у него успешно идет бизнес, жертвовал на храм» [Доброе утро. ОРТ. 15.11.98]). Правда, есть и еще причина для посещения этой местности в Горьковской (в тексте – Нижегородской) области: здесь, в Дивеевской слободе, находятся особняки-дворцы семьи Ельцина, О. Дерипаски, по слухам – и Е. Батуриной, супруги Ю. Лужкова [24. Ren-TV. 24.08.07].^[79] Впрочем, представители *элиты* не

⁷⁹ Ср. наблюдения Г. Котошихина о современных ему нравах Московской Руси XVII в., в царствование Алексея Михайловича: «В домах своих живут они смотря по чину и общественному весу каждого, вообще же без особенных удобств.

чужды благодарности и властям земным. Например, красноярский предприниматель А. Пфаненштиль подготовил для установки бронзовый памятник Ельцину, объясняя свою благородную инициативу так: «Супер! Человек дал **нам** возможность работать и зарабатывать. Класс! Этот человек подарил нам своих преемников» [Новости. Прима-ТВ. 20.08.08].

При этом активно формируется и тиражируется сугубо положительный имидж героев «эпохи перемен»: «Если 90 % населения [России] **не олигархи**, значит, он [Цейтлин, главный персонаж пьесы] герой; в нем есть что-то особенное, он **супергерой**» (Р. Маликов, театральный режиссер) [24. Рен-ТВ. 19.01.07]; сто́ит вспомнить и созвучный упомянутому спектаклю киногоимн в честь гениальных предпринимателей «Олигарх» П. Лунгина^[80]. И здесь, конечно, тоже нет ничего абсолютно нового: «Прескучно живут честные люди! Воры же во все времена устраиваются великолепно, и все любят воров, потому что возле них всегда сытно и весело. Фуке не был гнусным скупердьяем, он был широкий, элегантный казнокрад. Он окружил себя не только лучшими любовницами Франции, но и художниками, и

Малочиновному приказному человеку нельзя построить хорошего дома: оболгут перед царем, что-де взяточник, мздоимец, казнокрад, и много хлопот наделают тому человеку, пошлют на службу, которой исполнить нельзя, инструкцию такую напишут, что ничего не поймешь, и непременно упекут под суд, а там – батоги и казенное взыскание, продажа движимого и недвижимого с публичного торга» (цит. по [Ключевский 1990, IX: 115]).

⁸⁰ Сценарист Э. Володарский: «Мне активно не нравится картина Лунгина. Причем именно своим содержанием. Какое сочувствие может быть к людям, которые обокрали всю страну? Только сейчас мы начинаем понимать, как проходила приватизация, как брались и не возвращались кредиты, как за считанные годы, чтобы не сказать месяцы, приобретались миллиардные состояния...» [Фабрика им. Володарского // РГ-неделя. № 114. 27.05.10. С. 26].

мыслителями, и писателями...» [Булгаков 1990, 4: 320]. Впрочем, кажется, не все деятели искусств стремятся обрести помощь «спонсоров»: «Не хочу быть паразитом богатых дядей; достаточно того, что богатые дяди – сами паразиты» (хореограф И. Моисеев) [Доброе утро. ОРТ. 24.12.98].

Интересно, что во время очередного кризиса не столь частыми стали реформаторские дифирамбы «эффективному собственнику», составлявшие важнейший элемент идеолого-пропагандистского обеспечения приватизации. Оказывается, например, что из-за неумелых действий предпринимателей «у российского бизнеса накопились огромные долги, которые **волей-неволей придется** выплачивать государству» (ссылка на выступление Ю. Лужкова) [24. Rep-TV. 17.02.09] – при всей двусмысленности приведенной формулировки понятно всё-таки, **кто и кому** «будет выплачивать» и **откуда** возьмет эти средства государство, уже спасшее таких же «эффективных банкиров» («российская банковская система **не нуждается более в господдержке** и способна **самостоятельно** выйти из кризиса» (1-й зампред Центробанка А. Улюкаев) [24. Rep-TV. 03.09.10]). Примечательна и корректировка законодательства, логично объясняемая тем же кризисом. Так, предполагалось, что закон о борьбе с коррупцией будет принят не ранее конца 2010 г., потому что «антикоррупционная кампания» в период кризиса «может привести к дезорганизации госаппарата» [Новости. ТВК. 16.12.08].

Ранее уже отмечалось – в связи с непомерным притоком иноязычных заимствований в русскую (или уже «российскую»?) речь, – что новые слова иностранного

происхождения вовлекаются в речевое действие и «по причине обезьяньего пристрастия самозванных “элит” к самолюбованию» [Колесов 2004: 206]. Конечно, в их поведении присутствует своеобразный нарциссизм – но есть ли для него серьезные основания?

Впрочем, время от времени (причем не часто) СМИ повествуют о щедрой благотворительности того или иного нувориша, не забывая при этом упомянуть о возрождении в России института меценатства. Однако это не меняет сути («...ежели человек, произведший в свою пользу отчуждение на сумму в несколько миллионов рублей, сделается впоследствии даже меценатом и построит мраморный палаццо, в котором сосредоточит все чудеса науки и искусства, то его всё-таки нельзя назвать искусным общественным деятелем, а следует назвать только искусным мошенником» [Салтыков-Щедрин 1953: 133]) и нисколько не прибавляет оптимизма, в том числе и по поводу будущего страны.

Ср.: «...Для определения перспектив политической *элиты* важнейшее значение имеет констатация глубокого равнодушия современной [российской] элиты к проблемам развития... *Внутриэлитные* войны происходят на фоне углубляющегося разрыва основополагающих смыслов ценностей *элит* и населения. В этом случае сочетание *внутриэлитного* противостояния и противостояния *элит* и населения является идеальной ситуацией для внешнего “вклинивания”, когда любое *внутриэлитное* противостояние может быть использовано для раздела Российской Федерации на новое содружество “независимых государств”. Это означает утрату территориальной целостности, политической и исторической субъектности России» [Гаман-Голутвина

1998: 52, 54]. – «Плата за эгоизм правящих групп может иметь для России самую высокую цену. По сути, эти группы предали свою страну, разрушив созданный за десятилетия потом и кровью научный, производственный, оборонный потенциал государства. Нынешнее ослабление позиций России на международной арене – это плата за удовлетворение эгоистических интересов российских "элит". Не будет ничего удивительного в том, что они для сохранения результатов приватизации будут и дальше проводить курс, ослабляющий Россию экономически и политически» [Ковалёв 2001: 263]. – «А к какой цели стремится наше нынешнее общественное устройство? К неравенству и несправедливости?.. Разрушая прежний строй, мы отказались не только от державных, но и от внятных гуманитарных целей государственного существования. А если нет цели, нет и ответственности за ее достижение. Потому-то наша *элита* имеет комфортную возможность жить исключительно для себя. Иногда меня посещает жестокая мысль: а не стала ли историческая будущность России тем "откатом", который наш верхний класс заплатил за то, чтобы стать имущим и правящим?..» [Поляков 2005: 278]. – «В Россиянии нет *элиты*, одержимой национальным идеалом, одним образом русского будущего, ради которого она могла бы повести за собой народ – на труд и подвиги... "*Элита* скована губительным равнодушием... Порожденная катастрофой, российская *элита* способна лишь воспроизводить ситуацию катастрофы", – сетуют авторы Серафимовского манифеста в 2003 г...» [Калашников 2003: 189, 202] – и т. п.

Приведем без комментариев лишь некоторые высказывания (а они весьма многочисленны даже в

российских телепередачах), характеризующие статус сегодняшнего российского государства: «Америке нужны стабильные партнеры, и Россия – одна из них. Первые 240 тысяч тонн российской нефти точно 4 июля доставлены в Хьюстон» [Вести. РТР. 07.07.02]. «Мы партнеры в том смысле, что Россия является ресурсной для западных стран» (Дж. Шлезинджер, советник президента США Дж. Буша, бывший директор ЦРУ США) [Однако. ОРТ. 30.01.04]. – «В разгар энергетического кризиса в США прибыл первый танкер с грузом сжиженного газа из России. “Газпром” выходит на американский рынок» [Новости. ОРТ. 02.09.05]. – «Все расходы [по программе «экологического образования»] взяла на себя японская сторона, поскольку Сибирь и Дальний Восток являются сферой интересов Японии» [Новости. 7 канал. 21.11.06]. «В Плесецке готовится к запуску корабль “Союз”; будет запущен военный спутник, спутник бундесвера – он будет следить за нашими “Тополями” [российскими боевыми ракетами]... Это не смущает заместителя начальника комплекса...: “Да, нам так и сказали... Не пустили бы мы – пустили бы другие”» [Вести недели. РТР. 17.12.06]. «Каждая пятая американская АЭС будет работать на *российском* уране» [1 канал. 07.05.08] и т. п. Можно сказать, что отчаянно смелые (по причине сверхвысокой прибыльности для кого-то из числа *элиты*) реформаторские прожекты способны превзойти по масштабам самые фантастические предположения. Например, в 2003 г. Ю. Поляков задавал себе и читателям «Литературной газеты» риторический вопрос: «Разве можно продать Великую русскую равнину и Байкал?», оговариваясь: «Впрочем, в XIX в., в пору реформ Александра Освободителя, Волгу со всеми портами и пристанями

чуть не продали в личную собственность. Имеется такой задокументированный исторический факт. Но вовремя спохватились...» [Поляков 2005: 285].

Однако в соответствии с новым (очередным) приватизационным планом, по некоторым сведениям, «в списке предназначенных к продаже стратегических компаний – 13,1 % компании “Росгосстрах” и 25 % минус одна акция судоходной компании “Совкомфлот”, а также пять пароходств – Мурманское, Волжское, Северо-Западное, Енисейское и Сахалинское. ...В списке четыре порта – Новороссийский, Мурманский, Ванино и Туапсе – и три аэропорта – Анапа, Екатеринбургский – Кольцово и новосибирский Толмачево» [Хохлов 2009: 2] (здесь же высказывается предположение о том, что «в случае приватизации пароходства государство может лишиться своего стратегического потенциала – жизненных коммуникаций»).

В свете этих высказываний примечательны как участившиеся в СМИ весной—летом 2008 г. упоминания о том, что Россия располагает – в том числе – одними из наиболее значительных в мире запасами пресной воды, так и триумфальные сообщения об исследованиях (почему-то с активным личным участием представителей власти и зарубежных специалистов) озера Байкал при помощи глубоководных аппаратов (лето 2008 г.). О будущем Байкала (и не только его) можно судить и по некоторым публикациям в «Российской газете» (напомним: ее учредителем является правительство РФ). Например: «Для России же, пока не истощились месторождения нефти и газа, появляется возможность перейти на экспорт ее другого природного богатства, каковым с середины XXI в. может стать вода» [Овчинников 2008: 13] (здесь же рекламируется этот

явно модернизационный и высокотехнологичный замысел и утверждается неизбежность его осуществления: «Среднеазиатские же республики, в перспективе и Синьцзян, охотно покупали бы у России воду, финансируя затраты на ее переброску... К 2025 г. от нехватки воды будут страдать три миллиарда человек в пятидесяти странах. И России, которая наряду с Бразилией лидирует по запасам влаги, рано или поздно придется переключиться на экспорт воды, которая в отличие от нефти и газа к тому же восполняемый природный ресурс»...). Настойчивость пропагандистов этого грандиозного бизнес-проекта не оставляет сомнений в его сравнительно скором осуществлении: той же теме была посвящена статья того же автора, использовавшего те же аргументы, в частности ссылки на положительный опыт Китая, в той же газете менее чем через год после первой публикации (см. [Овчинников 2009: 17]. Уже известны результаты экспорта российской нефти «эффективными собственниками»: на внутреннем рынке цены на нефтепродукты (и не только) стали якобы «мировыми» (в отличие от доходов огромного большинства граждан)...

Заметим попутно, российская *элита* до некоторой степени озабочена своим собственным воспроизводством – причем не только в инкубаторах западных университетов. Так, например, глашатаи недавней информационно-пропагандистской кампании (возможно, доходившей иногда до прямого администрирования) по поводу создания в России нескольких т. н. «национальных университетов» (и грядущего упразднения всех остальных) в качестве аргумента в их пользу выдвигали и такой: «По мнению чиновников Минобразования, надо воспитывать и [?!] *элиту*, т. е. тех

лидеров, которые будут двигать нацию вперед» [Новости. 7 канал. 12.07.05]. По-видимому, эта «национально-университетская» активность стимулировалась и некоторыми привходящими обстоятельствами: «Формирование будущей *элиты* России – этим занимаются сотрудники британского посольства в Российской Федерации через конкурс на получение образования в Англии, почему-то [!] не ставя об этом в известность представителей местных властей. А ведь в будущем, заняв ключевые посты, эти молодые люди смогут оказывать существенное влияние на формирование российской политики через принципы английского образования» [Вести-Красноярск. КГТРК. 19.01.06] – иначе говоря, коварные альбионцы могут научить «не тому», а главное – «не тех». Следует вспомнить, что в качестве одного из важнейших направлений реформы российского образования выдвигалось следующее: «Задача ведущих университетов – воспроизводство научной, культурной, управленческой и политической *элиты* страны – должна подкрепляться **особым** режимом финансирования этих вузов, имея в виду повышенный норматив финансирования в расчете на студента, выделение целевых средств на обновление материально-технической базы, полное финансирование общежитий из федерального бюджета» [Концепция 1997: 25]. По-своему это, конечно, вполне оправданно: «Наиболее активную роль в нем [процессе формирования государственной политики] играет активная часть населения, которую **называют** политической *элитой*... политическая *элита*, формирующая государственную политику по конкретному виду деятельности, очевидно должна иметь своих представителей как во властных

структурах, так и соответствующих профессиональных кругах» [Бенедиктов, Бердашкевич 2003: 17] (о плодах усилий *элиты* в сфере, например, языковой политики, см. [Васильев 2007]).

Сегодня же, по свидетельству Г. Гудкова, заместителя председателя Комитета Госдумы по безопасности, «вторая [после «неэффективности управления»] проблема – это ориентированность значительной части высокопоставленной *элиты* на Запад. Очень существенная часть власть имущих не связывает свое будущее с Российским государством. Они не просто деньги размещают на Западе, они вкладывают их в активы, недвижимость, развивают там бизнес, перевозят туда семьи... Проехав по Югу Франции, пообщавшись с людьми, которые учатся там в бизнес-школах и престижных университетах. Когда они называют фамилии детей и родственников людей, которые работают в Белом доме, Госдуме, других учреждениях, получается очень солидный список» [Бюрократия в силе // РГ-Неделя. № 35. 18.02.10. С. 8].

Возможно, конечно, что декларируемое реформирование (упразднение) российского высшего педагогического образования послужит не только для существенного сокращения (т. н. оптимизации) бюджетных расходов: поскольку ранее некоторые руководители уже заявляли, что школа (любая) должна готовить *успешных людей*, логично было бы, чтобы этим благородным делом занялись сами *успешные люди*, прошедшие соответствующую фундаментальную подготовку на краткосрочных учительских курсах, в том числе и для преподавания остро необходимого будущим

гражданам светского государства предмета «Основы религии».

Зарубежный опыт подобного воспитания и просвещения имеется: «Корпус [школьного общежития] был назван в честь Оссенбергера... учился раньше в Пэнси. А когда окончил, заработал кучу денег на похоронных бюро... через которых можно хоронить своих родственников по дешевке – пять долларов с носа. ...Ручаюсь, что он просто запихивает покойников в мешок и бросает в речку... Этот тип пожертвовал на Пэнси кучу денег, и наш корпус назвали в его честь... В капелле он отгрохал речь часов на десять... Стал рассказывать, как он в случае каких-нибудь затруднений или еще чего никогда не стесняется – станет на колени и помолится богу. И нам тоже советовал всегда молиться богу – беседовать с ним в любое время... Воображаю, как этот сукин сын переводит машину на первую скорость, а сам просит Христа послать ему побольше покойничков» [Сэлинджер 1975: 677].

Многие авторы (и не только проводники реформ) подчеркивают ментальную специфику русских, не позволяющую им ни восхищаться *элитой*, ни принимать ее аксиологические ориентиры. Ср.: «Есть у нашего народа черта, которая ставит в тупик многих экономистов и социологов – дух нестяжательства, выражаемый в отсутствии стремления к материальному богатству, накопительству» [Платонов 1991: 316]. «Мы все наблюдаем и наблюдали, как нечестным путем, с точки зрения русского менталитета, были добыты огромные богатства» [Есин 2002: 504]. – «Есть основания полагать, что западный менталитет с его безудержным индивидуализмом и порой совсем другими социальными нормами (лицензия на лихоимство, ростовщичество,

установка на наживу) коренным образом отличается [от славянского] и безоглядному импортированию к нам не подлежит. С этим, впрочем, не считаются и ввозят, заносят сюда всё, что прижилось там. Насколько это дальновидно, – другой вопрос» [Трубачёв 2004: 184]. Однако вполне вероятно, что, с точки зрения *элиты*, это несомненно перспективно – для нее: вот отсылка к эталону и неутешительный для русских вывод: «...Американцы считают разбогатевшего человека умным: смог заработать и разбогатеть, в России же такого человека считают жуликом» [Стернин 1996: 18]; конечно же, необходимо восхищаться богатым жуликом. А плебс должен знать свое место, как те игрушки из андерсеновской сказки о свинье-копилке, которая была набита деньгами и «к тому же она еще занимала высокое положение: стояла на шкафу и смотрела на всех сверху вниз. Она знала, что денег у нее по горло и, сто́ит только захотеть, она может купить все игрушки, которые лежат и стоят внизу. А сознавать это довольно приятно, уж во всяком случае свинье... [Игрушки] опять принялись болтать. Это называлось у них "играть в людей"... Они просто старались вести себя "по-людски": каждый думал о себе да еще о том, что скажет о нем свинья с деньгами» [Андерсен 1982: 282–284].

С другой же стороны, насущной оказывается форсированная трансформация русской ментальности: «...Правящей элите, или псевдоэлите, необходимо осуществлять пересборку целого народа, отсекая пласты неконкурентоспособного населения и давая шанс конкурентоспособным, имеющим все данные вписаться в структуру постиндустриального мира. На пути этой пересборки, или "реформ", для того чтобы стать полноправным [?] партнером западного

постиндустриального мира, правящая *элита* неизбежно сталкивается с такими мощными российскими культурными артефактами, как культурная идентичность и способность России, присущая ее народу идея социальной справедливости» [Устинов 2007: 155].

Вот, пожалуй, главное: «Русская идея... есть самое общее, наиболее масштабное, качественно идеальное представление о счастье и жизни. Выражение-понятие *русская идея* оставил писатель Федор Достоевский, который саму идею высказал просто: “Чтобы всем хорошо было!” Высшее проявление идеи как всеобщего идеала, недостижимая мечта, но ради которой и следует жить... Владимир Соловьёв... говорил твердо: “Русский народ не пойдет за теми людьми, которые называют его святым только для того, чтобы помешать ему быть справедливым”. А *справедливость* – основная идея русской ментальности» [Колесов 2004: 77].

Между тем, согласно результатам внимательных наблюдений Ю. Полякова, уже в 1996–1997 гг. в России «такое слово, как *справедливость*, почти исчезло из словарей пишущих и вещающих людей... Среди самых употребимых слов [в прессе первых лет «перестройки»] – *совесть* и *справедливость*. А [в текущей периодике] эти два слова почти не встречаются, а если и попадаются, то и с к л ю ч и т е л ь н о в к а к о м - т о постмодернистско-ироническом смысле. Эта заурядная лексическая подробность на самом деле – свидетельство огромных и страшных по своим последствиям сдвигов в общественном сознании...» [Поляков 2005: 184, 198]. Но можно догадываться, что социальную справедливость представители *элиты* понимают лишь одним – и самым лестным и выгодным для себя образом. Вспомним программное заявление типичного представителя

российской *элиты*. «“Совок” – это кто сначала заботится об интересах государства, а потом – о своих. Должно быть наоборот: если мне хорошо, то государству хорошо» (М. Ходорковский) [РТВ. 25.08.93] (ср.: «Всё, что я делал в жизни, я делал для себя» (Б. Березовский) [Неделя. Рен-TV. 14.05.05]). В этом направлении очевидно и идет «пересборка» народа (ср. совет уже «продвинутого» психолога: «Любишь самого себя – любишь деньги, не любишь самого себя – не любишь деньги» [Доброе утро, Россия! РТР. 14.10.08] (понятно, почему многие медики с недавних пор не «принимают пациентов», а «обслуживают клиентов»)).

Собственно, внедрение в общественное сознание представления об *элите* как слое имущем и правящем (или наоборот – причины и следствия в данном случае довольно просто меняются местами, но сумма слагаемых «элитарности» от этого вовсе не меняется), причем имущем и правящем *по праву*, т. е. – *по справедливости* (потому что «лучшие», «отборные» и т. п.), зиждется на активизации довольно прочных ассоциативных связей: *элита* – значит, лучшие – значит, такое социальное устройство бесспорно справедливо... Тогда *элита* с полной уверенностью повторит слова близкого ей литературного персонажа: «Мы – соль земли, нам принадлежит будущее... Премудрая природа тратит свои творческие силы на создание целой нации только для того, чтобы из нее вылепить два или три десятка избранников» [Куприн 1953, 1: 209].

Тем не менее, подобные оценки оспариваются и там, откуда их сегодня пытаются заимствовать. Вот что писал американский социолог Р. Миллс, характеризуя родную ему «властвующую элиту»: «Люди из высших кругов не представляют нацию, их высокое положение не

является результатом их моральных достоинств, их сказочный успех не связан прочным образом с какими-либо похвальными дарованиями. Власть имущие были отобраны и воспитаны теми, кто обладал до них орудиями власти, источниками богатства, аппаратом фабрикации знаменитостей, существующими в обществе, в котором они живут... Они обрели эту власть только благодаря американской системе организованной безответственности» [Миллс 1959: 484].

Таким образом, активное применение слова *элита* – типичный пример пропагандистско-манипулятивной операции, навязывания социуму самоприсвоенной одной из его каст вербальной маски, вряд ли имеющей много общего с теми, кого она скрывает. «Словами можно доказать и опровергнуть всё, что угодно, и скоро люди усовершенствуют технику языка до такой степени, что будут доказывать математически верно, что дважды два – семь» [Чехов 1955, 6: 167–168]. Как видим, в анализируемом нами случае ничего, в общем-то, и не доказывается: иррациональное представление о высоких достоинствах и способностях *элиты* навязывается обществу как аксиома. Незыблемость ее время от времени манифестируется декларациями вроде: «Мы контролируем ситуацию в области экономики, не допустим экспроприации экспроприаторов» (Б. Грызлов) [Вести. РТР. 25.01.00]; ср.: «*экспроприация* – 1) *юр.* 'в буржуазном праве – принудительное (безвозмездное или оплачиваемое) отчуждение (изъятие) имущества, производимое государственными органами'; 2) 'лишение собственности и прежнего социального положения одного класса другим'. "Экспроприация экспроприаторов" – лишение буржуазии всех средств производства в ходе пролетарской революции; *экспроприатор* – 'тот, кто

совершает экспроприацию'» [МАС₂ IV: 753]. К тому же «язык съезда [партии «Единая Россия»] должен стать языком государственных законов» (председатель Законодательного собрания Красноярского края А. Усс) [Новости. Афонтово. 30.11.06] (кстати, один из местных законотворцев почему-то так толком и не объяснил телеаудитории, почему «слово *депутат* в нашей стране стало ругательным» (А. Клешко) [Будни. ТВК. 23.01.03]). Ведь «в беседе с журналистами в кулуарах заседания Консультативного совета по иностранным инвестициям при правительстве РФ Владимир Путин подчеркнул, что соблюдение прав собственника является "золотым правилом, и оно будет в России соблюдено" СПб, 22.04.00» [ТССРЯ 2001: 734] (то же – в [ТСРЯ XXI 2007: 930]).

По-видимому, отнюдь не случайными являются трансформации некоторых фрагментов текста федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Кажется, одной из наиболее активных политических партий, настаивавших на его принятии, был СПС, фракция которого в Госдуме постоянно призывала «усилить борьбу с антисемитизмом, национализмом и экстремизмом» [Новости. ОРТ. 14.06.02]. В результате ст. 1 закона № 114-ФЗ от 25.07.02 включала в понятие «экстремистская деятельность (экстремизм)», в частности, «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывам к насилию». Впоследствии же, в ходе неоднократных редактирований, эта формулировка в тексте от 29.04.08 приняла несколько иной вид: «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Совершенно очевидным следует считать смещение

акцентов – вероятно, по признаку актуальности определенной формы розни – с «расовой, национальной» на «социальную». Таким образом, наиболее приоритетной оказывается угроза именно социальной розни – по крайней мере, самой опасной для существующего строя. Однако это вряд ли означает усиление защиты интересов тех, кто находится в низах общественной иерархии; скорее, здесь можно усмотреть гарантию незыблемости прав той группы, которую персонаж В. Набокова назвал «буржуйским интернационалом» [Набоков 1990, 2: 389]: фундаментальной основой ее солидарности является вовсе не расовая, национальная или религиозная общность членов, а политическая власть и материальное богатство (понятно, что последовательность упомянутых составляющих может быть иной, это несущественно), т. е. узы прочного социального родства.

Собственно, в сегодняшнем виде текст упомянутого закона оказался окончательно гармонизированным с формулировкой ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, где представлена именно такая последовательность: «...разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни».

Подобный подход является не просто традиционным, а имманентно присущим классовому обществу с древнейших времен. Например, во второй половине III тыс. до н. э. некий гераклеопольский царь так наставлял наследника: «Подавляй чернь, гаси пыл ее, – не склонны к восстанию богатые, бедняки же замышляют вражду» [Поучение 1978: 207]. Довольно прозрачны также источники и импульсы многих других законодательных инициатив – например, гуманистический порыв (якобы общеевропейского

образца) против смертной казни в России; причем, насколько можно доверять результатам многочисленных социологических опросов, в среднем по меньшей мере 85 % респондентов поддержали применение высшей меры наказания. Конституционный суд РФ принял прямо противоположное решение. «...На чем поднялась новая политическая *элита*? ...На разрушении веками складывавшегося на евразийском пространстве многонационального государства. <...> Почему наши либералы так против смертной казни борются? Из-за трогательной заботы о серийных убийцах? Нет, просто они хорошо помнят, что именно высшей мерой в прежние годы каралась государственная измена» [Поляков 2005: 269]. Можно вспомнить по этому поводу, как персонаж известной антиутопии характеризовал архаичную для его времени правовую систему: «Государство (гуманность) запрещало убить насмерть одного и не запрещало убивать миллионы наполовину» [Замятин 1989: 555].

Нелишне иметь в виду и то, что, судя по вышесказанному, такая этическая константа, как стыд, вовсе не является доминирующей в сознании описываемой социальной страты; скорее, ее душевный комфорт абсолютно неколебим. Так, по словам типичнейшей представительницы россиянской *элиты* Т. Юмашевой (б. Дьяченко, дочери Ельцина, по совместительству занимавшей в 1996–1999 гг. должность советника президента), указ-индальгенция об освобождении бывшего главы государства от какой бы то ни было ответственности за содеянное им на высшем государственном посту не удивил членов с(С?)емьи: «В общем-то **ничего было бояться**, ничего такого не сделали, **за что было бы стыдно**» [24. Ren-TV. 30.12.09]. Теми же светлыми чувствами проникнуты

высказывания и других *элитариев*: «[Вице-премьер А. Жуков:] Я занимаюсь нацпроектами, здравоохранением, социальной политикой, образованием, культурой, и почти в каждой области за последние годы достигнуты зримые результаты, за которые **мне не стыдно**» [РГ-Неделя. № 167. 29.07.10. С. 9]. – «**У меня совесть чиста**» (В. Матвиенко – об итогах своей деятельности на посту губернатора Санкт-Петербурга) [Неделя. Ren-TV. 03.07.11]. «**Нам нечего стесняться...**» (кандидат в президенты РФ В. Путин) [24. Ren-TV. 08.02.12]. Естественна и констатация номинального главы Семьи: «Теперь я – счастливый человек!» (Б. Ельцин) [РТР. 01.09.06]^[81].

Описанная словесная маскировка, вероятно, вызвана и некоторыми причинами эмоционально-психологического свойства. Хотя отношение представляющих себя *элитой* ко всем остальным сконцентрирована в реплике: «А я на классовую ненависть плевать хотел!» (К. Ремчуков, владелец и главный редактор «Независимой газеты») [Неделя. Ren-TV. 17.02.07], но некоторых *элитариев*, кажется, всё-таки немного беспокоит отсутствие всенародного восторга и публичного почитания их

⁸¹ «[Первый солдат:] Если бы вам [Паролю] посчастливилось найти страну, где водятся настолько же покрытые позором девки, вы могли бы стать родоначальником племени бесстыжих» [Шекспир 1959, 5: 565]. Кстати, эталонный уровень нравственности *элиты* признаёт и церковь: «К участию в очередном Всемирном русском народном соборе (ВРНС)... приглашена скандально известная ведущая телепроекта "Дом-2" и по совместительству лидер молодежного движения "Все свободны" Ксения Собчак. С данной инициативой выступил... председатель Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин...: «Мы любим и уважаем Ксению Анатольевну Собчак, она очень умный человек...». В этом году Собор будет посвящен теме "Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества"» [«Дом-2» в храме Христа // СР. № 53. 25.05.10. С. 3].

высоких достоинств; оказывается, неблагодарное «население относится скептически не только к самым крупным собственникам» (В. Найшуль) [Времена. ОРТ. 19.06.05]. Поэтому «богатый должен быть абсолютно уверен: он богат, потому что **умнее**, а не безнравственнее бедного! А как же быть, если еще руки – после того, как взял чужое, – трясутся? Тут-то десовестизация и приняла размах государственной программы... Почти исчезли из средств массовой информации нравственная оценка представителей нарождающегося класса и способов их обогащения... Хороший пример бессовестности подали и политики» (1997) [Поляков 2005: 204–205].

Иными словами, в России считают необходимым обустройство по взятой за образец цивилизационной модели: «...Если конгрессмен-республиканец, обсуждая налог на прибыль, говорит: “Why should the best people be punished?” [«Почему наказывать лучших людей?»], для того чтобы понять это высказывание, нужно знать, почему богатые люди – лучшие и почему закон о налогах с доходов является для них наказанием» [Александрова 2003: 98].

В российских же условиях **знать, почему** богатые являются **лучшими**, необязательно: они – *элита*, поэтому и не подлежат даже такому «наказанию», как прогрессивная ставка подоходного налога. В общем,

Не спрошу я, откуда явилось,

Что теперь в сундуках твоих есть;

Знаю: с неба тебе всё свалилось

За твою добродетель и честь!.. [Некрасов 1953: 38].

Кстати, при известных оценках взаимоотношений *элиты* и всех прочих «россиян» невольно вспоминаются слова некогда часто цитируемого автора: «Страшно далеки они от народа»; ср. следующую микродискуссию между Э. Памфиловой, тогда – председателем совета по гражданскому обществу при президенте, и Л. Алексеевой, руководителем Московской Хельсинкской группы: «"Та *элита*, которая в 90-е была оторвана от общества..." – "А сейчас *элита* не оторвана от общества?"» [Судите сами. 1 канал. 08.02.07]. Эта противопоставленность россиянской *элиты* всем остальным «уважаемым россиянам» изредка эксплицируется буквально: «Таких опрокинутых лиц у российской *элиты* [узнавшей об отставке Ельцина и новых демократических назначениях] *народ* еще не видел» [24. Ren-TV. 30.12.09]. «Важно, какое отношение к этому явлению [коррупции] среди **чиновничества** и среди *обычных людей*» (Д. Медведев) [Сегодня. НТВ. 07.04.10]. «Губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко и главный газпромовец Алексей Миллер, обычно неприступные, а тут [на стадионе] – не отличаются от *простых* фанатов» [Новости. ТВК. 30.08.08].

Обсуждая на «остросюжетном» ток-шоу «Последнее слово» тему «Пипл хаваает» [НТВ. 04.06.11], его участники (среди которых были, конечно, достойные представители относящих себя к *элите* – политики, шоу(бизнес)мены и прочая почтеннейшая публика) неоднократно и почти без эмоций – вероятно, как

привычное – употребляли слово *быдло* – по-видимому, применительно ко всем остальным...

Тем не менее (возможно, в преддверии очередных выборов) всё чаще звучат призывы к «консолидации российского общества». Хотя руководитель фракции «Справедливой России» в Госдуме Н. Левичев и заявляет – явно скептически: «...Не очень понятно, как можно собирать в Народный фронт представителей бизнес-элиты из Российского союза промышленников и предпринимателей и нищих пенсионеров» [В чем сила, брат? // РГ-Неделя. № 118. 02.06.11], но на зарубежном опыте хорошо известно: «Специализация современного общества, нескончаемые перемены и неуверенность в завтрашнем дне – всё голосует в пользу конформизма, величайшего социального дара и благословения. Эпоха резких социальных колебаний сводит до минимума потребность в свободе, максимально расширяя диапазон ограничения» [Ниринг 1966: 103].

Заметим также, что вследствие подобных вербально-манипулятивных операций структура современного российского общества выглядит в глазах наблюдателя как удивительно однополярная и несбалансированная: лишь в работах специалистов встречаются упоминания и о *внеэлитных слоях* либо об оппозиции *элита/население*. «Законы должны быть действенны для всех... чиновник, бизнесмен или **простой** гражданин Российской Федерации» (М. Прохоров, президент фонда «Онэксим») [Сегодня. НТВ. 17.02.08]. Однако, по мнению опытного журналиста, «мы знаем политиков наперечет, они давно утратили авторитет в обществе. А других нет... Частным случаем этой трагедии, проявившейся в прессе, стало исчезновение **простого человека** с экранов телевизора

и с газетных страниц. **Простой человек** как символ какого-то движения общества» [Богданов 2007: 3]. Так в сознании социума вполне способна возникнуть парадоксальная, но, вероятно, прогнозируемая и программируемая кем-то лакуна: довольно высокая частотность слова *элита* – как и производных от него – при почти полном отсутствии номинаций тех, кто к этому слою не принадлежит, может инициировать у последних стойкое ощущение своей не востребованности и даже сомнение в факте собственного существования.

Как нас теперь называть, или Эволюции доминирующего вокатива

*...К крестьянам
подошел...*

*Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «наденьте
шапочки,*

*Садитесь, **господа!**
...Прошу садиться,
граждане!»*

Н. А. Некрасов

*Наше слово гордое
«товарищ»*

*Нам дороже всех
красивых слов!*

В. И. Лебедев-Кумач

*«Очень рад быть полезным,
коллега, – говорю я, – но
давайте сначала споемся
относительно того, что такое
диссертация».*

Функции обращения

Не подлежащая сомнению роль слова как социально важного знака специфическим образом воплощается в семантике и прагматике доминирующих в обществе вокативов. Рассматривая вокативы лишь в узкопрагматической их функции, отмечают, что «обращение к собеседнику – это самый яркий и самый употребительный этикетный знак, потому что мы действительно так или иначе называем человека – либо по его социальной роли, либо по индивидуальным признакам, либо по своему собственному отношению к нему» [Формановская 1982: 99]. Конечно же, значимость обращений не исчерпывается возможностями такого их использования. Обращение в самой сжатой форме выражает социокультурную парадигму официальных (зачастую – и неофициальных) межличностных отношений, соответствующих принятым аксиологическим установкам. Вокативы весьма удачно манифестируют в конкретных лексемах компоненты универсальной семиотической оппозиции *свой/чужой*, при этом их изменения и сигнализируют о социальных эволюциях, и стимулируют их. Известны многие примеры подобных явлений, причем обнаруживаются определенные аналогии, как правило, обусловленные сходством трансформаций общественно-политических систем.

Так, во Франции после термидорианского переворота гибель республики (точнее – ее уничтожение) начинается «с каких-то мелочей, которым не придавали никакого значения... Воскресло в разговорном обиходе слово “мадам”. ...Вслед за “мадам”,

сначала робко, потом всё увереннее, в разговорную речь вкралось слово “месье” – господин. В течение некоторого времени обе формы обращения как бы сосуществовали – “гражданин” и “господин”. В официальных бумагах еще долго сохранялось строгое “гражданин”. Но в повседневном обращении его употребляли всё реже...
...Казавшаяся иным столь невинной игра в новые словечки – “госпожа” вместо “гражданка”, “господин” вместо “гражданин”, “император” вместо “консул” – была доведена до конца... Вслед за ними была вычеркнута из французского словаря и давшая им жизнь “республика”» [Манфред 1986: 375, 443]. Конечно, вряд ли возможно говорить о полном совпадении лингвокультурных феноменов в разных странах и в разные исторические периоды, однако некоторые схожие с указанными черты усматриваются в эволюциях ряда русских вокативов: *господин, гражданин, товарищ, коллега*, которые, как нам представляется, целесообразно рассмотреть прежде всего в диахроническом аспекте.

Господин

Этимологически это слово возводят к общеславянскому **gosrodь*: «Двухосновное, рано подвергшееся сокращению сложное слово, восходящее к **gost(ьj)ь-rodь*, что первоначально (у славян-язычников) могло бы значить “гостеприимный, принимающий чужестранцев хозяин” или нечто близкое к этому (см. *гость*). Вторая часть слова – *rod-ь* восходит к и.-е. **potis* – “хозяин, оказывающий гостеприимство чужестранцам”, “чужестранец”» [Черных 1993, I: 209]. В древнерусскую эпоху основным значением является «владелец, хозяин; господин’: “Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится болшеи

работы". Сл. Дан. Зат., 20. XVII в. – XII в. "Дому подобает быти малому или великому, деревяному или каменному, по достатку гсд'на и домостроителя". Назиратель, 168. XVI в. "И архимандрить Амфилогий наняль корабль, и господина корабельнаго привель къ Арсению въ келию". Арс. Сух. Проскинитарий, 15. 1653 г.» [СлРЯ XI–XVII вв. 1977, 4: 101]. Отмечается здесь и его использование как вокатива: «в составе обращения (как формула почтения, уважения, вежливости)' – "господине протопопъ зъ братьею смилуйтея примите мою явочку". АХУ III, 2. 1621 г. "Благовѣрный же князь Дмитрей рече ему [крестьянину]: помилуй мя, господине, и призри мене нищаго и убогаго, страннаго и безприютнаго". Пов. о Дмитрии Римском. 57. XVIII в. – XVII в.» [там же], а также в составе титула (по отношению как к светским, так и к духовным лицам): «"Задонщина великог<о> кнз'я гсн'а Дмитрия Иванович<а> и брата его кнз'я Володимера Ондръевич<а>". Задон., 19. 1470 г. – XIV в. "И мы великий господинъ и государь святѣйший Никонъ... здѣ ихъ къ намъ прошение сею нашею пастырскою грамотою вновь утвердити повелѣхомъ". АИ IV, 258. 1658 г.» [там же].

Говоря об этикетных средствах русских средневековых челобитных, выделяют и вокативы: «обращение выполняло двоякую функцию: 1) развернутое обращение в начале просительной части используется для называния лица, которому адресована челобитная; 2) обращения *государь* (*государь*), которые включаются в текст повествовательной или просительной части, выражают экспрессию почтительности и униженности, являясь вежливой формой обращения к старшему по социальному положению... Традиция употребления обращений в литературных памятниках

весьма давняя. Она опирается на диалогическую речь и отмечается уже в памятниках старшего периода истории русского языка. В XIV–XV вв. обращение *господине*, а с XVI в. *государь*, обычно в посланиях, мирных грамотах, судебных актах и т. д.» [Волков 1980: 23].

Как отмечает В. В. Колесов, «именно в Домострое историк Сергей Соловьёв находил материал для суждений об основном социальном термине в те времена: “Из прежних названий княжеских встречаем *господин*; вновь являются *господарь* и *государь*. Что касается происхождения первого слова, то оно одинаково с происхождением слова *князь*: *оспода* означает семью, *осподарь* – начальника семьи, отца семейства; ...Что значение слова *господарь* или *государь* было важнее прежнего *господин*, свидетельствует упорное сопротивление новгородцев ввести его в употребление вместо *господин*”» [Колесов 2004в: 14–15]. Сопоставляя слова этого ряда, их дифференцируют на основании преимущественно сложившейся за каждым соотнесенности с тематически определенным кругом субъектов: «...*Государь* происходит от старинного *господарь* – древнего славянского слова с тем же значением, что и собирательные *господь*, *госпо́да*, но только в отношении к мирскому субъекту действия... Собирательная форма *Господь* есть синкретично-собирательное обозначение Бога, тогда как форма *госпо́да* – собирательное... обозначение множества властных лиц, в частности, в средневековом Новгороде. А *господин* – мирское воплощение власти в единственном числе, которое и появилось уже в сокращенном произношении прежде священного слова: *господарь государь*» [Колесов 2001: 170–171].

В более поздний период истории русского языка слово *господин* сохраняет многозначность, однако в качестве основного отмечается значение, связанное с обладанием властными полномочиями: «*господин* – 1) 'властитель, повелитель, государь'. "Бысть и гс""дин Азии Кир, и монархию от Мидов пресели к Персом". Буж. Нотенб. 7. "Земли пределами владеющий народ, Ты <Рим> днесь сражаешься о выборе господ". Мур. Ст. 186... Ср. *государь, владыка, владетель*» [СлРЯ XVIII в. 1989, 5: 190]; здесь же приводится и оттенок указанного значения: «'знатный, богатый, родовитый человек, вельможа'. "Мы имѣли... ко многим знатным господам Гишпанского двора письма". Маркиз III 33. "Он де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр". Трут. 1769 62. "Великим господам ты ползая покорствуй!" Сум. Сат. 375» [там же]. Цитируемый словарь предлагает также и иные (но очевидно семантически близкие) дефиниции *господин*: «2) 'владелец по отношению к принадлежащим ему людям (рабам, крепостным и т. п.)'. "Вѣщаше <Диоген>, яко господа, и неволники, малым чим меж себя разнятся, ибо неволники в неволѣ у господ, а господа в неволѣ у прихотеи своих". Апофегм. 37. "[Хапилов:] Какая это деревня? [Созон:] Господская. [Хапилов:] Не в ту силу вопрошается: как называется, и чьего господина?" Левш. Св. ноша 169...»; см. здесь же оттенки значения: 'барин, хозяин по отношению к своим слугам' («[Арликин:] Здравствуй, господин мой, Я буду слуга твой». Интерм. 33); 'хозяин, владелец какой-л. вещи, собственности' («Господин сколь тѣх палат Чистоту в них любит». Трд. СП I 224); 'тот, кто распоряжается по своей воле чем-л.' («Члвѣк не есть гс""дн живота своего» Уч. отр. 17). Как входящая в оборот новация отмечена характеристика

обозначаемого лица, основанная на сугубо внешних признаках: «3) `человек, **по виду** относящийся к привилегированному слою общества'» [там же].

Особо выделяют лексикографы слово *господин* в значении «4) `форма вежливого упоминания или обращения к лицу (обычно – из дворян и из образованного круга) – при фамилии, звании, чине, сословию'. "Капитан на сем корабль пошел в поход господин Петр Алексѣевич Михайлов". МРФ I 17, также с оттенком этого значения: `вежливое обращение к какой-л. компании или (реже) к одному слушателю'» [СлРЯ XVIII в. 1989, 5: 190–191].

У В. И. Даля «*господин* – `владыка, владелец, держащая власть на месте или в доме; барин, помещик, хозяин; кому покорны чада с домочадцы и слуги, или у кого есть подвластные'» [Даль 1955, 1: 385]; лексикограф замечает также, что «*господином* чествуют людей по званию, должности их, но не свойственно нам ставить слово это перед прозванием, как делают на Западе (*Herr, monsieur*)», а *господа* – употребляется как `воззвание, обращение в речи к слушателям' [там же], т. е. – в функции вокатива.

Социально-политические катаклизмы первой четверти XX в. естественно сказались на судьбах многих слов, в том числе и существительного *господин* и производных от него. «За отошедшим от власти классом исчезли из общерусского употребления – по крайней мере, в своих прежних значениях – и названия культурных ценностей, созданных или охранявшихся этим классом, как: *царь, камергер, камер-юнкер, губернатор, полицеймейстер, пристав, околоточный, Государственная Дума, Государственный Совет,*

городовой, полиция, полицейский, ваше благородие, ваше превосходительство, князь, граф, барин, и даже господин... и огромная масса других... Если эти обреченные на исчезновение слова употребляются нами еще и теперь, то, конечно, не в прежнем значении, и в большевистском словаре все те слова, которые предположены по крайней мере к изгнанию из русского языка, вызывают ассоциации и чувствования, отличные от тех, какие возбуждались этими словами лет пять назад у большинства населения, и особенно у правящего класса – а ведь так называемые побочные ассоциации и чувствования в языковом развитии играют чрезвычайно важную роль... Слова *барин, барыня, господин, госпожа* получили уже ругательное значение...» [Баранников 1919: 75].

О том, насколько острой и при этом деликатной стала проблема безошибочного выбора обращения к тому или иному лицу, можно судить по следующему эпизоду из рассказа 1920 г.: «Осип, бывший швейцар, а ныне – *гражданин* Малафеев... передвигая очки на носу, регулировал для каждого [из жильцов дома] уровень почтения... Очки плотно, оборонительно уселись в седле: тот, носатый из двадцать пятого – на автомобиле. С носатым – очень затруднительно: "*господином*" его нельзя, "*товарищем*" – будто неловко. Как бы этак, чтобы оно... "А, *господин-товарищ* Мыльник! Погодка-то, *господин-товарищ* Мыльник..."» [Замятин 1989: 381].

В 1939 г. Л. В. Щерба писал: «Как известно, слова *господин, госпожа* в функции титула, приставляемого к фамилии, а также слово *господа* в смысле обращения к собранию исчезли из обихода в силу тех ассоциаций,

которые имели эти слова со словом *господин* в смысле барин» [Щерба 1957: 127].

Противопоставленность *своего* и *чужого* четко выразилась в советской лексикографии. Безусловное отторжение лица, именуемого *господином*, от монолита нового общественного устройства подчеркивается не только словарными толкованиями и иллюстрациями употребления, но также и пометами, указывающими на архаичность лексемы: «*господин* – 1) 'при фамилии или звании – формула вежливого упоминания или обращения (к лицу из господствующих классов; на письме обычно обозначалось сокращенно «г.» или «г-н»; дореволюц.)'. "Г. профессор". "Передайте это г-ну Петрову". // 'В журнальной и газетной полемике, а также в устной речи – формула иронического упоминания своего противника или лица, не заслуживающего уважения'. "Строжайше б запретил я этим господам на выстрел подъезжать к столицам". Грибоедов. "Обещание господ Пуанкаре начать интервенцию в 1929–30 гг. не оправдалось". Орджоникидзе. "Господа уклонисты"; 2) 'человек, по внешнему виду принадлежащий к привилегированному сословию' (дореволюц.); 3) 'владыка, повелитель, властитель' (книжн. устар.). "Рабы повиновались своему господину"; 4) только мн. 'вежливое обращение к нескольким лицам' (к мужчинам или к мужчинам и женщинам вместе; дореволюц.). "Господа, пойдете гулять!"; 5) только мн. 'Мн. ч. к *барин*' (простореч. устар.). "Господа отпустили прислугу со двора". "Где нам, дуракам, чай пить с господами!" Поговорка» [СУ I: 607].

Варьирование определенных слов – замена *товарищ* на *господин* – при упоминании чьих-либо фамилий служило совершенно недвусмысленным указанием политической неблагонадежности, а следовательно –

враждебности называемого лица по отношению к правящей партии, государству, ко всему официально одобряемому и поддерживаемому. «Их [подозреваемых в отступничестве *товарищей*] фамилии могут употребляться без указанных форм. Более того, подозреваемые даже принципиально лишаются этого партийного титулования [т. е. *товарищ*] и могут называться *господами*, это означает “враги”» [Романенко 2003: 169]. Ср.: «На XVII съезде выступили Бухарин, Рыков и Томский с покаянными речами, восхваляя партию, превознося до небес ее достижения... Партия видела, что на деле эти *господа* перекликаются в своих фальшивых речах со своими сторонниками вне съезда... Партия, однако, еще не догадывалась, что, выступая на съезде с слащавыми речами, эти *господа* одновременно готовили злодейское убийство С. М. Кирова» [История ВКП(б) 1953: 310].

В дальнейшем жесткость лексикографических формулировок несколько смягчается (по-видимому, вследствие того, что строительство социализма в Советском Союзе официально стало принято считать успешно завершенным, а достигнутые результаты необратимыми – в том числе и из-за отсутствия внутренних врагов). Теперь «*господин* – 1) ‘правитель, облеченный высшей властью над всеми; властелин, повелитель’... // ‘лицо, пользующееся властью по отношению к зависимым или принадлежащим ему людям, например, помещик по отношению к крепостным, барин по отношению к прислуге’... // ‘тот, кто обладает властью над чем-л., свободно распоряжается чем-л.’; 2) ‘в **буржуазно-дворянском обществе**: человек, принадлежащий к привилегированным слоям общества’...; 3) ‘форма вежливого обращения или

упоминания **в дореволюционное время** – при фамилии или звании лиц, принадлежавших к привилегированному обществу, **в настоящее время** – по отношению к официальным представителям или **гражданам других государств'**... // мн. ч. 'форма вежливого обращения к группе лиц, употреблявшаяся в привилегированных слоях общества'... // мн. ч. (часто с указат. местоимением) ирон. 'по отношению к лицам, не пользующимся уважением или вызывающим презрение своим поведением' [МАС₂ 1981, I: 338].

Но затем наступает момент, когда «политические обзоры, теледебаты, короткие газетные заметки и передовицы **просто немыслимы**... без использования слов *господин – господа* как индекса вежливости при пофамильном обращении или назывании» [Колтунова 1988: 55]. Однако, не считая данный вокатив «идеологизированным» (в отличие от *товарищ*), потому, вероятно, что якобы «в публицистической диалогической речи обращение это перестает содержать элемент социальной адресации», цитируемый автор здесь же констатирует: «Так **сегодня принято** обращаться к деятелям культуры, к бизнесменам, к политическим деятелям, к должностным лицам и народным избранникам, к ученым и юристам» [там же] – вряд ли это означает утрату «элемента социальной адресации»; напротив, он выражен весьма заметно. Даже через два с лишним десятилетия, прошедшие после публикации цитируемой статьи, довольно сомнительно, что «сфера использования обращения *господа – господин* расширяется при явной тенденции к десемантизации слова» [там же]: очевидно хорошо сохранившийся рудимент семантики существительного *господин* предыдущих исторических периодов («владелец, хозяин,

барин»), равно как и более или менее четкое осознание у тех, кто не является ни властителем, ни повелителем, что обращение *господин* им подходит мало, наверняка препятствуют более широкому распространению данного вокатива. Это представляется вполне логичным.

Согласно новой лексикографической дефиниции, «*господин* – 1) 'человек из привилегированных кругов'; 2) 'человек, обладающий властью над теми, кто от него зависит, повелитель'; 3) 'тот, кто властен распоряжаться чем.-н.'; 4) 'форма вежливого обращения или упоминания при фамилии или звании'» [ТСРЯ 1996: 137].

В другом послесоветском словаре данное слово снабжено пометой, указывающей на возврат его – как обращения – из пассивного запаса: здесь *господин* – «'форма вежливого обращения (обычно в официальной обстановке) или упоминания при фамилии или звании'» [ТССРЯ 2001: 181]. Впрочем, как свидетельствуют приводимые в этой словарной статье иллюстрации – цитаты из периодической печати, такой вокатив предназначается далеко не для всех граждан России, «демократического правового государства» (так – в действующей Конституции РФ); ср.: «По "молодости" *господа* бизнесмены закупали технику у отечественных фирм...». «Я достаточно хорошо знаю *господина* Китовани, чтобы поверить в реальность тех угроз, которые слышал от него и его охранников»... «Идея такого подобия конфедерации принадлежит президенту Казахстана *г-ну* Назарбаеву и очень поддерживается такими российскими политиками, как *господа* Шумейко и Шахрай» [там же]. По отношению же ко всем остальным такое обращение оправданно маркируется как **ироническое**: «Очередь – это феномен, они неистребимы. Почти исчезли очереди в магазинах, но что

это? За чем стоим, *товарищи*? То есть, *господа*, я хотел сказать... За валютой. За жетонами метро. За акциями любимого АО»... [там же]. Ср. остроумную квалификацию слова *господин* в следующем диалоге: «" – Алло, – сказал незнакомый голос, – могу я поговорить с Татарским... э-э... *господином*?" Татарский не обиделся – по запутавшейся интонации собеседника он понял, что тот по ошибке произнес сначала фамилию, а потом **социальный артикль**. – "Это я". – "Здравствуйтесь. Говорит Владимир Ханин"» [Пелевин 1999: 82].

Небезынтересная попытка реанимировать сверху обращение *господин* как ведомственное была предпринята в связи с «реформой» российского МВД. Его глава Р. Нургалиев 2 февраля 2011 г. заявил, что после переименования милиции в полицию с 1 марта того же года «сотрудников МВД **можно будет** называть "*господин* полицейский"» [Lenta.Ru. 02.02.2011]. Однако менее чем через месяц, по сообщению РИА «Новости», основанном на интервью министра газете «Известия», «Р. Нургалиев решил **не настаивать** на обращении "*господин* полицейский" к сотрудникам правоохранительных органов. По мнению Нургалиева, предложенное им в начале февраля обращение "*господин* полицейский" – всего лишь один из возможных вариантов. Министр отметил, что «**общество должно само решить**, как обращаться к полицейскому». «Каждый конкретный гражданин должен это определить для себя сам», – заявил Нургалиев. Министр также подчеркнул, что вопрос об обращении к стражу правопорядка **некорректно** задавать ни ему как главе МВД, ни кому-либо из сотрудников его ведомства... Возможно, что эта кратковременная акция призвана была лишь сыграть роль некоего «пробного шара» для

зондажа т. н. общественного мнения: например, выяснить, созрел ли уже российский социум до нужной кому-то степени...

Гражданин

Этимологически слово *гражданин* считают не калькой, но старым структурно-семантическим соответствием греческого πολιτης [Веселитский 1972: 173]. Для древнерусского периода его значение определяют как «член городской общины; горожанин»: «Гражданемъ же убо и иже отъ сель». Гр. Наз., 134. XI в. «[Царь Ахмут] стояль подъ городомъ три недѣли, на всякъ день приступая ко граду, бьющеся, граждане же... одолѣваху ему». Ерм. лет., 156 [под 1460 г.]» и др. [СлРЯ XI–XVII вв. 1977, 4: 117].

В дальнейшем у слова *гражданин* развивается многозначность: «*гражданин* – 1) `житель города, горожанин'. «Великое людеи множество от отечества изгнанное, в городах Голландских засѣли, и оныя великим гражданов число умножили». Пуф. Ист. 1718 279. «Войско должно от народа зависати, а не народ от войска: а инако были бы члены отечества, граждана и поселяня, невольники ратников». Сум. СС VI 178... // юр. `член городского общества, представитель торгово-промышленного сословия, владеющий недвижимой собственностью, мещанин'...; 2) [графически помеченное как нарастающе употребительное] `член общества, народа, состоящего под одним общим управлением, подчиненного общему для всех закону'. «Сельский гражданин прежде всѣх сам себѣ судия, собственная совѣсть каждаго всю рѣшит судьбу его». Зыб. 1777 37... // **филос.** `в теории естественного права –

член гражданского общества (после выхода его из естественного состояния)' // 'сознательный, исполняющий свой долг член общества'. "Благословим его <Радищева> мы прах! Кто столько жертвовал собою Не для своих, но общих благ, Кто был отечеству сын верный, Был гражданин, отец примерный". Пнин П.-р. 91... // 'член общества с республиканской формой правления в противоп. подданному при правлении монархическом'. "Когда в Монархии Подданный низлагает с престола своего Царя, ...удостоится самая лютая казни: то кто сомнится, чтоб в Республикѣ Гражданин, похищающий один всю себѣ власть, небыл Похититель и Тиранн, долженствующий заплатить головою своею Нарушение всѣм законам?" Римск. ист. XIV 244...; // 'во Франции после революции официальное название каждого француза'. "Все различие чинов должно быть уничтожено, и титул гражданин (Citoyen) должно соединить всех Французов". Политич. Журнал (пер. с нем.) [изд. в Гамбурге] 1790 II 171 ...; // 'в древней Греции и Риме – свободный природный житель города – государства (не иноземец или раб)'; 3) [графически помеченное как сокращающее употребительность] 'штатский или светский человек (не военный, не духовного звания)' [СлРЯ XVIII в., 5: 212–213]». Однако использование его в функции обращения в России здесь не выделяется.

Считают, что слово *гражданин* в XVIII – начале XIX в., наряду с другими славянизмами, подверглось переосмыслению, наполнению новым общественно-политическим и революционным содержанием в связи с развитием общественной мысли и социально-политических движений [История лексики 1981: 279]; ср. оттенки семантики слова в значении 2

[СлРЯ XVIII в., 5: 213], а также возникновение значения 'общественно полезный, преданный своему отечеству человек' и то, что «в значении слова *гражданин* в это время присутствуют и идеи интернационального долга, причастности к общечеловеческим интересам, борьбе за общественное благо. Это значение реализуется в сочетаниях *гражданин света, мира, всех стран*» [История лексики 1981: 279–280], также [СлРЯ XVIII в., 5: 213]. Таким образом, «высочайшее повеление 1797 г.» Павла I, предписывавшее вместо *граждане* говорить *жители*, или *обыватели* [Веселитский 1972: 192–193] – вероятно, для пресечения революционных умонастроений, подобных французским, – не возымело желательного действия.

Впрочем, в определенной степени это отразилось в лексикографии: «*гражданин* – 'городской житель, горожанин, посадский' // 'член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство'. *Гражданином* известного города называют приписанного к этому городу купца, мещанина или цехового» [Даль 1955, I: 389–390]; хотя в цитируемой словарной статье и приводится словосочетание *гражданские доблести* – «мирные и миротворные, честь, любовь и правда» [Даль 1955, I: 390], но не упоминаются ни очевидно укрепившееся пафосное значение (а ведь к тому времени хорошо известны и лермонтовское – 1838 г.: «И прах наш, С строгостью судьи и *гражданина*, Потомок оскорбит презрительным стихом...» [Лермонтов 1970: 325], и некрасовское – 1856 г.: «...Поэтом можешь ты не быть, Но *гражданином* быть обязан» [Некрасов 1953: 92]), ни возможность употребления *гражданин* в качестве вокатива.

Некоторая активизация обращения *гражданин* произошла в начале XX в. вследствие попыток реформирования устройства Российской империи «сверху» – путем учреждения Государственной думы. Весьма вероятно, что в сознании многих носителей языка слово *гражданин* смогло произвести некоторую трансформацию их самооценки. Так, герой повести 1907 г. сапожник Уклеikin читает объявление: «*Граждане избиратели!* Сегодня, 22 февраля, в 8 часов вечера, в помещении театра народного дома имеет быть первое предвыборное собрание избирателей для обсуждения вопросов по выборам в Государственную думу. Вход по именным повесткам”... Кто-то живой, казалось ему, выбросил эти, на взгляд немые, буквы, забрался в голову и там, неслышный, но громкий, обращался к нему: “*Граждане!*...” ...Недавно, совсем недавно его никто и по имени-то не называл. У хозяина в учениках жил: “Митька”, “черт”, “поганец” – только всего и было, не говоря о рукоприкладстве. Заказчики обыкновенно говорили: “Ну ты... как тебя... Ты!” Заказчики из начальства, как, например, пристав, не называли никак, а издавали неопределенный звук – “гм”... Городовой, когда Уклеikin буянил на улице, обзывал “лукопером”, “шкандалистом” и “обормотом”...» [Шмелев 1989а: 61–62]. Однако оказывается, что, как и зачастую, между «словом» и «делом» (т. е. фактом языка и реальностью) – дистанции огромного размера; это обнаруживается, когда тот же (почти уже окончательно считающий себя *гражданином*) сапожник обращается за разъяснениями к заказчику, «*господину*»: «...Пропечатано там: “*граждáне*... Стало быть, кто же я теперь такой буду?” “Да кто же... Кем был, тем и будешь”. “А что же это – “*граждáне*”?...” “Н-ну-у... это так

просто... Да ты не поймешь... Это вообще так... *граждане*..." "А-а-а... По случаю выборов?.." "Ну да... А ты что думал?" "Я-с... Я вникнуть, конечно, не могу, а..." "И не вникай... Ничего, брат, ты не поймешь"» [Шмелев 1989а: 65]. Очень интересно, что Уклеikin ощущает в этом, так понравившемся ему обращении *гражданин* ассоциации с некоей сакральностью: «...Сам он последнее время проникся сознанием своей потерянности и ничтожности... Да иногда в церкви, у утрени, когда стоял в темном уголке, появлялась неизвестно откуда забеглая дума, что все перед господом равны... Был еще момент. Это – когда он причащался. **Все** [«господа... барыни... девчонки... кучера и городовые... – и вообще народ» [Шмелев: 64 шли к маленькой золотой чаше большой, замкнувшейся в себя, тихой толпой» [Шмелев 1989а: 63].

Судьба слова *гражданин* особенно резко меняется в 1917 г.

Слово *гражданин* как официально регламентированный вокатив было использовано в Декларации Временного правительства о его составе и задачах (от 03.03.17), которая и начинается с обращения: «*Граждане!*» [Хрестоматия 2005: 273]. Именование *граждане* применено ранее также особо – по отношению к солдатам – в приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского военного округа от 01.03.17, где говорится: «...б) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все *граждане*. В частности, вставание

во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется. 7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., и заменяется обращением: *господин* генерал, *господин* полковник и т. д.» [Хрестоматия 2005: 278].

Ср. явно иронический эпизод романа, персонаж которого, довольно известный столичный адвокат, «назначенный Временным правительством комиссар армий Западного фронта», обращается к солдатам с речью: «*Граждане*, солдаты отныне свободной русской армии, мне выпала редкая честь поздравить вас со светлым праздником: цепи рабства разбиты... Солдаты! Еще вчера вы были нижними чинами, бессловесным стадом, которое царская ставка бросала на убой... Отныне нет больше нижних чинов. Название отменяется. Отныне вы, солдаты, равноправные *граждане* государства Российского: разницы больше нет между солдатами и командующим армией... Вы можете здороваться за руку с генералом, если вам охота...» [Толстой 1982, 1: 252–254]. Ср. в тексте обращения Временного правительства «Ко всем *гражданам*» от 28.08.17, подписанного А. Ф. Керенским: «Призываю всех *граждан* к полному спокойствию и сохранению порядка, необходимого для спасения Родины» [История государства 2003: 356]. И в резолюции «О власти», оглашенной большевистской фракцией на заседании ЦИК 31 августа (13 сентября) 1917 г., предлагается декретировать «уничтожение всех сословных (дворянских и пр.) преимуществ, полное равноправие *граждан*» [История государства 2003: 357].

По-видимому, в тактических целях (а может быть, еще и во избежание ошибки в адресации к социально неоднородной аудитории?) готовившие очередную

революцию тоже активно использовали обращение *граждане*. Об этом свидетельствует очевидец: «А революция “углублялась”. Всё смелее подымали голову большевики... Большевики захватили самовластно дворец [М. Ф. Кшесинской] и превратили его обширный балкон в революционный форум... Говорили ораторы толпе, что эти дворцы, *граждане*, ваши! В них жили эксплуататоры и тираны, а теперь-де наступил час возмездия. Недостаточно забрать эти дворцы – нет, нет, нет, *граждане*! Надо уничтожить как гадов самих этих злостных кровопийц народных!» [Шаляпин 1991: 175–176].

Намерение, декларированное в резолюции «О власти», и было непродолжительное время спустя реализовано «Декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11.11.17: «Ст. 1. Все существующие доныне в России сословия и сословные деления *граждан*, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются. Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование *граждан* Российской Республики» [История государства 2003: 369]. В новом качестве слово *гражданин* успело быстро укрепиться и стало принципиально важным и высоко оцененным многими социальным знаком: «Из обычной повседневной жизни исчезло много выражений вежливости, так как современный *гражданин* цепко держится за равноправие и не хочет даже в языке допускать выражения чисто

словесного неравенства» [Баранников 1919: 76]; см. рассказ М. Зощенко «Честный *гражданин*» 1923 г.

Впрочем, несколько лет спустя гораздо более предпочтительным (может быть, не для всех, но для очень значительной части общества) оказывается всё-таки другой вербальный символ-вокатив: *товарищ*. Стать *товарищем*, выражаясь сегодняшним языком, гораздо престижнее и успешнее, нежели оставаться *гражданином*; ведь *товарищ* – «высшая партийная ценность» [Романенко 2003: 168], знак новой социальной иерархии, свидетельство абсолютной политической благонадежности и личной активной причастности к делам государственной важности. Так, в фельетоне М. Булгакова «Стенка на стенку» (1924) описывается, как сельский фельдшер, подавший заявление о вступлении в коммунистическую (тогда единственную и правящую) партию, но принявший затем участие в традиционном кулачном бою местных крестьян по поводу престольного праздника (т. е. религиозного предрассудка), появляется в укоме (уездном комитете партии): «Он был в кожаной куртке, при портрете вождя, и сознательности до того много было на его лице, что становилось даже немножко тошно. Поверх сознательности помещался разноцветный фонарь под правым оком фельдшера, а левая скула была несколько толще правой... Он приветствовал всех словами, полными достоинства: "Здравствуйте, *товарищи*". На что ему ответили гробовым молчанием. А секретарь укома... сказал фельдшеру такие слова: "Пройдите, *гражданин*, на минутку ко мне". При слове "*гражданин*" Талалыкина несколько передернуло... Он повесил голову и удалился из укома. Раз и навсегда» [Булгаков 1989, 2: 485–486].

Причем подобный прием развенчания уже применялся революционными вождями по отношению к бывшим единомышленникам, в том числе – зарубежным, например: «Во время заседания съезда австрийской социал-демократии, когда *товарищ* Элленбоген – тогда он еще не был **социал-патриотом**, тогда он был еще *товарищем* – делал свой доклад...» [Ленин 1976: 177].

Новый статус слова *гражданин* фиксируется советской лексикографией, снабдившей его соответствующей пометой: «*гражданин* – 1) 'подданный какого-н. государства'. «"Американский г.". "Вот он (пролетариат), творец мирового труда и г. всей вселенной"; 2) 'сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным' (ритор.). "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан". Некрасов; 3) 'взрослый человек, мужчина' (нов.). "Неизвестный г. раздавлен трамваем" // 'формула обращения к мужчине' (нов.). "Граждане, постойте!"» [СУ I: 613–614].

Близкие к приведенным дефиниции находим и в дальнейшем: «*гражданин* – 1) 'лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все установленные законами обязанности'. «Гражданин Советского Союза»; 2) 'взрослый человек, мужчина, а также форма обращения к нему'...; 3) высок. 'человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, служащий родине, народу'...; 4) устар. 'житель города, горожанин'» [МАС₂ 1981, I: 342].

Верно замечено, что «всё же оттенок официальности тоже накладывал свою печать на это

обращение [*гражданин*], поэтому не во всех случаях жизни им удобно пользоваться» [Формановская 1982: 113] (еще в 1940 г. Л. В. Щерба констатировал: «Слово *гражданин* всегда имело ореол чего-то возвышенного, однако сейчас мы скажем *гражданин Иванов*, извольте *выйти вон*, и отнюдь не *товарищ Иванов*: слово *гражданин* в смысле титула приобрело что-то официальное» [Щерба 1974: 274]). Но точнее было бы говорить в связи с этим о неких обертонах обращения *гражданин*, которые вносились в него применением в одной из наиболее привычных для многих сфер – в сфере правоохранительной деятельности. Ср. в следующих кинодраматургических микродиалогах: 1) «В дверь купе постучали. “Да!” – сказал следователь. Вошел Иван... “Здравствуйте, *гражданин* следователь”. Следователь, забыв свое важное положение, громко засмеялся. И проводник – не понимая, в чем дело, – тоже неуверенно подхихикнул... “Почему же я – *гражданин*?” – спросил следователь, отсмеявшись. “А как?” “**Обыкновенно** – *товарищ*”. Проводник понял, наконец, в чем дело, и чуть не захлебнулся в восторге от своей догадливости... “**Рано!**.. **Рано** *гражданином*-то. Это **потом**, чудаки!”» [Шукшин 1988в: 250–251]; 2) «“Думаю заняться сельским хозяйством, *гражданин* начальник” [обращается к начальнику колонии осужденный, у которого закончился срок лишения свободы]. “*Товарищ*”. “А?” – не понял Егор. “Теперь для тебя все – *товарищи*”, – напомнил начальник. “А-а! – с удовольствием вспомнил Прокудин. И даже посмеялся своей забывчивости. – Да-да! Много будет *товарищей*!”» [Шукшин 1988б: 292].

И в послесоветское время лексикографические характеристики слова *гражданин* меняются почти

незаметно: «*гражданин* – 1) 'лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей'; 2) 'взрослый человек, а также форма обращения к нему'» [ТСРЯ 1996: 139]. Иногда указывают на активизацию его употребления: *гражданин* офиц. 'лицо, пользующееся, наделенное правами гражданства в стране проживания' [ТССРЯ 2001: 185]. Следует отметить хотя бы один несомненный результат новейших социально-реформаторских экспериментов: исчезновение из лексикографии (а может быть, и не только) представления о *гражданине* как сознательном члене общества, подчиняющем свои личные интересы общественным и служащем родине и народу.

Впрочем, еще в период президентской избирательной кампании 1996 г. была, по существу, реанимирована ранее внедрявшаяся советской пропагандой интерпретация конституционного **права** гражданина участвовать в выборах органов власти как его **гражданского долга**, подлежащего неукоснительному исполнению. Ср.: «Председатель Центризбиркома Рябов сказал, что необходимо исполнить свой *гражданский долг*» [Время. ОРТ. 27.06.96]. «Корреспонденты "Взгляда" исполнили свой *гражданский долг*» [Взгляд. ОРТ. 05.07.96]. – и: «Мэр Саратова тоже исполнил *гражданский долг*» [24. Ren-TV.29.03.05]. «С чувством выполненного *гражданского долга* вы можете возвращаться домой и ждать результатов голосования» (из агитационно-рекламного видеоклипа ЦИК РФ) [РТР, октябрь 2007].

Товарищ

Этимологически это слово обычно рассматривают как общеславянское заимствование из тюркских языков [Фасмер 1973, IV: 68]; первоначальное значение, вероятно, – ‘компаньон в торговле’ [Шанский 1971: 444]. Ср., однако, и другое предположение: «от др. – рус. *товарь*, одним из значений которого и, м. б., старшим на вост. – слав. почве, было ‘стан’, ‘военный лагерь’ [в частности, Срезневский отмечает, что *товарь* – ‘стан’ (‘военный лагерь’), а форма слова на *іщъ* (*товарищъ*) могла возникнуть под влиянием др. – рус. *товарище* – также ‘стан’ у Срезневского]» [Черных 1993, 2: 247]. В. В. Колесов называет его в числе именованій, развивающих прежнее образное значение ‘соратник в походе’: *товарищ* – «тот, кто с тобой, в одном “товаре”, т. е. в торговой поездке, временный друг, но накрепко связанный с тобой всеми случайностями путешествия по диким и опасным местам» [Колесов 1986: 58]. Вплоть до XVI в. *товарищъ* – ‘участник, сотоварищ’: «“Свѣдомо вамъ, что приѣздиль здѣсе къ намъ попь Харитонъ отъ васъ съ товарищи на поставление”. Кипр. м. посл. Пск. дух. п. 1395 г. “Полъзь есми на судно послово и съ товарищи”. Афан. Никит. 331. “гс’ь оц’ь нашъ, защити и сохрани... и отъ товарища немлосерда и отъ сусѣда не люба”. Сбор. Кир. – Белоз. XV в.» [Срезневский 1958, III: 969]. Считают, что это новое слово утверждается «уже без всяких колебаний», вытесняя в соответствующих стандартных ситуациях слово *другъ* [Колесов 1986: 58].

В XVI–XVII вв. слово *товарищъ* (*товарыщъ*) употребляется, по-видимому, широко. Преимущественной сферой его использования являются официально-деловые документы, ср.: «“Во дворѣ тягломъ

Якушь Юревъ оконничникъ... да ему жъ Якушу князь Федоръ Мещерский съ товарищи поддали въ полдвора въ подмогу брата его Трешку..." [Новг. п. кн. II. 19. 1586 г.]. "И Великий Государь... на тѣхъ своихъ измѣнниковъ и воровъ, на Ивашка Заруцкого съ товарищи и на его единомышленниковъ, за ихъ нестерпимыя злые дѣла, послалъ боярь своихъ и воеводъ". ААЭ III, 53. 1614 г. "А ныне по нашему великого государя указу на него ж, вора и богаотступника и изменника на Стеньку Разина, и на его участников, на таких же воров, послан с Москвы... Иван Васильевич Бутурлин с товарищи". Разин. Восст. II–III. № 199. 142. 1670 г. "Буде они [бежавшие из Москвы «розных полков надворные пехоты многие люди»] про ково из товарищей своих или про поноровщиков скажут и тѣх потомуж велѣ имат и распрашивать про все подлинно". А. Дедил. воев. Избы. № 644. сст. 2. 1682 г.» и др. [КДРС].

Вместе с тем, слово *товарищъ* неоднократно встречается и в публицистике того времени: «"...Та же собака, изменник князь Семен Ростовский... своим изменным обычаем литовским послом, пану Станиславу Давойну с товарищи, нашу думу изнесе..." Ив. Гр. Посл... 41. 1564 г. "...Егда первое посылахом на Казаньскую землю воеводу своего, князя Семене Ивановича с товарищи..." Ив. Гр. Посл., 47. 1564 г. "...Паче же наругающе и попирающе ангельски образ, и согласующе ти ласкателем, и товарищем трапезы..." Курб. Эп. "...Епископъ Суздальский онъ, пьяный и сребролюбный, ...глагола: "Феодорить... давный согласникъ и товарищъ Артемьевъ; негли и самъ еретикъ есть""". Курб. Ист., 336. XVII–XVI вв. "Сему ж вражию совету бысть единомышленник Иван Плещеев с товарищи". Сказ. Авр. Пал... 190 об., 1620 г.» [КДРС]. Используется это слово и

в нейтрально-повествовательных частях летописей: «"Въ мае же послалъ государь на Волгу атамана Ляпуна Филимоновича съ товарищи..." Львов. Лет. II. 584 г. (под 1557 г.)» и др., а также в частной переписке [КДРС]; оно, несомненно, употреблялось и в устном разговорно-бытовом общении. Так, в Холмогорах или Архангельске Р. Джемс записывает в своем словаре-дневнике (1619): «*tovarish, a fallowe* приятель».

Вероятно, для XVI–XVII вв. слово *товарищ* можно считать общеупотребительным и не выражавшим какую-либо оценку называемого им лица. Однако не обнаружены свидетельства указанного времени об использовании этого слова в качестве обращения.

Русская лексикография XVIII в., по существу, подтверждая эти характеристики, указывает и на многозначность слова, причем старинное его значение, по-видимому, еще не забылось – оно не снабжено хронологической пометой: «*таварищъ* – 1) 'участник в торгу'; 2) 'в пространнейшем смысле значит: отправляющего одну с кем должность, находящегося в одном с кем состоянии'. "Таварищъ въ учении, въ пути"» [САР1], [САР2]. Почти совершенно совпадает с этой дефиниция в [Сл. Соколова], однако здесь иное написание заглавного слова – *товарищъ*.

Впоследствии лексикографические дефиниции заметно меняются: «*товарищъ* – 1) 'находящийся в одном с кем обществе, участвующий в делах или занятиях другого'; 2) 'помощник, сотрудник (министра)» [Сл. 1847 г.]; «*товарищъ* – 'дружка, сверстник, ровня в чем-либо; однолеток, односум, помощник, сотрудник, соучастник в чем; клевет, собрат'. "Товарищъ дѣтства", – 'совоспитанник'; "по службѣ" – 'сослуживец' –

“Въ дорогѣ сынъ отцу товарищъ” – оба равны, помогают друг другу... “Товарищъ министра” – ‘старший помощник, заступающий его’. В вербованных полках рядовой назывался товарищем. ...“Слуга барину не товарищъ”, “Чортъ попу не товарищъ”... “Родной братъ продасть, а товарищи не выдавцы”» и мн. др. [Даль 1955, IV: 409].

Слово *товарищ* довольно часто используется, например, в произведениях А. П. Чехова конца XIX в. в качестве, как выразились бы сегодня по-новорусски, корпоративного именованья; так называют членов профессиональных сообществ: актерского («Первый любовник» (1886) и др.), педагогического («Папаша» (1880); «Учитель» (1886), «Учитель словесности» (1889), «Человек в футляре» (1898) и др.), медицинского («Интриги» (1887), «Скучная история» (1889) и др.). Добавим, что в одном из писем М. П. Чеховой писатель приводит следующие тексты полученных им телеграмм в связи с постановкой пьесы «Дядя Ваня»: «Врачи-товарищи, члены VIII пироговского съезда русских врачей... шлют горячо любимому автору, своему дорогому товарищу выражение глубокого уважения и пожелание здоровья»... «Земские врачи глухих углов России, видевшие в исполнении художников произведение врача-художника, приветствуют товарища...» [Чехов 1957, 12: 472].

По крайней мере, к концу XIX в. обращение *товарищ* утверждается и в среде русского студенчества (см. [Гиляровский 1979: 220 и др.]).

Однако, вероятно, еще ранее слово *товарищ* укрепилось в кругу революционеров и сочувствующих им. Например, С. Г. Нечаев в «Катехизисе революционера» постоянно употребляет его по

отношению к приверженцам и участникам революционного движения: «*Товарищи*-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти...» и т. д.; здесь же *товарищество* – в значении «революционная организация». По-видимому, это обстоятельство тоже сыграло роль в распространении слова *товарищ*.

Весьма значительные трансформации судьба слова *товарищ* претерпела в конце XIX и особенно в начале XX в. вследствие крупномасштабных общественно-политических процессов. Изменения в семантике и прагматике слова отразились в дневниках, мемуарах и других произведениях многих очевидцев и участников исторических событий, причем особенно важными являются два обстоятельства: во-первых, различные (иногда – диаметрально противоположные) оценки разными авторами (в том числе – устами их персонажей) революционных нововведений, что позволяет полнее определить роль социального фактора в судьбе слова *товарищ*; во-вторых, высокая степень образованности, литературной одаренности, языкового вкуса авторов, что помогает лучше увидеть и понять динамику семантико-стилистических эволюций слова.

Так, в рассказе «Губернатор» (1905) один из персонажей именует своими *товарищами* участников революционной организации [Андреев 1957: 340–341]; в рассказе того же автора «Иван Иванович» (1908) *товарищами* называют друг друга члены революционных боевых дружин [Андреев 1957: 367, 368, 373], когда же так пытается обратиться к дружинникам их пленник – околоточный надзиратель, это немедленно вызывает отторжение и угрозы, и он использует обращение *граждане*, показавшееся боевикам смешным в устах

полицейского [Андреев 1957: 366]. Вокатив *товарищ* используют между собой и идущие на казнь революционеры [Андреев 1957: 442].

Косвенная характеристика того, как воспринималось обращение *товарищ* в формирующемся новом значении, содержится в пересказе монархистом М. В. Родзянко выступления одного революционно настроенного оратора: «Вот председатель Государственной думы всё требует от вас, чтобы вы, *товарищи*, русскую землю спасали... Так ведь, *товарищи*, это понятно... У господина Родзянко есть что спасать» [Шульгин 1989: 215]. Интересно замечание того же мемуариста, как и Родзянко – убежденного защитника самодержавия, о том, что после его речи перед гарнизоном Петропавловской крепости 1 марта 1917 г. о необходимости поддерживать воинскую дисциплину и оборонять крепость («слушали, по-видимому, понимали и даже сочувствовали»), «кто-то крикнул: “Ура *товарищу* Шульгину!” Но, уходя под это “ура”, я очень ясно чувствовал, что дело скверно...» [Шульгин 1989: 209].

Другой мемуарист так вспоминает о событиях буквально следующего дня: «...Вечером 2 марта [1917 г.] делегация Совета [Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов] вновь явилась к П. Н. Милюкову с предложением выработать окончательный текст...
...Была... присоединена следующая вступительная часть: “*Товарищи и граждане*, новая власть, создавшаяся из общественно-умеренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которые она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы”» [Милюков 1991: 23]. Здесь интересно сочетание обращений *граждане*, вероятно, адресованное именно

представителям «общественно-умеренных слоев», – и *товарищи* – для остальных; по-видимому, такая конструкция должна была удовлетворить всех «реформаторов» без исключения.

Конечно, восприятия и оценки разными адресатами обращения *товарищ* варьировались, в том числе и в зависимости от эмоциональных факторов: «Революционеры-каторжане [возвращавшиеся из Сибири после февральской революции 1917 г.], оказывается, очень меня любят как писателя, и я, хотя и отклонял от себя почетное слово – *товарищ*, но они мне на митингах заявили, что я – “ихний” и я их *товарищ*. Я был с ними на каторге и в неволе, – они меня читали, я облегчал им страдания» [Шмелев 1989б: 21].

Непривычность использования слова *товарищ* в качестве вокатива очевидно обратила на себя внимание мемуариста, вспоминающего об одном из эпизодов 3 марта 1917 г.: «...У подъезда собралась кучка любопытных, приветствовавшая Керенского при его появлении. Тут были дворники и прислуга нашего и соседних домов и случайно остановившиеся прохожие. Керенский, стоя в автомобиле, произнес им краткую речь, начав ее словами “*товарищи!*» [Карабчевский 1991: 166].

Слово *товарищ* именно в качестве обращения становится в массах революционно настроенных носителей языка всё более популярным. Ср. фрагмент протокола заседания Совета рабочих и солдатских депутатов Коломенского района Петрограда (от 2 августа 1917 г.): «*Товарищи!* Будьте на страже, копите силы, укрепляйте революционные организации, сплывайтесь вокруг них...» [Хрестоматия 2005: 283].

И. А. Бунин в дневниках (1917–1918) использует слово *товарищ* и его производные в качестве резко пейоративных: «Позавчера Телешов рассказывал, как на него замахнулся хлыстом (в банке) какой-то "*товарищ*" – из начальства при банке – и крикнул: "Молчать!"»; «Подошел кто-то, что-то "*товарищеское*", хотя мужик (молодой)...» [Бунин 1988, 6: 411, 396]. Писатель, один из участников диалогов «На пиру богов», заявляет: «Обратите внимание, как изменился даже внешний вид солдата, – он стал каким-то звероподобным, страшным, особенно матрос. Признаюсь вам, что "*товарищи*" кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими духовными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян – homo socialisticus» [Булгаков 1991: 80].

Ср. оценочно близкое высказывание литературного персонажа: «"*Товарищи* грабить поехали, пропасти на них нет!" – про себя решил человек с мешком...» [Платонов 1988: 320].

Проблема выбора обращения либо к незнакомому, либо к социально чуждому лицу становится в связи с этим весьма актуальной. Иногда при знакомстве представляющийся сам четко обозначает свою политическую ориентацию (а заодно – принадлежность к правящему классу). Ср. – в ироническом изложении рассказчиком событий 1918 г.: «Юноша с оттопыренными губами и ушами величественно протягивает мне руку и отрекомендовывает себя: "*Товарищ* Мамашев"» [Мариенгоф 1990: 23].

В других случаях у адресанта, не утратившего прежней самоидентификации, возникают значительные затруднения: «Мне вспоминается... петербургский

[советский] не то воевода, не то губернатор *тов.* Москвин... Узнаю: концерт запрещен... Кто запретил? Москвин... Оказывается, есть такой губернатор в Петербурге... Позвонил по телефону, вызываю губернатора Москвина: "Как это, *товарищ* (а сам думаю, можно ли говорить "*товарищ*" – не обидится ли, приняв за издевательство?), слышал я, что вы концерт мой запретили". "Да-с, запретил, запретил-с, *сударь!*" – слышу я резкий, злой крик» [Шаляпин 1991: 184].

М. А. Осоргин даже счел нужным особо указать на оплошность итальянского филолога-русиста, «упустившего случай» в своей статье «поговорить о сменившем слово *господин* слове *товарищ*, символе коммерческой сметки (от "товар")» [Осоргин 1990: 56] – видимо, в полемическом запале не приняв во внимание собственно историю этого слова в русском языке. Впрочем, отечественные лингвисты сразу же заметили изменения в семантике и употреблении слова. Например, А. П. Баранников констатировал: «В кругах рабочих, крестьян и солдат вскоре после революции слова *господин*, *барин*, если не исчезли, то стали ругательными. В интеллигентских кругах слово *товарищ*, раньше обозначавшее только человека, связанного с нами общим занятием и общими интересами, после революции стало просто личным местоимением, подобно тому, как в древнеиндийском языке слово *bhagavan*, обозначавшее раньше "господин", стало равнозначно нашему *Вы*. Новое значение слова *товарищ*, как личного местоимения, видно хотя бы из того, что оно утратило род и стало употребляться в обращениях к лицам того или другого пола; причем особенно характерным является народное посредствующее между приведенными значениями – старым и новым в смысле

личного местоимения – выражение, употреблявшееся хоть и в шутовском смысле, но тем не менее знаменательное: *товарищ в юбке*. Слово *товарищ* своим значением чрезвычайно далеко отошло от соответствующей ему формы женского рода *товарка*, которое продолжает сохранять свое старое, дореволюционное значение. В мае – июне [1917 г.] слово *товарищ* стало обозначать в тех же кругах только солдат и рабочих, а несколько позднее – специально только большевиков и полее» [Баранников 1919: 79–80].

Иногда вложенное в уста литературного героя обращение, в высшей степени нехарактерное для описываемой социальной среды, позволяет автору подчеркнуть свое отношение к персонажу (и, естественно, передать это отношение читателю). Так, малосимпатичный редактор белоэмигрантской «Газеты», во «внутреннем механизме» которого «рядом с кнопкой “Локарно” была кнопка “локаут”, и где в ложно умную, ложно занимательную игру вовлекались разнокалиберные символы: “пятерка кремлевских владык” или “восстание курдов” или совершенно потерявшие человеческий облик отдельные имена: Гинденбург, Маркс, Пенлеве, Эррио... это был мир вещей предсказаний, предчувствий, таинственных комбинаций, мир, который был во стократ призрачней самой отвлеченной мечты»; редактор, который «профессионально перевирает цитату» из хрестоматийных пушкинских «Стансов», и не только ее [Набоков 1990, 3: 32–34, 65] – такой редактор, конечно же, вполне способен, в силу столь своеобразной речевой компетентности, сказать во многом близким ему «участникам литературных посиделок», тоже

белоэмигрантам: «Да!.. всё на свете кончается, *товарищи*» [Набоков 1990, 3: 48].

Интересно и то, что слово *товарищ* как обращение и одновременно знак социально-политической принадлежности могло применяться в тексте художественного произведения для изображения тайного противника революционных сил. Таков эпизод романа А. Н. Толстого «Восемнадцатый год»: «Там [в комнате начштаба армии Сорокина], с ногами на ободранном диване, лежал щегольски одетый военный, рассматривая ногти. С крайней вежливостью и вдумчиво-пролетарским обхождением, через каждое слово поминая "*товарищ*" (причем "*товарищ*" звучало у него совсем как «граф Соколовский», «князь Телегин»), он расспросил о сути дела, извинился и вышел, поскрипывая желтыми, до колена шнурованными башмаками... Соколовский горящими глазами глядел на Телегина: "Ты понимаешь что-нибудь? Куда мы приехали? Ведь это что же, – белый штаб?"... Вошел начальник штаба [бывший полковник царской армии – «он всем нутром, во сне и наяву, ненавидел красных»]: "Дежурный мне передал, что вы, *товарищи*, прибыли по срочному делу", – сказал он холодно и важно... – "Хвалю ваше усердие, ваш революционный пыл. (Он как бы подыскивал слова). Но впредь я просил бы не развивать паники..." Соколовский сидел, точно его пришибли: "Я не могу вернуться в полк с таким ответом... Предупреждаю, что на митинге я буду говорить за выступление..." Начштаба начал багроветь...: "И вы ответите перед ревтрибуналом армии, *товарищ*! Не забываете, у нас не семнадцатый год!" – "Не запугаете, *товарищ*!"» [Толстой 1982: 395–396].

Несколько иной пример гиперкорректного употребления обращения *товарищ* содержится в

«шутейном рассказе» (1923): сельская красавица знакомится с представителем уездного политпросвета, «светловолосым красивым юношей, *товарищем* Васютиным»: «Таня два раза мимо проплыла, наконец насмелилась: “Здравствуйте, *товарищ!*..” – “Пойдемте, *барышня* [!], освежимся!”, – и Васютин взял ее под руку...»; «“Ужаси в нашем месте скука какая. Одна необразованность”, – вздыхала Таня.. “А вы что же, в городе жили?” – “Так точно. В Ярославле. У одной барыни паршивой служила по глупости, у буржуазки. Теперь я буржуев презираю. А вы, *товарищ*, женились когда-нибудь гражданским браком?”» [Шишков 1961: 529–531].

Изменения в частотности употребления слова *товарищ* могут служить и дополнительной приметой времени описываемых в художественном тексте событий; например, «здоровый частник» (его очевидный сегодняшний аналог – «эффективный собственник») Корейко прибывает в Москву, когда «слово *гражданин* начинало теснить привычное слово *товарищ*» [Ильф, Петров 1957: 373] – т. е. при введении нэпа.

Довольно многочисленны примеры вариативности формы обращения, диктуемой разными факторами (прежде всего социальной принадлежностью речедеятелей, с которой сопряжены и ситуации общения), в произведениях М. Булгакова 1920–30-х гг.

См. в очерке 1922 г.: если извозчики к «лимонным» людям (т. е. нэпманам и под.) обращаются *господин*, то «обыкновенная совпублика – пестрая, многоликая масса» «ездит в трамваях» и «носит у московских кондукторш название: *граждане* (ударение на втором слог)»:

«Граждáне, получайте билеты. Граждáне, продвигайтесь вперед» [Булгаков 1989, 2: 227–228].

Варьирование обращений явно неслучайно, как и последовательность реплик одного и того же персонажа повести, опубликованной в 1924 г.: «“Не налезайте, *господа*, а то вы мне, *товарищи*, стол опрокинете... *Граждане!*” – плачущим голосом запел кассир...» [Булгаков 1989, 2: 8]. Ср. вариативность обращений в следующих микродиалогах из хронологически близкого текста (вариативность, определяемую прежде всего разными культурно-образовательными уровнями вынужденных собеседников): «“Что-то вы меня, *папаша*, больно притесняете”, – вдруг плаксиво выговорил человек. Филипп Филиппович покраснел... “Кто это вам тут “*папаша*”? Что это за фамильярность? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня по имени и отчеству!”... “Да что вы все... то не плевать, то не кури... – человек возмущенно лаял... – А ежели бы я у вас помер под ножиком? Вы что на это возразите, *товарищ?*” – “...Я вам не *товарищ!*” – ...“Уж конечно, как же... Мы понимаем-с! Какие уж мы вам *товарищи!*”» – «“Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно “*Шариков*”, – и я и доктор Борменталь будем называть вас “*господин Шариков*”. – Я не *господин, господа* все в Париже, – отлаял Шариков. – Швондерова работа! – кричал Филипп Филиппович. – ...Не будет никого, кроме *господ*, в моей квартире!..» (см. там же: «Старуха попятилась к дверям и заговорила, обидевшись: “Чтой-то уж больно дерзко, *господин профессор*”» [Булгаков 1989, 2: 176]).

Наконец, в романе «Мастер и Маргарита»: «Что вы, *товарищи*... – прошептал ополоумевший администратор, сообразил тут же, что слово “*товарищи*” никак не

подходит к бандитам, напавшим на человека в общественной уборной, прохрипел: – *Гражда...* – смекнул, что и этого названия они не заслуживают...» [Булгаков 1990, 5: 111].

Объясняя эволюции слова *товарищ* после 1917 г., Л. В. Щерба указывал и на возникшую у него эмоциональную окрашенность: «...Слово *товарищ* первоначально употреблялось преимущественно в тех случаях, когда были основания думать, что обращаешься к единомышленникам. Постепенно употребление это несколько расширилось, но всё же его происхождение и сохраняемая им благодаря этому **задушевность** мешают употреблять его по отношению к явно несимпатичному человеку: *гражданин* Иванов, скажем мы в таком случае. В результате слово *гражданин* в известных условиях неожиданно может получать неодобрительный оттенок, несмотря на возвышенный характер понятия, им выражаемого» [Щерба 1957: 127].

Однако – столь же неожиданно – оказывается, что *товарищ* – не только «высшая партийная ценность», но и «возможный, потенциальный враг» [Романенко 2003: 168]: «Характерным лингвистическим сигналом и дополнительной негативной оценкой слов этой группы [«образ врага»] являются указательные местоимения *этот* (*эти*), реже *такой*. Например: “И все **ЭТИ** *товарищи*, к сожалению приходится считать их *товарищами*, пока не принято решение, – **ЭТИ** *товарищи* вели гнусную, контрреволюционную, противонародную линию”; ...“Есть и **такие** *товарищи*, которые утверждают, что яфетическая теория и есть марксизм в лингвистике”... Дополнительной негативной оценкой этой группы являются неопределенные местоимения *кое-кто*, *отдельные*, *некоторые*, употребляемые, как правило, с

существительным *товарищи*. Например: “**кое-кто** из наших *товарищей* поторопились кое-где с введением непрерывки...” “В такой большой партии, как наша... не могло не оказаться **отдельных товарищей**, недостаточно стойких и трезвых в деле борьбы с врагами народа”. “**Некоторые** обывательски настроенные *товарищи* до сих пор еще думают, что можно было обойтись без борьбы с уклонистами”. “**Некоторые товарищи** думают, что обезличку можно уничтожить заклинаниями...”» [Романенко 2003: 117, 121–122].

В то же время четкая социально-политическая маркированность слова *товарищ* прочно укрепилась в сознании носителей русского языка. Это можно проиллюстрировать диалогом литературных персонажей, происходящим в весьма драматичных обстоятельствах: его участники, как и рассказчик, – пленные красноармейцы. «И слышу я рядом с собой такой тихий разговор. Один говорит: “Если завтра... нас выстроят и будут выкликать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, взводный, не прячься! ...Я первый укажу на тебя! Я же знаю, что ты – коммунист и меня агитировал вступить в партию...” ...Чей-то молодой голос отвечает: “Я всегда подозревал, что ты, Крыжнев, нехороший человек. Особенно, когда ты отказался вступить в партию, ссылаясь на свою неграмотность. Никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем... <...> Не выдавай меня, *товарищ* Крыжнев”. А тот засмеялся тихонько. “*Товарищи*, – говорит, – остались за линией фронта, а я тебе не *товарищ*, и ты меня не проси, все равно укажу на тебя. Своя рубашка к телу ближе”» [Шолохов 1960, 8: 47].

Перемены, происшедшие со словом *товарищ* в советскую эпоху, отчетливо отражены в соответствующих

толковых словарях. В [СУ] «*товарищ* – 1) ‘человек, действующий, работающий вместе с кем-нибудь, помогающий ему, делающий с ним общее дело, связанный с ним общим занятием, общими условиями жизни, и потому близкий ему’; 2) ‘член своей политической партии (в языке революционных партий, в особенности – коммунистов)’. “Этот товарищ – прекрасно образованный марксист”. “Поручить дело нескольким энергичным товарищам”. “Доклад будет сделан товарищем из районного комитета”. “На этой (Таммерсфорсской) конференции впервые лично встретились Ленин и Сталин. До этого они поддерживали связь между собой письмами или через товарищей”. История ВКП(б). // ‘Член советского общественного коллектива, человек, принадлежащий к советскому обществу, всякий, кто вместе с другими участвует в общей советской работе’ (нов.)...; 3) ‘то же – при фамилии или звании человека своей (партийной, советской) среды’... (нов.) // ‘при фамилии или звании-обращении к человеку такой среды’ (нов.)... “Товарищи матери, берегите здоровье своих детей!” // без имени или звания – обращение к любому взрослому постороннему, незнакомому человеку в советской среде (за исключением случаев, когда известна или предполагается его принадлежность к чужой социальной среде; нов. разг.). “Товарищи, соблюдайте очередь”. “Потеснитесь, товарищи, дайте место старушке”. 4) **кого** в наименованиях званий и должностей ‘помощник, заместитель’ (дореволюц. офиц.). “Товарищ министра”. “Товарищ прокурора”. “Товарищ председателя”».

По мнению А. П. Романенко, «в описании первого значения [*товарищ* в СУ] “новизна” проявляется в употребленных АКС [архетипических ключевых словах] и

примерах. В описаниях второго и третьего значений новое всё (о чем свидетельствует и помета “нов”), причем “новизна” эта так значима, что в примерах из советской и партийной жизни не используется традиционное лексикографическое сокращение слова до начальной буквы. Об этом же свидетельствует исчерпывающая полнота примеров» [Романенко 2003: 138].

В [БАС₁] «*товарищ* – 1) ‘человек, участвующий с кем-либо в одном деле, промысле, предприятии и т. п.; компаньон, сотоварищ’ // ‘попутчик, спутник’... 2) ‘человек, связанный с другим общей профессией, местом работы, коллега’ // ‘человек, занимающий равное с другими людьми положение в обществе, коллективе; ровня’ // ‘человек, дружески расположенный к людям, с которыми связан, всегда готовый им помочь, услужить’... 3) ‘человек, связанный с кем-либо узами дружбы; близкий приятель, друг’... 4) ‘человек, идейно связанный с другими людьми, участвующий вместе с ними в общем деле, борьбе и т. п.; соратник, единомышленник’. “Слово “товарищ” выражает и единение, и равенство, и братство, и уважение, и сотрудничество”. Н. С. Хрущев. Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС. II. 6 // в языке революционеров – ‘член своей политической партии, соратник по политической и революционной деятельности’... 5) ‘о человеке нового, социалистического общества; о советском человеке’. “Наше слово гордое “товарищ” нам дороже всех красивых слов”. Леб. – Кумачом человеке (обычно в речи врагов)’... 6) употребляется при фамилии человека. “Песня о Родине”. “Надо обвязать мужчин и женщин Словом, нас объединяющим: “Товарищи””. Маяк. Любовь. // ‘о члене советского коллектива, учреждения, предприятия и т. п.’

// 'о стороннике советской власти, о советсксвоей (партийной, советской) среды. 7) устар. 'в наименованиях званий, должностей (в дореволюционной России) – помощник, заместитель'».

Нетрудно заметить каково учтенное составителями [БАС₁] перераспределение семантических позиций в иерархии значений слова, отражающее ряд изменений в его статусе уже в советскую эпоху. Так, значение 1 [СУ] дифференцируется на два самостоятельных значения. Значение 2 [СУ], подчеркивающее прежде всего факт принадлежности *товарища* к революционной, особенно – коммунистической партии, видеоизменяется [БАС₁] в указание не на формально-организационную общность, а на единство идейных убеждений, и лишь как оттенок этого значения выступает «член своей политической партии» (причем «в языке революционеров»).

Оттенок значения 2 [СУ], подаваемый как самостоятельное значение 5 [БАС₁], утрачивает помету **нов.** так же, как и значение 3 [СУ], перемещенное в [БАС₁] на 6-е место. [БАС₁] не приводит помеченного как нов. разг. второго оттенка значения 3 [СУ], по-видимому, потому, что вследствие многообразных процессов состав общества стал однородным и возможность ошибочного обращения к социально чуждому элементу составители [БАС₁] уже не учитывают. На последнем месте в [СУ] и [БАС₁] – ставшее архаичным значение слова; дефиниции различаются лишь тем, что для составителей [СУ] важно акцентировать «старорежимность» этого значения, а для составителей [БАС₁] – его устарелость. Кроме того, в словарной статье [СУ] отсутствует определение значения, аналогичное значению 3 [БАС]; только значение 1 [СУ] до некоторой степени схоже с «близкий

приятель, друг», но и в этом случае основание для близких отношений усматривается именно в общей работе, или в одинаковости, равенстве материального и общественного положения.

В [МАС₁] «*товарищ* – 1) 'человек, близкий кому-либо по общности взглядов, деятельности, условиям жизни и т. п., связанный с кем-л. дружбой' // устар. "'компаньон'" ...; 2) 'член какого-либо (обычно революционного) партийного коллектива, какой-либо (обычно рабочей) общественной среды' // в том же значении при фамилии или имени члена такого коллектива, в обращении... 3) 'гражданин, человек в советском обществе' // в том же значении при фамилии, профессии, звании такого человека, в обращении... 4) кого. устар. в названиях должностных лиц».

В [МАС₂] «*товарищ* – 1) 'человек, участвующий с кем-либо в одном деле, промысле, предприятии и т. п.; сотоварищ' // 'член торговой или промышленной компании; компаньон' // устар. 'попутчик, спутник'...; 2) 'человек, связанный с кем-л. по роду деятельности, занятий, месту службы, учебы и т. п.' // 'человек, занимающий равное с другими людьми положение в обществе, в коллективе и дружески расположенный к ним'; 3) 'человек, связанный с кем-л. узами дружбы, близкий приятель; друг'... 4) 'член революционной рабочей партии, партийного рабочего коллектива' // в том же значении при фамилии или имени члена такого коллектива // в обращении; 5) 'гражданин, человек в советском обществе' // в том же значении при фамилии, профессии, звании такого человека // в обращении; 6) кого. устар. в названии такого человека // в обращении;

б) кого. устар. в названиях должностных лиц: 'помощник, заместитель'».

За 20 лет – между первым и вторым изданиями Словаря русского языка АН СССР в четырех томах – в употреблении слова *товарищ* произошли новые изменения, послужившие причиной переработок словарной статьи в МАС₂ и ее отличий от соответствующих в СУ, БАС₁ и МАС₁. Сходные определения значений оказались передвинутыми: ср. знач. 2 [МАС₁] и знач. 4 [МАС₂], знач. 3 [МАС₁] и знач. [МАС₂]; объединенное в знач. 1 [МАС₁] расслоилось на знач. 2 [МАС₂] и знач. 3 [МАС₂]. Интересно, что на первое место [МАС₂] вновь вышло значение, близкое знач. 1 [СУ] и особенно знач. 1 [БАС₁]; при этом на последнем месте во всех четырех словарях находится устаревшее – терминологическое.

Конечно, наиболее явными по сравнению с предшествующими периодами были трансформации в семантике, характере использования и сочетаемости слова *товарищ*, зарегистрированные СУ и впоследствии утратившие новизну. Однако и в последующее время его дефиниции не остаются неизменными.

Между прочим, довольно любопытно, что наиболее авторитетные, академические толковые словари русского языка советской эпохи не приводят в качестве иллюстрации использования слова *товарищ* как обращения хрестоматийно известные строки А. С. Пушкина: «*Товарищ*, верь: взойдет она, Звезда пленительного счастья...» [Пушкин 1977, I: 307]; то же – и в «Словаре языка Пушкина», где это слово вообще не отмечено в функции вокатива [СЛЯП 1961 IV: 524–525], хотя цитируемые строки иллюстрируют одно из значений

глагола *верить* [СЛЯП 1956 I: 240]. Можно лишь предполагать, почему высококвалифицированные лексикографы того времени не использовали такой пример, безусловно выигрышный в том числе и с точки зрения доминировавшей тогда идеологии.

«Постепенно выветривался острый социальный смысл, связанный с разделением общества на *товарищей* и «*нетоварищей*», и обращение сделалось применимым к любому человеку» [Формановская 1982: 110].

По мнению В. В. Колесова, «в известной песне на слова В. Лебедева-Кумача [«Песня о Родине»], которую пела вся страна, слово *товарищ* названо *гордым*, и это верно. Но это же объясняет и то, почему ни официальное *гражданин* (всегда требует обращения на вы), ни партийное слово *товарищ* (обычно на ты) не годятся как обращение в бытовом разговоре с незнакомым человеком, и на практике это всеми осознаётся. Ведь и *гражданин*, и *товарищ*, слова политического лексикона, по смыслу своему не только объединяют людей общим словом, они и противопоставляют их по какому-то признаку, достаточно важному, чтобы его учесть» [Колесов 1988: 251].

Вместе с тем, трудно переоценить длительную устойчивую важность слова *товарищ* в формировании, укреплении и функционировании советской системы аксиологических ориентиров и установок межличностных отношений. Действительно, это слово принадлежит к числу «слов-символов», которые «имеют непосредственное отношение к строению нормативной речемыслительной системы советской логосферы. Но в то же время они незаметны... обычны и не осознаются говорящими в качестве ключевых символических слов.

Используя терминологию К. Юнга, их можно отнести к коллективному бессознательному и назвать **архетипическими ключевыми словами**» [Романенко 2003: 128]. Впрочем, именно эта «незаметность и обычность» слова гарантирует эффективность его использования для достижения политически и социально значимых целей.

Однако с наступлением т. н. перестройки резко меняется – в том числе – судьба слова *товарищ*, и как обращения – тоже: к власти стремятся иные, чем прежде, социальные силы (частью формально прежние, но преследующие теперь совсем другие цели). Ср.: «И вот представитель высшей советской буржуазии [«народный депутат» Евтушенко] предлагает отменить монополию на власть коммунистической аристократии. Для того, чтобы передать ее выборным представителям буржуазии. Себе и своим приятелям... И, как любая другая группа, она ссылается на народ, дескать, власть должна достаться нам, дабы народу стало хорошо...» [Лимонов 1992: 198–199]; ср.: *господарищи* [Поляков 2007: 96].

Затем, уже во время реформ, «в бывшем ГАИ состоялась такая сцена: ...Сидит подполковник. Инвалид спрашивает: “Как к вам теперь обращаться: *господа* или *товарищи*?” “Мы *товарищи*. *Господа* сидят в Думе”. Вспомнил в связи с этим, что слово “*господин*” применительно к живому обращению я действительно впервые услышал в Госдуме, в 1992 или 1993 г.» [Есин 2002: 361].

Эти изменения отразились в послесоветской лексикографии. Например: «*товарищ* – 1) ‘человек, близкий кому-н. по взглядам, деятельности и условиям жизни, а также человек, дружески расположенный к

кому-н.'; 2) '**при советской власти** (обычно перед фамилией, званием, должностью, профессией) обращение к *гражданину* (во 2 знач.), а также его упоминание, обязательное обращение или упоминание применительно к члену коммунистической или дружественной партии'; 3) кого 'в названиях некоторых должностей: помощник, заместитель'» [ТСРЯ 1996: 788]; также (с графической пометой, указывающей на уход слова в пассивный лексический запас): «*товарищ* – **в советск. время**: 'обращение к незнакомому человеку; официальное именование советского человека'» [ТССРЯ 2001: 782].

Коллега

Конечно, последний по счету этап эволюции слова *товарищ* как вокатива было довольно легко прогнозировать (см., например, [Васильев 1992]). Небезынтересно, что во многих сегодняшних ситуациях официального и полуофициального общения ему на смену пришло обращение *коллега* (особенно в форме мн. ч.).

Наиболее ранние фиксации его, по данным [КДРС], относятся к началу XVIII в.: «"Коллега – 'товарищ, клевет'" . Лекс. вокаб. нов. "Самые угоднейшие от числа коллеговъ, или сосъдателей особы..." Дух. Реглам., с. 5. 1721 г.» Обычно в качестве языков-посредников, через которые слово вошло в русскую лексику, называют польский и немецкий [Смирнов, 1910]. Иногда слово *коллега* включают в число заимствованных в результате знакомства с западноевропейскими системами образования [История лексики, 1981: 69], однако, по-видимому, его значение, как и сфера употребления в

русском языке, была изначально шире. Интересно отметить, что в [Сл. 1847 г.] и в [Даль 1955] существительное *коллега* не приводится (даны только однокоренные слова); нет его и в ряде словарей иностранных слов второй половины XIX в., хотя, по данным [БКСО], оно становится употребительным, особенно в 1870–1880-е гг., в частности, в речи врачей, юристов и т. п. – лиц, владеющих латинской терминологией, связанных корпоративными интересами и занимающих формально равное положение в иерархии профессионального сообщества: «...Уважаемый *коллега* Жила у актрисы Семирамидиной принял блуждающую почку за абсцесс...» (А. Чехов, «Интриги»). «Действительно на консилиумах он [доктор Шелестов] иногда возвышает голос и обрывает *коллег*, не стесняясь присутствием посторонних...» (там же). «Увидев входящего защитника, оба они [товарищ прокурора и гражданский истец] приятно удивились... – *Коллега!* Какими судьбами?» (А. Чехов, «Первый дебют»). Ср. в речи представителей иных специальностей: «Многие ее *коллеги* по археологии и первобытной культуре “зашибаются” славянофильством...» (П. Боборыкин, «Перевал»). «Наш почтенный *коллега*, господин Чертополохов, вчера благополучно возвратился из своего кругосветного путешествия» (В. Дорошевич, «Южные журналисты»). Следует заметить, что и в этот период существовали расхождения в склонении слова *коллега*, связанные, как полагают, с влиянием французского языка, где *collegue* – существительное мужского рода [Сл. Акад. 1911], например: «О первом заключении говорил [протопоп Туберозов] с довольно умным *коллегом* своим, отцом Николаем...» (Н. Лесков, «Соборяне», гл. 5). «В Дерпте не водятся профессора,

считающие... всех своих *коллегов* подлецами» (Н. Пирогов, «Дневник старого врача»).

В повести А. П. Чехова «Скучная история» интересны примеры варьирования существительных, обозначающих в речи персонажей-медиков их собратьев по профессии. Так, в беседе с рассказчиком, пожилым профессором и знаменитым ученым, пришедший к нему (очевидно, тоже весьма авторитетный его сверстник) «товарищ» именуется рассказчика «*collega*» («мы не можем... не золотить нашей речи всякой китайщиной, вроде: “Вы изволили справедливо заметить...”», т. е. это обращение входит в ритуал общения маститых ученых). В разговоре же с молодым и малосимпатичным доктором (которого рассказчик иронически называет про себя «молодой жрец науки») обращение профессора к нему – «*коллега*» – подчеркнуто транслитерировано [Чехов 1955, 6: 279–283].

О популярности обращения *коллега* и в среде русского дореволюционного (до 1917 г.) студенчества свидетельствует фрагмент воспоминаний писателя: «Я прохожу по вагонам. В руках у меня щипчики для пробивания железнодорожных билетов... Шикарная ветка Кисловодск – Минеральные Воды обслуживается летом студентами... Я приехал сюда на заработок... Вежливо кланяясь и улыбаясь, подходит ко мне кассир. “*Коллега*”, – говорит он мне (**хотя он не студент**), – на пару слов... – *Коллега*... если хотите – не надо, я не настаиваю... только не вздумайте кому-нибудь об этом рассказать» [Зощенко 1987, 3: 470–471].

Словари иностранных слов на рубеже XIX–XX вв. объясняют значение слова *коллега*, исходя прежде всего из представления об общности рода занятий для

именуемых так лиц. Так, Бурдон и Михельсон [1899] толкуют его так: «*коллега* лат. *collega* – ‘сотоварищ, собрат по службе, занятию’»; Берг [1901]: «*коллега* – ‘товарищ по занятиям’»; Ефремов [1911]: *коллега* лат. – «товарищ по занятиям, сослуживец». Более полное значение слова и характеристика его употребления даны в [Сл. Акад. 1911], где: «*коллега* латинск. *collega* – ‘товарищ по занятиям, особенно научным’. Употребительно у врачей, студентов, юристов, художников и т. п., особенно как обращение к товарищу»; также «‘ласковое обращение профессора к студенту’».

В [ПС 1922] «*коллега* – ‘товарищ по занятиям’».

[СУ] выделяет два значения – архаичное и «живое»: «*коллега* латин. *collega* – устар. ‘товарищ по учению или преподаванию в университете’. Он – мой к. по университету (профессор о профессоре или студент о студенте) // ‘товарищ по всякой работе, профессии’». Действительно, в первой половине XX в. и позднее происходило расширение использования слова применительно к представителям самых разных профессиональных сфер, ср.: «“Победитель всех своих *коллег* [Миних]... оказался в трагически-беспомощном положении...” Покровский. Русская история., Ш. “Непопулярным оказался этот генерал и среди своих *коллег...*” Игнатъев. 50 лет в строю. “Элемент дружбы... можно было найти в личном общении Лавалю с его советскими *коллегами* [дипломатами]”. Известия 1935 г. [примечательно, что здесь слово *коллега* как бы уравнивает и объединяет разделенных идеологическими и политическими барьерами – А. В.]. “...Я заключил, что Попков [председатель колхоза] охарактеризовал своего *коллегу* верно”. Линьков. Война в тылу врага. “Кучера...

уже собирались в круг и раскуривали первые папиросы... Афанасий распряг своих лошадей и, вынув кисет, не спеша направился к своим *коллегам*». Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды. П, ХХІХ» [БКСО].

Несколько иначе слово представлено в [БАС₁]: «*коллега* – ‘товарищ по учебе в высшей школе, по профессии или работе’ // ‘в обращении к сослуживцу, лицу той же профессии и т. п.’». В [СИС 1954] «*коллега* лат. *collega* – ‘товарищ по работе, по профессии, должности или званию’». В [МАС₁], [МАС₂] «*коллега* – *книжн.* – ‘товарищ по работе, по совместной учебе (в высшей школе), по профессии’»; то же – в [СИС 1979] и [СИС 1988] (за исключением пометы *книжн.*).

Любопытно, что в последние годы в российской военной и сколько-нибудь военизированной (например, милицейской-полицейской) среде обращение *коллега* (особенно во мн. ч.) стало употребляться чрезвычайно широко (за исключением разве что строевых мероприятий, когда по-прежнему используется формула *товарищ* + звание). Трудно сказать определенно, является ли это результатом политической предосторожности, осознания корпоративности или чем-то еще.

Предварительные итоги

Рассмотрение судеб слов *господин*, *гражданин*, *товарищ*, *коллега* в истории русского языка позволяет получить дополнительные сведения и об их эволюциях в функции вокативов.

Так, существительное *господин*, известное по древнерусским письменным памятникам по крайней мере с XII в., использовалось как обращение (конкурируя на

начальном этапе с существительным *государь*), по некоторым данным, не позднее чем с XIV–XV вв. К XVIII в. оно становится – и в течение этого столетия укрепляется, параллельно развивая многозначность, – уже традиционным вежливым обращением, но при этом обычно ограниченным социальным статусом адресата (он должен принадлежать, хотя бы по внешним признакам, к числу дворян и (или?) людей образованных). Такое положение сохраняется прежде всего в официально-коммуникативной сфере, почти вплоть до октября 1917 г.; затем, в исторических масштабах чуть ли не моментально слово архаизируется, служа лишь обозначением «чужих» (явных либо скрытых внутренних и внешних врагов) и обретает определенные коннотации (оттенок иронии и под.). Торжество реформ в начале 1990-х извлекает из архивов языка слово *господин*, почти окончательно, казалось бы, ушедшее в пассивный запас, и делает его – конечно, особенно в роли обращения – неким вербальным символом свершившихся радикальных перемен. Но и теперь этот вокатив предназначен далеко не для всех обитателей РФ: его адресация довольно четко ограничена принадлежностью к кругу «владельцев заводов, газет, пароходов» и их обслуживающего персонала (в целом предпочитающих именовать себя и себе подобных «элитой»).

Известное по текстам памятников уже с XI в. существительное *гражданин*, также приобретшее разветвленную многозначность, активно начинает выступать в функции официального (и затем даже «заофициализированного») обращения с 1917 г., оставаясь таковым не только в годы Советской власти, но и после ее падения. Однако и сегодня вряд ли возможно оценить этот вокатив как абсолютно общепринятый:

помехой оказываются, по-видимому, и укорененность его в сугубо специфических коммуникативных сферах и ситуациях, и (хотя бы даже в малой степени) рудименты представлений о высокой социальной роли *гражданина*, о не изжитом пока еще пафосе *гражданского долга* (который в фантомном «гражданском обществе» сводится главным образом к аккуратной уплате налогов, а в последние годы – как и в советские! – чуть ли не совсем вытесняет понятие о конституционном **праве гражданина** участвовать в выборах органов власти) и о прочих нерыночных реалиях.

Существительное *товарищ* отражается в древнерусской письменности довольно поздно, с XIV в. Не сохранилось документированных свидетельств (по XIX в. включительно) о его использовании в роли официального вокатива; таковым оно становится лишь в начале XX в. Советская лексикография четко фиксирует его эволюции: от стадии обращения к «своим» (с учетом незатухающей классовый борьбы) – до неограниченной употребительности (в свете окончательной и бесповоротной, как казалось, победы социализма). Сегодняшний же его уход в пассив – точнее, может быть, удаление пропагандистскими усилиями, включая и почти подчеркнутый отказ верхов российского общества от использования вокатива *товарищ* и их поголовное вступление в ряды *господ*, – законодательно тоже не утверждался. Однако этот, исторически столь же молниеносный, поворот в судьбе слова явился знаменем триумфа новой (или, может быть, слегка реставрированной) социокультурной парадигмы: произошел переход от всеобщего равенства *товарищей* (пусть иногда, наверное, имевшего декларативный характер) к откровенно подчеркнутому приоритету

господ – о *гражданах* же теперь вспоминают, кажется, лишь в случае особой необходимости. Вероятно, с этим отчасти связана и сегодняшняя популярность корпоративного *коллега*.

Довольно позднее вхождение слова *коллега* в лексику русского языка можно связать с особенностями формирования в России интеллигенции как общественного слоя, сложения традиций межличностных отношений в этой среде и поисков соответствующих языковых средств для их выражения. *Коллега*, будучи словом латинского происхождения (как и многие научные термины), распространенным в ряде западноевропейских языков, не несущим какой-либо оценки называемого лица и как бы уравнивающим между собой всех входящих в данное профессиональное сообщество, независимо от возраста, национальности, значимости достигнутых ими результатов и других черт, стало одним из отличительных социальных знаков достаточно замкнутой (но при этом всё увеличивающейся) группы. Возможно, именно этот отпечаток некоей кастовости (и стремление ее преодолеть, войдя, например, в ту или иную категорию обособляющихся от остальных сограждан), как и ореол книжности, послужил по крайней мере одной из причин широкой употребительности слова *коллега*, проявившейся в использовании его не только по отношению к работникам умственного труда.

Судьбы слов *господин*, *гражданин*, *товарищ*, *коллега* – как обращений в частности – дают возможность иллюстрировать некоторые важные общетеоретические положения, в первую очередь о социальной природе

языка и его имманентной идеологичности, по мере надобности используемой в чьих-то групповых интересах.

Слова принадлежат к инструментам общественной деятельности [Дорошевский 1973: 51] – и при этом **«слова суть символы»** [Булгаков 1953: 26]. Справедливо, что затухание в массовом сознании определенных динамических стереотипов (т. е. заключенных в психике личностей зарядов потенциальной энергии весьма значительной силы и широкой шкалы общественного воздействия) связано с социальными переворотами [Дорошевский 1973: 136]. Но то же самое приложимо и к феномену возникновения и актуализации многих лексико-фразеологических единиц. И, поскольку эти динамические стереотипы имеют (или могут иметь, при условии их осмысленного восприятия) вербальную выраженность, то об их отмирании либо, напротив, зарождении свидетельствуют эволюции слов, одновременно и сигнализирующих о социальных сдвигах, и служащих их импульсами и катализаторами.

Специфическая роль официально доминирующих вокативов обуславливается их статусом как сконцентрированных экспликаций воли правящего класса: «приходя к власти и уничтожая культурные ценности своих предшественников, каждый класс тем самым может для следующих поколений, по крайней мере, уничтожить, изгнать из словаря, языка названия этих ценностей» [Баранников 1919: 76]. Собственно, при этом малопринципиально, что именно начертано на знаменах победителей: модальная сущность таких лозунгов довольно однотипна. Так, рассуждая о состоянии «человеческого субстрата» (под которым подразумевается «экономически predetermined коллектив, нуждающийся в единообразном языке и

потому всегда фактически и достигающий именно в своих пределах языкового единообразия»), Е. Д. Поливанов говорит, что современный ему языковой стандарт («общерусский язык революционной эпохи») находится «на пути к будущему признаку **бесклассовости**» [Поливанов 2001в: 310] – и это в условиях конституционно гарантированной тогда диктатуры пролетариата [Хрестоматия 2005: 324 и др.]. Через восемь с лишним десятилетий (учитывая обилие исторических событий, по выражению А. Н. Толстого, «пронеслось непомерное пространство времени») по-прежнему актуальна проблема отношения слов к идеологическому, классовому мировоззрению: «... Является ли господствующий класс также господствующим в отношении языка? Если класс-гегемон – как это признано – диктует другим классам и слоям правовые и этические нормы, то распространяется ли это также на язык?» [Комлев 2003: 107, 121].

По-видимому, и для самого цитируемого автора эти вопросы определенно имеют по преимуществу риторический характер; ср. следующее: «В условиях нашей страны, где сейчас осуществляется становление правового государства, а значит, и юридического равенства классов в государственном устройстве, напрашивается логический вывод о языковом равноправии классов. Допустим, что языки классов равноправны, но равны ли они в действительности?» [Комлев 2003: 121]. Понятно, что, какие бы декларации ни тиражировались, подоплека действий любого доминирующего социального слоя (класса) однотипна: укрепление всеми доступными способами своего господства и недопущение к рычагам управления («кормилу власти») всех прочих (см. стихотворение М.

Волошина «Государство»). Закономерно, что эти феномены универсальны: идет ли речь о совершенном социальном равенстве, манифестированном вокативом *товарищ*, или об откровенном уничтожении этого равенства, воплощаемом вокативом *господин* (в котором, кстати говоря, можно увидеть и результат «обезьяньего пристрастия самозванных “элит” к самолюбованию» [Колесов 2004б: 206]) – ср.: «[X съезд РКП(б) в 1921 г.] направил главный свой удар против великодержавности как главной опасности, **то есть** против остатков и пережитков такого отношения к национальностям, какое проявляли к нерусским народам великорусские шовинисты при царизме» [История ВКП(б) 1953: 246] – и: «Язык съезда [партии «Единая Россия»] **должен** стать языком государственных законов» (А. Усс, председатель Законодательного собрания Красноярского края) [Новости. Афонтово. 30.11.06] – иначе говоря, правящая партия традиционно предполагает установить в качестве общеобязательных **свои** вербальные символы и нормы их интерпретации.

Столь же закономерно, что для введения в широкий оборот какого-либо вокатива в статусе приоритетного не всегда обязательны официальные декреты, указы или иные юридические акты. Многие члены данного общества (каждый – в силу своих причин) более или менее осознанно (и совсем не только из конформистских соображений) станут принимать, в той или другой степени охотно, навязываемые ими «правила игры», т. е. публичного речевого поведения и общественных отношений. Побудительные мотивы могут быть разными, и не в последнюю очередь – это, пожалуй, самый легкодоступный способ подражать высшим социальным слоям и попытаться примкнуть к ним – хотя бы на словах,

либо обозначить свою принадлежность к какому-то сравнительно замкнутому микросоциуму, очертив условный круг «своих» и оставив «чужих» за его пределами.

Сегодняшняя вербальная магия: псевдоэвфемизация

*...Вот-де из букв вечно выходит
какое-нибудь слово, которое
иной раз чёрт знает что и
значит.*

Н. В. Гоголь

Несомненна непреходящая ценность вербального материала, используемого разнородными идеологическими жрецами, заклинателями и проповедниками в сотворении социальной реальности, необходимой их работодателям. Причем конструироваться может, конечно, не столько сама реальность, зачастую весьма неприглядная, сколько маскирующие ее словесные декорации, скрывающие от излишне доверчивой аудитории подлинное состояние дел. Вполне понятно, что не стал исключением и перестроечно-реформаторский период, ознаменовавшийся радикальным переходом «от империи лжи к республике вранья» [Поляков 2005: 67]. Особенно оправданно внимание к таким словесным играм со стороны лингвистов. По глубоко справедливому суждению выдающегося польского лингвиста, «систематическое развитие способности пользоваться речью и ориентироваться не только в мире вещей, но и в связях между вещами и словами, которые их сигнализируют, должно составлять одну из главных

общественно-просветительских целей языкознания» [Дорошевский 1973: 15].

Надо иметь в виду, что «убеждение в тождестве или объективной связи изображения [в широком смысле этого слова] и изображаемого свойственно не одному лишь детству человеческой мысли... Это убеждение лишь меняет свое содержание с успехом знаний» [Потебня 1967: 279–280]. Вербальная магия постоянно применяется для выполнения социально-манипулятивных задач.^[82] При этом лексическое значение слова либо трансформируется почти радикально, вплоть до возникновения энантиосемии, либо попросту выхолащивается. Кроме того (в соответствии с канонами вербальной магии), зачастую обозначение «приравнивается» к обозначаемому, что также способствует успеху манипуляций.

Ранее подобные феномены уже рассматривались на примере советской риторики, где при конструировании текстов, направленных на созидание нового, борьбу с врагами и руководство массами в целях социалистического хозяйственного строительства, используется магия слова [Романенко 2003: 222–226].

Подобные явления и сегодня изучаются в различных аспектах. Так, с точки зрения герменевтики установлено, что в текстах российских СМИ часто наблюдается перетряхивание клише, которые слабо связаны даже между собой, что приводит к дисперсии смысла и к отсутствию единой логики. К богатому набору таких клише, никоим образом не поддающихся сколько-нибудь

⁸² Ср. ассоциативно точное определение пропагандистского штампа *перестройка* как «слова-заклинания» [Исаев 1991: 3].

логичному осмыслению, «относятся, например, словосочетания *переходный период, трудности переходного периода* для объяснения и обозначения нынешней ситуации в России. Переход должен быть процессом от чего-то к чему-то. От чего? От реального социализма? Но такого в реальности не было, как и не было его дефиниции. Что требуется менять, кроме передела государственной собственности, не выяснено... Переход к чему? Говорят, к демократическому государству. Но понимание его не соответствует не только общепринятому в развитых государствах, но и историческим реалиям российской государственности... Поэтому "переходный период" из ничего в ничто просто обозначает ситуацию нестабильности и является неологизмом, закрывающим обсуждение неприятного вопроса о том, что же происходит» [Артамонова, Кузнецов 2003: 45] (т. е. на практике заранее радикально устраняет саму возможность понимания обществом сути событий, их вектора и наиболее вероятных результатов).

Чрезвычайно распространенным со времен т. н. перестройки стало устойчивое словосочетание *человеческий фактор* (вероятно заимствование из англ.: «the human factor» – из заглавия книги экономиста Б. Сибоба «Человеческий фактор в предпринимательстве» 1921 г.; см. [Душенко 2006: 428]). Оно употребляется в тех случаях, когда соответствующие инстанции не могут (или не хотят) установить личность виновных в различного рода чрезвычайных происшествиях и авариях, в «техногенных катастрофах» и в неудовлетворительной ликвидации последствий стихийных бедствий и т. п. Таким образом, *человеческий фактор* успешно замещает не только фамилии конкретных деятелей, но и квалификации чьих-то деяний

вроде «халатность», «нарушение техники безопасности», «несоблюдение служебной дисциплины» и т. п. Естественно, что установление виновности *человеческого фактора* в чем-либо не влечет за собой какой бы то ни было персональной ответственности, а это, в свою очередь, вполне устраивает очень многих.

Одним из наиболее известных – в силу своей востребованности властями предрержащими и споспешествующим персоналом – в светлую годину российских реформ стало весьма диффузное в семантическом отношении, но тем не менее (или, может быть, наоборот, – тем более) устойчивое словосочетание *административный ресурс*. Оно используется главным образом тогда, когда идет речь о попытках, успешных или безуспешных (это зависит прежде всего от того, поддерживаются ли они верховным руководством, главами финансово-промышленных групп и т. д. – в общем, *элитой*), повлиять на исход демократических выборов разных уровней. Обычно такие попытки осуществляются действующими в период избирательной кампании представителями исполнительной власти и приобретают в каждом конкретном случае свои, но довольно типизированные формы мероприятий, направленных на устранение как реальных, так и потенциальных конкурентов (запреты на проведение митингов и демонстраций, уничтожение средств наглядной агитации, недопущение к каналам СМИ, обыски в штаб-квартирах и офисах оппозиционеров, уголовное преследование их лидеров, лишение возможности встречаться с избирателями и т. д.). Довольно часто ореолом *административного ресурса* освящены восхищающие и ошеломляющие малоинформированного наблюдателя феномены

карьерного взлета, чрезвычайно успешной предпринимательской деятельности и молниеносного обогащения родственников, близких и приближенных российских руководителей разных рангов: обычно для широкой публики это объясняют (впрочем, изредка) выдающимися талантами представителей *элиты*.

Активных применителей *административного ресурса*, как правило, не подвергают никакому, даже символическому (вроде публичного порицания) наказанию, не только потому, что они представляют в предвыборных баталиях или в коммерческой конкуренции заведомо сильнейшую сторону и, таким образом, неизбежно обречены стать победителями (которых, как давно и хорошо известно, не судят: это они судят побежденных). В качестве универсального защитного средства используется вербально-маскировочное прикрытие.

Чтобы понять суть этого манипулятивного словесного фокуса, достаточно ознакомиться с формулировками некоторых статей действующего Уголовного кодекса Российской Федерации.

В главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» сказано: «Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов общества или государства... совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную

должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

Статья 286 «Превышение должностных полномочий» гласит: «Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства... совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

Как видно из этих формулировок, закон предусматривает довольно жесткие наказания за совершение упомянутых деяний. Однако ст. 14 того же УК РФ «Понятие преступления» содержит следующие дефиниции: «1. Преступлением признается виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания. 2. Не

является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Понятно, что если именовать некоторые действия, «формально содержащие признаки» злоупотребления должностными полномочиями или их превышения, *использованием административного ресурса*, то ни о каком уголовном преследовании его инициаторов и активных участников не может быть и речи: текст УК РФ попросту не содержит этого словосочетания. «Закон всегда морален. Иначе это плохой закон» (В. Путин) [Прямая линия. 1 канал. 25.10.06]. Может быть, еще и потому – во имя сохранения моральных ценностей – вертикаль власти склонна укрепляться за счет назначений, а не выборов. Смутное ощущение многих граждан, что *административный ресурс* – это всё-таки вряд ли сугубо позитивное явление, наталкивается на неколебимую самоуверенность политически целомудренной *элиты*. Ведь «преступление – это то, что совершает кто-то другой» [Стейнбек 1987: 733].

И действительно: хотя, по словам кинодеятеля Ф. Бондарчука, члена партии «Единая Россия», «в последнее время все мы очень плохие – все мы пользуемся *административным ресурсом*, все мы у власти и так далее...» (цит. по [Польгуева 2011: 2]), специалисты в других областях придерживаются несколько иного мнения. Ср. следующий диалог: «[М. Барщевский:] “Как вы сформулируете, что такое *административный ресурс* при проведении выборов?” – [Заместитель председателя Центральной избирательной комиссии РФ С. Вавилов:] “*Административный ресурс* –

явление действительно своеобразное, но, **скорее**, этическое [чем какое? – А. В.]. Вроде есть, а документально подтвердить или опровергнуть очень сложно. **Понятно**, что если у одного кандидата ресурсы большие, чем у других, он в пылу соревнования [чуть ли не в состоянии аффекта. – А. В.] постарается ими воспользоваться. Конечно, использование *административного ресурса* свидетельствует об уровне политической культуры кандидатов. Каждый конкретный случай нужно рассматривать индивидуально”» [РГ-Неделя. № 143. 01.07.10. С. 8]. В общем, ничего страшного.

Такие маскировочные штампы, предназначенные для порождения мифов и, соответственно, для сотворения глубоко мифологизированного общественного сознания, могут быть рассмотрены и в несколько ином аспекте.

Одним из видов парадигматических отношений, существующих в лексико-семантической системе языка, является синонимия – «совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов...» [Ахманова 1966: 407]; «синонимы – слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Однако, называя одно и то же, синонимы обычно называют это одно и то же по-разному – или выделяя в называемой вещи различные ее стороны, или характеризуя эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы... как правило, не являются словами, абсолютно идентичными друг другу...» [Шанский 1972: 52].

Но нередко «возможность отнесения разных слов к одному явлению определяется не их собственной

равнозначностью или смысловой близостью, а различным отношением или оценкой данного явления» [Шмелёв 2003: 143]. С этим во многом связан феномен эвфемизации – непрямого, прикрытого, вежливого, смягчающего обозначения (см. [Ахманова 1966: 521]). Эвфемизация как один из компонентов культуры речи может сделать ее и гиперкорректной – в соответствии с представлениями носителей языка об идеальных формах выражения, выступающих в роли важных социальных маркеров-стереотипов. Ср. классические примеры: «...Дамы города N отличались, подобно дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: “я высморкалась”, “я вспотела”, “я плюнула”, а говорили: “я облегла себе нос”, “я обошлась посредством носового платка”. Ни в каком случае нельзя было сказать: “этот стакан или эта тарелка воняет”. И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: “этот стакан нехорошо ведет себя”» [Гоголь 1956: 150]. – «...Вместо гигантов, сгибавших подковы и ломавших целковые, явились люди женоподобные, у которых на уме были только милые непристойности. Для этих непристойностей существовал особый язык. Любовное свидание мужчины с женщиной именовалось “ездой на остров любви”; грубая терминология анатомии заменилась более утонченной; появились выражения вроде: “шаловливый мизантроп”, “милая отшельница” и т. п.» [Салтыков-Щедрин 1953: 152].

Эвфемизация – одна из распространенных разновидностей игры в слова, активно применяемая в том числе и в текстах СМИ. Приведем здесь лишь несколько примеров наиболее частотных эвфемизмов в

контекстах, позволяющих объяснить причины эвфемизации.

Так, на протяжении реформаторского (*переходного*) периода широко употребительной стала эвфемизация, тематически обслуживающая сферу трудоустройства.

Неслучайна уже сама замена субстантивированного *безработный* на *неработающий*: по всей видимости, предполагается, что внутренние формы каждого из этих слов воспринимаются по-разному; ср. «*безработный* – ‘лишенный возможности получить работу, заработок’» [МАС₂ 1981, 1: 75] – и *неработающий* – см. «*работать* – 1) ‘заниматься каким-либо делом, применяя свой труд; трудиться’; 2) ‘трудясь, создавать, совершенствовать или изучать что-либо’; 3) ‘заниматься каким-либо трудом, обеспечивая или обслуживая кого-, что-либо’» [МАС₂ 1983, III: 575]; соответственно, если *безработный* **лишен** кем-то или в силу каких-то обстоятельств **возможности трудиться** (оставлен без работы), то *неработающий*, скорее всего, сам избрал себе такой статус: **не работает**, потому что **не хочет**. А *безработица* – это всего лишь безмятежно-сладостный «*период профессиональной невостремительности*» [7 канал. 14.06.01] и потому концептуально отождествляется с долгожданным обретением свободы, которая была бы невозможна при бесчеловечном тоталитаризме, почему-то определявшем индивидуумов, не желавших трудиться, как тунеядцев, да еще и наказывавшем таких свободлюбивых граждан, деспотично принуждая их к общественно полезному труду. Слово *неработающий* ранее применялось, кажется, исключительно по отношению к предметам

неодушевленным: *неработающий станок, неработающий уют* и т. п.

Зато теперь наступило время иных аксиологических установок: «У нас порядка пятьсот человек *высвобождается*» (главный инженер шахты «Амурская») [Время. ОРТ. 21.04.00]. «Массовое *высвобождение* четырех с половиной тысяч человек [вследствие расформирования ракетной части]» [ИКС. КГТРК. 11.12.01]. «*Высвобождается* первая очередь сокращаемых в угольной отрасли края – 597 человек» [Новости. Афонтово. 04.02.03]. «У нас в Сосновоборске нет мест, которые могли бы принять *высвобождающихся* работников завода (глава сосновоборской администрации – об увольнении почти половины рабочих завода автоприцепов, единственного крупного предприятия в этом городе) [Новости. ТВК. 15.05.02]. «В законодательном собрании пройдут публичные слушания о неотложных мерах по *массовому высвобождению* рабочих. В ближайшее время **потеряют работу** несколько тысяч человек. Такое *массовое высвобождение* грозит социальным взрывом» [Новости. ТВК. 14.02.03].

Ср. также: «Не секрет [!], что в преддверии зимы сложилась *непростая обстановка* в снабжении северян топливом [т. е. из-за отсутствия топлива в условиях Крайнего Севера могут вымерзнуть целые города и районы. – А. В.]» [Вести. 09.11.98]. «Север [из-за срыва завоза продуктов] может ощутить *огромные проблемы с продовольствием* [иначе говоря, становится реальной угрозой голода. – А. В.]» [Вести. РТР. 02.08.96] и т. п. «Вова – один из семисот тысяч российских *социальных сирот* – так называют сирот при живых родителях» [Студия-2. КГТРК. 05.10.02]. «Центр “Родник”: здесь есть

социальная гостиница – дом ночного пребывания для не имеющих жилья. По словам директора пансионата, количество постояльцев растет» [Обозрение-7. 7 канал. 05.10.02] (в досоветские времена подобное заведение называлось *ночлежкой*). «С самого начала, по официальной версии, армия там [в Чечне] не воевала, а восстанавливала *конституционный порядок*» [Обозрение-7. 7 канал. 25.06.02]. «Журналисты утверждают, что министр обороны [США] Рамсфельд лично одобрил 16 *нетрадиционных методов ведения допроса* [в военной тюрьме Гуантанамо]... ГУЛАГ на Кубе...» [24. Реп-TV. 14.06.05] (имеется в виду разрешение пытаться пленных; здесь, конечно, по-своему интересно привлечение для характеристики сегодняшней **американской** тюрьмы в качестве некоего эталона былинного **советского** ГУЛАГа). «*Альтернативные источники тепла – печки-“буржуйки”* в домах жителей дальневосточного Углегорска» [Новости. ОРТ. 07.07.03]. «Рабочим [более тысячи человек, уволенным эффективными собственниками угольного разреза «по сокращению»] выделено 20 млн рублей на трудоустройство. Эти деньги **красиво называются стабилизационным фондом**» [Обозрение-7. 7 канал. 14.02.03]. «Министр иностранных дел Сергей Лавров говорит о *трансформации НАТО*» [Новости. ОРТ. 02.04.04] (т. е. о приближении НАТО вплотную к границам России). «*Социально неадаптированные граждане*» (Б. Горный, пресс-секретарь санэпидстанции) [Новости. Прима-ТВ. 18.08.03] (т. е. неимущие без определенного места жительства). «*Социально направленный* ресторан: цена комплексного обеда – 60 рублей» [Детали. Прима-ТВ. 06.05.05] (иначе говоря – для бедных). «Рядом со зданием Центрального рынка

планируется построить *социальный рынок*, где будут торговать красноярские огородники» [Радио «Шансон». 20.01.06] (преимущественно – бедствующие пожилые пенсионеры).

Тем не менее, следует воздать должное власти в лице чиновников разных уровней, проявляющих неподдельную озабоченность положением населения и радеющих о нем: «Мы решили сделать учителям *подарок* к Новому году – **выплатить зарплату**» (заместитель главы краевой администрации) [ИКС. КГТРК. 17.11.98]. «Этот *подарок* красноярцам сделал наш земляк, министр МПС Геннадий Фадеев: новый электропоезд до Боготола. ...Билет будет стоить не более 110 рублей» [Новости. Прима-ТВ. 28.03.03]. «Новая жизнь в Емельяновской больнице стала возможной **только благодаря** властям района» [Вести-Красноярск. 28.03.05]. «Дети поселка Громадск Уярского района получили *подарок* с губернаторским размахом – новую школу. ...Строительство школы возобновилось по инициативе губернатора» [Вести-Красноярск. 01.09.08]. «*Помощь* льготникам станет *особо адресной*: льготы сохраняются только для тех, чьи доходы **ниже прожиточного минимума**» [Вести. РТР. 01.02.99] и т. п. Из новейших примеров – к 65-й годовщине победы в Великой Отечественной престарелая женщина – «ветеран войны **всё-таки** дождалась главного **подарка** к юбилею Победы – отдельного благоустроенного жилья» [Вести-Красноярск. 06.05.10]. Вроде бы должно успокоить горожан, привыкших к различным жилищно-коммунальным авариям и неурядицам, обещание администратора: «Этим летом **масштабных отключений** горячей воды не будет. Красноярцам **грозят** лишь частичные неудобства» (В. Мурысин, начальник

ЖКХ г. Красноярска) [Новости. 7 канал. 16.05.05]. Однако жильцы, несомненно, поняли потаенный смысл этих слов, а затем и убедились в очередной раз в **масштабности отключений** (кстати, вовсе не отменяющих оплату отопления и горячего водоснабжения за этот период).

Следует заметить, что лексические значения некоторых ключевых слов изменились за сравнительно короткий период, либо обросли созначениями и обогатились коннотациями. Так, ср. соответственно в Словаре русского языка в четырех томах под ред. А. П. Евгеньевой (1981–1984) и в Толковом словаре современного русского языка под ред. Г. Н. Складневской (2001): «*перестройка* – действие по знач. глаг. *перестроить* – *перестраивать* и *перестроиться* – *перестраиваться* (*перестроить* – 1) ‘построить заново, иначе, произвести переделку в постройке’; 2) ‘переделать, внося изменения в систему чего-л., порядок следования чего-л. и т. п.’; *перестроиться* – 1) ‘построиться, расположиться в строю заново, иначе’; 2) ‘изменить порядок своей работы, направление своей деятельности, свои взгляды)» – и: «*перестройка* – ‘осуществлявшиеся в СССР в 1985–1991 годах реформы и преобразования в области экономики, общественной и государственной жизни, направленные на развитие демократии, гласности, на выход страны в мировое сообщество’»; «*реформа* – 1) ‘преобразование, изменение чего-л.’; 2) ‘политическое преобразование, не затрагивающее основ существующего государственного строя’» – и: «*реформа* – ‘преобразование, изменение, переустройство какой-л. стороны общественной жизни’»; здесь же отсылка к статье *антиреформатор* – «‘тот, кто выступает против реформ, препятствует их

осуществлению'» (вероятно, по степени инвективности – некий современный аналог *врага народа*).

Существительное *реформа*, прежде оценочно нейтральное, за последние годы обогатилось устойчивым негативно-коннотативным ореолом. По признанию одного из региональных политиков-реформаторов, «слово *реформа* жителей нашей страны уже просто пугает» (депутат Законодательного собрания Красноярского края А. Клешко) [После новостей. ТВК. 09.03.04] (кстати, этот же деятель в общем-то справедливо отметил, что «слово *депутат* в нашей стране стало ругательным» [Будни. ТВК. 23.01.03], правда, почему-то не объяснив достаточно внятно истоки пейоративности этой, казалось бы, нейтральной лексемы). А ведь, по компетентному мнению другого регионального политика и депутата, «все *реформы* в России сопровождаются ростом тарифов» (В. Сергиенко, председатель краевого союза промышленников и предпринимателей) [ИКС. КГТРК. 25.06.02]. Прозорливо прогнозируя естественную реакцию граждан, чиновники «на совещании... предложили назвать *реформу* [жилищно-коммунального хозяйства] *преобразованием*, чтобы не раздражать население» [ИКС. КГТРК. 14.05.01], но – безуспешно: лингвистический фокус не удался. Поэтому-то «красноярцы шли выразить свой протест **так называемой** реформе ЖКХ» [Новости. ТВК. 04.03.02], а вдруг ставшие ну просто очень человеколюбивыми чиновники стали напряженно думать, «как **защитить** ветеранов и инвалидов от *реформы* ЖКХ» [Новости. Афонтово. 23.01.03] (между прочим, и смена названия соответствующего ведомства – советского *социальное обеспечение* на *социальная защита* – тоже кое-что объясняет).

Вполне закономерно, что для сохранения беззаветной толерантности населения непрестанно изобретаются и вводятся в широкий пропагандистский оборот через СМИ эвфемизмы к словам *реформа* и *реформировать*. Ср.: «В Пенсионном фонде стараются не употреблять слово *реформа* и говорят о *совершенствовании* пенсионной системы» [Новости. ОРТ. 01.01.02]. «...Почему это и не *реформа* называется, а *модернизация*» (чиновник минобра РФ – о введении т.н. «профильного образования») [Обозрение-7. 7 канал. 28.10.02]. «*Урегулировать тарифы* жилищно-коммунального хозяйства» [Вести. Красноярск. 14.10.02]. «[Диктор:] “Центральный аппарат [министерства обороны] будет не столько *реформирован*, сколько *видоизменен*”. [Министр обороны РФ С. Иванов:] “Не столько *реформа*, сколько *оптимизация*”» [Доброе утро, Россия! РТР. 21.04.04]. – «Сергей Иванов боится одного – *реформы*. Это слово заменено словом *модернизация*» [24. Ren-TV. 08.02.07]. «Не *реформа* жилищного законодательства, а *упорядочивание*» [Вести. РТР. 01.02.05]. «Люди плохо воспринимают слово *реформа* – в результате плохих *реформ* здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, образования... Поэтому, может быть, более уместно использовать не слово *реформа*, а, например, “*изменение к лучшему*”» (А. Жуков, вице-премьер) [Новости. ОРТ. 06.04.05] и т. п. Небезынтересно, что и реформаторы русского правописания также использовали подобный псевдоэвфемистический прием: «...На самом деле то, что подготовлено нами, – это отнюдь не *реформа*» [Лопатин 2001: 55].

Однако многие носители русского языка, хорошо усвоившие малорадостный опыт собственного

существования в перестроечно-реформаторский (тот самый *переходный*) период, научились довольно быстро распознавать сущность и цели подобных политкорректных словесных фокусов, ср.: «Почему всюду говорят, что это "*реформа ЖКХ*", а на самом деле – поднятие тарифов?!» (вопрос телезрителя) [ТВК. 04.03.03].

Ранее эвфемистические обозначения перманентных экспериментов над населением (и, кстати, всегда с приблизительно одинаковыми результатами) варьировались и при назывании некоторых их частных воплощений, например: «Не надо называть работу с сельхозпредприятиями *банкротством: выздоровление – да, оживление – да...* Слово это [*банкротство*] **обидное** и далеко не всегда уместное» [Крестьянские ведомости. ОРТ. 19.04.98]. «Самарские чиновники вместо "*задержка пенсий*" предпочитают говорить "*смещение сроков выплаты пенсий*"» [Время. ОРТ. 03.04.98] и т. п.

Но, поскольку от изобретения политкорректных словесных знаков суть называемых ими явлений не меняется, а толерантность граждан повышается почему-то медленно, политтехнологам приходится продолжать исследования синонимических рядов русского языка, попутно обогащая их ресурсы.

Одной из относительно свежих находок стало введение в политкорректный официозно-речевой оборот слова *оптимизация* (кстати, оно регистрируется не всеми толковыми словарями). Вероятно, предпочтение ему отдается из-за скрытой, как и у других заимствований, внутренней формы – может быть, по той же причине многим российским руководителям и их службе так полюбилось прилагательное *амбициозный*,

употребляемое ими как положительно-оценочное (например, «*амбициозные* проекты» – нечто вроде *грандиозные*) безо всяких на то причин (ср. «*амбициозный* – прил. к *амбиция* – ‘чрезмерное самомнение, самолюбие, необоснованные претензии на что-л.’» [Толковый словарь 2001: 18–19]; «*амбиция* [фр. Ambition < лат. ambitio] – ‘обостренное самолюбие, самомнение; спесь’» [СИС 1979: 31]). Вот лишь один из очень многих примеров подобного словоупотребления – в суждении гендиректора ВЦИОМа В. Федорова по поводу одного из «событий недели», пуска реактора на Волгодонской АЭС: «Первый за долгое время признак того, что *амбициозная* программа строительства новых ядерных станций в России может стать реальностью. И что наша атомная энергетика остается конкурентноспособной» [Фёдоров. Пять событий недели // РГ-Неделя. № 62. 25.03.10. С. 2]. В данном случае кое-что объясняется родом профессиональной деятельности г. Фёдорова – он занимается социологическими обследованиями («мониторингом») российского населения, в которых значительна роль статистики, или, точнее, интерпретации объективных (?) статистических данных (ср. апокрифический афоризм, обычно приписываемый Марку Твену: «Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика» [Душенко 2006: 633]). Возможно и иное объяснение, а именно – влияние английского языка, порождающее семантическое калькирование, которое, в свою очередь, приводит к речекоммуникативным неудачам и тупикам: одно и то же высказывание (шире – текст), из-за, как минимум, потенциально вариативного восприятия его ключевых слов, может иметь несколько толкований.

Характернейший пример последнего времени – использование словосочетаний *контролировать ситуацию, контроль ситуации, взять (брать) ситуацию под (чей-нибудь) контроль, ситуация под контролем, ситуация вышла из-под (чьего-нибудь) контроля* и т. п. Здесь зачастую смешиваются значения давнего заимствования из французского языка, откуда *контроль* – «наблюдение с целью проверки», и позднейшего английского, откуда *контроль* – «управление, власть над ходом событий». Поэтому постоянно обращаются двусмысленные высказывания вроде: «Будет установлено табло, глядя на которое, жители сами смогут *контролировать* радиационную *обстановку* в районе [подъема атомной подлодки «Курск»]» [Вести. РТР. 21.08.01]. «Сотрудники милиции собирают первый урожай [конопли]. *Контроль* над садовым участком на этом не заканчивается. Свои **проверки** милиционеры продолжают» [Новости. Афонтово. 14.09.10]. «Весь полет состояние девушки [травмированной спортсменки] *контролировали* врачи» [Вести. РТР. 14.09.10]. «Надеюсь, что временное правительство Киргизии, которое сейчас *контролирует ситуацию*, возьмет власть в свои руки» (Д. Медведев) [Новости дня. Звезда. 16.04.10]. «Пожарные уверяют, что торфяные пожары удалось *взять под контроль*» [Новости дня. Звезда. 09.08.10] и мн. др. Очевидно, что эти двусмысленности не случайны и кому-то выгодны, поскольку позволяют интерпретировать высказывание тем или иным образом – подробнее см. [Васильев 2000: 100–109], [Васильев 2003: 135–147].

В отличие от вышеприведенных дефиниций существительного *амбиция* и прилагательного *амбициозный*, содержащихся в русскоязычных словарях, определение из словаря двуязычного дает несколько

иное толкование и указывает несколько иные коннотации соответствующих английских слов, хотя и происходящих от того же латинского источника. Ср.: «ambition – 1) честолюбие, амбиция; 2) стремление, цель, предмет желаний; it is his a. to become a writer его мечта стать писателем; ambitious – 1) честолюбивый; a. of power властолюбивый; 2) претенциозный» [Мюллер 1956: 27]; а также: «ambition – 1) strong desire, esp to be successful: A man who is filled with – usually works hard; 2) particular desire of this kind: He has great ~s; 3) object of such a desire: achieve one's ~(s); ambitious – 1) full of ambition: an – woman; – to succeed in life; 2) showing or needing ambition: – plans; an – attempt» [Hornby 1984: 20] (ср.: «Банда *амбициозных* грабителей в США напала на кредитное учреждение» [Новости. ТВК. 03.09.10]).

Ведь хорошо известны способности к изучению иностранных языков современных высших российских руководителей. Например: «...В Германии говорит прямо на чисто немецком языке... Очевидно, что к первому человеку России небесные светила благоволят» (В. Власенко) [Обозрение-7. 7 канал. 07.10.02]. – «...В Ново-Огарёво обнялись, обменялись рукопожатиями... Несколько минут Владимир Путин и Тони Блэр говорили по-английски» [Время. ОРТ. 29.04.03]. – «Президент Путин и премьер-министр Финляндии продолжили переговоры на английском языке» [Новости. ОРТ. 02.08.05] и т. д.; традиция успешно подхвачена преемником: «Российский президент на английском языке поздравил американцев с наступающим праздником Рождества» [Сегодня. НТВ. 19.12.09] (неудивительно, что и первый президент России, находясь на вполне заслуженном им за титанические свершения отдыхе, тоже задался благородной целью

личного освоения иностранного языка: «Чтобы загрузить мозги, которые у меня не загружены полностью, я начал изучать английский язык» (Б. Ельцин) [Вести. РТР. 09.06.02]).

Безусловно, российского телезрителя должны радовать публичные демонстрации «топ-менеджерами» РФ их блестящего владения иностранными языками (обычно – в переговорах с зарубежными руководителями и в выступлениях перед зарубежной же аудиторией, хотя, кажется, дипломатический протокол не предусматривает подобной модели речевого поведения и не регламентирует ее как строго обязательную). По крайней мере, это выгодно отличает многих демократических правителей от их советских предшественников, в большинстве своем явно не бывших полиглотами, но, правда, сумевших построить и законодательно обеспечить такую государственную систему образования, при которой бесплатное изучение иностранных языков в школе и вузе было доступно всем желающим (по-видимому, в числе этих желающих находились и сегодняшние высшие должностные лица России).

Вероятно, политические и политкоммерческие игры в слова, разновидностью которых является в официальном публичном разговорном общении отказ высокопоставленного адресанта от использования родного и при этом государственного языка управляемой им страны (см. ст. 68 Конституции РФ), оправдываются какими-то соображениями, – политические спектакли могут иметь цели, неведомые телеаудитории (их достижение, конечно, предполагает существенное повышение ее благосостояния). Правда, надо было бы учитывать возможность возникновения

психолингвистического феномена, который был образно описан отечественным классиком: «Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение ее влияет лишь посредственно. Это усилие может сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы» [Потебня 1976в: 260]. Тот же великий лингвист замечает далее: «Вероятно, многие испытали на себе неприятное впечатление фальши, неискренности, слушая певца или актера, говорящего в угоду местной публике на непривычном для него наречии. Искусство переходит здесь в лицемерие» [Потебня 1976в: 265]. Впрочем, понятно, что А. А. Потебня не имел в виду политиков, тем более – современных российских.

С другой стороны, в практике международного общения «на высшем уровне» оказывается необходимым ведение переговоров без участия переводчиков. Например, в статье «Так называемое Мировое правительство собралось в Барселоне» сообщается, в частности: «...Более 100 иерархов экономики, финансов, политики и СМИ... приехали... на ежегодную встречу Бильдербергского клуба – некоего теневого мирового правительства... Организация требует, чтобы “никто не давал интервью” и не раскрывал ничего, что бы “сказал отдельный участник”. **Непременное требование – прекрасное знание английского языка... на заседаниях нет переводчиков...** Исследователи этой организации говорят, что [ее члены]... всегда собираются чуть ранее встречи G-8 (ранее G-7) и что [они] стремятся к созданию нового мирового порядка: правительства,

армии, экономики и общей идеологии» (цит. по [Кастро 2010: 7]).

До некоторой степени подчеркнута благоговейное отношение к иностранным языкам (в отличие от родного для многих и государственного – для всех граждан РФ) вообще и к употреблению иноязычных заимствований – в частности, распространенное среди именующих себя *элитой* российского общества, напоминает ситуацию в раннесоветском официальном дискурсе. Она неоднократно анализировалась авторами того времени.

На очевидное излишество заимствований в речевом потоке обращали внимание даже некоторые вожди. Так, в заметке, ранее бывшей хрестоматийной, с весьма характерным названием «Об очистке русского языка» и еще более характерным подзаголовком «Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях» (1920), В. И. Ленин писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить “дефекты”, когда можно сказать недочеты или пробелы? Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?» [Ленин 1976: 380].

Подобные, всё более распространявшиеся факты речекоммуникативного поведения констатировали

языковеды, указывая психолингвистические и иные его истоки.

Например, Д. Н. Ушаков писал: «И употребление иностранных слов, излишнее и неправильное, и вообще “коверканье” русского языка свойственно людям, недостаточно овладевшим русским языком. Это недостаточное владение в частности состоит в бедности словаря... Всякий, не преодолевший еще трудности усвоения книжного языка, не свободен от ошибочного взгляда на этот язык: будто необходимейшим свойством книжного языка должна быть какая-то нарочитая непростота... На почве недостаточного умения точно и ясно выразить мысль (вследствие неумения расчленить ее и дать себе ясный и точный отчет во всех ее частях) иностранное слово может быть легко предпочтено русскому, именно вследствие своей непонятности» [Ушаков 1991: 61–62].

По оценке Л. В. Щербы, «язык стал вообще крайне небрежен, неряшлив и стал пестрить иностранными словами и оборотами больше, чем это было раньше, по крайней мере в некоторых газетах... В ряды пишущих вступило значительное количество эмигрантов и даже просто иностранцев» [Щерба 1991: 49].

С точки зрения эмигранта С. М. Волконского, «иностранное слово не потому плохо (не потому только), что засоряет язык, но и потому (главным образом потому), что, заменяя ясное, определенное слово новым, мало понятным и потому неясным, влияет и на запас умственных понятий затмевающим образом... Люди почему-то думают, что они умнеют, когда произносят слова, которых не понимают» [Волконский 1992: 46–47].

Здесь наблюдается некоторая социокультурная преемственность; ср. высказанное задолго до приведенных авторов – и до советской эпохи как таковой – наблюдение Я. К. Грота над мещанской речью: «Полуграмотный класс любит без... надобности щеголять» [Грот 1873: 21].

Эти черты речи широких масс хорошо иллюстрируются литературными текстами того времени (особенно – у М. Зощенко; например, рассказ «Обезьяний язык» 1925 г.).^[83]

Е. Д. Поливанов оценивал такие явления с социолингвистических позиций, рассматривая «социально-групповой диалект: язык культурной верхушки современной Советской России, – язык, которым говорят и пишут революционные деятели наших дней, т. е. активная верхушка ВКП(б) прежде всего»; он учитывал как наиболее влиятельную ту «активную роль, которая принадлежит в языковых процессах революционной эпохи этой верхушке» [Поливанов 2001б: 336].

Кроме того, Е. Д. Поливанов указывал как «типичнейший для истории языковых культур случай, когда новый класс, приходящий к политическому господству на место другого, ранее господствовавшего, или занимающий командную позицию рядом с последним, механически перенимает у последнего и

⁸³ Кстати, аналогичные факты и тенденции вовсе не ограничиваются Россией и определенными периодами отечественной истории; ср. у французской писательницы: «...Я слушала, как порозовевшие и подвыпившие месье, будучи в прекрасном расположении духа, мямлят с наслаждением тем большим, чем меньше они понимают смысл, слово "экзистенциализм"» [Саган 1992: 160]. Видимо, стремление употреблять «красивые» слова с туманными значениями не имеет ни государственных, ни временных пределов.

внешние признаки его привилегированности (в том числе и языковую традицию), несмотря на всю внутреннюю разницу в экономической базе, а следовательно, и в политической и во всякой другой идеологии обоих классов, поскольку эти внешние признаки, к которым относится в данном случае языковая традиция, не имеют органической связи с сущностью классовой психологии» [Поливанов 2001а: 324].

Нечто подобное, вероятно, затрагивает по крайней мере часть речекommunikативной ситуации в реформируемой России.

Примеров словесных «ловушек» (В. В. Колесов), активно используемых в реформаторских вербальных манипуляциях, великое множество; российские СМИ используют их постоянно, то ли сами уверившись в реальности того, что призваны обозначать лексические мифогены, то ли ограничиваясь введением в заблуждение своей аудитории. Например, мы то и дело слышим и читаем о каких-то *губернаторах* – при отсутствии в РФ губернии как единицы административно-территориального деления. Почти столь же частотно в дискурсе СМИ слово *сенатор*, хотя официально-юридически таковые в России сегодня не существуют: есть *члены Совета Федерации РФ*. Однако, исходя (предположительно) из желания отождествить этих деятелей с именовавшимися так по праву членами дореволюционного сената Российской империи либо с членами верхней палаты парламентов «цивилизованных государств», СМИ постоянно твердят о неких «*российских сенаторах*». Поскольку понятийное наполнение этого слова реально является в российской ситуации нулевым, то оно вызывает приблизительно те же ассоциативные ощущения, что и у литературного персонажа, впервые

увидевшего римских сенаторов: «Перед золотыми воротами тесно, как стадо, стояли люди с голыми, как у женщин, лицами, и с голыми ногами, без штанов. Одежда у всех была одинаковая, белая с красными полосами внизу, и Атилле [именно так Замятин писал имя Аттилы» – *А. В.*] показалось, что у всех одинаковые, как их одежда, лица. “*Сенаторы*”, – шепнул ему Адолб. **Это слово было пустое, как орех, в который можно свистеть, внутри этого слова для Атиллы ничего не было**» [Замятин 1989: 519].

Можно (конечно, совершенно гипотетически) полагать, что активное, даже навязчивое употребление таких слов, как *губернатор* и *сенатор*, готовит почву (т. н. «общественное мнение») к новым стадиям неудержимого реформирования – скажем, к реальному возникновению в России губерний и сената.

Известно, что результаты семантических эволюций слов, восходящих к одному и тому же корню (во многих случаях – латинскому), в лексиконах разных языков зачастую оказываются различными. Потому представители российской власти, труженики СМИ и некоторые другие речедеятели-полиглоты зачастую вкладывают в употребляемые ими слова несколько иные смыслы, нежели большинство членов языкового коллектива, населяющего то же государство. О таких процессах немало говорили социолингвисты прошлого (Е. Д. Поливанов и др.) и настоящего; ср.: «Общественный дискурс оперирует понятиями типа толерантности, истинность которых полагается очевидной (а ведь подобные случаи не единичны!). Когда же эти понятия конкретизируются в бытовом дискурсе, возникают сомнения: об одном и том же говорит народ и его элита?» [Суспицына 2007: 73]. Кроме того, знание

иностранный язык влечет за собой в том числе и некоторые трансмутации национальной ментальности, выражаемой и воплощаемой именно родным языком. Надо также учитывать, что такие слова, как *оптимальный* – «наиболее благоприятный, наилучший», *оптимизм* – «бодрое и жизнерадостное мироощущение, исполненное веры в будущее; склонность во всем видеть хорошие, светлые стороны» [МАС₂ 1982, 2: 632], корень которых связан с лат. *optimus* – «лучший» [там же], в языковом сознании, несомненно, маркированы позитивно – а значит, та же оценочность передается и этимологически родственному *оптимизация* – «нахождение наибольшего или наименьшего значения какой-л. функции или выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных, напр. О. процесса управления» [Словарь иностранных слов 1979: 257]. Конечно, можно было бы использовать и исконно русское слово *улучшение*, но оно для вербально-манипулятивных операций менее предпочтительно: во-первых, *оптимизация* – терминологично, а значит, научнообразно и в силу этого способно внушать доверие; во-вторых (хотя это сегодня и не столь существенно), обещание *улучшения* налагает на руководящего речедеятеля некое подобие ответственности (тем более, что улучшение может оказаться избирательным, или «точечным», «адресным»; проще говоря, для кого-то действительно реализуется, для кого-то – совсем наоборот; собственно, так и происходит в абсолютном большинстве случаев).

Дополним приведенные выше примеры употребления слова *оптимизация* как эвфемизма к «дискредитировавшемуся» («дискредитированному»?)

слову *реформа*.^[84] К тому же, в отличие от последнего, первое – популяризируемое – обычно именуется изменения, пусть и весьма чувствительные для граждан, но в узколокальных масштабах. Итак: «Сокращение [статей социальных расходов] краевого бюджета – это *оптимизация* бюджетной сети» [Новости. ТВК. 16.11.98] (т. е. снижение расходов на здравоохранение и образование). «*Оптимизация* краевого бюджета – это и доведение до 70 % оплаты жилья» [Новости. 7 канал. 12.02.02] (поскольку так и непонятно, какая именно величина принимается за 100 %, то *оптимизация* в этом направлении неуклонно продолжается – квартплата растет по сей день). «*Оптимизация* расходов в медицинских учреждениях – **сокращение количества больничных коек**» [Новости. Прима-ТВ. 17.12.04] (ср.: «[Артемий Филиппович:] Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет... Все как мухи выздоравливают» [Гоголь 1966: 25, 60]). «По мнению чиновников [красноярской] мэрии, то, что придется платить [за поездку] гораздо больше, количество автобусов и маршрутов будет сокращено, а ездить придется с пересадками и длинными интервалами, – и есть *оптимизация* работы городского транспорта» [Новости. 7 канал. 28.08.08]. «Площади детских садов Красноярска *оптимизируют*: вместо

⁸⁴ Небезынтересно соотнести разделенные десятилетиями суждения по поводу понятий, обозначаемых словом *реформа*, применительно к условиям разных социально-политических систем. Ср.: «Всемогущая власть здесь бессильна довести до конца и заранее задуманным способом даже маленькую *реформочку* в масштабах страны, если эта *реформочка* призвана повысить уровень организации общества, т. е. позитивна. Она одним мановением руки способна разрушить целые направления науки и искусства, отрасли хозяйства, вековые уклады и даже целые народы» [Зиновьев 1990, 2: 53] – и: «Порой для удобства разграбления народного хозяйства в исполнительную систему специально вводится фактор неустойчивости, например, в виде ежегодных *реформ*» [Расторгуев 2003: 456].

обычных кроваток поставят “пеналы” и откажутся от медкомнат. Вице-мэр Куимов: “Не нужны здесь [в детском саду] изоляторы”... Десятки бывших детсадов переделаны в медцентры, административные учреждения, сауны...» [Вести-Красноярск. 01.10.09] и т. д.

По степени семантической прозрачности близок к приведенным и следующий пример: «Квашнин [начальник российского генштаба] называет процесс... *оптимизацией* управления» [Обозрение-7. 7 канал. 12.02.02] (комментарий к не санкционированному министром обороны РФ распоряжению генштаба о выводе российских войск из Грузии; в любом государстве такая «*оптимизация* управления» именуется нарушением уставной субординации и армейского принципа единоначалия).

Судя по некоторым признакам, одним из самых употребительных слов, пришедших на смену таким, как *реформа*, станет (уже стало?) *модернизация* – по-видимому, несколько переосмысленное по сравнению с недавним периодом, ср.: модернизация – «действие по знач. глаг. *модернизировать* – 1) ‘изменить (изменять) что-л. соответственно современным требованиям и вкусам’; 2) ‘придать (придавать) прошлому не свойственные ему современные черты’» [МАС₂ 1982, II: 286].

В свете этого к числу весьма значительных и по-своему символических нововведений буквально последнего времени следует, конечно, отнести такое: «Правительство переименовало *антикризисные меры* в *модернизационные*» [Новости. Прима-ТВ. 17.03.10]. Политтехнологи в данном случае сумели учесть

возможное сочетание ряда факторов: прилагательное *антикризисные*, с одной стороны, свидетельствует о неуклонном стремлении руководства преодолеть последствия того, что упорно именуют *мировым финансовым кризисом* (скорее всего, это закономерный результат глобальных предпринимательских – спекулянтских – операций «новых кочевников», с которыми российское руководство **НИКОИМ** образом не связано); с другой – *анти* – всего лишь «против», да и вспоминать лишний раз о «кризисе» значит, с точки зрения вербальной магии, подчеркивать и тем самым поддерживать в сознании социума его наличие. Поскольку же широкая аудитория, кажется, успела уверовать в безусловно позитивный характер *модернизации* (помнится, многие энтузиасты на заре перестройки и реформ радостно призывали к введению «*свободного рынка рабочей силы*», т. е. – безработицы, пока сами не остались без работы), то прилагательное *модернизационные*, очевидно, предназначено переключить внимание граждан на некую *оптимистическую* перспективу (очередное *светлое будущее* и проч.).

Как показывают приведенные цитаты из российского теледискурса, для манипулятивной эвфемизации, наверное, в равной степени успешно применяются слова и исконные, и иноязычного происхождения. Последние, кажется, используются политкорректировщиками социальной реальности всё-таки более охотно – в силу известных специфических свойств лексических заимствований, к которым принадлежит и упомянутая затемненность их внутренней формы для носителя языка-реципиента, препятствующая четкому пониманию семантики. Ср. агитационную

надпись, которая украшает кооперативную лавку-вагон, и ее восприятие адресатами в рассказе М. Булгакова 1924 г.: «"Транспортная *кооперация* путем *нормализации, стандартизации и инвентаризации* спасет *мелиорацию, электрификацию и механизацию*". Этот лозунг больше всего понравился стрелочникам. "Понять ни черта нельзя, – говорил рыжебородый Гусев, – но видно, что умная штука"» [Булгаков 1989, 2: 402] – и современный теленовостной сюжет (правда, со снисходительной дешифровкой ключевых слов для «малопродвинутой» части аудитории): «В Москве проходит "инновационный конвент", а в переводе [!] – форум, на котором молодые ученые представляют свои изобретения» [Вести. РТР. 10.12.08]. А еще законы РФ толкуют о каких-то юристах-*медиаторах* и об *инсайдерской* информации...

Наряду с вышеописанными, в СМИ широко используются и другие вербально-манипулятивные приемы, внешне очень схожие с маскировкой реалий с помощью псевдоэвфемизации: функционально они также предназначены для придания высказываниям смысловой диффузности за счет введения в текст деликатно-щадящих *не совсем* и *почти*. Суть обозначаемых таким образом явлений вроде бы и не меняется, но они в сопровождении смягчающих обертонов оказываются полускрытыми неким коннотативным туманным флером.

Некоторые примеры: «Судя по данным Счетной Палаты, то, что происходило с начала "эпохи перемен", т. е. с 1992 г. [в сфере операций с землей], было *не совсем законным*» [Вести. РТР. 11.06.07] – т. е. операции купли-продажи земли велись заведомо незаконно, о чем наверняка знали и продавцы (в лице госчиновников), и

покупатели (вряд ли совершенно чуждые продавцам).^[85]
«Елена Яцык [адвокат убийцы] могла воспользоваться методами, которые, может, *не совсем законны*, но могли помочь подозреваемому» (мнение коллеги-адвоката) [Человек и закон. 1 канал. 22.05.08] – получается, что цель (или гонорар за ее достижение) настолько оправдывает средства, что юрист сознательно идет на нарушение закона, при этом получая гласное корпоративное одобрение своих преступных деяний.

«*Не совсем честным на руку* банкирам [когда сумма процентов по ссуде превышает сумму самого долга банку] пришлось доказывать свою правоту» [Утро России. РТР. 07.09.07]; по всей вероятности, они ее успешно доказали, иначе попросту не были бы банкирами (попутно заметим ошибку в употреблении фразеологизма, ср.: «*нечист на руку* – склонен к воровству, мошенничеству; плутоват, вороват» [Фразеологический словарь 1987: 279]; конечно, оговорка довольно интересна).

«При прокладке дороги были использованы *не совсем качественные* материалы» [Край. Енисей Регион. 12.04.10]: иначе говоря, вместо указанных в смете дорожного строительства материалов были использованы другие, более дешевые, но зато и низкокачественные; недаром (или не даром?) в Красноярске происходит

⁸⁵ Эта зыбкость законодательной базы экономической деятельности «переходного периода» удачно подмечена и в литературно-художественном тексте: «Не было еще никакой приватизации, заводы и фабрики принадлежали государству. Но при каждом уже вырастали какие-то кооперативы, какие-то ООО и прочие кровососущие паразиты... Но **всё законно**. Может быть, **чуть-чуть незаконно**. **Самую малость**. Да ведь никто толком-то уже и понять не может, что законно, а что нет в "новых экономических условиях"» [Константинов, Новиков 2002: 146–147] (кстати, и законность приватизации иногда также вызывает некоторые сомнения).

перманентный ремонт одних и тех же дорог, оплачиваемый госбюджетными средствами.

«Владимир Ефременко собирал *почти контрабандную* роскошь – морские раковины» [Новости. 7 канал. 09.08.08]. При выезде из страны простодушный натуралист (а по совместительству – предприимчивый коммерсант) был задержан на таможне и арестован за попытку вывоза природных объектов, находящихся под охраной государства (и, кстати, бизнесмен об этом заранее знал)...

Подобная квазиэвфемизация становится всё более привычной, ср.: «Почему владельцы гаража действовали *не совсем законно?*» [Новости. ТВК. 12.09.10]. «Светлана... помогала устраивать детей в детские сады *не совсем законным* способом» [Новости. ТВК. 07.04.11]. «Свои имена скрывает только мошенники или фирмы, которые действуют *не совсем законно*» (юрист – о т. н. коллекторах) [Доброе утро. 1 канал. 03.06.11]. «Иностранцы пытаются легализоваться в России *не вполне законным* способом» [Новости. 7 канал. 21.06.11] и мн. др.

В некотором отношении такие примеры близки чуть ли не пандемическому распространению *как бы* – этого вербального символа эпохи перемен, что позволяет говорить и о восприятии социумом реальности как чего-то фантомного, и о фантомизации его сознания (подробнее см. [Васильев 2003: 91–103]; [Васильев 2008: 90–91 и др.]). Почти так же используются зачастую и рефлексивы (ср.: «3 октября – 15 лет *так называемого* расстрела парламента» [24. Ren-TV. 02.10.08] – то ли этого расстрела не было, то ли он заслуживает иного названия; см. [Васильев 2003: 212–220]). Впрочем,

активное употребление подобных приемов объясняется еще и тем, что они в значительной степени позволяют говорящему снять с себя ответственность за содержание своих высказываний. Причем «**не совсем** законные решения» и «**почти** преступные деяния», конечно же, **как бы** снимают всякое подобие ответственности с тех, кто был в них уличен... Так трансформируется общественная мораль...

Весьма симптоматичен и символичен недавний пример очередного вербально-манипулятивного эксперимента над общественным сознанием, как и все подобные, круто замешенный на вере в магическую силу слова, – переименование российской *милиции* в *полицию*. Это еще одна стадия игры в слова, долженствующая свидетельствовать об окончательном разрыве нынешнего государственного устройства с советским прошлым и абсолютной необратимости перемен во всех сферах жизнедеятельности социума.

По-видимому, здесь, как и во многих подобных случаях, традиционно проявилось волюнтаристское начало, столь излюбленное российскими «топ-менеджерами». Было сказано, что милиция – это изобретение Советской власти (кстати, как обычно, обнаружилось малоудовлетворительное знание отечественной истории: милицией царскую полицию заменило весной 1917 г. Временное правительство – «десять министров-капиталистов»; упомянутая власть лишь (очевидно, уловив преобладавшие в обществе настроения) переняла от своей предшественницы это именование сил охраны правопорядка и борьбы с преступностью). Согласно энциклопедическому толкованию, круг обязанностей милиции определялся следующим образом: «*милиция*... – 'в СССР гос. орган,

призванный обеспечивать охрану общественного порядка, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций, учреждений от преступных посягательств и др. антиобщественных действий'» [СЭС 1983: 802]. Совсем иначе характеризуется тем же словарем *полиция*; в качестве первого (и главного) значения приводится: «'в эксплуататорских государствах система особых органов надзора и принуждения, а также карательные войска внутреннего назначения, охраняющие существующий общественный строй путем прямого подавления классовых противников'» [СЭС 1983: 1027]; ср. в толковом словаре: «*полиция* – 1) 'особый орган, располагающий вооруженными отрядами для охраны безопасности существующего строя и установленных порядков в дореволюционной России и капиталистических странах'... "Во всех буржуазных республиках, даже наиболее демократических, полиция является главным орудием угнетения масс (как и постоянная армия), залогом всегда возможных поворотов назад к монархии". Ленин» [МАС₂ 1983, III: 262]. Радикальные различия в дефинициях налицо и не нуждаются в подробных комментариях, так же как и аргумент о якобы назревшей необходимости сменить название: «**пришла пора** вернуть милиции ее прежнее наименование и именовать в дальнейшем наши органы правопорядка полицией» [Кузьмин 2010: 2].

Высшие представители ведомства проявили завидную дисциплинированность и оперативность: по словам статс-секретаря – заместителя министра внутренних дел генерал-майора милиции С. Булавина, «такое переименование – один из результатов работы над проектом. **Пришло понимание**, что социальная

модель милиции базируется на выполнении органами правопорядка профессиональных полицейских функций» [Фалалеев 2010: 10]. Другой юрист, президент федеральной палаты адвокатов РФ, тоже искренне одобрил нововведение: «Милицейское ведомство на сегодняшний день настолько дискредитировало себя, что **даже простая смена названия содержит в себе позитив**» [Семеняко 2010: 5] (хотя по поводу «самодискредитации милиции» можно было бы заметить, что и ни одно другое ведомство или социальная группа не устояли бы против мощной кампании, развернутой буквально всеми СМИ: ни адвокатура, ни прокуратура, ни чиновничество, ни здравоохранение, ни пенсионная система и т. д. – видимо, их черед еще не пришел...). В хоре единодушного одобрения зазвучали и полуанонимные голоса граждан, вроде: «**По моему мнению**, переименование милиции в полицию – это очень важный и **своевременный** шаг руководства страны» [РГ. 19.08.10. С. 5].

Собственно, в подобных реакциях аудитории легко обнаружить признаки того, что сегодня называют «обыденным метаязыковым сознанием», подразумевая «набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях» [Голев 2008: 5] (хотя, наверное, абсолютное и безусловное разграничение языкового сознания на «обыденное» и «научное» довольно дискуSSIONно: придется предположить нечто вроде раздвоения личности, и хорошо, если только языковой...).

Любопытна, между прочим, точка зрения О. Анофриева, кажется, выдаваемая то ли за авторитетное мнение, то ли за глас народа: «Согласен с

переименованием нашей службы правопорядка. Когда нужно **внести изменения в существо дела, надо менять витрину, менять название**, а точнее [!] – **понятие**» [Пять событий недели // РГ – Неделя. № 31. 12.08.10. С. 2]. Иначе говоря, ставится знак абсолютного равенства между реалией (каким-либо феноменом как элементом действительности), ее вербальным знаком-выражением (словом как единицей языка) и понятием об этой же реалии (т. е. мыслью как продуктом мышления, психического мира). Это – и глубочайшая, неискоренимая даже собственным житейским опытом индивида вера в магию слова, и наивная атавистическая убежденность в том, что сущность реалии можно мгновенно изменить за счет ее иного названия (т. е. радикально преобразить сущность, вплоть до придания ей черт полной ее противоположности, всего лишь нововведенным словесным обозначением). В общем-то, если учесть специфику трудовой деятельности престарелого актера (который к тому же видит «во всем происходящем [имеются в виду пожары в России и наводнение в Европе] не что иное, как знаки приближения Апокалипсиса» [там же]), здесь нет ничего удивительного: декорации привычно создают необходимый антураж, выстраивая подобия реального мира; грим и сценический костюм сотворяют персонажа спектакля или фильма, имитирующего настоящего человека, и т. п. Однако наиболее примечательным звеном псевдологического построения оказывается, на наш взгляд, отождествление **названия и понятия**. Собственно, это вожденная мечта профессиональных лицедеев совсем иного уровня: властных манипуляторов, ведущих игру в слова, – и ведущих в ней; именно к упомянутому отождествлению как доминирующему

способу мышления (и, естественно, единомыслия) направлены информационно-психологические операции. Вот что декларирует один из «жрецов власти» в «1984»: «...Вам следует понять, что власть – это власть над людьми, над телом, но самое главное – над разумом. Власть над материей – над внешней реальностью... не имеет значения... Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание. Действительность – внутри черепа» [Оруэлл 1989: 179].

Может быть, еще и поэтому – чтобы отвести от себя малейшие подозрения в инакомыслии – вроде бы профессиональный юрист предлагает, по сути дела, не вдаваться в какие-либо дискуссионные аспекты переименования, решительно заявив: «Законодательная **инициатива** президента страны о преобразовании нынешней милиции в полицию **понятна и прозрачна без каких-либо толкований**» [Семеняко 2010: 5].

Между тем, следовало бы всё-таки с большей осторожностью отнестись к рекомендациям политтехнологов, спичрайтеров и прочих соавторов переименований-инноваций, а именно – учесть некоторые константы упомянутого «обыденного метаязыкового сознания» на уровне устойчивой сочетаемости некоторых слов, вызываемых ими ассоциаций и т. п. Например, наличие (в том числе и в современном публичном и публицистическом дискурсе) явно негативно оценочных словосочетаний «*полицейские меры, полицейское государство* (ср.: «*полицейский... 3. неодобр. `опирающийся на полицию... и жандармерию, характеризующийся грубым насилием и произволом'. *Полицейский террор. Полицейские методы управления*» [МАС₂ 1983, III: 262]), существительного *полицейщина* – «разг. неодобр. `система полицейской регламентации*

всей общественной жизни; полицейский режим'» [МАС₂ 1983, III: 262] (что, кажется, ничем не отличается от многократно преданного анафеме «советского тоталитаризма») и, конечно, пока еще окончательно не стертого из исторической памяти этносоциума слова-клейма *полицай* – «разг. презр. 'полицейский, завербованный из числа местного населения (на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны)'» [МАС₂ 1983, III: 262]. Ср. по поводу последнего: «Некоторые [немецкие] слова в речи русского человека подвергались смысловому преобразованию, в ходе которого изменяли характер предметной отнесенности. Словом *полицай* (нем. Polizei – *полиция*) обозначались военизированные формирования, которые создавались из **отщепенцев** на временно захваченной территории, но это слово в речи русских превратилось в **презрительное** обозначение полицейских, – кто пошел на службу в полицию; примечательно, что в фашистском лексиконе функционер полицейских формирований назывался по-немецки: *полицист* (Polizist – *полицейский*). Но в речи местного населения блюстителей “нового порядка” всё же называли словом *полицай* – именем того учреждения, где служили **изменники родины**. Не прежнее слово *полицейский*, а слово *полицай* становится обозначением и отрицательной оценкой функционеров, творивших злодеяния на оккупированной территории. Закреплению оценочного наименования за *полицистами* – полицейскими, несомненно, способствовало то, что слово осмыслялось как образование с суффиксальным показателем – *ай*, – *яй*, русские образования на – *ай*, – *тяй*, – *дяй* обозначают “презираемого, вызывающего пренебрежение или отвращение человека: *негодяй*,

кисляй, разгильдяй, лентяй, скупердяй, слюнтяй»» [Кожин 1985: 279–280] (со ссылкой на В. В. Виноградова).

По каким-то, наверное, очень важным причинам потенциальное участие этих факторов психосоциалингвистического характера оставили без внимания (как и возможную реакцию молчаливого отторжения таких инноваций среди немалого числа действующих сотрудников МВД). Что же касается т. н. общественного мнения, то его явно не успели подготовить к очередной модернизации. Видимо, этой незрелостью сознания электората в оценке прогрессивного нововведения объясняются показатели соответствующих социологических обследований. По данным инициативного всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного 14–15 августа 2010 г. с привлечением 1600 респондентов, на вопрос: «К каким последствиям, по-вашему, приведет переименование милиции в полицию?» были получены ответы: 63 % – «эта мера ничего не изменит, всё останется по-прежнему»; 15 % – «эта мера приведет скорее к негативным последствиям»; 11 % – «эта мера приведет скорее к положительным последствиям»; 11 % – «затрудняюсь ответить» [ГН. № 127. 24.08.10. С. 1]. Конечно, и к таким результатам надо относиться с определенной осторожностью, но – именно в демократическом правовом государстве (см. действующую конституцию) подобные опросы было бы разумно проводить заблаговременно, **до** принятия широкомасштабных кардинальных решений. С другой стороны, понятно, что итоги социологических опросов (ранее осуществлялись и референдумы) во многих случаях (из-за той же гражданской незрелости населения), будучи учтены властями, оказались бы

неодолимым барьером, препятствующим претворению в жизнь реформ, которые, как неоднократно декларировалось, направлены именно на благо электората, не желающего (может быть, и не способного) видеть светлые перспективы своего бытия – скажем, в 2020 г... Кроме того, существуют прецеденты референдумов, результаты которых мудро не принимались властью во внимание (например, в 1991 г. – по поводу будущности Советского Союза). Впрочем, известное фольклорное речение, бесспорно справедливое по своей сути, – «сверху виднее» (вариант «начальству виднее») может быть дешифровано и так: «Твое начальство глубоко (глубже, чем кто бы то ни было) постигает законы мира, человека и общества и строит твою жизнь в полном соответствии с ними. Оно делает максимально лучшее для тебя. Оно живет и тяжело трудится во имя тебя. И жизнь твоя прекрасна» [Зиновьев 1990, 1: 205]). Ранее было замечено: «Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно из принимаемых мер. Это правда... Гм! нет! Это неправда! правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства... Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения... Никогда не понять ему их, если само правительство не дает ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно» [Прутков 1976: 138–139].

Рассмотренные здесь эпизоды тотальной языковой игры позволяют еще раз убедиться в том, что «не близостью значений слов, а именно существенными различиями в их семантическом содержании и обусловлены эвфемистические замены» [Шмелёв 2003: 145]. Такие эвфемизмы (псевдоэвфемизмы?) почти

родственны тем, которые определяют как «окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [Арапова 1990: 590] – однако присутствующие в официальном дискурсе *реформа, оптимизация* и проч. отнюдь не окказиональны: их использование имеет систематический, массированный и целенаправленный характер. Впрочем, «высшая честность языка не токмо бежит лжи, но тех неопределённых полузакрытых выражений, которые как будто скрывают вовсе не то, что ими выражается» [Герцен 1955: 140]. Неслучайно ведь российским гражданам, пусть даже и не самым высокообразованным, но имеющим некоторый опыт выживания в перестроечные и последующие годы, несмотря на «мыслительную муть, которая может просачиваться из слов» [Дорошевский 1973: 56], зачастую легко удаётся «восстановление концептуальной справедливости» (И. Т. Вепрева), – т. е. распознать не только исходную семантику слова, но и уловить те смысловые обертоны, которые вносятся в неё говорящим, а следовательно, правильно определить его интенции. Собственно, возможность и необходимость такого определения хорошо представлены в русских фольклорных паремиях, отражающих т. н. обыденное (ненаучное) языковое сознание: «Не всё то творится, что говорится» [Даль 1984, 1: 319]; «Не смотри на кличку, смотри на птичку» [Даль 1984, 1: 168].

Новостной^[86] телеобзор

Ученики тролля, – а у него была своя школа, – рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде. «Только теперь, – говорили они, – можно видеть людей, да и весь мир такими, какие они есть на самом деле!» И вот они принялись носиться по свету с этим зеркалом; и скоро не осталось ни страны, ни человека, которых оно не отразило бы в искаженном виде...

Г.-Х. Андерсен

Для внимательного наблюдателя совершенно очевидно, что перманентные радикальные реформы, развернутые в России, не были бы столь успешными (в каком-то смысле этого слова или с чьей-то точки зрения), если бы не чрезвычайно активное участие и использование в их проведении т. н. средств массовой информации (ср.: «По словам агентства Интерфакс, президент Борис Ельцин считает, что средства массовой информации являются четвертой властью и относятся к силовикам» [Доброе утро. ОРТ. 25.12.98] («*СИЛОВИК* – публ. разг. 'руководитель силового министерства, ведомства или крупного подразделения'; *СИЛОВОЙ* – публ. 2) 'относящийся к подразделениям государственной власти, призванным гарантировать соблюдение законности и правопорядка, карать за их нарушение, обеспечивать государственную безопасность и опирающимся на военный и полицейский аппарат'» [ТССРЯ 2001: 721–722]; кстати, оба слова снабжены

³⁶ «Новостной – содержащий общественно значимые новости, посвященный новостям» [ТССРЯ 2001: 513].

графическими пометами, указывающими на их актуализацию)).

Конечно, научно-технические изобретения сделали возможной невиданную ранее скорость передачи информации, причем одновременно для многомиллионной аудитории, – но при этом оказалась столь же возможной интенсификация информационно-психологической войны, выражающейся в манипуляциях индивидуальным и общественным сознанием. «Если цель [европейских войн начала XIX столетия] – распространение идей, то книгопечатание исполнило бы это гораздо лучше, чем солдаты» [Толстой 1981, 7: 249]; понятно, что в этом отношении радио и особенно телевидение, с помощью видеоряда транслирующее или успешно имитирующее действительность, гораздо более эффективны в своем влиянии на психику и поведение людей, которым даже и не обязательно быть грамотными (т. е. хотя бы в малой степени уметь читать).

Одним из существенных признаков современного мироустройства справедливо считают *медиа-тизацию* – «процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира посредством специфически медийных когнитивных структур познания и представления реальности – возникающих при взаимодействии индивида с глобальным информационным пространством» [Рогозина 2003: 121]. При этом формируется особая *медиа-картина мира* – «продукт непрерывной информационной деятельности по познанию мира», она сопровождается «постоянной экстернализацией содержания сознания отдельных

людей, его мультипликацией и последующей трансляцией на аудитории, имеющие массовый характер» [Рогозина 2003: 122].

Наверное, можно выделить некоторые сферы профессиональной деятельности, где квалифицированное владение приемами манипуляции играет решающую роль в достижении успеха. К таковым возможно отнести, например, управление различными по количеству и объединяющему их признаку коллективами; образование и культуру (прежде всего т. н. шоу-бизнес); юриспруденцию и журналистику; рекламное дело и связи с общественностью; прикладную социологию и психологию; религию, политическую агитацию и пропаганду. По-видимому, особенно значим фактор манипуляции в политике: здесь последствия успешных манипулятивных операций оказываются наиболее крупными и долговременными.

Манипуляции – неизбежный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и средства массовой информации, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае малоэффективно).

Проблемы манипулятивных технологий, методов речевого воздействия на индивидуальное и общественное сознание рассматриваются специалистами в разных аспектах, среди которых, на наш взгляд, главным является анализ особенностей употребления лексико-фразеологических элементов в соответствующих дискурсах средств массовой информации (используем пока – в силу распространенности – последнее обозначение). В каком-то отношении подобный подход весьма традиционен: эффективность

информационно-психологических операций основывается прежде всего на активизации именно вербальных единиц и их блоков, вне зависимости от сменяющихся и/или дополняющих друг друга форм и способов хранения и передачи информации (устная речь, письменность, книгопечатание, звукозапись, радио, телевидение) – см. работы В. В. Колесова, Н. К. Фролова, Л. Н. Синельниковой, С. Г. Кара-Мурзы, А. П. Чудинова, А. Д. Васильева и др., где вопросы этого круга рассматриваются под разными углами зрения и на материалах различных источников.

Интерпретация фактов, в том числе – отдаленного прошлого, весьма значима для их восприятия и оценки с позиций новых властителей, воспитывающих или перевоспитывающих таким образом аудиторию: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [Оруэлл 1989: 41]. Ведь одна из важнейших задач информационной войны – заставить информационную самообучающуюся систему [человека, государство...] «смотреть на мир чужими глазами», глазами той информационной системы, на которую данная должна стать похожей, т. е. глазами эталона» [Расторгуев 2003: 136].

Вот как представлен известный военно-исторический факт в одном из выпусков теленовостей: «Ровно шестьдесят лет тому назад произошла крупнейшая *катастрофа* на море. *Русская* подводная лодка потопила немецкое судно “Вильгельм Густлов”, на борту которого было *около десяти тысяч человек*. Капитан *русской* подлодки Маринеско *нарушил все инструкции* ведения подводного боя... Немцы *во многом были сами виноваты: не было боевого охранения,*

плохо поставлена служба... По некоторым данным, через несколько месяцев Маринеско был *понижен* в должности и *уволен*» [Сегодня. НТВ. 30.01.05].

Семантические и коннотативные потенции графически выделенных приоритетных слов и синтагм позволяют предположить следующие интерпретации их и всего сообщения аудиторией:

1) «*русская* подводная лодка»: а) не «советская» (не будем упускать из виду, что последнее прилагательное в официальном публичном российском дискурсе либо употребляется для выражения негативной оценки, либо фактически табуировано)^[87]; б) *русский* с точки зрения иноязычной и чужекультурной, в том числе – бывшего [?] противника, – абсолютный синоним прилагательного *советский*;

2) «...около десяти тысяч **человек**...» – значит, совершенно преступление против человечности (и

⁸⁷ В этом легко убедиться, слушая внимательно, например, тексты официальных речей и телекомментариев реформаторского периода по поводу Дня Победы: отсутствуют прилагательное *советский*, словосочетания *Советский Союз*, *советский народ*, *Красная (советская) армия* и им подобные (обычно вместо них произносят *наш народ*, *наша армия*, *наша страна* и прочие семантически размытые формулировки). Ср.: «Товарищ министр обороны Российской Федерации! Войска московского гарнизона для парада в ознаменование 56-й годовщины победы [чьей? – А. В.] в Великой Отечественной войне построены» (репортаж о репетиции парада) [Время. ОРТ. 20.04.01]. «Самый грандиозный залп тысячи орудий возвестил миру о победе [чьей? – А. В.] над фашистской Германией» [Доброе утро, Россия. РТР. 08.05.03]. «Празднование 60-летия победы [чьей? – А. В.] над фашизмом должно напомнить [кому? – А. В.] о решающей роли нашего народа [в чем? – А. В.] [Парламентский час. РТР. 30.05.04] и т. п. Неудивительно поэтому ни странные оговорки («трагедия, о которой нельзя забывать... 60 лет назад советские войска освободили Освенцим» (неужели это событие кто-то считает трагическим?) [Новости. 1 канал. 27.01.05]), ни еще более странные параллели («**как и 61 год назад**... на полевой кухне **дружно празднуют победу** солдаты вермахта и Красной Армии» (о военно-исторической игре «Штурм Кенигсберга», В. Ситникова) [Сегодня. НТВ. 10.04.06]).

человечества?); иначе – «военное преступление»; вопиюще антигуманный акт;

3) «Маринеско нарушил все инструкции ведения подводного боя» потому, что а) упомянутый капитан – закоренелый и злостный нарушитель воинской дисциплины; б) соответствующие советские инструкции были совершенно непригодными для применения в обстановке реального боя;

4) никакой особенной заслуги капитана Маринеско и его подлодки в потоплении «Густлова» не было: командование и экипаж германского судна с преступной небрежностью отнеслись к должностным обязанностям, за что и поплатились – с якобы фатальной неизбежностью;

5) «некоторые данные» (почему-то даже приблизительно не документированные, но, тем не менее, цитируемые как непреложные) свидетельствуют о том, что а) поступок Маринеско не был сочтен военным подвигом с точки зрения советского командования, для которого первостепенную важность имело тупое соблюдение официально утвержденных правил ведения боя, а не результативность операций; б) даже таких выдающихся капитанов советская власть не могла (не хотела?) ценить по достоинству.

Конечно, трудно судить о том, каковы были подлинные интенции авторов анализируемого сообщения, но общий смысл и вероятный манипулятивный эффект состоят приблизительно в следующем: совершенно случайно капитан Маринеско, нарушитель дисциплины (и, к тому же, профессионально неграмотный командир), потопил мирное пассажирское судно, презрев законы человечности (потому что

русский); однако даже такое страшное преступление тогдашней антигуманной властью не было расценено как подвиг (что вообще, по-видимому, должно было бы произойти). Разумеется, ключевым здесь является слово *катастрофа*, характеризующее, с одной стороны, масштаб события, с другой – высокую долю его стихийности, стечения обстоятельств.

И всё же: можно не сомневаться в том, что потопление «Вильгельма Густлова» стало действительно катастрофой – но для Германии: ведь на борту судна транспортировали для участия в дальнейших боях против советской армии тысячи хорошо подготовленных офицеров и курсантов-подводников^[88] (так же, скажем, как *катастрофой* для кого-то можно при желании считать исход Сталинградской битвы). Итак: подвиг советского капитана и его экипажа – или катастрофа? Несомненно, последнее: такую трактовку факта навязывают аудитории, заставляя ее «смотреть на мир глазами эталона». Любопытен по аналогии частный пример манипулятивной операции того же «эталона»: В. Бергсдорф упоминает, что «в нацистской Германии специальным распоряжением министерства пропаганды от 22 августа 1936 г. было предписано именовать погибших немецких солдат не “gefallenen” (“павшие”), а “ermordeten” (“убитые”), дабы подчеркнуть, что национал-социалистические бойцы пали не в битве с

⁸⁸ Удивительно, но другой телеканал сообщил о том же военно-морском событии в формулировках, куда более близких историческим фактам: «На борту “Вильгельма Густлова” было 6740 человек по судовому списку, но их было от семи до десяти тысяч – 80 экипажей для новейших немецких подлодок...Во время войны “Густлов” был превращен в учебную базу немецкого подводного флота... Маринеско отправил под воду целую немецкую дивизию. Они [такие суда, как «Густлов»] были боевые немецкие корабли» [Новости. 1 канал. 05.05.05].

честным врагом, а были злодейски убиты» [Остроушко 2002: 88].

Одним из наиболее распространенных приемов, который, пожалуй, самым интенсивным образом практикуется в дискурсе российских телеканалов (особенно в выпусках новостей), является имитация обилия информации. Такой прием используется постоянно; с пропагандистской точки зрения он очень плодотворен, так как оказывается, при обычной своей внешней малозаметности, чрезвычайно эффективным инструментом выработки того отношения аудитории к тем или иным фактам и лицам, которого, вероятно, желают манипуляторы. Казалось бы, такая мелочь, как кончик гвоздя, торчавший из табуретки на кухне президента Ельцина и тщательно обследованный Э. Рязановым в его сугубо документальном фильме, является на самом деле очень значимой. Она «очеловечивает» образ главы государства («вот, дескать, и у него то же, что у нас»), заставляя к тому же наглядно убедиться в его круглосуточной занятости великими делами на благо России (из-за чего на устранение собственных бытовых неудобств нет ни времени, ни сил). С помощью этого приема возможно сотворение мифологических фрагментов картины мира требуемой конфигурации. Скажем, из передач телезритель узнает о гастрономических, музыкальных, спортивных и других вкусах и пристрастиях высших руководителей страны, их умениях (без малейшей специальной подготовки!) управлять стратегическим бомбардировщиком или командовать подводной лодкой (не «Курском») (невольно вспоминается пушкинское: «...То мореплаватель, то плотник...»); о ближайших родственниках этих руководителей, их семейных традициях, домашних

животных и прочем, столь же насущном для электората. Однако подлинные ориентиры и приоритеты представляемого («позиционируемого») таким образом персонажа, мотивация его решений по кардинально важным политическим, социальным, экономическим вопросам по-прежнему остается телеаудитории неведомой.

Приведем также в качестве примеров ряд сообщений, прозвучавших по разным телеканалам, о деятельности т. н. *антиглобалистов*.

«Разъяренные молодчики [*антиглобалисты* в Германии]» [Новости. ОРТ. 02.05.02] (здесь оценка обозначаемых лиц – а заодно, очевидно, и системы их взглядов, – дается не только за счет семантики атрибутива *разъяренные* «охваченные яростью, бешенством» [МАС₂], но и очевидной негативной коннотацией существительного *молодчик* – ‘человек, обычно молодой, нарушающий нормы общественного поведения, способный на преступления, на хулиганство и т. п.’ [МАС₂]).

«*Антиглобалисты* [в Калгари] ведут себя на удивление мирно» [Вести. РТР. 27.06.02] (оказывается, сам факт мирного поведения *антиглобалистов* должен быть удивительным).

«В Зальцбург стянуты огромные силы австрийской полиции. И пока эти меры себя оправдывают: *антиглобалисты* ведут себя мирно» [Вести. РТР. 17.09.02] (можно предположить, что только угроза применения значительного контингента сил правопорядка способна удержать *антиглобалистов* от неких страшных гипотетических злодеяний).

«Нью-йоркская полиция арестовала около шестисот *антиглобалистов*... Они [во время заседания Международного банка реконструкции и развития] закидали полицию дымовыми шашками и разбили несколько витрин... На центральных улицах Нью-Йорка убраны даже [!] урны: полиция опасается, что *антиглобалисты* могут использовать их как оружие» [Сегодня. НТВ. 28.09.02] (картина возможного нападения *антиглобалистов*, вооруженных уличными урнами, то ли на симпатичный МБРР, то ли на беззащитную американскую полицию, способна напугать не только слаонервных).

«Для *антиглобалистов* это историческое решение [о приеме в НАТО семи новых членов] – лишний повод выйти на улицы [Праги] с лозунгами... Профессиональные нарушители общественного порядка» [24. Реп-TV – 7 канал. 21.11.02] (напомним, что сравнительно недавно «историческими» обычно именовались – в советском пропагандистском дискурсе – решения партийных съездов и пленумов ЦК КПСС: налицо своеобразная преемственность; итак, с одной стороны, «исторические» (т. е. имманентно сугубо положительные и благодатные для человечества) решения, с другой – противостоящие им лица, квалифицируемые, по существу, как профессиональные хулиганы, нарушители общественного порядка и спокойствия без каких бы то ни было оснований).

«Демонстранты, в основном *антиглобалисты* и пацифисты, жгли костры и ломали кустарники. Полиции удалось оттеснить демонстрантов [о демонстрации в Вене против войны в Ираке]...» [Вести. РТР. 28.02.03] (зритель невольно начинает симпатизировать героическим венским полицейским, которым «удалось» –

как можно предположить, преодолев ожесточенное сопротивление, вероятно, превосходящих сил противника – восстановить необходимый Ordnung).

«Миролюбивые швейцарцы, соблюдая права человека, разрешили демонстрацию *антиглобалистов* [в Давосе], а теперь с тревогой ждут... Если демонстрация пройдет мирно и без эксцессов, это станет небольшим чудом...» [Сегодня. НТВ. 25.01.03] (иначе говоря, любое выступление антиглобалистов является агрессивным. Любопытно, кстати, заметить: возможная интенция адресанта вполне может быть интерпретирована следующим образом: швейцарцы – миролюбивые блюстители прав человека, однако стоит ли соблюдать последние, имея дело с коварными (ср. эффект тревожного ожидания; мирный исход демонстрации настолько маловероятен, что его надо считать чем-то сверхъестественным) и агрессивными *антиглобалистами*, логично поэтому предположить, что *антиглобалист* – в общем-то, не совсем и человек. Между прочим, здесь же как о главном сообщается: к этой демонстрации «подготовились журналисты»).

«К границам Швейцарии [в преддверии саммита «большой восьмерки»] стягиваются усиленные наряды полиции, чтобы не допустить массового проникновения *антиглобалистов*» [Время. ОРТ. 21.05.03] (для постоянного потребителя телевизионных новостей такая информация уже не является неожиданной: понятно, что нельзя допускать, чтобы профессиональные хулиганы хоть чем-нибудь обидели руководителей «большой восьмерки»).

«В Берлине разворачивалось настоящее сражение [!]. Так *антиглобалисты* решили отметить 1 Мая»

[Очевидец. Ren-TV – 7 канал. 31.05.03] (еще раз напоминает об агрессивной сущности *антиглобалистов*, а заодно делается попытка ассоциировать их деятельность с 1 Мая – некогда (в СССР) Днем международной солидарности трудящихся, а ныне – благопристойно внеклассовым Праздником весны и труда)^[89].

«Протесты в Женеве *антиглобалистов* приняли откровенно агрессивную форму» [Вести. РТР. 02.06.03] (телезритель, по-видимому, воспримет такую оценочную информацию как нечто само собой разумеющееся).

«Настоящей трагедией обернулась акция *антиглобалистов* в мексиканском городе Реконкун» (некий «кореец» – не вполне ясно, был ли он *антиглобалистом*, но это, в конечном счете, и неважно с точки зрения адресанта, – «нанес себе ножевые ранения»; «знакомые говорят, что это был акт отчаяния» – также неизвестно чем вызванного) [Вести. РТР. 12.09.03] (склонность к членовредительству, суициду, самоуничтожению – неотъемлемая черта любого *антиглобалиста*).

«*Антиглобалисты* вышли на улицы с плакатом «G7 – pigs banquet [«Большая семерка – банкет свиней»]» [НТВ. 09.02.04] – *антиглобалисты* грубы и неблагодарны.

Ну и, конечно же, само собой разумеется, что по-прежнему «швейцарские власти опасаются выступлений *антиглобалистов* [в Давосе]... Силы безопасности работают в усиленном режиме, чтобы не

⁸⁹ Занятно, что, по мнению российских тележурналистов, и за рубежом теперь принят этот славный праздник; так, рассказывая о драке берлинской молодежи с полицией, корреспондент заметил: «Немецкие демонстранты очень бурно отмечают Праздник весны и труда» [Сегодня. НТВ. 01.05.06].

допустить возможных эксцессов» [Новости. ОРТ. 26.01.05]: *антиглобалисты* совершенно неисправимы.

«...Начнется марш *антиглобалистов* [в Шотландии]. Многие жители уже ставят стальные решетки на окна... Глав государств разместят в отеле, который без труда превращается в комфортабельную **крепость**» [Вести. РТР. 06.07.05]. – «Идиллическая картина в двухстах метрах **от линии фронта**... *Антиглобалисты отступают под натиском превосходящих сил противника*» [Новости. 1 канал. 07.07.05].

«Несколько сот *антиглобалистов* вышли на демонстрацию в Женеве, которую называют "**городом мира**", протестуя против мировой политической и бизнес-элиты... Сначала демонстрация носила мирный характер... Затем стражи порядка... [далее – всё, как обычно. – А. В.]. *Антиглобалистам* удалось вывесить на здании [отеля, где остановились участники форума] плакат: "Вы и есть кризис!"» [Сегодня. НТВ. 01.02.09] и т. д. Неблагодарные всё-таки...

Конечно, примеры подобных сообщений можно было бы без особого труда умножить; впрочем, наверное, достаточно приведенных, чтобы понять: создается инвариантный образ опаснейшего для «мирового сообщества» врага, совершенно беззащитного, способного на любые бесчинства и преступления во имя достижения своих целей (заметим попутно, каково трогательное единодушие разных российских телеканалов; недаром, наверное, слово *плюрализм*, столь популярное в период т. н. перестройки, явно удалилось в пассивный словарный запас).

Вполне естественно в сложившейся ситуации, что и Россия не отстает от «цивилизованных государств». Сообщалось «о недопущении *антиглобалистов* на грядущие юбилейные торжества в Санкт-Петербурге» (Б. Грызлов) [Вести. РТР. 12.02.03].

Небезынтересно, однако, что на этом фоне дружного и сплоченного противостояния *антиглобалистам* (и, вероятно, *антиглобализму* как таковому) совершенно отсутствует полная и недвусмысленная информация о том, что же представляет собою феномен *глобализации*. Удовлетворительного ответа на этот вопрос не дают ни многочисленные политологические справочники, ни новейшие лексикографические издания. Если иметь в виду уже, наверное, прочно укрепившийся в массовом сознании сугубо негативный стереотип *антиглобалиста* («два года назад... тысячи *противников глобализации* били стекла и дрались с полицией» [24. Rep-TV – 7 канал. 21.11.02]; ср. уже в художественном произведении: «У меня возникла *дурная антиглобалистская* идея» [сериал «Светские хроники». ТВК. 30.09.02]), то простейшая – обыденная – логика подсказывает единственно правильный ответ: глобализация – нечто чрезвычайно хорошее и полезное; может быть, это единственный путь спасения человечества от вселенской катастрофы. Примеры употребления родственных слов единичны: «*Глобальные* процессы стратегического партнерства» [Вести. РТР. 14.06.02] (за последние годы российское общество, кажется, прочно приучили к тому, что «партнерство» – это всегда хорошо. Вспомним хотя бы назойливую рекламу МММ: «Я не халявщик, я партнер!» (об истории слова *партнер* в русском языке см. [Васильев 1993:

54–56]); прилагательное *стратегическое*, вроде бы оценочно нейтральное, тем не менее обладает несомненно позитивным коннотативным потенциалом). «Президент Путин [выступая в Пекинском университете] призывал [кого? – А. В.] придать процессам *глобализации* более прозрачный и управляемый характер» [Вести. РТР. 03.12.02].

Итак, получается, что *глобализация*, содержание и перспективы которой (в частности, для России) никто, кажется, и не стремится обнародовать, – это хорошо.

Однако объективности ради сто́ит, наверное, обратиться к иным источникам информации; например, к тем, которые уже традиционно специалистами в самых разных областях именуются «*оппозиционными*» (пространность приводимой нами далее цитаты оправдывается скудостью сведений о семантике описываемых лексем): «*“Антиглобалисты”* – это действительно ругательство, ярлык, кличка, придуманная врагами этих людей. Сами себя они *“антиглобалистами”* не называли и не называют. Западная пресса тоже их так давно уже не называет: приучили – тысячи человек, давая западным СМИ интервью, начинали эти интервью со слов: “И перестаньте наконец называть нас *“антиглобалистами”*, если не хотите попасть под суд”...; эти люди называют себя “новым антикорпоративным движением”. Или “новым антикапиталистическим движением”. Или – чаще всего – “движением за глобальную демократизацию” (ДГД). То есть они не *“антиглобалисты”*, а самые что ни на есть последовательные *глобалисты*. Что такое *“глобализация”*? Это – возникновение единой мировой экономики, единого мирового рынка – такого, какими были раньше национальные рынки, т. е. единого рынка

капитала, единого рынка товаров и услуг, единого рынка рабочей силы. И национальные границы никак не должны мешать этому единству... ДГД выступает не против "глобализации", а против тех форм, в которых транснациональные корпорации (ТНК) навязывают ее человечеству... ТНК, хотя и называются "транснациональными", тесно привязаны к банковскому капиталу США... Выяснилось, что подавляющее большинство ТНК обогащают финансовую верхушку США и что эти действия обусловлены "Вашингтонским консенсусом" [еще одно недавно популярное у нас слово! – А. В.] – пакетом полулегальных соглашений, заключенных в 80-е гг. между министерством финансов США, МВФ и Всемирным банком... политика МВФ разрушила экономику десятков стран мира... "Глобализация по МВФ" привела к чудовищному росту нищеты в мире и к форменному истреблению населения планеты голодом... В ряды демонстрантов были посланы сотни провокаторов... для того чтобы оправдать репрессии против демонстрантов... Против чего и кого выступает ДГД? Против МВФ, Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО), ТНК, "Вашингтонского консенсуса", всевластия финансового капитала, превращения человека в товар...» [Тарасов 2003]. Контраст с телевизионными сообщениями просто разительный. Не беремся здесь судить о том, чья позиция (имплицитно подаваемая официальная или эксплицитно представленная оппозиционная) ближе к истине.

Стоит сопоставить также и точки зрения некоторых специалистов. В то время как одни из них выдают за аксиому необходимость эволюции российского общества «от локализма к глобализму» (естественно, столь же насущны переходы «от социализма к капитализму, от

коллективизма к индивидуализму, от романтизма к рационализму» [Губогло 2002: 36] – по-видимому, от безусловно плохого к абсолютно хорошему, причем толком не объясняется, в чем преимущество этого хорошего не для цитируемого автора лично, а для упомянутого общества в целом), другие пытаются всё же анализировать тенденцию и прогнозировать последствия ее триумфального финала. Оказывается, в частности, что «глобализация имеет в виду процессы, в условиях которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных субъектов и подчиняются их властным возможностям... Складывается парадоксальная ситуация (а с точки зрения ТНК – наиболее благоприятная), когда лица, получающие фантастические сверхприбыли (олигархи, в российской понимании), становятся виртуальными налогоплательщиками; реальные же налогоплательщики – основная масса тех, кто в полной мере испытывает на себе неблагоприятное влияние глобального проявления экономики. Именно на эту часть населения (в России это люди со средним и ниже среднего доходами) возлагается основное бремя по выполнению государством социальной функции» [Иванец, Червонюк 2003: 87, 89^[90]].

Как видим, вероятные результаты не ограничиваются лишь (хотя и это само по себе немало) утратой государственного суверенитета и национальной идентичности. Ср.: «Кому принадлежит Россия? Она принадлежит акционерам, и они извлекают из нее

⁹⁰ Ср. также: «В Праге [26.09.00] немыслимые волнения против сессии Всемирного банка и глобализации капитала. Вот тебе и бархатная революция!. Демонстранты, собравшиеся из разных стран, видят в этой глобализации путь к обнищанию трудящихся. По сути, это еще и движение против еврейского капитала, который стремится стать интернациональным» [Есин 2002: 549].

дивиденды» (А. Пивоваров) [НТВ. 04.03.02]. «Америке нужны стабильные партнеры, и Россия – один из них. Первые 240 тысяч тонн российской нефти точно 4 июля [т. е. в день главного праздника США – Дня независимости] доставлены в Хьюстон» [Вести. РТР. 07.07.02] – «Нынешнюю – сырьевую – Россию в ВТО уже ждут с нетерпением» [Доброе утро, Россия! РТР. 29.10.02]. – «Мы партнеры в том смысле, что Россия является ресурсной для западных стран» (цитата из выступления Дж. Шлезинджера, бывшего директора ЦРУ США) [Однако. ОРТ. 30.01.04]. – «В разгар энергетического кризиса в США прибыл первый танкер с грузом сжиженного газа из России... "Газпром" выходит на американский рынок» [Новости. 1 канал. 02.09.05] и т. п. Таковы уже имеющиеся в реальности результаты того, что изящно именуется «глобальными процессами стратегического партнерства» [Вести. РТР. 14.06.02]. Ср.: «Научно и промышленно отсталые страны должны будут платить за Зрелища ту цену, которую им установит производитель [т. е. победитель в информационно-психологической войне. – А. В.]. А собирать эту плату они будут за счет безжалостной эксплуатации собственных недр и собственных народов» [Расторгуев 2003: 422].

Кстати, небезынтересно, что за последние год-два российские СМИ почти перестали упоминать о каких-либо выступлениях *антиглобалистов*; то ли применяется прием замалчивания, то ли для протестующих найден другой ярлык (*анархисты* и проч.).

Еще один эффективный манипулятивный прием – последовательность подачи сообщений в телевизионных выпусках новостей. Обычно на первое место выносятся наиболее значимые для аудитории известия – или же те,

которые зрителям предлагается считать первостепенно важными.

Например, местный (государственный) телеканал сообщает: «**Главная новость** дня: задержан бежавший из зала суда [рецидивист]... Ввоз отработанного ядерного топлива на территорию края будет продолжаться» [ИКС. КГТРК. 14.02.02]; из чего можно заключить, что дальнейшее превращение территории Красноярского края в свалку отходов зарубежных атомных производств не столь уж опасно для красноярцев по сравнению с угрозой, исходившей от беглого подсудимого. Или: «В начале выпуска – срочное сообщение из США. В результате авиакатастрофы погибли 19 человек [следуют леденящие душу подробности]. Теперь – к другим темам. 24 тысячи россиян живут в домах, где температура немногим выше нуля...» [24. Ren-TV – 7 канал. 08.01.03]; понятно, что упомянутым «россиянам» собственное вымерзание может представиться не таким уж страшным на фоне ужасного события, трагически оборвавшего жизни граждан цивилизованной страны. «ЧП в зоопарке “Роев ручей”»: погибли уссурийский тигр и пума... Прошли похороны красноярского милиционера, погибшего в Чечне» [Новости. Афонтово. 21.01.03]; поскольку здесь же было сообщено, что каждое из умерших животных стоило 4–5 тысяч американских долларов, то, в сопоставлении с судьбой очередного павшего в «контртеррористической операции» (да и еще, наверное, не стоившего таких денег), первое событие кажется более важным.

Возьмем также в качестве довольно типичного примера тематику и последовательность подачи новостей программы «Вести» [РТР. 27.07.04]:

1) состоялся съезд демократической партии США; 2) «Джордж Буш опять упал с велосипеда... отделался легкой царапиной на колене» (это – «главные новости»).

«К другим новостям»:

3) «сразу несколько мощных взрывов прогремело в центре Багдада. Там расположено американское посольство...»; 4) «еще один заложник освобожден в Ираке»; 5) исламские активисты не борются больше с американцами, а с алкоголиками – как противниками Корана; 6) «в» Украине завершается выдвижение кандидатов в президенты; 7) «флагман Северного флота крейсер “Петр Великий” встал на боевое дежурство».

«Коротко о некоторых других событиях за рубежом»:

1) «стрельба» израильтян в палестинцев в палестинском лагере беженцев; 2) на Кубе построена первая морская буровая платформа; 3) португальские власти просят Евросоюз о помощи в борьбе с лесными пожарами; 4) индийский штат Трипура отрезан наводнением; 5) на Землю обрушилась магнитная буря; 6) компьютерный вирус заблокировал работу Интернета; 7) уникальная находка археологов в Армении – стоянка людей эпохи мезолита; 8) количество медалей для предстоящей олимпиады; «Вести» продолжают следить за событиями в России и за рубежом» (между прочим, в тот же день, по сообщениям других СМИ, произошло еще немало важного, в том числе и взрыв в центре Воронежа)^[91].

⁹¹ Ср. реакцию на теленовости литературного персонажа – «простого американца»: «Последние известия – с одного на другое пересказывают, ну прямо цирк какой-то. И бестолковщина, как в брошюре про укрепление здоровья» [Гарднер 1981: 203]. Однако, как видим, векторы манипулятивных тенденций

Ср. иерархию композиционной структуры некоторых других выпусков новостей:

1) ООН запретила Израилю провести депортацию Ясира Арафата; 2) в результате урагана сто тысяч жителей Вашингтона остались без электричества; 3) новости российской политики: Госдума приняла главный финансовый документ – бюджет страны...[24. Рен-TV. 20.09.03];

1) как лечат овчарку Рекса, которую сторож заповедника подстрелил, приняв за бродячую; 2) 60-я годовщина прорыва блокады Ленинграда (этот сюжет в несколько раз короче предыдущего) [Новости. ТВК. 27.01.04].

1) «Президент США Джордж Буш совершенно здоров. Его состояние даже лучше, чем год тому назад» [Вести. РТР. 01.08.05] (без комментариев).

Любопытны случаи, когда текст телепередачи разрывают рекламные клипы: во вновь выстраиваемой системе ценностей нравственным оказывается то, что прибыльно. Это подтверждается (по существу, утверждается) наиболее наглядно таким распределением времени выпуска новостей: «Через одну-две минуты [после «рекламной паузы»] у нас [в новостях] – падающие тополя [один из которых, как будет сообщено, проломил череп прохожей] и похищения людей» [Новости. ТВК. 03.09.01]. «Сразу после рекламы – подробности страшного происшествия на острове Отдыха [где утонули два подростка]» [Новости. 7 канал, 09.07.02]. «У мужчины в руках взорвалась боевая граната. Он вместе с четырехлетней дочерью

госпитализирован...Подробности этого страшного происшествия – после рекламы» [Новости. Прима-ТВ. 07.07.03] и т. п. ^[92]

Еще один интересный манипулятивный прием – алогизм сообщения, причем, как правило, ориентирующего аудиторию на позитивную оценку излагаемой информации.

«Американцы не собираются их [ядерные боеголовки] уничтожать, в то время как Россия настаивает на утилизации [боеголовок]. Тем не менее, [российские] военные довольны результатами визита в США. Главное [!] – подготовить общую платформу для визита Джорджа Буша в Москву» [24. Реп-ТВ – 7 канал. 17.01.02]; иными словами, каждая из сторон осталась при своем мнении, хотя американская – в явно выигрышной позиции: ведь таким образом не потребуются вновь тратить огромные средства на производство ядерного оружия, а просто при необходимости извлечь его из хранилищ и установить на носители. Но российские генералы **довольны** – значит, всё хорошо...

«Россия стала практически полноправным членом НАТО. Правда [!], она не будет участвовать в решении вопросов о приеме новых членов – это внутреннее дело НАТО, но надо, чтобы Россия стала европейским государством, а не государством около Европы» (политолог А. Коновалов) [Новости. ОРТ. 27.05.02] – из

⁹² «Информационное агентство может, формально соблюдая требование беспристрастности, выразить свою позицию, сформировать у потребителя информации определенное отношение к ней»; это подтверждается, в частности, сопоставительным анализом текстов сообщений трех ведущих российских агентств [Лашук 2002].

этой словесной эквилибристики зритель, вероятно, должен уяснить, что у «уважаемых россиян» есть большой повод для радости.

Столь же оптимистична (по очевидному замыслу) и следующая весть: «Вместо того, чтобы кормить импортных производителей [автомобилей], будем закупать **лишь** комплектующие, а сборку осуществлять в России... На языке экономистов это называется *локализацией*» [Вести. РТР. 15.04.05]. На обычном же языке это может означать вот что: если импортным производителям что-либо не понравится, они прекратят поставку комплектующих, остановятся российские конвейеры, и тогда некормленными окажутся российские рабочие и их семьи.

«Для пропаганды ЕГЭ среди учителей красноярских школ приглашен ведущий специалист по тестированию Марк Зельман из США...Это нашло понимание...» [Вести-Красноярск. 26.04.05]; однако, судя по показанным здесь же блиц-интервью с учителями, подвергшимися упомянутой пропаганде, они «так и не поняли, зачем всё-таки нужен ЕГЭ и в чем состоит его достоинства». Жаль, конечно, что есть еще такие косные педагоги, но ведь, оказывается, даже у них «нашло понимание»...

Почти полвека назад американский социолог Р. Миллс писал (разумеется, имея в виду современные ему СМИ США): «Массовые средства общения поставляют много всяких сообщений и известий о том, что происходит в мире, но редко дают возможность слушателю или зрителю по-настоящему поставить свою повседневную жизнь в связь с этой более широкой действительностью. Они не связывают поставляемую ими

информацию по общественным вопросам с заботами индивидуума... Наоборот, они отвлекают внимание человека от основного, главного и затрудняют ему саму возможность познать самого себя и окружающий его мир» [Миллс 1959: 422]. Очевидно, российские теледеятели работают по тем же схемам.

Вероятно, и приведенных примеров достаточно, чтобы иллюстрировать важнейшую функцию СМИ – функцию социального контроля (см. [Леонтьев 2003: 71]). «...С повышением способностей информационных систем в части их обучения акцент будет все более смещаться в сторону применения не огнестрельного оружия, а информационного: если систему [т. е. человека или государство] дешевле уничтожить и создать заново в нужном виде, чем переучить, то уничтожают; если же ее проще переучить, то переучивают» [Расторгуев 2003: 15]. Вероятно, с точки зрения манипуляторов, последнее оказалось более выгодным: Россию и ее народ (который, впрочем, теперь гораздо чаще именуют «населением») активно «переучивают». Великий русский писатель, сделавший пессимистический вывод: «Только в наше самоуверенное время популяризации знаний, благодаря сильнейшему орудию невежества – распространению книгопечатания, вопрос о свободе воли сведен на такую почву, на которой нет и не может быть самого вопроса» [Толстой 1981, 7: 339], конечно, не мог предугадать появления российского телевидения... Главное в сообщениях которого – «идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой» [Кара-Мурза 2002: 811].

Значимость телевидения (не жалеющего на саморекламу сил и средств, в том числе и госбюджетных) возросла неимоверно, и вряд ли благотворно для

здоровья общества (пусть и мифического «гражданского»). Ср.: «Сегодня о результатах работы за прошлый год отчитается перед журналистами [не перед избирателями! – А. В.] депутат Госдумы Раиса Кармазина» [02.02.06]). Зачастую из противоречивых сообщений просто невозможно понять, что, собственно, считают истинным сами теледеятели; ср. содержание высказываний ведущего новостей и корреспондента той же компании, включенных в один сюжет: «[Ведущий:] Вирус птичьего гриппа добрался до Крыма... Отчего погибли эти птицы – неизвестно... [Корреспондент:] Замерзли птицы или погибли от гриппа – не выяснено» [Сегодня. НТВ. 02.02.06]. Последствия безответственного тиражирования невежества и поощрения хулиганства иногда оказываются весьма серьезными – правда, не для манипуляторов: «Это день [Ивана Купалы], который дает начало купальному сезону [!], но не вся молодежь об этом знает... **Сегодня можно вволю обливаться водой**» (Н. Жабыко) [Новости ТВК. 07.07.98] – и: «К сожалению, **как и в прошлом году, этот праздник обошелся без жертв**. Был сбит машиной четырнадцатилетний мальчик, который выбежал на дорогу, спасаясь от обливавших его друзей» (Н. Жабыко) [Новости ТВК. 08.07.98].

Неоднократно говорилось о почти магической силе слова; она подтверждается и новейшими научными исследованиями. Так, заведующий кафедрой клинической психологии Красноярского госуниверситета В. Кожевников считает, что «мы знаем, как слово наше отзовется... Слово может вызвать изменения на генном уровне» [Обозрение-7. 7 канал. 01.12.02].

Следует сказать, что многие теледеятели хорошо понимают это: «До сих пор телевидение заменяло собой

всё, чего не было в природе» (М. Леонтьев) [Однако. ОРТ. 24.04.01]. «Телевидение варьирует ложь, делает ее светлее или грязнее» (А. Невзоров) [Однако. ОРТ. 24.04.01]. «Четвертая власть давно стала первой, поскольку, манипулируя словом, можно манипулировать сознанием... Под влиянием сообщений о катастрофах, убийствах и прочей негативной информации у человека пропадает желание жить» (А. Мартыненко) [Обозрение-7. 7 канал]. «Продажность [журналистов]? Да, продажность, но она всё-таки [!] как бы опосредована симпатиями журналистов» (Е. Сажина) [Пресс-клуб. 7 канал. 15.01.03]. «"Намек на реалити" – так теперь принято называть реальность, которую загнали в телящик» [Неделя. Ren-TV. 21.08.05] и т. п. В общем, «его не удивило такое отношение телевизионщиков к своему труду, хотя степень духовной извращенности этих людей давала возможность допустить, что кто-то из них даже любит свою работу» [Пелевин 1999: 72–73].

Под конец приведем еще одно сообщение местного телеканала: «В деревне Ивановка Партизанского района осталось всего пять жителей... У людей нет ни телевизора, ни радио, **и они чувствуют себя вполне счастливыми**» [Новости. Прима-ТВ. 02.08.05]. Может быть, это естественно? Ведь, как известно из андерсеновской сказки, после того, как зеркало троллей разбилось на несметное множество осколков, разлетевшихся по свету, «человек с осколком в глазу начинал видеть всё наизусть или замечать в каждой вещи одни лишь ее дурные стороны...» [Андерсен 1982в: 442].

Заключение

Манипулятивные игры в слова чрезвычайно многообразны. Это объясняется прежде всего самой сущностью слова как единицы языка, оказывающейся исключительно удобным орудием воздействия на индивидуальное и общественное сознание в целях управления аудиторией. Вербальная магия вовсе не осталась достоянием прошлого, но обрела новые воплощения в коммерческой рекламе и политической пропаганде, воздействующих на умы носителей языка и формирующих, а следовательно – и программирующих их поведение наверняка не менее эффективно, нежели известные с давних пор заговоры, заклинания и проповеди. С помощью слов-мифогенов сотворяются всё новые мифы, которыми владельцы-распорядители информационных потоков уверенно подчиняют своей власти аудиторию СМИ. Постоянно обновляемые и совершенствуемые до изощренности мифы применяются весьма широко – по тем правилам, которые устанавливают владельцы игрового пространства и которым подчиняются все остальные коммуниканты. Массированные словесно-манипулятивные операции информационной войны используют безрассудную веру носителей языка в качестве надежного катализатора психолингвистических процессов. Одним из векторов этих процессов несомненно является аксиологическая дезориентация (ср. приснопамятный *плюрализм*), парадоксально и подспудно выполняющая функцию ориентации на достижение тех ценностей, которые (по большей части – пока еще негласно) предписано считать фундаментальными.

Это подтверждается наблюдениями за характером использования российскими СМИ, в первую очередь – телевидением, ряда слов и устойчивых словосочетаний, тематически различных, но образующих в своей совокупности мифические образы требуемой конфигурации и нужного объема.

Так, конституционно обусловленное отсутствие доминирующей (государственной) *идеологии* в России успешно замещается некоей «*национальной идеологией*» – т. е., в соответствии с новейшей игрой в слова, по существу, государственной же, а следовательно – единой и для всех единственной. Причем происходит это на фоне отсутствия сколько-нибудь *внятной идеи*, способной выполнять роль спланирующего и мобилизующего импульса. Тиражирование же пропагандистских стереотипов зарубежного происхождения, уничижительных для России как таковой, продолжается совершенно беспрепятственно. Правда, в качестве генеральной идеи, воплощение которой объявляется абсолютно необходимым, выдвигаются то смутные *общечеловеческие ценности*, то *толерантность*, оформляемая посредством политкорректности и внедряемая в виде мультикультурности, которая, надо сказать, уже бесславно потерпела крах в «цивилизованных странах», её рекламировавших и эксплуатировавших. Такой конец вполне логичен – и предсказуем также для стран-эпигонов, пытающихся насаждать подобные модели взаимоотношений и поведения на номинально своей территории, или *пространствах* (ср.: *экономическое пространство, культурное пространство* и т. п.). На этих *пространствах* прекратилась полноценная одухотворенная жизнь *народа*, перешедшая в стадию выживания *населения*, не

имеющего ни общей исторической памяти, ни четкой перспективы и, по всей видимости, обреченного на относительно недолгий «срок дожития» (по удачному выражению российских бюрократов). Кроме того, *население* фактически является и объявляется не имеющим *национальности*, т. е. этнической идентичности. Однако это относится далеко не ко всем фантастическим *россиянам*, но в первую очередь и явно преимущественно – к *русским*, составляющим государствообразующую нацию якобы многонациональной страны, и, вероятно, именно поэтому столь активно третируемым и усиленно растворяемым в диффузной массе национально безликих *россиян*, которые, по-видимому, должны бы вдохновляться специально для них (может быть, прежде всего – для щедро дотируемых республик) изобретенным «общероссийским патриотизмом». Судя по некоторым политико-пропагандистским симптомам, у мифического *российского народа* имеется не так отдаленная перспектива быть трансформированным – путем всё той же вербальной магии – то ли в евразийцев, то ли в евроазиатов. Таким образом дерусификация будет успешно завершена. Возможно, что предполагаемый процесс обещает стать чуть ли не единственным законченным проектом из числа декларировавшихся реформаторами ранее. Заметим, кстати, что, с учетом известных фактов, *проектом* обозначается теперь не только какой-либо замысел, но также деятельность по его осуществлению и ее результат (даже если последний так и не достигнут), а потому *проекты* в сочетании с *реальными делами* – одно из ярких проявлений вербальной магии (ранее подобное назвали бы очковтирательством), насаждаемой и поощряемой

элитой. Элита же (естественно, всегда и во всем считающая себя первой и правой) совершенно безыдейна и космополитична и заинтересована искренне разве лишь в сохранении существующего положения вещей, т. е. собственного социально-имущественного статуса. Может быть, поэтому *господа* так активно на словах поддерживают словесную же имитацию борьбы с коррупцией: эта борьба их нисколько не задевает. Для интенсивного пропагандистского обеспечения реформаторских процессов используется словесная магия, воплощаемая в том числе и в виде псевдоэвфемизации и распространяемая через СМИ, в первую очередь – через телевидение.

Таким образом, манипулятивные игры в слова занимают в информационной войне весьма важное место. Функционально значимые, они вряд ли прекратятся не только в обозримом будущем, поскольку лексика живого языка динамична, а *продвинутые* политтехнологи не прекращают свои *креативные* изыски. Этими обстоятельствами подчеркивается необходимость дальнейшего изучения данных явлений специалистами.

Приложение 1

Н и ж е п р и в е д е н ы в ы д е р ж к и и з календаря-ежедневника на 2008 г., выпущенного в Санкт-Петербурге издательством «Светоч». Предлагаем внимательному читателю попытаться установить причины использования прилагательных *русский* и *российский* применительно к конкретным персонажам, а также сравнительно редкого применения прилагательного *советский* при квалификации юбиляров.

Примечания.

1. Упомянутое в календаре звание «Герой СССР» никогда не существовало; существовало почетное звание «Герой Советского Союза» как «высшая степень отличия за личные или коллективные заслуги перед [Советским] государством и обществом, связанные с совершением героического подвига».

2. Е. Р. Дашкова (март 28) в 1783–1796 гг. была одновременно директором Петербургской Академии наук и президентом Российской Академии.

3. У Л. И. Лагина (декабрь 4) не указана настоящая фамилия – Гинзбург.

Январь 1	115 лет со дня рождения И.В. Панфилова (1893–1941), <i>российского</i> военачальника, Героя СССР
Январь 3	105 лет со дня рождения А.А. Бека (1903–1972), <i>российского</i> писателя («Волоколамское шоссе»)
Январь 6	140 лет со дня рождения В.Н. Мешкова (1868–1946), <i>российского</i> живописца, графика 70 лет со дня рождения Л.Е. Шепитько (1938–1979), <i>российского</i> кинорежиссера
Январь 7	95 лет со дня рождения А.И. Лебединского (1913–1967), <i>российского</i> астрофизика, пионера магнито-гидродинамики

Январь 8	95 лет со дня рождения Я.В. Смелякова (1913–1972), <i>российского</i> поэта
Январь 9	95 лет со дня рождения Э.С. Колмановского (1923–1994), <i>российского</i> композитора
Январь 10	125 лет со дня рождения А.Н. Толстого (1883–1945), графа, <i>русского</i> писателя, академика АН СССР (1939) («Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина»)
Январь 11	125 лет со дня рождения А.В. Фонвизина (1883–1973), <i>российского</i> живописца-акварелиста 120 лет со дня рождения А.Д. Сперанского (1888–1961), <i>российского</i> патолога
Январь 12	105 лет со дня рождения И.В. Курчатова (1903–1960), <i>российского</i> физика-атомщика, руководил созданием атомной и термоядерной бомб, сооружением первой в мире атомной электростанции 95 лет со дня рождения П.Н. Ангелины (1913–1959), организатора и бригадира 1-й женской тракторной бригады в СССР
Январь 14	160 лет со дня рождения Ф.Ф. Фортунатова (1848–1914), <i>русского</i> языковеда, основателя московской лингвистической школы 60 лет со дня рождения В.Б. Харламова (1948–1981), <i>российского</i> хоккеиста
Январь 15	95 лет со дня рождения А.И. Маринеско (1913–1963), <i>российского</i> моряка-подводника, Героя СССР
Январь 16	155 лет со дня рождения В.С. Соловьева (1853–1900), <i>русского</i> религиозного философа, поэта, публициста, критика 120 лет со дня рождения О.М. Брика (1888–1945), <i>российского</i> драматурга, критика 100 лет со дня рождения П.Ф. Нилина (1908–1981), <i>российского</i> писателя
Январь 17	145 лет со дня рождения К.С. Станиславского (Алексеева) (1863–1938), <i>российского</i> актера, режиссера, теоретика театра

Январь 18	115 лет со дня рождения П.Н. Староносова (1893–1942), <i>российского</i> графика, члена объединения «Жар-птица»
Январь 19	145 лет со дня рождения А.С. Серафимовича (Попова) (1863–1949), <i>российского</i> писателя
Январь 20	125 лет со дня рождения П.Н. Филонова (1883–1941), <i>русского</i> художника-авангардиста
Январь 22	110 лет со дня рождения С.М. Эйзенштейна (1898–1948), <i>российского</i> кинорежиссера 100 лет со дня рождения Л.Д. Ландау (1908–1968), <i>российского</i> физика-теоретика, академика, лауреата Нобелевской премии (1962)
Январь 24	160 лет со дня рождения В.И. Сурикова (1848–1916), <i>русского</i> художника 135 лет со дня рождения Д.Н. Ушакова (1873–1942), <i>русского</i> филолога, составителя «Толкового словаря» в 4-х томах
Январь 25	70 лет со дня рождения В.С. Высоцкого (1938–1980), <i>российского</i> актера, певца, поэта
Январь 28	315 лет со дня рождения Анны Иоанновны (1693–1740), <i>русской</i> императрицы (1730–1740)
Январь 29	140 лет со дня рождения В.П. Горячкина (1868–1935), <i>русского</i> ученого, основоположника сельскохозяйственной (земледельческой) механики
Январь 30	85 лет со дня рождения Л.И. Гайдая (1923–1993), <i>российского</i> кинорежиссера
Январь 31	115 лет со дня рождения А.А. Пластова (1893–1972), <i>российского</i> живописца
Февраль 2	125 лет со дня рождения М.Ф. Гнесина (1883–1957), <i>российского</i> композитора
Февраль 3	150 лет со дня рождения Н.А. Холодковского (1858–1921), <i>русского</i> ученого-энтомолога, переводчика классической художественной литературы

Февраль 4	250 лет со дня рождения И.П. Прокофьева (1758–1828), <i>русского</i> скульптора, рисовальщика 135 лет со дня рождения М.М. Пришвина (1873–1954), <i>русского</i> писателя
Февраль 9	225 лет со дня рождения В.А. Жуковского (1783–1852), <i>русского</i> поэта, переводчика 70 лет со дня рождения Ю.И. Коваля (1938–1995), <i>российского</i> писателя («Недопесок Наполеон III»)
Февраль 10	280 лет со дня рождения Петра III (1728–1762), <i>российского</i> императора (1761–1762)
Февраль 13	135 лет со дня рождения Ф.И. Шаляпина (1873–1938), <i>русского</i> певца (бас), драматического актера, режиссера 125 лет со дня рождения Е.Б. Вахтангова (1883–1922), <i>российского</i> актера, режиссера, основателя и руководителя театра, с 1926 г. носящего его имя 105 лет со дня рождения А.П. Александрова (1903–1994), <i>российского</i> физика-атомщика
Февраль 14	195 лет со дня рождения А.С. Даргомыжского (1813–1869), <i>русского</i> композитора 100 лет со дня рождения Б.Б. Пиотровского (1908–1990), <i>российского</i> историка, археолога, директора Государственного Эрмитажа (1964–1990)
Февраль 15	100 лет со дня рождения Д.К. Мочальского (1908–1988), <i>российского</i> живописца
Февраль 16	115 лет со дня рождения М.Н. Тухачевского (1893–1937), <i>российского</i> военачальника, маршала
Февраль 18	105 лет со дня рождения К.Н. Державина (1903–1956), <i>российского</i> литературоведа, переводчика, режиссера
Февраль 19	135 лет со дня рождения Г.Н. Сперанского (1873–1969), <i>российского</i> педиатра
Февраль 20	120 лет со дня рождения В.А. Барвинского (1888–1963), <i>российского</i> композитора, пианиста

Февраль 21	120 лет со дня рождения М.А. Бонч-Бруевича (1888–1940), <i>российского</i> ученого-радиотехника
Февраль 23	130 лет со дня рождения К.С. Малевича (1878–1935), <i>российского</i> художника-авангардиста («Черный квадрат»)
Февраль 24	95 лет со дня рождения Э.Г. Казакевича (1913–1963), <i>российского</i> писателя
Февраль 26	150 лет со дня рождения В.П. Сербского (1858–1917), <i>русского</i> психиатра, основоположника судебной психиатрии в России
Февраль 28	115 лет со дня рождения В.И. Пудовкина (1893–1953), <i>российского</i> кинорежиссера
Март 1	145 лет со дня рождения Ф.К. Сологуба (1863–1927), <i>русского</i> писателя, поэта
Март 5	305 лет со дня рождения В.К. Тредиаковского (1703–1768), <i>русского</i> поэта, филолога
Март 6	95 лет со дня рождения А.И. Покрышкина (1913–1985), <i>российского</i> военачальника, маршала авиации, трижды Героя СССР
Март 7	150 лет со дня рождения Н.В. Арцыбушева (1858–1937), <i>русского</i> композитора 130 лет со дня рождения Б.М. Кустодиева (1878–1927), <i>русского</i> живописца, графика, театрального художника 80 лет со дня рождения В.А. Чивилихина (1928–1984), <i>российского</i> писателя
Март 10	170 лет со дня рождения Н.Е. Пальчикова (1838–1888), <i>русского</i> фольклориста, собирателя народных песен
Март 11	190 лет со дня рождения М.И. Петипа (1818–1910), <i>русского</i> артиста балета, балетмейстера

Март 12	145 лет со дня рождения В.И. Вернадского (1863–1945), <i>российского</i> ученого; создателя учения о биосфере и ее эволюции; основоположника геохимии, биогеохимии, радиогеологии
Март 13	120 лет со дня рождения А.С. Макаренко (1888–1939), <i>российского</i> педагога, писателя
Март 14	100 лет со дня рождения Н.П. Ракова (1908–1990), <i>российского</i> композитора, дирижера
Март 17	100 лет со дня рождения Б.Н. Полевого (Кампова) (1908–1981), <i>российского</i> писателя
Март 21	195 лет со дня рождения Т.Н. Грановского (1813–1855), <i>русского</i> историка
Март 25	195 лет со дня рождения А.И. Дельвига (1813–1887), <i>русского</i> инженера, мемуариста
Март 28	265 лет со дня рождения Е.Р. Воронцовой-Дашковой (1743–1810), президента Российской Академии наук 230 лет со дня рождения А.Ф. Мерзлякова (1778–1830), <i>русского</i> поэта, критика, переводчика 140 лет со дня рождения М. Горького (А.М. Пешкова) (1868–1936), <i>русского</i> писателя
Март 30	165 лет со дня рождения К.М. Станюковича (1843–1903), <i>русского</i> писателя
Март 31	150 лет со дня рождения Р.И. Клейна (1858–1924), <i>российского</i> архитектора (Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, 1898–1912; ЦУМ, 1908)
Апрель 1	135 лет со дня рождения С.В. Рахманинова (1873–1943), <i>русского</i> композитора, дирижера, пианиста 125 лет со дня рождения А.В. Алесандрова (1883–1946), <i>российского</i> композитора, дирижера
Апрель 2	120 лет со дня рождения М.С. Шагинян (1888–1982), <i>российской</i> писательницы
Апрель 6	100 лет со дня рождения В.И. Мурадели (1908–1970), <i>российского</i> композитора

Апрель 9	95 лет со дня рождения А.Я. Яшина (1913–1968), <i>российского писателя, поэта</i>
Апрель 12	185 лет со дня рождения А.Н. Островского (1823–1886), <i>русского драматурга</i>
Апрель 13	125 лет со дня рождения Демьяна Бедного (Е.А. Придворова) (1883–1945), <i>российского поэта</i>
Апрель 14	105 лет со дня рождения В.А. Герасимовой (1903–1970), <i>российской писательницы</i>
Апрель 17	190 лет со дня рождения Александра II (1818–1881), <i>российского императора (1855–1881)</i>
Апрель 19	160 лет со дня рождения В.Ф. Миллера (1848–1913), <i>российского филолога, этнографа, археолога</i>
Апрель 23	50 лет со дня рождения Г.М. Вицина (1918–2001), <i>российского актера</i>
Апрель 24	120 лет со дня рождения Г.Г. Нейгауза (1888–1964), <i>российского пианиста</i>
Апрель 25	125 лет со дня рождения С.М. Буденного (1883–1973), <i>российского маршала, трижды Героя СССР, командарма 1-й Конной армии</i>
Май 1	135 лет со дня рождения К.Н. Игумнова (1873–1948), <i>российского композитора</i>
Май 5	85 лет со дня рождения С.Ф. Ахромеева (1923–1991), <i>российского военачальника, маршала</i>
Май 7	105 лет со дня рождения Н.А. Заболоцкого (1903–1958), <i>российского поэта, переводчика «Слова о полку Игореве»</i>
Май 13	110 лет со дня рождения Ф.М. Эрмлера (1898–1967), <i>российского режиссера</i>
Май 14	120 лет со дня рождения Н.М. Стрельникова (Мезенкампа) (1888–1939), <i>российского композитора, дирижера</i>

Май 15	210 лет со дня рождения И.И. Пущина (1798–1859), <i>русского поэта, мемуариста, декабриста</i> 160 лет со дня рождения В.М. Васнецова (1848–1926), <i>русского живописца</i>
Май 18	140 лет со дня рождения Николая II (Н.А. Романова) (1868–1918), последнего <i>российского императора</i> (1894–1917)
Май 19	325 лет со дня рождения Б.Х. (К.) Миниха (1683–1767), <i>русского графа, генерал-фельдмаршала</i>
Май 20	190 лет со дня рождения З.И. Тотлебена (1818–1884), <i>русского инженер-генерала, героя Крымской войны</i> (1853–1856)
Май 22	95 лет со дня рождения Н.В. Богословского (1913–2004), <i>российского композитора</i>
Май 25	120 лет со дня рождения А.Н. Александрова (1888–1982), <i>российского композитора, пианиста</i>
Май 26	100 лет со дня рождения А.Н. Арбузова (1908–1986), <i>российского драматурга</i>
Май 28	135 лет со дня рождения О.Д. Форш (1873–1961), <i>российской писательницы</i> 105 лет со дня рождения И.П. Уткина (1903–1944), <i>российского поэта</i>
Май 29	135 лет со дня рождения Н.Э. Баумана (1873–1905), <i>русского ветеринарного врача, революционера</i>
Май 30	90 лет со дня рождения П.П. Вавилова (1918–1985), <i>российского ботаника, растениевода, селекционера</i>
Июнь 3	165 лет со дня рождения К.А. Тимирязева (1843–1920), <i>русского естествоиспытателя</i>
Июнь 5	210 лет со дня рождения А.Ф. Львова (1798–1870), <i>русского композитора, автора российского гимна «Боже, царя храни!»</i>
Июнь 6	120 лет со дня рождения В.В. Куйбышева (1888–1935), <i>российского государственного деятеля</i>

Июнь 12	110 лет со дня рождения Л.И. Воинова (1898–1967), <i>российского</i> композитора, исполнителя на балалайке 110 лет со дня рождения М.Е. Кольцова (Фридлянда) (1898–1942), <i>российского</i> журналиста, писателя
Июнь 16	230 лет со дня рождения А.А. Плещеева (1778–1862), <i>русского</i> композитора, виолончелиста, поэта, драматурга
Июнь 17	105 лет со дня рождения М.А. Светлова (1903–1964), <i>российского</i> поэта
Июнь 20	165 лет со дня рождения Ф.И. Стравинского (1843–1902), <i>русского</i> певца (бас)
Июнь 21	170 лет со дня рождения А.Д. Бутовского (1838–1917), <i>русского</i> генерала, соратника Пьера де Кубертена (1863–1937) 125 лет со дня рождения Ф.В. Гладкова (1883–1958), <i>российского</i> писателя
Июнь 24	110 лет со дня рождения М.Е. Кольцова (1898–1942), <i>российского</i> дипломата, писателя, авиатора; основателя и редактора журнала «Огонек» 100 лет со дня рождения М.А. Ладыниной (1908–2003), <i>российской</i> киноактрисы
Июнь 26	120 лет со дня рождения С.П. Обнорского (1888–1962), <i>российского</i> лингвиста
Июнь 27	190 лет со дня рождения И.И. Билибина (1818–1892), <i>русского</i> композитора, скрипача
Июль 1	195 лет со дня рождения П.В. Анненкова (1813–1887), <i>русского</i> литературного критика
Июль 2	120 лет со дня рождения С.А. Бугославского (1888–1945), <i>российского</i> композитора, историка древнерусской литературы
Июль 4	225 лет со дня рождения А.Х. Бенкендорфа (1783–1844), <i>российского</i> государственного деятеля, шефа российских жандармов

Июль 5	215 лет со дня рождения П.И. Пестеля (1793–1826), <i>русского</i> полковника, декабриста; создал и возглавил общество декабристов (1821)
Июль 7	145 лет со дня рождения В.Л. Дурова (1863–1934), <i>русского</i> дрессировщика, основателя цирковой династии 105 лет со дня рождения Е.В. Гиппиуса (1903–1985), <i>российского</i> музыковеда
Июль 8	170 лет со дня рождения Г.Э. Лангемака (1898–1938), <i>российского</i> конструктора пороховых ракет; внес значительный вклад в создание реактивных снарядов для ракетной установки «Катюша»
Июль 9	110 лет со дня рождения Л.С. Соболева (1898–1971), <i>российского</i> писателя
Июль 10	145 лет со дня рождения С.Л. Толстого (1863–1947), <i>российского</i> композитора, музыкального этнографа
Июль 11	105 лет со дня рождения Р.И. Абеля (В.Г. Фишера) (1903–1971), <i>российского</i> разведчика
Июль 12	105 лет со дня рождения П.И. Зиновьева (1903–1969), <i>российского</i> психолога
Июль 13	195 лет со дня рождения Н.Л. Бенуа (1813–1898), <i>русского</i> архитектора 80 лет со дня рождения В.С. Пикуля (1928–1990), <i>российского</i> писателя
Июль 14	265 лет со дня рождения Г.Р. Державина (1743–1816), <i>русского</i> поэта
Июль 15	155 лет со дня рождения М.Н. Ермоловой (1853–1928), <i>русской</i> актрисы 100 лет со дня рождения Б.Л. Горбатова (1908–1954), <i>российского</i> писателя
Июль 17	130 лет со дня рождения В.А. Шуко (1878–1939), <i>российского</i> архитектора, театрального художника

Июль 18	125 лет со дня рождения Л.Б. Каменева (Розенфельда) (1883–1936), советского партийного деятеля
Июль 19	115 лет со дня рождения В.В. Маяковского (1893–1930), российского поэта
Июль 21	105 лет со дня рождения Н.А. Соколова (1903–2000), российского художника, члена коллектива Кукрыниксов
Июль 22	105 лет со дня рождения Е.В. Сперанского (1903–1999), российского актера, режиссера, драматурга театра кукол
Июль 24	180 лет со дня рождения Н.Г. Чернышевского (1828–1889), русского писателя, революционера-демократа
Июль 25	115 лет со дня рождения Б.В. Иогансона (1893–1975), российского художника
Июль 27	155 лет со дня рождения В.Г. Короленко (1853–1921), русского писателя, публициста 105 лет со дня рождения Н.К. Черкасова (1903–1966), русского актера
Июль 28	85 лет со дня рождения В.П. Басова (1923–1987), российского актера, кинорежиссера
Июль 29	90 лет со дня рождения В.Д. Дудинцева (1918–1998), российского писателя
Июль 30	120 лет со дня рождения С.М. Чемоданова (1888–1942), российского музыкального писателя
Июль 31	240 лет со дня рождения П.И. Жемчуговой (Шереметьевой) (1768–1803), русской крепостной актрисы, ставшей графиней
Август 2, суббота	275 лет со дня рождения М.М. Щербатова (1733–1790), русского князя, публициста, историка
Август 5, вторник	110 лет со дня рождения В.И. Лебедева-Кумача (Лебедева) (1898–1949), российского поэта

Август 9, суббота	115 лет со дня рождения В.В. Холодной (1898–1919), <i>российской</i> актрисы немого кино
Август 10	135 лет со дня рождения А.А. Богданова (1873–1928), <i>русского</i> философа, писателя, экономиста
Август 12	100 лет со дня рождения Н.В. Макаровой (1908–1976), <i>российского</i> композитора
Август 13	235 лет со дня рождения Ю.Ф. Лисянского (1773–1837), <i>русского</i> мореплавателя, соратника И.Ф. Крузенштерна (1770–1846) 205 лет со дня рождения В.Ф. Одоевского (1803–1869), <i>русского</i> князя, писателя, музыканта, ученого, журналиста
Август 15	130 лет со дня рождения П.Н. Врангеля (1878–1928), <i>русского</i> барона, генерал-лейтенанта, главнокомандующего Русской Армией в Крыму (1920)
Август 16	200 лет со дня рождения П.А. Чихачева (1808–1890), <i>русского</i> путешественника, исследователя Алтая 160 лет со дня рождения В.А. Сухомлинова (1848–1926), <i>русского</i> военного министра (1909–1915)
Август 17	245 лет со дня рождения Д.Н. Синявина (1763–1831), <i>русского</i> флотоводца, адмирала 210 лет со дня рождения А.А. Дельвига (1798–1831), <i>русского</i> поэта, критика, издателя
Август 19	90 лет со дня рождения А.А. Никонова (1918–1995), <i>российского</i> экономиста, академика
Август 20	195 лет со дня рождения В.А. Соллогуба (1813–1882), <i>русского</i> графа, писателя
Август 21	95 лет со дня рождения В.С. Розова (1913–2004), <i>российского</i> драматурга
Август 22	150 лет со дня рождения К.К. Романова (1858–1915), <i>русского</i> князя, внука императора Николая I; драматурга, поэта, переводчика, президента Петербургской Академии наук

Август 22	110 лет со дня рождения Д.Н. Медведева (1898–1954), <i>российского</i> писателя, Героя СССР; один из руководителей партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)
Август 24	160 лет со дня рождения Е.А. Лансере (1848–1886), <i>русского</i> скульптора
Август 26	95 лет со дня рождения А.Б. Чаковского (1913–1994), <i>российского</i> писателя
Август 27	110 лет со дня рождения А.Н. Насонова (1898–1965), <i>российского</i> историка
Август 28	60 лет со дня рождения Н.Г. Гундаревой (1948–2005), <i>российской</i> актрисы
Август 29	140 лет со дня рождения М.Н. Покровского (1868–1932), <i>российского</i> историка
Август 30	90 лет со дня рождения В.М. Фирсовой (1918–1993), <i>российской</i> певицы (колоратурное сопрано)
Август 31	155 лет со дня рождения А.А. Брусилова (1853–1926), <i>русского</i> генерала
Сентябрь 2	100 лет со дня рождения В.П. Глушко (1908–1989), <i>российского</i> ученого, создателя ракетных двигателей и многоразового ракетно-космического комплекса «Энергия» — «Буран»
Сентябрь 6	100 лет со дня рождения В.А. Котельникова (1908–2004), <i>российского</i> радиофизика 80 лет со дня рождения Е.Ф. Светланова (1928–2002), <i>российского</i> композитора, дирижера, пианиста
Сентябрь 9	180 лет со дня рождения Л.Н. Толстого (1828–1910), <i>русского</i> писателя 90 лет со дня рождения Б.В. Заходера (1918–2000), <i>российского</i> детского писателя, поэта, переводчика
Сентябрь 12	260 лет со дня рождения С.Ф. Голицына (1748–1810), <i>русского</i> военачальника, генерал-майора

Сентябрь 13	110 лет со дня рождения М.И. Прудкина (1898–1994), <i>российского</i> актера 85 лет со дня рождения А.Н. Горбачёва (1923–2000), <i>российского</i> писателя 85 лет со дня рождения З.А. Космодемьянской (1923–1941), <i>российской</i> партизанки, Героя СССР
Сентябрь 18	90 лет со дня рождения В.В. Талалихина (1918–1941), <i>российского</i> летчика-истребителя, Героя СССР; совершил первый ночной таран
Сентябрь 19	205 лет со дня рождения Н.Ф. Павлова (1803–1864), <i>русского</i> писателя, поэта 130 лет со дня рождения В.В. Татаринова (1878–1941), <i>российского</i> радиофизика
Сентябрь 20	230 лет со дня рождения Ф.Ф. Беллинсгаузена (1778–1852), <i>русского</i> мореплавателя, адмирала (1843), участника 1-го русского кругосветного плавания (1803–1806); открыл Антарктиду (1820) 125 лет со дня рождения Г.Е. Зиновьева (Радомысльского) (1883–1936), <i>российского</i> политического деятеля
Сентябрь 22, понедельник	115 лет со дня рождения А.Ф. Лосева (1893–1988), <i>российского</i> философа, филолога, писателя 105 лет со дня рождения А.А. Маркова (1903–1979), <i>российского</i> математика
Сентябрь 23	95 лет со дня рождения Н.К. Даутова (1913–1986), <i>российского</i> певца (лирический тенор)
Сентябрь 24	110 лет со дня рождения Г.П. Шторма (1898–1978), <i>российского</i> писателя, историка литературы
Сентябрь 26	130 лет со дня рождения Л.Е. Галича (Габриловича) (1878–1953), <i>российского</i> критика, публициста, философа, пародиста
Сентябрь 29	165 лет со дня рождения М.Д. Скобелева (1843–1882), <i>русского</i> генерала

Сентябрь 30	100 лет со дня рождения Д.Ф. Ойстраха (1908–1974), <i>российского</i> скрипача
Октябрь 1	110 лет со дня рождения А.А. Альшванга (1898–1960), <i>российского</i> композитора, музыковеда
Октябрь 2	160 лет со дня рождения Д.Ф. Масловского (1848–1894), <i>русского</i> военного историка, генерал-майора
Октябрь 3	135 лет со дня рождения В.Я. Шишкова (1873–1945), <i>российского</i> писателя 135 лет со дня рождения И.С. Шмелёва (1873–1950), <i>российского</i> писателя
Октябрь 4	170 лет со дня рождения В.Г. Шварца (1838–1869), <i>русского</i> художника
Октябрь 6	115 лет со дня рождения М.С. Бабушкина (1893–1938), <i>российского</i> полярного летчика 100 лет со дня рождения С.Л. Соболева (1908–1989), <i>российского</i> математика
Октябрь 7	130 лет со дня рождения М.А. Осоргина (Ильина) (1878–1942), <i>российского</i> писателя
Октябрь 8	135 лет со дня рождения А.В. Щусева (1873–1949), <i>российского</i> архитектора (Мавзолей В.И. Ленина, Казанский вокзал, гостиница «Москва»)
Октябрь 9	195 лет со дня рождения Н.В. Станкевича (1813–1840), <i>русского</i> философа, поэта 120 лет со дня рождения Н.И. Бухарина (1888–1938), <i>российского</i> экономиста, философа, государственного деятеля
Октябрь 10	145 лет со дня рождения В.А. Обручева (1863–1956), <i>российского</i> геолога, географа, писателя
Октябрь 12	140 лет со дня рождения А.П. Коптяева (1868–1941), <i>российского</i> композитора, музыкального критика
Октябрь 18	270 лет со дня рождения А.Т. Болотова (1738–1833), <i>русского</i> писателя, философа, мемуариста, ландшафтного архитектора, изобретателя

Октябрь 19	90 лет со дня рождения А. Галича (А.А. Гинзбурга) (1918–1977), <i>российского</i> драматурга, киносценариста
Октябрь 21	110 лет со дня рождения Г.Л. Рошала (1898–1983), <i>российского</i> кинорежиссера 105 лет со дня рождения М.В. Куприянова (1903–1991), <i>российского</i> художника, члена коллектива Кукрыниксов
Октябрь 22	190 лет со дня рождения К.Т. Солдатенкова (1818–1901), <i>русского</i> фабриканта, книгоиздателя, мецената, владельца художественной галереи
Октябрь 23	100 лет со дня рождения И.М. Франка (1908–1990), <i>российского</i> физика, лауреата Нобелевской премии (1958) 80 лет со дня рождения Ю.С. Саульского (1928–2003), <i>российского</i> композитора, дирижера
Октябрь 24	100 лет со дня рождения А.М. Исаева (1908–1971), <i>российского</i> конструктора ракетных двигателей 70 лет со дня рождения В.В. Ерофеева (1938–1990), <i>российского</i> писателя
Октябрь 26	135 лет со дня рождения Н.А. Андреева (1873–1932), <i>русского</i> скульптора 100 лет со дня рождения Б.А. Смирнова (1908–1982), <i>российского</i> актера
Октябрь 28	180 лет со дня рождения Н.Н. Страхова (1828–1896), <i>русского</i> философа, публициста 120 лет со дня рождения Н.Н. Пунина (1888–1953), <i>российского</i> художественного критика 95 лет со дня рождения Е.Ю. Учителя (1913–1988), <i>российского</i> кинодокументалиста, режиссера
Октябрь 29	90 лет со дня рождения М.К. Луконина (1918–1976), <i>российского</i> поэта
Октябрь 30	100 лет со дня рождения Д.Ф. Устинова (1908–1984), <i>российского</i> военачальника

Октябрь 31	155 лет со дня рождения Н.И. Кибальчича (1853–1881), <i>русского</i> изобретателя, революционера; разработал прототип реактивного двигателя
Ноябрь 1	430 лет со дня рождения Д.М. Пожарского (1578–1642), <i>русского</i> князя, полководца; одного из руководителей освободительной борьбы русского народа против польских и шведских интервентов в 17 веке
Ноябрь 5	275 лет со дня рождения М.М. Хераскова (1733–1807), <i>русского</i> писателя, поэта, драматурга 130 лет со дня рождения К.С. Петрова-Водкина (1878–1939), <i>российского</i> художника
Ноябрь 6	190 лет со дня рождения П.И. Мельникова (А. Печерского) (1818–1883), <i>русского</i> этнографа, писателя 95 лет со дня рождения А.А. Новикова (1913–1976), <i>российского</i> военного летчика, маршала авиации
Ноябрь 7	105 лет со дня рождения Г.Ф. Миллера (1903–1993), <i>российского</i> актера 95 лет со дня рождения М.В. Кузнецова (1913–1989), <i>российского</i> военачальника, генерал-майора авиации, дважды Героя СССР
Ноябрь 8	125 лет со дня рождения А.Е. Ферсмана (1883–1945), <i>российского</i> геохимика
Ноябрь 9	190 лет со дня рождения И.С. Тургенева (1818–1883), <i>русского</i> писателя
Ноябрь 10	120 лет со дня рождения А.Н. Туполева (1888–1972), <i>российского</i> авиаконструктора
Ноябрь 11	220 лет со дня рождения М.Ю. Виельгорского (1788–1856), <i>русского</i> композитора 110 лет со дня рождения А.А. Кенеля (1898–1970), <i>российского</i> композитора
Ноябрь 13	190 лет со дня рождения М.Н. Каткова (1818–1887), <i>русского</i> журналиста, публициста, издателя

Ноябрь 14	235 лет со дня рождения А.С. Яковлева (1773–1817), <i>русского</i> актера 220 лет со дня рождения М.П. Лазарева (1788–1851), <i>русского</i> адмирала; открыл Антарктиду вместе с Ф.Ф. Беллинсгаузеном (1778–1852)
Ноябрь 15	90 лет со дня рождения И.С. Шапиро (1918–1999), <i>российского</i> ученого в области теории ядерной физики
Ноябрь 16	335 лет со дня рождения А.Д. Меншикова (1673–1729), <i>русского</i> государственного и военного деятеля, генералиссимуса, сподвижника Петра I
Ноябрь 17	220 лет со дня рождения М.С. Щепкина (1788–1863), <i>русского</i> актера 110 лет со дня рождения Л.А. Шварца (1898–1962), <i>российского</i> композитора
Ноябрь 18	100 лет со дня рождения Х.С. Багдасарьяна (1908–2000), <i>российского</i> физико-химика 100 лет со дня рождения Н.Н. Мельникова (1908–2000), <i>российского</i> химика-органика
Ноябрь 19	105 лет со дня рождения А.М. Мессерера (1903–1992), <i>российского</i> артиста балета, балетмейстера
Ноябрь 21	90 лет со дня рождения М.А. Глузского (1918–2001), <i>российского</i> актера театра и кино
Ноябрь 22	240 лет со дня рождения В.П. Кочубея (1768–1834), <i>русского</i> дипломата, государственного деятеля 115 лет со дня рождения Л.М. Кагановича (1893–1991), <i>российского</i> государственного и партийного деятеля
Ноябрь 23	110 лет со дня рождения Р.Я. Малиновского (1898–1967), <i>российского</i> военачальника, дважды Героя СССР 100 лет со дня рождения Н.Н. Носова (1908–1976), <i>российского</i> детского писателя

Ноябрь 24	105 лет со дня рождения С.П. Злобина (1903–1965), <i>российского</i> писателя, автора исторических романов
Ноябрь 26	115 лет со дня рождения А.А. Лебедева (1893–1969), <i>российского</i> физика 105 лет со дня рождения Ю.(Г.)И. Пименова (1903–1977), <i>русского</i> живописца, графика, театрального художника 105 лет со дня рождения Г.И. Знаменского (1903–1946), <i>российского</i> спортсмена-бегуна
Ноябрь 27	135 лет со дня рождения И.С. Горюшкина-Сорокопудова (1873–1954), <i>русского</i> живописца, графика
Ноябрь 28	170 лет со дня рождения А.М. Опекушина (1838–1923), <i>русского</i> скульптора
Ноябрь 30	95 лет со дня рождения В.Ю. Драгунского (1913–1972), <i>российского</i> писателя
Декабрь 1	135 лет со дня рождения В.М. Чернова (1873–1952), <i>российского</i> политического деятеля
Декабрь 2	100 лет со дня рождения Н.Н. Жукова (1908–1973), <i>российского</i> художника-графика
Декабрь 3	110 лет со дня рождения М.И. Кошкина (1898–1940), <i>российского</i> конструктора танков; руководил созданием танка Т-34
Декабрь 4	105 лет со дня рождения Л.И. Лагина (1903–1979), <i>российского</i> писателя («Старик Хоттабыч»)
Декабрь 5	205 лет со дня рождения Ф.И. Тютчева (1803–1873), <i>русского</i> поэта 195 лет со дня рождения Г.И. Невельского (1813–1876), <i>русского</i> адмирала, исследователя Дальнего Востока 85 лет со дня рождения В.Ф. Тендрякова (1923–1984), <i>российского</i> писателя
Декабрь 8	155 лет со дня рождения В.А. Гиляровского (1853–1935), <i>российского</i> писателя, журналиста

Декабрь 9	245 лет со дня рождения А.Н. Оленина (1763–1843), русского археолога, историка, художника 95 лет со дня рождения Н.М. Амосова (1913–2002), российского хирурга
Декабрь 10	105 лет со дня рождения Б.М. Кедрова (1903–1985), российского философа, историка науки, химика
Декабрь 11	120 лет со дня рождения Д.С. Блока (1888–1948), российского композитора, дирижера
Декабрь 12	80 лет со дня рождения Л.Ф. Быкова (1928–1979), российского киноактера, режиссера
Декабрь 13	135 лет со дня рождения В.Я. Брюсова (1873–1924), русского поэта 105 лет со дня рождения Е.Петрова (Е.П. Катаева) (1903–1942), российского писателя 100 лет со дня рождения Р.Я. Плятта (1908–1989), российского актера театра и кино
Декабрь 15	105 лет со дня рождения Ю.Я. Райзмана (1903–1994), российского режиссера, сценариста
Декабрь 18	160 лет со дня рождения С.Д. Дрожжина (1848–1900), русского поэта
Декабрь 19	220 лет со дня рождения С.Г. Волконского (1788–1865), русского князя, декабриста 115 лет со дня рождения А.А. Караваевой (1893–1979), российской писательницы
Декабрь 20	110 лет со дня рождения А.А. Баландина (1898–1967), российского химика
Декабрь 22	110 лет со дня рождения В.А. Фока (1898–1974), российского физика
Декабрь 23	150 лет со дня рождения В.И. Немировича-Данченко (1858–1943), российского режиссера, драматурга, писателя
Декабрь 25	70 лет со дня рождения А.И. Хайта (1938–2000), российского кинодраматурга, сценариста

Декабрь 26	65 лет со дня рождения В.М. Приёмыхова (1943–2000), <i>российского</i> актёра, режиссёра, сценариста
Декабрь 27	100 лет со дня рождения В.Ф. Маргелова (1908–1990), <i>российского</i> военачальника, Героя СССР
Декабрь 28	105 лет со дня рождения М.К. Калатозова (1903–1973), <i>российского</i> кинорежиссёра 100 лет со дня рождения Е.В. Вучетича (1908–1974), <i>российского</i> скульптора
Декабрь 30	130 лет со дня рождения А.И. Яковлева (1878–1951), <i>российского</i> историка 100 лет со дня рождения И.О. Дунаевского (1908–1981), <i>российского</i> композитора
Декабрь 31	220 лет со дня рождения О.Е. Коцебу (1788–1846), <i>русского</i> мореплавателя

Приложение 2

Следующие литературно-художественные тексты могли бы послужить и эпиграфом к данной книге. Но по зрелом размышлении автор решил поместить их после основного текста – как иллюстрации к некоторым из глав.

НЕГРЫ И МАРИОНЕТКИ

Однажды негров через море
Вез на продажу капитан.
Косили их тоска и горе...
«Убыток терпит мой карман! —
Он молвил. – Разорюсь я этак!

Займусь леченьем голытьбы.
Пусть, посмотрев марионеток,
Повеселеют все рабы!»
Чтоб их мучения убавить,
Он ширмы наскоро воздвиг.
Полишинеля им представить
Спешит... И цели он достиг:
Сперва они переглянулись,
В недоуменье морща лбы,
Потом сквозь слезы улыбнулись,
Повеселели все рабы.
Вот комиссар Полишинеля
Колотит палкой по горбу...
Тот, расхрабрившийся от хмеля,
Вступает яростно в борьбу.
Хоть негры тоже были биты —
Смеются, пасынки судьбы...
Оковы ими позабыты,
Повеселели все рабы.
А вот и черт... Все в восхищенье:
Как негры, черен молодец...

Уносит он, избив в отмщенье,
Полишинеля, наконец.
И все довольны чрезвычайно:
Ведь черный здесь – герой борьбы!
Тоска забыта не случайно,
Повеселели все рабы.
Так эти куклы развлекали
Рабов не хуже, чем детей,
Вплоть до Америки, где ждали
Их бедствия еще страшней...
Не таковы ль царей щедроты?
Развлечь стремятся нас, дабы
На миг забыли тяжесть гнета
Повеселевшие рабы.

[Беранже 1980: 206–207]

* * *

Послушать – век наш век свободы,
А в сущность глубже загляни:
Свободных мыслей коноводы
Восточным деспотам сродни.

У них два веса, два мерила,
Двоякий взгляд, двоякий суд:
Себе дается власть и сила,
Своих наверх, других под спуд.
У них на всё есть лозунг строгий
Под либеральным их клеймом:
Не смей идти своей дорогой,
Не смей ты жить своим умом.
Когда кого они прославят,
Пред тем колена преклони.
Кого они опалой давят,
В того и ты за них лягни.
Свобода, правда, сахар сладкий,
Но от плантаторов беда;
Куда как тяжки их порядки
Рабам свободного труда.
Свобода – превращеньем роли —
На их условном языке
Есть отреченье личной воли,
Чтоб быть винтом в паровике;
Быть попугаем однозвучным,

Который, весь оторопев,
Твердит с усердием докучным
Ему насвистанный напев.
Скажу с сознанием печальным:
Не вижу разницы большой
Между холопством либеральным
И всякой барщиной другой.

[Вяземский 1982, 1: 328]

ПРОЕКТ: О ВВЕДЕНИИ ЕДИНОМЫСЛИЯ В РОССИИ

Этот черновой проект, написанный Козьмою Прутковым в 1859 г., был напечатан в журнале «Современник» лишь по смерти К. Пруткова, в 1863 г., кн. IV. В подлиннике, вверху его, находится надпись: «Подать в один из торжественных дней, на усмотрение».

Приступ. Наставить публику. Занеслась. Молодость; науки; незрелость!.. Вздор!.. Убеждения. Неуважение мнения старших. Безначалие. «Собственное» мнение!.. Да разве может быть *собственное* мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется? На чем основано? Если бы писатели знали что-либо, их призвали бы к службе. Кто не служит, значит: недостоин; стало быть, и слушать его нечего. С этой стороны еще никто не колебал авторитета наших писателей: я – *первый*. (Напереть на то, что я – первый.

Это может помочь карьере. Далее развить то же, но в других выражениях, сильнее и подробнее.)

Трактат. Очевидный вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия во мнениях. «Аще царство на ся разделится» и пр. Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться; но, чтоб удовлетворить это желание, надо иметь материал для мнения. Где ж этот материал? Единственным материалом может быть только мнение начальства. Иначе нет ручательства, что мнение безошибочно. Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно из принимаемых мер. Это правда... Гм! нет! Это неправда!.. Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства. Оно нередко достигает результата рядом косвенных мер, которые могут, по-видимому, противоречить одна другой, будто бы не иметь связи между собою. Но это лишь кажется! Они всегда взаимно соединены секретными шолнерами^[93] единой государственной идеи, единого государственного плана; и план этот поразил бы ум своею громадностью и своими последствиями! Он открывается в неотвратимых результатах истории. Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история? Как ему обсуждать правительственные мероприятия, не владея ключом их взаимной связи? – «Не по частям водочерпательницы, но по совокупности ее частей суди об ее достоинствах». Это я сказал еще в 1842 г. и доселе верю в справедливость этого замечания. Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения; разные виды, с одной стороны, и усмотрения, с другой?!

⁹³ Шолнеры – то же, что шарниры. – *Прим. ред.*

Никогда не понять ему их, если само правительство не даст ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно. Вот почему иные люди, даже вполне благонамеренные, сбиваются иногда злонамеренными толкованиями; у них нет сведений: какое мнение справедливо? Они не знают: какого мнения надо держаться? *Не могу пройти молчанием...* (Какое славное выражение! Надо чаще употреблять его; оно как бы доказывает обдуманность и даже что-то вроде великодушия.) Не могу пройти молчанием, что многие признаны злонамеренными единственно потому, что им не было известно: какое мнение угодно высшему начальству? Положение этих людей невыразимо тягостное, даже смело скажу: невыносимое!

З а к л ю ч е н и е. На основании всего вышеизложенного и принимая во внимание: с одной стороны, необходимость, особенно в нашем просторном отечестве, установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства; с другой же стороны – невозможность достижения сей цели без дарования подданным надежного руководства к составлению мнений – *не скрою* (опять отличное выражение! Непременно буду его употреблять почаще) – не скрою, что целесообразнейшим для сего средством было бы учреждение такого официального повременного издания, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет. Этот правительственный орган, будучи поддержан достаточным, полицейским и административным, содействием властей; был бы для общественного мнения необходимою и надежною звездою, маяком, вехою. Пагубная склонность

человеческого разума обсуждать всё происходящее на земном круге была бы обуздана и направлена к исключительному служению указанным целям и видам. Установилось бы одно *господствующее* мнение по всем событиям и вопросам. Можно бы даже противодействовать развивающейся наклонности возбуждать «*вопросы*» по делам общественной и государственной жизни; ибо к чему они ведут? Истинный патриот должен быть враг всех так называемых «*вопросов*»!

С учреждением такого руководительного правительственного издания даже злонамеренные люди, если б они дерзнули быть иногда несогласными с указанным «господствующим» мнением, естественно, будут остерегаться противоречить оному, дабы не подпасть подозрению и наказанию. Можно даже ручаться, что каждый, желая спокойствия своим детям и родственникам, будет и им внушать уважение к «господствующему» мнению; и, таким образом, благодетельные последствия предлагаемой меры отразятся не только на современниках, но даже на самом отдаленном потомстве.

Зная сердце человеческое и коренные свойства русской народности, могу с полным основанием поручиться за справедливость всех моих выводов. Но самым важным условием успеха будет выбор редактора для такого правительственного органа. Редактором должен быть человек, достойный во всех отношениях, известный своим усердием и своею преданностью, пользующийся славою литератора, несмотря на свое нахождение на правительственной службе, и готовый, для пользы правительства, пренебречь общественным мнением и уважением вследствие твердого убеждения в

их полнейшей несостоятельности. Конечно, подобный человек заслуживал бы достаточное денежное вознаграждение и награды чинами и орденскими отличиями. Не смею предлагать себя для такой должности по свойственной мне скромности. Но я готов жертвовать собою до последнего издыхания для бескорыстной службы нашему общему престол-отечеству, если только это будет согласно с предначертаниями высшего начальства. Долговременная и беспорочная служба моя по министерству финансов, в Пробирной Палатке, дала бы мне, между прочим, возможность благоприятно разъяснить и разные финансовые вопросы, согласно с видами правительства. Разъяснения же эти бывают часто почти необходимы ввиду стеснительного положения финансов нашего дорогого отечества.

Повергая сей недостойный труд мой на снисходительное усмотрение высшего начальства, дерзаю льстить себя надеждою, что он не поставится мне в вину, служа несомненным выражением усердного желания преданного человека: принести посильную услугу столь высоко уважаемой им благонамеренности.

1859 года (annus, i).

Примечание: в числе разных заметок на полях этого проекта находятся следующие, которые Козьма Прутков, вероятно, желал развить в особых проектах: 1) «Велеть всем редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа, дозволяя себе только их повторение и развитие», и 2) «Вменить в обязанность всем начальникам отдельных частей управления: неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное учреждение

списки всех лиц, служащих под их ведомством, с обозначением противу каждого: какие получает журналы и газеты. И не получающих официального органа, как не сочувствующих благодетельным указаниям начальства, отнюдь не повышать ни в должности, ни в чины и не удостоивать ни наград, ни командировок».

Вообще в портфелях покойного Козьмы Пруткова, на которых отпечатано золотыми буквами: «Сборник неоконченного (d'înachevé)», содержится весьма много любопытных документов, относящихся к его литературной и государственной деятельности. Может быть, из них еще будет что-либо извлечено для печати.

[Прутков 1976: 138–140]

Государство

В нормальном государстве вне закона

Находятся два класса:

Уголовный

И правящий.

Во время революции

Они меняются местами,

В чем

По существу нет разницы.

Но каждый,

Дорвавшийся до власти, сознаёт

Себя державной осью государства

И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, **пропаганды** и расстрела.

[Волошин 1997]

Библиографический список

Специальные издания

Агафонова Л. Л., Богатова Г. А., Гарбовский Н. К., Денисов П. Н., Дурновцев В. И., Зотов Ю. Б., Комлев Н. Г., Миронова Т. Л., Смолина К. П., Трубачёв О. Н. Языковая политика и закон о защите русского языка // Вестник МГУ. – 1998. – Сер. 19. № 1. – С. 88–93.

Александрова О. В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: МГУ, 2003. – С. 89–99.

Алпатов В. М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. – 2003. – № 2. – С. 20–26.

Аннушкин В. И. Язык и духовное состояние общества // Речевое общение: специализированный вестник... – Красноярск: СФУ, 2009. – Вып. 10–11 (18–19) – С. 172–180.

Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 43–63.

Арапова М. А. Мигранты и идеологическое пространство российского общества // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – С. 8–9.

Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: МГУ, 2003. – С. 32–49.

Астахина Л. Ю. Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. – М.: МГУП, 2006. – 368 с.

Атаева Е. В. Языковая динамика и проблемы формирования речевой культуры в постсоветском обществе // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. – Луганск; Цюрих-Женева, 2001. – Вып. II. Ч. I. – С. 120–127.

Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. – М., 1988. – 512 с.

Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 5–32.

Базылев В. Н. Языковые императивы «политической корректности» // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – № 3 (23). – С. 8–10.

Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. – С. 134–140.

Баранников А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Ученые записки Самарского университета. – Самара, 1919. – Вып. 2. – С. 64–80.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 250–296 [Бахтин 1986а].

Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 297–325 [Бахтин 1986б].

Белинский В. Г. Статьи о народной поэзии // Белинский В. Г. Избранные эстетические работы. В 2-х тт. Т. 1. – М., 1986. – С. 324–375.

Бенедиктов Н. А., Бердашкевич А. П. О правовых основах государственной языковой политики // Мир русского слова. – 2003. – № 2. – С. 9–19.

Бердашкевич А. Русский язык как объект правоотношений // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 28–29.

Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32–41.

Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. – М., 1973. – 504 с.

Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 480 с.

Блон Ж. Флибустьерское море. – М., 1985. – 350 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. «Блатная музыка» В. Ф. Трахтенберга // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. – М., 1963. – С. 161–162.

Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. – М., 1987.

Бринёв К. И. Манипулятивное функционирование языка в юрислингвистическом и собственно лингвистическом аспектах // Юрислингвистика-6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – С. 156–167.

Бугорская Н. В. Языковая и речевая манипуляция: к вопросу о разграничении понятий // Языковое бытие и сознание этноса. – М.; Барнаул, 2004. – Вып. 8. – С. 5–14.

Будагов Р. А. Введение в науку о языке. – М., 1965. – 492 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – 208 с.

Булгаков С. Н. На пиру богов // Наше наследие. – 1991. – № 1.

Булгаков С. Н. Философия имени. – Париж, 1953. – 230 с.

Бураго Д. С. О современной стихотворной культуре // Язык и культура. 1-я Международная конференция. – Киев, 1992. – С. 149–150.

Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. – Харьков, 1910. – 607 с.

Бушуева Т. С. К проблеме табу и политкорректности в современном английском языке // Пятое Поливановские чтения. Ч. 3. – Смоленск, 2000. – С. 235–241.

Быкова О. Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск; Ачинск, 1999. – Вып. 1 (8).

Варбот Ж. Ж. Этимология // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 596–597.

Васильев А. Д., Веренич Т. К. Динамика деэкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании. – Красноярск, 2005. – 248 с.

Васильев А. Д. Динамика слова как следствие внеязыковых факторов // Язык и культура. – Киев, 1992. – С. 55–56.

Васильев А. Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. – Красноярск, 2008. – 176 с.

Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. – М.: Флинта-Наука, 2003. – 224 с.

Васильев А. Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. – Красноярск, 2000. – 166 с.

Васильев А. Д. Современное российское языковое законодательство. – Красноярск, 2007. – 152 с.

Васильев А. Д. Судьбы заимствований в русской лексике. – Красноярск, 1993.

Вендина Т. И. Введение в языкознание. – М., 2002. – 288 с.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002. – 380 с.

Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. – М.: Наука, 1972. – 320 с.

Ветров С. А. Идеология и ее язык // Язык. Человек. Картина мира. Ч. I. – Омск, 2000. – С. 196–201.

Витгенштейн Л. Философские представления // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. XIV.

Власенко Н. Жаргонизмы в законодательстве // Российская юстиция. – 2000. – № 12. – С. 49–50.

Волков А. А. Филология и риторика массовой информации // Язык СМ И как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. – С. 50–65.

Волков С. С. Стилиевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных): автореф. дисс. ... д. филол. н. – Л., 1980.

Волконский С. М. О русском языке // Русская речь. – 1992. – № 4. – С. 46–47.

Воронин С. Э. Вопросы философии в современной юридической проблематике. – Красноярск, 2004. – 86 с.

Всемирная история. В десяти томах. Т. X. – М., 1965.

Вяземский П. А. О Ламартине и современной французской поэзии // Вяземский П. А. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. – М., 1982. – С. 142–146.

Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – М., 1972.

Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: процессы формирования и тенденции развития

(историко-политологический анализ): автореф. дисс. ... д. полит. н. – М., 1998.

Гербик Л. Ф. Распределение сфер употребления прилагательных «русский» и «российский» в современных СМИ / Разноуровневые характеристики лексических единиц. Ч. 2. – Смоленск, 1997. – С. 29–34.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992. – 224 с.

Гируцкий А. А. Тайна имени. – Мн., 1996. – 128 с.

Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2008. – № 3 (4). – С. 5–17.

Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово; Барнаул: АлтГУ, 2007. – С. 7–13.

Голенпольский Т. Комментарий // Боноски Ф. Две культуры. – М., 1978. – С. 419–432.

Голубева А. В. Примечание // Мир русского слова. – 2002. – № 5.

Гончаров С. З. Возможно ли единство многообразных ценностей в российском самосознании? // Духовные ценности и национальные интересы России. – Тюмень, 1998. – С. 7–16.

Горбаневский М. В. В начале было слово... – М.: УДН, 1991. – 256 с.

Грачев М. А. Арго и менталитет русских деклассированных элементов // Лексика, грамматика,

текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург, 1995. – С. 40–41.

Грачев М. А. Место арготического слова в мировоззрении деклассированных элементов // Языковая семантика и образ мира. Кн. 1. – Казань, 1997. – С. 109–110.

Григорьев А. Б. Утешение филологией // Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего рейха. – М., 1998. – С. 365–376.

Гридина Т. А. Механизмы языковой игры и языковая вариативность в культурно-речевых аспектах // Русский язык в контексте современной культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 36–37.

Губаева Т. В. Язык и право. – М., 2004. – 160 с.

Губогло М. Н. Представления о толерантности и толерантность представлений // Мир русского слова. – 2002. – № 2. – С. 28–36.

Гусар Е. Г. Идеология толерантности и rules of political correctness (на материале дискурса центральных газет) // Языковое бытие человека и сознание этноса. – Барнаул; М, 2006. – Вып. 10. – С. 95–107.

Гусар Е. Г. Миф о политически корректном дискурсе // Средства массовой информации в современном мире. – СПб., 2004.

Гусар Е. Г. Смена или смешение парадигм? К вопросу о современной системе ценностей // Человек-коммуникация-текст. – Барнаул, 2008. – Вып. 8. – С. 31–38.

Гуськова Т. Ю. Толерантность – идеология диктатуры // Славяно-русское духовное пространство в Сибири. Ч. 2. – Тюмень, 2004. – С. 135–136.

Давлетшина Н. В. Россия XXI века: перспективы развития // Язык и образование. – В. Новгород, 2001. – С. 17–21.

Данилов С. Ю. Речевой жанр молчания как источник культурологической информации // Русский язык в контексте современной культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 40–41.

Дашкова Т. Ю. О некоторых особенностях языка постмодернистских произведений // Язык и культура. – Киев, 1992. – С. 141–142.

Денисов П. Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984. – С. 142–158.

Денисова С. П. Глобализмы в языке массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2004.

Дмитриев А. Н. Русская душа, русская идея и общественное бессознательное // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. – Самара, 1994. – С. 11–13.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М., 1973. – 287 с.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции. – М., 1996.

Дубичинский В. В. Искусство создания словарей. Конспекты по лексикографии. – Харьков, 1994.

Дубичинский В. В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: автореф. дисс. ... дт. филол. н. – Краснодар, 1995.

Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. – М., 1983.

Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. – М., 1990.

Евнин Ф. И. Примечания // Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10 тт. Т. 7. – М., 1957. – С. 707–757.

Елизаветина Г. Н. П. Огарёв // Огарёв Н. П. Избранное. – М., 1977. – С. 3–20.

Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 223–235.

Земская Е. А. Из истории русской литературной лексики XIX в. (К изучению научного наследия Я. К. Грота) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. IV. – М., 1957. – С. 5–64.

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23–31.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. В 2-х кн. – М., 1990.

Зирка В. В. Рекламный текст: манипулятивная игра с эмоциями // Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта. Т. 1. – Луганськ, 2004. – С. 134–140.

Иванец Г. И., Червонюк В. И. Глобализация, государство, право // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 87–94.

Иванова Р. И. Родовая сущность человека и тенденции его развития // *Личность, творчество и современность.* – Красноярск, 2000. – Вып. 3.

Ильин М. В. Политический дискурс: слова и смыслы // *ПОЛИС.* – 1994. – № 1. – С. 127–140.

Ильин М. И. Законопроект. Закон. Право. Правовое государство... // *Русская речь.* – 1991. – № 1. – С. 3–9.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). – М., 1953. – 352 с.

История государства и права России в документах и материалах. С древних времен по 1930 / Автор-сост. И. Н. Кузнецов. – 2-е изд. – Мн., 2003.

История Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1970. – 736 с.

История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. – М., 1981.

Казначеев С. В. Концептуальная модель организации системы воспитания, образования, обучения в XXI веке // *Новые технологии науки и образования на пороге третьего тысячелетия.* – Новосибирск, 1999. – С. 249–257.

Калашников М. Вперед, в СССР-2. – М., 2003.

Калашников М. Крещение огнем. – М., 2007.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2002.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Карпенко И. М. Катарсисная педагогика // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. – Луганск, 2001. – Вып. 2. Ч. 2. – С. 63–66.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – М., 1958.

Каушанский П. Л. К проблеме соотношения культуры и религии // Язык и культура. Вторая международная конференция. Доклады. – Киев, 1993.

Керимов Р. Д. Манипуляция массовым сознанием в политическом дискурсе // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. – Екатеринбург, 2007. – С. 65–66.

Киселёва Т. В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира. Кн. 1. – Казань, 1997. – С. 115–117.

Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. – С. 269–289.

Ключевский В. О. Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 тт. Т. IX. – М., 1990. – С. 28–55.

Ключевский В. О. О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 тт. Т. IX. – М., 1990. – С. 108–117.

Ковалёв В. А. Регионы и региональный политический процесс в современной России // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. –

Луганск; Цюрих; Женева, 2001. – Вып. II. Ч. II. – С. 250–269.

Ковтун Л. С. О неявных семантических изменениях (к истории значений слов) // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 81–91.

Кожин А. Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. – М., 1985. – 325 с.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 3. – СПб., 2004. – 400 с. [Колесов 2004а].

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999. – 368 с.

Колесов В. В. Культура речи – культура поведения. – Л., 1988.

Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995. – С. 13–24.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.

Колесов В. В. Общие понятия исторической стилистики / Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск, 1990. – С. 16–36.

Колесов В. В. Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб., 2004. – 703 с. [Колесов 2004б].

Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб., 2004. – 240 с. [Колесов 2004в].

Колтунова М. В. Господа – граждане – товарищи – господа // Русская речь. – 1998. – № 2. – С. 54–55.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990.

Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. – 2-е изд. – М., 2003. – 216 с.

Комментарий к Конституции Российской Федерации. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1996.

Кононов И. Ф. Культурный аспект социальной трансформации // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. – Луганск; Цюрих; Женева, 2001. – Вып. II. Ч. II. – С. 88–104.

Коньков В. И. Воздействующая речь в печатных средствах массовой информации // Речевое общение. – Красноярск, 2009. – Вып. 10–11 (18–19). – С. 83–89.

Коньков В. И. СМИ как речевая система // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 75–80.

Корованенко Т. А. Источники Нового академического словаря // Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб., 1995. – С. 31–43.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной стилистики. – М., 2005.

Костомаров В. Г. Перестройка и русский язык // Русская речь. – 1987. – С. 3–11.

Косяков В. А. Стереотип как когнитивно-языковой феномен (на материале СМИ, посвященных войне в Ираке): автореф. дисс. ... к. филол. н. – Иркутск, 2009. – 22 с.

Котелова Н. З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 48–63.

Котелова Н. З. Содержание и состав словаря // Словарь новых слов русского языка. 1950–1980 гг. – СПб., 1995.

Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. – Иркутск, 2008. – 320 с.

Кузьмина Н. А., Терских М. В. Реклама пищевых продуктов: концептосфера и способы вербализации // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 168–181.

Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. – М., 1974. – 558 с.

Куликов С. Нить времен. – М., 1991. – 288 с.

Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 22–27.

Купина Н. А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь, 1995.

Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. – Вып. 1. – М., 2000.

Лащук О. Р. Проявление авторской позиции в материалах информационных агентств // Мир русского слова. – № 5. – 2002. – С. 111–116.

Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. – М., 1981.

Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. – С. 66–88.

Лобас В. Ф. Постмодерн в постсоветском научном пространстве // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. – Луганск; Цюрих; Женева, 2001. – Вып. II. Ч. II. – С. 78–87.

Лопатин В. В. О новом своде правил русского правописания // Русский язык в школе. – 2001. – № 2. – С. 55–60.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – С. 23–192.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М., 1996. – 464 с.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л., 1983. – 416 с.

Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – М.; Барнаул, 2002. – 234 с.

Любимова А. А. Языковое манипулирование с СМИ как способ разрушения языковой картины мира и традиционной системы ценностей. URL: <http://window.edu.ru/library/pdf2txt/632/55632/26911/page4>.

Мазнева Е. В. Категория оценочности в СМИ в свете проблемы толерантности // Русский язык: история и современность. Ч. 1. – Челябинск, 2002.

Максимов С. В. Характеристика ценностных ориентаций российского студенчества в современных условиях // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2006. – № 3. – С. 208–218.

Макьявелли Н. Государь // Жизнь Никколо Макьявелли. – СПб., 1993. – С. 246–316.

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. – 4-е изд. – М., 1986. – 735 с.

Марион Д. Остановите печать! – М., 1954.

Маркович Дж. Социальная экология. – М., 1991.

Матвеева Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. – Ростов-на-Дону, 1984.

Мельник Г. С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты. – СПб., 1996.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. – М., 1998. – 352 с.

Милёхина Т. А. Цензура и устная речь предпринимателей // цензура как социокультурный феномен. – Саратов, 2007. – С. 314–327.

Миллс Р. Властвующая элита. – М., 1959.

Мирский Э. М. Национальная идеология и язык // Высшее образование в России. – 1999. – № 3. – С. 105–108.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Вместо предисловия // Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998. – С. 5–21.

Мокиенко В. М. Субстандартная фразеология русского языка и некоторые проблемы ее лингвистического изучения // Динамика русского слова. – СПб., 1994. – С. 154–172.

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. – М., 1984. – 440 с.

Музалевский Е. М. Социальная роль российских СМИ до и после отмены цензуры // Цензура как социокультурный феномен. – Саратов, 2007. – С. 282–292.

Мурзин Л. Н. О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. – С. 127–133.

Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 160–169.

Назаров Б. Скромное обаяние толерантности // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 39.

Немчинов В. М. Популяция, формация и цивилизация // Цивилизации. – Вып. 2. – М., 1993.

Непокупный А. В. (отв. ред.). Теория и методика ономастических исследований. – М., 1986.

Нескрябина О. Ф. Философская культура медиадискурса // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. – Красноярск, 2007. – С. 108–114.

Никитин М. В. Лексическое значение слова. – М., 1983.

Никонов В. А. Имя и общество. – М., 1974. – 278 с.

Ниринг С. Свобода: обещание и угроза. – М., 1966.

Ножин Е. А. Проблема определения массовой коммуникации // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М., 1974. – С. 5–10.

Нойберт А. К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики //

Актуальные проблемы языкознания в ГДР. Язык – идеология – общество. – М., 1979. – С. 48–69.

Норман Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. – Киев., 1994. – С. 53–60.

Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Мн., 1987. – 222 с.

Одинцова М. П. Критическая реплика по поводу попытки А. Вежбицкой построить этнопсихологический портрет русского человека по данным русского языка // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. I. – Омск, 2000. – С. 79–81.

Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974. – С. 158–182.

Онищенко М. С. Национальная специфика концепта свободная страна в русском, немецком и американском языковом сознании // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1 (27). – С. 91–102.

Орлова Н. В. Этические оценки // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. I. – Омск, 2000. – С. 47–58.

Осипов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово; Барнаул, 2007. – С. 216–221.

Осипов Б. И. Речевое мошенничество – вид уголовного преступления? // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 207–212.

Осоргин М. А. Филология русской души // Русская речь. – 1990. – № 1.

Остроушко Н. А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (К понятию языкового манипулирования) // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 86–91.

Павловская А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – № 1. – С. 94–104.

Палочкин М. Е. Образы США и России в материалах Л. Радзиховского // Очерки гуманитарных исследований. – Барнаул, 2006. – Вып. 4. – С. 14–17.

Панькин В. М., Филиппов А. В. Вместо Введения к «Контактологическому словарю» // Современные проблемы лексикографии. – Харьков, 1992. – С. 30–33.

Перспективы формирования интегрированной системы органов внутренних дел Российской Федерации // Милиция. – № 12. – 2008. – С. 16–17.

Перцев А. В. Современный миропорядок и философия толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 25–48.

Петров М. К. Язык, знак, культура. – М., 1991.

Пикулева Ю. Б. Современная телевизионная реклама как источник прецедентных текстов // Русский

язык в контексте современной культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 111–112.

Поливанов Е. Д. Задачи социальной диалектологии русского языка // Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. – Смоленск, 2001. – С. 312–331 [Поливанов 2001а].

Поливанов Е. Д. Рецензия на книгу А. М. Селищева «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет, 1917–1926» // Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. – Смоленск, 2001. – С. 335–339 [Поливанов 2001б].

Поливанов Е. Д. Русский язык сегодняшнего дня // Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. – Смоленск, 2001. – С. 302–312 [Поливанов 2001в].

Попова Е. С. Лингвокультурологический аспект проблемы нормы в рекламном тексте // Русский язык в контексте мировой культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 114–115.

Поршнева Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. – М. 1973.

Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. – Изд. 2-е. – М., 1979.

Потебня А. А. Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976 [Потебня 1976а].

Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 35–220 [Потебня 1976б].

Потебня А. А. Язык и народность // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 253–285 [Потебня 1976в].

Пугачёв В. П., Соловьёв А. И. Введение в политологию. – М., 1996.

Райгородский Д. Я. К вопросу о социально-психологических и этнопсихологических проблемах эмиграции // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. – Самара, 1994. – С. 148–152.

Расторгуев С. П. Философия информационной войны. – М., 2003. – 496 с.

Рёш О. Проблема стереотипов в межкультурной коммуникации // Россия и Запад: диалог культур. – М., 1998. – Вып. 6. – С. 490–501.

Рогозина И. В. Функции и структура медиа-картины мира // Методология современной психолингвистики. – М.; Барнаул, 2003. – С. 121–137.

Романенко А. П. Герменевтические принципы советской цензуры // Цензура как социокультурный феномен. – Саратов, 2007. – С. 142–163.

Романенко А. П. Образ риторика в советской словесной культуре. – М., 2003. – 432 с.

Романенко А. П. Русский литературный язык XX в.: культуроведческий аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2004. – С. 24–25.

Рубцов И. Н. Отражение основных фрагментов афро-американской картины мира на лексико-семантическом уровне: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Армавир, 2009. – 20 с.

Руделев В. Г. Слово // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. – Харьков, 1991. – Вып. 1. Ч. 1. – С. 70–72.

Руденко Д. И., Загурская Н. В. Постпостмодерн как лингвофилософская проблема // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. – Луганск, 2000. – С. 59–77.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М., 1988. – 784 с.

Сагатовский В. Н. Ценности и духовность // Первый российский философский конгресс. Философия в духовной жизни общества. Т. 1. – СПб., 1997. – С. 124–127.

Салохин Н. П. Авантюрный капитал современной России (попытка системного анализа) // Русский вопрос: история и современность. Ч. I. – Омск, 1994.

Самотик Л. Г. Словарь языка Александра Лебеда. – Красноярск, 2004. – 328 с.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 2002. – 552 с.

Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей. – М., 1988. – 512 с.

Секретарёва Е. В. Суггестивное воздействие в текстах массовой коммуникации // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово; Барнаул, 2007. – С. 267–276.

Семенюк О. А. Язык представителей власти в зеркале художественного текста // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. – Луганск, 2001. – Вып. 2. Ч. 1. – С. 272–280.

Семенюк О. А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. – Кировоград, 2001. – 368 с.

Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М., 2004. – 328 с.

Синельникова Л. Н. «Гул языка»: о процессуальности бытия вербальной сферы // Структура и содержание связей с общественностью в современном мире. – Луганск; Цюрих; Женева., 2002. – Вып. III. – С. 186–195.

Синельникова Л. Н. Языковые симулякры как материализованная энтропия, или В мире заблуждений // Структура представлення знань про світ, суспільство, людину: у пошуках нових змістів. Т. 1. – Луганськ, 2003. – С. 216–229.

Сковородников А. П. Народ и население: очерк современного публицистического словоупотребления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск; Ачинск, 1997. – Вып. 2.

Сковородников А. П. Умолчание // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003. – С. 725–727.

Сковородников А. П. Языковая игра // Культура русской речи. – М., 2003. – С. 796–803.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. – Л., 1990.

Сметанина С. И. Стиль жизни в стиле журналистики // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 92–97.

Смирнов А. Послесловие к «Как вам это понравится» // Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 тт. Т. 5. – М., 1959. – С. 595–600.

Смирнов С. Древнерусский духовник. – М., 1913.

Соболева И. А. Языковая игра как одна из форм жизни современного социума (в свете социолингвистики и теории коммуникации) // Структура представления знаний про світ, суспільство, людину: у пошуках нових змістів. Т. 1. – Луганськ, 2003. – С. 230–239.

Солганик Г. Я. О закономерностях развития языка газеты в XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2002. – № 2.

Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ... – М., 2003. – С. 261–268.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90-е годы XIX века). – М.; Л., 1965. – 566 с.

Сперанская А. Н. Оскорбление словом в обыденном и правовом сознании носителей русского языка // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 86–93.

Ставицкая Л. Социокультурные аспекты украинской жаргонологии // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. – Луганск; Женева, 2000. – С. 174–181.

Старовойт Ю. Л. Пережитки социализма и лексикография // Vocabulum et vocabularium. – Харьков, 1996. – Вып. 3. – С. 37–39.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М., 2004.

Стернин И. А. Можно ли культурно формировать культуру в России? // Культурно-речевая ситуация в

современной России: вопросы теории и образовательных технологий. – Екатеринбург, 2000. – С. 161–165.

Стернин И. А. Принадлежит ли язык к явлениям культуры? // Русский язык в контексте современной культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 130–131.

Стихин А. Г. Лингвистические аспекты коммуникативной корректности // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995. – С. 138–142.

Суспицына И. Н. Толерантность «в верхах» и «в низах» // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. – Екатеринбург, 2007. – С. 71–73.

Тарасов Е. Ф. Социально-психолингвистические аспекты этнопсихологии // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – С. 38–54.

Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 236.

Теплинский М. В. Можно ли жить без литературы? Современные проблемы школьного литературного образования // Структура и содержание связей с общественностью в современном мире. – Луганск, 2002. – Вып. 3. – С. 369–381.

Трубачёв О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – 3-е изд. – М., 2005. – 352 с.

Трубачёв О. Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. – М., 2004. – 224 с.

Трубачёв О. Н. О состоянии русского языка // Русская речь. – 1992. – № 5. – С. 43–44.

Трубачёв О. Н. Этимология и славянская пракультура // Всесоюзная конференция «Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры». – Л., 1988. – С. 9–10.

Тулина Т. А. Роль коннотативного компонента в обеспечении семантической связности слов // Системные семантические связи языковых единиц. – М., 1992. – С. 79–89.

Ульянская О. Б. Рекламолект в социокультурной дифференциации языка // Седьмые Поливановские чтения. Ч. 1. – Смоленск, 2005. – С. 94–98.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. Язык и культура. – Изд. 2-е. – М., 1996. – С. 67–161.

Устинов С. Г. Эзотеризм как системообразующий элемент духовной культуры народа // Духовная культура русской словесности. Ч. I. – Тюмень, 2007. – С. 152–155.

Ушаков Д. Н. Из дискуссии 20-х годов о культуре речи // Русская речь. – 1991. – № 4. – С. 61–62.

Уэйн К. Образование и толерантность // Высшее образование в Европе. – 1997. – № 2. – Т. XXI.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М., 1981. – 328 с.

Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. Проспект. – М., 1984. – 176 с.

Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. – М., 1982.

Флоренский П. Столп и утверждение истины / Флоренский П. Собрание сочинений. Т. IV. – Париж, 1989.

Фомин А. И. Лошадка с ленцой хозяина бережет (К национальному видению вопроса) // Русский язык и ментальность. Материалы XXXVII Международной филологической конференции. – СПб., 2008. – С. 88–94.

Фомин А. И. Тексты СМИ. Дементность или дементализация? // Язык и ментальность. Мат-лы XXXII Международной филологической конференции. – СПб., 2003. – С. 55–58.

Формановская Н. Г. Вы сказали: «Здравствуй!».. – М., 1982.

Фролов Н. К. Введение в региональную русскую антропонимику // Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. Т. 1. – Тюмень, 2005. – С. 4–135 [Фролов 2005а].

Фролов Н. К. Взаимосвязи этнических культур в зеркале социо- и этнолингвистики // Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. – Тюмень, 2005. – С. 485–490 [Фролов 2005в].

Фролов Н. К. Новорусский сквернояз и экология языка // Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. Т. 1. – Тюмень, 2005. – С. 310–312 [Фролов 2005б].

Фролов Н. К. Феномен русскости и истоки русофобии // Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. Т. 1. – Тюмень, 2005. – С. 504–509 [Фролов 2005в].

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М., 1983. – 703 с.

Хан-Пира Э. И. Советский тоталитаризм и русский язык // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Ч. I. – Мн., 1994. – С. 16–18.

Хан-Пира Э. Англоязычный, франкоязычный, русскоязычный и другие // Русская речь. – 1992. – № 5. – С. 54–57.

Хёйзинга Й. Homo ludens: Статьи по истории культуры. – М., 1997. – 416 с.

Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Титов Ю. П. – 2-е изд. – М., 2005.

Чеканова А. Э. Теоретические основы определения методов воспитания толерантности // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. – Екатеринбург, 2007. – С. 48–50.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – 2-е изд. – Екатеринбург, 2003. – 238 с.

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М., 1972. – 328 с.

Шанский Н. М. Русский язык и телевидение сегодня // Русский язык в школе. – 2003. – № 6. – С. 100–102.

Шастина И. А. Языковая категоризация этнической принадлежности (когнитивно-аксиологический аспект). Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Иркутск, 2009. – 22 с.

Шафаревич И. Из статьи «Русофобия» // Русский вестник. – Л., 1990. – С. 17–20.

Шейна И. М. Роль языка в формировании коллективной картины мира // Номинация и дискурс. – Рязань, 1999. – С. 127–130.

Шеслер А. В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности. – Тюмень, 2004. – 61 с.

Шестаков С. А. Российский консерватизм: история и современность. – Тюмень, 2005. – 254 с.

Шляхтина Е. В. Политкорректность как языковое явление в рамках западной правовой системы (на материале английского языка) // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. – Кемерово; Барнаул, 2008. – С. 25–35 [Шляхтина 2008а].

Шляхтина Е. В. Употребление термина *политкорректность* в российских СМИ // Русский язык и ментальность. Материалы XXXVII Международной филологической конференции. – СПб., 2008. – С. 94–99 [Шляхтина 2008б].

Шмелёв Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – Изд. 2-е. – М., 2003. – 244 с.

Шунейко А. А. Лакуна и нулевой знак (семиотический аспект) // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2005. – Вып. 2. – С. 86–95.

Щерба Л. В. Из дискуссии 20-х годов о культуре речи // Русская речь. – 1991. – № 3. – С. 49–50.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 265–304 [Щерба 1974а].

Щерба Л. В. Предисловие [к Русско-французскому словарю] / Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 304–312 [Щерба 1974б].

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык / Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 113–129.

Юнг К. Г. Настоящее и будущее / Юнг К. Г. Божественный ребенок. – М., 1997. – С. 177–247.

Jadacki J. J. Słowa-upiory: o potrzebie dezideologizacji wydawnictw słownikowych // Vocabulum et vocabularium. – Харьков, 1994. – Вып. 1. – С. 128–134.

Timroth W. von. Russian argo, iargon, slang and mat // Slavistische Beitrage. Band. 205. – 1986.

Лексикографические и справочные издания и картотеки

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. – М., 1989.

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – М., 1975.

Алексеев П. Церковный словарь, или Истолкование славянских, также маловразумительных древних и иноязычных слов, положенных без перевода в Священном Писании и содержащихся в других церковных и духовных книгах. – Изд. 4-е. – СПб., 1817–1819. – Ч. 1–5.

Англо-русский словарь / сост. В. К. Мюллер. – М., 1956.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. – М., 1986.

Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотерика, политэкономия. – Мн., 2002.

Большой англо-русский словарь / под общим руководством И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. – Изд. 4-е, исп., доп. – М., 1987. – Т. I–II.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2001.

Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. – Изд. 2-е. – М., 1871.

Введение в политологию. Словарь-справочник / под ред. В. В. Пугачёва. – М., 1996.

Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2-х тт. – М., 1984.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 1–4.

Демертер Р. С., Демертер П. С. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь. – М., 1990.

Душенко К. В. Словарь современных цитат. – 4-е изд. – М., 2006.

Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. – СПб., 1911.

Зенович Е. С. Словарь иностранных слов и выражений. – М., 2000.

Из истории русских слов: Словарь-пособие. – М., 1993.

Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Институт лингвистических исследований РАН) [КСлРЯ XVIII в.].

Картотека Словаря обиходного языка XVI–XVII вв. (Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина, Санкт-Петербургский государственный университет).

Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) [КДРС].

Комментарий к Конституции Российской Федерации. – Изд. 2-е., доп. и перераб. – М., 1996.

Конституционное право России. Т. 1. – М., 1998.

Конституция Российской Федерации. Энциклопедический словарь. – Изд. 2-е. – М., 1997.

Краткий политический словарь. – 3-е изд., доп. – М., 1983 [КПС].

Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Лозовский Л. Ш., Райзберг Б. А. Конституция РФ с комментариями для изучения и понимания. – М., 2000.

Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. – 5-е изд., стереотип. – М., 1998.

Макаренко В. А. (сост., общ. ред.). Словарь современных понятий и терминов. – 4-е изд., дораб. и доп. – М., 2002.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1988.

Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации. – Изд. 2-е. – М., 2001.

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. / под ред. Н. З. Котеловой. – М., 1984.

Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых ... , составленное П.С[околовым]. Ч. 1–2. – СПб., 1834 [Сл. Соколова].

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – Изд. 3-е. – М., 1996 [ТСОШ 1996].

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – Изд. 4-е. – М., 2001 [ТСОШ 2001].

Политический словарь. Краткое научно-политическое толкование слов / Под общ. ред. Б. М. Эльцина. М., 1922.

Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней / Сост. И. Ф. Бурдон и А. Д. Михельсон. – М., 1899.

Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова. – М., 1991.

Семигин Г. Ю. Политическая энциклопедия. – М., 1999.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. – СПб., 1806–1822 [САР2].

Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. 1–6. – СПб., 1789–1794 [САР1].

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), изд. с 1988.

Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. ОРЯС АН., т. 88. № 2. – СПб., 1910.

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. под ред. Ф. Н. Берга, А. А. Петрова. – М., 1901.

Словарь иностранных слов. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М., 1954 [СИС 1954].

Словарь иностранных слов. – Изд. 7-е. – М., 1979 [СИС 1979].

Словарь иностранных слов. – Изд. 15-е. – М., 1988 [СИС 1988].

Словарь русского языка XI–XVII вв., изд. с 1975 г., – М. [СлРЯ XI–XVII вв.].

Словарь русского языка XVIII века, изд. с 1984 г., СПб. [СлРЯ XVIII в.].

Словарь русского языка в 4-х тт. – Изд. 2-е. – М., 1981–1984. [МАС₂].

Словарь русского языка в 4-х тт. – М., 1957–1961. [МАС₁].

Словарь синонимов русского языка в двух томах / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М., 1970.

Словарь синонимов. Справочное пособие / ред. А. П. Евгеньева. – М., 1975.

Словарь современного русского литературного языка в 20-и тт. – Изд. 2-е (с 1991 г.). – М. [БАС₂].

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. – М.; Л., 1948–1965 [БАС₁].

Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – Изд. 2-е, испр. – М., 1983.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Академии наук. Т. 1–4. – СПб., 1847 [Сл. 1847 г.].

Словарь языка Пушкина. Т. 1–4. – М., 1956–1961.

Советский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М., 1983.

Солганик Г. Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. – М., 2002.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. – М., 1958.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиков. – СПб., 1998 [ТСРЯ].

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Складчиков. – М., 2001 [ТССРЯ].

Толковый словарь русского языка начала XX века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиков. – М., 2007 [ТСРЯ 2007].

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. – М., 1935–1940 [СУ].

Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. – М., 1991 [ТСУЖ].

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. Т. 1–4. – М., 1964–1973 [Фасмер].

Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2-х тт. / сост. А. И. Фёдоров. – Новосибирск, 1995.

Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров, под ред. А. И. Молоткова. – Изд. 4-е. – М., 1987.

Халипов В. Ф. Власть. Кратологический словарь. – М., 1997.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. – М., 1993.

Энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М., 1980.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (изд. с 1974 г.).

Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: астрономические, математические, медицинские, анатомические, химические, юридические, коммерческие, горные, музыкальные, военные, артиллерийские, фортификационные, морские и многие другие, означающие придворные, гражданские и военные чины,

достоинства, должности и проч. как древних, так и нынешних времен. Ч. I–II. – СПб., 1803–1806.

Hornby A. S. Oxford's Student's Dictionary of Current English. Special Edition for the USSR. – М.; Oxford. 1984.

L a w D a y 2 0 0 8 . U L R :
http://www.log.gov/law/news/articles/2008_law_day.php.

Литературно-художественные и публицистические тексты

Акунин Б. Кладбищенские истории. – М., 2010.

Альперина С. Не хочу быть дипломатом // Российская газета – Неделя. – № 108. 20.05.10. – С. 26–27.

Альперина С., Кришевский А., Васянин А., Дворак М. Герой на все времена // Российская газета – Неделя. – № 125. 09.08.09. – С. 25.

Андерсен Г.-Х. Новый наряд короля // Литературные сказки зарубежных писателей. – М., 1982. – С. 285–288 [Андерсен 1982а].

Андерсен Г.-Х. Свинья-копилка // Литературные сказки зарубежных писателей. – М., 1982. – С. 282–285 [Андерсен 1982б].

Андерсен Г.-Х. Снежная королева // Литературные сказки зарубежных писателей. – М., 1982. – С. 441–463 [Андерсен 1982в].

Андреев Л. Н. Губернатор // Андреев Л. Н. Повести и рассказы. – М., 1957. – С. 304–356.

Андреев Л. Н. Иван Иванович // Андреев Л. Н. Повести и рассказы. – М., 1957. – С. 365–375.

Андрей Малахов: Пусть говорит! // Российская газета – Неделя. – № 155. 15.07.10. – С. 26.

Антонов А. Вы, случаем, не «фараон»? // Советская Россия. – 29.06.10. – С. 2.

Антонов М. Подрыв сознания // Советская Россия. – № 133. 03.12.09. – С. 2.

Артемьев З. Киевский «Мориарти» // Российская газета – Неделя. – № 20. 31.01.08. С. 9.

Астафьев В. П. Последний поклон. – Красноярск, 1978.

Бабель И. Э. Как это делалось в Одессе // Бабель И. Э. Коначармия. – Алма-Ата, 1989. – С. 110–117.

Бёлль Г. Столичный дневник // Бёлль Г. Собр. соч. В 5 тт. Т. 2. – М., 1990. – С. 629–638.

Бёлль Г. День поминовения героев // Бёлль Г. Собр. соч. В 5 тт. Т. 2. – М., 1990. – С. 674–678.

Беранже П.-Ж. Негры и марионетки // Беранже П.-Ж. Песни. – М., 1980. – С. 206–207.

Блок А. А. Ирония // Блок А. А. Соч. В 2-х тт. Т. II. – М., 1955. – С. 80–84.

Блок А. А. Народ и интеллигенция // Блок А. А. Соч. В 2-х тт. Т. II. – М., 1955. – С. 85–91.

Бобров А. Главный вопрос: не устал ли народ? // Советская Россия. – № 144. 29.12.09. – С. 2.

Бобров А. О национальном и русском // Советская Россия. – № 18. 19.02.11. – С. 1–2.

Боносски Ф. Две культуры. – М., 1978.

Брехт Б. Трехгрошовая опера // Брехт Б. Избранное. – М., 1987. – С. 25–95.

Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту // Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту. Марсианские хроники. – М., 1992. – С. 3–140.

Булгаков М. А. Бег // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 3. – М., 1990. – С. 216–278.

Булгаков М. А. Дьяволиада // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 2. – М., 1989. – С. 7–42.

Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 4. – М., 1990. – С. 227–398.

Булгаков М. А. Иван Васильевич // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 4. – М., 1990. – С. 423–462.

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 5. – М., 1990. – С. 5–384.

Булгаков М. А. Москва краснокаменная // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 2. – М., 1989. – С. 226–230.

Булгаков М. А. Самоцветный быт // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 2. – М., 1989. – С. 316–320.

Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 2. – М., 1989. – С. 119–208.

Булгаков М. А. Стенка на стенку // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 2. – М., 1989. – С. 483–486.

Булгаков М. А. Торговый дом на колесах // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 2. – М., 1989. – С. 402–405.

Бунин И. А. Дневники // Бунин И. А. Собр. соч. В 6 тт. Т. 6. – М., 1988. – С. 309–540.

Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собр. соч. В 6-и т. Т. 6. – М., 1988. – С. 5–145.

Бурлацкий Ф. М. Новое мышление. – М., 1989.

Бучер Э. Поиски святого Аквина // Антология научно-фантастических рассказов. – М., 1992. – С. 380–401.

Бушков А. Стервятник. – М., 1996.

Бюрократия в силе // Российская газета – Неделя. – № 35. 18.02.10. – С. 8.

В чем сила, брат? // Российская газета – Неделя. – № 118. 02.06.11. – С. 8.

Вахитов Р. Заглушка истории // Советская Россия. – № 48. 13.05.10. – С. 5.

Веллер М. И. Легенды Невского проспекта. – СПб., 2003.

Веллер М. И. Самовар. – СПб., 1997.

Во И. Возвращение в Брайдсхед // Во И. Избранное. – М., 1974. – С. 188–500.

Волков Н. В. Не дрогнет рука. – Красноярск, 1979.

Волошин М. А. Государство (фрагменты из цикла) // Русская литература XX века. Хрестоматия. Ч. III. Человек – общество – государство. Т. 1. / сост. Г. С. Меркин. – М., 1997.

Воннегут К. Завтрак для чемпионов. – М., 2001.

Воропаев В. Расстрелянный остров // Российская газета – Неделя. – № 164. 28.07.11. – С. 12.

Вулф Т. Домой возврата нет. – М., 1982.

Выжурович В. Путешествие из Ленинграда в Петербург // Российская газета – Неделя. – № 162. 31.07.08. – С. 20–21.

Выжурович В. Фабрика им. Володарского // Российская газета – Неделя. – № 114. 27.05.10. – С. 26–27.

Вяземский П. А. Послушать – век наш век свободы // Вяземский П. А. Соч. В 2-х тт. Т. 1. – М., 1982. – С. 328.

Гарднер Дж. Осенний свет. – М., 1981.

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. – М., 1956.

Гельман З. Неонацисты добрались до Израиля // Российская газета – Неделя. – № 203. 14.09.07. – С. 12.

Гёте И. В. Венецианские эпиграммы // Гёте И. В. Избранные стихотворения и проза. – Петрозаводск, 1987.

Гиляровский В. А. Москва и москвичи // Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – М., 1979. – С. 9–312.

Глас народа // Городские новости. – № 127. 24.08.10. – С. 1.

Гоголь Н. В. Вий // Гоголь Н. В. Собр. соч. В 6 тт. Т. 2. – М., 1952. – С. 153–192.

Гоголь Н. В. Мертвые души. – К., 1956.

Гоголь Н. В. Ревизор. – М., 1966.

Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Гоголь Н. В. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. – М., 1952. – С. 31–152.

Гофман Э. Т. А. Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер // Гофман Э. Т. А. Новеллы. – М., 1991. – С. 221–320.

Гречко В. А. Черная стихия // Советская Россия. – 29.10.09.

Грибоедов А. С. Горе от ума. – М., 1964.

Грин Г. Тихий американец // Грин Г. Наш человек в Гаване. Тихий американец. – М., 1959.

Гудков Г. Погоны без коммерции // Российская газета – Неделя. – № 185. 19.08.10. – С. 5.

Дашкова П. 2010 // Дашкова П. Игра во мнения: повести и рассказы. – М., 2009.

Джеймс П. Убийственно жив. – М., 2008 [Джеймс 2008а].

Джеймс П. Убийственно красиво. – М., 2008 [Джеймс 2008б].

Джеймс П. Убийственно просто. – М., 2008 [Джеймс 2008в].

Долгополов Н. Корректор обязан молчать // Российская газета – Неделя. – № 137. 24.06.10. – С. 26.

Долгополов Н. Пора завязывать // Российская газета-неделя. – № 225. 26.11.09. – С. 36.

«Дом-2» в храме Христа // Советская Россия. – № 53. 25.05.10. – С. 3.

Донцова Д. Метро до Африки. – М., 2010.

Дорогие женщины // Российская газета – Неделя. – № 114. 27.05.10. – С. 11.

Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 тт. Т. 7. – М., 1957.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы Ч. I–III // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 тт. Т. 9. – М., 1958.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. IV. Эпилог // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 тт. Т. 10. – М., 1958.

Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 тт. Т. 4. – М., 1957. – С. 133–244.

Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 тт. Т. 4. – М., 1956. – С. 61–132.

Достоевский Ф. М. Игрок // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 тт. Т. 4. М., 1956. – С. 283–432.

Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 тт. Т. 6. – М., 1957.

Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. – М., 1957.

Егоров И. Прокурорская касса // Российская газета – Неделя. – № 102. 13.05.10. – С. 2.

Елисеев И. Добра палата // Российская газета-неделя. – № 108. 20.05.10. – С. 5.

Елков И. Семейные ценности // Российская газета – Неделя. – № 108. 20.05.10. – С. 4.

Ермолаева Н. Вместо мамы и папы – «родители № 1 и № 2» // Российская газета – Неделя. – № 22. 03.02.11. – С. 12.

Есин С. Н. На рубеже веков. Дневник ректора. – М., 2002.

Ефремов И. А. Лезвие бритвы // Ефремов И. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 4. – М., 1988.

Ефремов И. А. Час Быка // Ефремов И. А. Собр. соч. В 5 тт. Т. 5. Кн. 2. – М., 1989.

Ефремов О. О Вампилове // Вампилов А. В. Дом окнами в поле. – Иркутск, 1981.

Желание защищать // Российская газета – Неделя. – № 4. 13.01.11. – С. 8.

Замятин Е. И. Бич божий // Замятин Е. И. Мы. – М., 1989. – С. 501–556.

Замятин Е. И. Десятиминутная драма // Замятин Е. И. Избранные произведения. – М., 1989. – С. 461–463.

Замятин Е. И. Мамай // Замятин Е. И. Избранные произведения. – М., 1989. – С. 381–387.

Замятин Е. М. Мы // Замятин Е. И. Избранные произведения. – М., 1989. – С. 547–680.

Занесите в протокол // Российская газета – Неделя. – № 185. 19.08.10. – С. 5.

Зоценко М. М. Мемуары старого капельдинера // Зоценко М. М. Собр. соч. В 3-х тт. Т. 1. – Л., 1986. – С. 148–150.

Зоценко М. М. Обезьяний язык // Зоценко М. М. Собр. соч. В 3-х тт. Т. 1. – Л., 1986. – С. 264–266.

Зоценко М. М. Перед восходом солнца // Зоценко М. М. Собр. соч. В 3-х тт. Т. 3. – Л., 1987. – С. 447–693.

Зоценко М. М. Учитель // Зоценко М. М. Собр. соч. В 3-х тт. Т. 1. – Л., 1986. – С. 122–123.

Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – Новосибирск, 1957.

Кастро Рус Ф. ООН, безнаказанность и война // Советская Россия. № 88. 19.08.10. – С. 7.

Кирсанов Н. А. День позора, а не «народного единства» // Советская Россия. – № 121. 03.11.09. – С. 4.

Кичин В. Кино без национальности // Российская газета – Неделя. – № 187. 04.09.08. – С. 27.

Кловер Ч. Губернаторы должны рожать больше детей // Советская Россия. – № 76. 14.07.11.

Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 тт. Т. IX. – М., 1990. – С. 363–446.

Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 тт. Т. IX. – М., 1990.

Ковальская А. Сибирская диаспора. Национальность – красноярцы // Городские новости. – № 128. 28.08.09. – С. 7.

Конан Дойл А. Последнее дело Холмса // Конан Дойл А. Записки о Шерлоке Холмсе. – Л., 1980. – С. 212–231.

Константинов А. Мусорщик. – М., 2001.

Константинов А., Новиков А. Мент. – СПб., 2002.

Константинов А., Новиков А. Расследователь. – СПб., 2003.

Кротков Б. «Я принимал у агента присягу на верность фюреру» // Российская газета – Неделя. – № 191. 31.08.07. – С. 8–9.

Кузьмин В. Дмитрий Медведев: Обеспечить правопорядок // Российская газета – Неделя. – № 31. 12.08.10. – С. 2.

Куприн А. И. Молох // Куприн А. И. Сочинения. В 3-х тт. Т. 1. – М., 1953. – С. 142–220.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2-х тт. – М., 1996.

Ле Карре Дж. Убийство по-джентльменски // Мастера детектива. – М., 1989. – Вып. I. – С. 199–322.

Ленин В. И. Сборник произведений. – М., 1976.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. Т. 4. – М.; Л., 1948. – С. 7–152.

Лермонтов М. Ю. Дума // Лермонтов М. Ю. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. – М., 1970. – С. 324–325.

Лермонтов М. Ю. Есть речи... // Лермонтов М. Ю. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. – М., 1970. – С. 342.

Лимонов Э. Иностранец в смутное время // Лимонов Э. Иностранец в смутное время. Это я – Эдичка. – Омск, 1992. – С. 7–253.

Лосев В. И., Петелин В. В. Комментарии // Булгаков М. А. Письма. – М., 1989.

Мариенгоф А. Циники. – М., 1990.

Медведев Д. А. Москва, Манеж 22.01.2008. Официальный сайт кандидата на должность президента РФ Медведева Д. А. <http://www.medvedev2008.ru>.

Мельникова А. «Кармелита» и Малахов – наше всё // Городские новости. – № 197. 29.12.09. – С. 1.

Милюков П. Н. Война и вторая революция // Страна гибнет сегодня. – М., 1991. – С. 3–29.

Миронова Т. Всеоружие // Советская Россия. – № 112. 25.09.97. – С. 6.

Молчание – не золото // Российская газета – Неделя. – № 167. 29.07.10. – С. 8–9.

Моруа А. Открытое письмо молодому человеку о науке жить // Моруа А. Семейный круг. Новеллы. Письма незнакомке. Открытое письмо молодому человеку. Афоризмы. – М., 1989. – С. 509–574.

Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 3. – М., 1990. – С. 3–330.

Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. – М., 1990. – С. 133–302.

Набоков В. В. Занятый человек // Набоков В. В. Собр. соч. В 3-х тт. – М., 1990. – С. 383–393.

Некрасов Н. А. Поэт и гражданин // Некрасов Н. А. Избранные произведения. – М.; Л., 1953. – С. 87–96.

Нилин П. Ф. Испытательный срок // Нилин П. Ф. Жестокость. Испытательный срок. – М., 1990. – С. 382–533.

Новосёлова Е. Контрреволюция галстуков // Российская газета – Неделя. – № 177. 21.08.08. – С. 14.

Новосёлова Е. Нужна ли приезжим ассимиляция в России? // Российская газета – Неделя. – № 285. 16.12.10. – С. 4–5.

Обухов Е. Решил не пробовать... // Колесо смеха. – СПб., 2008. – № 19. – С. 19.

Овчинников В. Водами Юга – напоить Север // Российская газета – Неделя. – № 201. 22.10.09. – С. 17.

Овчинников В. Повелитель водной стихии // Российская газета – Неделя. – № 187. 04.09.08. – С. 13.

Огарёв Н. П. Студент // Огарёв Н. П. Избранное. – М., 1977. – С. 197.

Олеша Ю. К. Три Толстяка. – М., 1980.

Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М., 1989. – С. 22–220.

Оруэлл Дж. Англичане // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М., 1989. – С. 309–341 [Оруэлл 1989б].

Оруэлл Дж. Присяжный забавник // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М., 1989. – С. 263–267 [Оруэлл 1989б].

Островский А. Н. Бесприданница // Островский А. Н. Избранные пьесы. В 2-х тт. Т. 2. – М., 1972. – С. 424–497.

Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзамина) // Островский А. Н. Избранные пьесы. В 2-х тт. Т. 1. – М., 1972. – С. 290–332.

Пелевин В. Generation «П». – М., 1999.

Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. – М., 2003.

Письма сестер М. и К. Вильмот из России // Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. – М., 1986. – С. 209–426.

Платонов А. П. Чевенгур // Платонов А. П. Ювенильное море. – М., 1988. – С. 188–511.

Политкорректность на грани маразма // Советская Россия. – 25.10.03. – С. 3.

Польгуева Е. «Тьфу на вас еще раз» // Советская Россия. – № 85. 04.08.11. – С. 2.

Польгуева Е. Лукавства рейтинга // Советская Россия. – № 92. 28.08.10. – С. 2.

Поляков Ю. М. Грибной царь. – М., 2006.

Поляков Ю. М. Порнократия. – М., 2005.

Поучение гераклеопольского царя, имя которого не сохранилось, своему наследнику, Мерикаре // Повесть Петеисе III. – М., 1978. – С. 207–218.

Просвещенная элита // Российская газета – Неделя. – № 50. 11.03.10. – С. 8–9.

Прутков Козьма. Сочинения. – М., 1976.

Пушкин А. С. 19 октября // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. II. – Л., 1977. – С. 244–247.

Пушкин А. С. Table-talk // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. VIII. – Л., 1978. – С. 64–83.

Пушкин А. С. Борис Годунов [Сцены, исключенные из печатной редакции] // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. V. – Л., 1978. – С. 281–285.

Пушкин А. С. Борис Годунов // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. V. – Л., 1978. – С. 187–280.

Пушкин А. С. Герой // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. III. – Л., 1977. – С. 187–189.

Пушкин А. С. Дубровский // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. VI. – Л., 1978. – С. 142–209.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. V. – Л., 1978. – С. 5–184.

Пушкин А. С. К Чаадаеву // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. I. – Л., 1977. – С. 307.

Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. VI. – Л., 1978. – С. 258–360.

Пушкин А. С. О народном воспитании // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. VII. – Л., 1978. – С. 30–35.

Пушкин А. С. О народности в литературе // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. VII. – Л., 1977. – С. 28–29.

Пушкин А. С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. VII. – Л., 1978. – С. 24–26.

Пушкин А. С. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. VII. – Л., 1978. – С. 137–144.

Пушкин А. С. Письмо П. А. Вяземскому // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. X. – Л., 1979. – С. 147–148.

Пушкин А. С. Послание Дельвигу // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. III. – Л., 1977. – С. 26–30.

Пушкин А. С. Признание // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. II. – Л., 1977. – С. 302–303.

Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 тт. Т. VII. – Л., 1978. – С. 184–210.

Пять событий недели глазами Олега Анофриева // Российская газета – Неделя. – № 31. 12.08.10. – С. 2.

Ремарк Э. М. Тени в раю // Ремарк Э. М. Тени в раю. Жизнь взаимы. – Мн., 1989. – С. 5–400.

Родари Дж. Джельсомино в стране лгунов // Родари Дж. Сказки. – Мн., 1987. – С. 79–160.

Россияне или русские? // Российская газета – Неделя. – № 203. 14.09.07. – С. 30.

- Саган Ф.* Смутная улыбка // Саган Ф. Избранные произведения. В 4-х тт. Т. 1. – М., 1992. – С. 131–232.
- Саймак К.* Город. – М., 1974.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* История одного города. – М., 1953.
- Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. – М., 1989.
- Сегень А. Ю.* Тридцать три удовольствия. – М., 1994.
- Семеняко Е.* Адвокатский запрос в милицию // Российская газета – Неделя. – № 185. 19.08.10. – С. 5.
- Семёнов Ю.* Семнадцать мгновений весны. – М., 1985.
- Семёнов Ю. С.* Репортер // Семенов Ю. С. Бриллианты для диктатуры пролетариата. Репортер. – М., 1991.
- Сент-Клэр М.* Потребители // Антология научно-фантастических рассказов. – М., 1992. – С. 124–133.
- Смехов С.* С жезлом и крестом // Советская Россия. – № 89. 21.08.10. – С. 4.
- Смирнов Л.* Словесная шелуха // Отечественные записки. – № 145. 06.12.07. – С. 12–15.
- Стейнбек Дж.* Зима тревоги нашей // Стейнбек Дж. Гроздь гнева. Зима тревоги нашей. – М., 1987. – С. 485–751.
- Элинджер Дж. Д.* Над пропастью во ржи. – М., 1975.
- Тарасов А.* ДГД // Советская Россия. – № 5. 16.01.03. – С. 4.

Твен М. Приключения Гекльберри Финна. – М., 1978 [Твен 1978а].

Твен М. Приключения Тома Сойера. – М., 1978 [Твен 1978б].

Теплых Д. Россию вернут бизнесу // Городские новости. – № 183. 05.12.08. – С. 1–2.

Толкиен Дж. Р. Р. Хранители. – М., 1982.

Толстой А. К. Одарив весьма обильно... // Толстой А. К. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. – М., 1981. – С. 108.

Толстой А. К. Поток-богатырь // Толстой А. К. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. – М., 1981. – С. 186–193.

Толстой А. К. Сон Попова // Толстой А. К. Сочинения. В 2-х тт. Т. I. – С. 292–303.

Толстой А. Н. Гиперболоид инженера Гарина. – М., 1986.

Толстой А. Н. Хождение по мукам. Т. 1–2. – Челябинск, 1982.

Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22-х тт. Т. IV–VII. – М., 1979–1981.

Толстой Л. Н. О Шекспире и о драме // Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22-х тт. Т. XV. – М., 1987. – С. 258–314.

Трофимов В. «Всё дело в бабках» // Советская Россия. – № 133. 03.12.09. – С. 5.

Трю Э. За два часа до темноты. – М., 1972.

Тынянов Ю. Н. Малолетний Витушишников // Тынянов Ю. Н. Кюхля. Рассказы. – Л., 1973. – С. 465–514.

Тэффи. Авантюрный роман // Тэффи. Всё о любви. – М., 1991. – С. 331–428.

Тютчев Ф. И. Напрасный труд – нет, их не вразумишь... // Тютчев Ф. И. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. – М., 1984. – С. 362.

Тютчев Ф. И. Эти бедные селенья... // Тютчев Ф. И. Стихотворения. – М., 1985. – С. 238.

Уайльд О. Идеальный муж // Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Рассказы. Пьесы. – М., 1987. – С. 297–389.

Уполномочен и независим // Российская газета – Неделя. – № 29. 11.02.10. – С. 8.

Фалалеев М. Рожденная без революции // Российская газета – Неделя. – № 31. 12.08.10. – С. 10.

Федякина А. Перешли на «хен» // Российская газета – Неделя. – № 140. 30.06.11. – С. 12.

Фолкнер У. Свет в августе // Фолкнер У. Собр. соч. В 6 тт. Т. 2. – М., 1985. – С. 5–342.

Хлебников В. <О стихах> // Хлебников В. Творения. – М., 1986. – С. 633–635.

Хлебников В. Зангези // Хлебников В. Творения. – М., 1986. – С. 473–504.

Хохлов А. Верхом на ядре // Городские новости. – 10.04.10.

Хохлов А. Захватывающие повороты // Городские новости. – № 127. 28.08.08. – С. 1–2.

Хохлов А. Человек за портом // Городские новости. – № 182. 03.12.09. – С. 1–2.

Царёв И. Дорогая моя // Российская газета – Неделя. – № 102. 13.05.10. – С. 11.

Чернов В. М. 1917 год: народ и революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М., 1991. – С. 337–360.

Честертон Г. К. Сломанная шпага // Честертон Г. К. Рассказы. – М., 1980. – С. 76–95.

Чехов А. П. В бане // Чехов А. П. Собр. соч. В 12 тт. Т. 3. – М., 1955. – С. 213–220.

Чехов А. П. Записные книжки // Чехов А. П. Собр. соч. В 12-ти т. Т. 10. – М., 1956. – С. 413–540.

Чехов А. П. В Париж! // Чехов А. П. Собр. соч. В 12 тт. Т. 4. – М., 1955. – С. 151–156.

Чехов А. П. Вишневый сад // Чехов А. П. Собр. соч. В 12 тт. Т. 9. – М., 1956. – С. 407–461.

Чехов А. П. Огни // Чехов А. П. Собр. соч. В 12 тт. Т. 6. – М., 1956. – С. 133–170.

Чехов А. П. Письма 1893–1904 // Чехов А. П. Собр. соч. В 12 тт. Т. 12. – М., 1957.

Чехов А. П. Психопаты // Чехов А. П. Собр. соч. В 12 тт. Т. 3. – С. 446–450.

Чехов А. П. Рассказ неизвестного человека // Чехов А. П. Собр. соч. В 12 тт. Т. 7. – М., 1956. – С. 190–268.

Чехов А. П. Ряженые // Чехов А. П. Собр. соч. В 12 тт. Т. 2. – С. 8–10.

Чехов А. П. Скучная история // Чехов А. П. Собр. соч. В 12 тт. Т. 6. – М., 1955. – С. 266–327.

Чивер Дж. Океан // Чивер Дж. Ангел на мосту. – М., 1966. – С. 238–262.

Чигишев Ю. Куда ушли люди? // Городские новости. – № 168. 15.11.07. – С. 3. (текст интервью с

председателем Союза журналистов России В. Богдановым дается в ссылках как [Богданов 2007]).

Чиновник с клеймом // Российская газета – Неделя. – № 100. 12.05.11. – С. 8.

Чиновнику предписана честность // Российская газета – Неделя. – № 16. 27.01.11. – С. 8–9.

Шаляпин Ф. И. Маска и душа. – М., 1991.

Шевнин В. Отставить обмороки! // Городские новости. – № 172. 17.11.09. – С. 5.

Шекспир У. Буря // Шекспир У. Полн. собр. соч. В 8 тт. Т. 8. – М., 1960. – С. 119–220.

Шекспир У. Гамлет, принц Датский // Шекспир У. Полн. собр. соч. В 8 тт. Т. 6. – М., 1959. – С. 3–157.

Шекспир У. Как вам это понравится // Шекспир У. Полн. собр. соч. В 8 тт. Т. 5. – М., 1959. – С. 5–112.

Шекспир У. Конец – делу венец // Шекспир У. Полн. собр. соч. В 8-и т. Т. 5. – М., 1959. – С. 469–591.

Шекспир У. Юлий Цезарь // Шекспир У. Полн. собр. соч. В 8 тт. Т. 5. – М., 1959. – С. 218–323.

Шишков В. Я. Спектакль в селе Огрызове // Шишков В. Я. Собр. соч. В 8 тт. Т. 2. – М., 1961. – С. 526–543.

Шмелёв И. С. Гражданин Уклеин // Шмелёв И. С. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. Повести и рассказы. – М., 1989. – С. 31–115. [Шмелёв 1989а].

Шмелёв И. С. Письмо [сыну] Шмелёву С. И. От 17.04.17 (цит. по: Михайлов О. Н. Об Иване Шмелёве / Шмелёв И. С. Соч. В 2-х тт. Т. 1. – М., 1989. – С. 5–28). [Шмелёв 1989б].

Шолохов М. А. Судьба человека // Шолохов М. А. Собр. соч. В 8 тт. Т. 8. – М., 1960. – С. 32–67.

Шукшин В. М. До третьих петухов // Шукшин В. М. Калина красная. – Красноярск, 1980. – С. 436–483.

Шукшин В. М. Калина красная / Шукшин В. М. Калина красная. – Красноярск, 1980. – С. 260–327.

Шукшин В. М. Печки-лавочки // Шукшин В. М. Калина красная. – Красноярск, 1980. – С. 198–259.

Шульгин В. В. Дни // Шульгин В. В. Дни. 1920. – М., 1989. – С. 73–282.

Юрьева Е. «И спина, и стена» // Советская Россия. – № 89. 21.08.10. – С. 2.

Примечания

1

Голить – здесь: водить в игре. – *Прим. ред.*

2

Разрядка здесь и в других цитатах наша.

3

Ср. эпизод американского фильма «День независимости» («The Independence Day»), в котором президент США «транслирует» мысли захваченного пришельца из космоса: «Они [инопланетяне] как саранча. Летают с планеты на планету всей стаей, а когда сожрут всё, что там есть, улетают». Впрочем, при глобализации «новые кочевники» вовсе не обязательно должны находиться на территории, которую грабят (т. е. «осваивают», невзирая на аборигенов и их интересы): это можно делать дистанционно – через мультимедийные сети и/или с помощью доверенных лиц из числа туземцев.

4

Кстати, установлено, что «неслучайно слав.*věkť (чеш. věs, рус. – цслав. вещь) этимологизируется как и.-е. *uektos/*uktos 'сказанное, изреченное' (вещь – это 'то, что можно назвать'), подразумевая в оппозиции то, чего нельзя назвать, неизреченное, т. е., видимо, высшие понятия» [Трубачёв 1988: 10].

5

Ср.: «Когда убили женщину-журналиста, нация **вздрагнула, но не до конца**» [И. Хакамада. Новости. ТВ-6. 24.11.98].

6

Ср. детализированное писателем толкование: «Он ощущал себя именно "лузером", то есть не просто полным идиотом, а вдобавок к этому военным преступником и неудачным звеном в биологической эволюции человечества» [Пелевин 1999: 179–180].

7

Интересно в этом смысле очевидно ироничное противопоставление национально-ментально окрашенных типов: «Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина» [Толстой 1980, VI: 53].

8

Здесь: судебное дело (фр.). – *Прим. ред.*

9

Действительно, чем, по словам литературного персонажа, «было бы плохо евреям в Швейцарии, где первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы» [Бабель 1989: 115]?

10

Ср.: «Управление делами президента хочет отобрать *бренд* “Известия”, аргументируя это тем, что название учреждено 85 лет назад, а сегодня газета – в частной собственности» [24. Ren-TV. 07.03.02].

11

Ср.: «А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать всё священное, тогда как прежде и рта не смели открывать, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать» [Достоевский 1957, 7: 481].

12

Ср. более ранние квалификации: «российское телевидение, страдающее патологической западофилией» – и: «маниакальная западофилия российских либералов» [Поляков 2005: 306, 380].

13

А. П. Романенко употребляет этот термин в значении, предложенном Ю. В. Рождественским: «Этосом принято называть те условия, которые получатель речи предлагает ее создателю» (цит. по [Романенко 2003: 32]).

14

Шахрайство (укр.) – мошенничество, плутовство. –
Прим. ред.

15

Трудно сказать, присутствовала ли в этой фразе ирония (возможно, не замеченная самим адресантом), так как не установлена точная хронологическая приуроченность появления у существительного *семья* (*Семья*) [публ. и неодобр.] значения «ближайшее окружение Б. Н. Ельцина, сформировавшееся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления»; для справки здесь же сообщается: «На Сицилии “семьей” называют мафию» [ТССРЯ 2001: 715].

16

Впрочем, надо иметь в виду, что наиболее взыскательные к себе высококвалифицированные отечественные лексикографы издавна хорошо понимали уязвимость словарей как мишеней для критических замечаний. Так, П. Соколов писал: «...Трудившийся над составлением Церковно-Славяно-Российского словаря не считает нужным предварять просвещенную публику ни о достоинствах, ни о недостатках оногo. Первое откроется из употребления, а вторые более или менее неразлучны с сочинениями сего рода. Неоспоримым тому доказательством служат **все, без изъятия**, словари на разных языках и у разных народов изданные, которые, сколько бы раз ни были издаваемы, всегда подвергаются поправкам, прибавлениям и даже переделкам, так что полноте и совершенству их никакого предела положить не можно» [Соколов 1834, 1: I].

17

См. ранее: *идеологема* – единица семантического описания социально-классового аспекта языка. Одно и то же слово может относиться к разным идеологемам (например, *красные, социализм* и под. (см.: Нойберт А. К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики // Актуальные проблемы языкознания в ГДР: Язык – идеология – общество. – М., 1979. – С. 48–69).

18

Культуры, которую всячески пытались изжить духовные предтечи перестройщиков-реформаторов. Один из них, В. Блюм, писал в 1925 г. по поводу содержания музыкальных радиопередач: «...Нужно ли эту стотысячную аудиторию так глушить чайковщиной... Традиционное беспробудное народничество совершенно безнаказанно тут “правит бал”... Высшая похвала композитору – провозглашение “национальности”, “самобытности” его музыки. Даргомыжский, оказывается... “был один из первых, положивших начало русскому направлению в национальной русской музыке”... Ведь это же устарелый, вопиющий вздор...» (цит. по [Булгаков 1989: 121]).

19

«Разгромлены три фашистских государства, а зреют новые, в другом обличье, под другими политическими лозунгами. Но везде одно и то же: какие-то господствующие классы, группы, слои, как там их не называйте, захватившие право подавлять мнения и желания всех остальных, навязывать им под видом

законов и политических программ низкий уровень жизни, чинить любой произвол» [Ефремов 1988, 4: 264] (этот роман создавался в 1959–1963 гг.).

20

«Еще не доказано, что философия может быть полезной, а вред от нее возможен» (П. А. Ширинский-Шихматов, 1850).

21

«Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское... И что такое смягчает в нас цивилизация? Цивилизация выработывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше. А через развитие этой многосторонности человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение... ..Самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которым все эти разные Атиллы и Стеньки Разины иной раз в подметки не годились...» [Достоевский 1956, 4: 151].

22

«Когда я был студентом..., один из старых профессоров... сказал нам раз и навсегда: "*Мышление* говорят те, у кого *мóзги*, а *мышлéние* – те, у кого *мозги*"... *Мóзги* – это ведь что-то совсем из другой "оперы". К голове отношения не имеют» [Колесов 2004б: 14].

23

Ср.: «*приоритет* – `первенство в каком-л. открытии, изобретении и т. п.; преобладающее, первенствующее значение чего-л.'» [СИС 1979: 409].

24

Meiningsfreiheit (нем.) – свобода слова. – *Прим. ред.*

25

Интересно, что в российском официозе ссылки на опыт неких «цивилизованных государств» (без объяснений, что это такое и насколько возможно государство, *не* цивилизованное вообще) постоянно присутствуют по сей день. Особенно часто это случается при объявлении новых «непопулярных мер» (то есть в очередной раз снижающих и без того невысокий уровень благосостояния большинства населения). Опыт перестроечно-реформаторских новаций, кажется, не включает в себя тех мер, которые можно было бы именовать «популярными» – если таковые и предлагаются кем-то, то немедленно получают ярлык «популистских» (читай: плохих).

26

Ср.: «*демократия* – 1) форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и **свобод**»; «*буржуазная демократия* – форма государственной организации, при которой формальное равенство политических прав и **свобод** всех граждан прикрывает

собой господство буржуазии над трудящимися» [МАС₂ 1981, 1: 385].

27

Не случайной в 1930–31 гг. следует считать и, казалось бы, не самую главную, но очевидно привычную для современников деталь так называемой «общественной жизни» советского учреждения, когда перечисляются стандартно-обязательные «ячейки добровольных обществ, имевшие своей целью споспешествовать развитию авиации, химических знаний, автомобилизма, конного спорта, дорожного дела, а также **скорейшему уничтожению великодержавного шовинизма**» [Ильф, Петров 1957: 501].

28

И. А. Бунин записывал в дневниках тогда: «23.VI.41... Заявление наступающих на Россию: это "la guerre sainte pour preserver la civilisation mondiale du danger mortel di bolchevisme" [фр. «святая война во имя спасения мировой цивилизации от смертельной угрозы большевизма»]... [30.VI.41]. Итак, пошли на войну с Россией: немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы (!) и румыны [перечень неполон. – А. В.]. И все говорят, что это священная война против коммунизма... [24.VIII.41]. С неделю тому назад немцы объясняли невероятно ожесточенное сопротивление русских тем, что эта война не то, что во Франции, в Бельгии и т. д., где имелось дело с людьми, имеющими "L'intelligence" [фр. «ум; разум, способность мышления, умственное развитие»], – что в России война идет с дикарями, не дорожащими жизнью, бесчувственными к смерти» [Бунин

1988, 6: 494, 501]. Кстати, здесь же: «[28.VIII.41]. Был Andre Gide... Тонок, умен – и вдруг: Tolstoy – asiatique».

29

Судя по ряду примеров, *мировое сообщество* в действительности весьма немногочисленно. Так, депутат Госдумы А. Митрофанов заявляет: «Россия меняет свою позицию в сторону большего сочувствия *мировому сообществу* и Соединенным Штатам [т. е. в пользу натовской вооруженной агрессии против Ирака. – А. В.]» [Сегодня. НТВ. 11.10.02]; «Только сейчас стала известна реакция *мирового сообщества* на пуск Северной Кореей ракеты “земля—море”. Япония, США, Южная Корея требуют объяснений» [Сегодня. НТВ. 25.02.03] и т. п.

30

«Ах, до чего всё-таки американцы народ острый! Сколько удивительных открытий, сколько великих изобретений они сделали! Пар, безопасные бритвы “Жиллет”, вращение Земли вокруг своей оси – всё это открыто и придумано американцами и отчасти англичанами» [Зощенко 1986, 1: 203].

31

Эти похвальные британские качества достаточно наглядно представлены в пьесе, персонажи которой именуют один и тот же политкоммерческий замысел по-разному, исходя каждый раз при выборе номинации из собственных интересов: «[Сэр Роберт Чилтерн]: ...Эта аргентинская затея – обыкновенное биржевое мошенничество. [Миссис Чивли:] Спекуляция, сэр Роберт! Смелая, блестящая спекуляция! [Сэр Роберт Чилтерн:] ...Чистейшее мошенничество. Будем называть

вещи своими именами. Это упрощает дело» [Уайльд 1987: 312]; когда же шантажистка напоминает товарищу министра внутренних дел, что и сам он достиг богатства и карьеры, продав государственную тайну биржевому спекулянту, оценочные коннотации меняются на прямо противоположные прежним: «[Сэр Роберт Чилтерн:] Это была просто спекуляция... [Миссис Чивли:] Это было мошенничество, сэр Роберт. Будем называть вещи своими именами. Это упрощает дело» [Уайльд 1987: 315].

32

Кстати, само словосочетание *мировое сообщество* внутренне довольно противоречиво: вероятно, это «цивилизованные государства» – такие, которые соответствуют стандартам американско-западноевропейского устройства общества.

33

По-видимому, в соответствии с канонами одной из мировых религий, запрещающей произносить вслух имя верховного божества.

34

Примерно так же СМИ в интересах фармацевтических и иных компаний (а также, вероятно, связанных с ними чиновников) осенью 2009 г. раздували истерию по поводу «свиного гриппа».

35

Последнее новшество может вызвать к жизни ситуацию вроде описанной М. Булгаковым в фельетоне «Электрическая лекция» (1924).

36

Немецкий писатель устами близкого ему персонажа отзывался о своих соотечественниках-нацистах так: «Это были первые автоматы автоматического века, которые опрокидывали законы психологии, до сих пор тесно переплетавшиеся с этическими законами. В созданном ими мире убивали без вины, без угрызений совести, без чувства ответственности, а убийцы были самыми уважаемыми гражданами... Немцы не нация революционеров. Они были нацией исполнителей приказов. Приказ заменял им совесть. В Германии это стало излюбленной отговоркой. Кто действовал по приказу, тот не нес никакой ответственности» [Ремарк 1989: 316, 399].

37

«Неприятие вызвали и формы проявления ими [т. е. американцами – хозяевами Олимпиады] патриотизма» [Мазнева 2002: 99]; ср.: «Американский патриотизм – это причина терактов. Многие государства не воспринимают этот патриотизм» (Эмма Бернгуист, учитель из США) [Новости. ТВК. 11.09.02]; возможно, что понятие патриотизма трактуется американцами чрезвычайно широко: ими поддерживается и то, что обычно называют шовинизмом, экспансионизмом и агрессивностью: «Говоря о необходимости военной акции против Ирака, Чейни заметил, что, **по его мнению**, его жители будут рады смене режима». [Вести. РТР. 27.09.02].

38

Между прочим, по мнению Уполномоченного по правам человека в РФ В. Лукина, «в некоторых законах

прописан совершенно непонятный механизм исполнения. Например, закон о терроризме. Там механизм исполнения есть, но в некоторых положениях он написан так общо и так двусмысленно, что под терроризмом можно понимать даже острую критику начальства» [Уполномочен и независим // РГ-Неделя. № 29. 11.10.10. С. 8]

39

«В Туркмении Сапармурат Ниязов объявил месяц январь месяцем Туркмен-баши [в честь самого себя]» [Зеркало. РТР. 18.01.03].

40

Заслуживает внимания и иерархия памятных дат и праздников – видимо, по степени значимости, например: «23 февраля – годовщина сталинской депортации чеченского народа. В России 23 февраля отмечают еще и как День защитников Отечества» [ТСН. Ren-TV. 23.02.00] (правда, пока такое ранжирование официально еще не утверждено).

41

«Очевидный вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия во мнениях. “Аще царство на ся разделится” и пр.» [Прутков 1976: 138]. Этот проект «О введении единомыслия в России» сегодня назвали бы «национальным».

42

По поводу этого интересного открытия можно вспомнить суждение русского писателя: «Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не

тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» [Достоевский 1956, 4: 105]. Сегодня это вполне приложимо и к России.

43

Пример подобной гипертолерантности и сверхполиткорректности: заядлая либералка – сестра фермера, искавшего через газету «помощника по хозяйству», а попросту – батрака, в целях соблюдения «рабочего законодательства» и «справедливости» отклоняла предложения претендентов, которые не были неграми или женщинами [Гарднер 1981: 315]; в результате фермер так и трудился в одиночку.

44

«На свете вообще много чего не полагается, но что допускается» [Гашек 1956: 603].

45

Такое доверие американцев к своей судебной системе действительно известно издавна; высокая степень их цивилизованной законопослушности может быть иллюстрирована и документально регламентированной детской игрой: «Том достал листок бумаги, где у него была написана клятва, и прочел ее. Она требовала, чтобы все мальчики дружно стояли за шайку и не выдавали ее тайн; а если кто-нибудь обидит мальчика из нашей шайки, то мальчик, которого назначат убить обидчика и всех его родных, не должен ни есть, ни спать, пока не убьет их всех и не вырежет у них на груди крест – знак нашей шайки. **И никто из посторонних не имеет права ставить этот знак, только те, кто принадлежит к шайке; а если кто-нибудь поставит,**

то шайка подаст на него в суд; если же он не послушается и опять поставит, то его убьют» [Твен 1978а: 219].

46

Кстати, пример из практики толерантных правоохранителей: «Английские полицейские отказались от преследования похитителей трех дорогих мотоциклов, так как угонщики были без шлемов и могли пострадать в результате погони. Начальство одобрило действия (бездействие) своих подчиненных: ведь человеческая жизнь дороже мотоцикла» [Афонтово. 24.08.10].

47

«– А в Америке как?

48

Еще 4 октября 2007 г. Парламентская ассамблея Совета Европы одобрила резолюцию № 1580/200, рекомендующую правительствам государств – членов СЕ не допускать преподавание креационизма как науки. Такая решительная позиция аргументируется, в частности, тем, что «существует реальная угроза путаницы в головах учеников между тем, что относится к убеждениям, верованиям и разного рода идеалам, и тем, с чем имеет дело наука. Установка “все вещи равны” может казаться привлекательной и **толерантной**, но в действительности является опасной» [Резолюция Совета Европы против креационизма / пер. Н. Барановой // ЯЛИК. № 80. Янв. 2010. с.3]. Для РФ это особенно актуально в связи с церковной экспансией в сферу образования (что уже само по себе – нарушение действующей конституции).

49

Может быть, отсюда – и выбор именованья общероссийской массовой организации, учрежденной в мае 2011 г. для достижения конкретной цели.

50

«Жизненное пространство на Востоке» – термин национал-социалистической пропаганды. – *Прим. ред.*

51

«Перенести в пространство» (нем.) Князь Андрей реагирует на невольно услышанную им фразу немецкого офицера: «Война должна быть перенесена в пространство». – *Прим. ред.*

52

Ср. довольно характерный для определенных российских слоев диалог между юристами М. Барщевским и В. Платоновым: «“А ты не считаешь, что понятие *национальности* в России – это несколько **придуманная вещь?**” – “Я даже знаю кем. **Большевиками**”» [Закон не местного значения // РГ-неделя. № 39. 25.02.10. С. 8]. Кстати, далее В. Платонов (председатель Московской городской думы) заявляет: «Для себя я ставлю задачу сделать, как в США», по крайней мере, применительно к деятельности Ассоциации юристов России.

53

Распространение устойчивого словосочетания *правильный котёл*, обозначающего стирание национальных различий между разноплеменными иммигрантами в США, связывают с комедией английского

писателя, деятеля сионистского движения И. Зангвилла «The Melting Pot» (англ. «Плавильный котёл») 1908 г., в тексте которой дана дешифровка названия: «Америка... это огромный плавильный котел, в котором переплавляются и преобразуются все европейские национальности»; выражение это, по-видимому, встречалось и ранее. В 1976 г. президент США Джимми Картер заявил: «Мы уже не плавильный котел, а прекрасная мозаика» [Душенко 2006: 175].

54

Отметим несомненный прогресс – по сравнению даже с началом реформ: на заседании сессии Верховного Совета Российской Федерации 16.04.93 генеральный прокурор В. Степанков говорил о «разветвленной системе коррупции и злоупотреблений в органах власти... В России вся правоохранительная система не в состоянии вести борьбу с коррупцией и преступностью в высших эшелонах власти... Всевозможные реорганизации и частое дублирование западных моделей, которые привносятся в правоохранительную систему, приносят ей только большой вред» [Эхо Ельцингейта // Правда. № 75. 20.04.93. С.2]

55

С . м . :

<http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/nacionalnosti.doc>; <http://www.perepis-2010.ru/documents/acts/yazyki.doc>

56

И то, и другое – наименование цыган. – *Прим. ред.*

57

Ср. подобный этнографический изыск одессита Г. Остера, рассуждающего о некоей «русско-украинской ментальности» [Вести. РТР. 22.08.10].

58

В одной из телепередач осенью 2008 г. упомянутый персонаж был представлен уже как *российский предприниматель*.

59

Справедливо сказано по поводу т. н. «русской лени», что «это скорее предмет для разговора об особенностях и тенденциях русской автохарактеристики, нежели о константах национальной ментальности» [Фомин 2008: 93].

60

Также: «Что такое современный *русский киднэппинг?*» (анонс телепередачи «Заложники») [Неделя. Ren-TV. 14.05.11].

61

В этом случае можно предположить и некую игру слов; ср.: «*авторитет* – 1) 'общепризнанное значение, влияние'; 2) 'лицо, пользующееся признанием, влиянием'» [МАС₂ I, 1981: 23] – и: «*авторитет* – 'опытный вор, заслуживающий безусловного доверия большинства преступников, способный быть во главе преступной группировки'» [ТСУЖ 1991: 12]; «*авторитет* – 'жарг. обладающий властью, авторитетный среди

криминалитета член преступной группы'» [ТССРЯ 2001: 6].

62

Ср. в пассаже политкорректного (за исключением брезгливости к ленивым и бескультурным неимущим, кажется, олицетворяющим типично русские ментальные черты) творца бестселлеров: «И уж совсем неясно, отчего сей компот называется "Русь Великая". К **этническим россиянам** на нем относится лишь селянин с багетом, да и тот не в самом выигрышном положении» [Донцова 2010: 26]; *этнические россияне* – действительно «компот»...

63

Этот телеперсонаж заявляет: «...То, что я делаю, Ларри Кинг делает за 20 миллионов долларов в год, а Опра Уинфри – за 80. А я что?..» [Андрей Малахов: Пусть говорит! // РГ-Неделя. № 155. 15.07.10. С. 26].

64

См. подробно соответствующую главу нашей книги (с. 213–218).

65

Впрочем, остатки промышленности СССР эксплуатируются «эффективными собственниками» весьма активно – ср. аварию 2008 г. на Саяно-Шушенской ГЭС и т. п.

«Они [мигранты из стран СНГ] могут легче адаптироваться на территории как бы нашей» (А. Хлопонин) [РТР. 26.03.05].

Заметим попутно, что слово *холокост*, которое, как и слово *диаспора*, квалифицированные лингвисты считают лексическим иудаизмом эпохи эллинизма (а в плохом переводе с английского его значение определяют как «всесожжение») [Агафонова и др. 1998: 92], в постсоветское время употребляют весьма активно. Так, О. Соколова, директор музея холокоста, «училась в школе, в институте – и ни разу не слышала слова *холокост*. В нашей стране слова “*холокост*” вовсе не существовало. [Комментатор:] И до сих пор в наших учебниках истории нет слова “*холокост*”» [Вести. 26.01.00]. Это досадное упущение усиленно исправляют, причем слово *холокост* используется сугубо специализированно, применительно к представителям далеко не всех национальностей: «В синагоге на Поклонной горе открыт музей памяти жертв *холокоста* – жертв геноцида во время Второй мировой войны» [Доброе утро. ОРТ. 30.09.98]. «...Погибли **не только** евреи – десятки и сотни тысяч **другой** национальности» (А. Гербер, президент научно-просветительского центра «*Холокост*») [РТР. 04.05.97]. Правда, по ранее известной статистике число жертв нацистского геноцида измеряется многими миллионами, но получается, что они как бы не в счет. Ср.: «В Одессе было уничтожено 200 тысяч евреев; сколько русских, украинцев, греков и других – **неизвестно**» [Сегодня. НТВ. 20.04.05]. «Всё более привычным становится слово *холокост*, а ведь славян

было уничтожено почти в пять раз больше – 27 млн... **Специального термина**, обозначающего уничтожение славянских народов, пока не придумано» [Катастрофы недели. ТВ-6. 08.05.00]. Может быть, и потому, что, по мнению методистского священника Я. Кротова, Россия еще далека от покаяния за то, что «в ГУЛАГе, кроме тысяч русских [которые опять-таки не в счет. – А. В.], уничтожены тысячи евреев... **Во всем мире** эту трагедию называют *холокост*» [Новости. ТВ-6. 02.05.00].

68

Возможно, некоторыми речедеятелями в подобных случаях движет то же стремление подчеркнуть свою суперлояльность по отношению к новейшим идеологическим установкам, что и учителем с дореволюционным стажем из рассказа 1922 г.: «Извиняюсь, молодые товарищи... на сегодня вам задано... то есть я хотел сказать... предложено прочитать – реформы **бывшего** Александра I. Так, может быть, извиняюсь, кто-нибудь расскажет мне о реформах **бывшего** Александра I?.. Я, поверьте, молодые товарищи, с презрением говорю об императорах» [Зощенко 1986, 1: 123].

69

Впрочем, теперь «россияне» осчастливлены программой «десталинизации»...

70

Вынужденных исключений крайне мало: «Пока спасает *советский* запас прочности [военных вертолетов, выпущенных 30 лет назад и эксплуатируемых по сей день]» [Время. 1 канал. 28.10.08].

71

Близкая к этому инвективная импликатура: «Милиционер попадает в 70-е и оказывается **в жестокой советской** действительности» (анонс сериала) [7 канал – Ren-TV. 03.09.08].

72

См., впрочем, одну из весьма правдоподобных версий: «...Из Германии в темпе драпа, под президентское дирижирование сводным военным оркестром, вывели ударную полумиллионную группировку. Украли и продали техники и снаряжения на сотни миллионов долларов» [Веллер 1997: 74].

73

И не только в столице; например: «Дочь председателя Иркутского облизбиркома Анна Шавенкова сбила [на автомобиле] двух девушек; одна скончалась сразу, другая стала инвалидом... На видеозаписи видно, как водитель выходит из автомобиля, осматривает повреждения, звонит кому-то по телефону, не подходя к жертвам... Приговор суда: 3 года колонии-поселения с отсрочкой исполнения на 14 лет – пока ее сыну не исполнится 14» [Новости. Звезда. 17.08.10].

74

Ср.: «Вы, надеюсь, не будете спорить с тем, что, чем человек хитрее и бессовестнее, тем легче ему живется? <...> А легче ему живется именно потому, что он быстрее приспособливается к переменам... Существует такой уровень бессовестной хитрости... на котором человек предугадывает перемены еще до того, как они

произошли, и благодаря этому приспосабливается к ним значительно быстрее всех прочих. Больше того, самые изощренные подлецы приспосабливаются к ним еще до того, как эти перемены происходят... Все перемены в мире происходят исключительно благодаря этой группе наиболее изощренных подлецов. ...На самом деле они вовсе не предугадывают будущее, а формируют его, переползая туда, откуда, по их мнению, будет дуть ветер. После этого ветру не остается ничего другого, кроме как действительно подуть из этого места... Неужели вы думаете, что они не сумеют убедить всех остальных, что ветер дует именно оттуда, куда они переползли?» [Пелевин 2003: 53–54].

75

Об этом подробно сообщает российское правительственное издание; см.: Царев И. Дорогая моя // РГ-Неделя. № 102. 13.05.10. С. 11; Елков И. Семейные ценности // РГ-Неделя. № 108. 20.05.10. С. 4; Елисеев И. Добра палата // РГ-неделя. № 108. 20.05.10. С. 5; Дорогие жены // РГ-Неделя. № 114. 27.05.10. С. 11. Ср.: «...Всего год был дан, чтобы подготовиться к подаче деклараций [о доходах], и как-то получилось, что за этот год жёны почти всех чиновников стали очень талантливыми» [В чем сила, брат? // РГ-Неделя. № 118. 02.06.11] (интервью Н. Левичева, руководителя фракции «Справедливая Россия» в Госдуме).

76

Хотя некоторые «богатые и знаменитые» снисходят до признания своей исключительной даровитости и работоспособности. Например: «[К. Собчак:] Я всю свою карьеру делала сама. Большим трудом. Никто не

помогал. Никакая мама. Ни у кого я не просила» [Не хочу быть дипломатом // РГ-Неделя. № 108. 20.05.10. С. 26]. Наверное, так и есть...

77

«Я этой стране принес только радость и счастье. Я горжусь этим» (Б. Моисеев) [Утро России. РТР. 09.09.08].

78

«[К. Собчак:] Я очень люблю свою маму. И у меня очень хорошие с ней отношения... Она у меня тоже очень свободный человек, незакомплексованный. Я даже могу ей матом сказать» [Не хочу быть дипломатом // РГ-Неделя. № 108. 20.05.10. С. 27].

79

Ср. наблюдения Г. Котошихина о современных ему нравах Московской Руси XVII в., в царствование Алексея Михайловича: «В домах своих живут они смотря по чину и общественному весу каждого, вообще же без особенных удобств. Малочиновному приказному человеку нельзя построить хорошего дома: оболгут перед царем, что-де взяточник, мздоимец, казнокрад, и много хлопот наделают тому человеку, пошлют на службу, которой исполнить нельзя, инструкцию такую напишут, что ничего не поймешь, и непременно упекут под суд, а там – батоги и казенное взыскание, продажа движимого и недвижимого с публичного торга» (цит. по [Ключевский 1990, IX: 115]).

80

Сценарист Э. Володарский: «Мне активно не нравится картина Лунгина. Причем именно своим

содержанием. Какое сочувствие может быть к людям, которые обокрали всю страну? Только сейчас мы начинаем понимать, как проходила приватизация, как брались и не возвращались кредиты, как за считанные годы, чтобы не сказать месяцы, приобретались миллиардные состояния...» [Фабрика им. Володарского // РГ-неделя. № 114. 27.05.10. С. 26].

81

«[Первый солдат:] Если бы вам [Паролю] посчастливилось найти страну, где водятся настолько же покрытые позором девки, вы могли бы стать родоначальником племени бесстыжих» [Шекспир 1959, 5: 565]. Кстати, эталонный уровень нравственности *элиты* признаёт и церковь: «К участию в очередном Всемирном русском народном соборе (ВРНС)... приглашена скандально известная ведущая телепроекта "Дом-2" и по совместительству лидер молодежного движения "Все свободны" Ксения Собчак. С данной инициативой выступил... председатель Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин...: «Мы любим и уважаем Ксению Анатольевну Собчак, она очень умный человек...». В этом году Собор будет посвящен теме "Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества"» [«Дом-2» в храме Христа // СР. № 53. 25.05.10. С. 3].

82

Ср. ассоциативно точное определение пропагандистского штампа *перестройка* как «слова-заклинания» [Исаев 1991: 3].

Кстати, аналогичные факты и тенденции вовсе не ограничиваются Россией и определенными периодами отечественной истории; ср. у французской писательницы: «...Я слушала, как порозовевшие и подвыпившие месье, будучи в прекрасном расположении духа, мямлят с наслаждением тем большим, чем меньше они понимают смысл, слово "экзистенциализм"» [Саган 1992: 160]. Видимо, стремление употреблять «красивые» слова с туманными значениями не имеет ни государственных, ни временных пределов.

Небезынтересно соотнести разделенные десятилетиями суждения по поводу понятий, обозначаемых словом *реформа*, применительно к условиям разных социально-политических систем. Ср.: «Всемогущая власть здесь бессильна довести до конца и заранее задуманным способом даже маленькую *реформочку* в масштабах страны, если эта *реформочка* призвана повысить уровень организации общества, т. е. позитивна. Она одним мановением руки способна разрушить целые направления науки и искусства, отрасли хозяйства, вековые уклады и даже целые народы» [Зиновьев 1990, 2: 53] – и: «Порой для удобства разграбления народного хозяйства в исполнительную систему специально вводится фактор неустойчивости, например, в виде ежегодных *реформ*» [Расторгуев 2003: 456].

85

Эта зыбкость законодательной базы экономической деятельности «переходного периода» удачно подмечена и в литературно-художественном тексте: «Не было еще никакой приватизации, заводы и фабрики принадлежали государству. *Но при каждом уже вырастали какие-то кооперативы, какие-то ООО и прочие кровососущие паразиты...* Но **всё законно**. Может быть, **чуть-чуть незаконно. Самую малость**. Да ведь никто толком-то уже и понять не может, что законно, а что нет в “новых экономических условиях”» [Константинов, Новиков 2002: 146–147] (кстати, и законность приватизации иногда также вызывает некоторые сомнения).

86

«Новостной – содержащий общественно значимые новости, посвященный новостям» [ТССРЯ 2001: 513].

87

В этом легко убедиться, слушая внимательно, например, тексты официальных речей и телекомментариев реформаторского периода по поводу Дня Победы: отсутствуют прилагательное *советский*, словосочетания *Советский Союз, советский народ, Красная (советская) армия* и им подобные (обычно вместо них произносят *наш народ, наша армия, наша страна* и прочие семантически размытые формулировки). Ср.: «Товарищ министр обороны Российской Федерации! Войска московского гарнизона для парада в ознаменование 56-й годовщины победы [чьей? – А. В.] в Великой Отечественной войне построены» (репортаж о репетиции парада) [Время. ОРТ. 20.04.01]. «Самый

грандиозный залп тысячи орудий возвестил миру о победе [чьей? – А. В.] над фашистской Германией» [Доброе утро, Россия. РТР. 08.05.03]. «Празднование 60-летия победы [чьей? – А. В.] над фашизмом должно напомнить [кому? – А. В.] о решающей роли нашего народа [в чем? – А. В.] [Парламентский час. РТР. 30.05.04] и т. п. Неудивительно поэтому ни странные оговорки («трагедия, о которой нельзя забывать... 60 лет назад советские войска освободили Освенцим» (неужели это событие кто-то считает трагическим?) [Новости. 1 канал. 27.01.05]), ни еще более странные параллели («**как и 61 год назад...** на полевой кухне **дружно празднуют победу** солдаты вермахта и Красной Армии» (о военно-исторической игре «Штурм Кенигсберга», В. Ситникова) [Сегодня. НТВ. 10.04.06]).

88

Удивительно, но другой телеканал сообщил о том же военно-морском событии в формулировках, куда более близких историческим фактам: «На борту “Вильгельма Густлова” было 6740 человек по судовому списку, но их было от семи до десяти тысяч – 80 экипажей для новейших немецких подлодок... Во время войны “Густлов” был превращен в учебную базу немецкого подводного флота... Маринеско отправил под воду целую немецкую дивизию. Они [такие суда, как «Густлов»] были боевые немецкие корабли» [Новости. 1 канал. 05.05.05].

89

Занятно, что, по мнению российских тележурналистов, и за рубежом теперь принят этот славный праздник; так, рассказывая о драке берлинской

молодежи с полицией, корреспондент заметил: «Немецкие демонстранты очень бурно отмечают Праздник весны и труда» [Сегодня. НТВ. 01.05.06].

90

Ср. также: «В Праге [26.09.00] немыслимые волнения против сессии Всемирного банка и глобализации капитала. Вот тебе и бархатная революция!. Демонстранты, собравшиеся из разных стран, видят в этой глобализации путь к обнищанию трудящихся. По сути, это еще и движение против еврейского капитала, который стремится стать интернациональным» [Есин 2002: 549].

91

Ср. реакцию на теленовости литературного персонажа – «простого американца»: «Последние известия – с одного на другое перескакивают, ну прямо цирк какой-то. И бестолковщина, как в брошюре про укрепление здоровья» [Гарднер 1981: 203]. Однако, как видим, векторы манипулятивных тенденций обнаруживаются довольно четко.

92

«Информационное агентство может, формально соблюдая требование беспристрастности, выразить свою позицию, сформировать у потребителя информации определенное отношение к ней»; это подтверждается, в частности, сопоставительным анализом текстов сообщений трех ведущих российских агентств [Лашук 2002].

Шолнеры – то же, что шарниры. – *Прим. ред.*